ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

Р 32/24

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

ДО 33-го ТОМА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

У 555/5

Том сорок пятый.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Франция Фуганок.

Lexicographis secundus post Herculem labor
(*Скалигер*).

XXVII-6554

Редакция и экспедиция „Русского Библиографического Института Гранат":
Москва, Тверской бульвар, 25.


2007044808

В виду того, что 46-й том был выпущен раньше, а размеров одного тома оказалось недостаточно для того, чтобы вместить материал на буквы Ф, Х, Ц и начало Ч, — 45-й том будет подразделен на несколько томов, которые будут именоваться соответствующими частями 45-го тома.

Главлит № 71.616. Тираж 6.000.

Гос. тип. имени Ивана Федорова. Ленинград, Звенигородская 11

ВАЖНЕЙШИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ,

ПОМЕЩЕННЫЕ В XLV ТОМЕ, ЧАСТЬ I.

Столб.

Франция (окончание) 1

История (гл. IX—XIX)

IX. Революция — *П. А. Кропоткина* 1

X. Итоги революции. Эпоха Директории — проф. *В. А. Бутенко* 162

XI. Революционные войны — проф. *А. П. Верховского* 170

XII. Эпоха Консульства и Первой империи — проф. *В. А. Бутенко* . . . 202

XIII. Наполеоновские войны — проф. *А. А. Свечина* 216

XIV. Эпоха реставрации — проф. *В. А. Бутенко* 228

XV. Июльская монархия — *его же* 241

XVI. Вторая республика — *его же* 252

XVII. Вторая империя — *его же* 260

XVIII. Коммуна — *Н. К. Лебедева* 273

XIX. Третья республика — *Н. С. Русанова* 288

Историография — проф. *Н. И. Кареева* 390

Французское право — проф. *П. П. Люблинского* 418

Французская литература — проф. *А. А. Смирнова* 436

Французское искусство — проф. *И. Э. Грабаря* 497

Французская музыка — проф. *Л. Л. Сабанеева* 573

Фребелизм — *Г. К. Вебера* 595

Фребель — *его же* 599

Фрейдизм — проф. *В. А. Гиляровского* 610

Фридрих II Гогенштауфен — проф. *А. К. Дживелегова* 628

Фриз, Гуго — акад. *С. Г. Навашина* 639

ТЕКСТОВЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

Стр.

Хронология Франции 320/321

Статист. таблицы по хозяйств. развитию Франции 352/353

Конституция Франции — проф. *М. А. Рейснера* 432/433

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРОДУКЦИИ:

Французское искусство:

Реймский Собор 360/361
Скульптура Шартрского собора 368/369
Пьер Леско (1515—1578), Лувр 384/385
Жан Анж Габриэль (1698—1782), Малый Трианон 400/401
Жан Гужон (ок. 1510—ок. 1568), «Диана» (Париж, Лувр) 408/409
Франсуа Клуэ (ок. 1510—ок. 1572), «Елизавета Австрийская» (Париж, Лувр) . 416/417
Гиасент Риго (1659—1743), «Людовик XIV» (Версальская галлерея) 424/425
Никола Пуссен (1594—1665), «Триумф Нептуна и Амфитриты» (Ленингр., Эрмит.) 440/441
Клод Лоррен (1600—1682), «Полдень» (Ленинград, Эрмитаж) 448/449
Антуан Ватто (1684—1721), «Танец» (Потсдам) 456/457
Жан Батист Грёз (1725—1805), «Чтение письма» (Лондон, колл. Ротшильда) . 464/465
Франсуа Буше (1703—1770), «Пастораль» (Париж, Лувр) 472/473
Оноре Фрагонар (1732—1806), «Этюд» (Париж, Лувр) 480/481
Жак Луи Давид (1748—1825), «Г-жа Ришмон с дочерью» 488/489
Огюст Родэн (1840—1917), «Данаида» (Париж, Люксембургский музей) 496/497
Теодор Жерико (1791—1824), «Гвардейский егерь» (Париж, Лувр) 504/505
Пьер Прюдон (1758—1823), «Похищение Психеи» (Париж, Лувр), ... 512/513
Жан Огюст Доминик Энгр (1780—1867), «Портрет г-жи Сенонн» (Музей в Нанте) 520/521
Жан Батист Камиль Коро (1796—1875), «Пейзаж» Москва, Муз. Изящн. Искусств) 528/529
Теодор Руссо (1812—1867), «Опушка леса в Фонтенебло» (Париж, Лувр) . . . 536/537
Жан Франсуа Милле (1814—1874), «Сеятель» (Музей в Брюсселе) 544/545
Эдуард Манэ (1832—1883), «Олимпия» (Париж, Лувр) 552/553
Клод Монэ (1840—1826), «Парижский Бульвар» (Москва, Муз. Нов. Зап. Живоп.) 560/561
Поль Сезан (1839—1906), «Натюр-Морт» (Москва, Музей Нов. Зап. Живописи) 568/569

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

NB (*Просят исправить в тексте*)

Том	*Столб.*	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
XLII	577	18 сн.	бараб. перепонке;	бараб. полости;
XLIII	286	9 св.	в Саратов после того, как	в Саратов. После того, как
»	»	12 св.	Александра II. Сношения	Александра II, сношения
»	289	25 сн.	одни женские цветки	одни соцветия
XLIV	272	27 сн.	пальметта Веры	пальметта Верье
»	273	23 сн.	(японск. *Тай-Вань*)	(китайск. *Тай-Вань*)
XLV ч. I	342	11 св.	75%	55%

Пропущено

XLIII 466 25 св. **Физическое тело,** см. *тело физическое.*

XLIV 451 10 св. **Франко-русский союз,** см. *четырехлетняя война,* XLVII, 45 сл.; *Россия — внешняя политика;* ср. также *система вооруженного мира.*

В ст. Н. А. Морозова о В. Н. Фигнер (*см.* XLIII, 284) допущена, к сожалению, крупная ошибка: говорится, что „партизан 1812 г. Фигнер был двоюродным братом ее деда", но в автобиографии, напечатанной в XL т. Словаря (прил. „Революционные деятели 70-80 гг.", 458), В. Н. определенно оговаривает, что предположение о родстве ее отца с партизаном А. С. Фигнером лишено основания.

ТОМ СОРОК ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Франция — Фуганок.

ФРАНЦИЯ.

IX. Революция. Два главных течения подготовили и совершили французскую революцию. Одно из них, наплыв новых понятий относительно политического переустройства государства, исходило из буржуазии. Другое, элемент действия, исходило из народных масс: крестьянства и городского пролетариата, стремившихся к непосредственному и осязательному улучшению своего экономического положения. И когда эти два течения встретились и объединились в виду одной, вначале общей им, цели и на некоторое время оказали друг другу взаимную поддержку, наступила революция.

Французская революция, как и английская, произошла в тот момент, когда буржуазия, обильно черпавшая свои мысли из философии своего времени, дошла до сознания своих прав, создала новый план политического устройства и, сильная своими знаниями, готовая к упорной работе, почувствовала себя способной взять в свои руки управление, вырвав его из рук аристократии, которая своей неспособностью, легкомыслием и расточительностью вела государство к полному разорению. Но буржуазия и интеллигентные классы сами по себе ничего бы не сделали, если бы, благодаря различным условиям, не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы целым рядом восстаний, длившихся четыре года, возможность недовольным элементам средних классов бороться с королем, двором и бюрократиею, низвергнуть старые учреждения и совершенно изменить политический строй государства.

Открытие Генеральных Штатов было назначено на 27 апреля 1789 года. Выборы внесли большое оживление в деревни и возбудили много надежд. Влияние помещика чувствовалось, правда, повсеместно; но как только в деревне оказывался какой-нибудь буржуа, врач или адвокат, читавший Вольтера или хотя бы брошюру Сийеса (*см.* XXXIX, 99), как только находился какой-нибудь ткач или каменщик, умевший читать и писать, хотя бы только печатными буквами, — картина менялась, и крестьяне спешили занести на бумагу свои *жалобы*. Правда, эти жалобы ограничивались большею частью второстепенными предметами, но почти повсюду проглядывает (как это было и в немецком крестьянском восстании 1525 года) требование, чтобы помещики *доказали свои права* на феодальные привилегии.

Представив свои наказы, крестьяне стали терпеливо ждать. Но медлительность созыва Генеральных Штатов возмущала их, и как только кончилась ужасная зима 1788—89 года, как только выглянуло солнце, а с ним явилась и надежда на будущий урожай, бунты возобновились, особенно по окончании весенних полевых работ.

В конце зимы (в марте и апреле 1789 г.) мы находим в докладах интендантов упоминание о голодных бунтах и о захватах хлебного зерна в целом ряде городов: в Орлеане, в Коне, в Рамбулье, в Жуйи, в Пон-Сен-Максансе, в Брэ-на-Сене, в Сансе, в Нанжи, в Вирофле, в Монлери и т. д. В других местностях той же области, в лесах вокруг Парижа, крестьяне начали в марте уничтожать зайцев и кроликов: даже леса, принадлежавшие аббатству Сен-Дени, и те рубились, и срубленные деревья увозились на глазах у всех.

Понятно, что при таких условиях Париж не мог оставаться спокойным.

Голод свирепствовал в окрестностях столицы, как и повсюду; в самом Париже, как и в других больших городах, не хватало припасов, а наплыв бедняков, ищущих работы, все усиливался, особенно в предвидении крупных событий, приближение которых чувствовалось всеми. Париж жадно набрасывался на революционные брошюры, которых каждый день выходило по десяти, по двенадцати и по двадцати, и они быстро переходили из рук богатых в руки самого бедного населения. Брошюра Сийеса, „Что такое Третье Сословие?“, „Соображения о нуждах Третьего Сословия“ Рабо де Сент-Этьена, несколько окрашенная социализмом, „Права Генеральных Штатов“ д'Антрэга и сотни других, менее известных, но часто еще более резких, читались нарасхват. Весь Париж страстно негодовал против двора и дворянства, и именно в беднейших рабочих кварталах, в самых жалких кабачках городских предместий буржуазия скоро начала вербовать руки и пики, нужные ей, чтобы нанести удар королевской власти. 27 апреля вспыхнуло движение, которое впоследствии получило название „Ревельоновского дела“ и явилось как бы предвозвестником знаменитых революционных дней.

27-го апреля был день созыва избирательных собраний в Париже; и, повидимому, во время составления наказов в предместьи Сент-Антуан произошло какое-то столкновение между буржуа и рабочими. Рабочие выставили свои жалобы, буржуа ответили им грубостями. Особенно выделился своею наглостью некто Ревельон, собственник бумажной и обойной фабрики, сам когда-то бывший рабочим, но сумевший, при помощи ловкой эксплоатации, стать хозяином фабрики, на которой теперь работало до 300 рабочих. То, что он говорил, много раз пришлось слышать впоследствии: „Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы; белый хлеб не для него“, и т. д. Народ, раздраженный сопротивлением и словами богатого фабриканта, стал носить по улицам его чучело, чтобы судить его и сжечь на Гревской площади. Но с наступлением вечера толпа рассеялась. На следующее утро, 28-го, толпа явилась к фабрике Ревельона и принудила рабочих бросить работу; затем она взяла приступом самый дом Ревельона и разграбила его. Явились войска, но народ сопротивлялся, бросая из окон и с крыш что попало: камни, черепицы, мебель. Тогда войска стали стрелять, а народ ожесточенно защищался в течение нескольких часов. В результате оказалось 12 убитых и 80 раненых солдат, а со стороны народа—200 убитых и 300 раненых. Рабочие завладели трупами своих убитых братьев и понесли их по улицам предместья.

С этого времени парижский *народ* проявляет свой революционный дух, зарождающийся в рабочих слоях предместий. Рядом с садами Пале-Рояля, которые стали революционным клубом буржуазии, вставали рабочие предместья — центры народного восстания. С этого момента Париж становится очагом революции, и взор Генеральных Штатов, имеющих собраться в Версале, будет обращен с надеждою к Парижу. В нем будут они искать той силы, которая поддержит их и будет толкать их вперед в борьбе за выставленные ими требования против козней двора.

Общественное мнение во Ф. требовало, чтобы в Генеральных Штатах третьему сословию было предоставлено двойное число мест, и чтобы голосования происходили по числу депутатов, а не по сословиям. В этом направлении высказались уже провинциальные собрания (т. е. провинциальные земства). Но Людовик XVI и Неккер воспротивились этому и даже созвали (6 ноября 1788) второе Собрание Нотаблей, которое — они надеялись — отвергнет и двойное представительство третьего сословия и поголовное голосование. Нотабли так и поступили, но и это ничему не помогло. Благодаря провинциальным собраниям, общественное мнение было уже так настроено в пользу третьего сословия, что Неккер и двор были всё-таки вынуждены уступить. Третье сословие получило двойное представительство, т. е. оно имело право на столько же представителей, как духовенство и дворянство вместе взятые.

4-го мая 1789 года тысяча двести народных представителей, собравшись в Версале, присутствовали в церкви св. Людовика на молебне по случаю открытия Генеральных Штатов, а на другой день король, в присутствии многочисленной публики, открыл заседание.

Гражданская война уже ясно намечается в этом первом заседании, где король, окруженный дворянами, обращается к третьему сословию, как повелитель, и попрекает его своими „благодеяниями". Истинные желания короля обнаружил в своей речи хранитель печати, Барантэн, настаивавший, главным образом, на том, какою ролью должны ограничиться Генеральные Штаты. Они будут обсуждать налоги, которые им предложат, они займутся пересмотром гражданских и уголовных законов, выработают закон о печати, которую необходимо обуздать, в виду вольностей, присвоенных ею за последнее время. Вот и все. Не нужно опасных реформ. „Справедливые требования удовлетворены; король не захотел обращать внимания на слишком нескромные выражения недовольства и соблаговолил отнестись к ним снисходительно; *он простил даже выражение тех ложных и крайних взглядов, под прикрытием которых стремятся ввести опасные химеры взамен незыблемых принципов монархии. Вы, господа, отвергнете с негодованием эти опасные нововведения*".

Вся борьба последующих четырех лет заключается в этих словах. Король совершенно не понимал глубокой серьезности момента. Он предоставлял королеве и принцам вести их интриги, с целью помешать тем уступкам, которых от него требовали. Но и Неккер также не понимал, что дело шло не только о финансовом, но и о глубоком политическом и социальном кризисе, и что при таких условиях политика лавирования между двором и третьим сословием неизбежно окажется гибельной; что, если еще не поздно предотвратить революцию, то нужно, по крайней мере, выступить с открытой политикой уступок в вопросах управления и поставить, хотя в общих чертах, существенный вопрос — вопрос земельный, так как от него зависит нищета или благосостояние целого народа.

Что касается самих представителей, то ни оба привилегированные сословия, ни третье сословие также не понимали всей глубины стоявшей перед Ф. задачи. Дворянство мечтало вновь приобрести влияние на монарха; духовенство заботилось исключительно о сохранении своих привилегий; а третье сословие, хотя и понимало, что нужно делать для завоевания буржуазиею политической власти, не замечало, однако, что на очередь поставлен еще другой, неизмеримо более важный вопрос: вопрос о передаче земли крестьянам, с тем, чтобы, владея этою землею, освобожденною от тягостных феодальных платежей, они могли бы удвоить и утроить производительность Ф. и, таким образом, положить конец хроническому голоду, убивавшему силы французского народа.

В течение пяти следующих недель депутаты третьего сословия пытались путем переговоров склонить депутатов двух других сословий к тому, чтобы заседать вместе,—в то время как роялистские комитеты агитировали, чтобы удержать разделение между сословиями. Переговоры ни к чему не приводили. Но, тем временем, поведение народа в Париже становилось все более и более угрожающим. Пале-Рояль, превратившийся в клуб на открытом воздухе, куда все имели доступ, возбуждался все больше и больше. Ораторы, обращающиеся с речами к толпе, стоя на стульях около кафе, уже начинают говорить о том, чтобы захватить дворцы и замки. Слышатся уже угрозы террора, а в Версале, у дверей Национального Собрания, каждый день собираются толпы народа, чтобы демонстрировать против аристократов. Депутатов третьего сословия поддерживают. Мало по малу они становятся смелее и, наконец, 17-го июня они объявляют себя, по предложению Сийеса, *Национальным Собранием*. Это был первый шаг к упразднению привилегированных классов, и парижский народ приветствовал его шумными овациями. Набираясь еще больше смелости, Собрание постановляет тогда, что существующие

*

налоги, как неустановленные законом, будут взиматься лишь временно, и только покуда заседает Собрание. Как только оно будет распущено, народ не обязан будет больше платить налоги. Назначается продовольственный комитет для борьбы с голодом. После чего Собрание поспешило успокоить капиталистов, торжественно признав и утвердив государственный долг. Акт, очевидно, в высшей степени благоразумный в такой момент, когда главное было просуществовать, и когда нужно было обезоружить такую силу, как заимодавцы-капиталисты, которые стали бы весьма опасными, если бы они перешли на сторону двора.

Но все это значило итти наперекор королевской власти. Поэтому принцы (герцог Артуа, герцог Конде и герцог Конти), в сообществе с хранителем печати, стали готовить государственный переворот. В намеченный ими день король должен был торжественно отправиться в Собрание, отменить все его постановления, предписать разделение сословий и сам указать несколько реформ, которые должны провести сословия, заседая порознь.

20-го июня депутаты третьего сословия, ободряемые все более угрожающим поведением парижского и даже версальского населения, решили воспротивиться проектам роспуска Собрания и для этого взаимно связать себя торжественною клятвою. Найдя свою залу закрытою, в виду происходивших в ней приготовлений к королевскому заседанию, они отправились процессиею в первую попавшуюся частную залу—в залу Jeu de Paume. Толпа народа сопровождала эту процессию, когда она, с Бальи во главе, проходила по улицам Версаля. Солдаты-добровольцы предложили свои услуги для ее охраны. Энтузиазм окружавшей их толпы увлекал депутатов.

Придя в залу Jeu de Paume, взволнованные и потрясенные, они все, за исключением одного, в благородном порыве торжественно присягнули, что не разойдутся до тех пор, пока не выработают конституцию для Ф.

Королевское заседание, на котором должны были совершиться великие дела, произошло на другой день, 23-го июня. Его целью было—показать Генеральным Штатам, что они вовсе не та сила, какою они себя считают: что королевская власть существует попрежнему, что Генеральные Штаты не могут ничего изменить в ее правах, и что привилегированные сословия—дворянство и духовенство—сами определят, какие они расположены сделать уступки в видах более справедливого распределения налогов. Король отменил все постановления Собрания, т. е. собственно третьего сословия. Он велел сохранить разделение на сословия и их заседания порознь. Самым важным пунктом королевской речи — так как он оказался центральным пунктом всей революции—было заявление короля относительно *неприкосновенности феодальных прав.* Он объявлял *абсолютно и на веки ненарушимою собственностью* десятину, чинш, ренту и все помещичьи феодальные права! Благодеяния, которые будут оказаны народу, *будут оказаны самим королем* и будут состоять в следующем: отмена натуральных повинностей (уже в некоторой степени отмененных), права „мертвой руки“ и феодального, т. е. крепостного, подданства; ограничение права охоты; замена жребия при вербовке в войска правильным рекрутским набором; уничтожение слова *подушные* и организация земского самоуправления. Все это должно было оставаться в форме одних обещаний или даже простых заголовков реформ, потому что содержание этих реформ, сущность этих изменений предстояло определить впоследствии, а сделать это, очевидно, было невозможно, не нарушая привилегий двух высших сословий. Король грозил Генеральным Штатам роспуском, в случае неповиновения. Пока же он повелел депутатам разойтись.

Дворянство и духовенство повиновались и оставили залу, но депутаты третьего сословия остались на своих местах. Тогда-то Мирабо произнес свою прекрасную и знаменитую речь, в которой он сказал депутатам, что король—не больше как их уполномоченный, что источник их власти—в народе, и что, раз они принесли присягу, они не имеют права разойтись, не создав

конституции. „Находясь здесь по воле народа, они разойдутся только уступая силе штыков".

Это решение было принято при криках одобрения со стороны публики на хорах и двух- или трехтысячной толпы, окружавшей залу заседаний. Список имен тех трехсот депутатов третьего сословия, которые протестовали против этого решения и сплотились вокруг роялиста Малуэ, ходил по рукам в Париже, и народ собирался сжечь их дома.

Несомненно, что до известной степени замыслы двора сперва удались. После королевского заседания 23-го июня и приказа Собранию разойтись, дворянство устроило королю, а особенно королеве, овацию во дворце, и на другой день в общее заседание остальных двух сословий явилось всего 47 дворян. Только несколько дней спустя, когда разнесся слух, что сто тысяч парижан идут на Версаль, большинство дворян, посреди общего уныния, царившего во дворце по получении этого известия, решило присоединиться к духовенству, примкнувшему раньше, и третьему сословию. Но именно силы у двора уже не было. Еще в феврале Неккер вполне справедливо говорил, что никто больше не повинуется, и что даже в войске нельзя быть уверенным.

При таких условиях угроза короля оставалась пустым словом. Настроение народа было слишком грозно, чтобы двор осмелился прибегнуть к силе штыков, и тогда Людовик XVI воскликнул: „А впрочем, чорт с ними, пусть заседают!" Заседания третьего сословия происходили на глазах и под угрозами народа, сидевшего на хорах залы. Не будь этого давления народа на Собрание, наиболее смелым из депутатов третьего сословия — тем, о которых воспоминание осталось в истории — никогда не удалось бы победить упорство более робких.

А в Париже, между тем, народ открыто готовился к восстанию, в ответ на военный переворот, который подготовлялся двором против Парижа на 16-ое июля. На другой же день после королевского заседания, 23-го июня, в великом городе уже чувствовалось дыхание революции. Городская дума послала Национальному Собранию выражение своего одобрения, а Пале-Рояль обратился к нему с адресом, составленным в боевом тоне. Для народа, голодного и презираемого, в торжестве Собрания над дворцовою партиею блеснул луч надежды, и восстание являлось в глазах народа единственным средством добыть себе хлеб. Голод свирепствовал в Париже все больше и больше; даже плохой, желтой и горелой муки, которую оставляли обыкновенно для бедных, и той все время не хватало; а между тем народ знал, что в Париже и его окрестностях имеется достаточно хлеба, чтобы накормить всех, и бедняки приходили к мысли, что пока народ не восстанет, спекуляторы будут попрежнему морить его голодом.

А придворная партия, сплотившись вокруг королевы и принцев, решает одним ударом покончить с Собранием и усмирить народное брожение в Париже. Они собирают войска, стараются возбудить в них чувство привязанности к королю и королеве и открыто подготовляют разгон Собрания и военное усмирение Парижа. Тогда Собрание, почувствовав опасность, предоставляет свободу действия тем из его членов и его сторонников в Париже, которые предлагают „обращение к народу", т. е. призыв к народному восстанию.

Однако, в самый день соединения сословий, 27-го июня, после первой победы третьего сословия, Мирабо, до того времени взывавший к народу, резко отделился от него; он старался увлечь за собою и других представителей, предостерегая их против „помощников-бунтовщиков". В Собрании уже намечалась, таким образом, будущая программа жирондистов. Мирабо хотел, чтобы Собрание содействовало „поддержанию порядка, общественного спокойствия и власти законов и министров". Он шел даже дальше. Он хотел, чтобы Собрание сплотилось вокруг короля, потому что король желает добра, а если иногда и делает зло, то только потому, что его обманывают, что ему дают дурные советы!

И Собрание ему рукоплескало. „Дело в том, что вместо того, чтобы стараться свергнуть престол, *буржуазия уже*

стремилась стать под его защиту. Отвергнутый дворянством, *Людовик XVI нашел самых верных и самых заботливых служителей в среде общин,* на мгновение казавшихся такими непреклонными. Он переставал быть королем дворян и становился *королем собственников" (Луи Блан).*

К счастью, Париж не дремал. Пока Национальное Собрание спокойно принималось 10-го июля за продолжение прений о проекте конституции, парижский народ, к которому, наконец, обратились наиболее смелые и дальновидные деятели из буржуазии, готовился к восстанию. В предместьях передавали друг другу все подробности военного разгрома, который подготовлялся двором на 16-ое число; все было известно там — даже угроза короля удалиться в Суассон и отдать Париж в руки войска. И вот это громадное горнило, Париж, стало организоваться в своих „округах" (districts), чтобы противопоставить силу силе. „Помощники-бунтовщики", которыми Мирабо грозил двору, были, действительно, призваны на помощь: в темных кабачках предместий, бедный, одетый в лохмотья Париж совещался о средствах „спасти отечество" и вооружался как мог. Сотни агитаторов-патриотов—конечно, „неизвестных"—делали все возможное, чтобы поддержать агитацию и вывести народ на улицу. В тот самый день, когда парижский народ начал уже восставать, т. е. 8-го июля, Собрание поручило никому иному, как своему трибуну Мирабо, изложить почтительнейшую просьбу к королю, в которой Собрание ходатайствовало чтобы он убрал солдат. Просьба была написана в самых льстивых выражениях. В ней говорилось о том, как народ любит своего короля, как он благословляет небо за тот дар, который ему ниспослан в этой любви! И такие же слова, такую же мысль мы еще не раз встретим во время революции в обращениях народных представителей к королю.

Чтобы понять революцию, нужно не упускать из вида эти постоянные усилия имущих классов привлечь к себе королевскую власть и сделать себе из нее щит для охраны против народа.

25-го июня солдаты французской гвардии, покинув казармы, пили и братались с народом, который увлекал их за собою в разные кварталы города и ходил по улицам с криками: „Долой попов!" Между тем, парижские „округа", т. е. собрания выборщиков первой степени, которые продолжали сходиться и после выборов, правильно организовывались, особенно в рабочих кварталах, и принимали меры для боевого сопротивления Парижа. „Округа" находились между собою в постоянных сношениях, и их представители старались составить из себя род независимого городского управления, помимо буржуазной ратуши. 25-го июня, в собрании избирателей, Бонневиль уже призывал к оружию и предлагал избирателям составить „коммуну". На следующий день, после предварительного собрания в Музее на улице Дофин, представители округов отправились, наконец, на общее собрание в городскую ратушу. 1-го июля уже происходило их второе заседание. Так образовался тот „постоянный комитет", который потом заседал в день 14-го июля, и так создавалась революционная организация Парижа, сыгравшая впоследствии такую видную роль в дальнейшем ходе революции.

В Париже, 30-го июня, патриоты начали уже записываться в кафе Погребка (du Caveau), в виду восстания; а когда на другой день узнали, что де-Бройль назначен командующим войсками, население стало повсюду говорить и объявлять, что „если войска дадут хоть один выстрел, все будет *сожжено и разнесено"*... 2-го июля народный гнев направляется против герцога Артуа и семейства Полиньяков,— приближенных королевы. Их собираются убить, а их дома—разгромить. Собираются также завладеть всеми пушками, размещенными по Парижу. Сборища становятся все многочисленнее. 8-го июля в Париже среди двадцати тысяч безработных, которых правительство занимало земляными работами на Монмартре, разыгралась прелюдия к восстанию, а через два дня, 10-го, уже лилась кровь, и в тот же день народ начал жечь городские заставы. На Шоссе-д'Антен народ вос-

пользовался тем, что застава была сожжена, чтобы ввозить, не платя пошлины, разную провизию и вино.

Нетерпение принцев, уверенных в успехе своего переворота, ускорило удар, подготовлявшийся двором на 16-ое. Королю пришлось действовать, таким образом, не дождавшись прибытия новых подкреплений в Версаль.

Неккер был уволен 11-го.

Париж узнал об этом только на другой день, в воскресенье 12-го, около полудня. Отставку Неккера, которая должна была быть первым актом военного переворота, все уже ожидали. А так как с утра стали носиться зловещие слухи о подготовлявшихся двором избиениях в столице, то „весь революционный Париж" направился к Пале-Роялю. Там и получено было известие о высылке Неккера. Тогда Камилл Демулен, со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. И его крик: *„Нельзя терять ни минуты времени! К оружию!"* разнесся по всем предместьям. После обеда, громадная процессия с бюстами герцога Орлеанского и Неккера, обвитыми крепом (говорили, что герцог Орлеанский также выслан), двинулась через Пале-Рояль и улицу Ришелье к площади Людовика XV-го (теперешняя площадь Согласия). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французскою пехотою, гусарами и драгунами, под командой маркиза Безанваля. Но войска скоро оказались окруженными народом; они старались оттеснить толпу саблями и даже дали залп по народу; но, под давлением несметной, все растущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала их и разбивала их ряды, они вынуждены были отступить. Борьба началась. По всему Парижу бьют в набат, и предместья начинают ковать пики. Мало-по-малу население выходит на улицу вооруженное. Всю ночь люди из народа требуют у прохожих денег на покупку пороха. Все заставы на правом берегу, от предместья Сент-Антуан до предместья Сент-Онорэ, а также у предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, сожжены; съестные припасы и вино свободно, беспошлинно ввозятся в Париж. Всю ночь слышится набат, и буржуазия дрожит за свои имущества, потому что люди, вооруженные пиками и дубинами, ходят по городу, грабят дома некоторых врагов народа и спекуляторов и стучатся в двери богатых, прося хлеба и оружия. На другой день, 13-го, народ направляется прежде всего туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар, и осаждает его при криках: *Хлеба! Хлеба!* Нагружают пятьдесят две повозки, но хлеб не грабят, а везут его на центральный рынок, на площадь у ратуши, чтобы досталось всем. Туда же направляет народ и те припасы, которые беспошлинно ввозятся в Париж.

Между тем буржуазия, не теряя ни минуты, организовывала свою власть,— свое городское управление в ратуше и свою милицию. Как известно, выборы в Национальное Собрание были двухстепенные; но, после окончания выборов, выборщики третьего сословия, к которым присоединилось несколько выборщиков дворянства и духовенства, продолжали собираться, и, начиная с 27 июня, выборщики из разных избирательных округов собирались в ратуше, с разрешения официальных властей муниципалитета, т. е. городского „Бюро" и „министра города Парижа". Эти выборщики и взяли на себя организовать буржуазную милицию. Мы видели, что 1-го июля происходило уже второе их заседание.

12-го июля они образовали „постоянный комитет" под председательством городского головы Флесселя и решили, что каждый из шестидесяти избирательных округов Парижа выберет двести граждан, известных и способных носить оружие, которые образуют милицию в 12.000 человек для охраны общественной безопасности. В течение четырех дней предполагалось довести численность этой милиции до 48.000 человек, при чем комитет в то же время старался обезоружить бедный народ.

Таким образом, пока народ ковал пики и вооружался, пока он принимал меры, чтобы из Парижа не вывозили пороха, пока он захватывал муку и отправлял

ее на центральный рынок или на площадь Грэв; пока он 14-го июля строил баррикады, чтобы помешать королевским войскам вступить в Париж; пока он овладел оружием из Дома Инвалидов и толпою направлялся к Бастилии, чтобы заставить ее сдаться, — буржуазия заботилась о том, чтобы власть не ускользнула из ее рук. Она образовала буржуазную Парижскую Коммуну, которая старалась препятствовать народному движению.

С утра 14-го июля внимание восставшего парижского народа стало направляться на Бастилию; народ инстинктивно понял, что в планах подавления парижского восстания Бастилия должна была играть важную роль, и потому решил овладеть ею. В самом деле, было известно, что в западной части Парижа у двора имелось тридцать тысяч человек солдат, расположенных на Марсовом поле под начальством Безанваля; а на востоке точку опоры для нападающего на Париж войска представляла Бастилия, пушки которой были направлены на революционное предместье Сент-Антуан и на его главную улицу, а также на другую большую артерию—улицу Сент-Антуан, ведущую к ратуше (Hôtel de Ville), к Пале-Роялю и к дворцу Тюльери. Угрожающее значение Бастилии было, поэтому, очевидно.

14-го, с раннего утра, более или менее вооруженные толпы народа, загромождавшие улицы в течение всей предыдущей ночи, стали собираться на улицах, ведущих к Бастилии. Еще ночью разнесся слух, что королевские войска приближаются со стороны Тронной заставы к Сент-Антуанскому предместью, так что толпы народа направились в восточную часть города и баррикадировали улицы к северо-востоку от городской ратуши. Утром 14-го июля удачное нападение на Дом Инвалидов дало возможность народу вооружиться и добыть пушки. Что же касается до пороха, то народ еще накануне задержал тридцать шесть боченков, отсылавшихся в Руан; они были привезены в ратушу, и порох раздавался всю ночь вооружавшемуся народу. Все предместья, вооруженные отчасти ружьями, а главное пиками, молотами, топорами или просто дубинами, высыпали на улицу, массы народа толпились на площади Людовика XV, а также вокруг городской ратуши, Бастилии и на улицах между ратушею и Бастилией. Толпа наводняла прилежащие к Бастилии улицы и окружавшие крепость дворы. Между народом и инвалидами, стоявшими на крепостной стене, завязалась перестрелка. Вскоре первые подъемные мосты той внешней части Бастилии, которая называлась Передовою, были спущены—как это всегда бывает в таких случаях, благодаря смелости горсти людей. Тогда больше трехсот человек ворвались в губернаторский двор и побежали к двум другим подъемным мостам, малому и большому, служившим для перехода через широкий главный ров в самую крепость. Когда толпа наводнила губернаторский двор, защитники Бастилии стали стрелять по ней. Народ не отступал. Тогда комендант выбросил белый флаг. При известии, что Бастилия в руках народа, восторг овладел всем городом, при чем население сейчас же стало еще ревностнее заботиться о том, чтобы сохранить за собою свое завоевание. Переворот, задуманный двором, кончился полнейшею неудачею.

Так началась революция. Народ одержал первую свою победу.

Двором овладела паника. Полиньяки, принцы и многие другие аристократы, бывшие душою заговора и боясь доносов, поспешили бежать за границу. Король обещал при первой возможности отправиться вслед за эмигрантами; и с тех пор уже создался план бегства короля за границу, с тем чтобы вернуться во Ф. во главе немецких войск.

В сущности, 16-го июля все уже было готово к отъезду короля. Людовик XVI должен был доехать до Меца, стать там во главе войска и итти войною на Париж. Экипажи уже были запряжены, и их готовы были подать, чтобы увезти короля и королеву под прикрытием войск, расположенных между Версалем и немецкой границей. Но герцог Брольи отказался везти короля в Мец, а принцы слишком торопились убежать сами по себе. Тогда Людовик XVI, видя себя покинутым принцами и дворянством,

отказался от плана вооруженного сопротивления и решил поехать в Париж, в городскую ратушу, чтобы помириться там со своею столицею. Буржуазия постаралась сделать из этого посещения торжественный акт примирения между нею и королем, а Бальи *(см.)*, назначенный мэром Парижа, приколол к его шляпе трехцветную кокарду. В буржуазии стали даже поговаривать о том, чтобы поставить Людовику XVI-му статую на месте разрушенной Бастилии. Но народ отнесся ко всему этому весьма сдержанно и недоверчиво, и такое отношение не исчезло даже после посещения королем ратуши. Король буржуазии — сколько угодно, но не король народа!

Расстроивши все планы двора, Париж нанес королевской власти смертельный удар. А вместе с тем, появление на улицах самых бедных слоев народа в качестве деятельной силы революции придавало всему движению новый характер; оно вносило в него новые требования — требования равенства.

Тем не менее, если бы движение ограничилось одною столицею, то революция никогда не выросла бы до того, чем она стала впоследствии, т. е. до разрушения всего старого строя. Восстание в центре было, само собою, необходимо для того, чтобы нанести удар центральному правительству, чтобы поколебать его, чтобы обескуражить его защитников. Но для того, чтобы сломить силу правительства в провинции, на местах, чтобы уничтожить старый порядок в его правительственных отправлениях и в его экономических привилегиях, необходимо было широкое народное восстание в городах, местечках и деревнях. Такое восстание и произошло в июле в значительной части Ф.

Восстание крестьян, с целью уничтожения феодальных прав и возврата общинных земель, отнимавшихся у деревенских общин еще с семнадцатого века светскими и духовными помещиками, это — *самая сущность, истинная основа Великой революции.* На этой основе крестьянского и городского восстания разыгралась вся борьба буржуазии из-за политических прав. Без крестьянского движения никогда революция не получила бы того глубокого значения, какое она имела во Ф. Именно это широкое крестьянское восстание, начавшееся с января 1789 года (даже с 1788 года) и продолжавшееся с переменною силою целых пять лет, дало революции возможность выполнить ту громадную разрушительную работу, которой мы ей обязаны. Оно дало ей возможность заложить первые основы политической жизни, построенной на идее равенства; оно развило во Ф. республиканский дух, которого ничто впоследствии не могло убить, и оно дало возможность приступить в 1793-м году к выработке принципов аграрного коммунизма. Это восстание составляет, наконец, характерную черту французской революции в отличие от английской революции 1648—1657 годов.

Голод, несомненно, играл в крестьянских бунтах важную роль. Но главными двигателями их были: стремление к уничтожению занесенных в земельные описи феодальных повинностей, платившихся помещикам, и „десятины“, платившейся духовенству, а также желание захватить землю, когда-то принадлежавшую крестьянским общинам, но понемногу отнятую у них помещиками. Подобно городской буржуазии, отлично знавшей, чего она хочет и чего ждет от революции, крестьяне тоже отлично понимали свою цель: вернуть себе отнятые у общин земли и отменить все повинности, возникшие на почве феодального строя. Если и встречались нападения на самих помещиков, то это были единичные случаи, обыкновенно объяснявшиеся тем, что крестьяне считали того или другого помещика скупщиком, спекулирующим на голоде. Если помещик выдавал крестьянам земельные росписи и заявлял о своем добровольном отказе от феодальных прав, все обходилось мирно: росписи сжигали, в деревне сажали „майское дерево“, к ветвям которого привешивали разные эмблемы феодализма, и народ танцовал вокруг дерева. В противном же случае — если крестьяне встречали сопротивление, или если помещик или его управляющий обращались к властям, дело кончалось вооруженным нападением; тогда в замке

все бывало разгромлено, и сам замок часто поджигался. В Дофинэ было таким образом разграблено и сожжено тридцать замков; во Франш-Конте—около сорока; в Маконнэ и Божолэ — семьдесят два; в Оверни — всего девять; в Виенну а — двенадцать монастырей и пять замков. Заметим мимоходом, что в отношении политических убеждений крестьяне, повидимому, различия не делали и нападали на замки „патриотов" наравне с замками „аристократов".

Легко себе представить, какой ужас наводили на всю страну эти восстания, и какое впечатление производили они в Версале. Под влиянием этого ужаса Национальное Собрание и собралось вечером 4-го августа с намерением обсудить меры для подавления бунтов, а кончило тем, что провозгласило, в принципе, уничтожение феодальных прав.

Ночь 4-го августа — одно из великих событий революции. Заседание открылось чтением проекта заявления, протестующего против крестьянских бунтов. „Собственность всякого рода подвергается, повидимому, самому преступному разбою", говорил комитет докладов. „Повсюду поджигают замки, разрушают монастыри, грабят фермы. Налоги, повинности, платимые помещикам—все уничтожено. Законы бессильны, власть судей не существует"... Собранию предлагалось выразить бунтовщикам сильное и строгое порицание и громко призвать их к уважению собственности,—феодальной или иной, *каково бы ни было ее происхождение*,— до тех пор пока Собрание не разрешит вопроса о феодальных правах законодательным порядком. Собрание намеревалось, в виду этого, просить короля, чтобы он принял против бунтовщиков суровые меры. Об этом уже поднимался вопрос накануне, 3-го августа. Но за несколько дней до того небольшая группа дворян, из наиболее передовых и дальновидных, — виконт де-Ноайль, герцог д'Эгильон, герцог Ларошфуко, Александр Ламет и еще некоторые другие — начали втайне сговариваться между собою о том, какое положение занять по отношению к крестьянскому восстанию. Они поняли, что единственное средство спасти феодальные права это — пожертвовать некоторыми „почетными", но мало-ценными, правами и предложить крестьянам *выкуп* тех феодальных повинностей, которые были *связаны с землею и имели действительную ценность*. Герцогу д'Эгильону было поручено развить эту мысль, что и было исполнено им и виконтом де-Ноайлем.

Сельское население требовало отмены феодальных прав с самого начала революции. Теперь же, говорили эти два уполномоченных либерального дворянства, крестьянство, недовольное тем, что в течение трех месяцев для него еще ничего не сделано, начало восставать, и теперь оно уже не знает удержа, так что в настоящее время приходится выбирать „между разрушением общества и некоторыми уступками". Уступки эти виконт де-Ноайль формулировал так: равенство всех по отношению к налогам, которые должны быть распределяемы пропорционально доходу каждого; все обязаны нести общественные тягости; затем, „выкуп всех феодальных прав общинами" на основании среднего годового дохода и, наконец, „отмена без выкупа барщины, права мертвой руки и других форм личной (крепостной) зависимости". Нужно, впрочем, сказать, что все повинности последнего рода крестьяне, уже за некоторое время до того, перестали платить; об этом ясно свидетельствуют доклады интендантов (губернаторов). После же июльского восстания стало ясно, что их вовсе платить не будут и впредь, откажутся ли от них помещики, или нет. Но и эти уступки, предложенные виконтом де-Нойаль, подверглись урезанию как со стороны дворян, так и со стороны буржуа, из которых многие владели землями и феодальными правами, связанными с землевладением. Выступивший после Ноайля герцог д'Эгильон выразил в своей речи некоторую симпатию к крестьянам. Он даже извинял их бунты, но прибавил: „Варварские остатки феодальных законов, существующие еще во Ф., представляют собою, нужно в этом сознаться, известную *собственность, а всякая собственность — священна. Справедливость запрещает требовать от собственника*

отказа от своей собственности без соответственного вознаграждения". Что же касается феодальных прав, то он требовал, чтобы *все* они — личные и не личные — были *выкуплены* вассалами, „если они этого пожелают"; при чем уплата должна производиться „au denier 30", т. е. уплачиваемая сумма должна быть равна годовому платежу, увеличенному в тридцать раз! Выкуп делался, таким образом, на деле невозможным, так как выкуп земельной ренты считается тяжелым даже при условии платежа „au denier 25"; обыкновенно же при продаже земель берут 20 или даже только 17 раз годовую ренту.

Тем не менее, эти речи Ноайля и Эгильона вызвали восторг третьего сословия и перешли в историю, как акты высокого самопожертвования со стороны дворянства, хотя в действительности Национальное Собрание, приняв программу, предложенную герцогом д'Эгильоном, создало тем самым условия для страшной, кровавой борьбы последующих четырех лет. Те немногие крестьяне, которые заседали в собрании, не сделали никаких возражений и не показали, как мало цены имел такой яко бы „отказ" дворянства от своих прав. Большинство же депутатов третьего сословия, будучи горожанами, имели лишь самое смутное понятие как о феодальных правах, так и о размерах крестьянского восстания. Отказ от феодальных прав, даже при условии выкупа, казался им великой жертвой на алтарь революции. Ле-Гендю-Керангаль, бретонский депутат, „одетый по крестьянски", произнес в свою очередь красивую и прочувствованную речь. Его слова заставляли, и до сих пор заставляют, биться сердца.

Впрочем, в эту ночь 4-го августа, когда дворяне и духовные отказывались от привилегий, считавшихся неоспоримыми в течение веков, Собрание должно было, действительно, представлять красивое зрелище. С великолепными порывами, в прекрасных выражениях дворяне отказывались от налоговых изъятий, духовные — от десятины, самые бедные священники — от платы за требы, крупные помещики — от права помещичьего суда, и все единогласно требовали отмены права охоты, а также уничтожения помещичьих голубятен, на которые особенно жаловались крестьяне. Прекрасное зрелище представлял и отказ целых провинций от привилегий, создававших для них исключительное положение в государстве. Таким образом были уничтожены pays d'États и привилегии городов, из которых некоторые пользовались по отношению к соседним с ними селам феодальными правами.

После того, как дворянство приняло в принципе выкуп феодальных прав, наступает очередь духовенства. Оно также вполне соглашается на выкуп феодальных прав духовных владельцев, с условием, что стоимость выкупа пойдет не на создание личных богатств духовных лиц, а на общественные нужды. Энтузиазм доходит тогда до высшей точки, и когда в два часа ночи Собрание расходится, все чувствуют, что ими заложен фундамент нового общества.

Все свидетели этого памятного заседания рассказывают о нем с восторгом.

Но, отметив прекрасные порывы энтузиазма, — которые может вызвать только революция, — историк должен также бросить на них спокойный взгляд и указать, до-куда дошли порывы владеющих классов, и чего они не посмели переступить: что они дали народу и что они отказались ему дать. Границы эти ясно обозначены: Собрание подтвердило в принципе и обобщило то, что во многих местностях народ уже сам осуществлял. Дальше этого оно не пошло ни на деле, ни в теории.

Народ уничтожил все почетные, покупные должности,—и в ночь 4-го августа дворяне отказались от них, признавая, таким образом, и утверждая революционный акт. Народ отменил помещичьи суды и сам назначил своих судей путем избрания, — и Собрание приняло это.

Национальное Собрание издало 5-го августа постановление или, вернее, принципиальное заявление, в 1-м пункте которого говорилось:

„Национальное Собрание совершенно отменяет феодальный строй".

Впечатление, произведенное этими словами, было громадно. Они потрясли

Ф. и Европу. Ночь 4-го августа называли „Варфоломеевской ночью земельной собственности". Но на другой же день Собрание, как мы видели, одумалось. Рядом декретов или, вернее, постановлений от 5, 6, 8, 10 и 11 августа оно восстановило и поставило под покровительство конституции все, что было *существенного* в феодальных правах. Отказываясь, за немногими исключениями, от тех личных повинностей, которыми они пользовались, помещики тем более старательно закрепляли за собою все те, часто не менее чудовищные, права, которые можно было так или иначе изобразить в качестве взимания платежей за владение или пользование землею—права *реальные*, по выражению законодателей (т. е. права на *вещи*). Сюда входили не только разные виды поземельной аренды, но и всевозможные платежи деньгами и натурой, различные в различных местностях, установленные при отмене крепостного права и в то время связанные с владением землею. Все эти платежи были занесены в земельные росписи (terriers — уставные грамоты) и часто продавались или уступались третьим лицам.

Теперь все феодальные платежи, всех наименований, а также и десятина духовенству, имевшие денежную ценность, *были сохранены полностью*. Крестьяне получили *только право выкупа этих платежей*—если когда-нибудь сойдутся в цене с помещиком. Собрание же не назначало ни срока для выкупа, ни размеров его.

В сущности, за исключением того факта, что первым пунктом постановлений 5 — 11 августа был поколеблен самый принцип феодальной собственности, все, что касалось платежей, считавшихся *связанными с землею*, оставалось по старому, и муниципалитетам было поручено образумить крестьян, в случае если бы они вздумали не платить.

Вот почему после ночи 4-го августа крестьянское восстание вспыхнуло с новою силою. Оно распространилось на такие области, в которых до того времени все было довольно спокойно, как, например, на Бретань. И если помещики требовали уплаты каких бы то ни было повинностей, крестьяне захватывали замки и усадьбы и сжигали уставные грамоты и земельные росписи. Наиболее крупные размеры восстание крестьян приняло в Дофинэ и вообще в восточной Ф. Богачи - помещики начинали тогда убегать за границу, и министр Неккер жаловался, что в течение двух недель ему пришлось выдать до шести тысяч паспортов самым богатым из местных жителей. Они наводнили соседнюю Швейцарию.

Национальное Собрание приняло 10-го августа 1789 года драконовскую меру против восставших крестьян. Под тем предлогом, что восстание — дело разбойников, оно дало разрешение муниципалитетам требовать войска, обезоруживать всех людей, не имеющих определенной профессии и местожительства, разгонять скопища и судить их скорым судом. Буржуазия Дофинэ широко воспользовалась этими правами. Когда скопища восставших крестьян проходили по Бургундии, сжигая замки, городская и деревенская буржуазия немедленно объединялась против них.

Крестьянские бунты стали затихать, повидимому, только в сентябре и октябре, — может быть, благодаря наступлению полевых работ; но в январе 1790-го года, по сведениям, которые дает нам доклад феодального комитета, они снова начались, — вероятно, вследствие требования с крестьян разных платежей. Крестьяне не хотели подчиняться различию, установленному Собранием между правами, связанными с землею, и личными (крепостными) повинностями; они отказывались платить как те, так и другие.

Через несколько дней после взятия Бастилии конституционный комитет Национального Собрания поставил на обсуждение „Декларацию прав человека и гражданина". Выраженные в немногих словах начала, которые предполагалось провести в жизнь, должны были вдохнуть бодрость во французский народ и показать всему миру, куда он идет.

Декларация независимости Соединенных Штатов, сделавшаяся знаменитой с 1776-го года, как лозунг демократии, как выражение ее стремлений,

была принята за образец. К несчастью, у этой декларации были заимствованы и все ее недостатки. Следуя примеру основателей американской конституции, собравшихся на конгресс в Филадельфии, французское Национальное Собрание тоже исключило из своей декларации все, что касалось экономических отношений между гражданами, и ограничилось провозглашением равенства всех перед законом, права нации выбирать себе желательное для нее правительство и конституционных свобод личности. Что касается собственности, то декларация поспешила заявить о ее „ненарушимом и священном" характере и прибавила, что „никто не может быть лишен собственности иначе, как в том случае, если того потребует *законом признанная* общественная необходимость и при условии *справедливого, предварительного вознаграждения*". Это было прямым отрицанием права крестьян на землю и на революционную отмену повинностей феодального происхождения. Буржуазия, таким образом, провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство перед законом и правительство, подчиненное народу, существующее только по его воле.

Очень вероятно, что во время прений при составлении декларации прав человека были высказаны и идеи социального характера,—идеи равенства. Но они, очевидно, были отвергнуты. Мы не находим, по крайней мере, никаких следов их в декларации 1789 года. Даже мысль Сийеса, что „если люди не равны в *средствах*, т. е. по богатству, по уму, по силе и т. д., то из этого не следует, что они не равны в *правах*", — даже эта скромная мысль не нашла себе выражения в декларации, выработанной Собранием. Вместо этих слов Сийеса мы находим следующую формулировку первого пункта декларации: „Люди родятся и остаются свободными и равными в правах. *Социальные различия не могут быть основаны ни на чем ином, кроме общей пользы*". Но через пять недель после этого Собрание, по предложению Сийеса, разделило всех французов на две категории, из которых одна, побогаче,— *активные граждане*—будет принимать участие в управлении, другая же, обнимающая собою всю народную массу и названная им *пассивные граждане*, будет лишена всяких политических прав. Только что провозглашенная декларация прав, в первом пункте которой говорилось о равенстве всех граждан в правах, таким образом была беззастенчиво нарушена.

Несомненно, что декларация 1789 года никогда не имела бы того влияния, какое она приобрела впоследствии, в течение всего девятнадцатого века, если бы революция остановилась на этом заявлении буржуазного либерализма. К счастию, революция пошла дальше этого.

И когда два года спустя, в сентябре 1791-го года, Национальное Собрание выработало текст конституции, оно присоединило к первой „Декларации прав человека" род „Вступления в конституцию", заключавшего уже следующие слова: „Национальное Собрание... безвозвратно отменяет учреждения, оскорблявшие свободу и равенство в правах". И дальше: „Не существует больше ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных отличий, ни сословных отличий, *ни феодального строя, ни вотчинного суда*, никаких титулов, званий и преимуществ, из них вытекавших".

Если мы вспомним, что этот вызов был брошен Европе, еще всецело погруженной в тьму всемогущей монархической власти и феодальных привилегий, мы поймем, почему „Декларация прав человека", которую часто смешивали со „Вступлением в конституцию", увлекала народы во время войн республики, а впоследствии, в течение всего девятнадцатого века, служила лозунгом прогрессивного движения во всех европейских странах. Но не нужно забывать одного: в этом вступлении вовсе не выражаются желания всего Собрания, ни даже желания вообще буржуазии 1789 года. Признать права народа и порвать с феодализмом их заставила мало по малу продолжавшаяся уже два года народная революция.

В глазах короля и двора „Декларация прав человека и гражданина" являлась наглым нарушением всех боже-

ских и человеческих законов. Король решительно отказался утвердить ее. Правда, декларация, подобно „постановлениям 5—11 августа", представляла собою не что иное, как провозглашение известных основных начал: она имела, как тогда выражались, „учредительный характер" и, как таковая, не нуждалась в утверждении королем. Ему предстояло только обнародовать ее.

Но и от этого он отказывался под разными предлогами. Так, 5-го октября он написал Собранию, что, прежде чем санкционировать декларацию, он хочет знать, как будут прилагаться высказанные в ней начала.

Подобным же отказом он ответил и на постановления 5—11 августа об уничтожении феодальных прав, и мы легко можем себе представить, каким оружием послужили эти два отказа в руках Национального Собрания.— „Как?" говорилось в народе, „Собрание отменяет феодальный строй, личную зависимость и оскорбительные права помещиков; оно провозглашает, с другой стороны, равенство всех перед законом; а король, и в особенности принцы, королева, двор, Полиньяки, Ламбали и все остальные, противятся этому!"

В начавшейся, таким образом, грозной борьбе между королевскою властью и буржуазиею, последней удалось, благодаря своей политике и своему умению разбираться в законодательной деятельности, привлечь народ на свою сторону. Теперь народ горячо ненавидел принцев, королеву, высшую аристократию и горячо защищал Собрание, за трудами которого он начал следить с интересом. Вместе с тем народ и сам оказывал давление на Собрание в демократическом направлении. Так, например, Собрание, может быть, согласилось бы на систему двух палат „на английский манер", которая предлагалась некоторою частью буржуазии. Но народ не хотел и слышать о ней. Он чутьем понимал то, что впоследствии очень ясно стали доказывать ученые юристы: что во время революции вторая палата немыслима; что она может существовать только тогда, когда революция уже истощила свои силы, и началась реакция. Точно так же народ с гораздо бо́льшим жаром, чем его представители в Собрании, высказывался против королевского права отвергать принятые Собранием законы, т. е. против права *вето*. В Собрании была, однако, многочисленная партия, стоявшая за абсолютное вето короля, т. е. желавшая предоставить королю возможность помешать законным путем всякой серьезной реформе; так что после долгих прений Собрание пришло, наконец, к компромиссу. Оно отказало в *абсолютном вето* (т. е. в праве навсегда отвергнуть закон, проведенный Собранием), но приняло вето *задерживающее* (veto suspensif), дававшее королю возможность, *не отменяя* того или другого закона, *задерживать* на некоторое время его проведение в жизнь.

Между тем, в Париже попрежнему свирепствовала страшная нужда. Был сентябрь; жатва уже была кончена, но хлеба все-таки не хватало. У дверей булочных целые вереницы людей ждали с раннего утра своей очереди, и часто, после долгих часов ожидания, люди уходили без хлеба. Несмотря на закупку зерна за границей, организованную правительством, несмотря на премии, выдаваемые за ввоз зерна в Париж, хлеба все-таки не доставало как в столице, так и в соседних с нею больших и малых городах. Все меры, принимавшиеся для продовольствия населения, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что делалось, мешали разного рода мошенничества. Против принцев королевского дома и высокопоставленных придворных лиц раздавались самые тяжелые обвинения: в народе говорили, что они снова заключили „голодный договор" и барышничают на высоких ценах на хлеб. Документы, напечатанные с тех пор, вполне подтверждают тогдашние слухи.

Странное чувство должно было овладевать умами в августе и сентябре 1789-го года. Вот, наконец, исполнились желания стольких лет. Во Ф. созвано, наконец, Национальное Собрание, и оно облечено законодательною властью. Оно охотно поддается демократическим преобразовательным стремлениям, — и все-таки оно бессильно,

бессильно до смешного. Собрание может издать те или иные законы для предотвращения банкротства; но король, двор, принцы откажутся утвердить их. Точно выходцы с того света они еще имеют силу задушить представительство французскаго народа, парализовать его волю, протянуть до бесконечности временное положение.

Мало того: эти привидения все время собираются сделать решительный шаг против Собрания. Вокруг короля обсуждаются новые планы его побега. Он уедет в скором времени в Рамбулье или в Орлеан, или же станет во главе войск, расположенных к западу от Версаля, и оттуда будет угрожать и Версалю и Парижу. Или, наконец, он бежит к восточной границе и там будет ждать немецких и австрийских войск, обещанных ему эмигрантами. Роялисты, почти не скрываясь, организовывали свои силы. По дороге между Версалем и Мецом были стянуты войска, и открыто говорилось о том, чтобы похитить короля и увезти его в Мец через Шампань или через Верден. Маркиз Булье, командовавший войсками на востоке, а также герцог Бретейль и австр. посланник граф Мерси были в заговоре. Во главе его стал Бретейль. С этою целью приберегались всевозможные денежные суммы, и, как вероятный день переворота, намечалось 5-е октября. В этот день король должен был уехать в Мец и там присоединиться к войску маркиза Булье. Затем он обратился бы с призывом к дворянству и войскам, оставшимся ему верными, и объявил бы членов Собрания мятежниками. Двор готовился нанести решительный удар.

Что же нужно было предпринять, чтобы предотвратить переворот? *Ни больше ни меньше, как поднять народ!* И в этом состоит главная заслуга тех революционеров, которые в этот момент имели преобладающее влияние. Поднять народ—темную, бедную массу парижского населения—вот чем с жаром занялись 4-го октября революционеры: Дантон, Марат и Лусталò.

5-го октября в Париже действительно началось подготовлявшееся восстание при криках: *Хлеба! Хлеба!* Одна молодая девушка забила в барабан, и это послужило призывным сигналом для женщин. Скоро их собралась целая толпа, которая двинулась к городской ратуше. Здесь она выломала двери и требовала хлеба и оружия. А так как о походе на Версаль говорилось уже несколько дней, то крик: *В Версаль!* скоро стал общим лозунгом. Вслед за женщинами в путь тронулись и мужчины. Тогда, во избежание какого-нибудь несчастья во дворце, Лафайет в семь часов вечера двинулся в Версаль во главе буржуазной национальной гвардии. Ужас охватил двор. Весь Париж, стало-быть, идет походом на дворец? Немедленно был созван совет, но он не пришел ни к какому решению. Между тем, были уже поданы экипажи, чтобы король и его семья могли убежать; но отряд национальной гвардии заметил эти экипажи и велел убрать их назад. Прибытие национальной гвардии, старания Лафайета, а в особенности проливной дождь, заставили разойтись толпу, наполнявшую улицы Версаля, залу Собрания и окрестности дворца. Но около пяти или шести часов утра кучка мужчин и женщин из народа разыскала незапертую дверь, ведущую во дворец, и ворвалась туда. В несколько минут толпа была уже в спальне королевы, едва успевшей убежать к королю: иначе ее могли растерзать. Вторжение народа во дворец нанесло королевской власти такой удар, от которого она уже не оправилась.

Народ, овладевший дворцом, понял свою силу и тотчас же воспользовался ею, чтобы заставить короля переехать в Париж. Король должен был подчиниться, и его карета, окруженная толпою народа, направилась в столицу. И какие сцены буржуазия ни разыгрывала во время этого возвращения короля, чтобы поднять его обаяние, народ понял, что *король теперь его пленник.* Великой Версальской монархии приходил конец. После такого возврата в столицу могли еще быть королибуржуа или императоры, завладевавшие престолом путем обмана и насилия. Но царствованию королей „божиею милостью“ пришел конец. Еще раз, как и 14-го июля, народ, напором своей массы и своим сильным выступлением, нанес старому порядку удар. Револю-

ция сразу сделала громадный шаг вперед.

Еще до своего переезда в Париж, т. е. 19-го октября, Собрание воспользовалось народным движением и ввело ответственность министров и членов администрации перед народным представительством и постановило, что налоги могут быть вводимы и устанавливаемы только Национальным Собранием. Два основных условия конституционного правления были, таким образом, отвоеваны. Титул „короля Ф." был изменен на „короля французов".

В то время, как Собрание пользовалось, таким образом, движением 5-го октября для упрочения своих верховных прав, буржуазный муниципальный совет Парижа, т. е. Совет трехсот, взявший в свои руки городское управление после 14-го июля, с своей стороны также воспользовался обстоятельствами, чтобы укрепить свою власть. Шестьдесят администраторов, избранных из числа трехсот, были поставлены во главе восьми отделов управления: продовольствие города, полиция, общественные работы, больницы, воспитание, городские владения и другие доходы, налоги и национальная гвардия. Заведуя всеми этими отраслями жизни в столице, Совет трехсот становился громадною силою, тем более, что в его распоряжении было 60.000 человек национальной гвардии, вербовавшейся исключительно из зажиточных граждан.

Теперь, достигнув власти, буржуазия приняла две меры. Она, во-первых, расширила область деятельности избирательных собраний первой степени, передавши в их руки избрание в каждом департаменте директорий, судей и некоторых других чиновников. Таким образом, она облекала их значительною властью. Но вместе с тем она исключила из избирательных собраний первой степени народную массу, которая была лишена, таким образом, всех политических прав. В избирательные собрания допускались теперь только *активные граждане*, т. е. те, которые платили прямой налог, ценностью по крайней мере в *три* рабочих дня. Остальные становились гражданами *пассивными*. Они не имели права участвовать в избирательных собраниях первой степени, а потому не могли избирать ни выборщиков, ни муниципалитеты, ни судей, ни какую бы то ни было другую власть в департаменте. Они не могли также входить в состав национальной гвардии. Мало того: чтобы быть назначенным выборщиком, нужно было платить прямой налог ценою в *десять* рабочих дней, — что делало собрания выборщиков вполне буржуазными по составу. А для того, чтобы быть представителем народа в Собрании, нужно было платить 50 ливров, т. е. стоимость серебряной марки, прямого налога. Хуже того. Собраниям выборщиков запрещено было объявлять свои заседания „непрерывными", т. е. собираться без особого созыва. Как только выборы были закончены, эти собрания не должны были больше собираться. Раз народ назначил своих правителей из буржуазии, он потерял право держать их под своим контролем. Вскоре у него отняли и право петиций и выражения своих пожеланий.

В деревнях, почти во всей Ф., сохранялось при старом режиме общее собрание всех жителей, на подобие русской *мирской сходки*. Эта сходка распоряжалась всеми делами общины, а также распределяла общинные земли — поля, луга, леса и пустоши — и заведывала ими. Теперь, муниципальным законом 22 — 24 декабря 1789-го года, мирские сходы всех домохозяев были запрещены. Только зажиточные крестьяне — активные граждане — имели теперь право собираться *раз в год* для избрания мэра (старосты) и муниципалитета, в который обыкновенно попадали три или четыре деревенских буржуа. Подобное же устройство было введено и в городах: одни только активные граждане должны были собираться для избрания генерального совета города и муниципалитета, т. е. власти законодательной в городских делах и власти исполнительной, которой было поручено заведывание полициею и начальство над национальною гвардиею. С другой стороны, нужно, однако, сказать, что муниципалитетам, городским и деревенским, были даны обширные права *самоуправления*; они были поставлены очень независимо от Собрания.

Муниципальный закон имел обширные и глубокие последствия для развития революции. Во Ф. создалось теперь 36.000 центров местного самоуправления, которые по множеству вопросов нисколько не зависели от центрального правительства. И, если во главе их становились революционеры — как оно и случалось по мере развития революции — они могли действовать и действовали вполне революционно. Как видно будет впоследствии, эти независимые деревенские и городские управления придали революции в некоторых частях Ф. громадную силу.

Самая главная трудность для революции состояла в том, что она вынуждена была пробивать себе путь при ужасных экономических условиях. Если дефицит был одною из причин, вынудивших у королевской власти первые конституционные уступки и придавших буржуазии достаточно смелости, чтобы требовать свою долю участия в управлении, то тот же самый дефицит все время, как кошмар, тяготел над революцией. Казна была пуста, налоги не поступали; заем в 30 миллионов, принятый Собранием 9 августа 1789 года, не удался; другой заем, в 80 миллионов, вотированный 27-го числа того же месяца, дал слишком мало. Затем, 26-го сентября, после знаменитой речи Мирабо, Собрание провотировало чрезвычайную контрибуцию со всех имущих, равную четверти их годового дохода. Но и этот налог был сейчас же поглощен процентами по прежним займам, и тогда явилась мысль о выпуске ассигнаций с принудительным курсом. Вместе с тем Собрание в конце 1789 г., по предложению Талейрана, решило конфисковать церковные имущества и пустить их в продажу, а духовенству платить взамен этого постоянное жалование.

Эта мера давала возможность покрыть дефицит, уничтожить остатки соляного акциза и не рассчитывать больше на продажу должностей, офицерских и чиновничьих, покупавшихся у государства. Продажею церковных земель имелось в виду, вместе с тем, создать новый класс земельных собственников, которые чувствовали бы свою связь с приобретенною ими в собственность землею.

Буржуазия, не владевшая землею, была в восторге от такого плана. Им избегалось банкротство, а вместе с тем буржуазии представлялась возможность покупать церковные земли. А так как слово „экспроприация" пугало благонамеренных собственников, то нашли способ избегнуть его. Было сказано, что имущества духовенства *поступают в распоряжение нации*, и решено было, что их тотчас же будет пущено в продажу на сумму до 400 миллионов ливров. 2-го ноября 1789 года был тот памятный день, когда экспроприация церковных имуществ была принята Собранием, 568-ю голосами против 346-и. Трехсот сорока шести! Эту цифру стоит запомнить. Отныне эта оппозиция, превратившаяся в заклятых врагов революции стала делать все возможное, чтобы принести конституционному строю, а впоследствии республике, как можно больше вреда.

Но значительная часть буржуазии, находившаяся, с одной стороны, под влиянием энциклопедистов, а с другой—под страхом неизбежного банкротства, не дала себя запугать. Когда громадное большинство духовенства, а в особенности монашеские ордена, начали интриговать против экспроприации церковных имуществ, Собрание провело (12 февраля 1790 года) закон об упразднении вечных монашеских обетов и монашеских орденов обоего пола.

Всякому ясно, какие громадные спекуляции вызвали эти две меры: продажа в больших размерах национальных имуществ и выпуск ассигнаций! Легко угадать и то, какой элемент внесли они в революцию. 29-го декабря 1789 года, по предложению парижских „округов", заведывание имуществами духовенства было передано муниципалитетам, которые должны были пустить их в продажу на 400 миллионов. Это был решительный шаг. С этого момента духовенство—за исключением нескольких деревенских священников, друзей народа — отнеслось к революции с непримиримою *ненавистью*. Уничтожение монашеских обетов еще более разожгло эту ненависть. По всей

Ф. духовенство стало тогда душою заговоров, в виду возвращения старого порядка и феодализма. Оно же было душою той реакции, которая, как мы увидим, взяла верх в 1790 и 1791 годах и чуть было не остановила дела революции.

Но буржуазия продолжала бороться и не поддавалась. В июне и июле 1790 года Собрание занялось обсуждением важного вопроса: внутренней организации церкви во Ф. Духовенство было теперь на жаловании у государства, и законодатели задумали освободить его из под власти Рима и окончательно подчинить его конституции. Епископства были слиты с новыми департаментами. Число их, таким образом, уменьшилось, и две административные единицы—духовная и светская, епархия и департамент — сливались в одно, что, конечно, не нравилось духовенству. Впрочем, с этим оно, может быть, еще помирилось бы, но по новому закону избрание епископа предоставлялось собранию выборщиков,— тем самым, кто избирал депутатов в палату, судей и администрацию.

Епископ лишался, таким образом, своего духовного характера и становился чиновником на службе у государства. Верующие увидели в этом посягательство на старые церковные уставы, а священники использовали это недовольство. Духовенство разделилось на две партии: одна—духовенство конституционное — подчинилась, по крайней мере по внешности, новым законам и принесла присягу конституции; другая же отказалась от этой присяги и стала открыто во главе контр-революционного движения. И везде началась жестокая борьба.

Законодательная работа, совершенная Учредительным Собранием, носила, конечно, буржуазный характер. Но она была громадна в смысле введения в привычки народа *принципа политического равноправия*, в деле уничтожения пережитков *господства одного человека над личностью другого* и в пробуждении *чувства равенства и возмущения* против всякого неравенства.

С переселением короля и Собрания из Версаля в Париж заканчивается первый, так сказать, героический период Великой революции. Открытие Генеральных Штатов, королевское заседание 23-го июня, клятва в Jeu de Paume, взятие Бастилии, восстание городов и деревень в июле и августе, ночь 4-го августа, наконец поход женщин на Версаль и их триумфальное возвращение с пленником-королем—таковы главные моменты этого периода.

С переездом Собрания и короля в Париж—„законодательной и исполнительной власти", как тогда говорили,—начинается период глухой борьбы, с одной стороны, между умирающею королевскою властью, а с другой стороны,—новою конституционною силою, медленно создающеюся законодательными трудами Собрания и тою созидательною работою, которая происходила на местах, в каждом городе, в каждой деревне.

В лице Национального Собрания Ф. обладает теперь конституционною властью, и король вынужден ее признать. Но, признав ее официально, он продолжает видеть в ней ни что иное, как узурпацию, как посягательство на его королевские права; уменьшения этих прав он не хочет признать. Он изыскивает поэтому всевозможные способы унизить Собрание и оспаривает у него всякую частицу власти. Эта глухая борьба заговоров и контр-заговоров, частичных восстаний в провинциях и парламентских столкновений в Учредительном, а позднее в Законодательном Собрании,—эта скрытая борьба продолжалась почти три года: от октября 1789 до июня 1792 года, когда революции был дан новый толчок. Эти три года бедны событиями, имеющими историческое значение. Все, что следует отметить за этот промежуток времени, это — усиление крестьянских движений в январе и феврале 1790 года, праздник Федерации 14-го июля 1790 года, избиение народа в Нанси (31 августа 1790 года), бегство короля в Варенн 20 июня 1791 года и избиение парижского народа на Марсовом поле (17 июля 1791 года).

До 1789 года Ф. не представляла собою ничего цельного. Это была историческая группа, связанная общею властью, но ее различные части мало

знали друг-друга. Но после событий 1789 года — после ударов, нанесенных остаткам феодализма, после прекрасных минут, пережитых сообща представителями разных частей Ф.,—между провинциями зародилось чувство единения, взаимности. Вся Европа приходила в восторг от слов и дел революции; как же могли противиться объединению в общем движении к лучшему будущему те области, которые сами участвовали в нем? Символом этого объединения и явился праздник Федерации (14-го июля 1790 г.).

В нем была еще одна поразительная черта. Для подготовления этого празднества нужно было выполнить некоторые земляные работы—выровнять почву громадного пустыря (Марсово поле), построить триумфальную арку, и т. д.; и за неделю до назначенного дня стало ясно, что пятнадцать тысяч рабочих, занятых на Марсовом поле, ни за что не справятся со своею задачею. Что же сделал тогда Париж? Кто-то подал мысль, чтобы весь Париж отправился работать на Марсово поле—и тогда все, богатые и бедные, артисты и рабочие, монахи и солдаты, весело принялись за работу. Ф., представленная на празднике тысячью делегатов, съехавшихся из провинций, обрела свое национальное единство в этой работе над землей, символ того, что̀ совершит когда-нибудь равенство и братство людей и народов.

Мы видели, что революция началась народными восстаниями в первые месяцы 1789 года. Но одних народных восстаний, более или менее успешных, еще мало, чтобы совершить революцию: нужно, чтобы эти восстания оставили в существующих учреждениях нечто новое, что дало бы возможность выработаться и упрочиться новым формам жизни. Французский народ, повидимому, отлично понял это и с самых же первых волнений внес новый элемент в жизнь страны: это была народная коммуна, община. Правительственное сосредоточивание власти (централизация) явилось позже; в начале же революция создала коммуну-общину — деревенскую и городскую, и это установление придало ей, как мы сейчас увидим, громадную силу. Действительно, в деревнях требования отмены феодальных повинностей предъявлялись помещикам общиною крестьян, и община же узаконивала отказ от платежей. Она отбирала от помещиков земли, когда-то бывшие общинными; она сопротивлялась дворянам, боролась со священниками, защищала „патриотов“, т. е. революционеров, а позднее — „сан-кюлотов“. Она заарестовывала возвращавшихся эмигрантов — она же в Варенне задержала убегавшего короля.

В городах граждане, сложившиеся в городскую общину, перестраивали всю общественную жизнь. Коммуна присвоивала себе право назначать судей, изменяла по собственному почину распределение налогов, а впоследствии, по мере развития революции, она становилась орудием в руках сан-кюлотов (более смелых революционеров) для борьбы с королевскою властью, с конспираторами-роялистами и с немецким нашествием. Еще позднее, во II-м году республики, некоторые коммуны принялись и за уравнение состояний.

Коммуны были, таким образом, душою Великой революции,—ее очагами, рассеянными по всей стране; без них у нее никогда не хватило бы силы низвергнуть старый порядок, отразить немецкое нашествие и возродить Ф. Так как организация и жизнь округов (districts) и отделов (sections) всего лучше известна для Парижа, то мы будем говорить именно о парижских округах и „секциях“, тем более, что жизнь любой из парижских секций дает уже представление о жизни тысячи провинциальных коммун. Как только началась революция, а в особенности как только события, предшествовавшие 14 июля 1789 года, пробудили инициативу парижского населения, народ со свойственным ему революционно - организаторским духом, почувствовавши серьёзность предстоявшей борьбы, начал создавать прочные организации в виду этой борьбы. Для выборов в Национальное Собрание Париж был разделен на шестьдесят округов (districts), которые назначали избирателей второй степени, т. е. выборщиков. После выборов эти

*

окружные собрания должны были разойтись; но они не разошлись и мало по малу, присваивая себе обязанности, прежде принадлежавшие полиции, суду или различным министерствам старого порядка, они превратились в постоянные, необходимые органы городской жизни. Этим самым они заставили признать свое право на существование; и в тот момент, когда в первой половине июля весь Париж заволновался, „округа" занялись немедленно вооружением народа и вообще стали действовать, как самостоятельные революционные власти. „Постоянный комитет", составившийся в городской ратуше из влиятельной буржуазии, увидал себя вынужденным созвать округа и совещаться с ними. Округа же проявили большую энергию в вооружении народа, в составлении национальной гвардии и в особенности в подготовлении Парижа к сопротивлению, на случай вооруженного нападения со стороны Версаля. После взятия Бастилии округа стали уже действовать как официальные органы городского управления. Каждый округ избирал для заведывания своими делами особый гражданский комитет (Comité civil), состоявший из 16—24-х членов. Для сношений друг с другом округа „создали свое центральное бюро, в котором делегаты, специально назначавшиеся для всякого дела, встречались и обменивались своими сообщениями". Таким образом возникла первая попытка коммуны, составившейся *снизу вверх*, из федерации окружных организаций, возникших революционным путем, по инициативе народа. Революционная Коммуна 10 августа 1792 года намечалась уже с этих пор. В декабре 1789 года делегаты округов уже сделали попытку образовать в здании архиепископства свой особый центральный комитет. Этими „округами" и пользовались Дантон, Марат и другие, чтобы вдохнуть в народные массы дух протеста, а сами массы привыкали таким путем обходиться без представительных учреждений и управлять делами непосредственно сами. Еще замечательнее то, что провинциальные города начинали входить по всевозможным делам в прямые сношения с Парижскою Коммуною. Таким образом, проявлялось стремление установить между городами и деревнями Ф. *прямую связь*, помимо обще - национального парламента, — стремление так ясно обнаружившееся впоследствии. Легко представить себе, какую силу придал революции этот независимый способ действия городских и сельских общин.

Национальное Собрание старалось, конечно, всеми силами, ослабить силу округов и подчинить их опеке городского управления, которое держало бы их под своим контролем. Муниципальный закон 27 мая—27 июня 1790 года, прежде всего, упразднил округа. Он хотел положить конец этим очагам революции и ради этого ввел новое деление Парижа на 48 „секций", или „отделов", и дал одним только „активным" гражданам, платившим известный налог, право участвовать в избирательных и административных собраниях этих отделов.

Но как ни старался закон ограничить секции, постановив, что они не должны на своих собраниях заниматься „никаким другим делом, кроме выборов и принесения гражданской присяги", ему не подчинялись. За год успели уже создаться известные привычки, пробиты были известные пути, и „секции" продолжали действовать так же, как раньше действовали „округа". Впрочем, и сам муниципальный закон должен был уступить секциям те административные обязанности, которые были уже захвачены старыми округами. Мы находим поэтому в новом законе тех же шестнадцать выборных комиссаров, что и раньше, и они должны нести не только разного рода полицейские и даже судебные обязанности, но администрация департамента может также поручать им „разверстку налогов в пределах их секций". Кроме того, хотя Учредительное Собрание и отменило „непрерывность" заседаний, — т. е. постоянное право секций собираться, не ожидая специального созыва,—но ему тем не менее пришлось признать за ними право устраивать общие собрания, как только этого потребуют пятьдесят активных граждан. Этого было доста-

точно, и секции не преминули этим воспользоваться. Через месяц после водворения нового муниципалитета Дантон и Бальи уже явились в Национальное Собрание от имени 43-х секций (из 48) с требованием немедленного удаления министров и предания их суду нации. Вообще, после упразднения парижских „округов" секции мало-по-малу в свою очередь стали очагами революции, и если их деятельность несколько замедлилась в период реакции 1790 и 1791 годов, то, как мы увидим дальше, именно они разбудили Париж в 1792 году и подготовили революционную Коммуну 10-го августа. Каждая секция, как мы уже упомянули, избирала, на основании нового закона 21 мая 1790 года, шестнадцать комиссаров, составлявших гражданские комитеты; и эти комитеты, которым вначале были даны одни полицейские обязанности, не переставали в течение всей революции расширять свои полномочия во всех направлениях. Так, в сентябре 1790 года Собранию пришлось признать за секциями право назначать мировых судей и их помощников, а также судей для соглашений в торговых и промышленных спорах (prud'hommes). Этим правом секции пользовались вплоть до водворения якобинского правительства, т. е. до 4 декабря 1793 года. С другой стороны, эти же самые гражданские комитеты секций взяли в свои руки в конце 1790 года после упорной борьбы заведывание делами благотворительных комитетов, а также и право—очень существенное — наблюдать за общественною благотворительностью и организовать ее. Это дало им возможность заменить благотворительные мастерские старого порядка новыми „мастерскими для помощи" под управлением самих секций. Впоследствии секции сделали в этом направлении очень много.

По мере того, как социальные идеи революции развивались, развивались и секции. Мало-по-малу они взяли на себя доставку одежды, белья и обуви для войска, организовали помол зерна и т. д., так что в 1793 году всякий гражданин и всякая гражданка, живущие в данной секции, могли явиться в соответственную мастерскую и получить там работу. Позднее, из этих первых опытов возникла более обширная организация, и во втором году республики (1793—1794) секции уже делали попытки заместить администрацию, занимавшуюся обмундированием войска, и предпринимателей. Мало того. Секции не только наблюдали во все время революции за подвозом и продажей хлеба, за ценами на предметы первой необходимости и за соблюдением закона о максимальных ценах, когда этот закон был введен; но некоторые из них, кроме того, взяли на себя почин обработки находившихся вокруг Парижа пустырей, с целью помочь развитием огородничества увеличению земледельческой производительности страны. Своему вмешательству в ежедневные мелочи жизни рабочих парижские секции обязаны были развитием своей политической и революционной силы.

По мере того, как революция шла вперед, те два течения, о которых мы говорили вначале — течение народное и течение буржуазное — обозначались все яснее и яснее, особенно в вопросах экономических. Народ стремился к уничтожению феодального строя. Он страстно желал *равенства* вместе со *свободой*; пытался сделать окончательно невозможным возвращение помещичьего ига, королевского деспотизма, феодального порядка и царства богачей и духовенства. Для этого он хотел — по крайней мере, в бо́льшей половине Ф.— возврата земли народу, земельных законов, которые бы дали возможность каждому обрабатывать столько земли, сколько он может сам возделывать, и законов, уравнивающих богатых и бедных в гражданских правах.

И народ восставал, когда его заставляли платить десятину, и силою захватывал власть в городах и деревнях, чтобы воспользоваться ею против привилегированных классов — дворянства и духовенства. Одним словом, он поддерживал революционное брожение в целой половине Ф., а в Париже зорко наблюдал за законодателями с высоты трибун Собрания, в клубах и в секциях. Наконец, когда приходилось бороться с королевскою

властью силой, он организовывался для восстания и—14 июля 1789 и 10 августа 1792 года—боролся с оружием в руках.

Со своей стороны буржуазия, как мы видели, упорно работала над „завоеванием власти“ (самое слово „conquête des pouvoirs“ было пущено в ход уже тогда). По мере того, как власть короля и двора разрушалась и падала под тяжестью общего презрения, буржуазия овладевала этою властью и создавала для нее прочные основания в провинциях. Вместе с тем она обеспечивала себе богатство в настоящем и в будущем. Если в некоторых местностях главная доля имуществ, отобранных у эмигрантов и духовенства, перешла мелкими участками в руки бедняков, то в других местностях огромная доля этих имуществ пошла на обогащение буржуазии; вместе с тем всевозможные финансовые спекуляции положили основание целому ряду крупных состояний в среде третьего сословия.

В Париже, тем временем, начиная с 6 октября, реакция уже сделала, однако, значительные успехи; и когда, под влиянием доклада Грегуара, Национальное Собрание принялось за рассмотрение феодальных прав, его законодательная работа уже оказалась проникнутою реакционным духом. Оно „одумалось“. Декреты, изданные им от 28 февраля до 5 марта и 18 июня 1790 года, вели уже к *закреплению феодального порядка во всех его существенных чертах*. В них сохранилось и подтверждалось различие между правами *почетными*, отнимавшимися без выкупа, и правами *полезными*, которые крестьяне должны были выкупать. Мало того: так как некоторые личные феодальные права были включены в число прав *полезных*, эти последние оказались „вполне отождествленными с простою земельною рентою и другими земельными платежами“. В случае неплатежа, помещик—даже если он терял право *„феодальной конфискации“* имущества арендатора,—мог прибегнуть к различным формам принуждения, на основании общего закона.

Только в одном вопросе чувствовалось здесь дуновение революции: это—в вопросе о десятине духовенству. Так, мы находим заявление, что все формы десятины, духовной или „закрепленной“ (т. е. проданной светским лицам), навсегда перестанут взиматься с 1 января 1791 года. Впрочем, и здесь Собрание решило, что в 1790 году десятина должна еще уплачиваться „полностью“ кому следует.

Когда декреты, изданные в феврале и марте 1790 года, стали известны в деревнях, крестьянская война против помещиков возгорелась с новою силою и охватила такие местности, которые в предыдущее лето еще не решались на восстание. В заседании 5 июня в Собрании получились известия о бунте в Бурбон-Ланси и в провинции Шароле: там распространялись подложные декреты Собрания и выставлялось требование „аграрного закона“ (т. е. уравнительного дележа земли). В заседании 2 июня читаются доклады о серьезных восстаниях в Бурбоннэ, Ниверне и Берри. Несколько муниципалитетов провозгласили военное положение; в некоторых местах есть убитые и раненые. „Разбойники“ появились в области Кампин и осаждают в этот момент город Десиз. В Лимузэне—тоже большие „эксцессы“: крестьяне требуют таксы на хлеб. „План завладеть землями, уже сто-двадцать лет тому назад закрепленными за помещиками, составляет один из пунктов их устава“, говорится в докладе. Речь идет, очевидно, о возвращении общинных земель, отнятых у общин помещиками.

В августе 1790 г. народные восстания продолжаются. Собрание издает драконовские законы против крестьян. „Все те, говорится в первом пункте закона 2 июня 1790 г., кто будет возбуждать население городов и деревень к насильственным действиям против имений, владений и перешедших по наследству огороженных земель, против жизни и безопасности граждан, взимания налогов, свободной продажи и передвижения жизненных припасов, объявляются врагами конституции, трудов Национального Собрания, природы и короля. К ним будет применен закон военного времени“. Через несколько дней, 18 июня, Собрание издает новый декрет, еще более жестокий.

Революция останавливалась. Королевская власть начинала чувствовать, что возвращается к жизни. Дворяне-эмигранты, в Кобленце и в Митаве, потирали себе руки. Богатые поднимали голову и пускались в отчаянные спекуляции.

Таким образом, начиная с лета 1790 года вплоть до июня 1792 г., контр-революция могла считать себя торжествующей. Усилившиеся таким образом и сплотившиеся против народа контр-революционные элементы повели дело так успешно, что если бы крестьяне не продолжали волноваться, а городское население не поднялось снова в конце лета 1792 года, то революция остановилась бы, не успев сделать ничего прочного.

С самого начала революции по всей Ф. возникли тысячи политических союзов. Тут были не только первичные собрания, или собрания выборщиков, не только многочисленные клубы якобинцев, связанные с главным их обществом в Париже. Тут были, главным образом, секции, народные общества (Sociétés populaires) и братские общества (Sociétés fraternelles), возникавшие самостоятельно и часто без всяких формальностей. Это были тысячи местных комитетов и местных властей, почти независимых, становившихся на место королевской власти и помогавших распространять в народе мысль об уравнивающей, социальной революции.

Вот эти-то тысячи местных центров буржуазия ревностно старалась раздавить, парализовать или, по крайней мере, расстроить, и это настолько удалось ей, что в городах и местечках значительно большей половины Ф. монархическая, клерикальная и дворянская реакция стала брать верх.

Скоро начались судебные преследования, и уже в январе 1790 года Неккер добился приказа об аресте Марата, решительно ставшего на сторону народа, бедноты. Из опасения народного бунта для ареста этого трибуна была вызвана пехота и кавалерия; его типографский станок был сломан, а самому ему пришлось бежать в Англию. Вернувшись четыре месяца спустя, он вынужден был все время скрываться, а в декабре 1791 года он должен был еще раз переехать на ту сторону Ламанша. Одним словом, буржуа, защитники собственности, так усердно постарались сломить порыв народного движения, что остановили и самую революцию. Но, по мере того, как создавалась власть буржуазии, возрождалась и власть короля.

В начале революционный дух мало коснулся армии, состоявшей в то время из наемников, — отчасти иностранцев: немцев и швейцарцев. Но мало-по-малу он стал проникать и туда. В августе 1790 года произошел ряд волнений среди войска в разных местах, особенно же в гарнизонах восточных городов. Солдаты требовали, чтобы офицеры отдали отчет в суммах, проходивших через их руки, и возвратили солдатам то, что они задержали из солдатских денег. Суммы такого рода достигали громадных размеров. В различных гарнизонах они доходили от 100.000 ливров до 240.000 (в одном полку провинции Beauce) и даже до двух миллионов. Брожение все росло; но так как часть солдат, забитых долгою службою, оставалась на стороне офицеров, то контр-революционеры воспользовались этим, чтобы вызвать столкновения и кровавые стычки между самими солдатами. В Лилле, например, четыре полка вступили в драку между собою—роялисты с патриотами—и оставили на месте пятьдесят убитых и раненых.

Узнав о брожении среди военных, Национальное Собрание провело 6 августа 1790 года закон, уменьшавший численность армии и запрещавший солдатам устраивать в полках „ассоциации для обсуждения дел"; но, вместе с тем, тот же закон предписывал офицерам немедленно дать денежный отчет своим полкам. Как только весть об этом законе получилась в Нанси—9 августа — солдаты, особенно швейцарский полк Шатовьё, потребовали от своих офицеров отчеты. Затем они захватили кассу полка, приставили к ней своих часовых и обратились к начальству с угрожающими заявлениями. Вместе с тем они послали восемь человек делегатов в Париж, чтобы изложить дело перед Национальным Собранием. Подозрительные движения

австрийских войск, происходившие на границе, усиливали брожение.

В это время Собрание, обманутое ложными сведениями из Нанси, а также под влиянием командира национальной гвардии Лафайета, которому буржуазия вполне доверяла, издало — 16 августа—декрет, в котором солдаты города Нанси осуждались за нарушение дисциплины, а гарнизонам и национальной гвардии, стоявшим в департаменте Мёрт, предписывалось „усмирить восставших". Делегаты недовольных солдат были арестованы, а Лафайет издал, с своей стороны, циркуляр, приглашавший национальную гвардию соседних с Нанси местностей выступить против восставшего гарнизона. Между тем, в самом Нанси дело, повидимому, улаживалось мирно. Большинство восставших даже подписало „акт раскаяния". Но роялистам это было, очевидно, не с руки. 28 августа Булье вышел из Меца во главе трех тысяч верных солдат с твердым намерением нанести восставшим в Нанси желанный решительный удар. Двойственное поведение департаментской директории и муниципалитета города Нанси помогло ему осуществить свой план, и в то время, когда все еще могло уладиться мирно, Булье поставил гарнизону невозможные условия и вступил с ним в бой. Солдаты Булье произвели в Нанси страшную бойню; они убивали не только восставших, но и мирных граждан города и грабили дома. Три тысячи трупов на улицах—таков был результат этой битвы, за которой последовали „законные преследования". Тридцать два солдата были приговорены к казни и колесованы; сорок один были отправлены в каторжные работы. Король поспешил одобрить „хорошее поведение г-на Булье" в особом письме; Национальное Собрание послало благодарность убийцам, а парижский муниципалитет устроил похоронное торжество в честь убитых в сражении *победителей*. Никто не осмелился протестовать. Робеспьер молчал, подобно другим. Так оканчивался 1790 год. Реакция, с оружием в руках, брала верх.

Великая революция полна самых трагических событий. Взятие Бастилии, поход женщин на Версаль, осада Тюльери и казнь короля прогремели по всему миру. Но рядом с этими великими днями были и другие дни, не менее важные по своим последствиям. О них часто забывают, но они имели, по нашему мнению, еще большее значение для выражения духа революции в известный момент и для определения ее дальнейшего пути.

Так, для свержения монархии самым важным моментом революции, лучше всего выразившим первый ее период и придавшим всему последующему ходу событий известный народный характер, является 21 июня 1791 года— та памятная ночь, когда неизвестные люди из народа задержали в Варенне короля и его семью как раз в то время, когда они уже были готовы переехать границу и броситься в объятия иностранных армий. С этой ночи начинается быстрое падение монархии. С этой минуты народ выступает на сцену и оттесняет на задний план политических вожаков.

14-го июля 1789 года королевская власть потеряла свой оплот, свою крепость; но за ней оставалась ее нравственная сила, ее обаяние. Три месяца спустя, 6-го октября, король сделался заложником революции; обаяние пострадало, но монархический принцип продолжал еще жить. Король, вокруг которого группировались имущие классы, еще обладал громадною силою. Даже якобинцы не решались нападать на него.

Но в эту ночь, которую король, переодетый лакеем, провел под стражей крестьян в лавке деревенского лавочника, в обществе „патриотов", при свете сальной свечки, вставленной в фонарь,— в эту ночь, когда кругом били в набат, чтобы помешать королю передаться иноземцам и изменить своему народу, когда крестьяне сбежались, чтобы вернуть его пленником в руки парижского народа,—в эту ночь королевская власть рушилась навеки. Король, бывший когда-то символом национального единства, терял теперь всякое значение, становясь символом международного объединения тиранов против народов.

Вместе с тем, народ выступал на сцену, чтобы толкать вперед полити-

ческих вожаков. Содержатель почты Друэ, действующий по собственной инициативе и разрушающий все планы политических мудрецов—этот крестьянин, по собственному вдохновению пускающий вскачь свою лошадь по горам и долам в погоню за королем, это—символ самого народа, который с этой минуты во все критические моменты революции будет брать дело освобождения в свои руки и руководить политиками.

План короля, когда он решился бежать, состоял в том, чтобы стать во главе войска, находившегося под начальством Булье и, при поддержке немецкой армии, итти на Париж. Что думали делать роялисты, когда столица будет завоевана ими, это теперь известно в точности. Все „патриоты" были бы арестованы: списки для этого были уже заготовлены. Одни из патриотов были бы казнены, другие—сосланы или посажены в тюрьму. Затем были бы отменены все декреты, изданные Собранием для установления конституции или против духовенства; восстановлен был бы старый порядок с его сословиями и классами и вновь введены были бы, при помощи вооруженной силы и казней, десятина для духовенства, феодальные повинности для помещиков, право охоты и вообще все феодальные права старого времени.

Таков был план роялистов, и они даже не скрывали его. Народ разрушил этот план. Король, задержанный в Варенне, был привезен в Париж и отдан под надзор патриотов из парижских предместий.

Казалось бы, что теперь революция должна была двинуться вновь исполинскими шагами по пути своего неизбежного развития. Раз измена короля доказана, что-же оставалось, как не объявить его низложенным, уничтожить старые феодальные учреждения и ввести демократическую республику? Но ничего этого не произошло. Напротив того, через месяц после вареннского бегства восторжествовала реакция, и буржуазия поспешила вновь выдать королевской власти отпускную ее преступлений и свидетельство о неприкосновенности. Народ сразу понял истинное положение дел. Он понял, что оставить короля на престоле, как ни в чем не бывало — совершенно невозможно. Водворенный снова во дворце, он опять примется за заговоры и еще более усердно поведет тайные переговоры с Австриею и Пруссиею. Это было совершенно ясно, тем более, что король ничему не научился из опыта, пережитого им. Он продолжал отказывать в своей подписи декретам, направленным против духовенства и помещичьих прав. Низложить его теперь же становилось, следовательно, необходимостью. Народ в Париже, и в значительной мере в провинциях, так и понял дело. В Париже на другой же день после 21 июня принялись уничтожать бюсты Людовика XVI и стирать королевские надписи. Толпа наводнила Тюльери; на открытом воздухе прямо говорили против королевской власти, требовали низложения короля. Кордельеры открыто требовали в своем клубе республики и подписали адрес, в котором единогласно объявляли себя врагами королей, „тираноубийцами". Городское управление Парижа сделало заявление в том же смысле. Парижские секции объявили себя в непрерывном заседании; люди в шерстяных колпаках и с пиками вновь появились на улицах; чувствовался канун нового 14-го июля. И народ, действительно, готов был вступить в действие, чтобы окончательно свергнуть королевскую власть. Под влиянием толчка, данного народным движением, Национальное Собрание тоже действовало решительнее. Оно стало поступать так, как будто короля больше не было. Разве бегство короля не было уже актом отречения? Собрание взяло в свои руки исполнительную власть; оно отдавало приказания министрам, вело дипломатические сношения. В течение приблизительно двух недель Ф. жила без короля.

Но вдруг буржуазия меняет фронт и становится в открытую вражду к республиканскому движению. В то время, как все „народные" и „братские" общества, развившиеся по всей Ф. со времени революции, требуют низложения короля, клуб якобинцев, состоящий из буржуазных государственников, отвергает в принципе республику и высказывается за сохранение конституционной монархии.

Учредительное Собрание, так решительно настроенное 22-го июня, вдруг берет всё обратно и 15-го июля поспешно выпускает декрет, в котором старается оправдать короля, и выступает против его низложения и против республики. Требовать республики становится теперь преступным.

Что́ же заставило революционных вожаков буржуазии так внезапно переменить фронт? Что убедило их в необходимости удержать Людовика XVI на престоле? Все дело в том, что вожаки буржуазии вновь увидели призрак, ужаснувший их 14-го июля и 6-го октября 1789 года: *призрак народного восстания*. Уже один вид тысяч крестьян, сбежавшихся при звоне набата на дорогу провожать короля в Париж, нагнал страх на имущие классы. А теперь парижский народ поднимался, вооружался и настаивал на продолжении революции. Он требовал республики, отмены феодальных прав, равенства на деле. „Аграрный закон", такса на хлеб, налоги на богатых близки были к осуществлению!

Вот почему Собрание поспешило положить конец республиканской агитации, наскоро издав 15-го июля декрет, выгораживающий короля, возвращающий ему трон и объявляющий преступником всякого, кто будет стремиться к тому, чтобы революция продолжала свое шествие. После чего якобинцы— эти, якобы, вожаки революции, — поколебавшись один день, отделились от республиканцев, которые предлагали устроить 17-го июля на Марсовом поле грозную народную демонстрацию против монархии. Тогда уверенная в своей силе контр-революционная буржуазия собрала свою буржуазную национальную гвардию под начальством Лафайета, направила ее против безоружного народа, собравшегося на Марсовом поле вокруг „алтаря отечества", где подписывалась республиканская петиция, заставила выкинуть красное знамя, т. е. объявить военное положение, и устроила избиение народа, республиканцев. С этого момента начался период открытой реакции, проявлявшейся все резче и резче, вплоть до весны 1792-го года. Республиканцы, подписавшие на Марсовом поле петицию о низложении короля, конечно, подверглись преследованиям.

Воспользовавшись моментом паники, буржуазия поспешила еще больше ограничить избирательные права народа. Собрание постановило, что для получения права быть выборщиком нужно было, кроме платежа прямых налогов в размере десяти рабочих дней, еще владеть, в собственность или в пользование, недвижимым имуществом, оцененным в 150—200 рабочих дней, или же держать в аренде участок земли, стоимостью в 400 рабочих дней. Крестьяне, таким образом, оказались совершенно лишенными политических прав. Мало-по-малу буржуазия становилась все смелее и смелее; и когда 14-го сентября 1791 года король явился в Собрание, чтобы торжественно принять конституцию и присягнуть ей (в тот же самый день он изменил ей), его встретили явно-роялистскою демонстрациею, а парижская буржуазия устроила ему и королеве восторженную встречу.

Две недели спустя Учредительное Собрание закончило свое существование, и это послужило конституционалистам новым поводом для выражения своих монархических чувств по отношению к Людовику XVI. Управление страною переходило теперь в руки Законодательного Собрания, избранного на основании ограниченного избирательного права и, несомненно, еще более буржуазного, чем Учредительное Собрание. Реакция все усиливалась! К концу 1791 года лучшие революционеры стали совершенно отчаиваться в революции. Марат считал ее погибшей. „Революция не удалась", писал он в своей газете „Друг Народа". Он настаивал, чтобы революционеры обратились к народу, но никто его не слушал. „Стены Бастилии разрушила ведь кучка бедняков", писал он в своей газете 21-го июля. „Пусть обратятся к ним—и они снова проявят себя так же, как и в первые дни; они готовы теперь, как и тогда, бороться с тиранами". Те же слова отчаяния повторял Камилл Демулен в якобинском клубе 24-го октября 1791 года. „Реакционеры, говорил он, обратили в свою пользу июльское и августовское движения 1789 г." Законодательное Собрание открылось

1 октября 1791 года. Когда король явился в Собрание, оно встретило его униженными знаками почтения и проявило самый восторженный энтузиазм. Людовик XVI говорил о постоянной гармонии и ненарушимом доверии между Законодательным Собранием и королем. — „Пусть любовь к отечеству объединит нас, а общая польза сделает неразлучными", говорил король — и в это же самое время подготовлял иностранное нашествие, долженствовавшее укротить конституционалистов и восстановить отдельное представительство трех сословий и все привилегии дворянства и духовенства.

В Законодательном Собрании была правая сторона — фёльянты, или конституционные монархисты, и левая — партия Жиронды, составлявшая промежуточное звено между полу-конституционною и полу-республиканскою буржуазиею. Но ни те, ни другие не занимались великими задачами, завещанными им Учредительным Собранием. Ни установление республики, ни уничтожение феодальных прав не интересовало Законодательное Собрание. Даже якобинцы, даже кордельеры точно сговорились не поднимать больше вопроса о республике.

Самым важным актом Законодательного Собрания было объявление войны Австрии. Австрия открыто готовилась к войне, чтобы вернуть Людовику XVI все права, которыми он пользовался до 1789 года. Король и Мария-Антуанета побуждали к ней австрийского императора; а после неудачной попытки к бегству стали торопить его все настойчивее. Очень возможно, впрочем, что приготовления Австрии затянулись бы еще надолго,—может быть, до весны,—если бы войну не постарались, с другой стороны, вызвать жирондисты. Призрак вооруженного и восставшего народа, требующего от буржуазии своей доли национального богатства, не переставал ужасать людей, попавших во власть. Нужно сказать и то, что революционное воспитание народа подвинулось вперед, благодаря самой революции, и теперь он уже начинал требовать мер, проникнутых коммунистическим духом и способных сколько-нибудь сгладить экономическое неравенство.

Среди народа говорилось тогда об „уравнении состояний". Крестьяне, владевшие ничтожным клочком земли, и городские рабочие, страдавшие от безработицы, решались заговаривать о своем праве на землю. В деревнях требовали, чтобы ни один фермер не мог снимать больше сорока десятин земли, а в городах говорили, что каждый, кто хочет обрабатывать землю, должен иметь право на столько-то десятин. Такса на жизненные припасы, с целью предотвратить спекуляцию на предметах первой необходимости, законы против спекуляторов, закупка муниципалитетами жизненных припасов и продажа их жителям по покупной цене, прогрессивный налог на богатых, принудительный заем и, наконец, высокий налог на наследства—все это обсуждалось в народе; те же требования проникали и в печать.

Легко себе представить, какую вражду возбуждали эти требования в буржуазии, которая только что расположилась спокойно наслаждаться приобретенными богатствами и новым привилегированным политическим положением в государстве. Об этом можно судить по тому страшному возбуждению, которое было вызвано в Париже в марте 1792 года, известием об убийстве крестьянами мэра города Этампа, некоего Симонно. Подобно многим другим буржуазным мэрам, он расстреливал без суда восставших крестьян, и никто против этого не протестовал. Но когда голодные крестьяне, требовавшие таксы на хлеб, убили, наконец, этого мэра пиками—то каким взрывом негодования отозвалась на это парижская буржуазия!

Если в 1789 году во всем, что делает третье сословие, можно видеть явно республиканский, демократический дух, то теперь, по мере того как коммунистические и уравнительные стремления растут в народе, те же самые люди становятся защитниками королевской власти; истинные же республиканцы, в роде Томаса Пэна и Кондорсэ, являются представителями лишь ничтожного меньшинства среди образованной буржуазии. По мере того, как народ становится республиканским, буржуазная интеллигенция пятится назад, к конституционной монархии.

13 июня 1792 года, т. е. всего за неделю до вторжения народа в Тюльери, Робеспьер еще громил республику: „Напрасно, восклицал он, хотят увлечь горячие и мало осведомленные головы приманкою более свободного управления и именем республики: низвержение конституции не может в настоящий момент дать ничего, кроме гражданской войны, которая приведет к анархии и деспотизму".

Самое поразительное в тогдашнем настроении политических деятелей было то, что как раз в это время революции угрожал со стороны роялистов гигантский удар, давно уже подготовленный и готовый теперь разразиться при поддержке крупных восстаний на юге и на западе Ф. одновременно с нападением на Ф. германских государств, Англии, Сардинии и Испании.

В июне 1792 года король уже удалил из своего министерства трех жирондистских министров (Ролана, Клавьера и Сервана), и тогда Лафайет, глава партии фёльянтов (т. е. конституционных роялистов) и роялист в душе, обратился к Законодательному Собранию с письмом (помеченным 18 июня), в котором он предлагал совершить переворот против революционеров. Он прямо советовал в этом письме очистить Ф. от революционеров.

Сила, которою все время пользовалась в провинции контр-революция, была громадная. Она опиралась на денежные выгоды целого класса собственников.

Обыкновенно думают, что единственный серьезный очаг контр-революции был только в Вандее. А между тем другой подобный же очаг существовал на юге, и этот очаг был тем более опасен, что в этой части Ф. деревни, на которые опирались роялисты, эксплоатировавшие религиозную вражду между католиками и протестантами, находились рядом с другими деревнями и большими городами, давшими революции ее лучших деятелей.

Руководство всеми этими противореволюционными движениями шло из Кобленца — маленького немецкого городка, сделавшегося центром роялистской эмиграции. Начиная с лета 1791 г., когда граф д'Артуа вместе с министром Калонном и впоследствии со своим братом, графом Прованским, поселился в этом городе, он стал средоточием всех роялистских заговоров. Оттуда отправлялись эмиссары, организовывавшие по всей Ф. контр-революционные восстания. Роялистские заговоры охватывали целые области Ф., а так как, с одной стороны, им оказывали поддержку крупные вожаки буржуазии, а с другой—им давала пищу религиозная вражда между протестантами и католиками (так было, например, на юге), то революционерам приходилось в каждом городе, в каждой маленькой общине вести с роялистами ожесточенную борьбу. Так, например, в то самое время, когда в Париже устраивался, 14 июля 1790 года праздник Федерации, который объединил всю Ф. и должен был, казалось, поставить революцию на прочные коммунальные основы роялисты подготовляли на юго-востоке федерацию контр-революционеров. 18 августа того же года около 20.000 представителей 185-ти общин провинции Виварэ собрались на равнине Жалеса. У всех был на шляпе белый крест. В этот день под руководством дворян они положили основание Южной роялистской федерации, которая торжественно сорганизовалась затем в феврале следующего года.

Эта федерация стала готовить, прежде всего, ряд местных восстаний к лету 1791 года, а затем—большое восстание, которое должно было вспыхнуть повсеместно в июле 1792 года и, при помощи иностранных войск, нанести решительный удар революции. Роялистская федерация клялась „вернуть королю его славу, духовенству—его имущества, дворянству — его почести". А когда первые попытки кончились неудачей, она организовала, с помощью аббата-настоятеля Шамбаназского монастыря, Клода Аллье, обширный заговор, в котором должны были принять участие 50.000 человек. Это войско должно было выступить под белым знаменем, имея во главе многочисленных священников. При поддержке Сардинии, Испании и Австрии оно должно было итти на Париж, „освободить" короля, разогнать Собрание и „покарать па-

триотов". Так организовывалась контрреволюция на юге, а на западе духовные и дворяне в то же время ввозили оружие и послания папы, призывавшие к бунту; они подготовляли, при поддержке Англии и Рима, громадное Вандейское восстание.

Из только что сказанного видно, в каком печальном положении было дело революции в первые месяцы 1792 года. Феодальный порядок продолжал существовать в деревнях, а в городах масса пролетариата почти ничего не выиграла. Купцы и спекуляторы наживали огромные состояния — благодаря ассигнациям, на курсе которых они спекулировали, благодаря продаже имуществ духовенства, которые они скупали и перепродавали, и благодаря государственным подрядам и биржевой игре на всех предметах первой необходимости. Цены на хлеб все росли, несмотря на хороший урожай, и нищета оставалась обычной спутницей жизни народа в больших городах.

Между тем заговор, задуманный в Тюльери, с каждым днем все больше и больше распространялся по самой Ф. и охватывал Европу. Дворы берлинский, венский, стокгольмский, туринский, мадридский и петербургский присоединились к нему. Приближался момент решительного выступления контр - революционеров, назначенного ими на лето 1792 года. Король и королева торопили немецкие войска; они звали их скорее в Париж, даже назначали им день, когда они должны вступить в столицу, где их встретят с распростертыми объятиями вооруженные и организованные роялисты.

Народ и те из революционеров, которые, как Марат и кордельеры вообще, стояли близко к народу, — те, кто создал потом Коммуну 10 августа, — отлично понимали грозящую революции опасность. Но народ был безоружен, тогда как буржуазия была организована в батальоны национальной гвардии. Хуже всего было то, что у интеллигентов, выдвинутых революцией и явившихся ее выразителями — в том числе и у честных людей, как Робеспьер, — не было необходимого доверия к революции, а тем менее к народу.

Только с объявлением войны (21 апреля 1792 года) и началом немецкого нашествия положение несколько изменилось. Видя, что ему изменяют все — даже те самые вожаки, которым он всегда доверял, — народ стал действовать сам, стал оказывать давление на „вождей общественного мнения". Париж сам начал подготовлять восстание для свержения короля. Секции города Парижа, народные и братские общества, т. е. „неизвестные", толпа, принялись с помощью более смелых кордельеров за дело. Наиболее горячие и просвещенные патриоты собирались в клубе кордельеров и там проводили целые ночи в совещаниях. Был, между прочим, образован комитет, который соорудил себе красное знамя с надписью: „Народ провозглашает военное положение против бунта двора". Вокруг этого знамени должны были собраться все свободные люди, все настоящие республиканцы, все те, кто хотел отомстить за друга, за сына, за родственника, убитых 17 июля 1791 года на Марсовом поле. 20 июня громадная толпа двинулась по улицам под предлогом подачи петиции Собранию; собирались также праздновать годовщину клятвы в Jeu de Paume и посадить „дерево свободы" у входа в Собрание. Все улицы, ведущие от Бастилии к Собранию, скоро были буквально запружены народом. Тем временем двор собрал своих приверженцев на площади Карусель, на большом дворе Тюльерийского дворца и в прилегающих улицах. Все ворота дворца были заперты, и пушки направлены на народ; солдатам были розданы патроны; столкновение казалось неизбежным.

Но вид этой все растущей толпы поколебал защитников двора. Внешние ворота были скоро отперты или взломаны, и Карусель и дворы дворца наполнились народом. Многие из народа были вооружены пиками, саблями или дубинами, на которые насажен был нож, топор или пила; но люди, принимавшие участие в демонстрации, были тщательно подобраны каждою из секций.

Толпа собиралась уже разбить топорами другие ворота Тюльери, когда Людовик XVI сам велел отпереть их.

Тысячи людей сразу наводнили внутренние дворы и самый дворец. Приближенные королевы едва успели втолкнуть ее вместе с ее сыном в одну из зал и там забаррикадировать ее большим столом. В одной из зал народ нашел короля, и она в миг наполнилась толпою. У короля требовали, чтобы он утвердил декреты о духовенстве и другие, которые он отказывался утвердить; чтобы он вернул министров-жирондистов, удаленных 13 июня, изгнал священников, не желающих присягать конституции; чтобы он выбрал, наконец, между Кобленцом и Парижем. Король махал шляпой, дал надеть на себя красный шерстяной колпак; его заставили выпить стакан вина за здоровье нации. Но он все-таки в течение двух часов сопротивлялся народу, упорно заявляя, что будет держаться конституции.

Как нападение на королевскую власть, движение 20 июня оказалось неудачным. Результатов не получилось никаких. Зато с каким ожесточением напали тогда на народ имущие классы. Когда в Собрании было прочитано письмо, в котором Людовик XVI жаловался на нападение на его дворец, Собрание разразилось такими же рабскими рукоплесканиями, как-будто оно состояло из придворных, и дело происходило раньше 1789 года. Якобинцы и жирондисты единодушно выразили движению 20 июня свое порицание. Мэр Парижа Петион был отставлен от должности директориею сенского департамента за бездействие в день 20 июня. Но тогда Париж стал горячо защищать своего мэра. Началось опасное брожение, и 13 июля Собрание вынуждено было отменить это распоряжение.

Демонстрация 20 июня, хотя и не дала никаких непосредственных результатов, была, однако, сигналом общего пробуждения во Ф. „Бунт переходит из города в город", говорит Луи Блан. Иностранные войска уже у ворот Парижа, и 11 июля провозглашается „отечество в опасности"; 14-го происходит празднование Федерации, и народ делает из него грандиозную демонстрацию против королевской власти. Со всех сторон революционные муниципалитеты посылают Собранию адреса, призывая его к действию. В виду измены короля они требуют низложения или, по крайней мере, временного устранения Людовика XVI. Однако, слово „республика" еще не произносится; общественное мнение склоняется скорее к регентству. Исключение составлял, однако, Марсель. Здесь уже 27 июня требовали отмены королевской власти и отсюда послали в Париж 500 волонтеров, пришедших в столицу под звуки торжественного, боевого гимна, — Марсельезы. Брест и другие города также послали волонтеров, общее число которых дошло в первые дни августа до трех тысяч. Вообще чувствуется, что приближается решительный момент революции. Что же делает Собрание? Что делают буржуазные республиканцы, — жирондисты? Когда в Собрании читают смелое послание марсельцев, требующих принятия мер, соответственных положению дел,—почти все Собрание протестует. А когда 27 июля Дюэм предлагает обсудить вопрос о низложении короля, его предложение встречают криками негодования. Те, кто стоял близко к народу, в секциях, чувствовали, конечно, что надвигаются решающие события. Парижские секции, а также некоторые провинциальные муниципалитеты, объявили свои заседания непрерывными. Нисколько не считаясь с законом, исключавшим „пассивных граждан" из заседаний секций, секции допускали их участвовать в своих заседаниях и раздавали им пики наравне с другими. Очевидно, подготовлялось крупное революционное движение. В это самое время жирондисты—партия „государственных людей" — посылали королю через посредство его лакея, Тьерри, письмо, в котором извещали, что готовится грандиозный бунт, что последствием его может быть низложение короля или даже что нибудь еще более ужасное, и что остается одно только средство предотвратить катастрофу: это средство — не позже как в течение недели призвать назад в министерство жирондистов Ролана, Сервана и Клавьера! Шансы контр-революции были в этот момент (в конце июля 1792 года) так велики, что Людовик XVI наотрез отказал жирондистам

взять их вожаков себе в министры. Пруссаки уже шли на Париж; Лафайет и Люкнер стояли, каждый со своею армиею, готовые направить ее против якобинцев, против Парижа; при чем Лафайет пользовался большим влиянием на севере, а в самом Париже был божком буржуазной национальной гвардии.

И в самом деле, король имел полное основание надеяться. Якобинцы, пользовавшиеся влиянием среди парижских революционеров, *не решались действовать*; а когда 18 июля стала известна измена Лафайета и Люкнера (16 числа они хотели похитить короля и поставить его во главе своих войск), и Марат предложил объявить короля заложником нации против иностранного нашествия,—все отвернулись от него и называли его безумцем. Одни сан-кюлоты в своих трущобах сочувствовали ему. Только потому, что он осмелился сказать то, что впоследствии оказалось истинною *правдою*, только потому, что он осмелился изобличить тайные сношения короля с неприятелем, Марата покинули все, даже те несколько якобинских патриотов, на которых он — тот самый Марат, которого изображают таким подозрительным—все-таки еще рассчитывал. Они отказали ему даже в убежище, когда его искала полиция и он обращался к ним за пристанищем. Что касается до Жиронды, то после отказа короля она все еще продолжала вести с ним переговоры—в этот раз через посредство художника Боза; а 25 июля они обратилась к нему с новым посланием. Но о том, чтобы действовать, о том чтобы подготовить низложение короля—об этом, кроме народа, не думают ни те, ни другие, и уж никак не клуб якобинцев. В кабачке Золотого Солнца собираются для подготовления нападения на дворец и всеобщего восстания под красным знаменем одни „неизвестные“, любимцы народа, — пивовар Сантерр, Фурнье-американец, поляк Лазовский, Карра, Симон, Вестерман (тогда бывший простым писцом), из которых некоторые состояли вместе с тем в тайной директории волонтеров („федератов“); затем—секции (большинство парижских и некоторые отдельные секции на севере. в департаменте Мен-и-Луары, в Марселе) и, наконец—марсельские и брестские волонтеры, призванные для революционного дела парижским народом. Народ со свойственным ему верным инстинктом отлично понимал, что король состоит в соглашении с немцами, идущими на Париж. В то время письменных доказательств его измены еще не было. Переписка короля и Марии Антуанетты с австрийцами еще не была известна; и никто еще не знал в точности, как король и королева торопили австрийцев и пруссаков итти скорее на Париж, как они извещали их обо всех передвижениях французских войск, сообщали немедленно все военные секреты и предавали Ф. во власть чужеземного нашествия. Обо всем этом узнали—да и то более догадались, чем узнали, — только после взятия Тюльери, когда в потайном шкафу, сделанном для Людовика XVI слесарем Гаменом, были найдены некоторые бумаги короля. Но измену скрыть нелегко, и тысячи признаков, которые так легко улавливают люди из народа, указывали на то, что двор был в соглашении с немцами и призвал их во Ф. И вот, в Париже и кое-где в провинции укреплялась мысль, что решительный удар должен быть направлен на Тюльери; что старый порядок будет оставаться угрозою для Ф. до тех пор, пока не будет провозглашено низложение короля. Приготовления к восстанию, в которых „вожди общественного мнения“ участвовали очень мало, могли бы еще затянуться, если бы дворцовые заговорщики сами не ускорили событий. Роялисты рассчитывали на помощь придворных, клявшихся умереть за короля, на несколько батальонов национальной гвардии, оставшихся верными двору, и на швейцарцев, державших караулы во дворце; они были уверены в победе. Для своего государственного переворота они избрали день 10 августа. Секции это узнали, и тогда, в ночь с 9 на 10, в полночь, в Париже ударили в набат. Сначала набат, как будто, не произвел нужного действия, и в Коммуне стали даже поговаривать,—не отложить ли восстание? В семь часов утра некоторые кварталы были

еще совершенно спокойны. На самом же деле, парижский народ, с его удивительным революционным чутьем, повидимому, не решался начать в темноте битву с королевскими войсками, так как она могла кончиться паникой и поражением. Тем временем, ночью, „Революционная Коммуна“ (т. е. новый, революционный совет Коммуны) вступила во владение городскою ратушею. Она явилась в ратушу, сменила прежний „законный“ совет Коммуны, который уступил свое место новой революционной силе, и тотчас же придала всему движению новую энергию. Около семи часов утра люди с пиками, руководимые марсельскими „федератами“, первые показались на площади Карусели, подступая к дворцу.

Час спустя, заколыхалась и вся толпа. Во дворец к королю прибежали с вестью, что „весь Париж“ идет на Тюльери. И это был действительно весь Париж, но особенно весь Париж бедноты, при поддержке национальной гвардии из рабочих и ремесленных кварталов. Тогда, около половины девятого, король—у которого еще свежо было в памяти воспоминание о двадцатом июня и заговорила боязнь быть убитым народом — покинул Тюльери по совету своих придворных и направился пешком, через сад, искать убежища в Собрании, предоставляя своим приверженцам защищать дворец и избивать нападающих. И, как только король ушел, целые батальоны буржуазной национальной гвардии из богатых кварталов понемногу разошлись, избегая вооруженной встречи с поднявшимся народом. Густая толпа народа быстро наводнила окрестности Тюльери, и те из толпы, кто был впереди, ободренные швейцарцами, которые выбрасывали из окон свои патроны, проникли в один из дворов дворца. Но в этот же момент другие швейцарцы, стоявшие под командой придворных офицеров на большой входной лестнице дворца, открыли огонь по народу и повалили в упор, в несколько минут, убитыми и ранеными у подножия лестницы больше четырехсот человек. Это избиение решило исход движения. Теперь со всех сторон к Тюльери повалили толпы народа с криками: *„Измена! Смерть королю! Смерть австриячке!“* Все население предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо массами двинулось ко дворцу, и швейцарцы, на которых народ набросился с ожесточением, были обезоружены или истреблены. Собрание даже в этот решающий момент колебалось и не знало, что предпринять. Оно начало действовать только тогда, когда вооруженный народ ворвался в залу заседаний, грозя убить тут же короля и его семью, а также и тех депутатов, которые не решались высказаться за низложение короля. Даже тогда, когда тюльерийский дворец был уже взят и королевская власть фактически перестала существовать, жирондисты не осмеливались предпринять ничего решительного. Верньо потребовал только *временного отрешения главы исполнительной власти;* его предлагалось теперь переселить в люксембургский дворец. Так и было сделано. Только два или три дня спустя революционная Коммуна перевезла Людовика XVI и его семью в башню Тампль (Temple), чтобы держать его там в качестве пленника. Королевская власть была, таким образом, фактически уничтожена. Законодательному Собранию оставалось только подчиниться. Теперь революция могла на некоторое время свободно развиваться, не боясь быть внезапно остановленной переворотом со стороны роялистов, избиением революционеров и водворением белого террора.

Для политиков главный интерес 10 августа заключается в том, что в этот день был нанесен удар королевской власти. Для народа же этот день был, главным образом, днем уничтожения той силы, которая противилась осуществлению декретов, направленных против феодальных прав, против эмигрантов и против священников, и ради этого призывала себе на помощь немецкое нашествие. Это был день торжества *народных* революционеров, торжества народа, получившего теперь возможность вести революцию вперед, в направлении равенства — всегдашней мечты и цели народных масс. И действительно, уже на другой день после 10 августа Законодатель-

ное Собрание, при всей своей трусости и реакционности, издало под внешним давлением несколько декретов, двинувших революцию вперед. На основании этих декретов всякий неприсягнувший священник, который не принесет в течение двух недель присягу конституции и будет найден после этого на французской территории, подлежит ссылке в Кайенну. Все имущества эмигрантов, во Ф. и в колониях конфисковались и подлежали продаже мелкими участками. Всякое различие между пассивными (бедными) и активными (имущими) гражданами было отменено. Все граждане становились избирателями, когда достигнут двадцати одного года, и избираемыми — в двадцать пять лет. Двинуто было и аграрное законодательство. 14 июня 1792 года, т. е. незадолго до 20 июня, когда нужно было снискать расположение народа, левая сторона провела, пользуясь случайным отсутствием нескольких членов правой, *отмену без выкупа* некоторых личных феодальных прав, а именно всех единовременных платежей (casuels), взимавшихся помещиком при получении крестьянином наследства или при свадьбе, а также за виноградный пресс, за мельницу, общую печь и т. д., которые мог держать только помещик. Собрание теперь решилось сделать еще несколько шагов вперед (декреты 16—25 августа 1792 г.). Всякие преследования за неплатеж феодальных повинностей приостанавливаются; это уже—некоторое приобретение. Все феодальные и помещичьи платежи—если они не представляют собою уплаты за состоявшуюся когда-нибудь уступку земельного участка—отменяются без выкупа. Наконец, декретом 20 августа *разрешается* выкупать порознь либо единовременные, либо годичные платежи, которые теперь платятся за пользование земельным участком, — если это будет доказано предъявлением соответственного документа. Но все это—только в случае покупки земли *новым* собственником.

Тысяча сто человек, по словам Мишле, — три тысячи, по слухам, ходившим в то время,—было убито защитниками дворца. Парижский народ, оплакивая своих убитых, громко требовал справедливого наказания виновников избиения около тюльерийского дворца. Но Собрание покрывало своею властью короля, королеву и их приверженцев. Правда, король, королева, их дети и близкие были заперты в башне Тампль: Коммуне удалось добиться от Собрания их перевода в эту тюрьму, заявивши, что она слагает с себя всякую ответственность за то, что может произойти, если они останутся в люксембургском дворце. Но в сущности ничего еще не было сделано; все осталось в том же положении вплоть до 4 сентября.

10 августа Собрание отказалось даже объявить Людовика XVI низложенным. Под влиянием жирондистов оно ограничилось тем, что провозгласило его *временное отрешение* и поспешило назначить гувернера наследнику престола. И вот теперь, 19 августа, 130.000 немцев наступали на Париж, чтобы уничтожить конституцию, восстановить неограниченную власть короля, отменить все декреты обоих Собраний и предать смерти „якобинцев“ т. е. всех революционеров.

Понятно, каково должно было быть при таких условиях состояние умов в Париже. Под видом внешнего спокойствия в предместьях начиналось мрачное, глухое волнение. После купленной такою дорогою ценою победы над Тюльери, в рабочих кварталах чувствовали, что Собрание изменяет, и что изменяют даже революционные „вожди общественного мнения“, которые также колеблятся и не хотят решительно высказаться против короля и монархии. Каждый день на трибуну Собрания, в заседания Коммуны, в печать доставлялись новые доказательства заговора, подготовлявшегося в Тюльери перед 10-м августа и продолжавшегося еще и теперь как в Париже, так и в провинции. Но Собрание ничего не предпринимало для того, чтобы покарать виновных и помешать возобновлению их заговоров. С каждым днем вести с границы становились все тревожнее и тревожнее. Войска, как нарочно, были выведены из пограничных крепостей; ничего не было сделано, чтобы остановить нашествие неприятеля. Масса населения понимала

всю опасность положения. Все, что было в Париже молодого, сильного, вдохновленного республиканским воодушевлением, спешило записаться в волонтеры и летело к границе. Воодушевление доходило до героизма. Деньги, всевозможные патриотические пожертвования сыпались в бюро, где записывались новобранцы.

Но к чему все это самопожертвование, когда каждый день приносит с собою вести о новых изменах, и когда все эти измены в конце концов связаны с королем и королевой, которые продолжают из Тампля управлять всеми нитями заговора?

А между тем доказательств существования заговора — множество, и они становятся с каждым днем все определеннее. В бумагах, найденных после взятия Тюльери в письменном столе интенданта королевского дома, Монморена, оказалось не мало обвинительных документов—между прочим письмо принцев, доказывающее, что, направляя австрийские и прусские войска на Ф. и организуя кавалерийский отряд из эмигрантов, чтобы итти вместе с ними на Париж, принцы действовали в согласии с Людовиком XVI. Там же оказался длинный список брошюр и памфлетов, направленных против Национального Собрания и якобинцев и изданных на средства королевского дома; среди них были памфлеты, имевшие целью вызвать вооруженное столкновение в момент прибытия в Париж марсельцев и призывавшие национальную гвардию к их избиению. Найдено было, наконец, доказательство того, что „конституционное“ меньшинство Собрания обещало последовать за королем, в случае если он оставит Париж. Наконец, обнаруживается измена в войске, которую давно можно было предвидеть. 22-го августа узнают об измене Лафайета. Он сделал попытку увлечь за собою свое войско и повести его на Париж. Он велел арестовать троих комиссаров присланных к нему Собранием, чтобы сообщить армии о революции 10-го августа. На следующий день пришло известие, что город Лонгви, обложенный неприятельскими войсками 20-го, тотчас же сдался, и в бумагах его коменданта, Лаверня, нашли письмо, в котором ему предлагалось изменить от имени Людовика XVI и герцога Брауншвейгского.

В самом Париже „черных“, т. е. реакционеров, которых впоследствии стали называть „белыми“, было множество. Очень многие эмигранты вернулись, и нередко под рясой священника на улице можно было узнать военного. Вокруг башни Тампля все время плелись всевозможные заговоры, о которых догадывался народ, тревожно следивший за тюрьмой, где содержался король.

Роялисты готовили общее восстание на тот день—5-го или 6-го сентября,—когда пруссаки будут уже в окрестностях Парижа. Они даже не скрывали своих планов. Военными кадрами для этого восстания должны были послужить оставшиеся в Париже семьсот человек швейцарцев. Они двинулись бы на Тампль, освободили бы короля и поставили его во главе движения.

Таковы были, по крайней мере, носившиеся слухи, которые подтверждались и самими роялистами. Их подтвердил и доклад о событиях 10-го августа, прочтенный 28-го августа в Собрании Керсеном.

Среди всех этих затруднений только деятельность Коммуны и ее секций соответствовала серьезности момента. Они одни — при поддержке клуба кордельеров — работали для того, чтобы поднять народ и заставить его отчаянным усилием спасти и революцию и отечество — что в эту минуту было одно и то же.

Генеральный Совет Коммуны, революционным путем избранный секциями 9-го августа, и секции с жаром работали сообща над выбором, вооружением и обмундировкой сперва тридцати, а потом шестидесяти тысяч волонтеров (добровольцев), отправлявшихся на границу, навстречу немецким войскам. При поддержке Дантона, они в своих воззваниях сумели найти слова, наэлектризовавшие Ф. Коммуна, выступая далеко за пределы своих муниципальных полномочий, обращалась теперь ко всей стране, а через посредство своих волонтеров — и к войску. Секции взяли на себя громадный труд обмундирования этих волонтеров; Ком-

муна распорядилась плавить свинцовые гробы, стоявшие в церквах, на пули и употребить бронзу церковной утвари и колоколов на пушки.

Новая революция — революция, стремящаяся к равенству, — революция, которую народ сам возьмет в свои руки, уже обрисовывалась впереди. Заслуга парижского народа в том и состоит, что он понял, что, готовясь отразить иноземное нашествие, он действует не под одним только влиянием национальной гордости. Дело шло даже не о том только, чтобы помешать восстановлению королевского своеволия. Нужно было, прежде всего, *упрочить революцию*, привести ее к каким-нибудь положительным приобретениям для народной массы, т. е. поднять такую революцию, которая носила бы столько же социальный, сколько и политический характер. А это значило — развернуть дружным отчаянным усилием народных масс новую страницу в истории человечества.

Буржуазия, с своей стороны, очень ясно поняла это новое направление революции, которого выразительницей являлась теперь Парижская Коммуна. Вот почему Собрание, представлявшее собою, гл. обр., буржуазию, так упорно стремилось подорвать влияние Коммуны.

Уже 11-го августа, когда даже пожар в Тюльери не успел еще погаснуть и трупы еще валялись во дворах дворца, Собрание издало распоряжение об избрании для Парижа новой департаментской директории, которую оно думало противопоставить Коммуне. Коммуна отказалась исполнить это приказание, и Собранию пришлось уступить; но борьба продолжалась — глухая борьба, в которой жирондисты то пытались вооружить секции против Коммуны, то добивались распущения Генерального Совета Коммуны, избранного революционным путем в ночь 9-го августа, — жалкие интриги перед лицом неприятеля, который с каждым днем все ближе подходил к Парижу, предаваясь по пути отчаянному грабежу.

Роялисты устраивали сборища вокруг Тампля, и королевская семья вместе с ними приветствовала победы немцев. Комиссия двенадцати, которая должна была составлять ядро действия в Собрании, впала в уныние; а жирондистское министерство — Ролан, Клавьер, Серван и другие — предлагало *бежать*. Их план был: удалиться в Блуа или куда-нибудь еще дальше на юг предоставив революционный народ Парижа ярости австрийцев, герцога Брауншвейгского и эмигрантов.

К измене теперь прибавлялась трусость, и из всех министров один Дантон, которого народ провозгласил министром после взятия Тюльери, выразил решительный протест против удаления властей из Парижа. Только революционные секции и Коммуна прекрасно поняли, что победа *должна* быть одержана во что бы то ни стало; что для этого нужно нанести удар одновременно неприятелю на границах и контрреволюционерам в Париже. Но именно этого-то правители республики и не хотели допустить. Суд, собравшийся с большою торжественностью, чтобы судить виновников избиения 10-го августа, повидимому так же мало торопился покарать их. Вначале суд принес в жертву трех или четырех невидных соучастников Людовика XVI но затем он оправдал одного из самых главных заговорщиков, бывшего министра Монморена, а также Доссонвиля, замешанного в заговоре д'Ангремона, и не решался судить генерала Бахмана, командира швейцарцев. Но когда парижский народ увидел, что заговоры продолжаются и становятся чрезвычайно опасными в виду немецкого нашествия, в умах населения сложилась мысль покарать без различия всех тех, кто занимал доверенные должности при дворе, и кого секции считали опасными, или у кого окажется спрятанное оружие. С этой целью секции вынудили у Коммуны, а последняя — у Дантона, занимавшего со времени восстания 10-го августа пост министра юстиции, решение устроить массовые обыски по всему Парижу для розыска оружия, спрятанного у роялистов и священников, и ареста тех, на кого всего сильнее падет подозрение в измене и соглашении с неприятелем. Собранию пришлось подчиниться, и оно издало распоряжение о таких обысках по всей Ф.

Обыски в Париже произошли в ночь с 29-го на 30-ое. 29-го августа, после

полудня, Париж казался точно вымершим, точно охваченным каким-то мрачным ужасом. Жителям было запрещено выходить из дома после шести часов вечера; с наступлением темноты все улицы были заняты патрулями, по шестидесяти человек каждый, вооруженными саблями и всякого рода самодельными пиками. Около часа ночи во всем Париже начались обыски. Патрули ходили по квартирам, искали оружия и отбирали его, когда находили у роялистов. Всего было арестовано около трех тысяч человек и захвачено около двух тысяч ружей. На другой день большинство арестованных было отпущено на волю, по распоряжению Коммуны или по требованию секций.

В то самое время, когда по энергическому призыву Коммуны весь Париж вооружался, и на всех площадях возвышались алтари отечества, около которых молодежь записывалась в волонтеры и куда граждане и гражданки, богатые и бедные приносили свои пожертвования; в то самое время, когда секции и их Коммуна проявляли поистине необычайную энергию, чтобы обмундировать и вооружить 60.000 добровольцев, отправлявшихся на границу,—именно этот момент избрало Собрание, чтобы разнести Коммуну. Выслушав доклад жирондиста Гюаде, оно издало 30-го августа декрет, предписывавший немедленное распущение Генерального Совета Коммуны и производство новых выборов. Если бы Коммуна подчинилась, то этим сразу была бы утрачена, к вящшей выгоде роялистов и австрийцев, единственная оставшаяся возможность спасения, — возможность отразить неприятеля и побороть королевскую власть. Понятно, стало-быть, что единственное, чем могла ответить на эту меру революция, это было — отказаться от повиновения Собранию и объявить изменниками тех, кто провел эту меру. Так и поступила через несколько дней Коммуна, распорядившись произвести обыски у Ролана и Бриссо. На другой день, 1-го сентября — новое открытие. В официальной газете, Moniteur'e, напечатан был „План соединенных против Ф. сил", полученный, по словам газеты, из Германии из верных источников. Из этого „плана" выяснилось, что, пока герцог Брауншвейгский будет задерживать войска патриотов в восточной Ф., прусский король должен двинуться прямо на Париж, овладеть им и тогда—рассортировать жителей и подвергнуть казни всех революционеров. В случае, если бы сила оказалась на стороне патриотов, предполагалось поджигать города.—„Лучше пустыни, чем восставшие народы", заявили объединенные короли.

В тот-же день, 1-го сентября, после полудня в Париже узнали, что неприятель осаждает Верден, и все сразу поняли, что и этот город сдастся так же как Лонгви; что тогда ничто больше не сможет помешать быстрому движению пруссаков на Париж, и что Собрание или покинет столицу, отдавая ее во власть торжествующего врага, или вступит в переговоры, чтобы вернуть королю трон и предоставить ему полную свободу истреблять патриотов. Наконец, в тот же день, 1-го сентября, Ролан издал обращение к административным учреждениям, которое было расклеено по всему Парижу, и где сообщалось об обширном заговоре, задуманном роялистами, чтобы помешать свободному передвижению съестных припасов во Ф. Города Невер и Лион уже страдали от этого заговора. Тогда Коммуна распорядилась запереть все городские ворота, велела бить в набат и поднять тревогу пушечными выстрелами. В воззвании к народу она приглашала всех волонтеров, готовых к походу, ночевать в эту ночь на Марсовом поле, а на другой день, рано утром, выступить в поход. И тогда по всему Парижу раздался ожесточенный крик: „К тюрьмам!" Там сидят они, эти заговорщики, ждущие только прихода немцев, чтобы разгромить, залить кровью, поджечь Париж. Некоторые секции (Пуассоньер, Почты, Люксембург) решают, что все заговорщики должны быть преданы смерти. Набат раздавался по всему Парижу, на улицах барабанщики били тревогу, каждые четверть часа мерно раздавались три пушечных выстрела, возвещавшие, что отечество в опасности. Волонтеры, отправлявшиеся в бой, на границу, проходили с песнями по улицам — и все

это, вместе взятое, в это воскресенье 2-го сентября доводило до ярости народный гнев против изменников, призвавших иностранные войска себе на помощь. С полудня или с двух часов дня вокруг тюрем, куда поместили арестованных за последние дни роялистов, стали появляться сборища народа. Около половины третьего, когда недалеко от тюрьмы Аббатства (Abbaye) показались несколько закрытых экипажей, в которых перевозили арестованных священников из мэрии в тюрьму Аббатства—их было двадцать-четыре—на них напало несколько волонтеров. Четверо священников было убито, не доезжая до тюрьмы, и двое—при входе в тюрьму, у ее дверей. Остальные были введены в здание Аббатства, но их едва успели подвергнуть самому краткому допросу, как двери тюрьмы взломала толпа, вооруженная пиками, шпагами и саблями, и убила всех священников, за исключением аббата Пикара, учителя глухонемых, и его помощника.

Так начались убийства в тюрьме Аббатства; соседние мелкие торговцы требовали немедленной смерти содержавшихся здесь заговорщиков-роялистов, арестованных после 10-го августа. По соседству все знали, что они сыплют золотом, пируют и свободно принимают в тюрьме своих жен и подруг. При известии о поражении французской армии у Монса в этой тюрьме была устроена иллюминация, а после взятия Лонгви здесь громко праздновали победу немцев. Арестованные роялисты осыпали прохожих оскорблениями из-за решеток и сулили всем скорое наступление пруссаков в столицу и истребление революционеров. Весь Париж говорил о готовившемся в тюрьмах заговоре, о проносившемся туда оружии; все знали также, что тюрьмы стали настоящими фабриками фальшивых государственных ассигнаций, посредством которых пытались подорвать государственный кредит. Обо всем этом говорилось в тех сборищах, которые образовались вокруг тюрем Аббатства, Форс и Консьержери. Скоро толпы народа взломали ворота этих тюрем и начали убивать офицеров генерального штаба швейцарской гвардии дворца, королевских гвардейцев, священников, предназначенных в ссылку за отказ принести присягу конституции, и роялистов-заговорщиков, арестованных после 10-го августа. Такое стихийное нападение, очевидно, поразило всех своею неожиданностью. Бесполезно доказывать, что убийства не были подготовлены Коммуной и Дантоном, как любят уверять роялистские историки. Они явились, наоборот, настолько непредвиденными, что Коммуне пришлось наскоро принять меры, чтобы охранить тюрьму Тампль, где содержались король и его семейство, а также спасти сидевших за долги, за неплатеж кормовых и т. п., равно как и заарестованных придворных дам, близко стоявших к Марии Антуанетте.

Как только в Аббатстве начались убийства, Коммуна немедленно приняла меры, чтобы помешать им. Она тотчас же известила Законодательное Собрание, которое отрядило своих комиссаров для переговоров с народом. В заседании же Генерального Совета Коммуны, открывшемся после полудня, прокурор Коммуны, Манюэль, уже сообщал, около шести часов, о своих тщетных усилиях остановить убийства. Коммуна велела даже в ночь со 2-го на 3-е командующему национальной гвардией, Сантерру, отправить несколько отрядов для того, чтобы остановить убийства. Но национальная гвардия *не хотела вмешиваться*. Очевидно, общее мнение в Париже было таково, что вывести войска против толпы, овладевшей тюрьмами, значило бы зажечь гражданскую войну в тот самый момент, когда неприятель находился всего на расстоянии нескольких дней пути от Парижа, и единство действий против врага было необходимее, чем когда-нибудь. Наблюдательный комитет 2-го сентября издал следующее воззвание: „Именем народа. Товарищи, повелевается вам судить всех без различия заключенных в Аббатстве, за исключением аббата Ланфана, которого вы поместите в верное место. Городская ратуша, 2 сентября (подписано: администраторы Панис, Сержан)“. Немедленно народом был организован временный суд из двенадцати присяжных, избранных народом, под председательством

Мальяра, хорошо известного в Париже с 14 июля и 5 октября 1789 года. Подобный же импровизированный суд был устроен в тюрьме Форс двумя или тремя членами Коммуны; оба эти суда постарались спасти как можно больше заключенных. Так, Мальяру удалось выручить Казотта, сильно скомпрометированного, и де-Сомбрейля, известного за открытого врага революции. В тюрьме Форс также было много случаев оправдания; по словам Тальена, там погибла всего одна женщина — г-жа де-Ламбаль. Каждое оправдание встречалось криками: *„Да здравствует нация!“*, и затем люди из толпы провожали оправданного до дому со всевозможными выражениями симпатии.

В общем, погибло больше тысячи человек, из них 202 священника, 26 королевских гвардейцев, около тридцати швейцарцев из их генерального штаба и больше 300 уголовных заключенных, из которых те, которых содержали в Консьержери, занимались в тюрьме выделкою фальшивых ассигнаций.

Утром 4-го сентября Собрание решилось, наконец, по предложению Шабо, сказать давно ожидаемое слово. Оно заявило в обращении к французскому народу, что хотя уважение к будущему Конвенту и мешает членам Собрания „предрешать, чего они ожидают от французской нации“, они тем не менее теперь же приносят как отдельные личности ту клятву, которой не могут принести как представители народа: клятву *„бороться всеми силами против королей и королевской власти!“ „Не надо короля! Никакой капитуляции, никакого иностранного монарха!“*—повторяли члены Собрания. И как только это обращение к нации было принято голосованием Собрания, комиссары, посланные Собранием с этим заявлением по секциям, всюду были встречены с распростертыми объятиями, и секции взялись *немедленно положить конец убийствам.*

Но как трудно было вынудить у Собрания это заявление! Только после того как Марат стал упорно советовать народу истребить лицемерных роялистов самого Законодательного Собрания, после того как Робеспьер стал обвинять Карра и жирондистов вообще в готовности *принять иностранного монарха* и после того, как Коммуна приказала произвести обыски у жирондистских вожаков, — Ролана и Бриссо, — жирондист Гюаде выступил 4-го сентября — только 4-го сентября — с проектом заявления о готовности представителей народа бороться всеми силами против короля и королевской власти вообще. Если бы такое определенное заявление было сделано тотчас же после 10-го августа, и если бы Людовик XVI тогда же был предан суду, — сентябрьских убийств, несомненно, не произошло бы. Бессилие роялистских интриг стало бы ясно для народа, раз он увидел бы, что они не опираются на Собрание, на правительство.

21-го сентября 1792 года открылся Конвент — собрание, которое так часто представляли впоследствии идеалом всякого революционного собрания. Выборы в Конвент произошли при почти всеобщей подаче голосов, с участием всех граждан, активных и пассивных, но оставались двухстепенными, т. е. все граждане выбирали сперва выборщиков, а эти последние уже выбирали депутатов в Конвент. Такой способ избрания, конечно, был выгоден для зажиточных классов; но так как выборы происходили в сентябре, посреди всеобщего волнения, вызванного народною победою 10-го августа, и многие контрреволюционеры, напуганные событиями 2-го сентября, предпочли вовсе не показываться на выборах, то результаты были менее плохи, чем можно было опасаться.

В первое же свое заседание Конвент единогласно провозгласил отмену монархии во Ф. Три ясно разграниченные партии сошлись в Конвенте: Гора[1]), Жиронда и Равнина, или, вернее, „Болото“ (La Plaine, потом Le Marais). Жирондисты, хотя их было меньше двухсот, господствовали. Они уже раньше, при Законодательном Собрании, давали королю министерство (Ролана) и стремились заслужить славу „государственных людей“. Состоя из людей образованных, изящных, тонких политиков, партия Жиронды предста-

[1]) La Montagne; отсюда — слово монтаньяры.

вляла собою интересы промышленной, торговой и земельной буржуазии, быстро создававшейся при новом порядке. Гора, состоявшая из якобинцев, как Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон, из кордельеров, как Дантон и Марат, и пользовавшаяся поддержкой народных революционеров Коммуны, как Шометт и Эбер, еще не сформировалась в то время в политическую партию: это случилось лишь позднее, под влиянием самого хода событий. Пока Гора поддерживала всех тех, кто хотел итти вперед и привести революцию к осязательным результатам, т. е. уничтожить королевскую власть и окончательно подорвать настроение, поддерживавшее эту власть, раздавить аристократию и политическую силу духовенства, отменить вполне феодализм, упрочить республику. Наконец, Равнину или Болото (впоследствии его называли также Брюхом) составляли люди колеблющиеся, без определенных убеждений, но владеющие собственностью и консерваторы по инстинкту—те самые, из кого состоит большинство всех представительных собраний. В Конвенте их было около пятисот. Сначала они поддерживали жирондистов, но в минуту опасности покинули их. Затем страх заставил их поддерживать крайних монтаньяров с Сен-Жюстом и Робеспьером, а позднее они стали участниками белого террора, после того как термидорский переворот 1794-го года послал Робеспьера и его товарищей на эшафот.

Теперь, после провозглашения республики 21-го сентября 1792-го года, опять можно было думать, что революция сможет развиваться беспрепятственно и пойдет своим естественным путем, указанным ей самою логикою событий. Суд над королем и его осуждение, республиканская конституция взамен конституции 1791 года, война против иностранных завоевателей и, вместе с тем, окончательное уничтожение того, что составляло силу старого строя: феодальных прав, власти духовенства, монархической организации провинциального управления,—отмена всех этих пережитков прошлого естественно вытекала из самого хода революции. Но пришедшая ко власти буржуазия, представляемая в Конвенте „государственными людьми" Жиронды, вовсе не хотела этого.

К счастью, парижскому народу удалось, *в секциях и в Коммуне*, создать рядом с национальным представительством настоящую силу, которая и явилась выразительницей революционных стремлений парижского населения и стала даже господствовать над Конвентом.

Первою заботою Конвента было не решение судьбы низвергнутого короля, а то, какая партия воспользуется победою, одержанною народом над Тюльери,—кто будет *управлять* революцией? На этой почве и началась борьба, которая целых восемь месяцев мешала правильному развитию революции, задержала вплоть до июня 1793 года обсуждение существенных вопросов—земельного и других. 10 августа, после временного отрешения короля, Законодательное Собрание передало обязанности центральной исполнительной власти совету из шести министров,—в большинстве жирондистов. Ролан, Серван, Клавьер, Монж и Лебрён вошли в это министерство с присоединением Дантона, которого революция возвела на пост министра юстиции. В этом совете не было постоянного президента; министры председательствовали по очереди, каждый в течение недели. Конвент утвердил эту организацию; но вскоре Дантон, сделавшийся за это время душою национальной обороны и дипломатии и приобретший первенствующее влияние в совете, принужден был выйти в отставку вследствие нападок на него Жиронды. Он оставил министерство 9 октября 1792 года, и его место занял безличный Гара (Garat). Тогда самым влиятельным лицом в исполнительном совете стал министр внутренних дел Ролан, занимавший этот пост до января 1793 года (он вышел в отставку после казни короля). За эти четыре с лишним месяца Ролан дал возможность группировавшимся вокруг него и вокруг его жены жирондистам проявить всю свою энергию, чтобы помешать революции развиваться в направлении, намечавшемся уже с 1789 года, а именно—помешать установлению на-

родной демократии и затормозить окончательную отмену феодального строя и приближение к уравнению состояний. Дантон, тем временем, все-таки оставался руководителем в делах дипломатии; а когда в апреле 1793 г. был назначен Комитет общественного спасения, Дантон стал министром иностранных дел в этом Комитете. Получив власть и господствуя в Конвенте, Жиронда не сумела сделать ничего положительного. Она „ораторствовала", но ничего не делала, как очень верно заметил Мишле. У нее не хватало решимости на революционные меры, но не хватало ее и на открытую реакцию. А потому настоящая власть, инициатива, практическое действие оставались в руках Дантона во всем, что касалось войны и сношений с иностранными державами, и в руках Парижской Коммуны, секций, народных обществ (sociétés populaires) и отчасти якобинского клуба — в вопросах революционных мер внутри страны. Жиронда яростно нападала на тех, кто действовал, особенно на „триумвират", т. е. на Дантона, Марата и Робеспьера, которых она резко обвиняла в диктаторских стремлениях на том основании, что их мнения и советы приобрели в это время большое значение. Бывали дни, когда можно было думать, что жирондисты восторжествуют и пошлют Дантона в изгнание, а Марата — на эшафот.

Но силы революции в то время еще не иссякли, а потому все эти нападения потерпели неудачу. Они только возбудили в народе горячее сочувствие к Марату (особенно в предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо), усилили влияние Робеспьера на якобинцев и на демократическую буржуазию вообще и возвысили Дантона в глазах всех тех, кто любил борющуюся с королями республиканскую Ф., кто видел в нем энергичного человека, способного противостоять иноземному нашествию, разбить роялистские заговоры внутри страны и упрочить республику.

С первых же заседаний Конвента жирондисты, а с ними вся правая сторона, вновь начали борьбу против Парижской Коммуны, которую они вели уже в Законодательном Собрании, начиная с 11 августа. Жирондисты обязаны были своею властью народному восстанию, подготовленному Коммуною—и именно на нее они обрушились теперь с такою ненавистью, какой никогда не проявляли по отношению к дворцовым заговорщикам. В конце ноября они добились того, что были назначены новые выборы в Генеральный Совет парижского городского управления. Одновременно с этим вышел в отставку жирондистский мэр Парижа, Петион. Но и здесь секции парализовали все эти интриги. На выборах не только партия Горы получила большинство голосов, но такой крайний и такой популярный в народе революционер, как Шометт, был назначен прокурором Коммуны, а редактор газеты „Père Duchesne", Эбер, сделался его помощником (2 декабря 1792 года). Петион, не соответствовавший больше революционному настроению парижского народа, не был избран вновь: его место занял Шамбон, умеренный. Но и он остался мэром всего два месяца, и 14 февраля 1793 года его сменил Паш. Таким образом создалась революционная Коммуна 1793 года—Коммуна Паша, Шометта и Эбера, которая сделалась соперницею Конвента, сыграла 31 мая 1793 года такую важную роль в изгнании жирондистов из Конвента и дала этим самым могучий толчок народной, уравнительной, анти-религиозной и иногда коммунистической революции II года республики (1793—1794).

Главным вопросом момента была, однако, война. От успехов армии, несомненно, зависело дальнейшее развитие революции. Передовые революционеры, как Марат и Робеспьер, не хотели войны. Но немецкое нашествие призвал двор для спасения королевской единоличной власти. Священники и дворяне усиленно толкали к войне, в надежде вернуть себе утраченные привилегии; а соседние правительства видели в войне средство борьбы с революционным духом, пробуждавшимся уже и в их владениях, при чем представлялся удобный случай вырвать у Ф. некоторые провинции и колонии.

Что касается до народа, то крестьянское население пограничных департаментов, при виде приведенных

эмигрантами немецких войск, скоплявшихся на Рейне и в Нидерландах, и сформированных эмигрантами отрядов, поняло, что ему придется защищать с оружием в руках земли, отобранные им у дворянства и у духовенства. Вот почему, когда 20 апреля 1792 года была объявлена война Австрии, население департаментов, соседних с восточною границею Ф., было охвачено энтузиазмом. Волонтеры записывались массами, сроком на год, под звуки песни „Ça ira“, и патриотические пожертвования стекались со всех сторон. Но зато во всех западных и юго-западных областях Ф. население вовсе не желало войны.

26 июля 1792 года герцог Брауншвейгский издал свой манифест, возбудивший негодование по всей Ф. (см. ниже *революционные войны*). 19 августа прусская армия перешла границу. Войско Дюмурье остановило неприятеля у Вальми, при выходе из Аргонского леса, и тут пруссаки потерпели 20 сентября первое поражение,

В конце сентября одна из республиканских армий под командой Кюстина перешла через Рейн и взяла приступом Шпейер (30 сентября). Через несколько дней сдался Вормс, а 23 октября Майнц и Франкфурт-на-Майне были в свою очередь заняты армиями санкюлотов. Армии республики торжествовали также и на севере. В конце октября Дюмурье вступил в Бельгию, 6 ноября одержал при Жемаппе крупную победу над австрийцами, а 14-го Дюмурье вступил в Брюссель. Народ встретил солдат республики с распростертыми объятиями. Жирондисты торжествовали, и 15 декабря Конвент издал декрет, в котором бросал вызов всем монархиям и заявлял, что ни с одной державой не будет заключен мир до тех пор, пока ее войска не будут изгнаны из территории республики. Но в действительности положение внутри страны представлялось в довольно мрачном свете, да и вне ее самые победы республики содействовали все более тесному сближению между собою враждебных ей монархий.

Занятие Бельгии французскими войсками определило роль Англии.

Пробуждение в Англии республиканских и коммунистических идей, проявившееся в основании республиканских обществ, внушило французским республиканцам, а особенно Дантону, надежду на поддержку со стороны революционного движения, могущего произойти в Англии. Но там промышленные и торговые расчеты одержали верх. А когда республиканская Ф. заняла Бельгию и долину Шельды и Рейна, грозя оттуда завладеть также и Голландиею, это решило политику Англии. Отнять у Ф. ее колонии, разрушить ее морское могущество и подорвать ее промышленное и колониальное развитие—такова была политика, за которую высказалось в Англии большинство. Партия Фокса была разбита, партия Питта одержала верх. С этого момента Англия, сильная своим флотом, а в особенности деньгами, которыми она субсидировала континентальные державы, в том числе Россию, Пруссию и Австрию, стала — и осталась на целую четверть века—во главе европейской коалиции. Это означало войну между двумя державами, соперничавшими из-за господства на море—войну до полного истощения сил обоих соперников. Ф. же эти войны неизбежно привели к военной диктатуре Наполеона.

Наконец, если Париж при виде иноземного нашествия был охвачен высоким энтузиазмом, и его волонтеры помчались на границу, чтобы присоединиться к волонтерам восточных департаментов Ф., то та же война дала первоначальный толчок вандейскому восстанию против республики в западной Ф. Она дала возможность духовенству воспользоваться нежеланием населения этих мест бросать свои поля и перелески и итти сражаться неизвестно где, на восточной границе. Война помогла возбудить религиозный фанатизм вандейцев и поднять их как раз в тот момент, когда немецкие войска вступали во Ф.

Урожай хлебов в 1792 году был хорош. Только урожай яровых оказался посредственным вследствие дождей. Вывоз хлеба был запрещен. И при всем том свирепствовал голод. В городах такого страшного голода давно не переживали. Вереницы людей — мужчин и женщин—осаждали булочные и мяс-

ные, проводя ночи под снегом и дождем и даже не зная, удастся ли им принести домой ковригу хлеба. Очень многие отрасли промышленности почти совершенно приостановились, работы не было. Дело в том, что если взять у страны в двадцать пять миллионов жителей для надобностей войны около миллиона человек в цвете лет и, может быть, около полмиллиона лошадей, то это не может не отразиться на земледелии. Нельзя также отдать жизненные припасы целого народа на расточение, неизбежно связанное с войною, без того, чтобы нужда бедноты не стала еще более тяжелою, между тем как стаи эксплоататоров будут обогащаться за счет казны. Все эти жизненные вопросы вихрем сталкивались в каждом провинциальном народном обществе, в каждой секции больших городов, а оттуда переходили в Конвент. А над всеми ими выдвигался центральный вопрос, с которым связаны были все остальные: — „Что делать с королем?“ Два месяца, протекших с момента открытия Конвента до предания короля суду, до сих пор остаются загадкою для истории.

Между тем народ терял терпение. Народные общества значительной части Ф. требовали, чтобы процесс короля не откладывался больше, и 19 октября Парижская Коммуна заявила Конвенту о таком же желании Парижа. Наконец, 3 ноября был сделан первый шаг. Был прочитан доклад, требовавший предания суду Людовика XVI, а на другой день были формулированы и главные пункты обвинения. 13 ноября открылись прения по этому вопросу. 11 декабря Людовик XVI предстал перед Конвентом. Его подвергли допросу, и его уклончивые, неискренние ответы были таковы, что должны были убить последнюю к нему симпатию, которая могла еще оставаться. 26 декабря Людовик XVI предстал во второй раз перед Конвентом в сопровождении своих защитников, — Мальзерба, Тронше и Десеза. Конвент выслушал его защиту, и всем стало ясно, что король будет осужден,

Наконец, 14 января, после очень бурных прений, Конвент решил поставить на голосование и решить поименным опросом каждого депутата три вопроса: виновен ли Людовик XVI в „заговоре против свободы нации и в покушении на безопасность государства,“ будет ли приговор повергнут на голосование всего народа, и какое будет назначено наказание?

Поименный опрос начался на другой день, 15-го. Из 749 членов Конвента 716 объявили Людовика XVI виновным. Никто не ответил на вопрос отрицательно. Затем обращение к народу было отвергнуто 423-мя голосами из 709 вотировавших, По третьему вопросу — о наказании — поименный опрос тянулся двадцать пять часов под ряд. За смертную казнь, без всяких оговорок, подано было 387 голосов из 721 вотировавших (5 человек воздержались и 12 отсутствовали).

21 января 1793 года Людовик XVI погиб на эшафоте. Одно из главных препятствий всякому социальному возрождению республиканской Ф. перестало существовать.

Начиная с 10 августа Парижская Коммуна помечала свои акты „IV годом Свободы, I годом Равенства“. Конвент помечал свои законы „IV годом Свободы, I годом Французской Республики“. Из этой маленькой подробности уже видно резкое различие двух точек зрения: парижского народа и Конвента.

Здесь, очевидно, выступали две совершенно противоположные точки зрения; и представительницами этих двух точек зрения в Конвенте являлись с одной стороны—Гора, с другой—Жиронда. На одной стороне стояли те, кто понимал, что для уничтожения старого феодального строя еще недостаточно было вписать в свод законов первые шаги к его упразднению; что для того, чтобы покончить с неограниченною властью, точно так же недостаточно было свергнуть короля, водрузить эмблему республики на общественных зданиях и поставить слово „республика“ на бланках официальных бумаг. Все это—не более как начало, как создание новых условий, при которых, может быть, удастся совершить преобразование старых учреждений. А против них стояли жирондисты,— партия очень многочисленная. Жирон-

дисты, это были не только те двести членов Конвента, которые группировались вокруг Верньо, Бриссо и Ролана. Это была огромная часть Ф.: почти вся зажиточная буржуазия, все конституционалисты, которых события сделали, правда, республиканцами, но которые все-таки боялись республики, потому что боялись господства масс. А за ними, готовые поддерживать их в ожидании момента, когда можно будет их раздавить в пользу королевской власти, — стояли все те, кто дрожал за свои богатства, а также и за привилегии, доставляемые образованием; все те, кому революция нанесла удар и кто вздыхал по старым порядкам.

В сущности, теперь видно, что не только Равнина Конвента (или Болото), но и три четверти жирондистов были такими же роялистами, как фёльянты. Если некоторые из их вожаков мечтали о чем то в роде античной древнегреческой республики,—без короля, но с подчинением народа законам, издаваемым людьми богатыми и образованными,—то большинство прекрасно мирилось с монархией. Оно вполне понятно, потому что для жирондистов главное было *установление буржуазного строя*, создававшегося в то время в промышленности и в торговле на развалинах феодализма, „сохранение собственности“,—„le maintien des propriétés“, как любил выражаться Бриссо, главный умственный выразитель Жиронды. Отсюда же их ненависть к народу и их любовь к „порядку“. Помешать взрыву народного движения, создать „сильное“ правительство и заставить уважать права собственников—было в этот момент самою главною задачею для жирондистов.

В то время, как жирондисты стремились, таким образом, организовать буржуазную республику и положить основы обогащению буржуазии, по образцу того, что было сделано в Англии после революции 1648 года, монтаньяры—или, по крайней мере, крайняя их группа, скоро взявшая верх над умеренной, представителем которой был Робеспьер, — уже намечали в общих чертах основы нового, социалистического общества. Они хотели, во-первых, уничтожить всякие следы феодализма; затем—уравнять собственность, уничтожить крупное земельное владение, наделить землею всех, даже самых бедных крестьян; организовать общественное распределение предметов первой необходимости (хлеб, мясо, масло и т. д.), при чем эти товары оценивались бы по их действительной стоимости; и наконец, делая из налога боевое оружие против богатых—вести непримиримую войну против „коммерсантизма“: против всех спекуляторов, банкиров, коммерсантов и собственников промышленных предприятий, уже плодившихся в ту пору. Вместе с тем они, еще в 1793 году, провозглашали „право на всеобщее благосостояние“—т. е. „довольство для всех“, из которого социалисты сделали впоследствии „право на труд“. „Право на довольство“ упоминалось уже в 1789 году (27 августа) и вошло в конституцию 1791 года.

Когда Конвент собрался, никто еще не отдавал себе ясного отчета о том, какая пропасть разделяет жирондистов от монтаньяров. В их распрях не видели ничего, кроме личной вражды между Бриссо и Робеспьером. Но уже тогда это была борьба двух противоположных начал: партии порядка и партии революции. Борьба неизбежно должна была быть борьбою на смерть, потому что жирондисты, хотя и были людьми „порядка“, людьми государственными, но считали революционный трибунал и гильотину одним из самых действительных приемов управления. Уже 24 октября 1792 года, когда Бриссо выпустил свой первый памфлет против Горы, он уже требовал в нем государственного переворота, направленного против „дезорганизаторов“, „анархистов“. Выражаясь языком классического Рима, он прямо требовал „Тарпейской скалы“, чтобы с нее сбросить Робеспьера. С этого дня жирондисты, не переставая, пытались отправить на эшафот монтаньяров. 21 марта 1793 года, когда при известии о поражении Дюмурье при Неервиндене Марат выступил в Конвенте, обвиняя этого генерала, друга жирондистов, в измене, они чуть не растерзали Марата на трибуне. Его спасло только его хладнокровие и решимость. Три

недели спустя они сделали новую попытку в том же направлении и, наконец, добились-таки от Конвента предания Марата суду. А еще шестью неделями позже наступила очередь прокурора Коммуны, Эбера, рабочего пропагандиста и коммуниста Варлэ и других „анархистов", которых жирондисты велели арестовать, в надежде отправить их на эшафот. Вместе с тем, повсюду в провинции жирондисты организовывали контр-революционные комитеты и постоянно устраивали отправку в Конвент ряда прошений от людей, называвших себя „друзьями законов и свободы". Они писали в провинцию полные ложных наветов письма против Горы и особенно против революционного населения Парижа. И в то время, как посланные в провинции комиссары Конвента работали всеми силами, чтобы отразить чужеземное вторжение и поднять народ, проводя в жизнь ряд уравнительных мер, — жирондисты повсюду, всякими способами противодействовали этому своими воззваниями.

Каждый день в течение первых пяти месяцев 1793 года борьба между Горою и Жирондою становилась все ожесточеннее, по мере того как три великих вопроса яснее и определеннее выступали перед Ф.: 1) будут ли уничтожены без выкупа все феодальные повинности, или же эти пережитки крепостного состояния будут попрежнему парализовать земледелие и причинять периодические голодовки в деревнях? — Вопрос громадный, жизненный для двадцати миллионов сельского населения, в том числе и для всех тех, кто покупал национальные имущества, конфискованные у духовенства и эмигрантов. 2) Останутся ли сельские общины в обладании мирскими землями, которые там и сям они отобрали назад у помещиков, захвативших эти земли? Будет ли признано право вернуть себе бывшие мирские земли за теми общинами, которые еще этого не сделали? Будет ли признано право на землю за каждым гражданином? Наконец, 3) будет ли введен закон о *максимуме*, т. е. такса на хлеб и на другие припасы первой необходимости?

Эти три вопроса были жизненными вопросами для Ф., и они делили страну на два враждебных лагеря: лагерь собственников и лагерь тех, у кого ничего не было; тех кто богател, несмотря на народную нищету, на голод и на войну, и тех, кто нес всю тягость войны на своих плечах и простаивал часы, а нередко и целые ночи напролет перед дверьми булочных и все-таки после этого возвращался домой без самого необходимого куска хлеба.

Семь месяцев прошло со времени созыва Конвента,—и Конвент ничего еще не предпринял для решения великих вопросов, поставленных революциею Взаимное озлобление партий, из которых одна представляла богатых, а другая защищала интересы бедных, росло с каждым днем,—и не предвиделось никакого выхода, никакого возможного соглашения между теми, кто „защищал имущества", и теми, кто нападал на них. Правда, что и сами монтаньяры не имели определенных воззрений по экономическим вопросам и делились на две группы, из которых одна шла гораздо дальше другой. Та группа, к которой принадлежал Робеспьер, была склонна к воззрениям почти настолько же благоприятным для собственников, как и жирондисты. Но, как бы мало симпатичен ни был нам лично Робеспьер, нужно сказать, что он развивался вместе с революциею и что к страданиям народа он всегда относился сочувственно. Еще в 1791 году он поднял в Учредительном Собрании вопрос о возврате общинам отобранных у них мирских земель. Теперь, когда эгоизм собственников и „коммерсантизм" буржуазии выступали все резче и резче, Робеспьер открыто стал на сторону народа и революционной Коммуны города Парижа, — т. е. тех, кого жирондисты называли тогда „анархистами".

Какие бы резкие столкновения ни возникали между Горою и Жирондою в Конвенте, борьба между ними, вероятно, еще затянулась бы надолго, если бы она ограничивалась стенами Законодательного Собрания. Но со времени казни Людовика XVI события пошли ускоренным ходом, и разделение между революционерами и противниками ре-

волюции так резко обозначилось во всей Ф., что для неопределенной, ублюдочной партии не было места. В силу самих событий жирондисты, противясь дальнейшему развитию революции, неизбежно оказались, вместе с фёльянтами и роялистами, в лагере противу-революционеров; и, как таковых, революция неизбежно должна была их устранить.

Казнь короля глубоко отозвалась во всей Ф. Если буржуазия была объята страхом при виде такой дерзости монтаньяров и дрожала теперь за свои имущества и жизнь, зато наиболее разумная часть народа увидала в этом шаге новый поворот в революции и стала надеяться, что теперь, наконец, будет сделано что-нибудь, чтобы открыть народу пути к обещанному революционерами благосостоянию для всех. Велико, однако, было их разочарование. Нищета, все более и более черная, росла среди бедного населения Парижа по мере того, как надвигалась эта мрачная зима 1793 года с ее недостатком хлеба, безработицей, дороговизной припасов и падением курса ассигнаций. Парижская Коммуна, получая от Конвента значительные денежные пособия для покупки зерна и муки, поддерживала в Париже, хотя и с трудом, цену на хлеб в три су за фунт (около 6 копеек). Но чтобы купить дешевого хлеба, надо было простаивать добрую половину ночи на тротуаре у дверей булочных. Притом народ понимал, что Коммуна, покупая зерно и муку по тем высоким ценам, которые поддерживали скупщики, тем самым обогащала их на счет государства. Дело не выходило, таким образом, из заколдованного круга спекуляции и наживы. А между тем спекуляция достигала ужасающих размеров. Она стала любимым средством обогащения нарождавшейся буржуазии. Не только поставщики для армии наживали крупные состояния в самое короткое время, но на все велась такая же спекуляция в больших и малых размерах: на хлеб, на муку, на кожи, на масло, на свечи, на жесть и т. д.,— не говоря уже о колоссальных спекуляциях на продаже национальных имуществ. На глазах у всех люди богатели со сказочною быстротою. И вопрос: „что же делать?“ возникал тогда со всем трагизмом, какой он приобретает в минуты народного кризиса. Те, для кого лучшим, высшим средством против всех общественных зол является „наказание виновных“, ничего другого не сумели предложить, как смертную казнь спекуляторам, усовершенствование полицейской машины „общественной безопасности“ и революционного суда — что представляло, в сущности, не что иное, как возврат к суду сентябрьских дней, но только без его откровенности.

Однако же в предместиях Парижа уже вырабатывалось в то время более глубокое течение мысли, искавшее *постройтельных* решений, и оно нашло свое выражение в проповедях одного рабочего, Варлэ, и одного бывшего священника, Жака Ру, за которыми стояли все те „неизвестные“, которые перешли в историю под прозвищем „бешеных“. Эти „бешеные“ понимали, что теории о торговле хлебом без всяких ограничений, развиваемые в Конвенте Кондорсэ, Сийесом и другими, совершенно ложны; и что жизненные припасы, раз они поступают в торговлю в недостаточном количестве, легко могут быть скупаемы спекуляторами. Они начали, поэтому, проповедывать необходимость коммунализации (обобществления) и национализации торговли, *необходимость организовать по всей Ф. обмен продуктов по стоимости их производства*, — мысль, которою вдохновились потом Годвин, Фурье, Роберт Оуэн, Прудон и их социалистические последователи. Эти „бешеные“ также поняли—и мы увидим, что их идеи вскоре начали прилагаться на практике,—что недостаточно обеспечить каждому „право на труд“ или даже „право на землю“; что необходимо еще, чтобы исчезла также *коммерческая* эксплоатация; а для этого необходимо *обобществление торговли*.

Тогда как Робеспьер все еще надеялся законным путем парализовать жирондистов в Конвенте, „бешеные“ поняли, что покуда Жиронда будет властвовать в Собрании, никакой экономический прогресс для народа невозможен. Они имели смелость громко заявить, что

аристократия богатства, крупных торговцев и финансовых тузов воздвигалась уже на развалинах дворянской аристократии, и что она настолько сильна в Конвенте, что коалиция королей никогда не решилась бы напасть на Ф., если бы не рассчитывала на ее поддержку. Необходимость положить конец политической власти жирондистов чувствовалась, так. обр., все сильнее, когда измена Дюмурье (см. ниже *революционные войны Ф.*) дала Горе новую силу.

В начале 1793 года положение на театре войны представлялось в очень мрачном виде. Успехи, одержанные предыдущею осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти в наступление, надо было пополнить армии, а волонтеров записывалось все менее и менее. В феврале рассчитывали, что потребуется по крайней мере 300.000 человек, чтобы заполнить пробелы в рядах и довести действующие войска до полумиллионного состава. Тогда Конвент увидал себя вынужденным объявить 24 февраля 1793 года набор в 300.000 человек. Чтобы побудить к поступлению на службу, Конвент не только обещал пенсии солдатам, но также давал им возможность покупать национальные имущества, выплачивая каждый год своею пенсиею десятую часть покупной цены. Для этой операции было ассигновано имуществ на 400 миллионов. Недостаток в деньгах был в это время ужасный, и Камбон, безусловно честный человек, которому предоставлена была почти полная диктатура финансов, был вынужден сделать новый выпуск ассигнаций на 800 миллионов. Но самые доходные из имуществ духовенства — земли — были уже проданы, а имения эмигрантов продавались очень плохо. Их покупали неохотно, так как вообще боялись, что они будут отобраны у покупщиков, как только эмигранты вернутся во Ф.

Впрочем, главное затруднение на театре войны было не столько в деньгах, сколько в офицерах. Большинство офицеров и почти все высшее начальство были против революции; генералы и высшие чины вообще не внушали доверия войскам, и за изменою Лафайета действительно скоро последовала измена Дюмурье.

Легко себе представить, какое впечатление произвели эти известия в Париже, тем более, что вслед за ними пришли и другие, еще более грустные. В Лионе реакционные батальоны поднялись против революционной Коммуны города Лиона как раз в то время, когда дворяне-эмигранты, собравшиеся в Турине, переходили границу и вступали, вооруженные, во Ф. при поддержке Сардинского короля. Наконец, 10 марта восстала Вандея, — обширная область в западной Ф., между Бретанью и рекою Луарою. Ясно было, что все эти движения, как и в предыдущем году, составляли часть одного обширного плана контр-революционеров. В Вандее восстание давно уже подготовлялось по наущению Рима. Набор, объявленный Конвентом 10 марта, давал сигнал ко всеобщему бунту. По предложению Катлино, крестьянина-каменщика и церковного старосты в своем приходе, ставшего одним из самых смелых начальников банд, во главе восстания был поставлен верховный совет, главою которого был назначен священник Бернье. 10 марта ударили в набат в нескольких стах приходах, и около 100.000 человек бросили работу и начали охоту на республиканцев и на присягнувших конституции священников. Против этого восстания Конвент мог выставить только 2.000 человек, рассеянных по всей Нижней Вандее, от Нанта до Рошели. Лишь в конце мая на места прибыли первые организованные силы республики. До того Конвент мог бороться против восстания одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацию имуществ для дворян и для священников, которые не выедут из Вандеи в течение восьми дней. Дела шли не лучше и в восточной Ф., где армия, под начальством Кюстина, отступала перед австрийцами, а Дюмурье открыто восстал против Конвента.

Конвент, пользуясь обстоятельствами, и под предлогом, что „недостаток единства“ мешал до сих пор правильному ведению войны, решил взять в свои руки исполнительную власть в придачу к законодательной. Он назначил „Комитет общественного спасения“, которому дал очень широкие,

почти диктаторские полномочия. И эта мера имела громадные последствия для всего дальнейшего развития революции.

В Конвенте, после измены Дюмурье, положение стало совершенно невозможным. Чувствуя, каким пятном легла на них измена их любимого генерала, жирондисты с удвоенною яростью нападали на монтаньяров. Пользуясь тем, что значительное число членов Горы было в отсутствии, так как они были разосланы комиссарами к армиям и в департаменты, жирондисты потребовали от Конвента преследования против Марата, — отдачи его под суд за проповедь убийства и грабежа. 13 апреля Конвент выпустил повеление об аресте Марата, принятое большинством 220 голосов против 92 из 367 присутствовавших, при чем было 7 голосов за отсрочку и 48 не подававших голоса. Но, как только Париж узнал, что против Марата был выпущен декрет о заарестовании, поднялась страшная агитация. 14 апреля вспыхнуло бы восстание, если бы монтаньяры, включая Робеспьера и самого Марата, не уговаривали народ успокоиться. Марат 24 апреля явился сам перед судом. Присяжные, конечно, немедленно оправдали его, и тогда народ понес его с торжеством на своих плечах в Конвент, а оттуда по улицам. Толпа ликовала, его осыпали цветами. В таких условиях заседания Конвента обращались в отчаянные схватки между обеими партиями, и Конвент терял уважение народа. Зато Парижская Коммуна приобретала все больше значения как инициатор революционных мер.

По мере того, как подвигалась зима 1792—1793 года, голод в больших городах принимал все более и более мрачный характер. Муниципалитеты выбивались из сил, чтобы добывать хлеб, хотя бы только по четверти фунта — по четыре унции — в день на каждого жителя. И ради этого городские управления, особенно Парижская Коммуна, входили в неоплатные долги государству. Тогда Парижская Коммуна постановила взыскать с богатых единовременный прогрессивный налог в 12.000.000 ливров на военные нужды. Жирондисты прониклись еще большею ненавистью к Коммуне за то, что она пустила мысль об этом налоге. 19 мая, по предложению Барера, они добились от Конвента назначения „Комиссии двенадцати“, которая должна была разобрать все решения, принятые Парижскою Коммуною, и эта комиссия, составившаяся 21 мая, сразу стала главным органом правительства и реакции. Два дня спустя, 23-го, она уже выпустила приказ об аресте Эбера, товарища прокурора Коммуны, очень любимого народом за откровенно республиканский характер его газеты „Père Duchesne“, и Варлэ, любимца парижского бедного народа, который проповедывал социальную революцию. Впрочем, этими арестами Комиссия двенадцати не думала удовольствоваться. Она хотела преследовать также и секции и потребовала, чтобы книги секций были ей представлены. Президента и секретаря секции Cité, отказавшихся представить свои книги, она велела арестовать. Борьба становилась борьбою на жизнь и смерть. Со своей стороны, жирондист Иснар, который был председателем Конвента в эту неделю,—властолюбивый человек,—еще усилил озлобление своими угрозами. Он грозил парижанам уничтожением Парижа, если бы они вздумали наложить руку на народное представительство. Восстание было неизбежно, и Робеспьер, до тех пор советовавший не поднимать восстания, стал теперь на его сторону. Уже 14 апреля 35 секций из 48 потребовали от Конвента исключения двадцати двух представителей жирондистов, имена которых они давали в особом списке. Теперь секции решили восстать, чтобы заставить Конвент повиноваться этому желанию парижского населения. Опять, как и перед 10 августа, народ сам подготовил восстание в своих секциях. Дантон, Робеспьер и Марат часто совещались между собою в эти дни, но они колебались, и действовать взялись опять-таки „неизвестные“. Они составили клуб восстания во дворце Епископства и назначили для целей восстания „Комиссию шести“.

Секции приняли деятельное участие в подготовительной работе. Уже в марте секция Четырех Наций объявила себя „в восстании“ и уполномочила

свой „комитет надзора“ выпустить приказы об аресте граждан, подозреваемых за свои противу-революционные убеждения; тогда как некоторые другие секции (Моконсейль, Пуассоньер) открыто требовали ареста депутатов „бриссотинцев“, т. е. жирондистов. В следующем месяце, т. е. 8 и 9 апреля, после измены Дюмурье, секции Бонконсейль и Хлебного Рынка требовали преследований против сообщников изменника-генерала; а 15 числа того же месяца тридцать пять секций выпустили уже список двадцати двух членов Жиронды, которых необходимо было, по их мнению, исключить из Конвента.

Уже с начала апреля секции старались также объединиться для общего действия, — непосредственно, помимо Совета Коммуны,—и ради этого секция Гравилье взяла на себя почин образования особого „центрального комитета“. Этот комитет взял в свои руки руководительство движением. Что-же касается до клуба якобинцев, то его влияние осталось ничтожным.

26-го мая многочисленные сборища народа начали осаждать Конвент. Часть из них скоро проникла в залу заседаний, и они начали требовать уничтожения жирондистской Комиссии двенадцати. Однако, Конвент весь день сопротивлялся этому требованию и уступил только после полночи, когда, разбитые усталостью, его члены не могли более выдержать напора со стороны народа. Комиссия была распущена. На другой день, 27-го, жирондисты при поддержке Равнины снова восстановили Комиссию двенадцати. Восстание, таким образом, не достигло своей цели.

Тогда Совет Коммуны и революционный совет крайних, заседавший во дворце Епископства, решили 31-го мая снова поднять народ и оказать давление на Конвент. В ночь на 31-ое мая был образован один „общий революционный совет“, который и принял на себя руководительство восстанием. Этот общий совет назначил начальником всей национальной гвардии Анрио, командира одного из ее батальонов — батальона секции Санкюлотов. Скоро набат раздался по всему Парижу; на улицах и площадях барабанщики били тревогу. В восстании, впрочем, замечалась всеобщая нерешительность. Два батальона, верные жирондистам, первые прибежали к зданию Конвента и расположились напротив Тюльери. Анрио с 48-ю пушками секций окружил здание Конвента.

Часы проходили, но никто ничего не предпринимал. Весь Париж был на ногах, но народные массы не появлялись около Конвента, чтобы оказать на него давление, так что жирондист Верньо, видя, что восстание дальше не развивается, убедил Конвент провотировать, что „секции заслужили благодарность отечества“. Он, очевидно, надеялся ослабить этим маневром их враждебность по отношению к Жиронде. Восстание казалось, таким образом, проигранным, когда под вечер подошли, наконец, новые массы народа и наводнили залу Конвента. Тогда монтаньяры почувствовали, что им явилась поддержка, и Робеспьер потребовал не только уничтожения Комиссии двенадцати и отдачи ее членов под суд, но и возбуждения преследования против жирондистских главарей. Но этого предложения и обсуждать не стали. Все, на что решился Конвент, это было — снова уничтожить Комиссию двенадцати и потребовать передачи всех ее бумаг в Комитет общественного спасения, который обязывается представить о них доклад не позже чем через три дня. Кроме того, Конвент подтвердил декрет Коммуны, в силу которого рабочие, которые останутся под ружьем вплоть до восстановления общественного спокойствия, будут получать по два франка в день, — вследствие чего Коммуна сейчас-же взыскала налог с богатых, чтобы заплатить рабочим за три дня. Решено было также, что трибуны Конвента будут открыты для публики без всяких билетов. Дело ограничилось, таким образом, второстепенными уступками, партия жирондистов оставалась в Конвенте в полной силе и попрежнему имела за себя большинство депутатов; движение, стало быть, не дало никакого существенного результата.

Но тогда парижский народ, понимая, что в сущности ничего еще не было добыто, начал подготовлять новое вос-

стание. Революционный комитет, составленный в среде Совета Коммуны, не теряя времени, отдал приказание заарестовать бывшего министра Ролана и его жену (так как Ролан выехал, то арестовали ее одну), и он определенно потребовал у Конвента ареста двадцати пяти жирондистских депутатов. Вечером снова зазвонили в набат, снова раздавались мерные пушечные выстрелы.

Тогда 2-го июня весь Париж поднялся. Более ста тысяч вооруженных человек собралось вокруг здания Конвента. Они привезли с собою 163 орудия и требовали, — или чтобы жирондистские вожди подали в отставку, или же чтобы двадцать два из них (позднее — двадцать семь) были исключены Конвентом из своей среды. Ужасные известия, полученные в этот день из Лиона, придали восстанию новую силу. Оказалось, что 29-го мая полуголодный народ Лиона восстал, но контр-революционеры, т. е. роялисты, при поддержке жирондистов взяли верх и восстановили порядок, истребив для этого 800 патриотов. Участие, принятое жирондистами в лионской контр-революции, было вполне установлено. Лионские события погубили Жиронду. Народ, осаждавший Конвент, объявил, что никого не выпустит, пока, так или иначе, не состоится исключение главных жирондистов.

Конвент, со своей стороны, — т. е. жирондистская правая, Равнина и даже часть Горы, — объявивши, что их прения не могут считаться свободными, так как Конвент окружен народом, попытались выйти, в надежде, что народ расступится перед своими представителями. На это Анрио, вынув саблю, отдал свое знаменитое приказание: „Канониры, — к орудиям!“ Члены Конвента, вышедшие на площадь, должны были вернуться.

Тогда, после трехдневного сопротивления, Конвенту осталось только покориться, и он постановил, наконец, исключение тридцати одного из своих членов жирондистов, после чего депутация от народа пришла вручить Конвенту следующее послание:

„Весь народ парижского департамента посылает нас к вам, граждане-законодатели, чтобы сказать, что декрет, только что принятый вами, составляет спасение республики. Мы пришли вам предложить, что мы объявим себя заложниками в числе, равном числу выключенных Собранием членов, чтобы отвечать перед департаментами за их безопасность“.

С другой стороны, Марат произнес 3-го июня в клубе якобинцев речь, в которой он излагал смысл совершившегося движения, и тут же провозглашал, что цель его — создать *достаток для всех*.

„Мы дали большой толчок, — говорил он, — Конвенту предстоит теперь упрочить основы общественного благоденствия. *Мы хотим, чтобы граждане, которых зовут сан-кюлотами, пользовались счастием и благосостоянием.* Мы хотим, чтобы этому полезному классу помогли богатые, по мере своих достатков. Мы не хотим нарушать права собственности. Но какое право собственности священнее всех других? — Право на существование! Мы хотим, чтобы это право собственности было охраняемо... Мы хотим, чтобы в нашем деле были заинтересованы все те, кто не имеет стотысячного капитала. Те, у кого есть сто тысяч или больше, пусть кричат себе... Мы им скажем:—согласитесь, что нас больше, чем вас, и если вы не хотите вместе с нами приложить руки к общему делу, мы вас выгоним из республики и возьмем вашу собственность, чтобы поделить ее между сан-кюлотами“.

В эти дни Париж вовсе не хотел казни арестованных жирондистских депутатов. Все, чего хотело большинство, это — чтобы революционным членам Конвента была дана возможность продолжать революцию. Арестованных депутатов не послали в тюрьму, — им разрешили, напротив, оставаться под домашним арестом. Им продолжали выдавать их 18 франков в день, полагавшиеся каждому депутату Конвента, и они могли ходить по Парижу в сопровождении жандарма, которого, впрочем, обязаны были кормить сами. Если бы эти депутаты удалились в частную жизнь, их наверно оставили бы в покое. Но вместо того они немедленно отправились в провинции, чтобы там подни-

мать восстание против Парижа и Конвента. И когда они увидали на местах, что им приходится итти против самой революции, рука об руку с духовенством и роялистами, — они предпочли соединиться с роялистами, чем отказаться от своих планов. Тогда, — но только тогда, т. е. в июле 1793-го года, — Конвент объявил их вне закона.

Период, начинающийся 31-го мая 1793-го года и продолжающийся до 27-го июля 1794 (т. е. до 9-го термидора II-го года Республики), представляет собою самый важный период революции. Великие изменения, которые только наметило в принципе Учредительное Собрание в ночь 4-го августа 1789 года, осуществляются, наконец, после четырехлетнего сопротивления, обновленным Конвентом. При этом народ не только заставляет Конвент провести ряд коренных революционных мер, он же приводит их в исполнение на местах при помощи народных обществ, к которым обращаются комиссары Конвента, когда им приходится создавать в городах и деревнях революционную исполнительную власть. Голод еще продолжается в течение этого периода, и война, которую республике приходится вести против Англии, блокирующей все порты Ф., и против прусского короля, австрийского императора и королей сардинского и испанского,—принимает ужасающие размеры. В этих условиях, поистине трагических, когда во всем чувствуется недостаток — в хлебе, в обуви, в перевозочных средствах, в железе, свинце, меди, селитре и т. д. и когда ничего нельзя ввозить во Ф., ни сухим путем, сквозь кольцо из 400.000 солдат, брошенных на Ф. союзниками, ни морем, сквозь цепь английских кораблей, поддерживающих блокаду, — в этих условиях бьются санкюлоты, чтобы спасти погибающую республику.

Тем временем все те, кто стоит за старый порядок, все занимавшие некогда привилегированное положение, все надеющиеся вернуть себе свои привилегированные места или создать себе новые привилегии, как только вернется монархия, — т. е. духовенство, дворяне, буржуазия, обогатившаяся через революцию, — все в заговоре против республики. Те, кто остается верен ей, вынуждены биться между кольцом иностранных штыков и пушек, с одной стороны, и внутренними заговорами, старающимися поразить их исподтишка, сзади.

Видя это, сан-кюлоты стараются достичь одного: *сделать так, чтобы ко времени возвращения реакции создалась уже новая, перерожденная Ф.:* крестьяне — уже овладевшие землею; городские рабочие — уже свыкшиеся с равенством и демократиею; аристократия и духовенство — уже лишенные владений, составлявших действительную их силу, и их имения — уже в руках тысячей новых владельцев, разбитые на части, совершенно неузнаваемые в новой обработке, так, что их почти уже невозможно восстановить в прежнем виде.

Первою действительно революционною мерою, принятою после 31-го мая, был *принудительный заем у богатых* на покрытие военных издержек. Положение казначейства было самое жалкое. Война требовала громадных расходов, а ассигнации, выпущенные в больших количествах, уже падали в цене. Новые налоги, если их наложить на массу населения, ничего не могли бы дать. Оставалось, следовательно, одно—налагать подати на богатых. И мысль об насильственном займе в миллиард ливров, мысль, между прочим, высказанная уже во время министерства Неккера в самом начале революции, — назревала в умах.

Но когда этот вопрос был поднят в Конвенте, 20-го мая, даже умеренный Камбон высказался за заем.

В материальном отношении принудительный заем оказался вполне неудачным. Но, так как для более крайних монтаньяров было важно подготовить умы к *уравнению состояний* и фактически к нему приблизиться, — в этом отношении они достигли своей цели.

Для всякой революции одним из главных затруднений является вопрос — как прокормить большие города? Так и было во Ф. в эти годы. Эмиграция, война, — особенно война с Англией, приостановившая вывоз и морскую торговлю, которою жили Марсель, Нант,

Бордо, Лион и т. д., наконец, чувство, общее всем богатым, — боязнь выказывать свое богатство во время революции, — все это быстро сократило производство предметов роскоши и торговлю ими. Крестьяне, особенно те, которые овладели землею, работали упорно над ней. „Никогда еще не было такой пахоты, как осенью 1791 года", говорит Мишле. И если бы урожай был хороший в 1791-м, 1792-м и 1793-м году, в хлебе не было бы недостатка. Но с 1788-го года во всей Европе, а в особенности во Ф., переживали ряд неурожайных годов: зимы стояли холодные, а летом мало было солнца. В сущности, за все эти годы был только один урожайный год, 1793-й, и то только в половине Ф. В некоторых департаментах был даже избыток хлеба. Но когда этот избыток, а равно и перевозочные средства потребовались для войны,—в большей половине Ф. начался голод. Мешок пшеницы, стоивший до того 50 ливров (франков) в Париже, дошел до 60 ливров в феврале 1793 года, до 100 и до 150 в мае. Хлеб, стоивший прежде три су за фунт (около 6 коп.), поднялся теперь до шести и даже до восьми су в городках около Парижа. Так как в начале 1793-го года Конвент еще ничего не предпринимал, то в восьми департаментах вспыхнули восстания, и народ сам стал назначать таксу на хлеб и другие припасы. Всесильные комиссары Конвента были вынуждены тогда уступать перед восставшим народом и стали назначать таксу, требуемую населением. В Париже вопрос о том, как прокормить 600.000 человек, дошел до полного трагизма. Парижская Коммуна, — все более и более должая государству,—тратила каждый день от 12.000 до 75.000 ливров, чтобы снабжать хлебников мукою и удерживать хлеб в известной цене. Сколько ни принимали мер строгости против спекуляторов, ничто не помогало. После изгнания жирондистов Коммуна добилась от Конвента закрытия парижской биржи (27-го июня 1793); но это не остановило биржевой игры. 8-го сентября 1793 года Парижская Коммуна велела опечатать все банкирские конторы и конторы „торговцев деньгами". Сен-Жюст и Леба́, посланные Конвентом в департамент Нижнего Рейна, приказали уголовному суду снести дома каждого, кто будет уличен в ажиотаже на ассигнации (перекупка денежных знаков для перепродажи). Но спекуляторы, конечно, находили тогда новые пути. В Лионе положение было еще хуже, чем в Париже, так как муниципалитет, в котором заседало не мало жирондистов, не принимал никаких мер, чтобы помочь народной нужде.—„Теперешнее население Лиона доходит, по меньшей мере, до 130.000 душ", писал Конвенту его комиссар, Колло́ д'Эрбуа, от 7-го ноября 1793 г. „Наше положение по отношению к провианту — отчаянное... Скоро начнется голод". И во всех больших городах было то же самое. Нужна была какая-нибудь общая мера, и Конвент был принужден народом принять ее в мае. Уже 16-го апреля 1793 г. управление департаментом, к которому принадлежал Париж, обратилось в Конвент с просьбой назначить *максимум* цен, по которым позволялось продавать зерновой хлеб; и после серьезнаго обсуждения, несмотря на ожесточенную оппозицию жирондистов, Конвент издал 3-го мая 1793 г. декрет, которым определялись высшие цены на зерновой хлеб.

Основною мыслью этого закона было привести фермеров и потребителей, по возможности, в прямое сношение между собою, помимо всяких посредников. Ради этого, всякий, кто имел зерновой хлеб для продажи, и всякий хлеботорговец должны были объявить в своем муниципалитете, сколько у них было разных хлебов. Хлеба́ и муку позволялось продавать только в общественных рынках, на то предназначенных; но потребителям предоставлялось также покупать зерновой хлеб непосредственно у хлеботорговцев и у землевладельцев, но только на один месяц, и то — заручившись предварительно свидетельством из своего муниципалитета. Средние цены, стоявшие на разные сорта хлеба от 1-го января до 1-го мая 1793 года, становились теперь максимальными ценами, выше которых никто не смел продавать. Эти цены должны были постепенно опускаться до 1-го сентября. Лицо, продавшее или купившее хлеб выше установленной цены

подвергалось штрафу. Тому же, кто был бы уличен, что умышленно испортил или зарыл зерновой хлеб или муку (и это делалось, несмотря на голод) — тому полагалась смертная казнь. Несколько месяцев спустя нашли, что лучше установить одну цену на зерновой хлеб во всей Ф., и 4-го сентября 1793 г. Конвент установил цену на сентябрь месяц. Вот в чем состоял этот закон о *максимуме*, против которого столько восставали и за который роялисты и жирондисты так упрекали монтаньяров. То была мера, вынужденная необходимостью; но ее тем более не могли простить монтаньярам, что некоторые из них, за-одно с народом, требовали, чтобы такса была установлена не только на зерновой и на печеный хлеб, но также и на все предметы *первой и второй необходимости*. — „Если общество, говорили они, берет на себя защиту жизни граждан, то не обязано ли оно также защищать его от тех, которые покушаются на жизнь людей, вступая в соглашение, чтобы лишить их припасов, необходимых для жизни?“ Борьба загорелась жестокая по этому вопросу, так как жирондисты и многие монтаньяры были совершенно против всякой таксы на припасы, находя ее „неполитичной, непрактичной и опасной“. Но общественное мнение взяло верх, и 29-го сентября 1793 г. Конвент решился установить максимум цен для предметов „первой и второй необходимости“.

Такса была установлена на зерновые хлеба и также на ряд других предметов первой и второй необходимости. Мясо, скот, сало, прованское масло, рыба, уксус, водка и пиво входили в этот разряд. Различные виды топлива, свечи, светильное масло, соль, мыло, сахар, мед, белая бумага, металлы, пенька и лен, ткани, холсты, деревянные башмаки, обувь вообще, табак и сырье, употребляемое на фабриках, были также включены в список предметов, для которых назначалась такса, сроком на один год. Высшие для них цены определялись по ценам, стоявшим в 1790-м году (как они были занесены в рыночные таблицы); к ним прибавлялась одна треть, за вычетом акциза, которому они были подвержены (закон 29 сентября 1793). Но вместе с тем Конвент выпустил закон и против наемного труда и вообще против бедных. Он постановил, что „максимум или вообще самая высокая заработная плата, жалованье и поденная плата будут установлены общинными советами, сроком на один год, по той цене, какая стояла в 1790-м году, с прибавкой половины этой цены“. Очевидно, на этом дело не могло остановиться. Раз Ф. отказывалась от системы полного произвола в торговле и, следовательно, спекуляции, неизбежно вытекающей из этого произвола, — она уже не могла удовлетвориться такими робкими попытками. Она должна была итти дальше на пути *коммунализации торговли*, каковы бы ни были препятствия, которые встретят эти начинания. Действительно, 11-го брюмера II-го года (1-го ноября 1793 г.) Конвент, на основании доклада Барéра, нашел, что назначать цены, по которым товары должны были продаваться в розничной торговле, значило „накладывать налог на мелкую торговлю в пользу фабричного предпринимателя“. Тогда была высказана мысль, что для того, чтобы устанавливать цены каждого из товаров, поименованных в предыдущем декрете, нужно было знать „ценность каждого товара на месте производства“. Если тогда прибавить 5% прибыли для оптового торговца и 5% для розничной торговли и еще столько-то по-верстной платы за перевозку товара, можно будет установить истинную цену, по которой каждый товар следует продавать.

В виду этого начато было громадное расследование, имевшее целью определить один из элементов ценности (стоимость производства). Но, к сожалению, оно не могло быть доведено до конца, так как 9-го термидора (27 августа 1794) восторжествовала реакция, и все это было оставлено. Третьего нивоза III-го года (23-го декабря 1794) после бурных прений, начатых термидорцами уже с 8-го ноября, законы о максимуме были отменены.

В результате получилось страшное падение ассигнаций. В торговле стали давать только 19 ливров серебром за 100 ливров бумажками; полгода спустя курс упал уже до двух лив-

ров за сто, и до пятнадцати су в ноябре 1795-го года. В то же самое время Конвент, в котором властвовали уже термидорцы (жирондисты с роялистами), начал выпускать такие громадные количества ассигнаций, что с 6.420 миллионов, находившихся в обращении 13-го брюмера III-го года (3-го ноября 1794), эта цифра почти удвоилась и поднялась восемь месяцев спустя (т. е. к 13-му июля 1795) до двенадцати миллиардов ливров.

Подвергаясь со всех сторон нападению всех монархий, соединившихся против нее в самый разгар начатой ею перестройки своих учреждений, Ф. переживала чрезвычайно трудное, опасное время. И только изучая это время во всех его подробностях, в мелочах обыденной жизни, прослеживая изо дня в день страдания, пережитые французским народом, можно понять всю преступность богатых, когда они ради сохранения своего привилегированного положения не задумались призвать себе на помощь иностранное нашествие и подвергнуть Ф. всем ужасам гражданской войны. И вот, жирондистские главари, исключенные из Конвента 2-го июня 1793 г., тоже не задумались отправиться в провинции и там раздувать огонь гражданской войны при поддержке роялистов и иностранного вторжения. Изгнавши из своей среды тридцать одного жирондистского депутата, Конвент подверг их, как мы видели, только домашнему аресту, предоставляя им, впрочем, свободно ходить по Парижу в сопровождении жандарма. Верньо, Жансоннэ, Фонфред действительно остались в Париже, и Верньо пользовался своею свободою, чтобы время от времени адресовать Конвенту ядовитые послания. Остальные же бежали из Парижа, с целью поднять департаменты против Конвента. Роялисты, очевидно, только этого и желали, и в скором времени восстания вспыхнули в шестидесяти департаментах, при чем жирондисты и самые крайние роялисты шли рука об руку. Часть жирондистских депутатов, изгнанных из Конвента, а именно Петион, Гюаде, Бриссо, Барбару, Лувэ, Бюзо и Лангинэ, направились в Нормандию и в Бретань, чтобы стать там во главе восстания. В Кане, главном городе Нормандии, они организовали „Ассоциацию соединенных департаментов", имевшую целью поход на Париж. Арестовавши депутатов, присланных Конвентом, они старались разжечь умы против монтаньяров. Генерал Вимпфен, командовавший войсками республики в Нормандии и ставший на сторону заговорщиков, не скрывал от них ни своих роялистских мнений, ни своего намерения искать поддержки в Англии, — и жирондистские главари не порвали с ним. К счастью, масса народа в Нормандии и в Бретани не пошла за жирондистами, роялистами и духовенством. Города стали за революцию, и восстание, побежденное в Верноне, кончилось ничем. Таким образом, восстание не удалось в Нормандии и Бретани. Но из Кана явилась Шарлотта Кордэ, чтобы убить Марата. Она приехала 11-го июля в Париж, 13-го явилась к Марату. Он сидел в крытой горячей ванне, правя корректуры своей газеты „Друг Народа" на доске, положенной поперек ванны. Тут и ударила его Шарлотта Кордэ прямо в открытую грудь. Он умер через несколько минут. Три дня спустя, в Лионе, жирондисты гильотинировали другого друга народа,—Шалье́.

Если восстание не удалось в Бретани и в Нормандии, зато контр-революционеры имели более успеха в провинции Пуату (департаменты Двух-Севр, Вьенны и Ванде́и), в Бордо и в Лиможе. Небольшие движения против Конвента произошли также в некоторых восточных департаментах: в Безансоне, Дижоне и Маконе. На юге, где давно уже работали роялисты, восстания произошли в разных местах. Марсель, подпавши под власть контрреволюционеров,—жирондистов и роялистов, — назначил себе временное правительство и собирался послать войска против Парижа. Тулуза, Ним, Гренобль тоже поднялись против Конвента. Тулон даже принял английский и испанский флот, который и овладел укреплениями этого военного порта, во имя Людовика XVII-го. Бордо́, большой торговый город, готовился восстать на защиту жирондистов; а Лион, где торговая и промышленная буржуа-

зия взяла верх уже 29 мая, открыто восстал против Конвента и выдержал долгую осаду, при чем пьемонтские войска, пользуясь расстройством республиканской армии, которая должна была опираться на Лион, вступили в пределы Ф.

Разжигаемое эмиссарами из Рима восстание вспыхнуло в Вандее с невероятной свирепостью. План вандейцев был—завладеть городами и истребить в них всех „патриотов", т. е. всех республиканцев, а затем—распространить восстание на соседние департаменты и итти на Париж. В начале июня 1793-го года вандейские вожди, Катлинò, Лескюр, Стофле, Ларош Жаклен, во главе сорока тысяч человек действительно овладели городом Сомюром. Река Луара была, таким образом, в их руках. Затем, перейдя Луару, они овладели Анжером (17-го июня). 29 и 30 июня вандейские армии, быстро соединившись, напали на Нант. Но тут они были отбиты республиканцами и потеряли Катлинò,—своего действительно демократического вождя. Отбитые от Нанта, вандейцы стали отступать и даже оставили Сомюр, после чего они уже вынуждены были перейти на левый, т. е. южный, берег Луары.

Тут потребовались невероятные усилия со стороны республики, чтобы разгонять отряды вандейцев, державшиеся на своей собственной, родной земле. Война обратилась в прямое истребление, вследствие чего от двадцати до тридцати тысяч вандейцев, за которыми тянулись их жены и дети, решили эмигрировать в Англию, пересекая Бретань. Но Англия вовсе не желала принять таких эмигрантов; а бретонцы, со своей стороны, холодно встретили их—тем более, что в Бретани патриоты брали верх, — и тогда вся эта масса голодных и оборванных мужчин, женщин и детей снова была отброшена к Луаре; тюрьмы Нанта стали переполняться с угрожающею быстротою. В этих логовищах, битком набитых человеческими существами, стали развиваться тиф и всякие другие заразные болезни, которые из тюрем распространялись по городу среди населения, истощенного осадою.

Что же касается до Вандеи вообще, то Комитет общественного спасения, не давая себе даже труда вдуматься в причины восстания в целой области и довольствуясь нелепым объяснением, что все происходит. от „фанатизма этих озверевших мужиков", не стараясь даже понять крестьян и приохотить их к республике, возымел дикую идею истребить всех вандейцев и обезлюдить Вандею. Шестнадцать укрепленных лагерей было устроено с этою целью, и двенадцать „карательных экспедиций" было пущено в Вандею, чтобы разорить всю страну, жечь крестьянские избы и истреблять крестьян.

Легко понять, к чему привела эта бойня. Вандея обратилась в гнойную рану республики. Громадная область была навсегда потеряна для республики, и Вандея стала причиною кровавых раздоров среди самих монтаньяров.

Восстания в Провансе и в Лионе имели такое же печальное влияние на ход революции. Лион был городом, где производились предметы роскоши,— шелк, бархат. Множество артистов-рабочих было тогда занято тканьем у себя на дому тонких шелков и вышиванием золотом и серебром. И все это производство приостановилось во время революции. Самое же население разделилось на два враждебных лагеря. Рабочие-хозяева, маленькие мастерки и буржуазия, высшая и средняя, были против революции. Рабочие же,— те, которые работали на маленьких мастерков или находили себе заработок в различных отраслях, зависимых от тканья шелков, стояли за революцию. Они уже тогда вырабатывали основы социализма, который развился в девятнадцатом веке, и охотно следовали за Шальè, — коммунистом-мистиком, приятелем Марата, имевшим большое влияние в муниципалитете. Кроме того, активная коммунистическая пропаганда велась еще Л'Анжом, предшественником Фурье, и его друзьями. Буржуазия же, со своей стороны, охотно стояла за одно с дворянами и особенно с духовенством, которое имело тогда большое влияние на население, при чем на помощь ему явились еще эмигранты-священники из Савойи. Большая часть лионских секций была

искусно наводнена жирондистскою буржуазиею, за которою скрывались роялисты.

Столкновение произошло, как мы видели, 29-го мая 1793 г. На улицах дрались, и буржуазия одержала верх. Шальé был заарестован, и так как Робеспьер и даже Марат плохо защищали его в Париже, то жирондисты казнили его 16-го июля. Вообще месть якобинцам со стороны буржуазии и роялистов была ужасна. Лионская буржуазия, выступавшая до тех пор под знаменем жирондистов, поощренная теперь вандейским восстанием, открыто вступила в союз с роялистами-эмигрантами. Она вооружила 20.000 человек и привела город в состояние обороны против Конвента.

После измены Дюмурье и изгнания жирондистских вождей из Конвента, республике пришлось снова произвести полную реорганизацию своих армий,—в этот раз на демократических началах. Ей предстояло переменить весь состав высшего военного начальства, чтобы заменить жирондистов и роялистов республиканцами-монтаньярами. Почти все лошади и рабочий скот во Ф. были забраны для военных потребностей. Солдатам так же не хватало хлеба, как и крестьянам и бедному населению в городах.

Во всем чувствовался такой же недостаток. В Бретани, в Эльзасе комиссары Конвента должны были обращаться к жителям больших городов, как Брест или Страсбург, с приглашением обуться всем в деревянные башмаки и послать всю свою обувь солдатам. Все кожи приходилось отбирать силою и всех сапожников—заставлять работать на войско; и все-таки обуви не хватало, так что даже солдатам иногда раздавали деревянные башмаки. Хуже того. Приходилось составлять комитеты, чтобы отбирать в частных домах „всю кухонную утварь, котлы, кастрюли и всякую медную посуду и свинцовые вещи, равно как всю медь и свинец не в поделках“. Так было сделано, например, в округе города Страсбурга.

В самом Страсбурге представители Конвента и муниципалитет вынуждены были просить у обывателей платья, чулок, башмаков, рубашек, простынь, одеял и всякого старого белья, чтобы одеть оборванных волонтеров; кровати в частных домах брались для раненых. Но всего этого не хватало, и по временам комиссары Конвента вынуждены были налагать на население тяжелые революционные налоги, взыскивая их преимущественно с богатых. Так делалось особенно в Эльзасе, где крупные помещики не хотели отказываться от своих феодальных прав, на защиту которых выступила Австрия.

Однако же, мало по малу армия была реорганизована. Генералы из жирондистов были устранены, и люди молодые заняли их места. Это были везде люди новые, для которых война еще не стала ремеслом, воодушевленные всем энтузиазмом народной революции. Они скоро создали новую военную тактику, которую впоследствии приписывали Наполеону,—тактику быстрых передвижений и больших масс, нападающих на отдельные части неприятельской армии и уничтожающих их, раньше чем они успеют соединиться. Одетые в лохмотья, часто босоногие, очень часто впроголодь, но вдохновленные революциею и идеями равенства, волонтеры 1793 года одерживали победы там, где поражение казалось неизбежным. При этом комиссары Конвента выказывали суровую энергию, чтобы прокормить эти армии, одеть их, организовать перевозку. Почти всегда равенство было их руководящим началом. Было, конечно, и среди комиссаров Конвента несколько негодных людей, как Камбасерес, и было несколько, несомненно стремившихся к наживе; но то были очень редкие исключения. Почти все двести комиссаров Конвента делили с солдатами их нищету и опасности.

Все эти усилия дали победу, и после того, как в августе и сентябре пережит был очень мрачный период неудач, республиканские армии, наконец, одержали верх. В начале осени иностранное вторжение было остановлено.

Главною задачею Конвента, ради которой он и был созван, было—составление новой, республиканской конституции. Конституция 1791-го года, монархическая и делившая народ на два

класса, при чем один из них был лишен всяких политических прав, не могла быть оставлена в силе. В действительности, она уже перестала существовать. Поэтому, как только сошелся Конвент (21 сентября 1792), он занялся новою конституциею. 11 октября был выбран конституционный комитет, и в этом комитете жирондисты, очевидно, оказались в большинстве. В него вошли: Сийес, англичанин Томас Пэн (Paine), Бриссо, Петион, Верньо, Жансонне, Кондорсэ, Барер и Дантон. Жирондист Кондорсэ, известный математик и философ, уже с 1774-го года занимавшийся, вместе с Тюрго, политическими и социальными реформами, был одним из первых, объявившихся республиканцами после побега короля в Варенн. Он и был главным составителем проекта конституции, представленного Конвенту жирондистским комитетом, и сопровождавшей его „Декларации прав человека и гражданина".

Насчет общих положений Декларации прав не трудно было согласиться, тем более, что обе партии, как жирондисты, так и горцы, хотели избегнуть того, что могло бы послужить усилению „бешеных" (enragés), т. е. коммунистов. Робеспьер произнес речь, которая, несомненно, была слегка окрашена тем, что теперь называется социализмом. „Надо заявить, говорил он, что право собственности ограничено, как и все другие права, обязательством уважать права других личностей; что оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни жизни, ни собственности наших ближних; и что всякая торговля, нарушающая эти права, по этому самому непозволительна и безнравственна". Он требовал также провозглашения права на труд — в форме, однако, довольно мало-значущей: „Общество обязано заботиться о средствах существования всех своих членов,—или доставляя им труд, или обеспечивая средства существования тем, кто не в силах работать". Но тут же, кстати, он не преминул отмежеваться от тех, кто хотел равенства в правах на землю. Конвент рукоплескал этой речи, но отказался ввести в Декларацию прав даже те четыре статьи, которые выражали скромные мысли Робеспьера о правах собственности. Таким образом, ни 29-го мая, когда Конвент, накануне восстания 31-го мая единогласно принял Декларацию прав, ни 23-го июня, когда Декларация была принята в ее окончательной, слегка пересмотренной редакции, в нее и не подумали ввести те скромные, принципиальные ограничения права собственности, которые Робеспьер изложил в сжатой форме в своих четырех статьях. И сам Робеспьер на этом уже не настаивал.

Но где понятия Горы действительно расходились с понятиями Жиронды, это выказалось 22-го мая, когда началось обсуждение жирондистского проекта уничтожения общинных муниципалитетов и введения, взамен их, кантональных (волостных) управлений. Против этого уничтожения монтаньяры выступили совершенно решительно, тем более, что жирондисты хотели попутно уничтожить и единство Парижа и его Коммуны, предлагая разделить на несколько муниципалитетов каждый город, имеющий свыше 50.000 жителей. Тогда Конвент, чувствуя, конечно, что Париж уже сильно волновался в этот день, резко стал на сторону монтаньяров и отверг жирондистский проект „кантональных муниципалитетов". Но события шли ускоренным ходом. После того, как влиятельные жирондисты были изгнаны 2-го июня из Конвента и арестованы, Конвент начал 11-го июня обсуждение нового краткого плана конституции, выработанного его монтаньярскою комиссиею. Обсуждение продолжалось неделю, до 18-го июня. Затем, Декларация прав (принятая уже, как мы видели, 29-го мая) была слегка пересмотрена, чтобы согласовать ее с конституциею, и, представленная вновь 23-го июня, она была одобрена Конвентом в тот же день. На следующий день, 24-го, конституция была принята во втором чтении, и Конвент немедленно разослал ее первичным избирательным собраниям, с тем, чтобы подвергнуть ее голосованию всем народом.

Для выбора народных представителей конституция 1793-го года вводила всеобщую и прямую подачу голосов, по списку (scrutin d'arrondissement), составляемому в каждом округе, состоя-

щем из 50.000 жителей. Администрация департамента и округов избиралась двухстепенною подачею голосов, а исполнительный совет, т. е. исполнительная власть в государстве, или министерство, избирался трехстепенным голосованием. Законодательное Собрание избиралось только на один год, и все его решения делились на два разряда: *декреты* (указы), которые становились обязательными немедленно, и *законы*, для которых народ мог потребовать всенародного голосования, или *референдума*.

Наконец, конституция обеспечивала всем французам „свободу, безопасность, собственность, государственный долг, свободное отправление всякого богослужения, общее для всех образование, общественную помощь, неограниченную свободу печати, право подавать прошения, право собираться в народные общества, пользование всеми правами человека". Что же касается до социальных законов, ожидавшихся от конституции, то докладчик Геро де Сешель обещал их на будущее время.

Предложенная на одобрение первичных избирательных собраний, конституция 24 июня 1793 года была принята с большим единодушием и даже энтузиазмом. Республика состояла тогда из 4.944 кантонов (волостей), и когда получилось голосование из 4.520 кантонов, то оказалось, что конституция была принята 1.801.918 голосами против 11.610.

10-го августа 1793-го года эта конституция была провозглашена в Париже с большим торжеством, и в провинции она, несомненно, помогла парализовать жирондистские восстания. Росказни жирондистов о том, что монтаньяры хотят восстановить королевскую власть и посадить на престол герцога Орлеанского, падали сами собою. С другой стороны, конституция 1793-го года была так хорошо принята большинством демократов, что она стала с тех пор на целое столетие символом веры для государственной демократии всех народов. Другим важным делом Конвента были декреты о крестьянах: о возврате общинных земель и об освобождении земли от феодальных повинностей.

Покуда жирондисты властвовали в Конвенте, дело общинных земель не подвигалось. Конвент ничего не делал, чтобы ослабить пагубное действие законов, проведенных Законодательным Собранием в августе 1792 года. Зато тотчас же после 2-го июня Конвент взялся за этот великий вопрос и уже девять дней спустя (11-го июня 1793) провел радикальный закон об общинных землях, составляющий эпоху в жизни французских крестьян, — один из законов, наиболее богатых последствиями во всем французском законодательстве. В силу этого закона, все земли, отнятые у общин помещиками в продолжение последних двухсот лет и перешедшие во время революции в руки частных лиц, должны были быть возвращены общинам, равно как и все пустопорожние земли, выгоны, луга, пески, заросли и т. д., которые были захвачены или отняты у общин частными лицами каким бы то ни было способом, — включая сюда и те земли, относительно которых Законодательное Собрание установило, было, сорокалетнюю давность. Разверстка, в силу закона 11-го июня 1793-го года, должна была произойти по душам, считая *каждого из жителей общины, всякого возраста и обоего пола, находящегося налицо или отсутствующего*. Всякий гражданин, не исключая батраков, наемных работников и прислуги на фермах и т. п., проживший в течение года в общине, имел право на свою часть общинных земель. И в продолжение десяти лет участок, доставшийся каждому гражданину, не мог быть описан за долги. Однако же, раздел был *необязателен*. Мирской сход, составленный из всех лиц, имеющих право на раздел и достигших 21-летнего возраста, будет созван, говорил закон, в воскресный день, и сход решит, желает ли он раздела общинных земель или части их. *Если треть голосов будет за раздел, раздел должен быть совершен*, и это решение не может быть отменено.

Легко представить себе, какой переворот этот закон производил в жизни деревень. Все земли, отнятые у общин помещиками, церковью, монастырями, ловкими буржуа и др., теперь могли быть взяты назад крестьянами. Кроме того,

общинные земли, увеличенные всем тем, что́ закон 11-го июня возвращал крестьянам, принадлежали уже *всем*,— всем жившим в коммуне более года, по числу едоков в каждой семье—включая детей и стариков. Всякое различие между „гражданами“ и „присельщиками“ исчезало. Общинная земля принадлежала *всем*. Это была целая революция.

Месяц спустя (17 июля 1793 г.) Конвент решился нанести окончательный удар, которым революция завершалась и узаконялась в одной из двух главных своих задач — в окончательном уничтожении пережитков феодализма. 21 января 1793 г. перестала существовать королевская власть. Теперь, 17 июля 1793 г., законом уничтожались феодальные права, — т. е. крепостная зависимость одного человека от другого. Декрет 17 июля 1793 г. был совершенно ясен. Различия, установленные обоими предыдущими Собраниями между различными феодальными правами, в надежде сохранить хотя бы некоторые из них, теперь уничтожались. Всякое право владельца земли, имевшее феодальное происхождение, переставало существовать. „Все платежи бывшим помещикам, все феодальные права как постоянные, так и случайные, даже те, которые утверждены были декретом минувшего 25 августа, уничтожаются без всякого выкупа“, гласит статья 1-ая закона 17 июля 1793 г. Исключение есть только одно: остаются арендные платежи и обязательства исключительно земельные, не феодальные (ст. 2).

Таким образом, *истолковывать феодальную плату* (т. е. крепостное обязательство), *как арендную плату за землю*, как это сделано было законами 1790 и 1791 года, — отменялось безусловно Мало того. Если какая-нибудь арендная плата или какое бы то ни было обязательство крестьянина имело феодальное происхождение (из времен крепостного права), — каково бы ни было наименование этой аренды или обязательства,—они уничтожались навсегда, без всякого выкупа.

По закону 1790 г. выходило так, что если крестьянин нанимал землю с обязательством платить ежегодно столько-то, он мог выкупить эту землю и стать ее собственником, выплативши сумму, равную двадцати или двадцатипятилетней аренде. И крестьяне принимали это условие. Но, прибавлял тот же закон 1790 г., если кроме земельной ренты помещик наложил когда-то на арендующего крестьянина еще какой-нибудь платеж или обязательство феодального характера, — напр., налог на наследство, или на продаваемые крестьянином продукты, или какие-нибудь ленные обязательства (службы), или какое бы то ни было личное обязательство (напр., обязательство пользоваться помещичьею мельницею, или его печью, или давилом для приготовления вина, или же платеж натурою части продаваемых продуктов, или ограничение права продажи своего хлеба не раньше известного срока), или, наконец, платеж при прекращении аренды или при продаже земли новому владельцу,—тогда арендатор обязан был выкупить и это феодальное обязательство вместе с земельною рентою.

Теперь Конвент поступал революционным путем. Он ничего знать не хотел обо всех этих феодальных вымогательствах. Если крестьянин, арендующий вашу землю, несет какое бы то ни было обязательство феодального характера, какого бы то ни было наименования, — оно уничтожается безусловно. Или же ваш арендатор платит вам ренту на землю, и в этой ренте ничего нет феодального; но, в придачу к этой ренте, вы наложили на него какое-нибудь ленное обязательство или личную повинность феодального характера,—если так, то он становится владельцем земли, ничего вам не выплачивая.

Когда мы изучаем экономические результаты Великой революции, как она совершалась во Ф., мы постигаем громадную разницу, какая существует между уничтожением крепостных отношений, совершенном бюрократически, самим же феодальным государством (как оно было совершено в Пруссии после 1848 г. или же в России в 1861 г.), и уничтожением, совершенным путем революции. В Пруссии и России крестьяне заплатили за освобожде-

ние от феодальных и крепостных повинностей потерею значительной части некогда принадлежавших им земель и выкупали остальные на разорительных для них условиях. *Крестьяне впали в бедность, чтобы получить землю, свободную от крепостных обязательств*, тогда как помещики, сперва сопротивлявшиеся уничтожению крепостного права, в сущности извлекли из него — по крайней мере в плодородных областях — неожиданные для себя выгоды. Кроме того, почти везде в Европе, кроме Ф., освобождение крестьян увеличило государственную власть помещиков.

Только во Ф. (и во французской Швейцарии), где уничтожение феодальных отношений совершилось революционным путем, переворот обратился против экономической и политической касты бывших рабовладельцев на пользу громадной массе крестьян.

С провозглашением конституции Конвент, который именно для того и был созван, чтобы выработать для Ф. республиканскую конституцию, должен был бы разойтись. Но все чувствовали, что в данных условиях, имея на руках иностранное вторжение, войну с коалицией держав на всех границах и восстание в Вандее, в Лионе, в Провансе и т. д., ввести новую конституцию было невозможно. Конвенту нельзя было разойтись и подвергать республику всем случайностям новых выборов.

Робеспьер развил эту мысль в клубе якобинцев на другой же день после провозглашения конституции, и многочисленные депутаты, съехавшиеся в Париж из провинций, чтобы присутствовать при провозглашении конституции, были того же мнения. 28-го августа Комитет общественного спасения высказал ту же мысль в Конвенте и после шестинедельного колебания, — после того, как временное правительство республики одержало свои первые успехи в Лионе,—т. е. 10-го октября 1793 года, было объявлено, что правительство Ф. останется „революционным“ вплоть до заключения мира. Конституция была принята, но вводить ее в жизнь не решались. Конвент и назначенные им комитеты сохраняли свою власть. Таким образом удерживалась, — на деле, если не по праву,—диктатура Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, вскоре усиленная законом о подозрительных личностях и законом, вводившим в провинциях революционные комитеты.

Опыт, сделанный революцией с католическим духовенством, которое присягнуло конституции и тем не менее боролось против нее всякими средствами, доказал невозможность привлечь духовенство на сторону прогрессивных идей. Поэтому, мысль о том, что следует исключить из государственного бюджета жалованье священникам и предоставить уплату их содержания самим верующим, неизбежно возникла перед революцией. Уже в ноябре 1792-го года Камбон поднял этот вопрос в Конвенте. Но Конвент три раза решал удержать оплачиваемую государством и подчиненную государству национальную церковь, — хотя в тоже время принимал самые суровые меры против священников, противившихся революции.

10 октября, когда Конвент принял уже новый календарь, комиссар Конвента Фушэ выпустил приказ, в силу которого богослужебные обряды могли совершаться только внутри храмов. Все „религиозные эмблемы, воздвигнутые на дорогах“, должны были быть сняты. Священники не смели появляться в облачении, иначе как в храмах. Похороны должны были совершаться без всякой религиозной церемонии в полях, обсаженных деревьями, „в тени которых будет возвышаться статуя, изображающая Сон. Всякие другие эмблемы будут уничтожены“, и „на воротах такого поля, освященного религиозным почтением к останкам предков, будет сделана надпись: *Смерть есть вечный сон*“. Фушэ разъяснял также народу смысл своих декретов материалистическими лекциями. В тоже самое время другой комиссар Конвента, Лэньо, обратил в городе Рошфоре приходскую церковь в „Храм Правды“, и восемь католических священников и один протестанский пастор явились в этот храм 31-го октября 1793 г. и сложили с себя священнический сан. В Париже, под влиянием Шометта, 14-го октября было запрещено совершать богослужение вне

храмов, а 16 октября Коммуна приняла сущность декрета Фушэ о погребениях.

Конвент поощрял движение против католической веры. Тогда Анахарсис Клоотс и Шометт решились сделать еще шаг в том же направлении. Клоотс, прусский барон, всем сердцем отдавшийся революции и проповедывавший союз всех народов, а также прокурор Парижской Коммуны, Шометт, истинный представитель парижского рабочего, уговорили епископа парижского, Гобеля, отречься от своего духовного сана. Гобель посоветовался на этот счет с епископским советом, который одобрил его намерение и, известивши заранее советы департамента и Коммуны, Гобель явился 17-го брюмера (7-го ноября 1793) в Конвент с одиннадцатью из своих священников сложить аттрибуты своего епископского сана и отречься от него. Его сопровождали мэр Паш, прокурор Шометт и два члена департаментского совета, Моморо́ (коммунист) и Люльé.

Епископ Гобель произнес по этому случаю речь, в которой говорил, что всю свою жизнь был привязан „к непоколебимым принципам равенства и нравственности, необходимым во всякой истинно-республиканской конституции". Теперь он повиновался голосу народа и отказывался исполнять „обязанности священника католической веры". Сложивши свой крест и снявши епископское кольцо, он надел эмблему равенства, — красный шерстяной колпак, предложенный ему одним из членов Конвента.

Собранием овладел тогда энтузиазм, который можно сравнить только с энтузиазмом в ночь 4-го августа. Два других епископа, Томас Лэндэ и Гэ-Вернон, равно как и другие члены Конвента, принадлежавшие к священническому сану, бросились к трибуне и последовали примеру епископа Гобеля. Только аббат Грегуар (янсенист) отказался присоединиться к ним. Что же касается до аббата Сийеса, то он объявил, что уже много лет тому назад отказался быть священником, что у него нет другого исповедания, кроме исповедания свободы и равенства, и что он давно уже стремится к торжеству разума над суеверием и фанатизмом.

Эта сцена произвела глубочайшее впечатление на современников. Об ней узнали, конечно, во всей Ф. и во всей Европе. И везде она вызвала среди правящих классов усиленную ненависть против республики.

Парижская Коммуна и секции открыто вели дело отречения от христианской веры (déchristianisation). В каждой секции хотя одну из церквей переименовывали в храм Разума; а Генеральный Совет Коммуны даже рискнул еще резче поставить дело. В ответ на речь, произнесенную Робеспьером 1-го фримера о необходимости религии для народа, Совет Коммуны, под влиянием Шометта, выпустил 3-го фримера (23-го ноября) постановление, в силу которого все церкви и храмы всех исповеданий должны были быть закрыты; каждый священник становился ответственным за всякие беспорядки религиозного характера, и революционным комитетам предлагалось вести строгий надзор за священниками. Кроме того, Совет Коммуны просил Конвент лишить лиц духовного звания права занимать какие бы то ни было общественные должности. В то же время Коммуна учреждала „курс нравственного учения" для подготовления проповедников нового исповедания. Вместе с тем предписывалось сломать все колокольни, а в нескольких секциях праздновали праздники Разума. Одна из секций сожгла молитвенные книги, а Эбер сжег в Коммуне несколько мощей. В провинции почти все города, особенно в юго-западной Ф., присоединились, повидимому, к новому рационалистическому учению.

В Париже советы департамента и Коммуны решили праздновать 20-го брюмера (10 ноября) в Соборе Богоматери „праздник Свободы и Разума", во время которого будут исполнены патриотические гимны перед статуей Свободы. Анахарсис Клоотс, Моморо́, Эбер, Шометт занялись усиленною пропагандою в народных обществах, чтобы подготовить этот праздник, и он вполне удался.

Между тем правительство, т. е. Комитет общественного спасения, глухо противодействовало этому движению. 1-го фримера (21-го ноября) Робеспьер

произнес в якобинском клубе свою первую очень резкую речь против культа Разума. Конвент, говорил он, никогда не сделает этого дерзкого шага и не примет мер против католической веры. Он сохранит свободу исповеданий и не позволит преследовать мирных священнослужителей. Он называл людей, начавших борьбу против христианства, *изменниками и агентами врагов Ф.*, стремящимися оттолкнуть от республики тех иностранцев, которых привлекали к республике ее нравственные идеалы или же понимание своей собственной пользы.

В середине фримера Робеспьер, пользуясь поддержкой Дантона, решился действовать, и 16-го (6-го декабря) он потребовал от Комитета общественного спасения декрета о свободе богослужения, которого первый параграф запрещал „всякое насилие и всякую меру, противную свободе вероисповеданий". Весьма вероятно, что эта мера была вызвана боязнью восстаний в деревнях, так как закрытие церквей было принято крестьянами очень враждебно. Во всяком случае, с этого дня католицизм восторжествовал. Все поняли, что Робеспьер взял его под свое покровительство. Католицизм снова становился государственной церковью.

Пока этим дело ограничилось. Но весною Комитет общественного спасения, под влиянием Робеспьера, попробовал выставить против религии Разума религию Верховного Существа, задуманную на началах, высказанных Руссо в его „Савойском священнике". Однако же, эта религия, несмотря на поддержку правительства и на угрозу гильотины для ее противников, все время смешивалась с религией Разума, даже когда ее обряды назывались культом Верховного Существа. Под этим последним именем культ, наполовину деистический и наполовину рационалистический, продолжал распространяться до тех пор, пока термидорская реакция не положила ему конец.

Движение 31-го мая 1793-го года позволило революции закончить то, что составляло ее главную задачу: окончательное уничтожение, без выкупа, феодальных прав и полное освобождение страны от королевского деспотизма и управления придворной челядью. Но раз это было сделано революцией, она начала останавливаться.

После того, как Конвент закрепил законом то, чего требовали крестьяне, и что они кое-где приводили уже в исполнение самовольно в продолжение четырех лет, — после этого народное представительство уже не в силах было предпринять никакой другой серьезной органической реформы. Если исключить меры, касающиеся военной защиты и народного образования, работа Конвента поражает с этих пор своею бесплодностью.

Теперь нужно искать вне Конвента и вне якобинского клуба,—т. е. в Парижской Коммуне, в секциях столицы и провинциальных городов и в клубе кордельеров — людей, понимающих, что победы революции можно будет упрочить, только идя дальше, вперед, и старающихся поэтому выдвинуть требования коммунистического характера, зародившиеся в народных массах.

Эти люди, прозванные за это „бешеными", „анархистами", пытаются организовать Ф., как *союз сорока тысяч коммун*, находящихся в постоянном сношении друг с другом и представляющих центры жизни крайней демократии, работающие над установлением „равенства на деле", как тогда говорилось,— „уравнения состояний". Они стараются дать дальнейшее развитие зачаткам муниципального коммунизма, признанным в законе о максимуме; они пытаются ввести *национализацию торговли главными жизненными припасами* и тем положить предел спекуляциям торгашей. Они стараются, наконец, положить предел образованию больших состояний и раздробить те, которые уже скопились в одних руках.

Но революционная буржуазия,—дойдя до власти и пользуясь силою обоих Комитетов, общественного спасения и общественной безопасности, которых влияние росло по мере того, как разгоралась война, — революционная буржуазия раздавила тех, кого она называла „бешеными" и „анархистами", и, в свою очередь, была раздавлена 9-го термидора контр-революционною буржуазиею. Тогда, после того как крайние революционеры были уничтожены,

легко уже было утвердиться правительству Директории; а потом Бонапарт, овладев центральною властью, которую создали революционеры-якобинцы, без труда мог стать консулом, а впоследствии и императором.

Покуда монтаньярам предстояла борьба в Конвенте с жирондистами, они искали поддержки у народных революционеров. В марте, в апреле 1793-го года они, казалось, готовы были итти очень далеко рука об руку с пролетариями. Но раз они оказались у власти, они уже думали только о создании „средней партии", стоящей на пол-пути между крайними и контр-революционерами.

Утверждение монтаньярского правительства, вот что более всего интересовало членов Конвента. Но, подобно всем членам всякого правительства до революции и после нее, они искали опоры не в установлении всеобщего благосостояния и довольства, а в ослаблении и в случае надобности в истреблении противников своего правительства. Поэтому они вскоре со страстью ухватились за террор, как за средство уничтожать врагов демократической республики, но никогда не отнеслись они с такою же верою к крупным мерам экономического характера, — даже если они сами, уступая давлению минуты, провели эти меры законодательным путем.

Уже в наказах 1789-го года встречаются воззрения, которые в настоящее время были бы названы социалистическими. Руссо, Гельвеций, Мабли, Дидро и др. уже представляли неравенство состояний и скопление богатств в руках немногих, как главное препятствие установлению демократической свободы. При первых же проблесках революции эти воззрения стали высказываться с большею силою.

Тюрго, Сийес, Кондорсэ утверждали, что равенство в политических правах еще ничего не дает, если нет равенства на деле (égalité de fait). Это последнее, говорил Кондорсэ, представляет собою „последнюю цель социального искусства", так как неравенство богатств, неравенство состояний и неравенство образования — главные причины всех зол. И те же идеи нашли отголосок во многих наказах избирателей, которые требовали или права всех на обладание землей, или „уравнения состояний".

Можно даже сказать, что парижский пролетариат вполне сознавал свои нужды и находил уже людей для верного их выражения. Мысль о двух классах, имеющих противоположные интересы, ясно выражена в „Наказе бедных" (Cahier des pauvres) округа Сент-Этьен дю-Мон некиим Ламбертом, „другом тех, у кого ничего нет". Производительный труд, достаточная заработная плата (living wage нынешних английских социалистов), борьба против так называемого „невмешательства" буржуазных экономистов, противопоставление социального вопроса вопросу политическому, — все это уже встречается в „Наказе бедных".

Но в особенности стали открыто распространяться коммунистические идеи после взятия Тюльери и еще более — после казни короля, т. е. в феврале и марте 1793-го года. Можно думать даже, что жирондисты потому выступили такими ярыми защитниками собственности, что они устрашились влияния, которое приобретала в Париже пропаганда равенства и коммунизма.

Некоторые жирондисты, а именно Рабо Сент-Этьен и Кондорсэ, несомненно подверглись влиянию этого движения. Кондорсэ на смертном одре излагал план „взаимности" (mutualité), т. е. взаимного страхования всех граждан против всего того, что может привести рабочего в состояние, где он должен продавать свой труд, как бы мала ни была предлагаемая ему цена. Что-же касается до Рабо, то он требовал, чтобы большие состояния были отняты у богатых либо путем прогрессивного налога, либо организуя „естественный переход избыточного богатства в общественные, общеполезные учреждения". „Большие состояния представляют препятствие к свободе", — писал он, повторяя формулу, в то время весьма распространенную. Некоторые из монтаньяров шли гораздо дальше. Так, Бильо-Варен в брошюре, изданной в 1793 году, открыто высказался против крупной собственности. По его мнению, следовало постановить, что никто не может владеть больше известного количества десятин земли и что никто не

должен наследовать больше 20.000 или 25.000 ливров. Он понимал, что главная причина всех общественных зол состоит в том, что есть люди, находящиеся „в прямой, но не взаимной зависимости от других; так как это составляет первое звено в цепи рабства". Он не придавал серьезного значения нарезке мелких участков земли, которыми хотели наделить бедных, „так как их существование", писал он, „останется жалким и несчастным, раз они должны зависеть от воли других".

Другие, как, например, Лепельтье, ограничивались тем, что проповедывалось в наше время, тоже в Интернационале, под именем „интегрального (полного) образования", т. е. обучения каждого юноши ручному ремеслу и наукам; тогда как другие, как, напр., Арманд, довольствовались проповедью „возмещения собственности" ограбленному народу (restitution des propriétés) и ограничения права собственности в интересах всего народа.

Истинных проповедников коммуналистического и коммунистического движения 1793 и 1794 года нужно, однако, искать не в Конвенте, а в народной среде,—в некоторых секциях Парижа, как, напр., Гравильé, и в клубе кордельеров,—но, конечно, не в клубе якобинцев. Была даже сделана попытка свободной организации между теми, которых в то время называли „бешеными", т. е. теми, кто стремился к революции в смысле социального равенства. Так, после 10-го августа составился, повидимому под влиянием федератов, прибывших в Париж из Марселя и Бреста, род союза между делегатами 48 парижских секций, Совета Коммуны и „соединенных защитников 84 департаментов".

Мы еще мало знаем все эти не вполне определившиеся движения среди народа в Париже и других больших городах в 1793-м и 1794-м году. Историки только теперь начинают их изучать; но несомненно то, что коммунистическое движение, представленное Жаком Ру, Варлэ, Доливье, Шальé, Леклерком, Л'Анжем, Розою Лакомб, Буасселем (ср. *социализм*, XL, 425/8) и некоторыми другими, имело глубину, которой раньше не замечали. В 1793 году коммунистические идеи вырабатывались не в кабинетах ученых; они возникали в народе, из потребностей самой жизни. Вот почему во время Великой революции социальный вопрос проявился в особенности в форме вопроса *о средствах существования* и вопроса *о земле*. Но в этом состоит превосходство коммунизма Великой революции, по сравнению с социализмом сороковых годов и его позднейшими последователями. Первый шел прямо к цели, стремясь разрешить вопрос *о распределении продуктов*. Нам этот коммунизм должен, конечно, казаться отрывочным, тем более, что различные его проповедники разрабатывали, каждый, различные его стороны, и не нашлось никого из тогдашних образованных людей, кто свел бы эти требования в стройную, цельную общественную систему. Кроме того, коммунизм того времени оставался, так сказать, *частным коммунизмом*, так как он допускал личное владение на ряду с коммунальною собственностью и, провозглашая право всех на все продукты производства, признавал также личное право на „избыток" рядом с правом всех на продукты первой и второй необходимости. Однако же, в нем обозначаются уже все три главные виды коммунизма: земельный, промышленный коммунизм и коммунизм в торговле и кредите. И в этом отношении понимание экономических отношений было шире в 1793-м году, чем в сороковых годах девятнадцатого века. В то же время коммунисты 1793-го года не были строителями отвлеченных систем для будущих времен, а вполне разумно стремились провести свои мысли и выводы *в жизнь* при помощи местных сил, на месте и на деле, стараясь в то же время установить *прямой союз* между всеми 40.000 коммунами во Ф. У Сильвэна Марешаля замечается даже некоторое стремление к тому, что теперь называется свободным коммунизмом.

Мысль о том, что до коммунизма можно дойти путем заговора и государственного переворота, при помощи тайного общества, которое захватит власть—мысль, которой апостолом стал Бабёф — утвердилась только позже,

в 1795-м году. Только тогда, когда термидорская реакция конца 1794-го года уже положила конец восходящему народному движению Великой революции, явились заговорщики, мечтавшие водворить такой громадный общественный переворот, как коммунизм, путем захвата власти и указов. Но это был уже продукт истощения, а не результат поднимающейся волны первых четырех лет Великой революции.

У коммунистов были также свои теоретики. Таков был Буассель, напечатавший свой „Катехизис человеческого рода" (в начале революции, а вторым изданием в 1791 г.). Также — неизвестный автор сочинения, изданного в том же году под заглавием „О собственности, или защита бедных перед судом Разума, Справедливости и Правды", и Пьер Доливье, священник из Мошана, автор замечательного сочинения „Исследование о первобытной справедливости, служащей началом, порождающим тот общественный порядок, который только и может обеспечить человеку все его права и пути к счастью". Эта книга была издана в конце июля 1793-го года гражданами коммуны Овер из округа Этамп.

Среди писателей и проповедников-коммунистов выдвигался также Л'Анж—истинный предшественник Фурье. Наконец, Бабёф был тоже в Париже в 1793-м году. Состоя на службе в департаменте народного продовольствия, под покровительством Сильвэна Марешаля, он втайне вел коммунистическую пропаганду.

Впоследствии историки социализма всегда связывали коммунизм с заговором Бабёфа; но Бабёф, судя по его сочинениям и письмам, был только оппортюнистом коммунизма тех годов. Его представления по этому вопросу, а также предлагавшиеся им способы действия клонились к измельчанию идеи. В то время, как уже многие умы того времени понимали, что движение революции в коммунистическом направлении было бы лучшим средством обеспечить победу демократии, Бабёф, как совершенно верно заметил один из его хвалителей, старался *незаметно подмешать* коммунизм в демократизм. В то время, как становилось уже ясно, что демократия утратит свои победы, если народ не вмешается в борьбу, Бабёф хотел *„демократию сперва"*, чтобы постепенно в нее вводить коммунизм. Он мечтал дойти до него путем заговора нескольких человек, которые овладели бы правительством при помощи тайного общества. Он даже шел дальше и воображал, что единичная личность, лишь бы она обладала сильною волею, могла бы ввести коммунизм в обществе и таким образом спасти мир.

Основною мыслью коммунистического движения 1793-го года было то, что земля должна рассматриваться, как достояние всего народа, и что каждому должно быть обеспечено существование, так, чтобы никто не был вынужден продавать свой труд под угрозою голода. „Равенство на деле", о котором так много говорили в течение восемнадцатого века, выражалось теперь в утверждении *равного* для всех права на землю; а обширная распродажа земель государством после конфискации церковных и дворянских имений давала основание думать, что практическое осуществление этой основной мысли будет возможно. Не следует забывать, что в то время крупная фабричная промышленность только начинала возникать и что земля была главным орудием эксплоатации труда. При таких условиях мысль коммунистов, естественно, направлялась к тому, что тогда называли „аграрным законом", т.-е к ограничению земельной собственности каждого отдельного лица известным количеством десятин и к признанию за каждым гражданином права на землю. Захват земель, совершавшийся тогда спекуляторами, скупавшими, с целью перепродажи, национальные имущества, отобранные у духовенства и у эмигрантов-дворян, очевидно, мог только усилить мысль о необходимости такой меры. И между тем как одни требовали, чтобы каждый гражданин, желающий работать на земле, имел право получить свою долю из национальных имуществ или, по крайней мере, мог купить себе участок на выгодных условиях постепенного выплачивания,—другие, более дальновидные,

требовали, чтобы вся земля была объявлена общинною и чтобы право на землю было только правом *владения* тою землею, которая действительно обрабатывается данным лицом, и то—только покуда она им обрабатывается. Таким образом, Бабёф требовал раздела поровну общинных земель. Но он также требовал „неотчуждаемости" земли, т.-е. сохранения *собственности* на землю за обществом, за страною, т.-е. всем народом,—предоставляя частным лицам только право *временного владения*. С другой стороны, в Конвенте во время обсуждения закона о разделе общинных земель Жюльен Суэ восстал против окончательного раздела общинных земель, предложенного комитетом земледелия, и с ним за одно были, конечно, миллионы более бедных крестьян. Суэ настаивал, чтобы раздел (между всеми членами общины поровну) был только временный, и чтобы по прошествии некоторого времени общиною совершался передел. В таком случае владельцы участков имели бы только право временного пользования, как в русской общине. По тому же вопросу о владении землею Доливьé, священник в Мошане, устанавливал в своем *„Опыте о первобытной справедливости"* „два основных начала: первое, что земля принадлежит всем, т.-е. никому в частности; и второе, что каждому принадлежит исключительное право на произведения своего труда". Но так как в то время главным вопросом был вопрос о земле, он на него обратил главное свое внимание. „Земля, говорил он, взятая вообще, должна быть рассматриваема, как великий общинный запас природы"—как общая собственность всех; „каждый должен иметь право на свою долю из этого большого запаса". Одно поколение не может составлять законы для следующих поколений и лишать их их верховного права: тем более не имеет оно никакого права лишать их их достояния". И далее: „Одни только народы и, в частности, общины являются действительными собственниками своей земли". В сущности, Доливьé признавал, что только движимая собственность может передаваться по наследству. Что же касается до земли, то каждый, писал он, должен получать из общего запаса земли только то, что может сам обрабатывать со своею семьею,—и то только пожизненно; при чем это, конечно, не мешало бы вести общинную обработку земли рядом с фермами, где обработка велась бы каждою семьею порознь.

Социализация промышленности тоже находила защитников, особенно в лионской области. Там требовали, чтобы коммуна определяла заработную плату рабочих, и чтобы плата была такая, что обеспечивала бы средства существования (living wage). Кроме того, раздавались голоса в пользу национализации некоторых отраслей промышленности,—например, рудников. Была также высказана мысль, что муниципалитеты должны бы захватить фабрики, покинутые противниками революции, и сами вести производство на свой счет и в свою пользу. Вообще, мысль о производстве самою коммуною была очень популярна в 1793-м году. Высказывалась также мысль, что надо пустить в обработку под огороды обширные пустующие пространства в парках богатых людей; она была распространена в Париже, где ее проповедывал Шометт.

Рассуждая, с своей стороны, на основании реальных фактов о кризисе в средствах пропитания, переживавшемся Ф., Доливьé предлагал систему подписки, или абонемента потребителей для покупки по заранее установленной цене всей жатвы,—все это при помощи вольной ассоциации, разростающейся по вольному соглашению. Он желал также установления общественных магазинов, куда все земледельцы могли бы свозить свои произведения на продажу. Он предлагал, таким образом, систему продажи пищевых припасов, которая одинаково отрицала как монополизацию продуктов отдельными личностями, так и государственную систему установления цен и захвата продуктов, введенную революциею. Он, очевидно, стремился к тому, что̀ представляют теперь для молочных продуктов кооперативные сыроварни и маслобойни, соединяющиеся между собою, чтобы сбывать продукты целой области,—как это делается в Канаде и в Западной Сибири, или

даже—целой нации, как это заведено в Дании. Вообще, коммунистов 1793 г. естественно занимал больше всего вопрос о средствах пропитания, и он привел их, с одной стороны, к тому, что они заставили Конвент установить „максимум цен", а с другой стороны—они выдвинули великое, основное начало *социализации обмена—муниципализацию торговли*, на которую слишком мало до сих пор обращали внимания социалисты. Действительно, всюду на очереди стоял вопрос о торговле хлебом. — „Бесконтрольная торговля хлебами несовместима с существованием нашей республики", говорили перед Конвентом избиратели департамента Сены-и-Уазы в ноябре 1792 года. Эта торговля ведется небольшим числом людей, в целях личного обогащения, и этому меньшинству всегда бывает выгодно поднимать искусственно цены; а это всегда заставляет страдать потребителя. Всякое частное средство будет и опасно и бессильно, говорили они: именно эти полу-меры нас разорят. Нужно, чтобы торговля зерновым хлебом и вообще вся закупка припасов делались самою республикою, которая и установит тогда „справедливое отношение между ценою хлеба и заработною платою". Так как продажа национальных имуществ породила самые ужасные спекуляции со стороны фермеров, которым достались продававшиеся земли, то избиратели Сены-и-Уазы требовали ограничения размеров ферм, сдаваемых в аренду, и национализации торговли зерновым хлебом. „Постановите, говорили они, что никто не может снимать фермы более 120 арпанов (44½ десятины); что ни один землевладелец не имеет права обрабатывать самолично более одной такой фермы, и что остальные он обязан сдавать в аренду... Передайте затем дело снабжения припасами каждой области республики в руки администрации, избранной самим народом, и вы увидите, что изобилие зернового хлеба и справедливое отношение между его продажною ценою и ценою рабочего дня вернет спокойствие, счастье и жизнь всем гражданам". Следует также отметить, что эти взгляды были приняты обоими комитетами—земледелия и торговли—и были развиты в их докладе о жизненных припасах, представленном Конвенту вместе с проектом соответственного закона, и что такие меры были введены, по настоянию народа, в некоторых департаментах провинций Берри и Орлеанэ. Несколько позже депутат Бэфруа (из Эна) резко требовал от Конвента введения такого законодательства, и Конвент сделал попытку, в громадных размерах, социализировать во всей Ф. всю торговлю предметами „первой и второй необходимости", при помощи общественных магазинов, и установления для каждого департамента „справедливых" цен на все припасы.

Мы видим, таким образом, назревание во время революции мысли о том, что *торговля есть общественное отправление*, и что ее следует *обобществить так же, как землю и промышленность*,—мысль, которую развивали потом Фурье, Роберт Оуэн, Прудон и коммунисты сороковых годов.

Кроме того, следует признать, что Жак Ру, Варлэ, Доливьé, Л'Анж и тысячи обитателей городов и сел, крестьян и ремесленников, несравненно лучше понимали, с практической точки зрения, вопрос о средствах пропитания, чем их представители в Конвенте. Они понимали, что такса на припасы (т.-е. закон о максимуме) без социализации земли, промышленности и торговли не разрешит вопроса,—каким бы арсеналом карательных законов и какими бы казнями революционного трибунала ни старались утвердить таксу. Сама система продажи национальных имуществ, принятая Учредительным Собранием, Законодательным Собранием и Конвентом, создала тех крупных арендаторов, на которых жаловался Доливьé, — и Конвент прекрасно это почувствовал в 1794-м году, когда увидал, как они искусственно поднимали цены на хлеб, чтобы голодом победить ту самую революцию, которой они были обязаны своим обогащением. Против этого зла Конвент ничего другого не сумел предпринять, как только массовые аресты арендаторов и массовую отправку их под гильотину. Но никакие драконовские законы

против скупщиков и утайки хлеба (как, например, закон 26-го июля 1793-го года, предписывавший обыскивать амбары, погреба и риги арендаторов), никакие „революционные армии", рассылавшиеся с целью захвата хлебов и ареста уличенных в утайке арендаторов, не помогли. Они только сеяли вражду в селах против городов, и особенно против столицы. Отсутствие построительной коммунистической мысли у руководителей революции действительно нельзя было заменить революционным трибуналом и гильотиною.

Уже после февральских бунтов 1793-го года Конвент принял угрожающее положение по отношению к коммунистам. По докладу Барера, который не задумался представить их агитацию как дело духовенства и эмигрантов, Конвент вотировал 18-го марта 1793 г. „смертную казнь тем, кто будет предлагать аграрный закон, нарушающий земельную собственность, общинную или личную". При всем том, монтаньярам приходилось еще щадить „бешеных" так как парижский народ был им нужен против жирондистов, а „бешеные" были популярны в самых деятельных и революционных секциях. Но, как только главные жирондисты были арестованы, и сила их партии в Конвенте была надломлена, монтаньяры обратились против тех, кто хотел „революции *в действительности*, раз она совершилась *в идеях*",—и раздавили их.

Когда Жак Ру пришел в Конвент, 25-го июня 1793-го года, и говорил от имени своей секции против спекуляторов на ассигнации и на жизненные припасы, требуя законов против них, его речь была принята дикими завываниями законодателей. Его выгнали из Конвента, провожая криками и угрозами. А так как он нападал на монтаньярскую конституцию и пользовался сильным влиянием в своей секции Гравилье и в клубе кордельеров, то Робеспьер, который никогда не показывался в этом клубе, отправился туда 30-го июня по поручению клуба якобинцев. Он явился у кордельеров в сопровождении Эбера и Колло д'Эрбуа, и добился от клуба, чтобы Ру и его товарищ Варлэ были вычеркнуты из его списков. С тех пор Робеспьер неустанно клеветал на Ру. Так как Ру случалось критиковать бесплодность революции для народа и говорить, что при республике народ страдал еще больше, чем под королевскою властью, то Робеспьер никогда не упускал случая обозвать Ру, даже после его смерти, „подлым попом", продавшимся иностранцам, и „подлецом, желавшим возбудить опасные беспорядки" с целью повредить республике. С июня 1793-го г. Ру был уже обречен на смерть. Его обвинили в том, что он был виновником бунтов против торговцев мылом, в том, что он утаил ассигнацию, полученную им для клуба кордельеров,—тогда как, согласно верному замечанию Мишле, „эти фанатики тем и выделялись, что были бессеребренники". Среди всех выдающихся революционеров Ру, Варлэ и Леклерк были несомненно образцами высокой честности. Напрасно секция Гравилье, к которой принадлежал Ру, требовала от Коммуны его освобождения, ручаясь за него. Напрасно то же делал клуб революционных женщин,—их клуб за это закрыли. Наконец, Ру и его друзья, возмущенные таким обвинением, явились однажды вечером, 19-го августа, на общее собрание своей секции Гравилье, сменили председателя и секретарей и назначили Ру председателем. Но тогда товарищ прокурора Коммуны, Эбер, выступил 21-го августа перед клубом якобинцев с обвинением против Ру, и дело было передано Совету Коммуны, где прокурор Шометт обвинил Ру в покушении на верховную власть народа и потребовал для него смертной казни. Против Ру возбудили судебное преследование, но его секции удалось добиться его освобождения на поруки, что и было сделано 25-го августа. Следствие, однако, продолжалось и опять осложнилось обвинением в воровстве, так что 23-го нивоза II года (14-го января 1794) Ру потребовали перед полицейский уголовный суд. Этот суд, вследствие *важности поступков, в которых обвинялся Ру* (насилие в секции), объявил себя некомпетентным и решил передать дело в революционный трибунал. Но тогда Ру, зная что его ждало, тут же в суде ударил себя тремя ударами ножа. Председатель

суда бросился к нему, обнимая его с любовью, и дал ему при всех „гражданское лобзание". Раненого Ру перенесли, однако, в больницу тюрьмы Бисетр, где, как донесли прокурору революционного суда, Фукье-Тэнвилю, он старался „истощить свои силы". Наконец, он вторично ударил себя в грудь ножом, ранил себя в легкое и умер от раны. Народ, особенно в центральных секциях Парижа, понял тогда, что с надеждами на „равенство на деле" и „благосостояние для всех" надо расстаться. Гальяр, друг Шальé, тоже убил себя, когда он узнал, что их товарища Леклерка заарестовали вместе с Шометтом и эбертистами. В ответ на коммунистические требования, и видя, что народ готов отойти от революции, Комитет общественного спасения,—избегая, впрочем, всего, что могло бы вооружить против него „Болото" Конвента (центр) или якобинский клуб, выпустил 21-го вантоза II года (11 марта 1794) циркуляр, адресованный комиссарам Конвента, разосланным в провинции. Но этот циркуляр, так же как и знаменитая речь, произнесенная через два дня (23-го вантоза) Сен-Жюстом, заканчивались только обещанием государственной благотворительности для бедных граждан, — довольно таки скупой, надо сказать. „Сильный удар был необходим, чтобы низвергнуть аристократию", писал Комитет в своем циркуляре. „Конвент нанес этот удар. Добродетельные бедные люди должны были вернуться в обладание тем, что у них отнято было преступными... Нужно, чтобы террор и справедливость повсюду одновременно наносили свои удары. Революция—дело народа: пора, чтобы она пошла ему на пользу". И при всем том Конвент ровно ничего не сделал. Декрет 13-го вантоза II года (3 марта 1794) сводился к следующему: каждая коммуна должна была составить список неимущих патриотов, и тогда Комитет общественного спасения представит доклад о средствах наделить всех неимущих имениями, отнятыми у врагов революции. В этих имениях им будет нарезано по одному арпану земли (полдесятины) в собственность. Для стариков же и бедных Конвент решил несколько позже, т. е. 22-го флореаля (11 мая), открыть „Книгу национальной благотворительности". Нечего и говорить, что для бедных крестьян эта обещанная им полдесятины имела вид насмешки, тем более после потери ими общинных земель. Впрочем, за исключением некоторых отдельных местностей, это обещание даже не попробовали привести в исполнение. В большей части Ф. те, кто сами ничем не завладели, ничего не получили.

В 1794-м году Конвент или, вернее, его Комитеты общественного спасения и общественной безопасности подавили таким образом проявление коммунистических стремлений. Но дух французского народа тем не менее развивался в этом направлении, и под напором событий в течение II года республики совершалась большая уравнительная работа в коммунистическом направлении.

Так, например, комиссары Конвента в Лионе, — Альбитт, Колло д'Эрбуа и Фушэ,—выпустили 14-го ноября 1793 г. одно замечательное постановление, которое и начали приводить в исполнение. В силу его все увечные и старые граждане, сироты и неимущие должны были „получать квартиру, пищу и одежду на счет богатых своего кантона"; а также „работа и инструменты, необходимые для их ремесла и промысла, должны быть доставляемы гражданам, способным работать". Благосостояние граждан, писали они в своих циркулярах, должно быть в соответствии с их трудом, их прилежанием и рвением, с которым они отдаются служению отечеству. Фушэ взыскивал при этом тяжелые налоги с богатых, чтобы кормить бедных. Несомненно также, что было много общин, которые практиковали до некоторой степени коллективизм (вернее муниципальный коммунизм).

Мысль, что государство должно завладеть фабриками, покинутыми их хозяевами, и само вести в них производство, была высказана неоднократно. Шометт развивал ее в октябре 1793 г., когда разбирал, как отразился закон о максимуме на разные отрасли промышленности, а Жан Бон-Сент-Андрэ разрабатывал государственными

средствами рудник Кархэ в Бретани, чтобы дать заработок рабочим.

Но если некоторые комиссары Конвента принимали в течение 1793 г. меры коммунистического характера и действовали с целью *уравнения состояний*, сам Конвент, с другой стороны, постоянно защищал интересы буржуазии.

Добившись изгнания главных вождей жирондистской партии из Конвента, монтаньяры занялись в течение всего лета 1793-го года организацией сильного правительства, сосредоточенного в Париже и способного оказать сопротивление движениям, которые могли бы начаться в столице под влиянием „бешеных" и коммунистов.

Уже с апреля Конвент передал, как мы видели, центральную власть в руки своего Комитета общественного спасения, и после 31-го мая он продолжал усиливать этот Комитет людьми из партии Горы. И когда вступление в действие новой конституции было отложено до заключения мира, оба Комитета, — общественного спасения и общественной безопасности, — продолжали сосредоточивать все больше и больше власти в своих руках, держась притом средней политики, т. е. занимая положение между крайними партиями („бешеные", Парижская Коммуна) и дантонистами, к которым присоединялись жирондисты.

В этом деле концентрации правительства обоим Комитетам сильно помогал клуб якобинцев, который значительно расширил область своих действий в провинции и вместе с тем теснее сплотил свои ряды. Число провинциальных обществ (народных обществ и др.), присоединившихся к парижскому клубу якобинцев, доходило в 1791-м году до восьмисот; но два года спустя оно возросло уже до восьми тысяч, и каждое из них было точкою опоры для революционной буржуазии. Из этих обществ набирались многочисленные чиновники революционной бюрократии, и каждое из них становилось полицейским центром, помогавшим правительству раскрывать своих врагов и уничтожать их.

Кроме того, сорок тысяч революционных комитетов было вскоре организовано, — по одному в каждой общине и в каждой секции больших городов, и все эти комитеты, в которых делами заправляли большею частью люди из буржуазии—очень часто даже бывшие чиновники монархии, — все эти комитеты были вскоре отторгнуты от коммуны и подчинены Конвентом Комитету общественной безопасности. При этом сами секции и народные общества быстро обращались правительством в органы центрального управления, — т. е. в отделения республиканской чиновной иерархии.

Между тем, состояние Парижа не могло не внушать опасений. Наиболее энергичные революционеры записались в волонтеры в 1792-м и 1793-м году и отправлены были на границы или в Вандею; роялисты же тем временем, поднимали голову. Пользуясь ослаблением надзора над ними, они возвращались в большом числе. В августе роскошь времен монархии внезапно снова появилась на улицах. Общественными садами и улицами овладели *мюскадэны*,—т. е. молодые люди, мужчины и женщины, зажиточных семей, поражавшие всех своими необычайно нелепыми нарядами и манерами. В театрах ставились все роялистские пьесы, и их встречали шумными овациями, тогда как республиканские пьесы освистывались. Доходило даже до того, что на сцене представляли Тампльскую тюрьму и освобождение королевы; и действительно, побег Марии-Антуанетты едва не состоялся. Секции наводнялись жирондистскими и роялистскими контр-революционерами. Хлеба попрежнему не хватало в Париже, и 4 сентября 1793 начали собираться кучки народа вокруг городской ратуши, громко требуя хлеба. Эти сборища становились угрожающими, и потребовалась вся популярность и добродушие Шометта,—любимого оратора парижской бедноты, — чтобы успокоить сборища обещаниями. Шометт обещал, что добудет хлеба и добьется ареста администраторов народного продовольствия.

Конвент решил положить конец открытой торговле ассигнациями: он запретил такую торговлю под страхом смерти. Он создал также „революцион-

ную армию" в 6.000 человек, под начальством эбертиста Ронсэна, для усмирения и устрашения контр-революционеров и для того, чтобы собирать при помощи реквизиций по деревням — в барских имениях и на фермах—жизненные припасы для прокормления Парижа. Но эта мера не сопровождалась никакою другою мерою, которая имела бы целью передать земли в руки бедных крестьян, стремившихся работать на земле, и снабдить их средствами, чтоб они могли начать обрабатывать землю. А потому реквизиции революционной армии стали только новым источником ненависти деревень против Парижа. Они даже увеличили затруднения в заготовлении припасов.

В одном Конвент проявил энергию: это в угрозах усиленного террора и в еще большем усилении власти центрального правительства. Дантон говорил о „вооруженном народе" и грозил роялистам. Нужно, говорил он, „чтобы каждый день один аристократ, один негодяй платил своей головой за свои преступления". Эбер проповедывал необходимость повсеместных казней, для чего гильотину следовало возить из города в город и из деревни в деревню. В ответ на эти предложения Конвент решил усилить революционный трибунал; обыски разрешено было делать и по ночам. Подготовляя таким образом террор, комитеты принимали вместе с тем меры, чтобы ослабить Парижскую Коммуну и народовластие вообще. Так как революционные комитеты, в руки которых перешли (от секций) судебная полиция и дело арестов, обвинялись в разных злоупотреблениях, то Шометт получил от Конвента разрешение Коммуне произвести очистку комитетов от ненадежных элементов и взять их под надзор Коммуны. Но двенадцать дней спустя, т. е. 17 сентября 1793 года, это право было уже отнято у Коммуны, и революционные комитеты были подчинены Комитету общественной безопасности, — этой темной полицейской силе, выроставшей возле Комитета общественного спасения и грозившей поглотить его. Что касается до секций, то под тем предлогом, что они давали собою овладеть контр-революционерам, Конвент ограничил 9-го сентября число их общих собраний двумя в неделю.

Наконец, 19-го сентября Конвент увеличил свой запас мер устрашения, прибавив к ним закон о „подозреваемых" (suspects), в силу которого можно было арестовать всех бывших дворян, всех тех, кто выкажет себя „сторонником тирании и федерализма", всех тех, кто „не выполняет своих гражданских обязанностей", — всех, наконец, кто постоянно не выказывал своей привязанности революции!

Но, по мере того, как правительственная сила сосредоточивалась в Париже, — между различными политическими партиями неизбежно должна была завязаться жестокая борьба, чтобы решить, кому достанется это орудие власти. Так оно и было, и 25 сентября в Конвенте произошла всеобщая свалка между всеми партиями, после чего победа выпала, как и следовало ожидать, на долю блаженной буржуазно-революционной середины: т. е. на долю якобинцев и Робеспьера. Под их влиянием состоялись назначения в революционный трибунал.

Неделю спустя, 3-го октября, новая власть дала уже себя почувствовать. В этот день Амар, член Комитета общественной безопасности, потребовал, чтобы пред судом предстали кроме тех тридцати одного жирондиста, которых он обвинял, еще 73 других жирондистских члена Конвента, которые протестовали против ареста их товарищей и нарушения этим конституции, но продолжали заседать в Конвенте. Против этого предложения, к удивлению всех, восстал, однако, Робеспьер. „Нечего, говорил он, обрушиваться на солдат партии: достаточно поразить ее вождей". Поддержанный одновременно правыми и якобинцами, он добился своего и тем самым выступил с обликом умеряющей силы, способной стать выше Конвента и его обоих Комитетов. Прошло несколько дней, и близкий друг Робеспьера, Сен-Жюст, прочел уже перед Конвентом доклад, где, нажаловавшись на подкуп, на тиранию и на вновь создавшуюся бюрократию и уже бросая инсинуации против Парижской Коммуны, т. е. „край-

них",—Шометта и его товарищей,—он требовал удержания „революционного правительства, вплоть до заключения мира". Конвент принял его заключение. Центральное революционное правительство было утверждено.

Покуда вся эта борьба за власть шла в Париже, положение на театре войны представлялось в самом мрачном свете. В августе был объявлен всеобщий набор, и Дантон, с былою своею энергиею и пониманием народного духа, развил перед Конвентом смелую мысль, предлагая поручить весь набор не революционной бюрократии, а тем восьми тысячам федератов (fédérés), которые были присланы первичными собраниями избирателей в Париж для заявления своего согласия на конституцию 1793-го года. Его план был принят 25-го августа.

Впрочем, так как половина Ф. вовсе не хотела войны, то набор совершался довольно медленно; в оружии и боевых запасах тоже чувствовался сильный недостаток. В августе и сентябре Ф. пережила ряд военных неудач. Тулон был в руках англичан; Марсель и весь Прованс — в открытом восстании против Конвента; осада Лиона затянулась и продолжалась до 8-го октября, а в Вандее положение ничуть не улучшалось. Только 16-го октября 1793-го года армии республики одержали свою первую победу, при Ватиньи, а 18-го вандейцы, разбитые при Шоллэ, перешли Луару, чтобы направиться к северу.

Не трудно понять, что при виде всей проливаемой крови, при виде невероятных усилий и страданий, переносившихся массою французского народа из-за иностранного нашествия, призванного контр-революционерами, крик: „Бейте всех врагов революции, на верхах и на низах!" стал вырываться у революционеров. Нельзя доводить страну до отчаяния без того, чтобы у нее не вырвался подобный крик.

3-го октября приказано было революционному трибуналу судить Марию-Антуанетту. Уже с февраля постоянно шли в Париже толки о предстоящем побеге королевы. Некоторые попытки едва-едва не удались. Одна попытка побега была сделана в феврале 1793-го года; другая, в которой участвовали Мишонис и барон Бац, едва не удалась; после чего (11-го июля) Мария-Антуанетта была сперва отделена от своего сына, которого отдали на воспитание сапожнику Симону, а потом (8-го августа) переведена в Консьержери. Но и тут попытки продолжались. Весьма вероятно, что Конвент не стал бы ждать до октября, чтобы отдать Марию-Антуанетту под суд, если бы он не надеялся остановить иностранное вторжение под условием, что королеву и ее детей освободят из тюрьмы.

В настоящее время, когда мы имеем в руках переписку Марии-Антуанетты с Ферзеном, ее усилия, чтобы вызвать и подготовить немецкое нашествие на Ф., и тот факт, что она сообщала неприятелю секреты военной обороны, вполне верно установлены. Общественное мнение ничуть не ошибалось в 1793-м году, когда считало королеву еще более виновною перед Ф., чем Людовика XVI. 16-го октября она погибла на эшафоте.

Вскоре после процесса Марии-Антуанетты начался процесс жирондистов. Процесс начался 3-го брюмера (23 октября). Жирондисты бойко защищались, и так как их речи могли повлиять даже на „надежных" присяжных заседателей революционного трибунала, то Комитет общественного спасения наскоро заставил Конвент провотировать закон об „ускорении дебатов" на суде. 9-го брюмера (29 октября) прокурор Фукье-Тэнвиль прочел перед судом этот новый закон. Судебные прения были закончены, и все двадцать два были приговорены к смерти. Валазэ убил себя ударом кинжала, остальные были казнены на другой же день.

Госпожа Ролан (жена министра Ролана и едва ли не самый влиятельный член партии) была казнена 18-го брюмера (7 ноября), а ее муж и Кондорсэ сами покончили с собою. Бывший мэр Парижа, Бальи, которого сообщничество с Лафайетом в избиении народа на Марсовом поле 17 июля 1791 было вполне доказано, Жире-Дюпрэ из Лиона, Барнав, который перешел на сторону королевы после того как сопровождал ее в королевской карете на пути из Варенна в Париж, вскоре последовали за своими товарищами; а в декабре

погибли на эшафоте жирондист Керсен и Рабо Сент-Этьенн, а также госпожа Дюбарри.

Террор начался, таким образом, и теперь неизбежно должно было совершиться его роковое дальнейшее развитие.

Две враждебные силы стояли друг против друга в конце 1793-го года: Комитеты общественного спасения и общественной безопасности, которым подчинялся Конвент, и Парижская Коммуна. Настоящая сила Коммуны была, впрочем, не в отдельных людях, как бы они ни были популярны: не в ее мэре Паше, не в ее прокуроре Шометте или его помощнике Эбере, ни даже в ее Генеральном Совете. Ее сила была — в секциях. Вследствие чего центральное правительство и направило свои усилия к тому, чтобы секции подчинить своей власти.

Когда Конвент отнял у секций право самим созывать свои общие собрания по мере надобности, они начали создавать „народные общества“ или „секционные общества“. Но к этим обществам отнеслись очень недружелюбно якобинцы, которые становились вполне людьми правительственными.

Враждебное отношение якобинцев к народным обществам и к самим секциям города Парижа была враждебностью всякого центрального правительства к народному самоуправлению. Таким образом, как только революционное правительство было утверждено декретом 14-го фримера II года (4-го декабря 1793 г.), право выбирать мировых судей и их секретарей — право, присвоенное себе секциями еще в 1789 году и впоследствии утвержденное за ними законом, — было отнято у них. Судьи и секретари должны были впредь назначаться генеральным советом департамента (декреты 28 декабря 1793 и 12 мая 1794). Мало того, даже право выбора секциями своих комитетов общественной благотворительности было отнято у них в декабре 1793-го года и было взято в свои руки Комитетами общественного спасения и общественной безопасности.

Народная революционная организация секций была подрезана, таким образом, в самом корне.

Но всего лучше ясна основная мысль якобинского правительства в том, как оно сосредоточило в своих руках все полицейские обязанности. После 10-го августа 1792 года Законодательное Собрание постановило, что вся „полиция общественной безопасности“ должна перейти в руки советов, департаментских, окружных и муниципальных; и под руководством одного общего Комитета надзора были установлены подчиненные ему полицейские комитеты в каждой секции.

Таким образом, секции, бывшие сперва органами народной революции, понемногу подавлялись полицейскими обязанностями своих комитетов, а сами эти комитеты, все более и более теряя характер муниципальных органов, обращались во второстепенные органы полицейского надзора, всецело подчиненные Комитету общественной безопасности. Приучая же секции и их комитеты к повиновению, они обращали их понемногу в части государственного, чиновничьего механизма. Наконец, под предлогом прекращения злоупотреблений, Конвент обратил их в своих чиновников на жаловании и вместе с тем подчинил все 40.000 революционных комитетов Комитету общественной безопасности. Ему же, вместе с тем, дано было право производить очистку этих комитетов и самому назначать их членов.

Стремясь все централизовать в своих руках, как это делала монархия в XVII веке, центральное государственное чиновничество республики отняло, таким образом, у народного самоуправления право выбора судей, администрацию благотворительности, распоряжение массою хозяйственных дел, сношения с армиею и т. д., а также ограничило его в других отправлениях и, наконец, вполне подчинило себе в делах полиции. Но этим самым государство окончательно убило секции, революционные муниципалитеты и революционный дух. Почва подготовлялась для реакции.

В самом деле, после этого секции в Париже и народные общества в провинциях окончательно умерли. Государство поглотило их. И их смерть была смертью революции. С января

1794-го года общественная жизнь Парижа была убита. Общие собрания секций не проявляли больше жизни; вся власть перешла к их революционным комитетам, а эти комитеты, перестав быть выборными и обратившись в чиновников, назначаемых правительством, тоже не проявляли жизненности. Теперь, когда якобинскому правительству заблагорассудилось раздавить Парижскую Коммуну, оно могло это сделать, не опасаясь за свое существование. Так оно и сделало через два месяца—в марте 1794-го года.

Положение Ф. в конце 1793-го года было таково, что, остановившись в ту самую минуту, когда народ начал искать новых путей в сторону социальных изменений, революция неизбежно разбивалась теперь на мелкую внутреннюю борьбу партий, споривших между собою из-за власти. Самая сила событий толкала Ф. на путь нового коммунистического движения. Между тем революция дала создаться „сильному правительству", и это правительство раздавило стремившихся к коммунизму крайних и, под угрозой гильотины, заставило замолчать всех тех, кто думал, как они. Что касается до эбертистов, которые преобладали в клубе кордельеров и в Коммуне и овладели, при помощи министра Бушота, военным министерством, то все их понятия отдаляли их от *социального* переворота. Эбер, конечно, писал иногда в своей газете в коммунистическом смысле; но террор и захват правительственной власти казались ему несравненно более важными, чем вопрос о хлебе, о земле или об организации труда. Восемьдесят лет позже Парижская Коммуна 1871-го года дала тот же самый тип революционеров. Что касается Шометта, то по своим симпатиям к народу и по своему образу жизни он должен был бы тяготеть к коммунистам. Одно время он был даже под их влиянием. Но он был близок также с партией эбертистов. А эбертисты очень мало интересовались этими вопросами. Они не стремились вызвать в народе действенное проявление его экономической, социальной воли. Для них самое главное было — захватить власть при помощи новой „очистки Конвента". Отделаться от „износившихся людей и калек революции", как говорил Моморб. Подчинить Конвент Парижской Коммуне при помощи нового 31-го мая, поддержанного на этот раз военною силою „революционной армии".

Но тут эбертисты обочлись. Они не оценили могущества обоих Комитетов. Между тем, Комитет общественного спасения стал за последние шесть месяцев большою правительственною силою и был признан таковою за искусное ведение войны; а Комитет общественной безопасности стал едва-ли не еще более грозною силою, так как сосредоточил в своих руках всю тайную полицию и мог, кого хотел, послать на гильотину. Наконец, эбертисты завязали борьбу на такой почве, на которой их поражение было неизбежно, — т. е. на почве требования усиленного террора. Здесь им приходилось вступать в состязание с правительством, которое тоже считало террор необходимым и имело уже для этого свой официальный орган в лице Комитета общественной безопасности. Им оно и воспользовалось против эбертистов.

Излишне было бы распространяться обо всех интригах политических партий, боровшихся за власть, в течение декабря 1793-го и первых месяцев 1794-го года. Достаточно указать, что четыре группы, или партии, стремились овладеть властью: робеспьеровская группа, состоявшая из Робеспьера и его друзей—Сен-Жюста, Кутона и др.; группа „усталых", которая сплачивалась позади Дантона (Фабр д'Эглантин, Филиппо, Бурдон, Камилл Демулен и пр.); Коммуна, которая сливалась с эбертистами; и, наконец, те из членов Комитета общественного спасения (Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа), которых называли террористами, и вокруг которых соединялись люди, нежелавшие чтобы революция смягчила свою суровость относительно своих врагов, но вместе с тем не хотевшие ни преобладания Робеспьера, против которого они глухо вели войну, ни преобладания Коммуны и эбертистов.

Дантон, в глазах революционеров, был уже отживший человек,—опасный потому, что, следуя за ним, проталки-

вались жирондисты. Но это не помешало Робеспьеру итти с ним рука-об-руку в ноябре, чтобы вместе бороться против анти-религиозного движения. В клубе якобинцев, который производил тогда свое „очищение", когда Дантону пришла очередь подвергнуться „очистительному голосованию" общества,—при чем против него было уже сильное возбуждение,—Робеспьер протянул ему руку и спас его. Он был ему нужен, чтобы бороться против крайних.

Тем временем противо-революционное восстание на юге продолжалось, и Тулон все еще оставался во власти англичан, так что Комитет общественного спасения обвиняли в неспособности. Поговаривали даже о том, что Комитет хочет предоставить южную Ф. контр-революции, и были дни, когда Комитету едва-едва удавалось удержаться у власти и не быть отправленным на эшафот,—что, конечно, пошло бы на пользу „жирондистам" и „модерантистам" („умерителям"), а через них—контр-революции.

Душою похода против Комитета общественного спасения в политических кругах был Фабр д'Эглантин,—один из „умерителей", которого поддерживал Бурдон; и с 22-го по 27-е фримера (с 12 по 17 декабря) была даже сделана искусно подготовленная попытка возбудить Конвент против Комитета общественного спасения.

Но если дантонисты интриговали против робеспьеристов, то обе партии действовали за-одно против эбертистов. 27-го фримера (17-го декабря) Фабр д'Эглантин прочёл в Конвенте доклад, в котором требовал ареста трех видных эбертистов: Ронсэна, генерала „революционной армии" Парижа, Венсана, главного секретаря военного министерства, и Мальяра, — того самого, который 5-го октября 1789 вел женщин на Версаль. Все трое были ярые террористы, и это была первая попытка „партии милосердия" совершить переворот в пользу Жиронды и более умиротворительной политики. Все те, кто нажился во время революции, торопились, как мы уже говорили, вернуться к „порядку", и ради этого они были готовы пожертвовать республикой и водворить конституционную монархию. Многие, как Дантон, разочаровались в людях и говорили: „Пора все это покончить!" Другие, наконец, — и такие люди являются во всех революциях самою опасною партиею, — потеряв веру в революцию при виде враждебных ей сил, подготовляли себе помилование со стороны реакции, которой они уже чувствовали приближение.

Кордельеры немедленно приняли сторону эбертистов; но и они не нашли никакого другого повода обратиться к народу, как только требование бо́льших строгостей против врагов революции. Для них революция тоже состояла прежде всего в терроре. Они устроили процессию и носили по улицам Парижа засушенную голову Шалье́, которого казнили жирондисты в Лионе; они звали народ к восстанию, — к новому 31-го мая, с целью произвести новую „очистку" Конвента и удалить из него „отживших людей". Но что собирались они предпринять, если бы им удалось добиться „очистки" Конвента,—какое направление собирались они придать революции,—ничего этого не было видно.

Но раз борьба завязалась на вопросе о более или менее свирепом терроре и о более сильной власти, Комитету общественного спасения легко было отразить нападение. Действительно, 5-го нивоза (25 декабря) Робеспьер прочел в Конвенте доклад о революционном правительстве, и если сущностью этого доклада была мысль о необходимости поддержать *равновесие* между слишком крайними партиями и умеренными, заключение его было, как у эбертистов, „смерть врагам народа",— усиление правительственного террора. На следующий же день он потребовал ускорения решений революционного трибунала.

Таким образом шла кровавая борьба между различными фракциями революционной партии, и легко понять, сколько ожесточения вносилось в эту борьбу иностранным вторжением и всеми ужасами гражданской войны. Тем не менее, естественно является вопрос: *что помешало борьбе партий принять ожесточенный характер с самого начала революции?* Что дало возможность лю-

дям, столь различным по убеждениям, как жирондисты, Дантон, Робеспьер, Марат, действовать несколько лет заодно против королевской власти?

Весьма вероятно, что интимное и братское общение, установившееся еще до начала революции в масонских ложах в Париже и провинциях между всеми видными деятелями того времени, способствовало этому единству действия. Известно, что почти все выдающиеся революционеры принадлежали к франк-масонству. Мирабо, Бальи, Дантон, Робеспьер, Марат, Кондорсэ, Бриссо, Лаланд и т. д., и т. д., все принадлежали к этому братству, а герцог Орлеанский (назвавший себя во время революции „Филипп Равенство") оставался великим национальным мастером масонского братства вплоть до 13-го мая 1793 года. Кроме того, известно также, что Робеспьер, Мирабо, химик Лавуазье и, вероятно, многие другие принадлежали к ложам иллюминатов, основанным Вейсгауптом, которых цель была „освободить народы от тирании князей и духовенства и, как немедленный прогресс, освободить крестьян и рабочих от крепостного состояния, от барщины и от ремесленных гильдий".

Нет никакого сомнения, что „своими человечными стремлениями, своим непоколебимым чувством достоинства человека и своими принципами свободы, равенства и братства" масонство сильно содействовало подготовлению общественного мнения к новым идеям; и это—тем более, что „повсеместно, на всей территории страны масоны держали собрания, в которых излагались и восторженно принимались прогрессивные идеи, и где,—факт гораздо более важный, чем это думают,—подготовлялись люди, умевшие обсуждать сообща дела и голосовать". „Соединение трех сословий в июне 1789-го года и в ночь 4-го августа были, по всей вероятности, подготовлены в масонских ложах".

Эта предварительная работа несомненно установила также между людьми действия известные личные отношения и *привычки взаимного уважения* — помимо отношений, всегда слишком узких в партиях, и интересов узко-партийных. Вот что позволило—мы думаем — революционерам очень разнообразных партий действовать в продолжение четырех лет с некоторым единством против королевского деспотизма. Позже это единство подверглось слишком суровым испытаниям и, конечно, не удержалось, тем более, что сами масоны разделились по вопросу о королевской власти, о казни короля, и еще более по отношению к коммунистическим учениям, — до того, что масонские ложи были закрыты в начале 1793-го года. Отношения, установившиеся между масонами до революции и в начале ее, не сохранились, таким образом, до конца революционного периода; и тогда борьба партий разразилась с отчаянным ожесточением.

23-го вантоза (13 марта) эбертистские вожди—Эбер, Моморо́, Венсан, Ронсэн, Дюкроке́ и Ломюр — были арестованы.

28-го вантоза (18 марта) был арестован Шометт, после того, как Комитет общественного спасения своею собственною властью сменил его и посадил на его место некоего Селье́. Точно так же самовластно Комитет сменил мэра города Парижа, Па́ша. Анахарсис Клоотс был арестован 8-го нивоза (28 декабря).

Правительство торжествовало.

Настоящие причины этих арестов в крайней партии до сих пор остаются неясными. Не составили-ли эбертисты заговора, чтобы захватить власть при помощи „революционной армии" Ронсэна?—Это возможно, но ничего достоверного на этот счет еще неизвестно.

Заарестованных эбертистов немедленно послали перед революционный трибунал, и правительство не постыдилось устроить то, что тогда называли „амальгамой", т. е. включило в один и тот же процесс банкиров и немецких агентов вместе с такими людьми, как Моморо́, который уже в 1790-м году отличался своими коммунистическими воззрениями и безусловно все, что имел, отдал революции, или бедняк Леклерк, друг Шалье́, Эбер и Анахарсис Клоотс,—„оратор рода человеческого", который уже в 1793-м году предвидел республику всего человечества и имел смелость говорить о ней. 4-го жерминаля (24-го марта), после

процесса, для формы продолжавшегося три дня, всех их гильотинировали.

Легко себе представить, каким праздником был этот день среди роялистов, которыми Париж был переполнен. На улицы высыпали толпы „мюскадэнов", они преследовали приговоренных своими насмешками и оскорблениями, пока тех везли на казнь, совершившуюся на площади Революции. Богатые господа платили шальные цены за места возле гильотины, чтобы вполне насладиться казнью Эбера, издателя газеты „Père Duchesne".

Народ не показывался на улицах. Он знал, что в этот день убивали его друзей — что революции наносился смертный удар.

Таким образом Комитеты общественной безопасности и общественного спасения окончательно взяли верх над Парижскою Коммуною. Итак заканчивалась борьба, которую выдержал этот очаг революции с 9-го августа 1792-го года по 13-е апреля 1794-го года против официальных представителей централистской революции. Коммуна, служившая вместе со своими секциями в продолжение двадцати месяцев выражением парижского народа и маяком для революционной Ф., обращалась теперь в орган государственного чиновничества.

После этого конец революции, очевидно, был уже близок.

Казнь эбертистов вызвала, однако, такое ликование среди роялистов, что Комитеты с ужасом увидали, как внезапно приблизилось торжество контрреволюции. Теперь на „Тарпейскую скалу", столь дорогую Бриссо, его продолжатели требовали уже самих членов обоих Комитетов. Вся масса жирондистов, прикрывавшаяся именем Дантона, собиралась теперь воспользоваться исчезновением эбертистов и поражением Парижской Коммуны, чтобы произвести *свой* переворот; и тогда под гильотину пошли бы Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа и множество других. Контрреволюция, в таком случае, взяла бы верх уже весною 1794-го года. Тогда Комитеты решили нанести сильный удар вправо и пожертвовать ради этого Дантоном и его друзьями.

В ночь с 30-го на 31-е марта (9-е на 10-е жерминаля) Париж узнал с ужасом, что Дантон, Демулен, Филиппо́ и Лакруа арестованы. На основании доклада, прочтенного Сен-Жюстом в Конвенте (он был составлен по черновой, написанной Робеспьером и до сих пор сохранившейся в архивах), Конвент приказал немедленно начать преследования. Комитеты снова сочинили „амальгаму" и послали перед революционный трибунал Дантона, Демулена, Базира, Фабра, обвиненного в подлоге, Лакруа, обвиненного в грабеже, Шабо́, Делонэ, учинившего подлог в пользу Индийской Компании и сводчика Жюльена из Тулузы.

Процесс был, конечно, лишь для формы. Когда Комитеты увидали, что могучая защита Дантона может вызвать народное восстание, они велели прекратить защитительные речи. Все были казнены 5-го апреля 1794-го года (16 жерминаля II-го года).

Шометта гильотинировали несколько дней позже, 24-го жерминаля (13 апреля), вместе с епископом Гобелем,—тем самым, который отказался от своего сана, при чем выставленное против них обоих преступление было — неверие. Робеспьер и его партия явно заискивали у буржуазии в надежде продлить революцию. Вдова Демулена и вдова Эбера были включены в ту же группу жертв гильотины. Мэра Паша не решились казнить, но Комитет общественного спасения сменил его и заменил ничтожеством, Флёрьо-Лескó.

Понятно, какое впечатление на население Парижа и на революционеров всей Ф. должны были произвести падение революционной Парижской Коммуны и казнь людей, как Леклерк, Моморо́, Эбер и Клоотс, за которою последовала казнь Дантона и Демулена, и, наконец, Шометта. В Париже и в провинциях народ понял, что эти казни обозначают конец революции. — „Если эти люди тоже изменники, на кого-же тогда полагаться?" спрашивали себя в народе.—„Но правда-ли, что они изменники?" спрашивали себя другие.— „Не ясно-ли что пришел конец революции?"

Народ с тех пор потерял к революции всякий интерес.

После ударов, нанесенных их соперникам как с левой, так и с правой стороны, Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности продолжали сосредоточивать власть в своих руках. До того времени имелось шесть министерств, которые подчинялись Комитету общественного спасения только через посредство исполнительного комитета, состоявшего из шести министров. Теперь, 12-го жерминаля (1-го апреля 1794), министерства были уничтожены и заменены двенадцатью исполнительными комиссиями, поставленными каждая под наблюдение особой группы Комитета общественного спасения. Кроме того, Комитет получил также право отзывать своею властью комиссаров Конвента, посланных в провинции. С другой стороны, было решено, что в Париже будет заседать, под надзором обоих Комитетов, верховный революционный трибунал. Обвиняемых в заговорах где-бы то ни было во Ф., решено было привозить в Париж для суда над ними. В то-же время были приняты меры, чтобы очистить Париж от опасных людей. Все бывшие дворяне и все иностранцы, принадлежащие к нациям, ведущим войну с Ф., должны были быть изгнаны из Парижа.

Поголовное истребление как главарей контр-революции, так и поднятых ими темных масс, к которому прибегали местные якобинцы и комиссары Конвента, породило глубокую ненависть против республики в городах и деревнях южной Ф.

В конце апреля в Париже совершен был ряд казней, которые должны были пробудить озлобление роялистов. После бойни 13-го апреля, в которой погибли Шометт, Гобель, вдова Демулена, вдова Эбера и пятнадцать других, казнили — д'Эпремениля, ле-Шапелье́, Турэ, старика Мальзерба, защищавшего короля в его процессе, Лавуазье, великого химика и хорошего республиканца, и, наконец, сестру Людовика XVI, m-me Elisabeth.

Роялисты волновались, и 7-го прериаля (25-го мая) некий Ладмираль, писец лет 50-ти, пришел в Конвент с намерением убить Робеспьера. Он там заснул во время речи, произносившейся Барером и, таким образом, пропустил „тирана". Тогда он пошел в дом, где жил Колло́ д'Эрбуа́, и выстрелил в Колло в то время, как он поднимался по лестнице в свою квартиру. Между ними завязалась сильная борьба, и Колло́ обезоружил Ладмираля.

В тот же день молоденькая девушка, лет 20-ти, Цецилия Рено, дочь содержателя бумажной лавочки, крайнего роялиста, пришла во двор того дома, где жил Робеспьер, и потребовала свидания с Робеспьером. Ее поведение возбудило подозрение; ее арестовали и в карманах нашли два маленьких ножика. Нескладные ее речи наводили на мысль о покушении на жизнь Робеспьера, — во всяком случае совершенно ребяческом.

Нет сомнения, что оба эти покушения послужили предлогами в пользу закона о терроре (22-го прериаля).

Оба Комитета немедленно воспользовались случаем, чтобы устроить громадную „амальгаму", т. е. казнь всякого рода людей, соединенных, как попало, в один процесс. Заарестовали отца и брата Цецилии, а также нескольких человек, которых единственным преступлением было знакомство с Ладмиралем. В ту же „амальгаму" включили г-жу Сент-Амарант, которая держала игорный дом. А так как этот дом усердно посещали всякого сорта люди, между прочим Шабо, Дефьё и Эро-де-Сешель, и туда заходил, повидимому, Дантон и младший брат Робеспьера, то из этого постарались сделать роялистский заговор, к которому хотели примешать даже Максимилиана Робеспьера, через его брата. В тот же процесс включили Сомбрёйля, актрису Гран-Мезон, роялиста Сартина и, рядом со всеми этими господами — несчастную семнадцатилетнюю девочку, портниху Николь.

В силу закона 22-го прериаля, судебное дело было решено самым быстрым образом. В этот раз на казнь повезли сразу 54 человека, отдетых в красные рубашки, как отцеубийц, и казнь продолжалась два часа. Так вступал в действие новый закон, который получил название закона Робеспьера. Он сразу делал царство террора ненавистным для массы парижан.

Легко представить себе, какое стало состояние умов среди заарестованных по сентябрьскому закону „о подозрительных“, которыми были тогда набиты парижские тюрьмы, когда они узнали о законе 22-го прериаля и его применении к 54-м казненным. Они ждали всеобщего избиения, „чтобы очистить тюрьмы“, как это было сделано в Нанте и Лионе, и готовились к сопротивлению.

Тогда революционный суд стал сразу приговаривать к смерти по 150 человек, которых казнили отрядами по 50 уголовных и роялистов, отвозимых вместе на эшафот.

Нам нет нужды останавливаться на этих казнях. Достаточно сказать, что со дня основания революционного трибунала, т. е. с 17 апреля 1793 года, вплоть до 22 прериаля II года (10 июня 1794), т. е. в 14 месяцев, было казнено в Париже 2.607 человек; но со дня введения нового закона, в сорок шесть дней, с 22 прериаля по 9 термидора (27 июля 1794), тот же суд послал на казнь 1.351 человека.

Парижский народ скоро стал с ненавистью смотреть на эти телеги, подвозившие каждый день десятки приговоренных к подножию гильотины,— при чем пять палачей едва успевали опоражнивать живой груз. В городе не находилось более кладбищ, чтобы хоронить эти жертвы, и всякий раз, когда в предместьях открывали новые кладбища, чтобы зарывать там казненных, резкие протесты поднимались среди населения этих кварталов.

Теперь симпатии парижских рабочих обращались уже к казнимым, тем более что богатые эмигрировали или скрывались в самой Ф., и под гильотину попадали преимущественно бедняки. В самом деле, из 2.750 гильотинированных, общественное положение которых мог установить Луи Блан, оказалось, что только 650 человек принадлежали к зажиточным классам. В то время даже говорили друг другу по секрету, что в Комитете общественной безопасности сидит роялист, агент барона Баца, который толкает на казни, чтобы возбудить ненависть против республики. Одно только несомненно: это то, что каждая такая партия казнимых ускоряла падение якобинцев.

Есть вещи, которых государственные люди не понимают. Террор перестал уже терроризировать.

Пройдя через свое восходящее время, продолжавшееся вплоть до августа или сентября 1793 года, революция вступила с тех пор в свой нисходящий фазис. Теперь она переживала фазис якобинского строя власти, которого лучшим выразителем был Робеспьер. Но этот строй, не имея перед собою будущего, не мог удержаться. Власть неизбежно должна была перейти к „людям порядка и сильной власти“, которые только и ждали случая покончить с революционным „беспорядком“; они выжидали минуту, когда им можно будет свергнуть террористов-монтаньяров, не вызывая восстания в Париже.

Тогда с полною ясностью обозначилось все зло, происшедшее из того, что революция в своей экономике основывалась на *обогащении отдельных личностей*. Революция должна стремиться к *благу всех*,—иначе она неизбежно будет задавлена теми самыми, кого она обогатит на счет всего народа. Всякий раз, когда революция совершает переход состояний из рук в руки, она должна была бы это делать *не в пользу отдельных личностей, а в пользу групп, сообществ, обнимающих весь народ*. Между тем французская революция поступила как раз наоборот. Земли, которые она конфисковала у духовенства и дворянства, она отдала частным людям, тогда как они должны были перейти сельским и городским обществам, потому что в былые времена эти земли принадлежали народу и только в силу исторического насилия стали частною собственностью. Раз они выходили из частного владения, их следовало вернуть *народу*.

Но, руководясь государственными и буржуазными целями, Учредительное и Законодательное Собрания, а за ними и Конвент, отнявши земли у помещиков, монастырей и церкви и обративши их в государственную казну, решили продавать их отчасти отдельным крестьянам, но больше всего отдельным людям из среднего сословия.

Легко вообразить себе, какой грабеж начался, когда эти земли, представлявшие собою ценность от десяти до пят-

надцати миллиардов франков (от 10.000 до 15.000 миллионов) были пущены в продажу в несколько лет, на условиях, особенно выгодных для покупателей, при чем покупателям стоило только снискать милость новых местных властей, чтобы всячески еще улучшить эти условия. Так создались на местах „черные банды" скупщиков и спекуляторов, о которые разбилась вся энергия комиссаров Конвента.

И тогда понемногу зловредное влияние этих скупщиков, поддерживаемых всеми спекуляторами в Париже, интендантами армии и местными грабителями, стало подниматься вверх, до Конвента, где честных монтаньяров одолевали ловкие дельцы,—les profiteurs, как их тогда называли. В самом деле, что могли честные люди противопоставить этим ордам грабителей? Раз секции Парижа были парализованы, и „бешеные" были уничтожены, — на кого могли опереться честные люди из горцев? Правые были, конечно, против них, а центр Конвента уже тогда получил характерное прозвище Болота, или Брюха. Тут-то и заседали чаявшие „порядка" ловкие дельцы.

Победа при Флёрюсе 26 июня (см. ниже *революционные войны Ф.*), а также успехи в Пиренеях, со стороны Альп и на Рейне и, наконец, прибытие во Ф. транспорта с хлебом из Америки (при чем пришлось пожертвовать главными военными кораблями), — самые эти успехи становились доводами в устах „умеренных" против революции. „К чему теперь революционное правительство", говорили они, „раз война заканчивается? Пора положить конец правлению революционных комитетов и патриотических обществ. Пора закончить революцию и вернуться к законному порядку!"

Но террор, который все приписывали Робеспьеру, отнюдь не утихал, а скорее еще усиливался. 3 мессидора (21 июня) Эрман, „комиссар при гражданских администрациях, полиции, и судах", внес в Комитет общественного спасения доклад, испрашивая разрешение произвести следствие о заговорах внутри тюрем, и в этом докладе он грозил всеобщим избиением заключенных, говоря, что „потребуется, может быть, внезапно очистить тюрьмы". Комитет общественного спасения разрешил ему произвести такое следствие, и тогда начались ужасные бойни: ряды повозок каждое утро везли под гильотину десятки мужчин, женщин и подростков, и жителям Парижа эти бойни скоро стали противнее сентябрьских убийств. Им не видно было конца, и происходили они посреди балов, концертов и увеселений всякого рода разбогатевшей буржуазии.

Дантонисты, жирондисты, члены Болота смыкали свои ряды и сосредоточивали свои усилия на одном: для начала,—свержение Робеспьера и прекращение террора. А с тех пор, как Комитету общественного спасения удалось обезличить секции, бывшие до того истинными очагами революционных народных движений,— настроение умов в Париже так понизилось, что контр-революция могла уже надеяться на успех.

К тому же 5 термидора (23 июля) Генеральный Совет Коммуны, руководимый теперь Клодом Пайяном, личным другом и поклонником Робеспьера, еще более подорвал авторитет Коммуны в глазах народа, сделав постановление, совершенно несправедливое по отношению к рабочим. Несмотря на то, что цены на все припасы страшно поднялись вследствие пониженного курса ассигнаций, Совет Коммуны велел обнародовать во всех 48 секциях Парижа максимум цен, установленный законом о максимуме, которым должны были довольствоваться рабочие. Коммуна, таким образом, теряла последние симпатии в народе. Что же касается до Комитета общественного спасения, то он уже был непопулярен в секциях, так как он уничтожил, как мы видели, их независимость и присвоил себе право самовольно назначать членов их комитетов.

Минута была, стало быть, самая подходящая, чтобы совершить государственный переворот.

Робеспьер медлил. Он ничего не предпринимал, и только 21 мессидора (9 июля) открыл он свой поход против заговорщиков. Перед тем за неделю он напал на Фушэ, комиссара Конвента, террориста, за его жестокое поведение

в Лионе. Он добился даже того, что якобинский клуб решил предать Фушэ своему суду.

26 мессидора (14 июля) началась открытая война, так как Фушэ отказался явиться на суд якобинского клуба и открыто выступил против Робеспьера. Напавши же на Барера, Робеспьер тем самым вооружил против себя двух других членов Комитета общественного спасения, из крайних республиканцев,—Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, равно как и двух членов Комитета общественной безопасности,—Вадье и Вуллана, которые часто видались с Барером и действовали с ним заодно по делам о заговорах в тюрьмах. Тогда все члены левой в Конвенте, т. е. Тальен, Барер, Вадье, Вуллан, Бильо-Варенн, Колло д'Эрбуа Фушэ, почувствовав над собой угрозу, соединились против „триумвиров"-террористов, т. е. Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона. Что же касается до умеренных, — Барраса, Ровэра, Тирьона, Куртуа, Бурдона и др., которые хотели бы избавиться не только от Робеспьера и Сен-Жюста, но и от всех крайних монтаньяров, то они, вероятно, решили, что для начала лучше сосредоточить нападение на робеспьеровской группе. Они понимали, что если справятся с нею, им не трудно будет справиться и с остальными.

Гроза разразилась в Конвенте 8 термидора (26 июля 1794). Робеспьер, в очень обработанной речи, напал на Комитет общественной безопасности, обвиняя его в интриге против Конвента. Он защищал в данном случае самого себя и Конвент от клеветы и оправдывался от обвинения в стремлении к диктатуре. Все ждали заключений его речи, и когда он дошел до них, то всем стало ясно, что, в сущности, он требовал только усиления власти для себя и своей группы.

„Где средство против этого зла?" говорил он в своем заключении.—*„Наказать изменников*; назначить новых людей в канцелярии Комитета общественной безопасности; *очистить этот Комитет и подчинить его Комитету общественного спасения; очистить также и этот Комитет;* установить единство в правительстве под верховною властью Конвента, представляющего центр власти и высший суд".

В тот же вечер якобинский клуб покрыл рукоплесканиями речь Робеспьера. В клубе поднимался даже вопрос о том, чтобы итти с оружием против Комитетов общественного спасения и общественной безопасности. Все ограничилось, однако, одними речами: якобинский клуб и раньше никогда не был центром действия.

Зато в ту же ночь Бурдон и Тальен заручились поддержкою правых и, повидимому, сговорились с ними не давать на завтра Робеспьеру и Сен-Жюсту говорить с трибуны. Действительно, на следующий день, 9 термидора, как только Сен-Жюст начал читать свой доклад, — Бильо-Варенн и Тальен не дали ему читать. Они требовали ареста „тирана", т. е. Робеспьера, и их крики: „Долой тирана!" были подхвачены всем Болотом. Робеспьеру точно так же не дали сказать ни слова, и после очень бурной сцены Конвент велел его заарестовать вместе с его братом, Сен-Жюстом, Кутоном и Леба. Их отвели в четыре различные тюрьмы.

Генеральный Совет Коммуны собрался только в шесть часов вечера. Он выпустил прокламацию к народу, приглашая его восстать против Барера, Колло д'Эрбуа, Бурдона, Амара, и послал Кофингаля освободить Робеспьера и его друзей, которые — так полагал Совет—должны были содержаться при Комитете общественной безопасности. Но там их не оказалось; Кофингаль нашел только Анрио, которого и освободил. Что же касается до Робеспьера, то его перевели сперва из Конвента в Люксембург, где тюремщики его не приняли; и он тогда, вместо того чтобы итти в ратушу, где заседала Коммуна, и броситься смело в восстание, направился в администрацию полиции, где и оставался в бездействии. Сен-Жюст и Леба, освобожденные из тюрем, пришли в Коммуну; Робеспьер же не хотел трогаться, и Кофингаль едва заставил его подчиниться требованию Коммуны и направиться в ратушу. Он пришел туда только в восемь часов вечера.

Совет Коммуны поднимал восстание; но оказалось, что секции вовсе не

стремились восставать против Конвента—вероятно потому, что их звали к бунту во имя тех, кого они обвиняли в казни своих любимцев, Шометта и Эбера, в смерти Жака Ру, в удалении Паша и в уничтожении независимости секций.

Наступила полночь. Во всех секциях царило несогласие, так как их гражданские комитеты не были согласны с их революционными комитетами и общими собраниями. Те 14 секций, которые решили повиноваться Коммуне, ничего не предпринимали, а 18 секций, из которых шесть были в самом центре города, вокруг ратуши, были против постановления Коммуны. Члены секции Гравилье, к которой некогда принадлежал Жак Ру, составили даже главное ядро одной из двух колонн, направившихся по приказанию Конвента против городской ратуши.

Конвент тем временем объявил инсургентов и самую Коммуну „вне закона", и когда этот декрет был прочтен на Гревской площади, канониры Анрио, стоявшие здесь без всякого дела, разошлись по одиночке. Площадь перед ратушею, таким образом, опустела, и в ратушу вступила без боя вооруженная колонна секций Гравилье и Арси. Тогда один молодой жандарм, который первый вошел в залу, где находились Робеспьер и его друзья, выстрелил в него из пистолета и раздробил ему челюсть.

Самый центр сопротивления—городская ратуша—был, таким образом, захвачен без всякого сопротивления со стороны инсургентов. Леба убил себя; Робеспьер младший решил покончить с собою и бросился из окна третьего этажа; Кофингаль взялся за Анрио, обвиняя его в трусости, и выбросил его из окна; Сен-Жюст и Кутон дали себя арестовать.

На другое утро, после простого удостоверения личности, все были казнены, в числе двадцати одного человека; но раньше чем привезти их на площадь Революции, их долго возили по улицам под оскорбления контрреволюционной толпы. Высший „свет", собравшийся в полном составе на это зрелище, ликовал еще более, чем в день казни эбертистов. *П. Кропоткин.*

X. Итоги революции. Эпоха Директории. Главные социальные итоги революции уже ясно определились после переворота 9 термидора во время наступившей вслед за ним термидорианской реакции.

Революция скосила привилегированные сословия, отобрала у них их земельные богатства и лишила их политического преобладания. Но организация демократической республики на основе всеобщего участия народных масс в активной государственной жизни не удалась. Низшие классы городского населения, на которые опиралась якобинская политика,—мелкие ремесленники и рабочий пролетариат,—оказались слишком слабыми для того, чтобы удержать в своих руках государственную власть. Страшное напряжение, которое переживала страна в борьбе 1793 — 1794 гг. за защиту дела революции, сменилось теперь усталостью и апатией. Энтузиазм первого периода революции уступил место равнодушию и политическому индифферентизму. Наибольшие выгоды произведенный революцией социальный переворот доставил двум классам—крестьянству, особенно его социальной верхушке, группе, которая еще в XVIII в. стала складываться в зажиточную сельскую буржуазию, и городской буржуазии. Безвозмездная ликвидация всех феодальных повинностей, в силу изданного Конвентом декрета 17 июля 1793 г., полностью удовлетворила требования крестьян. Крестьянин освободился от всех лежавших на нем платежей и повинностей в пользу сеньера и признан был полным и неограниченным собственником своего земельного участка. Освободив собственность и труд крестьянина, революция помогла ему, кроме того, расширить свою земельную собственность при помощи новых приобретений. Общинные земли, захваченные сеньерами со времени издания закона 1669 г. о земельных угодьях, были у них отобраны и возвращены общинам, а для того, чтобы по возможности каждый крестьянин мог сделаться собственником, был издан закон о разделе общинных угодий между населением соответственных общин, при чем в тех деревнях, где не оказалось бы общин-

ных земель, безземельные крестьяне должны были получить наделы из конфискованных имений эмигрантов. Раздел общинных угодий, впрочем, пошел туго и впоследствии даже вовсе был отменен, но зато крестьяне широко воспользовались возможностью расширить свои земельные участки при помощи покупки национальных имуществ, особенно после издания декрета 1792 г., рекомендовавшего для увеличения числа мелких собственников распродавать конфискованные у эмигрантов имения небольшими участками. В исторической литературе долгое время господствовало представление о том, что при распродаже национальных имуществ львиная доля имений была скуплена буржуазией, но новейшие исследования (в особенности работы И. В. Лучицкого) заставили внести в это представление большие поправки. Крестьяне вели с буржуазией на всех аукционах непрерывную борьбу за землю и принимали самое деятельное участие в покупках, выступая в качестве индивидуальных покупщиков или действуя при помощи специально организованных для этой цели крестьянских союзов, пока устройство таких союзов не было формально запрещено декретом Конвента. И если земли, лежавшие в окрестностях больших городов, попадали преимущественно в руки представителей буржуазии, то чем дальше отстояли распродаваемые участки от городов, тем большее их количество попадало в крестьянские руки, достигая местами 70 и 80% всех распродававшихся участков. Бывали при этом и случаи перехода значительных участков в руки малоземельных крестьян, но первенствующую роль среди крестьян-покупателей играли, конечно, люди зажиточные. При помощи обесценившихся ассигнатов они скупали большие земельные угодья и превращались из земледельцев в землевладельцев (cultivateurs), переходя таким образом из рядов крестьянства в среду землевладельческой буржуазии. Обесценение ассигнатов вообще способствовало улучшению положения крестьянства, так как давало возможность уплачивать по номинальной стоимости бумажных денег арендную плату и государственные налоги, не говоря уже о том, что взимание налогов вследствие расстройства во время революции всего государственного механизма производилось вообще крайне неаккуратно. Революция привела к значительному улучшению материального положения французского крестьянства, и о росте его зажиточности в годы революции единогласно свидетельствовали все современники. Несмотря на террор, гражданскую войну и войну с иностранной коалицией, население Ф. за время революции продолжало возрастать (с 26 млн. приблизительно в 1789 г. ко времени Консульства оно поднялось до 27½ млн.), при чем прирост приходился почти исключительно на долю сельского населения. Число земельных собственников увеличилось, возросла и площадь обрабатываемой земли, и, несмотря на общее сохранение традиционного трехполья, местами крестьяне стали переходить к сеянию кормовых растений, разведению сельско-хозяйственных культур, нужных для промышленности, и применению плодопеременных систем.

Если крестьянская масса в общем вся, хотя и в разной степени в зависимости от ее внутренних группировок, выиграла от революции, то более сложным оказалось влияние революции на различные слои городской буржуазии. Некоторые ее группы были совершенно разорены. Таково было положение финансистов и откупщиков, которые раньше финансировали государственную власть и составляли себе состояния на этих операциях, всех владельцев государственных обязательств, с которыми государственная власть расплачивалась обесценившимися бумажными деньгами, собственников бесчисленных должностей, уничтоженных революцией и выкупленных новым правительством за бесценок, и т. д. Сильно задела также революция интересы промышленного и торгового класса. Промышленный кризис, разразившийся во Ф. в последние годы перед революцией, еще более усилился с началом революции. Эмиграция дворян и части крупной буржуазии совершенно подорвала один из главных видов французской промышленности, выделку предметов роскоши,

а наступившие вслед за тем внутренние междоусобия и война с коалицией повлекли недостаточный подвоз сырья и сокращение сбыта. Закон о максимуме, наконец, принуждавший промышленников продавать свои фабрикаты по установленной казенной цене, независимо от того, во что им обходилось приобретение необходимого сырья, нанес промышленности окончательный удар, и к концу существования Конвента французская промышленность находилась в полном упадке. Кое-как влачили существование только мелкие ремесленные мастерские, да те виды крупной промышленности, которые работали на оборону и находились поэтому под непосредственным воздействием правительства, широко прибегавшего для поддержки необходимых предприятий к реквизиции сырья и рабочих рук. Внешняя торговля, начавшая приходить в упадок с самого начала революции, с 1793 г. почти совсем прекратила свое существование, а на внутреннюю торговлю вредно влияли отсутствие порядка и непрерывное падение ценности бумажных денег. Города, а в особенности Париж, переживали острый продовольственный кризис, с которым правительство пыталось бороться карточной системой, таксацией товаров на основании закона о максимуме и реквизициями у сельского населения. Чтобы провести в жизнь закон о максимуме, был установлен контроль за частной торговлей, а затем даже сделана попытка взять в руки правительства все руководство снабжением населения. Но несмотря на беспощадную строгость, с которой преследовались все „скупщики" и нарушители закона о максимуме, старания правительства оказывались безрезультатными. При таких условиях поредевшие ряды буржуазии стали быстро пополняться новыми элементами, легко наживавшими себе громадные состояния на тайной торговле запрещенными товарами, на военных подрядах и различных поставках в правительственные учреждения, на широко развившейся спекуляции национальными имуществами. В результате, с одной стороны—формировалась новая денежная аристократия, концентрировавшая в своих руках движимые капиталы и денежные богатства страны, а с другой—быстро росло за счет прежних земельных угодий духовенства и дворянства буржуазное землевладение. Крупная буржуазия, общественное значение которой пошатнулось в эпоху якобинской диктатуры, теперь снова становилась самым влиятельным общественным классом, жаждавшим воспользоваться своим первенствующим положением в обществе. И крупная буржуазия, за которой, естественно, тянулась буржуазия средняя и мелкая, и зажиточное крестьянство желали только одного—обеспечения за ними тех общественных преимуществ, которые им дала революция, от опасных экспериментов снизу, которые грозили новому устою гражданского общества, частной собственности, и от реакции сверху, со стороны свергнутых привилегированных сословий, которые, опираясь на помощь иностранных государств, не отказывались от мысли вернуть себе утраченные преимущества. Политическим выразителем этих социально-экономических интересов сделалась умеренно-республиканская партия, господствовавшая в Конвенте после падения якобинцев и составившаяся из представителей „Болота", возвращенных в Конвент жирондистов и примыкающей к ним части бывших якобинцев. Она сделала попытку закрепить торжество интересов буржуазии и зажиточного крестьянства в республиканской конституции III года.

Конституция III (1795) года отменила всеобщее избирательное право и с небольшими изменениями восстановила избирательные порядки конституции 1791 г., признав право участия в первичных собраниях за всеми плательщиками прямых налогов, но установив для выборщиков, которые должны были избирать депутатов на департаментских собраниях, значительный ценз, который делал доступным избрание в выборщики только для зажиточных собственников или арендаторов. Чтобы избежать возможности повторения деспотизма Конвента, конституция провела строгое разделение между законодательной и исполнительной властями и сделала их независимыми друг от

*

друга. Законодательная власть была поручена двум палатам — Совету старейшин и Совету пятисот, исполнительная—Директории из 5 членов.

После падения якобинцев роялистическое движение сделало такие успехи, что перспектива свободных выборов грозила разгромом республиканцев и торжеством реакции, и конституция была дополнена декретом, разрешавшим свободно избрать только одну треть требуемого числа депутатов и предписывавшим остальные две трети взять из состава Конвента. В Париже в ответ на это вспыхнуло восстание (13 вандемьера IV года), которое, может быть, и не носило чисто роялистического характера, как это утверждала сложившаяся традиция, но в котором во всяком случае роялисты приняли большое участие. Решительное подавление восстания генералом Бонапартом дало возможность господствующей в Конвенте партии удержать власть в своих руках и ввести конституцию в действие (1795 г.).

Новое правительство в своей внешней политике добилось блестящих результатов в деле защиты завоеваний революции. В последний период своей деятельности Конвент отказался от возвещенной им раньше программы освобождения народов и, руководствуясь соображениями государственного эгоизма, вернулся к традиционной политике завоевания для Ф. „естественных границ". На этой почве ему удалось в 1795 г. заключить мир не только с Испанией, но и с Пруссией, которая согласилась признать французские приобретения на левом берегу Рейна под условием молчаливой санкции происшедшего в том же году окончательного раздела Польши. Директория с успехом продолжала борьбу с оставшимися членами коалиции. Блестящие победы Бонапарта в Италии принудили Австрию к миру в Кампо-Формио (1797 г.), по которому Австрия признала присоединение к Ф. Бельгии и левого берега Рейна. Вся Италия и Швейцария были заняты французскими армиями и преобразованы в ряд „республик-дочерей" по образцу ранее занятой Голландии, а для того, чтобы нанести удар колониальному владычеству Англии, была снаряжена под начальством Бонапарта морская экспедиция для завоевания Египта.

Внутри Ф. правящая партия попыталась сначала пойти по пути умеренно-либеральной политики, смягчила исключительные законы эпохи террора и восстановила свободу печати. Но при полном равнодушии к политической жизни со стороны господствующих классов, которые жаждали только порядка и спокойствия, эта политика привела лишь к оживлению двух крайних непримиримых партий—якобинцев и роялистов. Отмена закона о максимуме и восстановление свободной торговли при продолжавшемся экономическом кризисе и непрерывном падении ценности бумажных денег привели только к росту безработицы, усилению дороговизны и ухудшению положения низших классов городского населения. На этой почве возник заговор якобинца Бабёфа (*см.*), выдвинувшего коммунистическую программу и попытавшегося поднять народ во имя демократической конституции 1793 г. Едва успела правящая партия подавить бабувистское движение, как ей стала грозить опасность со стороны роялистической партии, добившейся крупных успехов на выборах депутатов весной 1797 г. и начавшей открытую кампанию против правительства и поддерживавшей его части депутатов. Правящая группа ответила на это государственным переворотом (18 фрюктидора V года), произведенным при содействии армии, в результате чего большая часть выборов была кассирована, а наиболее опасные лица (в том числе 53 депутата и 2 директора) отправлены в ссылку. Переворот 18 фрюктидора и последовавшие за ним новые нарушения конституции (22 флореаля VI года и 30 прериаля VII года) подорвали последнюю веру в республиканскую конституцию, и правящая группа для сохранения за собой власти перешла к открытому произволу, получившему характерное прозвание „полу-террора".

Между тем отсутствие правильного государственного порядка мешало восстановлению нормальных условий экономической жизни. Ценность бумажных денег падала с катастрофической бы-

стротой, и после их полного обесценения Директория принуждена была вернуться к металлической валюте, но население упорно уклонялось от уплаты налогов, и правительство кое-как справлялось с текущими расходами только при помощи контрибуций, которые взимались с завоеванных областей. Промышленность была в параличе, транспорт находился в полном упадке, а внутренний рынок все в большей степени захватывался иностранными, преимущественно английскими товарами, которые, несмотря на войну, широко проникали во Ф. контрабандным путем. В то же время роялистическое движение заставляло дрожать за свое благосостояние все общественные элементы, выигравшие материально во время революции. Классы, на которые пыталось опираться правительство Директории,— буржуазия и зажиточное крестьянство,— при таких условиях скоро в нем разочаровались и требовали только одного— создания прочного государственного порядка и установления сильного и авторитетного правительства. Такое правительство могло выйти лишь из рядов армии, представлявшей собой во Ф. единственную организованную группу среди картины полной дезорганизации и распадения государственных и общественных связей. Устроенная на демократических началах, проникнутая, вследствие своего по преимуществу крестьянского состава, глубокой преданностью к произведенному революцией социальному перевороту, находившаяся под командой целой плеяды блестящих полководцев (Гош, Журдан, Моро, Массена, Бонапарт и др.), гордая своими победами и завоеваниями, она со времени переворота 18 брюмера была самим правительством замешана в гражданские смуты, и крах буржуазной республики должен был неизбежно привести к установлению во Ф. военного деспотизма.

Непосредственным поводом к падению правительства Директории послужили военные неудачи. В 1799 г. против республиканской Ф. организовалась новая коалиция из Англии, Австрии и России, и победы Суворова в Италии не только уничтожили большую часть республик-дочерей, но и поставили Ф. перед угрозой нового неприятельского вторжения в ее пределы. Директория, державшаяся у власти только успехами своей внешней политики, была этим окончательно дискредитирована. В Париже оживилось революционное движение, открылся снова якобинский клуб, и опять стали раздаваться речи о необходимости террора для спасения родины, в результате чего был декретирован поголовный набор и издан суровый закон о заложниках, воскрешавший закон 1793 г. о подозрительных. Но эти меры только еще больше раздражили умеренные элементы общества и заставили всех окончательно притти к мысли о государственном перевороте, который бы положил конец анархии и политике колебаний. Наиболее влиятельный из членов Директории, Сийес (*см.*), давно уже обдумывал план переворота и сумел расположить в его пользу значительную часть депутатов обеих палат (см. *Моро*), но для осуществления своих планов нуждался в поддержке со стороны военной силы. В это время Бонапарт (см. *Наполеон I*), узнав о положении дел во Ф., бросил свою армию в Египте на произвол судьбы и поспешно вернулся во Ф. Население его встретило с восторгом, и он сразу сделался господином положения, вследствие чего Сийес был вынужден вступить с ним в соглашение. Днем переворота было выбрано 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.). Постановлением Совета старейшин заседания обоих советов были перенесены из Парижа в Сен-Клу, под предлогом открытия якобинского заговора. Военная команда в Париже и его округе была поручена Бонапарту, трое директоров подали в отставку, два остальные были арестованы, и Директория прекратила свое существование. А когда на следующий день в Сен-Клу Совет пятисот сделал попытку оказать сопротивление, то он был разогнан военным отрядом. Вслед за тем был распущен и Совет старейшин, а верховная власть передана в руки трех консулов с Наполеоном Бонапартом во главе.

В. Бутенко.

XI. Революционные войны Ф. Р. в. Ф.— обычное название войн 1-й и 2-й коалиции против французской революции.

Война началась в 1792 г. Против Ф. выступила вся монархическая Европа. Первое нападение было отбито, и враги Ф. вынуждены были в 1797 г. заключить Кампо-Формийский мир. Но уже в 1798 г. война разгорелась снова. На этот раз в ней приняли участие Англия, Австрия, Россия и целый ряд мелких владений. Только Пруссия осталась нейтральна. После ряда новых усилий революционная Ф. снова восторжествовала над врагами, вынудив их подписать Амьенский мир 15-го марта 1802 г. В течение этой 10-летней войны Ф. пережила тяжелый кризис разрушения своей старой королевской армии и организации новой армии, армии революции, из тех социальных слоев, на которые опиралась революция в обстановке полной разрухи в стране. В то время ее противники все время располагали вполне упорядоченной военной системой, опиравшейся на прочный государственный аппарат, объединявший все силы монархической полуфеодальной Европы. На стороне коалиции были знание, опыт военного дела, техника, но на стороне революции была опора—связь с народными массами, главным образом крестьянством, получившим земли, и энтузиазм молодых командиров ее армии, а также наследие мощной культуры старой Ф., которую получила революция. И это дало силы для победы французской революции над европейской реакцией.

В начале 1789 года французская королевская армия насчитывала около 132 т. пехоты, 32 т. конницы и 10 т. всех остальных видов. Постоянная армия, так наз. королевские полки, была вербованная и состояла почти исключительно из городской голытьбы. Кроме постоянной армии, во Ф. имелось еще 106 бат., набранных по воинской повинности (жеребьевке), но благодаря тому, что не только сколько-нибудь влиятельные классы, но отдельные люди и даже их слуги (по декрету 1-го дек. 1774 г.) освобождались от воинской повинности, то она была еще менее популярна, чем вербовка.

Французский солдат той поры представлял собой хороший военный материал. Он не был забит, как пруссак, у него было своеобразное понятие чести, он был храбр, смышлен, честолюбив. Но его начальники не умели использовать его сильные качества, подавая солдатам пример распутной жизни и отсутствия дисциплины. Нигде неравенство французской жизни, так возмущавшее общественное мнение масс, не проявлялось так резко, как в армии. Дворянство, составлявшее командный состав, держало в своих руках власть в армии, имело обеспеченное материальное положение и право на выдвижение по службе; солдату оставались на долю жалкое жалованье—6 су в сутки, отвратительная пища, тяжелая служба, беспрекословное подчинение, темные грязные казармы и никакой надежды на выдвижение в офицеры. Офицерство относилось к военному делу поверхностно, его почти не знало. С другой стороны, интриги в армии и влияние двора приводили к тому, что на верхах командования оказывались не военные таланты, а ловкие карьеристы и придворные, и это привело армию к тяжелым поражениям в семилетнюю войну. Поэтому офицерство не пользовалось доверием в солдатской массе. Солдаты остро чувствовали несправедливость непроходимой грани между собой и офицером. Поэтому, несмотря на суровые взыскания, дисциплина в армии была настолько слаба, что, по свидетельству современников, нельзя было встретить на улице воинскую команду, шедшую в порядке, и армия, как боевая сила, значительно уступала пруссакам. Неудивительно, что солдаты в значительной части немедленно примкнули к революции, гражданская война ворвалась в ряды армии. Офицерство, потеряв власть над солдатской массой, не могло двинуть ее против революционного народа. Все попытки толкнуть французского солдата на путь контрреволюции (Булье, Лафайет, Дюмурье) остались безуспешными. Революция ознаменовалась в армии окончательным разрывом между дворянином-офицером и бесправным солдатом, падением дисциплины и порядка в армии и в военной организации. В полках создались солдатские комитеты, боровшиеся за улучшение быта солдат. Падение дисциплины повело к разделу денежных ящиков, распродаже обмун-

дирования и оружия; прикрытая вооруженной силой контрабанда спирта и избиение и убийства офицеров, пытавшихся поддержать хоть какой нибудь порядок, стали обычным явлением. Положение офицерства сделалось невыносимым, и две трети офицерского состава (6.000 из 9.000) эмигрировало.

Национальное собрание пыталось, и вначале удачно, сформировать новую вооруженную силу — национальную гвардию. Это была классовая милиция буржуазии, в которую зачислялись граждане, пользовавшиеся избирательным правом и имевшие средства купить обмундирование. Милиция собиралась только для обучения и то очень редко. Командный состав назначался городским самоуправлением. Впоследствии (после июля 1792 г.) не только активные, но и пассивные граждане зачислились в национальную гвардию. Но эта вооруженная сила, достаточная для поддержания порядка внутри страны, не имела значения для внешнего фронта—она была малочисленна и плохо обучена. Несколько большее военное значение имели батальоны добровольцев, выделившиеся из рядов национальной гвардии в 1791 г. для отправки на границы с целью защиты Ф. от иноземного нашествия. Среди добровольцев 1791 г. было много людей полных самоотвержения и преданности революции, и они явились тем кадром, из которого впоследствии выросли хорошие части.

Французская революция, возбуждавшая волнение народных масс в средней Европе, стала сильно беспокоить правящие круги соседей Ф., и в конце августа 1791 г. имп. австрийский Леопольд II и прусский король Фр. Вильгельм II, видя во французской революции угрозу своей власти, решили подавить ее силой оружия. Были начаты военные приготовления. Французское революционное правительство поспешило предупредить нападение и 20-го апр. 1792 г. объявило войну Австрии. Для борьбы с революцией Австрия и Пруссия заключили союз наступательный и оборонительный. К нему примкнули все прочие германские государства, а также Сардиния и Неаполь.

Кампания 1792 года. К 1792 году французская армия общей численностью в 142 т. человек состояла из остатков прежних королевских войск, которые были усилены батальонами волонтеров 1791 г. Волонтерные батальоны не сливались с линейными полками, а составляли отдельные боевые единицы с выборным начальством. Эти командиры первое время, благодаря своей полной военной, а иногда и буквальной безграмотности не пользовались доверием своих солдат, но в суровой боевой школе они постепенно овладели военным искусством. Из рядов их выросли талантливые вожди, впоследствии генералы и маршалы. Не лучшее положение с командным составом было в линейных полках, ибо офицеры быстро отвернулись от революции, перешли в лагерь реакции, находились под подозрением и не могли руководить своими частями. Все время происходила смена высшего командования, также гибельно отражавшаяся на порядке и дисциплине в армии.

Армия, которую 1-я коалиция двинула против французской революции, достигала общей численностью 120 т. ч., считая в том числе корпус французских эмигрантов (14 т.). Эти войска были устроены подобно французской королевской армии, но порядка в них было больше. Жестокая дисциплина поддерживалась страхом телесных наказаний, которые были беспощадны. Однако, с военной точки зрения такая система комплектования и воспитания приводила к особой тактике и стратегии. Солдатская масса была ненадежна и разбегалась при первой возможности. Поэтому на походе и при расположении на месте войска ограждались со всех сторон караулами, ловившими дезертиров. Во время боя за рядами солдат стояла шеренга унтер-офицеров. Бой в лесах и на пересеченной местности по тем же причинам был невозможен; отсюда необходимость линейных построений и боя на открытой и ровной местности. Мало того: нельзя было останавливаться на отдых по населенным пунктам — это затрудняло борьбу с дезертирством—нельзя было и довольствовать армию из местных средств. Поэтому и пищу и фураж под-

возили с тыла, что привязывало их к магазинам, не позволяя удаляться от них более, чем на 100 верст (5 переходов). Эти особенности тактики и стратегии оказали крупное влияние на ход войны и помогли французам, армии которых имели возможность доверять солдату и не были связаны в своих действиях.

Союзники начали войну уверенные, что широкие слои населения провинций, недовольные диктатурой революционного Парижа, станут на их сторону, и весь поход будет иметь вид военной прогулки; это казалось тем более вероятным, что по сведениям офицеров-эмигрантов армия настолько разложилась, что не была способна оказать какое-либо сопротивление.

У французов был план наступать против Австрии и Нидерландов и обороняться на всех остальных фронтах.

План союзников: войну кончить одним ударом; для этого итти прямо на Париж от Трира и Люксембурга через Шампань; на Рейне и Нидерландах ограничиться обороной, со стороны Испании и Италии только вести наблюдение.

Кампания 1792 года началась наступлением северной армии французов в Бельгии на Монс и Турнэ. Хотя франц. войска и были воодушевлены идеей борьбы за свободу, но отсутствие дисциплины и доверия к своим начальникам сказались сразу. При первом же столкновении с неприятелем они были охвачены паникой и бежали, оставляя пушки, обозы, обвиняя своих начальников в измене, убивая тех, кто пытался остановить бегство. Союзники, ободренные таким началом, к 1-му августа под начальством герц. Брауншвейгского перешли Рейн, стали сосредоточиваться между Кельном и Майнцем и перешли в наступление на Париж. Крепости не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления. 20-го августа главные силы союзников обложили Лонгви, который пал 29-го авг.; 2-го сент. пал Верден, 5-го сент. союзники двинулись по дороге в Париж и 6-го осадили Тионвилль.

Военные неудачи усугублялись беспорядками во внутреннем управлении армии. Главнокомандующий северной армией, генерал Лафайет, и целая группа офицеров не приняли переворота 10 августа (свержение королевской власти) и пытались повернуть армию против революционного правительства; после крушения этой попытки они бежали за границу.

Бегство Лафайета ослабило и без того нетвердую дисциплину, а плохое снабжение войск всем необходимым еще более увеличило беспорядки. Первые неудачи произвели очень тяжелое впечатление. Вся революционная Ф. всколыхнулась. Правительство объявило: „Отечество в опасности“ (22-го июля 1792 г.) и произвело новый набор волонтеров (до 200 т. человек), из которых сформировали 252 добр. батальона, усиливших армию.

Неудачи повлияли оздоравливающим образом на войска. Генералы Дюмурье и Келлерман, прикрывавшие у Седана и Меца направление на Париж, смогли до известной степени укрепить дисциплину в войсках. Ген. Дюмурье, используя этот перелом, смог сосредоточить свои войска на позиции у Вальми, куда ему удалось подтянуть также подкрепления, увеличившие его силу до 60 т. человек. Здесь 20-го сентября 1792 года армия Дюмурье встретилась с 46 т. армией пруссаков под командой герцога Брауншвейгского. Пруссаки к этому времени были уже сильно истомлены долгим походом и лишениями. Они были разочарованы тем, что не только население не приветствовало их, как освободителей, но и приходилось еще заботиться об обеспечении тыла и сообщений. Несмотря на то, что искусным маневром пруссаки обошли позицию французов с севера и вышли на сообщение Дюмурье с Парижем, французские войска не побежали и встретили наступление врага артиллерийским огнем. Прусские полководцы увидели, что „прогулка на Париж“ немыслима и что предстоит трудная упорная борьба, к которой союзники не были готовы. Герцог Брауншвейгский прервал бой, не доведя его до атаки. Обе стороны потеряли 300—400 чел. убитыми и ранеными. Имея приказ беречь войска в виду осложнений с Россией и Австрией при разделе Польши, герц. Брауншвейгский после

10-дневного бездействия в виду французской армии, стоявшей на позициях у Вальми, начал отступление из пределов Ф. 24-го ноября союзники сняли осаду Тионвилля и, передав без сопротивления взятые крепости, отошли за Рейн. Этот успех необычайно окрылил молодую французскую армию, она поверила в свои силы и готова была к новым боям. Дюмурье использовал это обстоятельство для нападения на войска австрийцев в Бельгии. Оставив часть войск под управлением Келлермана для наблюдения за отступающими врагами, Дюмурье с остальной армией направился в Бельгию, соединился с находившейся там северной армией и получил командование над всеми франц. силами в Бельгии, всего числом в 86 т. ч., превосходя вдвое силы неприятеля. Австрийцы встали на укрепленной позиции при Жемаппе, где 18 ноября французы энергично атаковали австрийцев и нанесли им полное поражение. Австрийцы принуждены были очистить Бельгию, а французы без особого труда овладели важнейшими городами Бельгии. Успеху французов весьма способствовало население Бельгии, решительно поддерживавшее их в борьбе с австрийцами.

На Рейне, пользуясь малочисленностью врага, французы заняли в начале октября Шпейер и Вормс; крепость Майнц сдалась без сопротивления, и в ней образовался конвент прирейнских немцев, который декретировал присоединение всего левого берега Рейна к Ф. Успеху на Рейне, как и в Бельгии, способствовало революционное настроение жителей. После взятия Майнца отряд был послан для занятия Франкфурта, с которого тоже была взята большая контрибуция. Отряды французов разлились по всей стране к востоку от Рейна

К этому времени союзная армия герцога Брауншвейгского, отступившая от Вальми к Кобленцу, отдохнула, оправилась и к концу ноября приступила к очищению правого берега Рейна; Франкфурт был очищен без труда, при чем на этот раз жители помогали уже пруссакам, а к середине декабря французы перешли обратно на левый берег Рейна. Причины неудач французов заключались, с одной стороны, в превосходстве сил неприятеля, с другой—в том беззастенчивом грабеже, который восстановил против французской революции тех членов германского союза, которые до сей поры оставались нейтральны.

Военные действия французской армии в Италии в количестве 40 т. в 1792 г. были также успешны. Одна часть этой армии в 25 т. захватила Савойю, при чем „Национальное суверенное собрание аллоборгов“ большинством (583 общин из 658) постановило присоединиться к Ф. (21 окт. 1792 года.)

Другая часть армии с помощью эскадры заняла Ниццу. Результаты кампании 1792 года были блестящи. Бельгия, Савойя и Ницца были завоеваны. Битва при Вальми, про которую Гете, при ней присутствовавший, сказал, что она открыла новую эру во всемирной истории, а также сражение при Жемаппе подняли дух французских войск, вернули им потерянную после первых неудач в Бельгии веру в себя; с другой стороны, кампания 1792 года показала коалиции, что борьба с Ф. трудна и опасна.

Казнь короля 21 янв. 1793 года и победы французов в 1792 г. внесли серьезную тревогу среди правящих кругов европейских государств. 1-го февр. против Ф. выступили Англия и Голландия, 7-го марта—Испания, а 30-го апр. к союзникам присоединился и Германский союз.

Усилившаяся военная угроза совпала с сильнейшим расстройством армии. Первые успехи армии повлекли чрезмерную уверенность в себе, пренебрежение опасности. Дисциплина снова пала, а добровольцы, связанные службой лишь до 1 дек., массами разошлись по домам. Для увеличения численности армии, которую считали нужным довести с 250 до 500 тыс. человек, Конвент 24-го февр. вынужден был отказаться от добровольной вербовки и перейти к принудительному набору в 300 тыс. чел. В действительности удалось из этого набора влить в армию всего только 180 т. ч., так как остальные рекруты или уклонились от набора, или на пути в армию бежали. Для того, чтобы повысить качество армии,

состоявшей в это время, с одной стороны, из старых полков, сохранивших остатки дисциплины и кадры обученных начальников и солдат, а с другой стороны—из добровольцев, неопытных и недисциплинированных, но зато горевших энтузиазмом революции, Конвент решил создать, по предложению депутата Дюбуа-Крансе, путем слияния—„амальгамы“ — старых полков и новых формирований новые части, назвав их вместо полков полубригадами, соединив в каждой один старый и два добровольческих батальона. Этим путем мыслилось, что хорошие качества разных частей армии, дополняя друг друга, дадут мощную военную организацию. Закон об „амальгаме“ был принят Конвентом в февр. 1793 г., но проведение его растянулось на долгие годы, вследствие сопротивления как старых полков, так и добровольцев, не желавших порывать со своими особенностями.

Кампания 1793 года. Численность французской армии к началу кампании 1793 года достигла всего 270 т. ч. Силы союзников в начале года были приблизительно равны силам Ф., к концу же года они возросли до 375 т. ч. отлично снабженных и устроенных войск. План союзников состоял в том, чтобы прежде всего очистить захваченную французами Бельгию, Эльзас, освободить Майнц, а затем общими силами итти на Париж и подавить революцию. У французов в этом году не было определенного плана действий. Как и следовало ожидать, расстройство французской армии было причиной неудач на всех фронтах. На Рейне и Мозеле армии французов, действуя без плана и связи друг с другом, принуждены были все время отступать перед противником, который оттеснил французов за р. Лаутер и 14-го апр. обложил Майнц. На северном фронте Дюмурье с частью своей армии во второй половине февраля вторгся в Голландию и занял там ряд крепостей, но вскоре под напором союзников должен был отступить за Маас, а 18 марта в сражении под Неервинденом понес тяжелое поражение. Это поражение так подействовало на дух армии, что солдаты толпами бежали из рядов, и на третий день после боя из 45 т. армии осталось всего 20 т. ч., преимущественно старых солдат. Дюмурье, зная, что он головой ответит за поражение, вошел в соглашение с неприятелем и очистил к 29 марта без сопротивления Бельгию и Голландию, но его попытки склонить войска к измене революционному правительству окончились неудачей, и он должен был бежать за границу. Одновременно целый ряд неудач постиг французские войска на итальянской и испанской границах; кроме того, в марте 1793 г. война с внешним врагом осложнилась вспыхнувшим в Вандее восстанием, перешедшим вскоре в гражданскую войну. Население Вандеи, находившееся под сильным влиянием реакционного монархического духовенства, вообще враждебно относилось к революции, а установление принудительного набора рекрут дало толчок к открытому восстанию. Сначала движение носило совершенно дезорганизованный характер, образовывались шайки для сопротивления властям, но когда восстание приняло крупные размеры, а поражение револ. войск на внешних фронтах позволяло надеяться на успех, во главе восстания стало местное духовенство и дворянство.

Обострение борьбы требовало от Конвента целого ряда решительных мер. В апреле был создан Комитет обществ. спасения (см. выше). Но деятельность Конвента парализовалась борьбой внутри его: между жирондистами и Горою. 31 мая якобинцы, поддержанные народным восстанием, сокрушили жирондистов в Париже, жирондисты бежали в провинции, где им удалось вызвать целый ряд восстаний. Они вошли в блок с монархистами. Особенно ярко развертывалось восстание против Конвента в Вандее, где дела восставших шли все лучше и лучше (победа при Дуэ 7/VI, взятие Анжера 10/VII, осада Нанта). Но ни жирондисты ни монархисты не имели достаточно материальных средств и связей с массами и были вынуждены обратиться за помощью к врагам революции за границей, к Англии, Пруссии и др., которые видели в борьбе с революционной Ф. способ не только победить революцию, но и разрешить давнишние спорные вопросы. Англия намеревалась отнять у Ф. ее

колонии в Индии и Америке, Пруссия—Эльзас и Лотарингию и т. д. Таким образом, контр-революция вошла в прямой союз с врагами Ф., сдавала им французские города, как Тулон и Бордо, и сражалась с войсками французской революции английским оружием и в английских мундирах. Союзники одержали ряд крупных побед. 10-го июля пала крепость Конде, 23 июля—Валансьен. Союзники после этого осадили Дюнкирхен и Лакенуа. На Рейне 22 авг. они взяли Кетрих. 14-го октября мозельская армия была разбита у Приманеса. 13 октября французы потерпели неудачу в бою за Вейсенбургские линии. Якобинский Конвент, освободившись от жирондистов, решительно стал осуществлять волю широких масс населения Ф. Им была уничтожена окончательно феодальная зависимость крестьянства (декрет 17 июня 1793 г.); крестьянство получило земли, раньше арендуемые у помещиков. Революционная власть этим путем получила солдата, лично связанного с революцией. Тяжелое положение заставило Конвент для подавления контр-революции внутри страны и для организации обороны и армии прибегнуть к крайним мерам. Террор достиг своего наибольшего развития в период наибольшей внешней опасности (авг. и сент. 1793 г.).

Для установления дисциплины в армии была введена смертная казнь: расстрел солдат и гильотинирование генералов, оказавших непослушание и невыполнивших своих задач. Для усиления численности армии 23 сентября Конвент декретирует всеобщую воинскую повинность, которая дала 450 т. новых бойцов; ими заменяются гарнизоны крепостей, а последние, как более обученные, пошли на пополнение в действующую армию. Экономическая разруха внутри страны, падение ценности бумажных денег, отсутствие товаров на рынках вызвали со стороны правительства реквизиции и налоги на имущий класс. Невозможность снабжения армии из магазинов привела к системе довольствия путем реквизиций. Энергичные меры были приняты по подбору командного состава, преданного революции и знающего военное дело. При назначениях не ставилось никаких ограничений, и так, например, Журдан, командовавший весной 1793 г. батальоном, осенью командует северной армией. Пишегрю, командовавший батальоном в 1792 г., стал во главе армии в 1793 г., Гош, подпоручик в 92 г., в 93 г.— командующий армией. Все ограничения королевской армии были отменены, и в армии правительство открыло широкую дорогу к продвижению. Талантливых людей ожидало выдвижение, но неудачники или бесталанные авантюристы, пробиравшиеся к командованию, платились головой. Так погибли Лану, Стенель, Кюстин, Гушар, Вестерман, Богарне и др.

Целый ряд талантливых начальников выдвинулся по выборам и был утвержден в должностях, каковы: Ней, Сульт, Ланн, Мюрат, Дезе, Моро, Даву и др. Наоборот, огромное число людей, выдвинувшихся на командные должности и не имевших для этого знаний и дарований, было смещено и заменено другими.

Вся эта огромная организационная работа велась в армии под руководством комиссаров Конвента, деятельность которых направлялась Комитетом общественн. спасения, где руководящую роль в военных вопросах играл Карно. Вступление в Комитет общ. спасения (авг. 1793 г.) Карно, человека с выдающимися организаторскими способностями, внесло порядок в военное ведомство. Карно провел в жизнь „амальгаму", организовал новый офицерский корпус, при чем 23 т. выборных офицеров были смещены, создал дивизию, как боевую единицу, представляющую группировку из трех родов оружия. При нем прекратилась бесконечная смена высшего командного состава.

В осенней кампании 1793 года все эти энергичные меры сказались: французская армия постепенно достигла до 1.200.000 ч., и успехи союзников не только были остановлены, но сведены на нет, чему не мало способствовали, однако, и сами союзники своей нерешительностью и несогласованностью в действиях. Они не использовали времени дезорганизации французских армий для безостановочного движения на Париж, но потратили его на осаду крепостей, без которых нельзя было устро-

ить магазинов для довольствия армий, набранных по вербовке. Все это дало время и возможность Конвенту подготовиться. Осенняя кампания 1793 года началась победой на внутреннем фронте: 8-го августа пал Лион, а 25-го Марсель. 17-го октября вандейцы потерпели сильное поражение у Шоле, после чего вандейское восстание стало клониться к упадку и под ударами все усиливавшихся республиканских войск к концу декабря потеряло серьезное значение.

В сентябре французы перешли в наступление во Фландрии, где численность армии возросла до 150 т. ч.; 7 сент. в сражении при Гондскоте ген. Гушар одержал победу над англичанами, и в течение следующих дней 12 и 13 сент. французы взяли Менен, Варвик и потеснили голландцев к Генту; но победа не была использована. За неудачное командование Гушар был казнен, и на его место назначен Журдан, который в битве при Ватиньи 16 окт. нанес союзникам тяжелое поражение, решившее исход кампании.

В это время мозельская армия под командой Гоша была усилена до 40 т. ч., а рейнская, под командой Пишегрю,— до 60 т. ч.; Гош перешел в наступление, и хотя первое сражение 26 ноября у Кайзерлаутерна закончилось неудачей, это не ослабило энергии молодых войск революции. Гош в половине декабря соединился с Пишегрю и на этот раз с успехом атаковал пруссаков и австрийцев, действовавших разрозненно и без взаимной поддержки. В конце декабря изнуренные беспрерывными боями армии союзников отступили на восточный берег Рейна в исходное положение, из которого они начали кампанию 1793 г. На других фронтах замечательно взятие у англичан Тулона 12 дек. 1793 г. На итальянском и испанском фронтах все наступательные попытки врагов были также отбиты. 1793 год, начавшийся так неудачно, окончился рядом крупных успехов франц. револ. войск. Огромные силы объединенной европейской реакции, двинутые против французской революции, разбиты, Конвент в борьбе за свободу Ф. и завоевания революции начал выковывать новое войско, и на развалинах старой армии выростала новая грозная сила, которой предстояло пронести победные знамена революции через все столицы Европы.

Кампания 1794 г. В кампании 1794 г. Ф. имела под ружьем 1.200.000 ч., из которых 700 т. были в полевых войсках, 500 т.—на внутренних фронтах. В 1794 г. армия револ. Ф. начинает одерживать верх над армиями коалиции не только благодаря большей численности, но также и новому устройству ее. В противоположность вербованным армиям создавался новый тип солдата-революционера, горячо принимавшего к сердцу успех и неуспех своей армии, самодеятельный и жаждущий выдвинуться на высшие должности.

Создался и новый офицер, составлявший одно целое с солдатом, не разделявшийся с ним ни рождением, ни образованием, ни образом жизни на походе. Новый солдат и новый офицер создали новую тактику и стратегию. Линейный боевой порядок, т. е. построение войск в 2 линии с конницей по флангам, при чем каждая линия состояла из батальонов, стоявших рядом в развернутом 3-х шереножном строю, сменился глубоким боевым порядком, состоявшим из стрелковых цепей, действовавших огнем, и колонн, которые наносили удары в штыки сомкнутой массой. Вербованные солдаты без непосредственного надзора разбежались бы из цепей. Солдат революции, полный самодеятельности, умел драться в цепи, не имея времени научиться сложным маневрам линейной тактики. К этому времени относится наиболее полное использование реформы Грибоваля, который переобразовал артиллерию из чисто позиционного средства в могучее средство атаки. Это было достигнуто, с одной стороны, облегчением системы орудия, которое стало поспевать за войсками, а с другой стороны—заменой вольнонаемных возчиков, подвозивших пушки к месту сражения и не участвовавших в бою, ездовыми солдатами, которые, работая на общих основаниях со всеми войсками, позволили ввести маневрирование артиллерии в бою. Кроме этих технических усовершенствований, Карно впервые подчинил военные действия на всех

театрах войны одному общему оперативному плану, по которому усилия республики сосредоточиваются на важнейшем направлении в 1794 году—в Бельгии.

Союзники также решили нанести главный удар в Нидерландах, где численность их армии равнялась 150 т. хорошо устроенных войск. План союзников сводился прежде всего снова к осаде крепости Ландреси, в случае успеха—к движению на Париж и подавлению революции. У французов для главной операции в Нидерландах были сосредоточены армия Пишегрю в 154 т., впоследствии достигшая 190 т., и арденская армия Шарбонье в 35 т. (впоследствии 60 т.). План французов состоял в том, чтобы, двигаясь по долинам рек Лис и Самбры, охватить оба фланга неприятеля, пересечь его пути сообщения и тем принудить его к отступлению. Военные действия начались в середине апреля. Союзники обложили крепость Ландреси и 30 апреля ее взяли. Французская армия вторглась во Фландрию, но это наступление вследствие равенства сил французов и союзников, сосредоточивших свои главные усилия на северном фронте, не привело к успеху. Целый ряд упорных боев при переходе через Самбру (4 попытки переправы были неудачны) заставил Карно вызвать на Самбру мозельскую армию Журдана в 40 т., которая в соединении с арденской и 3 дивизиями северной армии проявляла невероятное упорство и по добщим командованием Журдана 18 июня перешла в пятое по счету наступление через Самбру, закончившееся 18 июня победой французов при Флерюсе. 10 июля французы вступили в Брюссель. Сражение под Флерюсом было началом блестящих побед французов, оно внесло значительное успокоение во Ф. Боязнь масс перед вторжением армий реакции, поддерживавшее правительство якобинцев, прошла, и террор не находил оправдания в общественном мнении. Поражения на внешних фронтах вызвали диктатуру якобинцев и террор, укрепление фронта способствовало падению террора 27 июля 1794 года.

Дальнейшие действия армий Пишегрю и Журдана привели к ряду побед, занятий крепостей, важных городов и постепенному очищению Голландии от союзников. В январе 1795 года вся Голландия перешла в руки французов и заключила с победителями союз, по которому все ее вооруженные силы перешли в распоряжение республики. Таким образом, победа преобразованной армии революции вывела из коалиции одного из ее членов, разбив первое звено охватившей Ф. цепи.

В 1794 году действия французов на Рейне были вначале неблагоприятны для них, но успехи в Голландии послужили сигналом для общего и интенсивного наступления, в результате которого французы овладели всей левой стороной нижнего и среднего Рейна и всеми крепостями за исключением Майнца. В Италии первоначальные действия французов завершились рядом успехов. Они овладели Мал. С. Бернаром, Мон-Сенисом и Тендским проходом. В июле французы предприняли весьма удачный поход на Кони, но смена власти в Париже 9-го термидора внесла расстройство в командование армией, и это заставило их добровольно отступить на прежние позиции. В Испании в 1794 году французы одержали ряд крупных побед; они не только взяли отданные в 1793 году крепости обратно, но оттеснили каталонскую армию Испании за Пиренейский хребет, взяли крепость Бельгард 18 апреля, креп. Фигерас и успешно блокировали Роас. Действия французов против наварской армии испанцев были также успешны (занятие креп. Фуэнтерабия, С. Себастьян и Эгви).

В результате ряда побед кампании 1794 года французские революционные войска оттеснили неприятеля на всех фронтах к естественным рубежам на всех границах Ф.: на Рейн, Альпы, Пиренеи. Эти успехи объясняются прежде всего тем, что револ. правительство могло опереться на широкие народные массы при комплектовании армии; хотя значительная часть крестьянской массы и уклонялась от службы, но среди миллионных масс французской деревни и города нашлись сотни тысяч, которые стали в ряды армии и сражались за „свою“ Ф., защищая завоевания революции, при которых народ-

ные массы видели поворот к лучшему будущему.

1795 год. 1795-й год был годом перелома войн франц. революции. До этого времени Ф. оборонялась; в результате своих завоеваний 1794 года армии революции *переходят в наступление.* Наоборот, реакционная Европа начала терять надежду на возможность раздавить революцию силой оружия; коалиция ослабилась выходом из нее Пруссии (мир в Базеле 5 апреля 1795 г.), Испании мир в Базеле 22 июля) и земель Германского союза: Ганновер, Саксония, Гессен-Кассель (мир в Базеле 28 сент. 1795 г.).

Главные военные действия на Рейне начались только в августе. Причина этого заключалась в том, что Ф. была, с одной стороны, сильно истощена войной, с другой—революционное правительство еще не сумело создать прочного и хорошо работавшего аппарата снабжения армии. Недостаток продовольствия в разоренной стране не давал возможности перейти в наступление. В лагере же союзников шло расслоение, и о наступлении после неудач 1794 года трудно было и думать. Сила союзников на Рейне равнялась 180 т. ч. Вследствие расстройства управления и прекращения принудительных мер террора численность франц. армии падает с 1.200.000 ч., в начале 1794 года до 570 т. ч., из которых в борьбе с Вандеей и по охране внутреннего порядка оставалось 120 т. ч. но из этих войск едва половина представляла боевую силу. Остальные были распределены в обозах, на охране сообщений, в тыловых учреждениях. Так, из 135 т. северной армии Моро едва 70 т. было в рядах действующих войск.

Кампания 1795 года началась блестящими победами французов; они искусно переправились на правый берег Рейна (при Нейвиде, Эйхенкампе и при Гамме), овладели Дюссельдорфом, Мангеймом и Гейдельбергом (20 сент.). Но отсутствие единства действий между армиями Журдана и Пишегрю и ошибочные действия последнего, который уже в это время решился на измену и с августа месяца вел переговоры с Конде, а также падение дисциплины на почве расстройства снабжения, дали возможность союзникам не только восстановить положение и вернуть Гейдельберг 26 сент. и Мангейм 22 ноября, но нанести французам тяжелые поражения; так, при деблокаде 29 ноября Майнца, где французы потеряли пленными 21 тыс. и 137 орудий, французы были оттеснены за Рейн. 1-го января 1796 года французы и австрийцы заключили перемирие.

На границе Испании военные действия начались весной 1795 г. и протекали успешно для французов. Операции на этом фронте были прерваны 22-го июля известием о заключении между Испанией и Ф. мира.

Действия французов в Италии были сперва неудачны, но в конце августа на усиление итальянской армии прибыло 10 т. подкрепления из рейнской армии и большая часть западно-пиренейской под началом ген. Шерера. Итальянская армия франц. выросла до 50 т. В конце ноября французы перешли в наступление, оттеснили австрийцев, заняли все проходы через Апеннинский хребет и стали на зимние квартиры. Однако, победы 1794 и 1795 годов, даже мир с Голландией, Испанией, Пруссией и Германским союзом мало улучшали внутреннее положение Ф. Война продолжалась, острая продовольственная нужда обесценила деньги; отсутствие заработка у рабочих делало положение тревожным. Недовольство масс парижского населения выразилось в двух вооруженных выступлениях против Конвента, подавленных войсками. Во втором из них, 13 вандемьера (5-го октября) 1795 года, войсками руководил генерал Бонапарт. После успешного усмирения восстания, где Бонапарт проявил большую твердость и решительность, он был назначен командующим итальянской армией, во главе которой выступил в поход в 1796 году, — поход, сделавшийся этапом в истории войн новейшего времени. Бонапарт сумел организовать силы, выдвинутые революцией, и от кордонной системы с ее сложными, но безрезультатными маневрами, перейти к громовым ударам масс, построенным на принципе частной победы.

Расстройство экономического положения Ф. в 1795 году особенно тяжело

отразилось на армии: в артиллерии и коннице—острый недостаток лошадей, в пехоте—обмундирования и продовольствия; войска целыми батальонами разбегались по домам. Директория, выдвинутая к власти в конце 1795 года, проявила в военных делах ту же энергию, которой отличался Конвент. Был произведен новый набор и принудительный заем в 600 млн. франков. Эти меры несколько укрепили армию, и к марту 1796 г. Ф. обладала армиями общей численностью до 400 т. ч. Составление общего оперативного плана попрежнему находилось в руках у Карно. Согласно его плану, армии Журдана в 80 т. и Моро в 80 т. должны были перейти Рейн и двигаться по обоим берегам Дуная в Австрию и под стенами Вены соединиться с итальянской армией Бонапарта в 43 т. ч.

В замысле плана кампании 1796 года цель поставлена—удар в самое сердце врага — уничтожение главного из континентальных врагов Ф. Но достижение этой цели было вверено 3 независимым один от другого начальникам, действовавшим каждый без связи друг с другом — характерная особенность кордонной системы.

Но если общий план кампании подчинялся устарелой в эпоху массовой народной армии Ф. военной системе, то Бонапарт, командуя итальянской армией, резко порывает с этой системой. Он применяет стратегический прорыв, ударив собранной в кулак массой в центр растянутого кордоном (ниткой) неприятельского расположения. Достигнув таким путем частной победы в одной точке, над одной частью врага, он бросается на остальные части врага и наносит им поражение по частям.

Итальянская армия занимала узкую полосу, называемую генуэзской Ривьерой, и находилась в бедственном положении. Войска терпели недостаток во всем: в продовольствии, одежде, обуви, фураже, боевых припасах. Армия состояла из 6 дивизий и 4 тыс. кавалерии, всего числом в 43 т. при 60 орудиях. Союзная армия насчитывала почти вдвое большее количество войск (77 т. при 148 ор.) и состояла из сардинских войск Колли в 45 т. ч. и австр. войск Больe в 32 т. ч. Она прикрывала все пути, по которым французы могли вторгнуться в Италию—от Генуи до Монблана. Бонапарт, сосредоточив 25 тыс. из 43 к Монтенотте, где находился стык австро-сардинских войск, сильным ударом разбил растянутые кордоном небольшие отряды австрийцев и сразу разобщил их от сардинцев (сражения при Монтенотте, Миллезимо и Дего в первой половине апр. 1796 г.). Затем, оставив заслон против австрийцев, он всеми силами обрушился на сардинцев и, разбив их при Чева и Мондови 17 и 22 апреля, заставил сначала заключить перемирие (28 апр.), а затем и мир, по которому Сардиния разорвала с коалицией. Французам были переданы крепости Чева, Кони, Александрия и право перехода через р. По при Валенце.

После этого Бонапарт всеми силами обрушился опять на австрийцев, которые отступили за р. По и расположились на оборонительной позиции от Навары до Пьяченцы для преграждения Бонапарту пути на Милан. Искусным фланговым движением к Пьяченце и переправою у нее через р. По Бонапарт обошел Больe вновь и, разбив его разбросанные отряды по частям, заставил его отступить за р. Адду, за которой австрийцы вновь расположились своим излюбленным способом—кордоном. Бонапарт бросил свои главные силы сосредоточенной массой в центр кордона врага (битва у Лоди) и заставил его сначала отойти за р. Минчио, а затем совершенно очистить Италию и увести австрийскую армию в Тироль. Таким образом, за 3 с половиной месяца вся северная Италия была завоевана французами: герцоги пармский, моденский, неаполитанский король, Венеция и папа были принуждены заключить мир с револ. правительством Ф. и заплатить крупную контрибуцию. Победы Бонапарта не только обогатили офицера и солдата итальянской армии, но еще дали крупные денежные суммы Директории, которая крайне нуждалась в деньгах. В руках у австрийцев осталась только крепость Мантуя и цитадель Милана; 29 июня пала цитадель Милана, и Бонапарт приступил к осаде Мантуи. Мантуя являлась важным

пунктом для обеих сторон, и, чтобы ее удержать, венский кабинет собрал крупные силы, которые 4 раза с августа по январь переходят в наступление для освобождения Мантуи. Однако, Бонапарт применял тот же способ действия сосредоточенными силами против разбросанных кордоном сил австрийцев, нанес им ряд поражений у Лонато, Кастильоне (3 авг.), Бассано (8 сент.), Арколе (16 нояб.) и Риволи (14 января).

Все попытки освобождения Мантуи кончились неудачей, и комендант крепости 2 февраля подписал капитуляцию. В то время как Бонапарт с слабейшею армией завоевал всю северную Италию и занял угрожающее положение в пределах Австрии на путях к Вене, армии Моро и Журдана, перешедшие в наступление и одержавшие сначала ряд блестящих успехов, оттеснив австрийцев за р. Нааб, Дунай и р. Лех, к концу 1796 г. были вынуждены отдать все завоеванные области и возвратиться к своему первоначальному расположению на левом берегу Рейна. Бонапарт решительно объединил усилия всех войск в своих руках. Наоборот, Моро и Журдан точно следовали плану Карно, действуя самостоятельно и независимо друг от друга; этим воспользовался талантливый австрийский начальник, эрцгерцог Карл. Против разрозненно действовавших французов он применил тот же принцип частной победы, которым с таким успехом руководствовался Бонапарт в Италии. Оставив часть своих войск в виде заслона против армии Моро, он сосредоточил главную массу своей армии против Журдана, перешел в энергичное наступление и атаковал его при Неймарите 23 авг. во фланг и даже в тыл, отбросил его в расстройстве и беспорядке за р. Майн и к 20 сент. вынудил его перейти обратно на левый берег Рейна. В это время Моро, вместо того, чтобы итти на соединение с Журданом и помочь ему, продолжал наступление, перешел 18 авг. через Дунай и 22 авг. переправился через Лех. Но поражение Журдана обнажило его фланг и поставило в такое трудное положение, что и он должен был начать отступление.

Между тем эрцгерцог Карл, покончив с Журданом, бросился на Моро, который только благодаря ряду искусных маневров и удачных боев спас свою армию от совершенной гибели и тоже перевел ее у Гюннингена 26 окт. на левый берег Рейна.

В декабре 1796 г. французами была предпринята попытка высадить десант в Ирландии, с тем, чтобы, используя брожение населения против англичан, поднять там восстание и тем оттянуть силы Англии с главного театра войны. Начальником экспедиции был назначен ген. Гош, который завязал отношения с тайным обществом, подготавливавшем восстание в Ирландии (лорд Фицджеральд, О' Коннор). Десантный корпус был численностью до 15 т. ч., при чем были взяты с собой оружие и огнеприпасы для вооружения восставших. Недостаточная тщательность организации и дурная погода привели к тому, что десантный флот разбился на части и, не произведя высадки, вернулся во Ф.

Кампания 1797 г. была прямым продолжением похода 1796 года. Директория продолжала исполнять оперативный план Карно 1796 г. и, опасаясь политических последствий успехов Бонапарта и его возраставшей популярности, несмотря на одержанный в Италии успех, главный удар возлагала на армии Моро в 60 т. и Гоша в 70 т. ч. в Швабии и Франконии, которые должны были двигаться на Вену вдоль Дуная; итальянская же армия Бонапарта по этому плану должна была отвлекать силы неприятеля вторжением с юга в пределы Каринтии. Однако, действия армий Моро и Гоша, вследствие расстройства снабжения армий всем необходимым, не могли начаться раньше половины апреля. Только 8 апр. Гош перешел Рейн у Нейвида и после нескольких удачных для него сражений двинулся на Нейгоф и Франкфурт. Армия Моро начала переправу 19 апр. у Кильштета, и к 22 апр. вся армия, несмотря на сопротивление австр., перешла Рейн. К этому времени итальянская армия, усиленная до 80 т. ч. войсками, освободившимися после неудачи ирландской экспедиции, была сосредоточена Бонапартом между реками

Брентою и Пиаве для вторжения в Австрию.

Разумные и решительные меры Бонапарта по организации снабжения армии привели к тому, что уже в феврале месяце его войска были способны к наступлению. Австрийское командование со своей стороны считало итальянский фронт наиболее опасным, тем более, что силы австрийцев на границе Италии хотя и достигали 60 т. ч., но эти войска были наскоро набраны и плохо обучены, а войска (25 т. ч.), посланные на подкрепление из рейнской армии, еще не прибыли, когда Бонапарт перешел в наступление. Бонапарт считал необходимым возможно скорее использовать свои победы 1796 г. и итти на Вену через Альпы, добить врага и заставить его заключить выгодный мир. 10-го марта он перешел в наступление, обходя оборонительные позиции австрийцев на р. Тальяменто. 28 марта Бонапарт занял Тарвиз. Продолжая наступление, французы 5 апр. дошли до Юденбурга, выдвинув авангард к Леобену (от Леобена до Вены 5 суточных переходов, 120 верст). Боязнь дальнейшего наступления Бонапарта заставила австрийцев предложить 18 апреля в Леобене перемирие, которое французы со своей стороны встретили с большим удовлетворением. Положение армии Бонапарта было опасно, так как в тылу его армии восстало население Вероны, нарастало недовольство славонцев и других жителей занятого французами края. Эти обстоятельства, а также сведения о том, что французские армии в Германии еще не приступили к действиям, заставили Бонапарта принять предложение перемирия, которое было утверждено Директорией и прекратило военные действия против австрийцев на всех фронтах. Немедленно после этого Бонапарт объявил войну Венецианской республике, которая была главным руководителем восстания итальянцев против Ф. Нужно отметить, что эти восстания в значительной мере вызывали сами французы как грабежами и реквизициями самой французской армии, так и в особенности незаконными действиями тех новых властей, которые ставились Ф. Французское командование не могло оставить на своих постах враждебных революции местных чиновников, ставленников королевской власти, и в то же время не умело быстро подобрать умелых и честных заместителей из числа сочувствующих ей элементов. Борьба с Венецией была непродолжительна. 16 мая Венеция была занята французскими войсками. 17 октября в Кампо-Формио был заключен мир с Австрией, закончивший первую революционную войну полной победой французской революции над монархической Европой. Австрия отказалась от Нидерландов и Ломбардии и признала границей Ф. левый берег Рейна. Единственным противником, не отказавшимся от борьбы, осталась Англия, против которой и направились усилия французов.

Кампо-Формийский мир не внес, однако, успокоения в отношения между новой Ф., выросшей из революции, и монархической Европой. Победа революции после шестилетней войны представляла величайшую угрозу всей европейской реакции, ибо она будила энергию революционной буржуазии в борьбе с феодалами в остальных странах Европы. В Голландии при помощи войск Жубера революционная буржуазия и мелкая буржуазия 22 января 1798 г. захватили власть. Федеративное устройство Голландии было уничтожено, и Батавские республики получили то же устройство, что и Ф. В Италии французы создали ряд республик, дружественных Ф., свергнув власть короля, дворянства и церкви. Лишь в Риме, Пьемонте и Неаполе оставались островки феодального общества.

Эмиссары французского правительства вели энергичную агитацию в Швейцарии, где с 1798 г. революция началась, поддержанная французскими войсками; 6 марта ими был взят Берн, и в Швейцарии создана единая республика, опиравшаяся на демократические элементы, дружественные Ф.

Стремясь нанести удар Англии—главному конкуренту французской торговли, текстильной и металлургической промышленности, французы мечтали о десанте через Ламанш. Но флот Ф., дезорганизованный революцией, не мог

выполнить такую задачу. Тогда, для того чтобы нанести Англии серьезный удар в ее торговле с востоком и стать на пути сообщения ее с Индией, Директорией была предпринята в 1798 г. экспедиция в Египет, во главе которой был поставлен Бонапарт. Однако, результаты целого ряда его успехов на суше были уничтожены поражением французского флота при Абукире, французская армия была отрезана от Ф., и на обратном пути сам Бонапарт едва не попал в руки англичан. Это поражение французов послужило сигналом для начала новой войны против Ф. Первым восстал король неаполитанский. Объявив в Неаполе поголовное вооружение и набрав армию в 60 т. ч., он передал командование армией австрийскому генералу Макку. Однако, французы, поддержанные местными республиканцами, 25 янв. заняли Неаполь, свергли короля и провозгласили образование Партеногейской республики. Агрессивная политика французских революционеров вызвала к жизни новую коалицию, в которую вошли: Англия, Австрия, Португалия, Неаполь, Порта, объявившая войну, некоторые князья Италии, Германия и, наконец, к союзу примкнул Российский император, как последний резерв европейской реакции, опиравшийся на самое многочисленное темное и послушное крестьянство в Европе.

Вторая коалиция против Ф. была несравненно могущественнее первой. Вооружены были огромные сухопутные и морские силы и предположено было атаковать французские армии в Италии, Швейцарии, на Рейне, в Египте и в Голландии, дойти до Парижа и низвергнуть республику. Однако, действительное распределение сил никоим образом не отвечало этой основной цели достижения. Войска были разбросаны, согласно кордонной системе, вдоль всей границы Ф. Кроме войск союзников, направленных в Голландию и Египет, на главных театрах были сосредоточены: армия эрцгерцога Карла в 120 т. ч. за р. Лех, в Граубюндене и Форарльберге; в Тироле армия Бельгарда в 48 т. ч.; наконец, в Италии около 86 т. ч. Края, между Адижем и Тальяменто; русские подкрепления общей силой до 48 т. ч. были направлены под командой Суворова в Италию и Римского-Корсакова в Швейцарию.

Хотя войска коалиции были хорошо снабжены и сравнительно многочисленны, но их стратегическое развертывание маленькими пакетами предопределяло и маленькие успехи.

Возобновление войны было очень тяжело для Ф., ибо расстроенная революцией и войной экономическая жизнь Ф. не давала возможности создать правильно устроенную армию, поэтому французские войска были расстроены и плохо снабжены. Кроме того, они были малочисленны и также разбросаны по многочисленным фронтам: 20 т. Брюна в Батавии (Голландия), дунайская армия Журдана на лев. берегу Рейна в 37 т. ч., гельветическая армия Массены в Швейцарии в 30 т. ч., итальянская армия Шерера в 58 т. ч. в сев. Италии, 30 т. Макдональда в южн. Италии.

Для усиления армии Ф. объявила набор в 200 т. ч., но к началу действий рекруты еще не успели влиться в войска.

План французов сводился к тому, чтобы предупредить сосредоточение союзных сил. Для этого предполагалось произвести единовременное наступление в Италии, на Рейне и в Швейцарии. Главный удар, по мнению Директории, должен был наноситься в Швейцарии и Тироле, занятие которого по военным понятиям того времени давало крупные преимущества над врагом, находившемся у подножья гор. Преждевременное наступление неаполит. короля, который был в тайном союзе с королем сардинским и герц. тосканским, привело к тому, что французы завладели всей Италией до подхода австрийских и русских войск. На Рейне, не ожидая объявления войны, французы 16 дек. 1798 г. неожиданно для врага перешли в наступление. Журдан занял Майнц и овладел Рейншанцем у Мангейма. Однако, имея против себя большое превосходство в силах, он потерпел поражение при Острахе 21 марта и затем при Штокахе 25 апр. и был вынужден вновь отойти за Рейн, где в бездействии простоял до авг. месяца. Австрийцы тоже держались пассивно, ибо руководивший австрий-

цами высший военный совет (гофкригсрат) опасался решительного наступления за Рейн на Париж, не вытеснив предварительно французов из Швейцарии.

В Швейцарии Массена, выполняя план Директории, тоже, несмотря на двойное превосходство сил врага, перешел в наступление, но также после первоначальных успехов в Граубюндене и Энгадине отошел за р. Лимат, отдав врагу более всей половины Швейцарии с С. Готардом. Еще менее удачен был переход в наступление французов в Италии: попытки Шерера перейти с 30 т. р. Адиж окончились беспорядочным отступлением за Минчио и Адду (бои при Маньяно 25 марта.)

Решительный перелом произошел в ходе войны с прибытием в Швейцарию русских войск под командой Суворова. Русское крестьянство, крайне некультурное, выросшее в обстановке примитивного сельского хозяйства, было прекрасным материалом в руках талантливого организатора, каким был Суворов. Этот выдающийся полководец сумел особой системой воспитания в духе решительного наступления сплотить свои войска. Они верили в свои силы, отношения между офицерами и солдатами были искренние, дисциплина поддерживалась не только суровыми взысканиями, но и работой над сознанием массы. Подавление Пугачевского восстания научило русское офицерство руководить психологией солдат и поддерживать в частях порядок.

Порывая с традициями линейной тактики, Суворов воспитывал и учил войска наступать и атаковать холодным оружием. Эти приемы выросли в русской армии в процессе долгих войн с турками и поляками. Но эта прекрасная армия имела крупный недостаток: она находилась в составе коалиции, шедшей на войну с самыми разнородными стремлениями, и действия ее были связаны австрийским гофкригсратом. 8 апр. австро-русское войско перешло в Италии в наступление. В течение лета после ряда блестящих побед на р. Адде (16 апр.), на Треббии (6-8 июня) и у Нови (4 августа), французская армия в Италии была разбита и оттеснена в генуэзскую Ривьеру. Все завоевания блестящего похода 1796-97 гг. Бонапарта были потеряны. Войска французской революции не могли одержать ни одного успеха над союзниками. Нужно добавить, что массы населения Италии встречали союзников, как избавителей, ибо французы использовали свою победу не для установления в Италии нового порядка революции, а для грабежа и обогащения как самой армии, так и для наложения огромных контрибуций, отправляемых во Ф. Оценивая действия Суворова в Италии, Наполеон считал, что если бы русские войска были сосредоточены на Рейне и получили свободу действий, то сумели бы дойти до Парижа и разрешить задачу, стоявшую перед 2-й коалицией.

В августе месяце положение коалиции на всех фронтах было благоприятно. Журдан был оттеснен за Рейн. Массена в Швейцарии оборонялся за р. Лимат, в Италии французы были заперты в генуэзской Ривьере, короли неаполитанский, сардинский и тосканский вернулись в свои столицы.

Но здесь сказались разногласия в управлении армиями союзников. Каждый из них стремился использовать достигнутый успех не для окончательной военной победы над французской революцией, а для разрешения своих целей: Англия хотела восстановить в Голландии Оранский дом, чтобы тем вернуть себе влияние на эту страну и лишить Ф. голландского торгового флота. Для этого англичане совместно с русскими войсками предприняли высадку в Голландии. Австрия поставила задачей вернуть себе Нидерланды и для этого перевела войска эрц. Карла на нижний Рейн. Войска Суворова должны были подойти из Италии в Швейцарию на соединение с Корсаковым, но австрийцы, не выждав подхода Суворова, ушли. Массена воспользовался этим, перешел в наступление и разбил Корсакова у Цюриха, оттеснил его к Шафгаузену, а затем двинул свои войска навстречу подходившему Суворову, которого австрийцы направили по неверной дороге, упиравшейся в Фирвальдштетское озеро. Суворову пришлось совершить ряд неслыханных маршей через горы и одержать ряд

*

побед при С. Готарде, Чортовом мосту, в Мутенской долине, чтобы пробиться со своим войском из окружения.

Предательская деятельность австрийцев и неудача голландской экспедиции были причиной выхода России из состава 2-й коалиции. Дальнейший ход кампании на Рейне не дал существенных результатов ни той, ни другой стороне. Французы два раза пытались перейти Рейн, в августе при Мангейме и в октябре при Оппенгейме, но оба раза были отброшены на левый берег.

В Швейцарии после отступления русских войск вся Швейцария, кроме Граубюндена, была захвачена французами.

Успехи коалиции в 1799 году заключались только в захвате Италии и восстановлении королевской власти в ряде мелких итальянских владений, занятии ионийских островов и Корфу. Голландия, Швейцария, генуэзская Ривьера и левый берег Рейна остались в руках Ф. Этот малый успех коалиции, мобилизовавшей значительно превосходные силы, объясняется тем, что члены 2-й коалиции не были способны к единодушным действиям, стремились каждый к своей цели, и военные действия следовали кордонной системе, уделявшей преимущественное значение местности и упускавшей из виду главную задачу войны: поражение армии врага.

Кампания 1800 г. Победы Суворова вызвали во Ф. новый прилив энергии, общая опасность заставила смолкнуть разногласия. 10-го мессидора был объявлен новый массовый набор, и принят ряд мер по укреплению армии. В это время вернулся из похода в Египет Бонапарт. Ряд блестящих побед, одержанных им во время этого похода—взятие Мальты, Александрии, Каира, победы при пирамидах и Фаворе—все это вставало перед общественным сознанием рядом с тяжелыми неудачами в Европе, где всего два года тому назад победы Бонапарта создали франц. республике такое исключительное положение и завоевали почетный мир и огромные контрибуции.

9-го окт. 1799 года Бонапарт вернулся во Ф., а 9 ноября произошел переворот 18 брюмера, когда власть фактически перешла в руки человека, доказавшего своими победами, что он лучше чем кто-либо сумеет защитить революцию от ее врагов.

Став во главе правительства, Бонапарт обратил особое внимание на улучшение финансов и усиление армий, пришедших к концу 1799 г. в очень плохое состояние, снабжение их всем нужным и восстановление в них дисциплины, доведя их до 200 т. ч. Во внешней политике Бонапарт стремился принять все меры для примирения Ф. с Европой. Он предложил даже всеобщее разоружение, которое было единодушно отклонено державами Европы. Англия и Австрия, к которым присоединились некоторые влиятельные князья Германии (Бавария, Вюртемберг и др.), решили продолжать войну. Так как Россия вышла из коалиции, Пруссия и другие страны соблюдали нейтралитет, то вся тяжесть войны падала на Австрию, которая имела в это время до 270 т. бойцов под ружьем. Англия участвовала только деньгами и флотом. Поэтому Бонапарт задумал решительным ударом отторгнуть Австрию от Англии и принудить ее к сепаратному миру. К началу военных действий французские войска расположились следующим образом: армия Моро в 108 т. ч. на Рейне, 30 т. Массены в генуэзской Ривьере и 5 т. Тюрро в Савойских Альпах. Кроме того, тайно формировалась резервная армия в 50 т. в Дижоне. У австрийцев—124 т. Края на Рейне и более 100 т. Меласа в северн. Италии были разделены Швейцарией, занятою 32 т. франц. войск Лекурба. План австрийцев заключался в наступательных действиях на ген. Ривьеру и обороне на Рейне. Бонапарт приказал Моро перейти в наступление на Вену. Массена и Тюрро должны были, обороняясь, привлечь на себя силы Меласа, сам же Наполеон с резервной армией должен был через Швейцарию внезапно выйти в тыл Меласу, отрезать его пути отступления и уничтожить его. Этот блестящий план и был приведен в исполнение. Моро 25 апреля начал военные действия против армии Края, разбил ее в нескольких сражениях и принудил отступить сначала

за Дунай и Лех, а затем за Инн. Французы заняли Мюнхен, обложили Ульм и расположились на р. Изаре.

В это время Бонапарт совершил смелый переход Альп через С. Бернар и вышел к Милану в тыл австрийцев, находившихся в западной Италии в районе Александрии; восстановил Цизальпинскую республику и из Милана двинул свою армию с целью уничтожения армии Меласа; 14 июня произошло сражение при Маренго, в котором австрийцы потерпели полное поражение и вынуждены были заключить в Александрии конвенцию, по которой Пьемонт и часть Ломбардии до р. Минчо со всеми крепостями передавались французам. Но этот удар еще не заставил Австрию положить оружие. Во время переговоров, которые происходили между Бонапартом и Австрией с июля по ноябрь месяц, обе стороны продолжали усиляться и готовиться к новому удару.

Наступление французских войск, начавшееся во второй половине ноября, вынудило австрийские армии к отступлению как в Италии, Тироле, так и в Германии, где Моро нанес им решительное поражение при Гогенлиндене 3 декабря; после этого наступление продолжалось и в Штейере, в нескольких переходах от Вены. 25 декабря было заключено перемирие, прекратившее войну между Ф. и Австрией. Перемирие было подтверждено заключением мира в Люневилле 9 февраля 1801 года.

После заключения Люневиллского мира с Австрией, против Ф. продолжала бороться одна Англия. 8 марта 1801 года англичане высадились у Абукира; используя ряд грубых ошибок главнокомандующего восточной армией Мену, они принудили французов очистить Египет, к 20 сент. в Египте не оставалось ни одного французского солдата. 25 марта 1802 года в Амьене был заключен мир между Ф. и Англией, которым закончилась 10-летняя война французской революции и монархической Европы.

Литература: Лучшими работами для изучения войн революции являются труды французского военно-исторического отделения, а также труды отдельных французских офицеров под редакцией этого отделения, как-то: *Chuquet*, „Les guerres de la Révoluton“, *Colin*, *Duruy*. На русском языке наиболее подробно изложены революционные войны в старых трудах *Голицина*, *Милютина* и *Жомини*. Новейшие русские работы *Дживелегова* и *Лукина* посвящены, главным образом, истории организации революционной армии во Ф. во время революции. *А. Верховский.*

XII. Эпоха Консульства и Первой Империи. Результатом переворота 18 брюмера было установление военной диктатуры Наполеона Бонапарта, получившего титул первого консула. Новая конституция VIII (1800) года свела участие народа в управлении к нулю, предоставив ему только право намечать кандидатов на различные государственные и административные должности. Вся полнота исполнительной власти была передана в руки первого консула, при котором два его товарища (второй и третий консулы) пользовались только совещательным голосом. Законодательные функции, наоборот, были разделены между четырьмя законодательными учреждениями—Государственным Советом, Трибунатом, Законодательным Корпусом и Сенатом, которые все в большей или меньшей степени были в зависимости от первого консула. Утвердившись у власти, Наполеон в 1802 г. заставил провозгласить себя пожизненным консулом с правом назначать себе преемника, а в 1804 г. и формально восстановил монархию, приняв титул императора французов, после чего без труда уничтожил единственное из законодательных учреждений, проявлявшее некоторую самостоятельность, — Трибунат (1807). Как конституция VIII г., так и позднейшие ее изменения в 1802 и 1804 гг. для придания новой власти демократического характера были утверждены народными голосованиями в форме плебисцитов, дававших неизменно в пользу нового правительства подавляющее большинство голосов.

Первой потребностью буржуазии и крестьянства, для защиты интересов которых создалась военная диктатура Наполеона, было установление прочного государственного порядка, и осуществлению этой цели послужила организационная работа правительства в первые годы правления Наполеона. Прежде всего была проведена административная реформа. Она сохранила установленное Учредительным Собранием деление Ф. на департаменты, но покончила с принципом самоуправления и восстановила уничтоженную рево-

люцией систему бюрократической централизации, воскресив интендантов старого порядка в лице всемогущих префектов департаментов, от которых зависели подпрефекты в округах и мэры в городах и общинах. Административная реформа была дополнена устройством особой полицейской организации, выделенной в самостоятельное ведомство и наделенной самыми широкими полномочиями. Судебная реформа создала правильную иерархию судебных учреждений в виде мировых, окружных, апелляционных и кассационного судов. Правительственное воздействие на их деятельность было обеспечено восстановлением должностей прокуроров, ограничением принципа несменяемости, передачей составления списка присяжных в руки префектов, созданием для дел административного характера особых административных трибуналов и возможностью в экстренных случаях прибегать к военным судам. Для упорядочения законодательства были предприняты обширные кодификационные работы, первым результатом которых явился гражданский кодекс, узаконивший основные принципы гражданских отношений нового буржуазного общества — индивидуальную свободу и равенство перед законом. Вслед за тем были изданы переработанные в духе нового права кодексы уголовного судопроизводства, торгового права и уголовного права. Наконец, реорганизовано было на бюрократических началах финансовое ведомство, что в связи с установлением порядка привело к правильному поступлению налогов и к восстановлению металлического денежного обращения.

К удовлетворению интересов тех же двух классов — буржуазии и зажиточного крестьянства — стремилась и социальная политика Наполеона. Новое правительство подчеркивало во всех своих законодательных актах незыблемость принципа частной собственности, как устоя нового гражданского общества. Оно приноровило к буржуазно-крестьянскому укладу семьи нормы семейного права, признав полное подчинение жены мужу и усилив власть отца над детьми. Оно обеспечило преобладание в местных учреждениях зажиточным землевладельцам, заполнив состоявшие при префектах совещательные органы—так называемые генеральные советы — местными землевладельцами и негоциантами и составив департаментские коллегии, рекомендовавшие правительству кандидатов на должности, из самой богатой группы местного населения—из лиц, плативших в департаменте наивысшие налоги (les plus imposés). Вследствие признания права заместительства зажиточный класс фактически оказался освобожденным от воинской повинности. Специально в целях предотвращения чрезмерного дробления земельных участков и в интересах сохранения класса средней руки землевладельцев, главную часть которого составляли зажиточные крестьяне, в гражданский кодекс было введено ограничение в принцип равного раздела имущества между сонаследниками, и собственник получил право располагать свободно частью своего имущества при помощи завещания. Наконец, для облегчения положения крестьян, привыкших за время революции платить поземельный налог обесценившимися бумажками, а теперь вынужденных уплачивать его полноценной звонкой монетой, основной поземельный налог был значительно уменьшен, и для правильного его распределения было предпринято составление кадастра. Обнаружившийся вследствие этого недочет в бюджете был покрыт установлением ряда косвенных налогов, среди которых главную роль играли налог на спиртные напитки и налог на соль, и которые падали преимущественно на низшие классы населения. Косвенные налоги сделались основой финансовой политики правительства, и по мере обнаружения тех или иных государственных нужд оно всякий раз прибегало к их повышению.

Вопросом, который больше всего волновал крестьян, был вопрос о купленных ими участках национальных имуществ, так как всякий раз, как поднималась волна роялистического движения, грозила опасность насильственного отобрания их у новых владельцев и возвращения прежним собственникам. Чтобы успокоить опасения кре-

стьян, Наполеон внес в конституцию VIII года специальный параграф, гарантировавший неприкосновенность отчужденных национальных имуществ, а затем поручил охрану прав их владельцев специально учрежденным чрезвычайным трибуналам. Но возможность бурной социальной реакции оставалась неисключенной до тех пор, пока прежние привилегированные сословия оказывались в положении врагов государства и хранили непримиримую злобу к новым общественным порядкам. Наполеон предпринял поэтому ряд мер для примирения этих представителей старой Ф. с новой. Список эмигрантов был закрыт, и в силу особого закона все лица, эмигрировавшие из Ф. за годы революции, за самыми ничтожными исключениями, получили разрешение вернуться под условием признания незыблемости новых порядков и отказа от каких-либо притязаний на восстановление прежних привилегий. Правительство согласилось даже возвратить часть оставшихся еще нераспроданными их имуществ, сохранив за собой только все крупные леса и имения, уже раньше получившие какое-нибудь государственное или общественное назначение. Еще большее значение для установления социального мира вследствие привязанности французского крестьянства к католической религии имело примирение государства с церковью, выразившееся в заключении с папой конкордата 1801 г. Государство соглашалось на восстановление публичного богослужения и признание католицизма „религией большинства французов" и брало на себя содержание католического духовенства, но зато фактически подчиняло церковь государству, так как правительство получало право назначать архиепископов и епископов и регулировать отправление публичного культа полицейскими предписаниями. Особенно важно было при этом, что нераспроданная еще часть церковных имуществ оставалась в распоряжении государства, а папа обещал за себя и за своих преемников „ни в какой форме не тревожить покупщиков отчужденных церковных имуществ" и таким образом санкционировал полную законность обладания ими.

В социальной политике Консульства неменьшую роль, чем интересы зажиточных крестьян и буржуа-землевладельцев, играли интересы городской буржуазии. Связи правительства Наполеона с финансовыми кругами установились немедленно после переворота, и при помощи нескольких банкиров правительство устроило временный заем, который дал ему возможность начать свою деятельность. Основание вслед за тем французского банка (banque de France), в организации которого приняли участие наиболее крупные капиталисты, и который получил монопольное право эмиссии банковых билетов, позволило окончательно привести в порядок всю финансовую систему. По своим экономическим взглядам Наполеон был последовательным и убежденным протекционистом и презрительно относился к идеям „секты" физиократов. „Душой и основой Империи" он считал земледелие, а после земледелия первенствующее внимание обращал на промышленность, развитию которой старался всеми силами содействовать. Он лично посещал фабрики и мастерские, назначал премии за технические открытия и изобретения, устраивал промышленные выставки, выдавал фабрикантам значительные субсидии, давал им постоянно казенные заказы, восстановлением придворной пышности способствовал оживлению шелковой промышленности и выделки других предметов роскоши, предпринимал обширные строительные работы по перестройке и укреплению Парижа, заботился об улучшении путей сообщения, восстанавливал старые и открывал новые ярмарки и т. д. Для организации торговопромышленного класса и объединения его деятельности во всех крупных центрах были учреждены из представителей местной торговли и промышленности „торговые палаты" (chambres de commerce) и „совещательные палаты мануфактур, фабрик и ремесл" (chambres consultatives de manufactures, fabriques et métiers), и правительство, в лице своих агентов, внимательно прислушивалось ко всем их заявлениям. Для руководства их деятельностью был создан „главный совет торговли", а позднее возникло

и особое министерство торговли и промышленности. Восстановление порядка и поощрительная деятельность правительства скоро помогли французской промышленности стать на ноги. На ряду с возрождавшимися старыми промышленными предприятиями возникали новые, в технике производства начинали применяться паровые двигатели и все большую роль играть механические приспособления, росло число крупных предприятий с значительным количеством рабочих.

Интересами развивающейся промышленности определялась и рабочая политика Наполеона. Опасаясь волнений в среде рабочего класса, он постоянно заботился об обеспечении рабочим труда и сокращении безработицы, предпринимая для этого общественные работы, обязывая предпринимателей не сокращать количества занятых у них рабочих, снабжая наиболее угрожаемые предприятия казенными заказами. Но в то же время он последовательно проводил принцип полного подчинения рабочего его хозяину. Закон 1791 г., запрещавший рабочим образование коалиций и устройство стачек, сохранил полную силу и был введен в уголовный кодекс. Нарушение его каралось тюрьмою. Всякий рабочий должен был обязательно иметь особую рабочую книжку, которая хранилась у предпринимателя, и в которой отмечались все перемены в положении рабочего, указывались выданные ему в счет заработной платы ссуды, давалась характеристика поведения рабочего. Так как рабочий, не имевший книжки, признавался бродягой, то рабочие фактически оказывались лишенными свободы передвижения. Разбор столкновений между предпринимателями и рабочими был поручен особым посредническим судам (conseils des prud'hommes), состоявшим из представителей крупных предпринимателей и владельцев мастерских без всякого участия самих рабочих. Бесправное положение рабочего по отношению к хозяину закреплялось гражданским кодексом, который в случае столкновения предпринимателя и рабочего из-за платы давал веру словесному заявлению предпринимателя так же, как в спорах между домовладельцем и квартиронанимателем давал веру клятвенному утверждению домовладельца. Это бесправное положение усугублялось еще постоянной и придирчивой опекой полиции, строжайшему надзору которой была подчинена вся жизнь рабочего класса.

Разраставшейся промышленности нужны были рынки для сбыта ее фабрикатов и снабжение ее дешевым сырьем, и достижение этих двух целей сделалось одной из главных задач внешней политики Наполеона, в которой забота о сокрушении торгового могущества Англии и об обеспечении для французской промышленности преобладания на всех европейских рынках тесно переплеталась с удовлетворением его ненасытного властолюбия и стремлением обратить всю Западную Европу в единую всемирную империю под своим владычеством.

Немедленно после переворота 18 брюмера Наполеон рядом побед в Италии и южной Германии восстановил международное положение Ф., пошатнувшееся со времени образования второй коалиции, и добился заключения выгодных для Ф. мирных договоров с Австрией (Люневилльский, 1801) и Англией (Амьенский, 1802). Но в торгово-промышленном отношении Англия с ее машинным производством была слишком опасной соперницей для Ф., где только что начала возрождаться промышленность, и Наполеон упорно отказывался от заключения с Англией торгового договора, оградив Ф. от английской конкуренции высоким таможенным тарифом. Раздражение английских торгово-промышленных кругов в связи с неисполнением обеими странами некоторых условий мира привело к возобновлению в 1803 г. войны, которой уже не суждено было прекращаться до конца владычества Наполеона. Попытка Наполеона нанести английскому могуществу решительный удар путем десанта сильной армии в самой Англии была предотвращена образованием против Ф. третьей коалиции из Англии, Австрии, России и Швеции и уничтожением французского флота (при Трафальгаре в 1805 г.). Но это только побудило Наполеона расширить свои континенталь-

ные завоевания для того, чтобы закрыть английской торговле рынки континентальной Европы и подчинить Европу торговому и промышленному преобладанию Ф. Разгромив Австрию (1805) и Пруссию, вступившую в состав коалиции после поражения Австрии (1806), он из Берлина издал декрет о так называемой „континентальной блокаде". Всякая торговля и вообще всякие сношения с Англией были воспрещены, все товары английского происхождения были объявлены подлежащими конфискации, и во французские порты не допускались все суда, идущие из Англии или английских колоний. Война с Россией завершилась мирным и союзным договором в Тильзите (1807), который обязал Россию тоже присоединиться к континентальной блокаде и предоставил Ф. полную свободу действий на всем западе Европы, чем Наполеон поспешил воспользоваться для того, чтобы распространить свое владычество на Пиренейский полуостров. Новый разгром Австрии (1809) закончил подчинение Ф. континентальной Европы, и в 1810—1812 гг. могущество Наполеона достигло своего апогея. Ф. давно вышла за пределы своих естественных границ, и кроме Бельгии и левого берега Рейна в состав ее территории входили Голландия, северо-западная Германия до устьев Эльбы, Савойя и часть французской Швейцарии, Пьемонт, Генуя, Тоскана и Папская область. Кроме того, лично Наполеону принадлежали так называемое королевство Италия, занимавшее северо-восточную часть Апеннинского полуострова, и объединенные под именем Иллирийских провинций Истрия, Крайна, Хорватия и Далмация. Испания, Неаполь, средние и мелкие немецкие государства, соединенные в Рейнский союз, и образованное из части польских областей Варшавское герцогство являлись по отношению к Ф. фактически вассальными государствами, а Дания, Швеция и обессиленные понесенными поражениями Австрия и Пруссия в своей политике всецело находились под французским влиянием.

Такое исключительное расширение французской территории и сферы французского влияния вызывалось стремлением Наполеона во всей полноте осуществить блокаду Англии. Чтобы убить не только английскую промышленность, но и английскую торговлю сырьем и колониальными товарами, он трианонским эдиктом 1810 г. установил запретительный тариф на все колониальные продукты, так что импорт их в Европу сделался почти невозможным. Все европейские рынки, благодаря завоеваниям и запретительным мерам Наполеона закрытые для английских товаров, должны были служить для сбыта произведений французской промышленности. Оживлению ее уже прежде всего способствовали громадные контрибуции, которые Наполеон взимал с побежденных стран, и которые способствовали росту французского промышленного капитала. Вместе с тем всякое государство, побежденное Наполеоном или даже просто вступавшее в союз с Ф., принуждено было широко открывать свои границы для ввоза французских товаров и снабжать французскую промышленность необходимым для нее сырьем на самых выгодных для французского покупателя условиях. Внутри самой французской Империи Наполеон проводил резкую грань между старой французской территорией и вновь присоединенными областями, отдавая все преимущества старым департаментам и не давая промышленности новых областей возможности конкурировать с промышленностью старой Ф. на внутренних французских рынках. Наконец, что касается прямо не присоединенных, но зависимых от Ф. стран, то они просто обращались в предмет беззастенчивой экономической эксплоатации. Из них изгонялись все конкуренты французской промышленности, их фабрикаты не допускались на имперские рынки, и они принуждались продавать одной Ф. по самым дешевым ценам необходимое ей сырье.

Экономическая политика Наполеона сначала привела к заметным успехам народного хозяйства Ф. Население ее, несмотря на громадные потери армии в непрерывных войнах, увеличилось (с 27½ млн. до 30 млн.), и общее благосостояние его возросло. Значительно расширилась площадь обраба-

тываемой земли, широко распространились новые сельско-хозяйственные культуры, самой важной из которых было возделывание картофеля, сделало крупные успехи скотоводство. Суровый и последовательный протекционизм дал сильный толчок обрабатывающей промышленности, среди различных видов которой особенно обращал на себя внимание рост хлопчатобумажной промышленности, возрождение суконной и шелковой промышленности, успехи металлургии и пр. И если официальные отчеты, представлявшиеся Наполеону, грешили излишним оптимизмом, то во всяком случае французская промышленность во многих областях снова достигла уровня, на котором она находилась до революции, а в некоторых отраслях даже ушла вперед.

Континентальная блокада должна была, по мысли Наполеона, сокрушить английскую промышленность и торговлю и подчинить Европу экономической гегемонии Ф. Но для самого Наполеона в его увлечении борьбой с Англией континентальная блокада обратилась из средства в самостоятельную цель, а между тем скоро обнаружилось, что последовательное проведение блокады наносит сильный удар не только французской торговле, но и самой французской промышленности. Торговая буржуазия с самого начала была противницей войны с Англией, мешавшей развитию французской внешней торговли, но до декрета о континентальной блокаде кое-как мирилась с своим положением, так как обороты французской торговли все-таки непрерывно увеличивались и с 553 млн. в 1799 г. поднялись в 1806 г. до 933 млн. Но после декрета 1806 г. наступил резкий перелом, и вследствие репрессивных мер, принятых английским правительством в ответ на блокаду, французская торговля стала быстро падать, так что в 1812 г. ее общий оборот достигал всего 640 млн., т. е. уменьшился почти в $1^1/_2$ раза. Все робкие представления со стороны торговых палат, жаловавшихся на упадок торговых сношений и просивших о смягчении условий блокады, встречали со стороны самого Наполеона самый резкий отпор и настойчивые указания о необходимости для французского торгового класса мириться с временными затруднениями во имя будущих великих благ. Промышленный класс, наоборот, был убежденным сторонником экономической и военной борьбы с Англией и горячо приветствовал не только декрет 1806 г. о блокаде, но и декрет 1810 г. о сожжении конфискованных английских товаров. Но осуществление блокады крайне затруднило снабжение французских мануфактур нужным сырьем, особенно хлопком, а тариф 1810 г. совершенно лишил Ф. подвоза всех колониальных товаров и привел к баснословному вздорожанию кофе, сахара, чая, пряностей, табаку и других продуктов, обслуживавших самые широкие круги потребителей. Все заботы правительства заменить колониальное сырье подвозом из других стран оказывались неудачными, и резкое повышение цен на сырые продукты привело к соответственному вздорожанию фабрикатов и к сокращению их сбыта. Трудности оказались такими непреоборимыми, что Наполеон стал даже выдавать особые разрешения („лиценции") на ввоз необходимых для промышленности товаров, хотя бы они шли и из Англии, под условием только, чтобы при этом вывозилось соответственное количество французских товаров. Но запретительные меры способствовали только широкому развитию контрабандной торговли запрещенными продуктами, для сбыта которых англичане создавали даже специальные складочные пункты (особенно на о—вах Гельголанде и Мальте), и французское правительство оказывалось не в силах бороться с контрабандой, несмотря на существование на всех границах Империи многочисленных таможен и организацию специальной таможенной армии. Вдобавок, закрытие европейских рынков для английских фабрикатов не обеспечивало в действительности сбыта французским фабрикатам. Лишившись подвоза английских товаров, многие государства стали заботиться о развитии собственной индустрии, а войны и контрибуции привели вообще к обеднению населения Европы и к понижению его покупательной способности. Во Ф.

оказалось перепроизводство товаров, не находивших себе сбыта, и в 1810—1811 гг. разразился жестокий промышленный кризис. Целый ряд промышленных и торговых предприятий обанкротился, а уцелевшие мануфактуры должны были значительно сократить свое производство. Промышленники оставались приверженцами запретительных мер против английских фабрикатов и ходатайствовали только об облегчении ввоза сырых продуктов, но такое отступление от принципа континентальной блокады неизбежно привело бы к подъему английской торговли, и потому все ходатайства разбивались о гневное сопротивление самого Наполеона. Правительство старалось облегчить кризис путем выдачи промышленным предприятиям казенных ссуд и организации общественных работ для безработных, и к 1812 г. положение дел в промышленности стало несколько улучшаться, но вполне оправиться от нанесенного ей кризисом 1810—1811 гг. удара промышленность не смогла до самого конца правления Наполеона, и вслед за торговой буржуазией оппозиционное настроение начинало поэтому охватывать и промышленную буржуазию.

Росту недовольства в среде буржуазии способствовало еще то, что в последний период царствования Наполеона его социальная политика обнаружила уклон в сторону землевладельческого дворянства. Уничтожение закона об эмигрантах и возвращение представителям старого дворянства части конфискованных во время революции земель повлекли за собой быстрое возрождение класса крупных землевладельцев дворянского происхождения, и уже скоро после провозглашения Империи правительство принуждено было констатировать, что классом, платившим во Ф. наивысшую сумму налогов, а, следовательно, и наиболее обеспеченным, является старое дворянство. Сам Наполеон обнаруживал к его представителям определенное тяготение и охотно раздавал им придворные и административные посты, а потом стал их привлекать и на военную службу. Особенно много административных и судебных должностей было при этом замещено представителями бывшего „дворянства мантии". Кроме того, широкой раздачей оставшихся в распоряжении правительства национальных имуществ своим военным и гражданским сановникам Наполеон способствовал быстрому росту нового класса крупных землевладельцев, который формировался обычно из выходцев из буржуазии, но очень скоро начинал проникаться духом и традициями старого дворянства. Для этого класса в 1806 г. были разрешены майораты, а в 1808 г. было окончательно легализовано существование нового дворянства установлением целой иерархии феодальных титулов, начиная с рыцарей (chevaliers) и кончая герцогами и князьями. Таким образом, по мере того, как власть Наполеона превращалась из республиканской магистратуры в наследственную монархию, изменялся и ее социальный базис. Торгово-промышленная буржуазия, бывшая главной опорой правительства в эпоху Консульства, уступала теперь первенствующее место старому и новому дворянству, и в обществе начинали чувствоваться первые симптомы наступления феодальной реакции. Военный деспотизм Наполеона, совершенно уничтоживший свободу прессы, лишивший законодательные учреждения всяких следов самостоятельности, монополизировавший в руках правительства всю систему народного просвещения и всюду и везде проводивший политику военной команды, стал вызывать против себя недовольство и заставлял говорить о необходимости конституционных гарантий, вследствие чего в салонах начала мало-по-малу формироваться либеральная партия, мечтавшая об установлении во Ф. парламентского строя на английский образец. Начинало изменяться по отношению к Империи настроение и другого социального класса, на который вначале опирался Наполеон,—крестьянства. Несмотря на то, что Наполеон старался покрывать свои военные расходы контрибуциями с побежденных государств, обычных ресурсов государства ему скоро перестало хватать. Он оказался вынужден сначала увеличить косвенные налоги и установить табачную монополию.

затем значительно повысить и прямые налоги, главной тяжестью падавшие как раз на крестьян. Еще большей тяжестью на них падал „налог крови". Вследствие громадных потерь в людях и необходимости для продолжения завоевательной политики держать огромную армию, военная служба, отбывавшаяся в принципе по жребию и лишь в течение известного срока, фактически обратилась во всеобщую и бессрочную, и, несмотря на самые суровые меры со стороны правительства, число уклоняющихся от воинской повинности непрерывно росло, достигши в 1811 г. внушительной цифры в 80.000 чел. Жажда мира в рядах крестьянства росла с каждым годом, и привязанность его к Империи начинала остывать. Поэтому первая крупная военная неудача могла повлечь за собой крушение Империи.

Уже при завоевании Испании Наполеон натолкнулся на непреодолимое сопротивление местного населения, которое успешно поддерживалось англичанами, но настоящим „началом конца" его владычества послужила его война с Россией в 1812 г. Из тильзитской союзницы Россия давно превратилась в опасную соперницу Ф. особенно после того, как в 1810 г. русское правительство обложило ввоз в Россию французских товаров высокими пошлинами и фактически отказалось от соблюдения континентальной блокады. Война между обеими державами сделалась неизбежной. Но поход в Россию кончился полной неудачей и привел к гибели „великой армии" Наполеона. В результате этого против Ф. в 1813 г. образовалась четвертая коалиция из России, Англии, Пруссии и Швеции, к которой потом присоединилась и Австрия, и к концу 1813 г. Наполеон оказался вынужденным очистить всю Германию. В кампании 1814 г. превосходные силы союзников вторглись в пределы самой Ф., заняли Париж и принудили Наполеона к отречению от престола. Искусная интрига опального наполеоновского министра Талейрана облегчила возвращение на французский престол Бурбонов в лице брата Людовика XVI, Людовика XVIII, после чего Ф. была вынуждена подписать парижский мир, по которому она отказывалась от всех завоеваний республики и Империи и возвращалась к границам 1792 г. с добавлением части Савойи. *В. Бутенко.*

XIII. Наполеоновские войны. Наполеоновская армия комплектовалась на основе общей воинской повинности, причем призываемые имели право нанимать заместителей; буржуазия и интеллигенция откупались от военной службы, и солдатская масса получала однородное, преимущественно крестьянское и мелкобуржуазное пополнение. В первые годы Империи призыв на пятилетнюю действительную военную службу охватывал лишь 30 тыс. из 190 тыс. французов, ежегодно достигавших призывного возраста. Начавшийся с 1805 г. период войн потребовал значительного увеличения призывов; за 1805 — 1807 гг. было призвано 420 тыс. человек, а за 1813 г. и 2 первых месяца 1814 г. — 1.250 тыс. По мере увеличения наборов росло и сопротивление населения воинской повинности. 10% французских войск, вторгнувшихся в 1812 г. в Россию, являлись штрафными полками, состоявшими сплошь из пойманных молодых людей, уклонявшихся от отбывания воинской повинности. В 1813 г. в сражении под Бауценом учет ранений обнаружил 20% самострелов. Несмотря на несовершенство воинской повинности, она давала наполеоновской армии несравненно более обильный человеческий материал и притом гораздо лучшего качества, чем вербовка, которой пополнялись армии Австрии, Пруссии, Англии; превосходство над русской системой рекрутских наборов заключалось в личном характере призыва французского крестьянина, тогда как в России в рекруты сдавались преимущественно менее ценные, с точки зрения экономики крепостного хозяйства, элементы.

Командный состав наполеоновской армии, в которой революция крепко запечатлела начала равенства, не мог являться представителем господствующих классов. Офицеры и генералы являлись такими же солдатами и облекались властью лишь постольку, поскольку они были более опытны, более способны разбираться в боевой обстановке,

всегда готовы служить примером солдатских доблестей. Наполеон подчеркивал, что для каждого, даже безграмотного, солдата офицерская карьера не являлась закрытой. Солдатский облик, родство с солдатской массой были необходимы для бонапартистских вождей. Если наполеоновские маршалы были относительно молоды, то большинство обер-офицеров—солдат, произведенных за боевые отличия,—было зрелых лет.

Моральные силы наполеоновской армии вытекали из сознания, что она является защитницей завоеваний Великой революции и, ломая старый порядок в соседних государствах, поднимает их на высшую ступень цивилизации. Элемент внесения „революции извне" безусловно не чужд наполеоновским походам в Германию, Италию, Испанию. Специально наполеоновский прием воспитания моральных сил заключался в культе „старого солдата", находившем свое выражение в учреждении „старой гвардии", комплектовавшейся только отличившимися солдатами, которой уделялись большие заботы; в развитии „дома инвалидов", в предоставлении отставным военным массы должностей; в пропаганде преклонения перед доблестью старого, испытанного солдата, которая велась в искусстве, в литературе, на подмостках театров. Эта пропаганда оказала такое могущественное воздействие на сознание французского народа, что лишь в XX веке оказалось возможным установить во французской армии короткий, двухлетний срок службы.

Дисциплина базировалась на громадном авторитете самого Наполеона, на отсутствии какого-либо резкого деления между офицерским составом и солдатской массой, на умении его маршалов пользоваться каждым случаем, чтобы спаять войска в одно целое. Муштра была вовсе изгнана из армии; казарма должна была заменить солдату родной дом и потеряла характер моральной костоправки. Постоянные походы не позволяли войскам пускать корни в своих гарнизонах. Наполеон стремился, чтобы армия изолировалась от нации, чтобы понятие отечества олицетворялось для солдат в его личности, чтобы стремление к славе и отличиям затмило идею свободы, чтобы патриотизм получил шовинистическое толкование; поэтому, и в период мира (1802—1805 гг.) Наполеон не оставляет войск в тесном соприкосновении с населением, а собирает их в лагерях близ Булони, под предлогом подготовки десанта в Англию. Наполеон почерпал свою силу в убеждении солдат, что первая его забота—солдатское счастье; он помнил, что своей популярностью он обязан не столько победам, как умению заключить мир (1797 г., 1800 г.), что война утомляет даже ветеранов — и этой тягой к миру император искусно пользовался, требуя перед большими сражениями энергичного усилия, чтобы разом сломить врага и добиться мира.

Характер наполеоновского управления армией отличается чрезвычайной централизацией. За исключением Даву, наполеоновские маршалы представляли лишь прекрасных исполнителей, недостаточно подготовленных для самостоятельной творческой работы. Генерального штаба, в современном понимании, у Наполеона не было. Выполнение маневра являлось надежным лишь постольку, поскольку Наполеону удавалось продиктовать маршалам свою волю; полагаться на их инициативу в оперативных вопросах не приходилось. Поэтому Наполеон избегал директив, т. е. такого способа командования, когда подчиненному указывается лишь общая цель его действий, и управлял приказами, указывавшими на каждый день ближайшие цели. При отсутствии электрического телеграфа, быстрая передача приказов являлась обеспеченной лишь на удалении до 20—25 километров, которые мог быстро проскакать ординарец. Поэтому Наполеон стремился вести свои корпуса возможно компактно, в виде „стратегического каре", и избегал разделения своих сил, необходимого при направлении операции в охват обоих флангов неприятеля. Отсюда, излюбленным приемом Наполеона являлся или прорыв неприятельского центра, или обход всеми силами одного из флангов неприятеля.

Стратегия и тактика Наполеона в своей основе имеют громадное превосходство в моральных и материаль-

ных силах, которыми он располагал. Ф. значительно обогнала в экономическом развитии прочие государства европейского континента; революция уничтожила все феодальные перегородки и предоставила в распоряжение государства все силы и весь материальный достаток населения. В этих условиях для Наполеона не имело смысла вести бесконечные пограничные войны, как это установилось в XVII и XVIII столетиях; он получил возможность задаваться несравненно более решительными целями, чем захват ближайшей крепости или провинции; вместо нанесения противнику поверхностных уколов и ожидания момента, когда он вымотается и согласится подписать мир, Наполеон получил средства и возможность *сокрушать* своих противников, наносить им такие удары, которые лишали бы их всякой возможности дальнейшего продолжения сопротивления. Поэтому наполеоновская стратегия получила название *стратегии сокрушения*, в отличие от стратегии измора, господствовавшей ранее и вновь возродившейся в XIX и XX веках (восточная война 1853—1856 гг., война за нераздельность Соединенных Штатов 1861 — 1865 гг., англо-бурская война 1899 — 1903 гг., русско-японская война 1904 — 1905 гг., мировая война 1914 — 1918 гг.). Чтобы заставить неприятеля подчиниться своей воле, Наполеон стремился к уничтожению одним ударом всей его вооруженной силы и к захвату центра его политической власти — столицы. Сражение, являвшееся раньше лишь одним из средств для достижения окончательного успеха, получило у Наполеона исключительное значение: его армия сосредоточивается и движется с началом войны с единственной целью — достичь и разгромить неприятеля. Это не тонкое оперативное фехтование Тюрена, а смертельный удар оглоблей.

Наполеон знал, что на пути к неприятельской столице он встретит неприятельскую армию, и что по ее разгроме и захвате неприятельской столицы смертельный удар неприятельскому сопротивлению будет нанесен. Поэтому он мог не интересоваться ни действиями на второстепенных театрах, ни защитой каких-либо географических (политических и экономических) интересов. Тогда как его враги разделяли свои силы для прикрытия географических объектов, Наполеон стремился собрать в один кулак все, что можно, и кончить войну одним ударом.

Огнестрельное оружие в эпоху Наполеона являлось далеко не столь прожорливым, как в настоящее время; выступая в поход, Наполеон имел с собой по 200 — 400 выстрелов на орудие, и этого хватало на всю войну. При быстром движении по богатым странам Средней Европы его армия умела довольствоваться местными средствами. Таким образом, Наполеон был в гораздо меньшей степени связан необходимостью сохранять регулярный подвоз с тыла, чем полководец современной эпохи.

Революционная эпоха вообще значительно облегчает усвоение местных средств. В широком, политическом масштабе, если мы видим распространение наполеоновских походов по всему пространству Европы, то этим Наполеон в широкой степени обязан своей оккупационной политике, тому кодексу Наполеона, который он насаждал в Германии и который позволил, в известной степени, приобщить к его политике Рейнский союз и Саксонию, позволил поставить в ряды Великой армии сотни германских и итальянских батальонов. Если армия Наполеона наростала, а не таяла в период 1805 — 1812 гг., то этому Наполеон обязан наследию революционных идей, открывавшему возможность получать за пределами Ф. не только средства продовольствия, но и средства комплектования.

Наполеон внес в стратегию необычайную простоту и ясность. Надо разгромить врага; армия его встретится по пути к столице. Этот разгром должен быть возможно полон; поэтому, лучшая форма сражения — это сражение с перевернутыми фронтами, когда Наполеон перед боем обходил армию неприятеля и становился на ее пути отступления, между ней и неприятельской столицей; правда, и неприятель оказывался на кратчайшем пути Наполеона к Парижу; в случае неудачи, положение для проигравшей сражение

стороны являлось безвыходным; Наполеон, уверенный в огромном превосходстве своих сил, шел на этот риск вполне уверенно. Если Наполеону не удавалось стратегически поставить сражение в такие решительные рамки, то он стремился наверстать это тактическим охватом на поле сражения; если на поле сражения не удавалось покончить с армией неприятеля в целом, и части ее удавалось ускользнуть, то Наполеон преследовал ее самым настойчивым образом—в 1806 г. от Иены до берегов Балтийского моря—пока не уничтожал ее полностью.

Основным стратегическим правилом Наполеона было назначение минимума сил на второстепенные направления и максимума — на главное. Тем же правилом он руководился и в тактике. Весьма экономное ведение боя на всем фронте, кроме участка, избранного для решительного удара; здесь — крайнее массирование сил. Наполеон иногда позволял себе роскошь организации двух концентрических атак на одно из крыльев противника. Главная атака организовывалась в зависимости от результата первоначального периода сражения; чтобы придать ей решительный, бурный характер, вначале Наполеон удерживал в общем резерве значительную часть армии. Тактические формы, к коим прибегал Наполеон, имели разное значение в первый и конечный период его войн. В кампании 1805—1807 гг., когда наполеоновская армия имела кадровый характер, большое значение имел стрелковый бой в цепях; расшатанный порядок неприятеля пробивался пехотными колоннами умеренной силы, а также кавалерийскими массами, группировавшимися в резерве; всю кавалерию Наполеон стремился держать в своих руках; при сближении с неприятелем он пользовался кавалерийскими корпусами, как общим авангардом армии; он был крайне скуп в назначении корпусной конницы, так как не видел необходимости делать пехотные корпуса самостоятельными и придавать им обильные средства осведомления. Для широкой работы по стратегической разведке кавалерия эпохи Наполеона, в основной массе своей не вооруженная ружьями и потому не годная к спешенному бою, вообще была мало способна. В позднейший период войн, когда качества французской пехоты значительно ухудшились, и перевес в стрелковом бою значительно уменьшился, Наполеон стал прибегать к атакам в широких, массивных колоннах; под Ваграмом в 1809 г. была образована одна ударная масса из 5 дивизий Макдональда; победы стали не столь значительны по своим размерам и стали покупаться ценою больших потерь. Соответственно массированию пехоты начало расти и массирование артиллерии, которая стала собираться в стопушечные батареи. Здесь Наполеон руководился не столько соображениями рационализма, сколь присущей ему тенденцией к производству театрального эффекта — тяготением к огромному моральному впечатлению на всем поле сражения. Если большие колонны из плохо обученных солдат могут быть еще оправданы на полях сражения 1809 — 1813 гг., то безусловной ошибкой было применение их Наполеоном в 1815 г. под Ватерлоо, где армия его состояла исключительно из старых солдат, добровольно откликнувшихся на его призыв после возвращения с о-ва Эльбы; политическая прочность власти Наполеона была в 1815 г. недостаточна, чтобы обратиться в широком масштабе к воинской повинности, и он двинул в Бельгийский поход только свои отборные кадры; тактику же, которой он заставил их следовать, можно было бы оправдать только для скопища новобранцев.

Войны 1805—1807 г.г. представляют высшее достижение политики и стратегии Наполеона. На стремление Англии образовать против Ф. европейскую коалицию, Наполеон ответил в 1805 г. пленением австрийской армии Макка под Ульмом прежде, чем к нему успела подойти русская армия Кутузова, и победой над русскими при Аустерлице, заставившей Австрию заключить мир, прежде чем Пруссия решилась объявить войну. В 1806 г. Наполеон уничтожил в Иенской операции прусскую армию раньше, чем русские успели подать ей помощь. Благоразумие, в лице Жомини, советовало Наполеону, после захвата Берлина, остановиться и не пускаться в отдаленные и сомнительные предприятия к востоку от Вислы. Наполеон, однако, двинулся в Польшу; зимняя кампания на р. Нареве, где французы встретили новую стихию—польскую грязь—не дала никаких результатов, и Наполеон вынужден был перейти к оборонительному расположению на зимних квартирах. Переход русских в наступление привел к кровавому, но безрезультатному сражению при Прейсиш-Эйлау; благодаря ошибкам русского главнокомандующего, генерала Бенигсена, Наполеону удалось нанести русским тяжелое поражение под Фридландом; Наполеон здесь в последний раз выказал свой выда-

ющийся политический талант, сумев закончить войну Тильзитским миром, который обращал в союзника Россию—врага, добить которого не было возможности и сами пределы которого находились вне досягаемости наполеоновских ударов. Последовательное сокрушение Австрии и Пруссии являлось совершенно новым проявлением военного искусства; Фридрих Великий, поставленный в семилетней войне перед такой же задачей борьбы с европейской коалицией, несмотря на высокую готовность прусской армии, не мог и думать о последовательных ударах по Вене, Парижу и Петербургу—о сокрушении отдельных государств враждебной коалиции, за исключением Саксонии.

Ульмская операция. Австрийцы, в виду значения, которое имел итальянский театр в революционные войны, выставили на нем сильную армию с лучшим генералом—эрцгерцогом Карлом, во главе. В Тироле развернулся корпус эрцгерцога Иоанна, а на баварском театре австрийцы собрали 60-тыс. армию, номинально под командованием эрцгерцога Фердинанда, фактически—генерала Макка. Тогда как эрцгерцог Карл противился, в виду неготовности Австрии, объявлению войны Наполеону, неспособный и неудачно до того командовавший Макк заявил о том, что он берется разбить французов, был поддержан партией войны и вознесен на самое ответственное место. Вместо того, чтобы дождаться в пределах Австрии подхода русского корпуса Кутузова, Макк решил сразу же оккупировать дружественную Ф. Баварию, чтобы принудить ее войти в коалицию. Пройдя Баварию, Макк остановился с 40 тыс. около Ульма, на р. Иллер, оставив на Дунае 16 тыс. Кинмайера для обеспечения своего правого фланга. Кроме сообщений по Дунаю, от правого фланга, Макк подготовил себе коммуникационную линию и к левому флангу, вдоль швейцарской границы.

Наполеон имел огромное превосходство сил над австрийцами. Однако, в Италии он оставил против эрцгерцога Карла более слабую армию Массены, а подавляющее превосходство — 210 тыс. человек, двинул под своим начальством против Макка. Весь маневр был рассчитан на то, чтобы севернее Дуная обойти Макка и стать между ним и подходившим Кутузовым. Наполеону приходилось особенно заботиться лишь о том, чтобы Макк не отступил во время; поэтому, при помощи двойных шпионов, он снабдил Макка целой тучей сведений о революции, будто бы вспыхнувшей в Париже; фальшивые, специально отпечатанные номера революционных газет являлись документальными доказательствами. 11—13 октября, когда перед Макком открылась печальная действительность—нахождение в его тылу тройных сил французов, он сделал несколько слабых попыток пробиться назад по северному берегу Дуная. Эрцгерцог Фердинанд с 2 тыс. конницы успел прорваться, равно как и отряд Елланчича (5 тыс.). Остальная часть армии капитулировала под Ульмом (17-го октября) и Трахтельфингеном.

Сражение под Аустерлицем. Уничтожив Макка, Наполеон занял Вену и преследовал корпус Кутузова, который оказался в очень опасном положении, но успел ускользнуть. В районе Брюнна, в Моравии, Наполеон был вынужден остановиться, так как его армия уменьшилась до 65 тыс. вследствие потерь отсталыми и выделения войск для охраны сообщений. Кутузов, усиленный русскими войсками и остатками австрийцев, имел до 80 тыс. войск. Наполеон, в этом столь удаленном от Ф. расположении, не мог наступать дальше, но должен был стремиться к скорейшей развязке, так как Пруссия могла каждую минуту объявить войну, и австрийцы и русские накопляли новые силы. Наполеон распустил слухи о своем трудном положении, приказал своим аванпостам уступать при каждой встрече с передовыми русскими частями, послал генерал-адъютанта к Александру I, фактически командовавшему русско-австрийской армией, просить перемирия; одновременно, австрийцам, жестоко терпевшим от утраты столицы и перенесения войны в их внутренние области, Наполеон предложил весьма выгодные условия мира. Чтобы удержать своего союзника от выхода из коалиции, Александр I должен был, несмотря на то, что время работало в его пользу, перейти в наступление; политика Наполеона добилась своей цели. 2 декабря 1805 г. русско-австрийская армия атаковала Наполеона, расположившего свои войска за ручьем Гольдбах. Наполеон умышленно не занял Праценские высоты перед своим левым флангом, откуда отходила дорога в Вену, чтобы провоцировать его обход.

План для атаки, очень сложный, был составлен австрийским офицером генерального штаба Вейротером, которого еще Суворов аттестовал выдающимся и которому Александр I вполне доверял. Три слабых колонны—Багратиона, велик. князя Константина и Лихтенштейна—должны были удерживать фронт французов, а 5 колонн — Коловрата, Прибышевского, Ланжерона, Кинмайера и Дохтурова—направлялись через и мимо Праценских высот к ручью Гольдбах, в обход французской армии с юга. — Наполеон заранее разгадал этот план и решил задерживать русский охват одним корпусом Даву, а прочими силами, отогнав русские заслоны, захватить Праценские высоты, как только русские их минуют и спустятся в долину Гольдбаха, и ударить на обходящие колонны с тыла.

Некоторое сопротивление плану Наполеона оказала только колонна Коловрата, которую Кутузов, вопреки диспозиции, задержал на Праценских высотах. Корпус Ланна оттеснил заслоны Багратиона, в. кн. Константина, Лихтенштейна, а корпуса Сульта и Бернадота сбили с Працена Коловрата, уничтожили полностью Прибышевского, разгромили артилл. огнем с тыла остальные колонны и вынудили их отходить под огнем по узким гатям между прудами. Русско-австрийская армия потеряла 18 тыс., а французам эта победа обошлась только в 8 тыс. На третий день после сражения австрийский император явился на французские аванпосты просить у Наполеона мира; русская армия спешно отошла за русскую границу.

Иенская операция 1806 г. Прусско-саксонская армия (100 тыс.) развернулась в начале октября за горным кряжем Тюрингенского леса, на левом берегу р. Заалы, в районе Эрфурт—Веймар. На р. Эльбе формировались подкрепления—50 тыс.; через 2 месяца можно было ожидать начала прибытия русских войск на поддержку. Наполеон, располагавший двойным превосходством сил, развернул 6 корпусов на Майне, протягивая свое левое крыло к Байрету. Пруссаки довольно определенно ожидали обхода своего левого фланга, но защитники прусского развертывания указывали, что Наполеон при этом будет вынужден двигаться в 80-километровой полосе между прусской армией и австрийской границей и принять бой, имея в тылу не Ф., а Австрию; при этом они полагали, что целью маневра Наполеона явится пересечение подвоза снабжения к прусской армии с востока, чтобы вынудить пруссаков уйти за р. Эльбу.

Риск движения вдоль австрийской границы нисколько не страшил Наполеона, уверенного в своем тактическом превосходстве; целью же его обхода являлось не вынуждение пруссаков к отступлению, а полное их уничтожение. Наполеон двинул свою армию сосредоточенно, по 3 дорогам, так что она представляла квадрат со сторонами в 30—40 километров (стратегическое каре), и направился через Франконский лес мимо пруссаков; когда, по ошибочным донесениям своей разведки, ему показалось, что он поравнялся с пруссаками, обнаруженными у Иены, он повернул армию под прямым углом налево, направив главную массу на Иену и 2 корпуса (Даву и Бернадота) на Кезен и Дорнбург, чтобы отрезать пруссакам отступление. — Однако, у пруссаков, в последнюю минуту, благоразумие взяло верх, и они решились начать отступление; движение главных сил на северо-востоке прикрывалось у Иены боковым авангардом—корпусом Гогенлоэ, поддержанным корпусом Рюхеля.

Гогенлоэ вступил у Иены в бой против громадного превосходства главных сил Наполеона; последний, думая, что перед ним главные силы, не торопился наносить удар, ожидая перехода через р. Заалу всех корпусов. Рюхель не поддержал Гогенлоэ, но когда последний был наголову разбит, подставил и себя под поражение. Одновременно

с этими столкновениями у Иены, корпус Даву под Ауэрштедтом натолкнулся на главные силы пруссаков; несмотря на то, что Бернадот не поддержал Даву, последний, благодаря качественному превосходству французов и счастливой случайности—смертельному ранению прусского главнокомандующего, герцога Брауншвейгского, сумел вынудить пруссаков к отходу. После этих успехов Наполеон организовал преследование; пруссаки должны были отходить северными более кружными путями, а французы двинулись форсированными переходами через Эльбу на Берлин и к нижнему течению Одера. Паника у пруссаков дошла до того, что крепости сдавались кавалерийским разъездам. У Пренцлау, на нижнем Одере, капитулировали остатки главных сил пруссаков; корпус Блюхера пытался достичь морских портов близ Дании, чтобы отступить морем, но в Радкау вынужден был капитулировать.

Испанские войны 1808—1812 гг. Первую серьезную неудачу Наполеон потерпел в Испании. Вследствие слабого развития промышленности и буржуазии, процесс централизации государственной власти в Испании в начале XIX века далеко еще не развился в такой степени, как в других государствах Европы. Каждая провинция чувствовала еще свою самостоятельность. Когда Наполеон в 1808 г. низложил испанского короля и вывел из пределов Испании испанскую армию, чтобы посадить на испанский престол своего брата, Иосифа, в Испании вспыхнула революция; справиться с ней было тем труднее, что она не имела центра, и каждая провинция являлась самостоятельным противником. Объекта для стратегии сокрушения не было, так как сопротивление было равномерно разлито по всей территории. Первые двинутые в Испанию французские войска состояли преимущественно из наспех сформированных маршевых батальонов, очень плохо дисциплинированных. Грабежу подвергались целые испанские города; женщины повсюду насиловались. Поведение французов подливало масло в огонь восстания. Французский корпус Дюпона, окруженный при Байлене повстанцами Кастаньоса, 22 июня 1808 г. должен был капитулировать. Англичане поддерживали восстание доставкой оружия и высадкой своего вспомогательного корпуса.

Во второй половине 1808 г. и в начале 1809 г. Наполеон направил в Испанию лучшие войска и сам руководил операциями, получившими благоприятное развитие. Но война 1809 г. заставила его передать продолжение войны в Испании в руки маршалов, которые не справились с этой задачей. Многократно разбитые и рассеянные по горам испанские революционные войска постепенно переродились в гверильясов — опаснейших и почти неуязвимых партизан. Каждый отделившийся от отряда французский солдат погибал, сообщения французов были под тяжелой угрозой. Английская армия Уэллингтона была оттеснена Массеной в ближайшие окрестности Лиссабона, который англичане прикрыли Торрес—Ведрасской укрепленной позицией, протяжением до 50 километр.; англичане (40 тыс.) с сентября 1810 по март 1811 гг. сумели удержать укрепленные линии Торрес—Ведраса против трех французских корпусов (65 тыс.). Бедственное отступление Массены, начатое 4 марта 1811 г. вследствие полного истощения запасов, потери обозов, орудий и половины армии знаменовали конец наступательных действий французов в Испании. Все имевшиеся у Наполеона силы уже с 1810 г. направлялись на подготовку похода в Россию в 1812 г. Мадрид был потерян французами вскоре после неудачного перехода Мармона в наступление против Уэллингтона, закончившегося поражением при Саламанке 21 июля 1812 г.

Война 1809 г. С 1806 г. во главе австрийской армии был поставлен лучший генерал, эрцгерцог Карл, предпринявший обширные реформы в организации армии и в ее тактической подготовке. Отвлечение сил Наполеона в Испанию давало австрийцам надежду напасть в 1809 г. врасплох на оставленные в Германии гарнизоны. Эрцгерцог Карл намечал вести войну в духе общегерманского восстания против наполеоновского ига; драться должно было, кроме регулярной армии, и германское ополчение. Но чтобы добиться этой цели, нужны были крупные первоначальные успехи. Однако, начало австрийского сосредоточения уже пробудило внимание Наполеона; французские гарнизоны снялись со всей Германии и под начальством Даву начали стягиваться к Регенсбургу. Силы австрийцев были еще разделены; 2 корпуса (60 тыс.) находились в Богемии, а 120 тыс.—на границах Баварии. Эрцгерцог Карл решил не медлить до их соединения, а перейти в наступление сейчас же, чтобы сосредоточиться уже на походе.

Повидимому, австрийцы уже опоздали. Медленное наступление их по Баварии дало возможность Наполеону лично прибыть из Парижа и собрать равные австрийцам силы. В пятидневной операции под Регенсбургом, закончившейся 23 апреля, Наполеон развернул удивительную энергию, нанеся австрийцам 5 поражений; австрийцы, потерявшие до 40 тыс., вынуждены были отступить по обоим берегам Дуная; сильнейшая их часть оказалась на северном берегу; слабейшую их часть Наполеон быстро потеснил по южному берегу Дуная и захватил 13 мая Вену. Противники оказались разделенными рекой Дунаем. 20 мая Наполеон произвел попытку перейти Дунай; переправа была плохо подготовлена, мосты были разорваны — отчасти разлившейся рекой, отчасти тяжелыми плавающими предметами, пущенными австрийцами по течению; 21 и 22 мая часть французских войск, переправившаяся через Дунай, должна была выдержать у Аспери—Эслингена, тылом к Дунаю, отчаянный оборонительный бой против атак эрцгерцога Карла, пока мосты не были починены и не удалось отступить на остров Лобау, откуда началась переправа. Это было первым крупным тактическим поражением Наполеона; потери французов достигали 25 тыс. Австрийцы не преследовали.

После шестинедельной основательной подготовки, Наполеон в ночь на 5-е июля вновь переправился с острова Лобау на левый берег Дуная и в сражении под Ваграмом 6 июля вынудил эрцгерцога Карла к отступлению. Ваграмская победа—торжество наполеоновских масс над окружавшим их растянутым боевым порядком австрийцев—была бы невозможна в настоящее время; но и тогда она обошлась победителю в те же 25 тыс. потерь, как и побежденному, и настолько истощила французов, что преследования не было. Однако, и этого полууспеха было достаточно, чтобы остановить германское движение, начавшееся пробуждаться после Асперинского поражения Наполеона. Австрия заключила мир.

Кампания 1812 г. См. *Россия—история.*

Кампания 1813 г. В 1812 г. в России, и отчасти раньше в Испании, Наполеон потерял своих лучших солдат. В 1813 г. громадное большинство его армии представляли новобранцы. Весьма слабы, количественно и качественно, были его артиллерия и особенно кавалерия. Германское движение получило бурные формы, и немецкие контингенты, составлявшие значительную часть наполеоновской армии, становились ненадежными, сдавались, изменяли, саботировали. По присоединении Пруссии к России, весь правый берег Эльбы и Саксония были потеряны для Наполеона, Данциг осажден. Наполеон двинулся весной в Саксонию с 170 тыс. армией; под Люценом, 2 мая, 95-тыс. русско-прусская армия произвела внезапное нападение на 130-тыс. армию Наполеона, который был вынужден продвигаться вслепую, окруженный русской кавалерией; но французы отбили нападение. В сражении под Бауценом 20—21 мая Наполеон, располагая двойным превосходством, вновь нанес поражение русско-прусской армии; но средств для развития успеха у Наполеона не было, и противник ускользнул без больших потерь. Неготовность к энергичному развитию военных действий обеих сторон заставила заключить на лето перемирие. К осени 1813 г. Наполеон усилил свою армию до 400 тыс., но Пруссия также значительно подвинула свои вооружения, Швеция и Австрия присоединились к коалиции, которая также располагала 400 тыс., занимавшими охватывающее положение, от Берлина до Праги, по отношению к французам, группировавшимся у Дрездена. Шведско-прусская армия Бернадота прикрывала Берлин, прусская армия Блюхера—Силезию, австрийская князя Шварценберга—Богемию; русские войска были распреде-

лены, как надежные кадры, по всем армиям; репутация их стояла на огромной высоте. Наполеон прибег к *излюбленному способу действий* по внутренним линиям, чтобы разбить порознь армии противника; однако, при громадных массах, выяснилось, что уже в ту эпоху наполеоновские методы действий по внутренним линиям представляли крупные невыгоды. Шестинедельная кампания на тесной территории Саксонии истощила даже богатые средства этой страны, а подвоз из Ф. по одной грунтовой дороге был совершенно незначителен для большой армии Наполеона. Союзники уклонялись от боя с главными силами Наполеона, которому удалось лишь одержать над Шварценбергом полупобеду под Дрезденом, и били заслоны под командой его маршалов—при Денневице, Кацбахе, Кульме. Переход Блюхера через Эльбу в обход французов с севера заставил Наполеона отойти к Лейпцигу, где 16—19 октября 1813 г. он был разбит соединившимися 3 армиями коалиции, к которым присоединилась и четвертая резервная русская армия Бенигсена. Преодолев 30—31 октября у Ганау попытку изменивших ему баварцев пересечь путь отступления, Наполеон отошел за Рейн. — Кампания 1813 г. чрезвычайно любопытна по тем методам оккупации захваченной германской территории, которые применял Александр I; во главе русских оккупационных властей стоял известный политик, барон Штейн, руководивший и русской пропагандой и агитацией в немецком тылу Наполеона.

Кампания 1814 г. закончилась взятием Парижа 30 марта и отречением Наполеона. На руководстве этой кампании чувствительно сказывалось нежелание Австрии добивать Наполеона. Свое нежелание продвигаться к Парижу со стороны Ланграского плато австрийцы прикрыли стратегическими рассуждениями о важности Ланграа: кто владеет источниками рек, владеет и всей страной. Многие военные писатели, не замечая маскировочной задачи австрийской стратегической теории, серьезно оспаривали ее. Со стороны Наполеона эта кампания особенно замечательна тем, что его армия уменьшилась до десятков тысяч отборных солдат; все новобранцы разбежались. С хорошей маленькой армией Наполеон развивал чудовищную энергию, в особенности при нападении на армию Блюхера, корпуса которой были разбиты порознь в промежуток 29 января—2 февраля (Шампобер, Монмираль, Шато-Тьери, Этож, Вошан).

В кампанию 1815 г. развязка (Ватерлоо, 18 июня) последовала на четвертый день после перехода Наполеоном границы. Армия Наполеона достигала 122 тыс.; против него, на широких квартирах, в Нидерландах, находилась англо-нидерландская армия Уэллингтона—93 тыс. и прусская армия Блюхера—123 тыс.; 16-го июня Наполеон атаковал и разбил пруссаков у *с.* Линьи, но так как для наблюдения за Уэллингтоном было выделено слишком много войск, то победа была не полной. Начальник штаба Блюхера, Гнейзенау, заставил пруссаков бросить сообщения через Льеж на Рейн и отходить на Вавр, чтобы не удаляться от Уэллингтона. Это позволило Блюхеру подойти на помощь англичанам, когда они через день были атакованы на позиции у Ватерлоо; а маршал Груши, отряженный для преследования Блюхера, не был во-время притянут на поле сражения. Наполеон, чувствуя, что политическое положение его окончательно пошатнется при малейшей неудаче, упорствовал в своих атаках на англичан и тогда, когда вполне уже обнаружился выход пруссаков во фланг и тыл французов. Поражение наполеоновской армии поэтому было полное, а тактическое преследование Гнейзенау довершило его.

Значение изучения наполеоновских походов. Жомини, выдающийся стратегический мыслитель, дал теоретическое выражение идеям наполеоновской стратегии. Все генеральные штабы, вплоть до мировой войны, руководствовались преимущественно ими. Во французской армии культ наполеоновской стратегии являлся неприкосновенным. Всякое значение эволюции отвергалось, если указывалось, что новые явления политики империализма, новая экономика, новые миллионные массы и организация вооруженного народа, новая техника — железные дороги, телеграф, возросшая зависимость армий от снабжения с тыла, прожорливость скорострельного оружия, длительность боев, растяжка фронтов — создают условия, при которых начала ведения войны и операции, почерпнутые из наполеоновских походов, должны быть соответственно изменены. Крах официальной стратегической мысли в мировую войну в значительной степени объясняется слишком слепым увлечением Наполеоном и его сокрушительными методами. Это в особенности полезно помнить теперь, когда приходится считаться с новым рецидивом увлечения Наполеоном. Последний может явиться наставником в военном искусстве лишь при строгом учете громадной эволюции того материального базиса, на котором приходится вести войну. *А. Свечин.*

XIV. Эпоха реставрации. Низвержение Наполеона и реставрация Бурбонов гарантировали Ф. мир, которого так жаждали все слои общества. Но в то же время возвращение старой династии, давшее возможность вернуться во Ф. последним эмигрантам-дворянам, послужило толчком к окончательному торжеству феодальной реакции, уже наметившейся в последний период правления Наполеона. Правда, при всем своем тяготении в сторону землевладельческой аристократии и католического духовенства, Бурбоны не могли не считаться с интересами буржуазии и крестьянства, и компромиссом между интересами старой и новой Ф. явилась опубликованная Людовиком XVIII конституционная хартия 1814 г. Взамен наполеоновского деспотизма она вводила во Ф. конституционную монархию по английскому образцу и, сохраняя за королем исполнительную власть, предоставляла законодательные права двум палатам — палате депутатов и палате пэров. Установление ценза в 300 франков прямых налогов для уча-

стия в выборах обеспечивало присутствие в палате депутатов не только крупных землевладельцев, но и представителей высших слоев торговой и промышленной буржуазии, а палата пэров в свою очередь была составлена не только из выходцев из старой родовой знати, но и из представителей нового дворянства в лице маршалов, сенаторов и других высших сановников Империи. Гражданские интересы буржуазии и крестьянства были обеспечены признанием неприкосновенности гражданского кодекса Наполеона, его административного, судебного и финансового устройства и подтверждением законности права собственности всех покупщиков национальных имуществ. Несмотря на эти обещания хартии, при дворе скоро образовался кружок непримиримых врагов дела революции, сгруппировавшихся вокруг брата короля и наследника престола, графа Артуа, и под его влиянием политика правительства приняла определенно реакционный характер. Все конфискованные во время революции и остававшиеся еще в руках государства дворянские земли были возвращены их прежним владельцам, и началась широкая раздача всевозможных военных и гражданских должностей бывшим эмигрантам, а духовенство, добившееся признания католицизма государственной религией, открыло в своих проповедях поход против всех участников революции. Установление свободы торговли, объявленное вслед за низвержением Наполеона, заполнило французский рынок колониальными и мануфактурными товарами из Англии и вызвало резкое недовольство в рядах промышленной буржуазии, представители которой не без труда уговорили правительство вернуться к системе покровительственных пошлин. Состав армии был значительно уменьшен, и из ее рядов было уволено громадное число офицеров, оставшихся без средств существования и глухо роптавших на замену трехцветного знамени революции белым знаменем Бурбонов. Дворяне-эмигранты, возвращаясь в свои имения, открыто говорили о предстоящем отобрании у владельцев национальных имуществ купленных ими земельных участков и о восстановлении феодальных повинностей и этим вызывали такую панику, что бывшие национальные имущества потеряли до 40% своей рыночной стоимости, а среди крестьян начались непрерывные волнения. На почве общего страха перед феодальной реакцией стала быстро усиливаться либеральная партия, главным теоретиком которой выступил Бенжамен Констан, и которая выдвинула программу осуществления во Ф. представительного образа правления и защиты социальных приобретений революции. Комплектовалась она преимущественно из разных групп буржуазии, при чем в состав ее входили не только сторонники парламентаризма на английский манер, но и вообще все недовольные существующим положением, в том числе генералы и офицеры Империи, старые революционеры и республиканцы. Так как в то же время на Венском конгрессе выяснился резкий разлад между великими державами из-за раздела отнятых у Ф. областей, и дело чуть не дошло до войны между бывшими союзниками, то Наполеон решил еще раз попытать счастья и высадился на юге Ф. Его появление вызвало революционное движение в низших классах общества и особенно среди крестьянства, быстро забывшего под впечатлением надвигавшейся социальной реакции обо всех тяготах режима Империи. Все посылавшиеся против него военные отряды немедленно переходили на его сторону, и Бурбоны должны были снова покинуть Ф. Новое царствование Наполеона продолжалось, однако, всего „сто дней". Он поспешил отмежеваться от революционного движения и стал искать поддержки в среде крупной и средней буржуазии, для чего согласился ограничить свою власть новой конституцией, представлявшей переделку хартии 1814 г. (так называемый „дополнительный акт 1815 г."). Но во всех зажиточных слоях французского общества его политика натолкнулась на равнодушие, недоверие и даже враждебность, а за границей его возвращение заставило четыре великие державы забыть раздоры и возобновить союз против Ф. Война снова сде-

*

лалась неизбежной, и поражение при Ватерлоо положило скорый конец владычеству Наполеона. Во Ф. снова вторглись союзные армии и произвели вторую реставрацию Бурбонов. По второму парижскому миру Ф. должна была отказаться от Савойи и некоторых округов на левом берегу Рейна, уплатить 700 млн. контрибуции и в качестве гарантии уплаты содержать в своих крепостях оккупационную армию союзников.

Вторая реставрация Бурбонов ознаменовалась полным разгулом реакции. Выборы в новую палату депутатов, происходившие при помощи избирательной организации Империи, дали торжество крайним реакционерам, получившим прозвание ультра-роялистов. Наиболее видные участники событий „ста дней" подверглись казни и изгнанию. Печать была подвергнута цензуре. Армия была распущена, а весь состав военной и гражданской администрации подвергнут был массовой очистке, в результате которой насчитывалось до 100.000 уволенных, при чем освободившиеся места раздавались преимущественно представителям старого дворянства. На юге Ф. под влиянием вызывающего поведения ультра-роялистов и фанатических проповедей духовенства произошли в некоторых местах вспышки „белого террора", жертвами которого становились не только приверженцы революции и Империи, но и мирные протестанты. Новая палата, получившая за свой реакционный состав прозвание „бесподобной" (introuvable), не скрывала реакционных стремлений заполнявших ее представителей крупного и среднего дворянства (главными выразителями их в литературе были Бональд и Шатобриан), и ее вожди открыто говорили о необходимости учреждения для всех дворянских имений майоратов, отмены принципа равного наследования, вознаграждения дворян за конфискованные у них и распроданные во время революции земли, передачи народного просвещения и гражданских актов в руки духовенства, восстановления для лиц, занятых торговлей и промышленностью, цехов и корпораций и т. д. Правительство, во главе которого стоял бывший эмигрант, герцог Ришелье, сначала покорно шло по пути реакции, но потом само испугалось откровенной программы возвращения к старому порядку, выдвинутой ультра-роялистами. Оно сблизилось с меньшинством палаты, которым руководила группа умеренных либералов, получивших прозвание „доктринеров" (Ройе-Коллар, Гизо, Бройль и др.), и под их влиянием распустило „бесподобную" палату (1816).

Новые выборы дали победу противникам крайней реакции, и в течение 3 лет правительство, в составе которого первенствующую роль играл теперь любимец Людовика XVIII, Деказ, старалось держаться политики в духе „доктринеров". Оно провело избирательный закон 1817 г., который предоставил, согласно хартии, прямое участие в выборах всем лицам, платившим 300 фр. прямых налогов. Несмотря на крайне незначительное в общем число избирателей (около 100.000 чел. на население в 30 млн.), этот закон выдвинул на первый план крупную и среднюю буржуазию, подорвав преобладание крупных землевладельцев аристократического происхождения. Затем правительство реорганизовало армию, вернув в нее значительную часть наполеоновских офицеров и унтер-офицеров, отменило цензуру и вернуло печати свободу, упорядочило финансы и, выплатив при помощи удачно заключенных займов контрибуцию, добилось освобождения французской территории от иностранной оккупации. В своей социальной политике оно старалось держаться равновесия между интересами торгово-промышленной буржуазии и землевладельческого дворянства. В пользу первой оно провело в 1816 г. покровительственный тариф и согласилось в 1817 г. на новое повышение пошлин на продукты текстильной и металлургической промышленности. В пользу второго оно вступило на путь никогда еще не практиковавшейся во Ф. политики аграрного протекционизма и по образцу английских хлебных законов установило подвижную скалу пошлин на иностранный хлеб, изменявшуюся согласно уровню цен на хлеб в самой Ф. Но эта „политика качаний"

(système de bascule) не удовлетворяла ни оппозицию справа, которая не могла простить правительству роспуска „бесподобной“ палаты, ни оппозицию слева, которая объединялась под знаменем либерализма и в которой видную роль играли некоторые представители торгово-промышленных кругов (банкиры Лафит и К. Перье, горнозаводчики Аржансон и Кёхлин и др.). Либеральная партия создала богатую политическую прессу, говорившую радикальным языком, встречала широкое сочувствие в рядах средней и мелкой буржуазии и не скрывала своего индифферентного, а иногда и враждебного отношения к династии Бурбонов. Число либеральных депутатов в палате неизменно росло с каждыми частичными выборами, и в правительственных кругах скоро начал снова обнаруживаться уклон к сближению с партией ультрароялистов. Конец колебаниям положило чисто внешнее событие — убийство племянника Людовика XVIII, герцога Беррийского, ремесленником Лувелем (1820). Деказ получил отставку, а вернувшийся к власти Ришелье порвал с политикой „доктринеров“, сильно стеснил политическую прессу и провел через обе палаты новый избирательный закон, в силу которого $^3/_5$ состава палаты попрежнему избирались всеми лицами, платившими 300 фр. налогов, а остальные $^2/_5$ избирались особой привилегированной курией. Эта курия составлялась в каждом департаменте из $^1/_4$ всех избирателей, плативших наивысшую сумму налогов. Результатом применения этого „закона о двойном голосовании“ было резкое усиление политического значения крупных землевладельцев. Большинство в палате депутатов скоро снова перешло в руки ультра-роялистов, и Ришелье принужден был выйти в отставку (1821), уступив свое место ультра-роялистическому кабинету с Виллелем во главе. Наиболее радикальные элементы либеральной партии, среди которых особенно видную роль играли престарелый деятель 1789 г. Лафайет и адвокат Манюэль, решили под впечатлением революций 1820 — 21 гг. на Пиренейском и Апеннинском полуостровах вступить на революционный путь. Ф. покрылась сетью конспиративных организаций и тайных обществ, из которых наиболее внушительной была организация карбонаров, созданная по итальянскому образцу. Главный контингент заговорщиков составлялся из учащейся молодежи и бывших офицеров и солдат наполеоновской армии. Гражданские участники заговоров склонялись к провозглашению республики или по крайней мере к созыву учредительного собрания, тогда как военные, наоборот, хотели восстановления императорской власти в лице Наполеона, а после его смерти (1821) в лице его сына, герцога Рейхштадтского. Но правительство приняло самые энергичные меры против заговорщиков, и все революционные вспышки 1820—1823 гг., делавшиеся в различных местах Ф., были сурово подавлены в самом зародыше. Одновременно с этим Ф. не только должна была остаться равнодушной зрительницей подавления революционного движения в Италии державами Священного союза, но и сама предпринять поход в Испанию для подавления испанской революции и восстановления в Испании абсолютизма (1823). Выборы 1824 г. привели к разгрому либеральной оппозиции всех оттенков и полному торжеству ультра-роялистов, а смерть Людовика XVIII и вступление на престол графа Артуа, принявшего имя Карла X, обеспечили энергичную поддержку реакционной политике со стороны королевской власти (1824).

Чтобы примирить с господством ультра-роялистов крупную промышленную буржуазию, правительство пошло навстречу ее крайним протекционистским стремлениям. Согласно заявлениям торговых и мануфактурных палат таможенный тариф трижды (в 1820, 1822 и 1826 гг.) подвергался пересмотру, и каждый раз увеличивались пошлины на железо и железные изделия, на хлопчато-бумажные и шерстяные ткани, на сахар и другие продукты, бывшие главными предметами изделий французской промышленности. Запретительная политика, бывшая в эпоху Наполеона лишь боевым оружием против Англии, обратилась в нормальное средство охраны французской промышлен-

ности. Иностранные фабрикаты были почти совершенно вытеснены с французского рынка, и внутренний рынок сделался исключительным уделом французской промышленности. Но главный интерес правительства, конечно, был обращен не на промышленность, а на сельское хозяйство. Закон 1821 г. еще более увеличил пошлины на иностранный хлеб и, сделав фактически совершенно невозможным его ввоз во Ф., обеспечил французским крупным землевладельцам монополию установления хлебных цен. Законы 1822 и 1826 гг. обложили высокой пошлиной ввоз иностранного скота, разрешили свободный вывоз французской шерсти и приняли ряд мер для устранения конкуренции во Ф. со стороны иностранного сельского хозяйства. Общее улучшение экономического положения Ф. дало возможность несколько уменьшить налоги, и правительство поспешило поэтому сделать землевладельцам новый подарок и понизить основной прямой налог, падавший на землю. В начале эпохи реставрации боевым требованием крайних реакционных элементов старого дворянства был призыв к отобранию распроданных дворянских имений у их новых владельцев. Но правительство оказалось не в состоянии осуществить эту меру, и дворяне пытались достигнуть своей цели путем частичных сделок на местах и полюбовных соглашений с крестьянами, которые облегчались тем обстоятельством, что рыночная цена бывших национальных имуществ упорно стояла значительно ниже всех остальных видов земельной собственности. Достигши таким способом во многих случаях округления своих владений, землевладельческая аристократия стала теперь добиваться денежного вознаграждения за конфискованные и распроданные имения, и правительство для удовлетворения ее домогательств ассигновало 1 миллиард франков в форме установления 3%-ного государственного займа, облигации которого были распределены между всеми пострадавшими. Наконец, для того, чтобы предохранить крупные земельные владения, принадлежавшие родовой аристократии, от раздробления, правительство внесло в палаты закон об установлении майоратов и субституций и только вследствие противодействия палаты пэров, в которой было сильно влияние нового дворянства наполеоновского происхождения, тяготевшего к формам буржуазной собственности, принуждено было отказаться от майоратов и удовлетвориться одними субституциями.

Другой опорой ультра-роялистического правительства было католическое духовенство. В его руки было передано все народное просвещение, при чем видную роль в школьном деле стали играть иезуиты, несмотря на существование закона, воспрещавшего их пребывание во Ф. Для защиты авторитета религии был проведен закон, каравший святотатство смертной казнью. Религиозно-благотворительная ассоциация, носившая название „конгрегации св. девы", сделалась всемогущей и выдвигала из своей среды кандидатов на все сколько-нибудь значительные государственные должности вплоть до должностей министров. Был объявлен поход не только против светского просвещения, но и против уцелевших во французском обществе галликанских традиций, и духовенство все в большей степени проникалось духом ультрамонтанства, открыто проповедуя примат церкви перед государством.

Обращение всей политики правительства на служение интересам двух небольших привилегированных групп, тесно связанных друг с другом,—землевладельческой аристократии и католического духовенства,—неизбежно должно было привести правительство к разрыву со всей остальной Ф. и к переходу в оппозицию и тех слоев высшей буржуазии, поддержку которых правительство пыталось купить проведением крайней протекционистской политики. Представители торгово-промышленной буржуазии охотно признавались, что таможенная политика правительства для них выгодна. Продолжительный период мира и устранение иностранной конкуренции способствовали успехам и сельского хозяйства и промышленности (особенно горного дела, железоделательной промышленности, выделки хлопчато-бумажных и шерстя-

ных тканей, сахароварения и т. д.). Общий оборот французской внешней торговли, в 1814 г. упавший до 585 млн., в 1829 г. достиг 1.224 млн., перегнав, таким образом, общую цифру оборота французской внешней торговли перед революцией на 200 млн. Но при всем том настроение буржуазии по отношению к правительству Бурбонов оставалось неизменно оппозиционным. В эпоху Вел. революции и Империи, вследствие устранения старого дворянства, высшие слои буржуазии очутились в положении новой аристократии. Они занимали первое место в обществе, из их среды выходили кандидаты на все важнейшие государственные должности, а восстановление Наполеоном сложной бюрократической машины управления дало возможность многочисленным представителям крупной и средней буржуазии с избытком удовлетворить свою исконную страсть ко всякого рода чиновным отличиям. Но с реставрацией старой династии дворянство снова заняло первенствующее положение в обществе, в его руки после „очистки" администрации перешли все важнейшие государственные должности, и буржуазия почувствовала себя оттесненной на задний план и превращенной в прежнее „среднее сословие". Особенное негодование вызвал в рядах буржуазии роспуск правительством национальной гвардии, участием в которой она очень гордилась. И чем больше росли материальные успехи буржуазии, чем больше увеличивались ее денежные капиталы, тем больше усиливалось ее раздражение против старого дворянства и выростала в ее среде жажда власти. Пока дела шли хорошо, протекционистская политика правительства несколько сдерживала ее оппозиционные стремления, но в 1827 г. разразился промышленный кризис, окончательно оттолкнувший ее от правительства.

Разрыв с крупной буржуазией совершенно изолировал правительство от тех слоев общества, которые составляли новую послереволюционную Ф., так как в отрицательном отношении к нему низших классов населения не могло быть никаких сомнений. Но правительство начало сверх того терять поддержку и в значительной части класса дворян-землевладельцев. Распределение миллиарда среди эмигрантов вместо того, чтобы вполне удовлетворить дворян, вызвало во многих случаях раздражение, так как львиная доля вознаграждения досталась на долю лиц, близких к двору и правительству, а провинциальное дворянство получило очень мало, а местами даже и вовсе ничего не получило. Дворянство южных департаментов Ф., считавшихся до сих пор цитаделью ультра-роялистов, негодовало на запретительную политику правительства, результатом которой было сильное сокращение вывоза французских вин и возникший на этой почве острый кризис в виноделии. С другой стороны, рост влияния духовенства оживил в части дворянства антиклерикальные тенденции XVIII в., что особенно сильно сказывалось в рядах судебной магистратуры, по традициям старавшейся подражать старым парламентам. От партии ультра-роялистов откололась оппозиционно настроенная группа с Шатобрианом во главе, и все недовольные элементы объединились вокруг быстро возродившейся либеральной партии, во главе которой теперь стали доктринеры. Правительство, чтобы спасти поколебавшееся положение, распустило палату, но соединенные силы оппозиции одержали на выборах победу, и кабинет Виллеля принужден был выйти в отставку (1827).

Карл X, неохотно шедший на какие бы то ни было уступки оппозиции, образовал министерство из умеренных роялистов, в котором первенствующее место занял Мартиньяк. Мартиньяк сделал несколько уступок оппозиции: он облегчил положение печати, провел закон, ограничивавший вмешательство в выборы администрации, лишил духовенство преобладающего положения в деле народного просвещения, назначил специальную коммиссию для изучения причин промышленного кризиса и пересмотра вопросов таможенной политики, помог в союзе с Россией и Англией освобождению Греции от турецкого владычества. Но соглашаясь, таким образом, на некоторые меры,

которые удовлетворяли интересы буржуазии, Мартиньяк упорно хотел сохранить политическое преобладание за аристократией и в законопроекте о местном самоуправлении в департаментах и общинах ограничил круг избирателей классом крупных землевладельцев. Все попытки либеральной партии добиться расширения круга избирателей для того, чтобы уравновесить влияние земельной аристократии влиянием городской и сельской буржуазии, потерпели неудачу, и кабинет, лишившийся поддержки либералов и потерявший вследствие этого большинство в палате, без труда был отстранен от власти королем, который давно ждал случая, чтобы вернуть к власти ультра-роялистов (1829).

Образование нового кабинета из представителей самой крайней группы ультра-роялистов с Полиньяком во главе и начавшаяся в реакционной прессе пропаганда изменения хартии в абсолютистическом и аристократическом направлении были открытым вызовом стране. В виду угрозы государственного переворота, по всей Ф. основывались ассоциации для сопротивления уплате налогов в случае нарушения хартии, а в кругах высшей буржуазии и умеренных либералов начали обсуждать вопрос о необходимости смены династии, и стала формироваться партия орлеанистов. Орлеанисты проектировали заменить Карла X главой младшей линии Бурбонов, герцогом Людовиком-Филиппом Орлеанским, который известен был своими связями с финансовой и торгово-промышленной буржуазией. Он с самого начала эпохи реставрации подчеркивал свое сочувствие программе умеренного либерализма, а потому давно считался подходящим кандидатом на престол в нежелавших мириться с старой династией кругах оппозиции. Более радикальные элементы либеральной партии, комплектовавшиеся из рядов прежних заговорщиков, наоборот, высказывались против каких бы то ни было монархических комбинаций и открыто приняли республиканскую программу.

Созвав 2 марта 1830 г. палаты, Карл X обратился к ним с тронной речью, содержавшей прямые угрозы по отношению к оппозиции. Палата депутатов ответила адресом, который потребовал отставки кабинета Полиньяка. Правительство распустило палату, но оппозиция одержала на выборах блестящую победу. Тогда король и правительство, под впечатлением удачно завершившейся военной экспедиции в Алжир, окончательно решились на государственный переворот. Ордонансами, подписанными 25 июля 1830 г., король ввел цензуру, распустил еще не успевшую собраться новую палату и изменил избирательный закон в пользу крупных землевладельцев, предоставив впредь активное избирательное право одной только привилегированной курии избирателей, плативших наивысшие налоги. Опубликование ордонансов вызвало горячий протест со стороны парижских журналистов и привело к брожению в массах парижского населения, увидевшего в нарушении хартии первый шаг к восстановлению старого порядка. На следующий день вспыхнуло стихийное народное восстание, во главе которого стали республиканцы, опиравшиеся преимущественно на рабочих и учащуюся молодежь, и после трехдневной борьбы (27—29 июля) народные массы одержали победу над регулярными войсками, пытавшимися подавить движение, и овладели Парижем. Депутаты, которые вначале ограничились только осторожным протестом, после победы революции поспешили организовать под названием „муниципальной комиссии" временное правительство и поставили во главе самопроизвольно воскресшей национальной гвардии Лафайета. Палата депутатов под влиянием орлеанистов, среди которых главную роль играли Лафит и Тьер, вступила в переговоры с герцогом Орлеанским и признала его наместником королевства. Республиканцы сделали сначала попытку воспротивиться созданию новой монархии, но скоро должны были убедиться, что народные массы, поднявшиеся во имя неприкосновенности хартии и защиты существующих отношений, не склонны начинать новую борьбу, а поэтому под влиянием Лафайета согласились подчиниться герцогу Орлеанскому и палате депутатов. Вслед за тем палата

переделала хартию 1814 г. в более либеральном духе, восстановив, между прочим, трехцветное знамя и снова сделав католицизм „религией большинства“, но отложив на ближайшее будущее вопрос о расширении избирательного права и обещав, кроме того, издание ряда законов, которые должны были усилить влияние общества в управлении. Попытка Карла X спасти старую династию путем отречения в пользу его малолетнего внука, герцога Бордосского, встретила решительный отпор, и герцог Орлеанский был провозглашен королем под именем Людовика Филиппа I (9 августа 1830 г.).

XV. Июльская монархия. Торжество июльской революции 1830 г. было делом рук народных масс и прежде всего рабочего пролетариата и мелкой буржуазии, но власть осталась в руках старой палаты депутатов, избранной на основании прежнего избирательного закона и представлявшей поэтому интересы только крупных землевладельцев и крупной буржуазии. Этим предопределилась судьба нового избирательного закона. После революции победители разделились на две группы, получившие названия партии движения и партии сопротивления. Приверженцы партии движения, составившейся преимущественно из радикальных элементов бывшей либеральной партии и сохранявшей через Лафайета контакт с группой республиканцев, видели в июльской революции первый шаг по пути демократического развития Ф., требовали поэтому дальнейших демократических реформ и хотели активной внешней политики для поддержки революционного движения в Бельгии, Польше, Германии и Италии. Партия сопротивления, ядро которой составила группа бывших доктринеров, смотрела, наоборот, на июльскую революцию исключительно, как на акт самозащиты со стороны народа в ответ на притязания королевской власти и сторонников старого порядка, противилась каким бы то ни было изменениям в существующих отношениях и стояла за сохранение внешнего мира. Если партия движения пользовалась популярностью в кругах парижского населения, то зато партия сопротивления располагала подавляющим большинством в палате депутатов и опиралась на активную поддержку самого Людовика-Филиппа. Он использовал популярность партии движения для того, чтобы справиться с продолжавшимся в Париже революционным движением, а затем поспешил отделаться от ее представителей (Лафита и Лафайета), поставив во главе управления вождя партии сопротивления—Казимира Перье. При таких условиях партии сопротивления удалось ограничить пересмотр избирательного закона отменой принципа двойного голосования и понижением избирательного ценза с 300 франков прямых налогов до 200 франков, что увеличило число избирателей приблизительно до 200.000 чел. Это понижение ценза распространило избирательные права на среднюю буржуазию и на тесно связанный с интересами буржуазии класс средних землевладельцев и обеспечило в палате депутатов полное и безусловное преобладание крупной буржуазии. Это преобладание оказывалось тем более бесспорным, что палата пэров, из которой была исключена значительная часть старой аристократии, потеряла теперь всякое политическое значение.

Торжество политики сопротивления обнаружило бессилие партии движения и привело к упадку ее влияния в народных массах. Она сохранилась только в палате депутатов в виде немногочисленной группы династической левой, и за ее счет стала быстро расти республиканская партия, черпавшая своих приверженцев за пределами палаты в рядах мелкой буржуазии, рабочего класса и учащейся молодежи. Высокий ценз закрывал для республиканцев двери палаты. Лишенные возможности проводить свою программу легальным путем, они вступили на путь организации заговоров и тайных обществ и несколько раз делали попытки вызвать новую революцию. Наиболее крупные республиканские восстания были в 1832, 1834 и 1839 гг. С другой стороны, прибегали к попыткам насильственного захвата власти также приверженцы старой династии, носившие теперь название легитимистов (в 1831 и 1832 гг.), и бонапартисты, главой ко-

торых после смерти герцога Рейхштадтского сделался племянник Наполеона — Людовик-Наполеон Бонапарт (в 1836 и 1840 гг.). Правительство Людовика-Филиппа без особого труда справлялось со всеми этими движениями и уже в 1834—1835 гг. провело ряд законов, установивших строгие кары за все попытки ниспровержения существующего строя, стеснивших печать и подчинивших деятельность политических ассоциаций бдительному надзору полиции. Революционное брожение пугало класс привилегированных избирателей и способствовало успеху на выборах приверженцев политики сопротивления вплоть до самого конца Июльской монархии, и из них неизменно составлялось парламентское большинство. Сначала партия сопротивления была единодушна, но в 1836 г. она распалась на правый центр, бывший под руководством Гизо, и левый центр, вождем которого сделался Тьер. Обе группы, поочередно сменявшие друг друга у власти, в своей политике отличались почти незаметными нюансами, преимущественно в области иностранных отношений.

Преобладание в палате представителей промышленной и финансовой буржуазии и зажиточных землевладельцев определило направление социальной и экономической политики правительства. Старой аристократии июльской революцией был нанесен окончательный удар. Преобладающее место в обществе заняли теперь финансисты и промышленники, негоцианты и банкиры. В руки буржуазии перешли все административные и судебные должности как в центре, так и в департаментах, а закон 1833 г. о местном самоуправлении и здесь обеспечил ее преобладание путем установления соответственного имущественного ценза. Июльская монархия унаследовала от эпохи реставрации затянувшийся промышленный кризис, еще более усугубившийся под влиянием событий революции. Правительство поспешило притти на помощь фабрикантам и широко раздавало промышленным предприятиям ссуды (в общей сложности было роздано без малого 100 млн.), пока к 1833 г. кризис не стал ослабевать, и в промышленности не стал снова обнаруживаться подъем. В угоду требованиям, шедшим из демократических слоев общества, правительство делало несколько раз попытки смягчить крайности протекционистской политики, но каждый раз отступало перед сплоченной коалицией крупных промышленников и землевладельцев, которым принадлежало большинство в палатах. Так, в 1832 г. ему удалось добиться лишь самого незначительного понижения пошлин на хлеб, а в 1836 и 1841 гг. немного понизить пошлины на шерстяные ткани, железо и некоторые другие иностранные товары. Кроме того, оно заключило торговые договоры с Бельгией и Сардинией и соглашения о торговом мореплавании с рядом других государств, что несколько облегчило условия внешней торговли Но в то же время широко продолжала развиваться система премий туземной промышленности, ложившаяся тяжелым бременем на бюджет, и общий дух всей экономической политики оставался неизменно протекционистским. Во Ф. началась постройка железных дорог, и правительство, предоставляя сооружение отдельных железнодорожных линий частным акционерным обществам, гарантировало им получение известного процента. Кроме того, капиталы находили себе выгодное помещение в государственных займах, в компаниях пароходства и других акционерных предприятиях, в предпринятом правительством сооружении вокруг Парижа укреплений, в начавшейся перестройке улиц внутри Парижа и т. д.

Огражденная от иностранной конкуренции таможенной стеной, французская промышленность пока удовлетворялась внутренним рынком и мало интересовалась рынками внешними. С этим гармонировала внешняя политика Июльской монархии, направленная на поддержание мира с иностранными державами. Действуя сначала в контакте с Англией, Ф. отстояла независимость Бельгии, свергнувшей в 1830 г. владычество Голландии, но предоставила на произвол судьбы Польшу и Италию и дала возможность России и Австрии раздавить в них революционное дви-

жение. Разойдясь вслед за тем с Англией из-за соперничества на Пиренейском полуострове и Ближнем Востоке, Ф. осталась изолированной (1840—1841), но опасность войны была предотвращена миролюбием французского правительства, снова пошедшего на уступки реакционным правительствам Священного союза. В 40-х гг. французская армия принялась энергично за завоевание Алжира и утверждение в нем французского владычества, но в европейских отношениях Ф. неизменно оставалась верна мирной и строго консервативной политике, враждебной нароставшему в 40-х гг. в Европе демократическому движению.

Продолжительный период мира и усиленное покровительство со стороны правительства способствовали дальнейшим успехам французской промышленности. Начавшийся уже в эпоху реставрации переход к машинному производству продолжал еще более интенсивно развиваться в эпоху Июльской монархии, и Ф. вступила в период индустриальной революции, создававшей крупное фабричное производство за счет мелкого ремесла и домашней формы промышленности. Применение машин коренным образом изменяло самые условия промышленной деятельности и приводило к быстрому увеличению производства. Быстро развивалась и внутренняя торговля, и, несмотря на сохранение протекционистского тарифа, значительно увеличивались обороты торговли внешней (с 1.131 млн. в 1831 г. до 2.437 млн. в 1846 г.). Общий рост благосостояния торгово-промышленного класса выражался и в непрерывном увеличении числа лиц, выбиравших торговые патенты, и в увеличении числа избирателей, количество которых с 200.000 в 1831 г. поднялось к 1848 г. до 241.000.

Рост капиталистической индустрии приводил к увеличению городского населения за счет сельского и к пополнению кадров рабочего пролетариата из рядов обезземеливавшегося или малоземельного крестьянства. Но если успехи капиталистической индустрии способствовали подъему благосостояния буржуазии, то зато они приводили к ухудшению состояния рабочего класса. К полусвободному юридическому положению, в котором он находился в силу законодательства Наполеона, прибавилось теперь понижение заработной платы, бывшее результатом замены труда квалифицированного рабочего работой машины, широкое применение на фабриках женского и детского труда и увеличение продолжительности рабочего дня, достигавшего в некоторых производствах 15 и 16 часов в сутки. Фабрика и городская жизнь разрушали старые семейные связи и способствовали развитию алкоголизма и проституции, пауперизма и нищенства, особенно во время промышленных кризисов, так что в Париже, напр., в 40-х гг. десятая часть населения числилась получающей благотворительное вспомоществование. Некоторые производства вдобавок гибельно отражались на здоровьи рабочих и влекли за собой не только усиление болезненности и смертности, но и прямое физическое вырождение местного населения, занятого фабричным трудом, и в промышленных департаментах, напр., почти половина молодых людей, подлежавших отбыванию воинской повинности, оказывалась негодной к военной службе, тогда как в департаментах земледельческих количество негодных было немногим больше четверти.

Между тем резкое ухудшение положения рабочего пролетариата, сосредоточенного в главных промышленных центрах, совершенно не занимало внимания правящего класса, проповедовавшего принцип полного невмешательства государственной власти в отношения между капиталом и трудом. Английская система фабричного законодательства, клонившегося к охране труда и уменьшению рабочего дня, встречала резкий отпор со стороны французской буржуазии, протестовавшей против нарушения „священного" принципа свободы труда, и лишь с большим трудом удалось в 1841 г. провести закон об охране детского труда, запрещавший труд детей до 8 лет, устанавливавший 8-часовой рабочий день для детей от 8 лет до 12 лет и 12-часовой день для подростков от 12 до 16 лет и не допускавший ночной работы для детей до 13 лет. О законо-

дательном ограничении труда взрослых в эти годы не могло быть и речи. Концентрация многочисленных групп рабочего пролетариата в главных центрах промышленности в связи с резким ухудшением его жизненных условий способствовали пробуждению в его рядах классового самосознания. До сих пор он шел рука об руку с буржуазией в деле борьбы со старым порядком и в своих социальных и политических требованиях мало отличался от мелкой буржуазии. Теперь, наоборот, он начинал проникаться сознанием антагонизма своих интересов с интересами буржуазии, убеждением, что его материальное положение не может улучшиться, пока власть находится в руках буржуазии. Первым ярким обнаружением этого нового, чисто классового самосознания пролетариата было восстание рабочих в Лионе в 1831 г. Вызванное падением заработной платы на почве общего кризиса в шелковой промышленности и нежеланием фабрикантов соблюдать установленный путем взаимного соглашения тариф заработной платы, восстание это отдало в руки рабочих на несколько дней весь Лион и было подавлено только при помощи значительной вооруженной силы. Оно послужило толчком к пробуждению рабочего движения по всей Ф. Старые подмастерские союзы—компаньонажи — с своими традициями ремесленного быта повсюду стали уступать место обществам взаимопомощи, которые брали на себя зачастую руководство стачечным движением и помогали добиваться увеличения заработной платы или уменьшения рабочего дня. Лионское восстание 1831 г. носило совершенно еще аполитический характер, но по мере развития рабочего движения в среду пролетариата все сильнее проникала идея политического переворота, и среди рабочих приобретала популярность пропаганда тайных республиканских организаций, как это обнаружилось уже в восстаниях 1834 г. в Лионе и Париже.

С средины 30-х гг., кроме того, быстрые успехи в среде рабочего класса на ряду с распространением республиканских идей стала делать пропаганда социализма. Две первые крупные социалистические доктрины—сенсимонизм и фурьеризм — сложились еще в эпоху реставрации, но только после июльской революции и обозначившегося антагонизма интересов буржуазии и рабочего класса начался настоящий расцвет французской социалистической литературы. Кроме дальнейшей пропаганды идей Сен-Симона и Фурье их последователями, одно за другим стали появляться сочинения Кабе, Луи Блана, Бюше, Леру, Прудона, ставивших во всей полноте социальный вопрос, объявлявших войну доктрине экономического индивидуализма и государственного невмешательства и предлагавших те или иные способы решения социальной проблемы, в основе которых лежали обобществление труда и ограничение или полное уничтожение принципа частной собственности. Наибольшей популярностью в рабочих массах пользовались идеал коммунистического общежития, изображенный в романе Кабе „Путешествие в Икарию“, и учение об организации труда и устройства общественных мастерских, изложенное Луи Бланом в его „Организации труда“. Социалистические тенденции быстро проникли и в республиканские организации и наиболее яркое выражение нашли себе в кружке революционеров, группировавшемся вокруг Бланки, где возродились традиции бабувизма и выдвинулась идея народного восстания не для провозглашения республики и всеобщего избирательного права, а для осуществления социального переворота путем революционной диктатуры. Демократическая пропаганда, воодушевляемая идеей народного блага, с каждым годом завоевывала все большие и большие круги французского общества. Она отражалась и в появлении в рядах католической церкви старавшегося примирить социализм с христианством демократического течения, самым видным представителем которого был Ламеннэ, и в проникновении демократических и социалистических идей в изящную литературу, где их выразителями явились Жорж Занд, Э. Сю и Ф. Пиа, и в оживлении интереса к истории Великой революции (труды Ламартина, Мишле, Луи Блана и др.),

сопровождавшемся идеализацией революционного якобинизма, и в создании вообще несколько неопределенного и туманного, но проникнутого горячим чувством интереса и сострадания к нуждам народных масс общественного настроения.

При таких условиях стремления французского общества все дальше расходились с стремлениями немногочисленного класса, которому принадлежала власть. Крупная финансовая и промышленная буржуазия, устранив от участия в политической жизни народные массы, скоро сумела согласовать свои интересы с интересами крупных землевладельцев на почве общей протекционистской политики и образовала вместе с ними компактную социальную группу, ревниво оберегавшую свое привилегированное положение. В политической жизни царил полный застой, и правящий класс заботился только об удовлетворении своих узко-материальных интересов. Официально во Ф. существовал парламентский порядок правления с свободой слова, с свободой трибуны, с правильной сменой министерств, согласно голосованию парламентского большинства. Но на практике король, вопреки принципам парламентаризма, оказывал сильнейшее давление на ход политики, подбирая себе послушных министров, а бессменно стоявшее с 1840 г. у власти министерство Гизо добивалось победы на выборах путем всевозможных, вплоть до подкупов, приемов давления на избирателей. Большинство в палате оно обеспечивало себе посредством раздачи депутатам денежных подачек в роде концессий и субсидий и предоставления им всяких административных должностей, что ставило депутатов-чиновников в полную зависимость от министерства. Ко второй половине 40-х гг. эта система организованного давления и подкупа достигла небывалых размеров, и ряд скандальных процессов, в которых были замешаны многие высокопоставленные лица, ярко обнаружил моральный упадок правящего класса.

Мелкая буржуазия, в первые годы после июльской революции бывшая одной из опор трона Июльской монархии, теперь быстро проникалась оппозиционным, а иногда и революционным настроением. Ее материальные интересы были затронуты ростом крупной промышленности, с которой она не могла конкурировать, а между тем правительство, поглощенное удовлетворением требований крупного капитала, не делало ничего, чтобы притти ей на помощь, и упорно отказывалось даже от организации для нее дешевого кредита. Неурожай 1846 г. и промышленный кризис 1847 г. еще более ухудшили положение низших классов общества и усилили их раздражение против правительства. К средине 40-х гг. признаки расслоения стали замечаться и в самом правящем классе. Против крайней протекционистской политики правительства и поддерживавшего его парламентского большинства началось движение в пользу свободы торговли, вдохновлявшееся примером соседней Англии и нашедшее сочувственный отклик не только в торговых кругах, которые были заинтересованы в расширении французского вывоза, но и в наиболее прогрессивной части промышленного класса. Политика Гизо, упорно нежелавшего считаться с требованиями нараставшего демократического движения, заставила династическую левую, во главе которой стоял Одилон Барро, с новой энергией поднять вопрос о понижении имущественного ценза, расширении избирательного права и устранении из палаты депутатов-чиновников, и на этот раз предложения династической левой нашли себе поддержку со стороны левого центра, глава которого, Тьер, с 1845 г. окончательно примкнул к оппозиции. Парламентская оппозиция выставила скромное требование понижения ценза до 100 фр. прямых налогов и распространения избирательных прав, кроме того, на представителей либеральных профессий (capacités), хотя бы они и не удовлетворяли условиям ценза. Но за парламентской оппозицией выдвигалась со своими требованиями республиканская партия, настаивавшая на уничтожении всякого ценза и провозглашении всеобщего избирательного права.

В палате депутатов, республиканская партия была представлена всего несколькими лицами (Ламартин, Ледрю-

Роллен, Гарнье-Пажес и др.), но зато она имела внушительное количество приверженцев за пределами „легальной страны“ (pays légal) из 241.000 избирателей. В ее среде можно было наметить два основных течения. Первое из них, более умеренное, видело в республике главным образом осуществление политического господства народа-суверена и, соглашаясь на ряд мер, которые должны были улучшить положение рабочих (признание свободы коалиций, реформа посреднических советов с введением в них представителей от рабочих и т. п.), оставалось на почве сохранения неприкосновенности существующих социальных и экономических отношений. Свою опору это течение находило преимущественно в рядах средней и особенно мелкой буржуазии, не удовлетворявшей условиям существовавшего ценза и стремившейся к активному участию в политической жизни для отстаивания своих интересов. Другое более радикальное течение, представители которого называли себя „социалистами-демократами“, шло под лозунгом „республики демократической и социальной“. Социалисты-демократы требовали энергичного вмешательства государства в экономические отношения и борьбы его с частным капиталом, введения прогрессивного налога, признания за рабочими „права на труд“ и обязанности государства обеспечить им этот труд. В их кругах, кроме того, пользовалась широкой популярностью идея организации труда и устройства производительных рабочих ассоциаций. К социалистам-демократам примыкали, не сливаясь с ними вполне, социалисты и коммунисты разных оттенков—фурьеристы, икарийцы, как назывались приверженцы Кабе, последователи Луи Блана и т. д. Несколько особняком стояли только Бланки и группа приверженцев революционной диктатуры. Главной опорой социалистов-демократов и социалистов был рабочий класс и примыкавшие к нему слои мелкой ремесленной буржуазии. Некоторая общность интересов этих двух общественных элементов особенно ощущалась в самом Париже, где еще мало была развита крупная промышленность, и преобладающим типом организации производства были мелкое ремесло и домашняя промышленность.

XVI. Вторая республика. Толчком к революции послужило движение в пользу избирательной реформы, начатое парламентской оппозицией (1847). Потерпев неудачу с своими предложениями в палате депутатов, представители оппозиции решили организовать давление на палату со стороны общества и для этой цели устроить ряд многолюдных банкетов, на которых должны были приниматься резолюции в пользу избирательной реформы. В агитации не замедлила принять участие республиканская партия, скоро придавшая всему движению революционный характер. На 22 февраля 1848 г. были назначены в Париже банкет и народная манифестация. Гизо запретил банкет, и вожди оппозиции согласились от него отказаться, но взволнованная народная масса тем не менее вышла на улицу и начала восстание. Людовик Филипп дал отставку Гизо и предложил образовать министерство представителям парламентской оппозиции с Тьером и Одилоном Барро во главе, но улицы Парижа уже были покрыты баррикадами, национальная гвардия отказывалась действовать против народа, а регулярная армия, находившаяся в Париже, была слишком малочисленна, чтобы рассчитывать на успех. Народные толпы взяли ратушу и овладели центральной частью Парижа, и 24 февраля Людовик-Филипп вынужден был отречься от престола в пользу своего внука, графа Парижского. Однако, раньше чем палата депутатов успела провозгласить графа Парижского королем, в нее ворвалась толпа инсургентов, которая образовала временное правительство из группы депутатов-республиканцев. Временное правительство отправилось в ратушу, где пополнило свой состав еще несколькими лицами, и под давлением народных масс провозгласило Ф. республикой.

Февральская революция передала, таким образом, власть в руки республиканской партии. Но после провозглашения республики победители скоро раскололись на две группы. Умеренные республиканцы, называвшиеся за

свою верность старому знамени „трехцветными республиканцами", считали свою задачу завершенной самым фактом учреждения демократической республики и не склонны были выступать на путь сколько-нибудь серьезных социальных реформ. Социалисты-демократы и республиканцы, принявшие девиз „республики демократической и социальной", наоборот, видели в провозглашении республики лишь первый шаг к социальному перевороту и настаивали на необходимости немедленного осуществления соответственной программы социальных преобразований. Своим официальным символом они выбрали красное знамя, почему и получили название „красных республиканцев". В составе временного правительства, в которое входило всего 11 человек, большинство (Дюпон, Араго, Ламартин, Мари, Кремье, Гарнье-Пажес и Марраст) примыкало к программе трехцветных республиканцев. В составе меньшинства 2 лица (Ледрю-Ролен и Флокон) принадлежали к группе социалистов-демократов и только 2 лица (Луи Блан и рабочий Альбер) были действительными социалистами. Но слабость положения „красных республиканцев" во временном правительстве компенсировалась их популярностью в рабочих массах Парижа, в руках которых сосредоточилась вся сила после удаления из Парижа вслед за торжеством революции регулярных войск, и которые для давления на правительство прибегали к организованным многолюдным демонстрациям (25 и 28 февраля, 17 марта, 16 апреля).

Правительство рассматривало свою миссию, как временную, и откладывало решение всех сколько-нибудь важных вопросов до созыва Учредительного Собрания, которое должно было быть избрано путем всеобщего голосования. Но под давлением красных республиканцев, ведших свою пропаганду при помощи прессы, организовавших в Париже громадное число политических клубов и опиравшихся преимущественно на парижский пролетариат, оно принуждено было торжественно признать „право на труд". Кроме того, оно организовало под руководством Луи Блана и Альбера из делегатов от рабочих особую комиссию (она получила название люксембургской по месту своих заседаний в Люксембургском дворце) для выработки плана социальных преобразований, который должен был быть представлен будущему учредительному собранию, и ограничило рабочий день 11 часами в Париже и 12 часами в провинции. Усиливавшееся с каждой новой демонстрацией влияние красных республиканцев вызвало реакцию в зажиточных классах населения, и в среде крупных землевладельцев и крупной финансовой, промышленной и торговой буржуазии стала формироваться „партия порядка", которая выбрала своим девизом охрану „религии, семьи и собственности", и душой которой скоро сделался Тьер. Большинство временного правительства вместе с трехцветными республиканцами также было напугано успехами „красных" и, в противовес влиянию Луи Блана и люксембургской комиссии, Бланки и революционных клубов, сделало попытку организовать рабочую массу в своих интересах. С этой целью в Париже для безработных были созданы устроенные на военный лад „национальные мастерские", которым было поручено производство в разных кварталах Парижа земляных работ, и в которые мог записываться всякий искавший работу рабочий. Кроме того, сверх существовавшей постоянной национальной гвардии для охраны порядка правительство организовало из молодежи и деклассированных рабочих особую „подвижную" гвардию (garde mobile) и воспользовалось первым удобным случаем для того, чтобы начать возвращение в Париж регулярной армии.

Выборы в Учредительное Собрание проходили в обстановке шумной и страстной агитации, которую вели все существовавшие партии. Решающий голос принадлежал крестьянству, которое составляло громадное большинство населения Ф. и впервые после Великой революции призывалось теперь к активному участию в политической жизни. Между тем крестьянство не только было напугано слухами о том, что социалисты, или, как их называли в деревнях, „делители" (les partageux),

хотят уничтожить частную собственность на землю, но и не имело основания симпатизировать республике, так как временное правительство, чтобы выйти из финансового кризиса, разразившегося вслед за революцией, увеличило прямые налоги на 45%. Резко отшатнулась от красных республиканцев теперь и мелкая буржуазия, как это обнаружил исход выборов в самом Париже, где умеренные члены временного правительства с Ламартином во главе избраны были подавляющим большинством, Луи Блан прошел с трудом одним из последних по списку, а Бланки и другие вожди революционных клубов оказались вовсе забаллотированными. В результате выборов в меньшинстве оказались и красные республиканцы и монархисты, и большинство в Учредительном Собрании досталось на долю трехцветных республиканцев.

Учредительное Собрание, открывшее свою деятельность 4 мая 1848 г., готово было пойти на некоторые частичные уступки интересам рабочего пролетариата, как это показали впоследствии его законы о допущении в посреднические советы представителей рабочих в равном числе с представителями фабрикантов, о 12-часовом рабочем дне, об устройстве рабочих производительных ассоциаций, для которых был ассигнован кредит в 3 млн. Но по отношению к идее коренного переустройства социальных отношений, популярной в рядах красных республиканцев, Учредительное Собрание было настроено непримиримо. Приняв отставку временного правительства, оно впредь до выработки новой конституции поручило исполнительную власть исполнительной комиссии из 5 человек (Араго, Мари, Гарнье-Пажес, Ламартин и Ледрю-Роллен). Враждебное отношение собрания к социализму и устранение из состава нового правительства Луи Блана и Альбера вызвали сильное раздражение в рядах красных республиканцев и революционных клубов и заставили наиболее крайние элементы притти к мысли о разгоне Учредительного Собрания и о захвате в свои руки революционной диктатуры. 15 мая, во время демонстрации, устроенной под предлогом выражения сочувствия Польше, толпа демонстрантов ворвалась в помещение Учредительного Собрания. Собрание было объявлено распущенным от имени народа, а затем в ратуше провозглашено временное правительство с Бланки, Барбесом и Альбером во главе. Но исполнительная комиссия при помощи национальной гвардии в тот же день заняла ратушу, вожди восстания были арестованы, революционные клубы закрыты, люксембургская комиссия вынуждена прекратить свое существование, и революционная вспышка оказалась подавленной в самом начале. Все внимание Учредительного Собрания сосредоточилось теперь на национальных мастерских. Вследствие продолжавшейся безработицы число рабочих в них быстро увеличивалось и к средине мая превышало уже 100.000 чел. Работы, которая вообще была поставлена крайне неумело, на всех давно не хватало, и рабочие действительно работали только два дня в неделю за 2 фр. в день, а в остальные дни получали вспомоществование по 1 фр. в день. Расходы на содержание национальных мастерских все возрастали, а между тем записанные в них рабочие не только не обращались, как надеялась палата, в организованную силу в руках правительства, а наоборот, проникались резким оппозиционным настроением и подпадали влиянию красных республиканцев и социалистов, представляя, таким образом, грозную опасность для правительства. Учредительное Собрание стало поэтому стремиться к их скорейшему уничтожению, и под его давлением исполнительная комиссия начала всякими способами сокращать число рабочих в национальных мастерских и сосредоточивать в Париже значительные военные силы, команда над которыми была поручена генералу Кавеньяку. Все это усиливало недовольство и раздражение среди рабочих, и постановление о насильственной записи в солдаты всех холостых рабочих послужило сигналом к восстанию. Восстание продолжалось 4 дня (23—26 июня) и было подавлено генералом Кавеньяком только после долгой и кровопролитной борьбы. Исполнитель-

ная комиссия подала в отставку, во главе государства был поставлен с особыми полномочиями Кавеньяк, национальные мастерские уничтожены, участники восстания подвергнуты самой суровой расправе, оппозиционные клубы и газеты закрыты, а особая следственная комиссия осудила, кроме того, ряд крупных деятелей социалистической партии (в том числе Луи Блана) и принудила их эмигрировать.

Июньские дни нанесли революции и республике смертельный удар. Пролетариату и социалистам уже не суждено было оправиться от понесенного поражения, а в среде буржуазии, до последней степени испуганной „красным призраком" социализма, началась сильнейшая реакция, клонившаяся к возрождению монархии. На этой почве быстрые успехи начала делать бонапартистская партия, глава которой, принц Людовик-Наполеон Бонапарт, после февральской революции вернулся во Ф. и был избран членом Учредительного Собрания. Реакционное настроение отразилось и на республиканской конституции 1848 г., выработанной Учредительным Собранием. Из перечисления индивидуальных прав человека, гарантировавшихся конституцией, было исключено право на труд, законодательная власть была передана единому Законодательному Собранию, а в целях усиления исполнительной власти и снабжения ее достаточным авторитетом для борьбы с духом революции вся полнота власти была сосредоточена в руках одного лица — президента республики, избираемого на 4 года непосредственным голосованием народа. Выборы президента происходили 10 декабря. Кандидат красных республиканцев и социалистов, Ледрю-Роллен, получил 370 тыс. голосов, кандидат республиканской буржуазии, Кавеньяк, — 1.469 тыс., подавляющее же большинство (свыше $5^1/_2$ млн. голосов) выпало на долю Людовика-Наполеона Бонапарта. За него голосовало все крестьянство, видевшее в имени Наполеона гарантию неприкосновенности крестьянской земельной собственности, вся армия, своими военными традициями связанная с фамилией Бонапартов, часть рабочих, ненавидевших Кавеньяка за июньские дни, духовенство, искавшее в нем поддержки для католической церкви, наконец значительная часть „партии порядка", предпочитавшая республиканскому кандидату монархического.

Избрание в президенты республики монархического претендента, уже дважды делавшего раньше попытки провозгласить себя императором, составляло прямую угрозу существованию республики. Чтобы отплатить духовенству за оказанную ему на выборах поддержку, Людовик-Наполеон отправил экспедицию в Италию для восстановления светской власти папы, уничтоженной римскими республиканцами, и на этой почве вступил в конфликт с Учредительным Собранием. Но Учредительное Собрание скоро закончило свою деятельность, а выборы в новое Законодательное Собрание совершенно изменили партийные отношения. Умеренные республиканцы потерпели полное поражение и были сведены в новом Собрании к незначительному меньшинству. Большинство перешло в руки монархистов разных оттенков, не скрывавших своей вражды к республике и демократии. Кроме того, значительно увеличилось число красных республиканцев и социалистов, объединившихся в одну общую группу „монтаньяров" под руководством Ледрю-Роллена. Монархическое большинство одобрило политику президента в римском вопросе. Монтаньяры тогда сделали попытку поднять восстание (13 июня 1849 г.), но начавшееся революционное движение было немедленно подавлено самыми решительными мерами, и Законодательное Собрание получило еще больший простор для проведения реакционной политики. Представляя преимущественно интересы зажиточных классов и опираясь на начавшееся в промышленности после долгого кризиса оживление, оно категорически отклонило все предложения, клонившиеся к изменению тарифов в фритредерском направлении, и сохранило неприкосновенной систему аграрного и промышленного протекционизма. Запрещение всяких коалиций среди рабочих было подтверждено новым законом, а пересмотр законодательства о рабочих ограничился самыми незна-

чительными улучшениями. Одновременно были усилены репрессивные меры против революционных ассоциаций и печати, издан специальный закон о народном образовании („закон Фаллу"), передавший руководство им в руки католического духовенства, и подвергнут пересмотру, под впечатлением успеха монтаньяров на дополнительных выборах 1850 г. в Париже, закон о всеобщем избирательном праве. В пользование им был введен ряд ограничений в виде требования для избирателей постоянного жительства в соответственном округе не менее трех лет и лишения права голоса лиц, осужденных по политическим преступлениям (закон 31 мая 1850 г.). Применение этих ограничений должно было устранить от выборов около $^1/_3$ всех избирателей (3 млн. из 9 млн. слишком), преимущественно из среды фабричного пролетариата и сельских рабочих, и было равносильно вообще фактической отмене всеобщего избирательного права.

Монархическое большинство Законодательного Собрания не скрывало своего стремления восстановить монархию, но оно делилось между легитимистами и орлеанистами, никак не могшими сговориться об общем кандидате на престол, и это приводило к возрастанию влияния третьей монархической партии, бонапартистов, имевшей своего кандидата в лице принца-президента. Людовик-Наполеон не препятствовал реакционной политике Законодательного Собрания, компрометировавшей Собрание в демократических слоях населения, и даже сам способствовал усилению реакционного настроения в рядах буржуазии, пугая ее „красным призраком" и пользуясь для этого начавшимся в республиканско-социалистических кругах оживлением в связи с предстоявшими в 1852 г. законодательными и президентскими выборами. Главные свои заботы он сосредоточивал на укреплении своей власти, для чего заполнял все административные и военные должности своими приверженцами и особенно старался обеспечить за собой симпатии и преданность со стороны солдат. Так как конституция запрещала избрание президента на новый срок, то сначала он сделал попытку сохранить за собой власть законным способом и предложил изменить соответственные статьи конституции. Законодательное Собрание отклонило пересмотр. Людовик-Наполеон выступил в роли защитника демократических принципов и сделал предложение отменить закон 1850 г. и восстановить всеобщее избирательное право. Законодательное Собрание опять ответило отказом, и тогда 2 декабря 1851 г. президент произвел государственный переворот. Наиболее видные представители оппозиции были арестованы, Законодательное Собрание распущено, всеобщее избирательное право объявлено восстановленным, а попытки сопротивления, оказанные в Париже и в ряде департаментов, подавлены с беспощадной суровостью. Народ был приглашен в форме плебисцита высказать свое отношение к совершившемуся перевороту. Плебисцит дал $7^1/_2$ млн. голосов в пользу переворота и всего 640 тыс. против, и принц-президент, облеченный диктаторскими полномочиями, издал новую конституцию 1852 г., которая была составлена по образцу наполеоновской конституции VIII года. Эта конституция передавала законодательную власть Законодательному Корпусу, избираемому всеобщим голосованием, и пожизненному Сенату, но обставляла деятельность законодательных учреждений такими ограничениями, что фактически принц-президент, полномочия которого были продлены на 10 лет, делался неограниченным властителем Ф. Немедленно была организована агитация в пользу восстановления империи, и в силу нового плебисцита, давшего 7.824 тыс. голосов против 250 тыс., принц-президент сделался императором французов под именем Наполеона III (2 декабря 1852 г.).

XVII. Вторая Империя. Установление Второй Империи было результатом социальной реакции, охватившей зажиточные классы общества, и равнодушия рабочего пролетариата к существованию республики, которая сделалась „республикой богатых". Конституция 1852 г. обеспечила Наполеону III полноту власти. Печать была поставлена в самые стеснительные условия

установлением для газет необходимости правительственного разрешения и особой системы административных предостережений. Полиция снова сделалась всемогущей, всякого рода политические собрания и союзы воспрещались, а послушность Законодательного Корпуса, права которого и без того были крайне ограничены, гарантировалась путем выставления правительством официальных кандидатур, вследствие чего до выборов 1857 г. в его составе вовсе не было оппозиции, а в 1857—1863 гг. оппозиционных депутатов было всего 5. Фактически, таким образом, во Ф. снова установился абсолютизм, и Наполеон III с своими ближайшими сотрудниками (Морни, Руэр, Персиньи, Валевский и др.) получил полный простор для осуществления своих планов. Сам он был до некоторой степени затронут социалистическим и демократическим движением 40-х гг. и носился с туманными проектами социальных преобразований, но на практике вся его внутренняя политика должна была руководиться заботой о сохранении власти и в зависимости от этого в первую очередь стремиться к удовлетворению интересов наиболее важных или наиболее опасных с этой точки зрения общественных классов. В благодарность за поддержку, оказанную в деле государственного переворота, особенными милостями осыпало правительство католическое духовенство, поощряя религиозные миссии и конгрегации, увеличивая содержание епископов, очищая ведомство народного просвещения от неблагонадежных элементов и проводя полное торжество клерикального духа на всех ступенях народного образования.

Крупная буржуазия была одной из главных опор монархической оппозиции в Законодательном Собрании 1849—1851 гг. Чтобы примирить ее с потерей политической свободы и парламентской трибуны, правительство поспешило развить самую широкую экономическую политику, которая должна была целиком удовлетворить ее материальные интересы. Ближайшее влияние на политику правительства в этом направлении оказывала группа бывших сен-симонистов (экономист М. Шевалье, бр. Перейры и др.), проникнутых преклонением пред духом „индустриализма". Для развития кредитных операций были созданы два крупных учреждения—общество земельного кредита и общество движимого кредита. Энергично поощрялось железнодорожное строительство, для чего ряд мелких железнодорожных компаний был объединен в 6 больших предприятий, и протяжение эксплоатировавшейся железнодорожной сети за время с 1851—1870 г. увеличилось почти в 5 раз (с 3.685 килом. до 17.924 килом.). Под руководством префекта деп. Сены, Османна (Hausmann), была предпринята грандиозная перестройка Парижа, в котором был проведен целый ряд новых широких улиц, бульваров и аллей, сооружены новые роскошные кварталы, выстроено большое количество новых домов. Примеру Парижа стали немедленно подражать другие большие города (Марсель, Бордо и пр.), тоже предпринявшие обширные строительные работы.

Рост крупной фабрично-заводской промышленности, обозначившийся уже в эпоху Июльской монархии, теперь пошел вперед особенно быстрым темпом, опережая своей интенсивностью даже рост английской промышленности в эти годы. Количество паровых лошадиных сил, применяемых в качестве двигателей, за время Второй Империи увеличилось более, чем в 4 раза, добывание каменного угля, производство чугуна, железа и стали—в 3 раза, производство сахара—в 4 раза, ввоз хлопка и шерсти для переработки—в 2 раза и т. д. Сильно поднялась также выделка всевозможных предметов роскоши вследствие того, что Наполеон III восстановил пышную придворную жизнь, напоминавшую времена Людовика XIV и Наполеона I. В организации промышленности продолжал дальше развиваться процесс концентрации производства и наблюдаться рост крупных предприятий за счет мелких. Так, из общей суммы в 12 миллиардов, в которую оценивались приблизительно в 1865 г. продукты всего французского производства, на долю крупной промышленности приходилось уже 6 миллиардов, и из общего числа занятого в промышленности населения в 3 миллиона на

*

долю крупной промышленности насчитывалось 1.300.000 человек. Процесс концентрации производства приводил также к быстрому росту городского населения за счет сельского. При низком росте населения вообще (с $35^1/_2$ млн. в 1846 г. оно поднялось к 1866 г. только до $37^1/_2$ млн.), прирост его приходился теперь исключительно на города, и если в 1851 г. городское население составляло около $^1/_4$ всего населения Ф., то к концу Второй Империи пропорция его поднялась до $^3/_7$. Яркой иллюстрацией промышленного расцвета Ф. в 50-х и 60-х гг. были две всемирные выставки, устроенные в Париже в 1855 и 1867 гг. Успехам промышленности соответствовал и интенсивный рост внешней торговли Ф., общие обороты которой за этот период времени более, чем утроились (с 2.615 млн. в 1851 г. они поднялись в 1869 г. до 8.003 млн.).

Наполеон III унаследовал от предшествовавших правительств политику аграрного и промышленного протекционизма. Сочувствуя сам фритредерским идеям, он уже в первый период своего правления пытался вступить на путь свободы торговли, но встретил такое энергичное сопротивление своим замыслам, что принужден был ограничиться частичным понижением пошлин на железо и текстильные фабрикаты. К концу 60-х гг. французская промышленность достигла таких несомненных успехов, что он решился на своего рода государственный переворот в торговой политике и, воспользовавшись предоставленными ему конституцией полномочиями, без ведома законодательных палат заключил с Англией в 1860 г. торговый договор, который понижал до 25% ad valorem пошлины на ввоз английских товаров во Ф. и вовсе освобождал от пошлин большую часть ввозимых в Англию французских товаров. Вслед за тем правительство уничтожило систему подвижной скалы хлебных пошлин и заменило ее незначительным налогом на привозимый из-за границы хлеб (1861), а потом заключило ряд торговых договоров, основанных на принципе взаимного понижения таможенных пошлин—с Бельгией (1861), Испанией (1862), Италией (1863), Швейцарией (1864), Германским таможенным союзом, Голландией и Швецией (1865), Австрией и Португалией (1866). Вопреки мрачным предсказаниям сторонников протекционизма, ссылавшихся на пример гибельного влияния торгового договора с Англией в 1786 г., на этот раз английская конкуренция не нанесла французской промышленности сколько-нибудь серьезного удара, и если часть промышленных предприятий (особенно средней величины) оказалась не в состоянии приноровиться к новым условиям сбыта, то в общем дальнейший рост французской промышленности успешно продолжался, и влияние политики торговых договоров сказалось только в том, что значительно увеличился вывоз из Ф. вин и продуктов сельского хозяйства.

Те же мотивы, которые определили характер внутренней политики Наполеона III, оказали сильнейшее влияние и на направление его внешней политики. В 1853 г., чтобы успокоить опасения торгового класса, он публично провозгласил, что „империя, это—мир", но уже с 1859 г. вступил на путь военных традиций Первой Империи, начав активную политику, которая должна была смыть с Ф. „позор трактатов 1814 и 1815 гг." и вернуть ей преобладание в Европе. Вмешавшись в восточный вопрос под предлогом покровительства католическим монахам в Палестине, он, в союзе с Англией, взял под свою защиту Турцию в ее конфликте с Россией и принял участие в Крымской войне (1853—1856), завершившейся падением Севастополя и Парижским миром, который нейтрализовал Черное море и освободил Турцию от опеки со стороны России. Парижский трактат был верхом торжества Наполеона III, к которому перешла теперь роль верховного арбитра во всех международных вопросах. Составив после этого план преобразования карты Европы на основах национального принципа, Наполеон III заключил в 1858 г. союз с Сардинией и помог ей одержать в 1859 г. победу над Австрией, результатом чего было присоединение к Ф. Савойи и Ниццы (1860) и слияние отдельных итальянских государств в единое королевство Италию (1861). Сблизившись после Крымской войны с Россией, он достиг преобладаю-

щего влияния на дела Балканского полуострова и Турецкой империи, и в 1860 г. в защиту христианского населения Сирии, подвергшегося погрому со стороны местных мусульман, предпринимал в Сирию специальную военную экспедицию. Одновременно вместе с Англией он участвовал в войне против Китая и добился в силу договора в Пекине (1860) охраны прав христианских миссионеров в Китае и открытия китайских портов для европейской торговли. Он заботился также об увеличении французских колоний, присоединил к Ф. Новую Каледонию (1853), значительно расширил французские владения в Сенегамбии (1862) и завоевал в Индо-Китае Камбоджу (1867). В 1862 г. для того, чтобы добиться удовлетворения претензий французских кредиторов в Мексике, он воспользовался временным ослаблением Соединенных Штатов, бывшим результатом междоусобной войны между севером и югом, и предпринял в Мексику военную экспедицию, которая превратила мексиканскую республику в империю и поставила Мексику в полную зависимость от Ф. Такая активная внешняя политика, приводившая к расширению непосредственных владений Ф. и к усилению ее значения в Европе и за ее пределами, обеспечивала для французской промышленности новые рынки для сбыта и благоприятствовала росту французской торговли. Вместе с тем французские капиталисты получали широкую возможность выгодно помещать свои капиталы в экономически отсталых странах в форме подписки на выпускаемые ими государственные займы или финансирования сооружаемых ими железных дорог и других общественных предприятий. Особенно много французских капиталов было помещено в эти годы в Турции и на Балканском полуострове, в Испании, Италии и Австрии.

50-е годы были для Ф. временем непрерывных успехов, и могущество Наполеона III достигло после Крымской войны своего апогея, но в 60-х гг., несмотря на продолжавшийся рост материального благосостояния Ф., правительственная политика стала встречать оппозицию. Абсолютистический режим, установившийся после переворота 1851 г., оставался неизменным до конца 50-х гг., и система полицейского произвола в 1858 г., после одного из покушений на жизнь Наполеона III, даже была усилена в силу особого „закона об общественной безопасности". Но война с Австрией из-за Италии, результатом которой было неожиданное для Наполеона III объединение Италии и лишение папы большей части его светских владений, при чем Наполеону III лишь с трудом удалось спасти для папы самый Рим с его округом, вызвала раздражение в рядах французского духовенства и заставила клерикальную партию перейти в оппозицию. Наполеон III принужден был поэтому искать себе опоры в рядах умеренных либералов и с этой целью опубликовал амнистию за политические преступления, согласился на некоторое расширение прав Законодательного Корпуса, особенно в области бюджета, и принял ряд мер для освобождения народного образования от влияния духовенства. Расширение прав законодательных учреждений немедленно привело к появлению в их среде оппозиции, первый пример которой показали протекционисты, нападавшие на договор 1860 г. с Англией и фритредерскую политику. С другой стороны, во внешней политике, которая до сих пор сулила такие блестящие перспективы французской финансовой, торговой и промышленной буржуазии, правительство Наполеона III стало терпеть неудачи, умалявшие политическое значение Ф. В 1863 г. своим вмешательством в польский вопрос, на котором настаивали демократические круги общества, он не сумел спасти независимость Польши и вместе с тем безнадежно испортил свои отношения к России, толкнувши ее в сторону Пруссии. В 1864 г. он беспрепятственно позволил Пруссии и Австрии разгромить Данию и отнять у нее ее немецкие земли, а в 1866 г., удовлетворившись неопределенными обещаниями Бисмарка по поводу расширения французской границы на левом берегу Рейна, оказался пассивным зрителем во время австро-прусской войны, приведшей к поражению Австрии, исключению ее из состава

германского союза и объединению северных немецких государств под гегемонией Пруссии. А попытка, сделанная им после этого, добиться от усилившейся Пруссии компенсации за французский нейтралитет (сначала в виде части немецких земель на левом берегу Рейна, а затем в виде Люксембурга) едва не привела к войне и кончилась дипломатическим поражением Ф. (1867). Торжество северных штатов над южными в Северной Америке резко изменило положение в Мексике к невыгоде Ф. Под давлением Соединенных Штатов французские войска должны были ее эвакуировать, и мексиканская империя была уничтожена местными республиканцами (1867).

Ряд таких крупных неудач во внешней политике не только приостановил рост политического и экономического влияния Ф., но и заставил ее потерять некоторые раньше занятые позиции, как, напр., в Италии, где упорное сопротивление Ф. присоединению Рима склоняло итальянское правительство и общество к сближению с Пруссией. Между тем активная внешняя политика обходилась Ф. очень дорого, и государственный долг ее быстро увеличивался (с 5 миллиардов он вырос к концу Второй Империи до 12 миллиардов), что не могло не внушать опасений за финансовое будущее страны. Все это в совокупности привело к быстрому возрождению в рядах крупной и мелкой буржуазии либеральных и республиканских стремлений, ставивших своей ближайшей задачей ограничение власти императора и завоевание политической свободы. Уже на выборах 1863 г., несмотря на систему официальных кандидатур и административное давление, соединенным силам оппозиции удалось провести 35 своих депутатов, среди которых встречались и приверженцы парламентской монархии (Тьер) и сторонники демократической республики (Ж. Фавр, Пикар, Ж. Симон и др.).

Еще более опасным для существования Второй Империи, чем оппозиция среди буржуазии, был рост оппозиционного настроения в среде рабочего класса. Увеличение числа крупных предприятий и концентрация производства усилили в его рядах рост и значение фабричного пролетариата. Правда, удар, нанесенный в 1848 г. социализму и рабочему движению, на долгие годы убил в рабочей среде политическую активность, а начавшийся с 1850 г. период подъема и оживления в промышленности способствовал некоторому увеличению заработной платы и улучшению материального благосостояния рабочих. Правительство Наполеона III в противоположность правительству Людовика - Филиппа охотно подчеркивало свое демократическое происхождение и свой интерес к нуждам низших классов населения. Широкой организацией общественных работ и энергичной поддержкой промышленности оно обеспечило рабочим заработок, улучшило в их интересах организацию посреднических советов и смягчило правила относительно рабочих книжек, дало значительную субсидию пенсионной кассе, которая должна была обеспечивать существование рабочих инвалидов и стариков, всячески поощряло, наконец, учреждение рабочих обществ взаимопомощи, принимая в то же время меры, чтобы председатели их назначались правительством, и чтобы вся деятельность этих обществ находилась под полицейским надзором. Политической апатии рабочего класса способствовало и то, что из всех социалистических учений в 50-х гг. наибольшей популярностью в рабочих кругах пользовалась мутуалистическая доктрина Прудона с ее пропагандой кооперативных товариществ и дешевого кредита и полным равнодушием к политической борьбе.

Но с начала 60-х гг. настроение рабочего класса начало изменяться. Вздорожание жизни прогрессировало гораздо быстрее роста заработной платы, и материальное положение рабочих стало ухудшаться, приводя к росту оппозиционного настроения в среде рабочих ассоциаций. Правительство сделало новую попытку пойти навстречу стремлениям рабочих и согласилось на поездку рабочих делегатов на всемирную выставку в Лондон (1862). Результатом этой поездки было установление постоянных связей французских рабочих союзов с английскими

трэд-юнионами и основание в 1864 г. международного общества рабочих (Интернационала), секции которого начали организационную работу среди французских рабочих (см. *социализм*, XL, 491). В качестве своих основных требований рабочий класс выдвигал теперь отмену законов против коалиций, свободу рабочих союзов, организацию примирительных рабочих палат и установление 10-часового рабочего дня. В связи с этим в нем снова проснулся интерес к политической жизни, и на дополнительных выборах 1864 г. в Париже группа избирателей - рабочих выступила с особым „манифестом 60-ти", в котором излагала свои требования, объединенные под общим девизом „свободы труда", и настаивала на создании особого рабочего представительства в Законодательном Корпусе. Правительство сначала продолжало относиться и к этим проявлениям рабочего движения с терпимостью и в 1864 г. сделало даже рабочим новую крупную уступку, проведя отмену статей уголовного кодекса, каравших за участие в стачках, и признавши, таким образом, свободу коалиций. Но результатом этого было быстрое усиление забастовочного движения, при чем в настроении бастовавших рабочих все чаще начали обнаруживаться чисто революционные симптомы, и напуганное правительство опять вступило на путь репрессий, начав с разгрома парижской секции Интернационала (1867).

Ряд неудач в области внешней политики в 1866—1867 гг., впрочем, настолько ослабил авторитет правительства и усилил оппозиционное движение в стране, что репрессивная политика не могла долго продолжаться, и дальнейшие уступки со стороны власти оказались неизбежны. Правительство поэтому согласилось на дальнейшее расширение прав Законодательного Корпуса (ему было предоставлено право интерпелляции и обсуждения общих вопросов политики) и предоставило свободу печати и собраниям. Эпохе демократического цезаризма наступил конец, и начался непродолжительный период „либеральной империи" (1867—1870). Свобода печати и собраний дала возможность республиканской партии, выдвинувшей ряд новых деятелей (Гамбетта, Ж. Ферри, Рошфор и др.), еще шире развернуть свою агитацию и таким образом способствовали дальнейшему революционизированию рабочего класса, в среде которого все больший успех начинали приобретать теперь якобинское и бланкистское течения. С другой стороны, либеральные уступки правительства поколебали твердыню бонапартистской партии и привели к образованию в ее составе значительной группы либеральных бонапартистов („третья партия"), душой которой сделался бывший республиканец, перешедший на сторону Империи, Э. Оливье. Тогда Наполеон III сделал новую уступку, окончательно отказался от услуг старых своих сотрудников в роде Руэра и образовал чисто парламентский кабинет с Оливье во главе (1870). Происшедшая вслед за тем в Париже грандиозная демонстрация на похоронах журналиста Нуара, убитого двоюродным братом Наполеона III, Пьером Бонапартом, показала, что все либеральные уступки ничуть не ослабили оппозиции, и демонстрация едва не привела к революции. Правительство для того, чтобы укрепить свое положение, решило обратиться непосредственно к народному голосованию и предложило народу высказаться путем плебисцита, одобряет ли он все произведенные в конституции 1852 г. либеральные изменения. Плебисцит, однако, снова обнаружил угрожающий для правительства рост оппозиционного настроения. Правда, большинство голосов (7.358.786) опять было в пользу правительства, но на ряду с этим значительно увеличилось сравнительно с прежними плебисцитами число отрицательных вотумов (1.571.939), и поражало громадное количество воздержавшихся от голосования (1.894.681), что было, несомненно, откликом на призыв республиканской партии не участвовать в голосовании, чтобы не способствовать утверждению Империи.

Разочарованному в итогах плебисцита правительству оставался единственный выход—искать укрепления своей власти в удачной войне и прежде всего в войне с Пруссией, которая с 1866 г. сделалась главной соперницей Ф., и успешная война с которой могла

дать Ф. присоединение Бельгии и левого берега Рейна. Поводом к войне послужил спор из-за кандидатуры на испанский престол, который сделался вакантным после испанской революции 1868 г., лишившей власти королеву Изабеллу II. Избрание дальнего родственника прусского королевского дома, принца Леопольда Гогенцоллерна, вызвало протест со стороны французского правительства, усматривавшего в этом распространении прусского влияния на Испанию „восстановление империи Карла V". Принц отказался от престола, но прусское правительство не согласилось дать Ф. гарантию, что оно и впредь не допустит его возведения на испанский престол, и это послужило предлогом для объявления Пруссии войны со стороны Ф. (19 июля 1870 г.).

Ф. оказалась чрезвычайно мало подготовленной к этой войне. Намеченная в 1867 г. полная реорганизация армии только началась, армия плохо была снабжена всем необходимым, и предпринятая мобилизация дала вместо ожидавшихся 400 тыс. всего 220 тыс. человек. В высшей степени неблагоприятно было и международное положение Ф. Надежды на южно-германские государства оказались тщетными, и они не замедлили стать на сторону Пруссии, чем дали ей возможность сразу двинуть на театр военных действий 460 тыс. человек. Усиленные переговоры с Австрией тоже не увенчались успехом, так как Австрия ставила условием союза присоединение к нему Италии, а купить участие Италии можно было только согласием на занятие ею Рима, на что не могло решиться правительство Наполеона III, боявшееся окончательно порвать с клерикальной партией во Ф. С Россией отношения были испорчены с 1863 г., а Англия была возмущена французскими планами захвата Бельгии. При таких условиях приходилось вместо предполагавшихся наступательных операций вести чисто оборонительную войну. Немецкие армии вторглись в пределы Ф. и после ряда кровопролитных боев (14—18 авг.) принудили главную французскую армию под начальством Базена запереться в Мецe. Пошедшая на выручку Базена армия Мак-Магона, при которой находился и Наполеон III, была окружена немцами при Седане и вынуждена (2 сент.) капитулировать вместе с самим императором (см. *франко-прусская война*). Известие о капитуляции армии и плене императора вызвало революцию в Париже. В помещение Законодательного Корпуса, обсуждавшего положение дел, ворвалась толпа народа и принудила депутатов прекратить заседание, а вслед за тем в ратуше была провозглашена республика, и власть была поручена, под председательством генерала Трошю, временному правительству, которое приняло название „Правительства национальной обороны", и главную роль в составе которого стали играть депутаты Гамбетта и Ж. Фавр (4 сентября 1870 г.).

Попытка „правительства национальной обороны" начать с немцами переговоры о мире не привела к успеху, так как Бисмарк потребовал уступки Германии Эльзаса и части Лотарингии, а правительство не допускало мысли о территориальных потерях. Немцы начали осаду Парижа (19 сент.) и принудили к капитуляции последнюю французскую регулярную армию в Мецe (27 октября). Гамбетта старался при помощи „народного ополчения" (levée en masse) воссоздать военные силы Ф. и организовал для продолжения борьбы с немцами четыре новых армии общей численностью до 600 тыс. чел., но это только затянуло борьбу, не оказав влияния на ее конечный исход. Военные успехи дали возможность Пруссии завершить объединение Германии под своей гегемонией (18 января 1871 г.), а вслед за тем принужден был капитулировать Париж (28 янв.), и к началу февраля немцы были полными победителями на всем протяжении военных действий, так что дальнейшее сопротивление французов сделалось совершенно невозможным. Тогда с согласия немецкого командования были 8 февраля произведены выборы в Национальное Собрание, которое открыло свою деятельность в Бордо 12 февраля и избрало „главой исполнительной власти" Тьера. В результате переговоров Тьера с Бисмарком 26 февраля был подписан прели-

минарный мирный договор, по которому Ф. уступала Германии Эльзас (без крепости Бельфор) и немецкую часть Лотарингии (площадь в 14½ тыс. кв. клм. с населением в 1.580.000 чел.) и обязывалась уплатить 5 миллиардов франков военной контрибуции. Условия эти были подтверждены впоследствии окончательным мирным договором, подписанным 20 мая 1871 г. в Франкфурте на Майне. *В. Бутенко.*

XVIII. Коммуна[1]). Новое правительство—республиканское по названию, но монархическое по своей сущности, унаследовало от прежнего правительства „боязнь народа". Оно с первых же дней своего существования было озабочено, главным образом, тем, чтобы революционное движение в Париже не приняло широких размеров (Жюль Фавр в своем письме к Гамбетте писал, что нужно защищаться „не столько от прусских солдат, сколько от парижских рабочих"). В половине сентября немцы обложили Париж.

Парижские рабочие, убедившись на многих фактах, что военный министр Трошю создает „лишь видимость обороны" Парижа, решили образовать особые районные наблюдательные комитеты, которые должны были наблюдать за всеми действиями правительства. Делегаты от всех 20 районов Парижа образовали Центральный наблюдательный комитет. Этот комитет рабочих делегатов на одном из своих первых заседаний выработал „предложение правительству", которое и было расклеено на улицах Парижа. Комитет требовал произвести немедленно учет и реквизицию продуктов питания и предметов первой необходимости, имевшихся у парижских торговцев, а затем предлагал правительству ввести распределение этих продуктов по карточкам. Но правительство не сочло нужным принять эти меры немедленно и только в октябре сделало распоряжение о реквизиции запасов зерна и муки. Между тем материальное положение осажденного Парижа ухудшалось с каждым днем. Промышленность совершенно замерла; дороговизна жизненных припасов росла с каждым днем благодаря спекуляции. Такса на хлеб и мясо была непомерно высока, так что большинство рабочих и бедняков очень часто не могли использовать своих карточек и продавали свои пайки богатым людям. Голод в городе усиливался. Не хватало топлива. Смертность сильно увеличилась. Безработица была полная.

Все это вызывало в рабочих массах недовольство правительством, которое не предпринимало решительных мер для борьбы с пруссаками. Вследствие этого среди парижских рабочих уже с осени 1870 г. все более и более назревала мысль о „Коммуне", которая по примеру Парижской Коммуны 1792 г. сама взяла бы в руки дело обороны города и вместе с тем наладила бы внутреннюю жизнь города и обеспечила бы рабочим хлеб и работу.

Капитуляция Базена вызвала еще большие волнения среди парижских рабочих, и утром 31-го октября тысячные толпы народа направились к городской думе. В толпе раздавались крики: „Долой правительство"! „Да здравствует Коммуна"! Отряды национальной гвардии, сформированные из рабочих, проникли в думу, арестовали бывших там членов временного правительства. Здесь же была избрана комиссия для организации немедленных выборов в Коммуну. Но вскоре к городской думе подошли несколько полков линейных войск и бретонских стрелков, оставшихся верными временному правительству, и освободили арестованных членов правительства. 1-го ноября правительство снова стало у власти. Через несколько дней правительство начало преследование революционеров, видных участников дела 31-го октября. Вместо выборов в Коммуну был устроен плебисцит: населению предложили высказаться *за* или *против* сохранения власти временного правительства. В результате плебисцита оказалось, что за правительство высказалось 557.000 человек, против 62.638 голосов. В числе голосовавших за сохранение временного правительства более 200.000 голосов принадлежало солдатам и морякам, стремившимся к миру.

Между тем продовольственное положение Парижа ухудшалось с каждым

[1]) Настоящую статью просмотрел и дополнил примечаниями участник Коммуны *М. П. Сажин* (Арман Росс).

днем. Хлебные запасы истощались. В январе хлебный паек был сокращен до 30 граммов (около 8 золотн.) в сутки. Фунт кошачьего или собачьего мяса стоил 5 франков. Конина стала доступна только богачам. В рабочих кварталах все более и более нарастало революционное настроение. В рабочих клубах и на собраниях стали раздаваться все более и более смелые голоса, требовавшие изъятия излишков у богатых и производства обысков у торговцев. Многие ораторы на рабочих собраниях требовали реквизиции всех продуктов продовольствия и *бесплатного* распределения их среди всего парижского населения.

6-го января Центр. комитет рабочих делегатов расклеил на улицах Парижа красные афиши, в которых говорилось: „Выполнило-ли свой долг правительство, взявшееся за дело национальной обороны? Нет. Своей медлительностью, нерешительностью и неспособностью наши руководители привели нас на край пропасти. Они не сумели ни управлять, ни бороться. Народ умирает от холода, а в ближайшие дни будет умирать и от голода. Бесполезные вылазки, кровопролитные сражения без всякого результата, постоянные неудачи—правительство хочет взять нас измором... Если у него есть хоть капля патриотизма, то его долг уйти и предоставить парижскому народу самому позаботиться о своем освобождении. Городской Совет или Коммуна—все равно как назвать его—единственное средство спасения народа... Всеобщая реквизиция. Даровой паек.“...

Недовольство правительством захватило даже умеренных буржуазных республиканцев, и в январе месяце в Париже образовался Республиканский союз, который 21-го января расклеил на стенах Парижа свой манифест. В этом манифесте союз призывал парижский народ избрать „суверенное собрание из 200 депутатов, которым и поручить дело обороны и управления городом“. 22 января была попытка провозглашения Коммуны в одном из рабочих районов. Правительство решило бороться. 23 января оно закрыло все революционные и рабочие клубы, как „очаги преступной агитации“.

Между тем выяснилось, что хлебных запасов в Париже хватит только до 4-го февраля. Капитуляция становилась неизбежной. Правительство вынуждено было вступить в переговоры с Бисмарком, и 28-го января появилось правительственное сообщение об условиях капитуляции Парижа. Условия были таковы: разоружение регулярных войск (кроме солдат национальной гвардии), сдача парижских фортов, уплата 200 миллионов франков в двухнедельный срок и немедленный созыв Национального Собрания для обсуждения мирных условий.

Национальное Собрание, избранное в начале февраля, открыло свое заседание 13-го февраля в Бордо. Из 750 депутатов 450 человек оказалось монархистов. Собрание не скрывало своих монархических симпатий и главой исполнительной власти назначило Тьера, бывшего министра короля Луи-Филиппа, ярого врага социалистов и республиканцев. Тьер составил новый кабинет министров, в который вошло четыре министра из бывшего временного правительства (наиболее правых), а остальные министерские портфели были распределены между явными монархистами.

Таким образом, Национальное Собрание и новое министерство явились центрами монархической контр-революции, и можно было опасаться восстановления империи. Даже такой правый и умеренный республиканец, как Леон Гамбетта, был отстранен от власти, а на своем первом заседании Национальное Собрание освистало выбранного Парижем Джузеппе Гарибальди, так что Гарибальди должен был сложить свои полномочия.

Чтобы предотвратить надвигавшуюся реакцию, парижские рабочие и революционеры должны были немедленно предпринять какие-то меры. Между тем за время четырехмесячной осады, голодовки и безработицы секции Интернационала фактически перестали существовать, их члены частью погибли при вылазках, а частью служили в отрядах национальной гвардии и не могли вести организационную работу. К весне 1871 г. в Париже почти не было рабочих, регулярно занятых промышленным трудом. Большинство рабочих было мобилизовано и служило в рядах национальной гвардии, получая по 1 франку 50 сант. (около 60 к.) в сутки жалования. Согласно условиям перемирия парижская национальная гвардия (т. е. большинство рабочих) сохраняла свое оружие. Бисмарк пошел на это условие потому, что хорошо понимал, что правительство не в состоянии сразу

разоружить весь парижский народ, а осуществление этой операции при помощи немецких войск вызвало бы кровавые столкновения и борьбу на улицах Парижа, что не входило в планы Бисмарка.

16-го февраля батальоны национальной гвардии избрали своих делегатов на общее собрание для обсуждения своих нужд и выяснения общего положения. Делегатское собрание, не доверяя правительству и Национальному Собранию и сознавая, что оно в первый удобный момент сделает попытку восстановления монархии, решило образовать федерацию батальонов национальной гвардии с центральным комитетом во главе. В своей резолюции делегатское собрание подтвердило, что национальная гвардия должна стоять на страже республики и что завоевания революции 4-го сентября не подлежат никаким пересмотрам и не нуждаются в утверждении всенародным голосованием.

В начале марта центр. комитет национальной гвардии был избран и поместился в том же доме, где находились Бюро федерального совета Интернационала и Федерации парижских рабочих синдикальных палат.

Правительство Тьера решило бороться против центр. комитета, боясь его влияния на национальную гвардию. Оно назначило главнокомандующим национальной гвардией, вместо подавшего в отставку генерала Тома, заведомого бонапартиста, генерала Ореля де-Пеладана. Назначение Ореля было понято парижскими рабочими и самими национальными гвардейцами как первый шаг к подготовке государственного переворота и к восстановлению монархии, и в ответ на него собрание делегатов национ. гвардии демонстративно избрало шефом национальной гвардии Гарибальди. Затем центр. комитет постановил приступить к переизбранию всех офицеров и отдал приказ немедленно смещать всех представителей командного состава, которые откажутся исполнять распоряжения центр. комитета. С своей стороны правительство объявило, что оно будет платить жалование по 1 фр. 50 с. в день только тем национальным гвардейцам, кто заявит о своем желании получать жалование.

26-го февраля истекал срок перемирия с пруссаками, и в Париже распространился слух, что 27-го февраля немцы займут некоторые окраины Парижа. Учитывая это, делегатское собрание нац. гвардии решило оказать немцам в случае оккупации вооруженное сопротивление.

В ночь с 26 на 27 февраля действительно была дана тревога, и 40.000 национальных гвардейцев в полной боевой готовности двинулись навстречу неприятелю. Тревога оказалась ложной. Но тем не менее часть национальных гвардейцев бросилась спасать свои пушки, оставленные, быть может намеренно, как раз в той части города, которая подлежала прусской оккупации. С помощью населения пушки были вывезены из предместий и поставлены на высотах Монмартра и Бельвилля, откуда можно было обстреливать неприятеля.

27-го февраля Национальное Собрание приняло мирные условия (546 голосами против 107). Ф. соглашалась уплатить пять миллиардов франков золотом контрибуции и уступала Германии Эльзас-Лотарингию. Такие непомерно тяжелые и унизительные условия мира вызвали взрыв негодования в Париже. Против правительства, заключившего позорный мир, наростало общее недовольство. На многих домах в Париже в знак протеста были вывешены черные флаги, а республиканские газеты клеймили действия правительства, как измену. Пропасть между парижским народом и правительством расширялась, и та и другая сторона чувствовала, что нужен какой-то выход. Правительство ждало только благоприятного момента, чтобы реставрировать монархию под покровительством прусского короля Вильгельма.

11-го марта Нац. Собрание переехало из Бордо в Версаль—старую резиденцию французских королей. Монархическое большинство Собрания не хотело вести заседания в Париже и этим самым наносило новый удар Парижу и как бы лишало его права считаться столицей Ф. Между тем еще 3-го марта центр. комитет национальной гвардии

вынес постановление, где говорилось: „В том случае, если Национальное Собрание захочет перенести столицу страны из Парижа в другой какой-либо город, Сенский департамент (в котором находится Париж) имеет право образовать из себя независимую республику". Таким образом, постепенно назревал конфликт между правительством Тьера и центральным комитетом национальной гвардии, т. е. вооруженными парижскими рабочими.

Недовольство Национальным Собранием и правительством Тьера еще более усилилось после того, как Нац. Собрание отказалось утвердить отсрочку уплаты квартирной платы за время осады. Благодаря этому домовладельцы начали предъявлять требования о немедленной уплате за квартиры за все время с октября по март. Большинство рабочих и семей национальных гвардейцев, конечно, не могли заплатить, и поэтому тысячи семейств рабочих выбрасывались домовладельцами на улицу.

9-го марта виднейшие руководители революционного движения, Бланки и Флуранс, за участие в восстании 31-го октября были приговорены к смертной казни. 10-го марта правительство закрыло пять левых республиканских газет. В Национ. Собрании начали раздаваться все громче и громче голоса за немедленный арест всего центр. комитета нац. гвардии. Банкиры заявляли, что они не дадут ни одного франка для уплаты пятимиллиардной контрибуции, если правительство не поторопится с немедленном разоружении парижских рабочих.

Под влиянием всего этого правительство решило действовать. Прежде всего оно решило лишить национальную гвардию пушек. 18-го марта линейные воинские части были двинуты на Монмартр и в Бельвилль, чтобы увезти оттуда пушки; бретонские стрелки были отправлены для охраны городской думы и штаба.

На Монмартре правительственные войска под командой генерала Леконта захватили караул, охранявший пушки, и начали увозить их. В это время рабочий Монмартр уже просыпался. Скоро население узнало, что солдаты увозят пушки, отлитые на собранные по подписке добровольные взносы главным образом рабочих.

На место происшествия стали прибывать вызванные отряды национальной гвардии. Леконт приказал открыть стрельбу по толпе и отрядам национальных гвардейцев, но между солдатами и гвардейцами началось братание. Через несколько минут офицеры были обезоружены, а Леконт был арестован своими же солдатами. Пушки были переданы национальным гвардейцам.

Военный штаб, узнав о происходящем на Монмартре, послал новые отряды солдат, но переход войск на сторону народа принял стихийный характер. Явившийся на площадь Пигаль военный губернатор Парижа, генерал Винуа, вынужден был бежать, чтобы не быть арестованным, а прибывший сюда в штатском платье генерал Клеман Тома был узнан солдатами и арестован. К 12 часам дня у правительства почти не осталось верных ему войск. Около четырех часов дня солдаты, собравшиеся на улице Розье на Монмартре, несмотря на уговоры капитанов национальной гвардии, расстреляли пленных генералов Леконта и Тома. Это были единственные жертвы народного гнева.

Тьер, узнав о расстреле, спешно собрался со всеми членами правительства и бежал в Версаль. К вечеру 18-го марта Париж оказался без правительства и был предоставлен самому себе. „Никогда еще революция не заставала более врасплох революционеров, как революция 18-го марта," — говорит Бенуа Малон, один из виднейших деятелей Коммуны.

Вечером 18-го марта в городской думе собрался центр. комитет нац. гвардии. После короткого обсуждения создавшегося положения он решил взять власть в Париже в свои руки впредь до избрания всем населением Парижа городского совета, или Коммуны. Утром 19-го марта на здании парижской городской думы развевалось уже красное знамя. Бесчисленные толпы народа и национальных гвардейцев манифестировали на улицах Парижа, и среди манифестантов часто раздавались крики: „В Версаль".

Однако, центр. комитет решил не предпринимать похода на Версаль, а предпочел выжидательную политику. Большинство центр. комитета составляли люди, которых никогда не видали в революционных битвах; очутившись неожиданно у власти, центр. комитет нац. гвардии попал в крайне затруднительное положение. У него не было определенной программы действий. Его члены не знали, что предпринять в области политической и экономической. Не имея своей программы, комитет обратился за помощью и советом к секциям Интернационала и к федерации рабочих синдикальных палат. Но эти организации были сильно ослаблены за время войны и осады, и, кроме того, интернационалисты „боялись скомпрометировать Интернационал", приняв участие в революционном движении, возникшем помимо Интернационала. Все представители этих организаций были согласны только в одном: возможно скорее произвести выборы в Коммуну, или городской совет, и передать ему всю власть.

Выборы были назначены на 23 марта, но благодаря саботажу районных мэров, в большинстве сторонников Тьера, выборы были закончены только 26-го марта. 28 марта состоялось провозглашение Коммуны. В Совет Коммуны было избрано 90 „советников"; среди них оказалось 15 человек заведомых контр-революционеров и 6 человек буржуазных либералов. Все они скоро сложили свои полномочия. Оставшиеся члены Коммуны по своему социальному положению распределялись так: рабочих было 25 чел., служащих 7 чел., 30 человек были лица свободных профессий—врачи, литераторы, учителя, художники, инженеры и адвокаты. Остальные семь человек принадлежали к мелким торговцам, чиновникам и ремесленникам.[1])

По своим социально-политическим воззрениям члены Коммуны разделялись таким образом: после дополнительных выборов в Коммуну в апреле 44 человека принадлежали к *якобинцам* или „чистым" республиканцам, которые стремились к демократической республике. Наиболее выдающимися членами этой группы в Коммуне были Шарль Делеклюз, участник революции 1848 г., Феликс Пиа, Гамбон. К якобинцам примыкали *бланкисты*, последователи Огюста Бланки (который в момент провозглашения Коммуны сидел в тюрьме в Кагоре). Якобинцы и бланкисты составляли в Совете Коммуны вначале группу в 44 человека, а после дополнительных выборов — группу в 56 человек и, таким образом, образовали в Совете Коммуны „большинство".

„Меньшинство" Коммуны составляли „интернационалисты", т. е. члены Интернационала; их прошло в Коммуну 17 человек и, кроме того, на дополнительных выборах было избрано еще шесть человек. Среди этой группы были виднейшие деятели рабочего движения того времени—переплетчик Варлен, красильщик Малон, золотых дел мастер Франкель, чеканщик Тейс, столяр Пенди и др. Большинство интернационалистов принадлежали к бакунистскому крылу Интернационала, а часть считала себя прудонистами.

Якобинцы, будучи последовательными демократами, стремились установить власть „народа" в широком смысле этого слова, но они не понимали социалистического и коммунистического движения пролетариата. Идеалом якобинцев была Парижская Коммуна 1793 г., когда „санкюлоты" господствовали в Париже. Бланкисты были коммунистами, но их роднило с якобинцами преклонение перед традициями Великой революции и идея революционной диктатуры Парижа над

[1]) После 18-го марта из Парижа вместе с правительством Тьера бежали в Версаль вся аристократия, крупная буржуазия, чиновники, капиталисты, военщина и попы. В Париже осталась лишь мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция, фабричные рабочие, кустари и люмпен-пролетариат. Вот эта-то масса и участвовала в выборах Совета Коммуны. Парижане, выбирая делегатов в Совет Коммуны, смотрели на них как на своих доверенных, но не как на лиц облеченных властью, которую они отрицали. Делегатам население поручало ведение всех дел Коммуны, руководствуясь при этом указаниями избравших их. Члены Совета Коммуны, действительно, постоянно прислушивались к голосу населения и часто выступали перед своими избирателями в клубах, прося их указать, как они смотрят на тот или иной вопрос. Когда в мае, некоторые члены Совета, вспоминая эпоху Великой революции, попытались создать Комитет общественного спасения, облекая его неограниченной властью, то попытка эта потерпела фиаско—власть его не признавалась; якобинцы с горечью говорили, что парижане заражены анархизмом и не хотят признавать какой либо власти. *М. С.*

всей Ф. Бланки и его последователи стремились к революционной диктатуре и к захвату власти. Они думали, что небольшая кучка революционеров, желающих блага народу, захватив власть, сможет „заставить государственный аппарат служить благу большинства и тем самым завоюет симпатии народа и укрепит свою власть." „Меньшинство" Коммуны—рабочие интернационалисты, которые по своим убеждениям и воззрениям разделялись на коллективистов или антиавторитарных коммунистов, прудонистов и социалистов, смотрело на Коммуну, как на первый этап социальной революции, которая должна была окончательно уничтожить старый буржуазный строй и заложить основы нового коммунистического общества.

Для административной работы Совет Коммуны избрал девять комиссий: 1) Комиссию труда и обмена, 2) Военную, 3) Финансов, 4) Продовольственную, 5) Общественной безопасности, 6) Юстиции, 7) Внешних сношений, 8) Народного просвещения и 9) Городского хозяйства. Во главе каждой комиссии, состоявшей обычно из 5—7 человек, стояли назначенные Советом Коммуны комиссары или, как их тогда называли, „делегаты". Во главе военной комиссии был вначале Клюзере, а затем его сменил офицер Россель, которого заменил в свою очередь старик Делеклюз. Делегатом финансовой комиссии был Журд, банковский служащий, а делегатом продовольственной комиссии — переплетчик Евгений Варлен; во главе комиссии по народному просвещению находился бланкист, молодой врач Вальян, который провел много новых реформ в области просвещения. Делегатом в комиссии обществ. безопасности был назначен Рауль Риго, делегатом в комиссии труда и обмена был Френкель, венгерский еврей, рабочий ювелир; делегатом юстиции был Прото, бланкист, адвокат.

Одним из первых актов Коммуны, имевших широкое общественное значение, был манифест к крестьянам, в котором разъяснялись цели и задачи коммуналистического движения.

„Интересы крестьянина и рабочего одни и те же, говорилось в этом манифесте. Чего требует рабочий, то нужно и крестьянину. Нам всем недостает свободы... крестьянин и рабочий—все еще рабы нищеты... Вот почему Париж хочет, чтобы сын крестьянина получал такое же образование, как и сын богача, и получал бы его бесплатно, потому что наука есть общее достояние... Париж требует уничтожения должностей, оплачиваемых 20, 30 и 100 тысячами франков, позволяющих одному человеку поглощать благосостояния многих семейств.

Париж требует, чтобы каждый человек, не являющийся собственником, не платил бы налогов, а чтобы вся тяжесть налогов падала бы на богачей...

Париж хочет: земли—для крестьян, орудий труда—для рабочих, работы—для всех... Да не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных... Это возможно. Для этого нужны только хорошие законы, которые и явятся тогда, когда трудящиеся не захотят больше, чтобы бездельники обманывали их..."

В области практических реформ Парижская Коммуна провела следующие: 1) уничтожение рекрутского набора и переход на систему народной милиции. 2) Отделение церкви от государства; уничтожение бюджета культов и конфискацию в пользу Коммуны всех церковных и монастырских имений. 3) Аннулирование квартирной платы за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г. 4) Возврат владельцам невыкупленных и просроченных закладов из правительственного ломбарда. 5) Запрещение ночных работ в булочных и в других предприятиях.[1])

Кроме того, Коммуна издала декрет о передаче фабрик и мастерских, оставленных хозяевами, бежавшими из Парижа, союзам и кооперативам рабочих и служащих.

В области народного просвещения Коммуна провозгласила принцип „обязательного и бесплатного образования для всех". Были попытки организации „интегрального" образования, как тогда говорили, т. е. организации таких школ, где дети и подростки, получая общее образование, могли бы в то же самое время обучаться какому-нибудь ремеслу.

Коммуна издала декрет о свержении Вандомской колонны со статуей Наполеона I, как „символа варварства и милитаризма", и переименовала Вандомскую площадь в „Международную площадь".

Провозглашение Коммуны в Париже вызвало аналогичные движения в провинции. 19-го марта Коммуна была провозглашена в Лионе, 23-го—в Сент-

[1]) К этому можно прибавить отмену смертной казни. Коммуна за все время своего существования никого не казнила. Расстрел заложников был произведен помимо Совета и после падения Коммуны.
М. С.

Этьене; вскоре „коммуны" были объявлены в Крезо, Марселе, Мансе, Тулузе, Лиможе и в Нарбонне.

Однако, в провинции, где было много войск, верных правительству, коммуналистическое движение быстро подавлялось. Французская деревня, за самыми редкими исключениями, оставалась безучастной к этой революционной борьбе, а в некоторых случаях французские крестьяне, напуганные правительственными агентами тем, что социалисты и коммунисты, укрепившись у власти, будут отнимать у крестьян землю, открыто становились на сторону правительства Тьера.

Совет Парижской Коммуны, видя, что революционные попытки в провинции подавляются в крови, и сознавая, что крестьянство остается глухо к его призывам, решил пойти на некоторые уступки и пробовал войти в переговоры с Версальским правительством. Но Тьер не хотел и слышать о примирении. Он хладнокровно готовился к походу на Париж. Он жаждал полного уничтожения социалистов и коммунистов и готовил солдат для расправы. Тьер отдал распоряжение генералу Винуа отрезать Париж от всей Ф. и добился у Бисмарка, чтобы он отпустил из плена часть французской армии для борьбы с Парижем.

2-го апреля рано утром Париж был разбужен пушечными залпами. Это версальцы начали обстреливать Париж. Во Ф. началась гражданская война. На Париж направились две армии. Первая стычка версальцев и коммунаров произошла близ Курбевуа, 3-го апреля рано утром произошло второе сражение у форта Мон-Валерьен. Благодаря предательству коменданта форта отряды коммунаров были разбиты, а часть их попала в плен. В этом сражении попал в плен среди других коммунаров и знаменитый географ Элизе Реклю.

Весь апрель месяц борьба между Коммуной и версальскими войсками шла с переменным успехом. Но к концу апреля силы версальского правительства стали значительно превышать силы Коммуны. 25-го апреля Тьер имел в своем распоряжении уже свыше 130.000 человек солдат. 8-го мая был заключен окончательный мир с Германией, и Бисмарк освободил из плена еще часть французских войск. После этого Тьер усилил натиск на Париж и требовал, чтобы парижане, если они желают избежать разгрома, восстали против своих „тиранов", т. е. против Совета Коммуны. В то же самое время он разослал по всей Ф. воззвания, в которых он называл коммунаров „врагами республики" и обещал сохранить республиканский строй и после победы над Парижем.

Совет Коммуны, в свою очередь, стремясь разъяснить истинный характер коммуналистического движения, еще в апреле обратился с декларацией ко всему французскому народу. В этой декларации говорилось, между прочим:

„Чего требует Париж? Признания и укрепления республики—единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества. Париж хочет полной автономии общин во всей Ф. и обеспечения каждой из них полных прав, а каждому французу—возможности применять все свои способности и свои силы, как человека, гражданина и работника...

Права Коммуны таковы: утверждение коммунального бюджета, определение и раскладка местных налогов; организация судопроизводства, полиции и народного образования; управление имуществом, принадлежащем общине... Политическое объединение, к которому стремится Париж,—это свободная федерация коммун... Коммунальная революция, начавшаяся 18-го марта, представляет конец старого поповского и правительственного строя, военщины, бюрократии, эксплоатации, ажиотажа, монополий и привилегий, которые являются причиной рабства пролетариата, несчастия и бедствия страны..."[1])

Борьба продолжалась весь май. 21-го мая версальцам удалось проникнуть в Париж через ворота Сен-Клу, и борьба завязалась на улицах Парижа. Тьер отдал приказ не щадить никого. Совет Коммуны решил защищаться до последней возможности. Кровавая, жестокая гражданская война на улицах Парижа продолжалась целых семь дней. Положение коммунаров становилось с каждым новым днем все труднее; их ряды редели от потерь. Безнадежность положения убивала энергию. 24-го июня коммунарам пришлось очистить городскую думу; в то же время версальцы заняли площадь Согласия, Лувр, биржу, банк, Пале-Рояль, Центральный рынок. К вечеру 24-мая коммунары были вытеснены из всех буржуазных частей Парижа. В следующие четыре дня

[1]) Во время Коммуны выходили газеты всех социалистических и революционных течений, существовавших в то время. *М. С.*

борьба перешла в Бельвилль и в Менильмонтан—рабочие кварталы, где сосредоточились остатки национальной гвардии. В ночь на 24-ое мая в Париже начались грандиозные пожары. Реакционеры обвиняли коммунаров в поджогах, но значительная часть пожаров возникла от снарядов версальских войск. Национальные гвардейцы при отступлении подожгли лишь Тюльерийский дворец, Счетную палату и дворец Почетного Легиона. 26-го мая пали баррикады на площади Бастилии и Шато д'О. Борьба сосредоточилась после этого в Сен-Антуанском предместьи, но и отсюда коммунары были выбиты. 27-го мая отряды защитников Коммуны были только на высотах Бельвилля и Шомона. В этот день после жестоких кровопролитных боев версальцы взяли предместье Тампль, кладбище Пер-Лашез и Бютт-Шомон. В воскресенье 28-го мая пала последняя баррикада на улице Рампонно. Коммуна была побеждена.

С 28-го мая Париж перешел всецело во власть версальского правительства, и в Париже началась безудержная расправа победителей. Нет никакой возможности точно установить число расстрелянных версальцами, но один из виднейших усмирителей Коммуны, генерал Мак-Магон, говорит в своих показаниях о 15.000 расстрелянных, а руководитель военно-полевых судов, генерал Аппер, определяет число убитых коммунаров в 17.000 чел. Правительственные данные говорят о 38.568 арестованных после разгрома Коммуны (из них 1.058 женщин и 651 детей), но из них лишь 13.450 человекам были вручены обвинительные приговоры. Остальные 25.000 человек оказались, т. о., „выведенными из жизни" еще до суда, т.-е. были просто расстреляны или умерли от болезней, ран и истощения в переполненных тюрьмах и в концентрационных лагерях. Из 13.450 человек обвиняемых, представших перед судом, никто не был оправдан. Большинство было приговорено к ссылке в каторжные работы. Кроме этих жертв гражданской войны, приблизительно 30.000 человек пало в боях на баррикадах и было убито во время сражений при вылазках. Потери версальской армии исчисляются (по данным Мак-Магона) в 7.600 человек. Таким образом, потери коммунаров в сражениях превышают в четыре раза урон версальцев. Кроме убитых в сражениях, расстрелянных без суда, сосланных в каторгу по суду и т. п., около 100.000 человек женщин, детей, стариков лишились своих кормильцев и вынуждены были влачить голодное существование долгие годы.

С подавлением Коммуны французский рабочий класс был обескровлен, дезорганизован и морально разбит. Социалистическому движению во Ф. был нанесен тяжелый удар, и понадобилось целых десять лет для того, чтобы французский пролетариат оправился от перенесенного разгрома.

Н. Лебедев.

XIX. Третья республика. Последующая история Ф. в течение нескольких лет сводилась к борьбе за признание фактически установившейся республики законною формою правления. Новый режим в своем чистом виде в начале имел сравнительно мало энергичных защитников, несмотря на враждебное отношение к империи огромного большинства сознательных элементов страны и подвергшегося тяжелым испытаниям населения. Честолюбивый Тьер и поддерживавшие его доктринеры левого центра стояли лишь за голую форму республики, которая давала бы им возможность управлять великой нацией в строго консервативном духе, и отнюдь не были склонны заполнить ее демократическим содержанием. Этой стороной своей деятельности они только играли в руку монархистам, которые систематически пугали таких сомнительных республиканцев радикализмом их союзников, убежденных сторонников нового строя, и их якобы идейной и фактической близостью к только что подавленной Коммуне. Если вести политику, охраняющую „основные интересы" общества,—аргументировали монархисты,—то надо откровенно реставрировать тот режим, которому Ф. обязана столькими веками величия. Но всего одним шагом дальше у них самих начинались резкие разногласия. Легитимисты прочили трон Ф., в случае его восстановления, королю божией

милостью, Генриху V, пока графу Шамбору, внуку Карла X. Орлеанисты выдвигали своего кандидата, графа Парижского, внука Людовика-Филиппа. Наконец, бонапартисты, затихшие было под бременем позора и общественного негодования, теперь снова поднимали голову, работая в пользу принца Луи Бонапарта (род. в 1856 г.), сына Наполеона III и Евгении Монтихо. Эти распри и спасали молодую, далеко не окрепшую и, в сущности, пока мало привлекательную „республику без республиканцев", в центре которой стоял искусный, но лишенный широкого кругозора политик, „маленький Тьер", достигший в возрасте 74 лет высшего поста в государстве; тогда как на левом, но уже не на крайнем, крыле сторонников нового режима приобретала все большее значение крупная фигура Гамбетты, обнаруживавшего серьезное понимание исторического момента, но подлившего чересчур много воды в красное вино своего радикализма. Приветствуя появление на политической арене молодой Ф. „нового социального слоя", он не делал из этого необходимых социальных же выводов и, приобретая своею сравнительною умеренностью приверженцев республики среди консервативных элементов, охлаждал тем самым энтузиазм искренних демократов и подготовлял почву для будущих недоразумений и раздоров внутри республиканской партии. Как бы то ни было, борьба велась пока между старым и новым принципами правления. Вначале, когда дело шло о выплате контрибуции Германии, согласно Франкфуртскому договору, враги республики щадили Тьера. Они рассчитывали напасть на него, как только эвакуация немцами французской территории, очищаемой врагом по мере получения условленных миллиардов, будет завершена, и уляжется раздражение нации против сторонников личного режима. Операция займа, обнаруживая огромную живучесть Ф., проходила очень удачно, и в соответствии с этим освобождение французской территории от неприятеля становилось делом гораздо более близкого будущего, чем то думали самые крайние оптимисты. Подписка на первые два миллиарда, открытая 28 июня 1871 г., лишь в одной Ф. достигла четырех миллиардов, а много было подписано и за границей. Год спустя (29 июня 1872 г.) итог подписки на остальные три миллиарда достиг даже колоссальной цифры в сорок один миллиард. Параллельно с этим уплата контрибуции шла настолько успешно, что взнос последних 250 миллионов был приурочен к 5 сентября 1873 г., и Германия обязалась вывести остающиеся войска из Ф. в течение двух недель после этого срока, между тем как вначале, по самым благоприятным расчетам, это должно было произойти не раньше 1875 г. Национальное Собрание было извещено правительством о результате этого соглашения неожиданно, в марте 1873 г., и тотчас же коалиция монархистов, не осмеливаясь произвести прямой государственный переворот, решила отделаться от Тьера и заменить его, пока на посту президента республики,—своей креатурой.

Их выбор остановился на маршале Мак-Магоне (*см.*), который возвратился из плена, чтобы стать во главе версальской армии, безжалостно подавившей под его начальством Парижскую Коммуну. Мак-Магон был роялист, так мало смысливший в политике, что враги республики могли, несмотря на его хваленую „лояльность солдата", толкать его на действия, составлявшие прямое нарушение его конституционных обязанностей. Монархисты открыли поход против Тьера тем, что вынудили старого и испытанного республиканца, Жюля Греви, уйти с поста президента Национального Собрания и заменили его бывшим министром Второй Империи, Бюффе (4 апреля). Теперь коалиция, предводимая Бюффе, герцогом де-Бройль, Эрнулем, Манем, выжидала лишь удобного случая, чтобы свалить Тьера. Предлогом послужила интерпелляция правой, обращенная к правительству, от которого монархисты требовали „определенной и энергичной консервативной политики". Несмотря на заявления министра Дюфора, что оно и так, кажется, достаточно стоит на страже консервативных интересов, резко отграничивает себя от радикальных республиканцев и даже

вотировало закон против Интернационала; несмотря на защиту такой политики самим Тьером (согласно тогдашним конституционным правилам перед Национальным Собранием были ответственны не только министры, но и президент республики, который мог в известных случаях принимать участие в прениях), „деревенщицкий" парламент высказал,—правда, большинством всего 16 голосов (360 против 344),—недоверие правительству. Этот вотум (24 мая 1873 г.) сопровождался уходом министров и заявлением Тьера о том, что и он подает в отставку. Отставка его была принята большинством 362 против 331, и тотчас же его преемником был избран Мак-Магон, получивший 390 голосов правой, тогда как вся левая отказалась принять участие в выборах, подчеркивая этим, что президентом Французской республики становился теперь ставленник монархистов. „Мак-Магонат" сейчас же проявил свою сущность. Чиновники, казавшиеся недостаточно монархически настроенными, получали отставку или перемещались (министры Тьера грешили как раз обратным, удерживая в рядах бюрократии заведомых врагов республики); прогрессивные газеты закрывались или лишались права розничной продажи, свободные мыслители подвергались преследованиям, поощрялась клерикальная агитация. Последняя, препятствуя развитию живых сил внутри страны, создавала для Ф. серьезные опасности и в области внешней политики. Французские ультрамонтаны требовали вмешательства в итальянские дела с целью восстановления светской власти папы, который утерял ее 20 сентября 1870 г., и держали сторону германских католиков в культуркампфе. Этим не в малой степени создавалась почва для сближения Италии и Германии, и врагам французского народа была дана возможность указывать общественному мнению Европы на Ф., как на вечную нарушительницу международного мира. В самой Ф. монархисты не могли добиться ничего положительного в смысле реставрации, так как тупая легитимистская непримиримость Генриха V, заявлявшего, напр., что он никогда не согласится переменить белое знамя старой монархии на трехцветное знамя революции, неоднократно разрушала усилия реакционеров сблизить две линии Бурбонов. Но велик был ущерб, нанесенный их охранительной деятельностью политическому и социальному прогрессу страны.

Как бы то ни было, в ожидании того момента, когда монархия станет снова законным режимом, даже ее сторонники решили дать импровизированной форме правления более правильные учреждения. Прежде всего был проведен закон 20 ноября 1873 г. о септеннате, т. е. о продлении власти президента республики до семи лет. Он был вотирован большинством 383 голосов против 317, и монархисты приурочивали его исключительно к личности Мак-Магона. Но республиканцы из самого текста закона делали вывод об установлении президентской власти независимо от того, кто является ее носителем. Закон, действительно, сказав, „что исполнительная власть вручается на семь лет маршалу Мак-Магону, герцогу Маджентскому", прибавлял,—правда, в умышленно неясной форме,—что „эта власть будет и дальше осуществляться с титулом президента республики при настоящих условиях и до момента изменений, которые могут быть произведены в ней конституционными законами". А для выработки этих законов тот же акт 20 ноября назначал из среды Национального Собрания комиссию в составе тридцати человек. Комиссия эта, в которой преобладали монархисты, всячески затягивала свою работу. Но республиканцы повели ожесточенную кампанию в печати и самой стране, стараясь закрепить в сознании всех мысль о том, что в законе дело идет,—как было выражено в одной из чеканных формул, на которые такие мастера французы,—о праве нации избирать „семилетнего президента республики", а не „президента семилетней республики", жизнь коей могла бы прерваться таким образом даже еще раньше в случае преждевременной смерти Мак-Магона. Дальнейший и на сей раз важный шаг по пути укрепления республиканских учреждений был сделан Ф. с вотумом в 1875 г. новой конституции, при чем органиче-

ские законы, составлявшие ее были голосованы Национальным Собранием нехотя, случайно, идя от частного к общему, среди всевозможных то комических, то трагических перипетий внутренней и внешней политики. В самой Ф., вопреки ожиданиям монархистов, возлагавших такие надежды на Мак-Магона, царил невообразимый хаос борьбы партий, групп и влияний, сталкивавшихся стремлений и аппетитов, хаос, особенно ярко прокидывавшийся в лагере реакционеров, тогда как республиканцы, пред лицом ожесточенных врагов, держались в общем дружно. Появилось и исчезло „консервативное" министерство герцога де-Бройль, потеряв доверие монархистского большинства, различные фракции которого свирепо нападали одна на другую. Возник и ушел с арены кабинет генерала Сиссэ, поддерживаемого лишь Мак-Магоном и незначительною частью Национального Собрания. Была даже попытка коалиции умеренных республиканцев и „левого центра". Начало основным законам, устанавливавшим республику, было положено после отклонения целого ряда формул вотумом на историческом заседании 20 января 1875 г. большинством всего одного голоса—353 против 352—„поправки", предложенной, по иронии судьбы, крайне тусклым депутатом, членом либерального правого центра, Валлоном, относительно способа избрания главы исполнительной власти. В упомянутой поправке, избегающей принципиального признания республики, это страшное для столь многих слово было употреблено лишь как составная часть титула того лица, которое должно было стать во главе Ф.: „Президент республики избирается по абсолютному большинству голосов сенатом и палатою депутатов, составляющими вместе Национальное Собрание". Громадное значение этого вотума было сейчас же воспринято как друзьями, так и врагами нового режима. Недаром в то время стал очень популярным анекдот, приписывавший Мак-Магону комическое восклицание на крепком солдатском жаргоне: „Желал бы я знать, какой это дурак подсунул нам своим голосом эту пакостную республику". Вторым основным законом был прошедший лишь месяц спустя, 24 февраля, после жестокой борьбы партий и всевозможных злоключений, закон о составе сената и условиях выбора в него. Третий основной закон, — „об отношениях между собою главных типов власти", в отличие от двух первых открыто названный „конституционным", был вотирован только летом 1875 г., а именно 16 июля, в результате двухмесячных жарких дебатов.

Отныне монархисты могли, конечно, вести попрежнему борьбу против нового строя. Но теперь республика была не только фактом, а и законной формой правления. Есть историки, которые даже утверждают, что намерение Бисмарка напасть как раз в это время на Ф. было внушено ему опасением, что вышедшая из политического кризиса страна чересчур быстро окрепнет и захочет свести новые счеты с Германией. Не надо, однако, забывать, что международные интриги французских ультрамонтанов, находившие поддержку в клерикальном посланнике Ф. при берлинском дворе, Гонто-Бироне, уже не раз возбуждали гнев в Бисмарке, не допускавшем иностранного вмешательства в его борьбу с католическим центром. Как бы то ни было, но влияние великобританского и русского правительства в Берлине было достаточно сильно, чтобы рассеять страх, охвативший Ф. и всю Европу при мысли о новой ужасной войне. Но едва ли не меньшие опасения возбуждала во всем мире все сильнее и сильнее разгоравшаяся на почве Третьей республики борьба политических партий, которая со стороны монархистов сопровождалась невероятным произволом. И после вотума конституционных законов Мак-Магон отнюдь не думал искать министров между людьми, которые могли являться выразителями нового режима, а неизменно составлял свои кабинеты из тех, кто представлялся ему наиболее подходящим для проведения строго консервативной, точнее, реакционной политики. Так во главе министерства 11 марта стал пресловутый Бюффе, хотя и призвавший в сотрудники кой-кого из присоединившихся к республике деятелей левого центра, в роде

Дюфора, и очень умеренных республиканцев, в роде Леона Сэ. Присутствие этих ублюдочных элементов не помешало реакционерам, предводимым в данном случае министром народного просвещения, де-Фурту, провести закон (12 июля 1875 г.), носивший громкое название закона о свободе высшего образования, но на самом деле дававший возможность клерикалам основывать полноправные частные университеты без соблюдения тех требований, которые предъявлялись в этой области светским лицам. Так установлялась монополия католической высшей школы, оставлявшая заметные следы на мировоззрении правящего персонала республики еще в течение долгого ряда лет. Однако, эволюция страны шла неудержимо влево. 30 января 1876 г. состоялись первые выборы в сенат, согласно новой конституции. Несмотря на то, что из 300 членов сената 75 членов, или целая четверть, были избраны пожизненно самим Национальным Собранием, а для остальных 225 существовали двухстепенные выборы, первая верхняя палата Французской республики оказалась состоящей из 149 членов левого центра, левой и крайней левой, 81 членов правого центра и умеренной правой, 13 членов крайней правой и 40 бонапартистов. Между приверженцами и противниками нового режима располагалась вечно колеблющаяся группа в два десятка членов, заявлявших, что они признают конституцию, которую дала себе Ф., но не считают себя республиканцами. В общем новый строй мог рассчитывать в сенате на 12—15 голосов большинства. Гораздо резче и определеннее высказалась страна на последовавших сейчас же вслед за тем выборах в первую палату депутатов Французской республики. Эти выборы, несмотря на отчаянное давление администрации, дали 292 республиканца левой и крайней левой, 48 депутатов левого центра, 24 легитимиста, 54 члена правой и правого центра, 75 бонапартистов. А когда палата кассировала некоторые чересчур скандальные выборы реакционеров, то оказалось, что из 440 депутатов 340 были сторонниками республики, 22 заявили себя строго держащимися конституции и лишь 78 открыто высказались против нового режима. 8 марта 1876 г. совершился многозначительный переход власти из рук „Собрания деревенщины“ в руки правильно выбранных сената и палаты депутатов. 10 марта был составлен первый конституционный и ответственный перед парламентом кабинет Дюфора.

Казалось бы, что отныне борьба партий будет вестись исключительно на почве не только фактически установившихся, но и законом признанных республиканских учреждений. Однако, глубоко реакционные стремления монархистов; вялость защитников формальной республики; чересчур большая осторожность искренних республиканцев, à la Гамбетта, расхолаживавших умеренностью своих требований энтузиазм широких слоев,—все это вместе взятое влило новую бодрость в душу приверженцев старого режима, и снова самое существование республики было поставлено на карту. Около года влачило свои тусклые дни министерство Дюфора, которое не умело провести законопроекта о даровании университетских дипломов исключительно государством, что могло бы несколько ограничить привилегии, полученные католиками по закону 1875 г.,—высказалось против амнистии коммунаров, потерпело и частичные неудачи и общее поражение по вопросу о прекращении дальнейших преследований этой категории „преступников“. Тем временем маршал не переставал, путем заявлений не особенно конституционного характера, вмешиваться в политику Дюфора, а враги республики усиленно играли призраком социальной революции. Такое положение дел не изменилось и тогда, когда министерство Дюфора было заменено 13 декабря 1876 г. министерством Жюля Симона, слащавый либерализм которого боялся как политики социальных реформ, так и серьезной борьбы с клерикализмом. Уступки премьера ультрамонтанам, которые не боялись толкать Ф. на борьбу с Италией во имя защиты интересов папы, не только не обезоруживали врагов республики, но только разжигали в них желание поскорее

опрокинуть еще неокрепший строй. И вот 16 мая внезапно появилось письмо Мак-Магона к Жюлю Симону, которого маршал обвинял в слабости и неумении сохранять малейшее влияние на предоставленную, якобы, своим законодательным капризам палату депутатов. Жюль Симон должен был подать в отставку, и акт 16 мая явился прелюдией к тому конституционному coup d'État, который должен был передать власть снова в руки заклятых врагов республики.

Так началась борьба приверженцев пресловутого „морального порядка" против защитников новых учреждений. Маршалом и кабинетом были пущены в ход все приемы подавления свободного общественного мнения страны, унаследованные от позорнейших времен Второй Империи и еще уснащенные новыми средствами воздействия. При помощи интриг герцогу де-Бройль, ставшему во главе нового, „боевого" министерства, удалось добиться от сената согласия на роспуск палаты (12 июня), республиканское большинство которой заявило устами Гамбетты свою твердую веру, что вернется в еще большем составе: „Уходя в числе 363, мы возвратимся сюда в числе 400". Отодвинув, насколько то было возможно, срок выборов, чтобы дать время сорганизоваться врагам республики, правительство развило во всех сферах общественной жизни самую отчаянную реакционную деятельность. Министр внутренних дел де-Фурту выбросил за борт из 90 префектов 54, из 287 подпрефектов 125, как недостаточно энергичных в борьбе против республиканцев. Циркулярами, заимствованными из арсенала Второй Империи, он предписал подобранному почти целиком из бонапартистов административному персоналу наблюдать за местами собраний и наказывать закрытием заведений хозяев тех гостиниц, кафе и зал, где ораторы позволят себе „какую бы то ни было ложь против правительства", равно как отнимать право продажи газет у тех лиц, которые „путем распространения известных листков окажутся соучастниками в нападениях на закон, общество и правительство". Жестоко преследовались и петиции промышленников и торговцев, позволявших себе жаловаться на застой в делах, вызванный реакционной политикой министерства. Со своей стороны глава кабинета де-Бройль, в качестве министра юстиции, предписывал всем членам прокурорского надзора не прибегать для борьбы с прессой к существовавшему законодательству о печати, как ни придирчиво оно было в то время, а расправляться с неугодными органами при помощи нарочно воскрешенного с этой целью декрета 1852 г., который преследовал „ложные слухи", распространяемые „заведомо недобросовестно". Давление, произведенное на магистратуру, и без того переполненную креатурами старых режимов, ярко выразилось в количестве политических дел, возбужденных правительством: за 5 месяцев число преследований дошло в этой области до 2.700, общая сумма штрафов достигла миллиона франков, а итог различных сроков тюремного заключения—46 лет. Министры народного просвещения, финансов, даже общественных работ прямо предписывали всем чиновникам и служащим их ведомств агитировать и голосовать за правительство, а в противном случае грозили им отставкой, — что и действительно не раз приводилось в исполнение. Против всей этой колоссальной махины административного террора республиканцы боролись путем энергичного объединения усилий, забывая временно разделявшие их фракционные несогласия, при чем, несмотря на склонность части крайних левых прибегнуть к революционным средствам, было решено не сходить во время этой борьбы с легальной почвы. Республиканская партия в целом, чувствуя поддержку всей страны, вела кампанию на парламентарной почве и строго выдерживала программу общих требований, на которых сходились и друзья только что (3 сентября 1877 г.) умершего Тьера, и все более многочисленные приверженцы Гамбетты, поставившего в одной из своих избирательных речей перед маршалом роковую дилемму „подчиниться или уйти" (se soumettre ou se démettre), и энергичная группа крайней левой, подчинявшаяся все

сильнее влиянию 35-летнего Жоржа Клемансо. Духовенство и вообще все клерикалы были в этой гражданской войне на стороне правительства, которому приходилось, кстати сказать, всячески изворачиваться при помощи дипломатических нот в сфере международной политики, где положение дел во Ф. возбуждало серьезные беспокойства, связанные с интригами ультрамонтанов.

Вердикт страны не заставил себя, однако, ждать. Население решительно отвертывалось от старого режима. На выборах 14 октября из 531 депутата республиканцев насчитывалось 324, монархистов — всего 207. А последующие частичные выборы, которые сделались необходимыми после того, как палата кассировала значительное число монархистских избраний, достигнутых вопиющим нарушением закона со стороны администрации, довели число республиканцев до 400. Так исполнилось буквально пророчество Гамбетты. Реакционеры, укрывшиеся за главою исполнительной власти республики, пытались было еще сопротивляться, и Мак-Магон думал управлять при помощи внепарламентарного кабинета с генералом Рошбуэ в качестве премьера. Но отказ палаты вотировать бюджет вынудил маршала, после нескольких месяцев колебаний, призвать к власти Дюфора, составившего кабинет из консервативных республиканцев. Новый режим, хотя и колеблющимися шагами, шел по пути к окончательному укреплению. Успех международной выставки 1878 г. в Париже обнаружил большую живучесть страны после неслыханного разгрома. И на Берлинском конгрессе летом того-же 1878 г. Ф. выдвигала свою независимую политику в качестве первоклассной державы, с мнением которой приходилось считаться представителям государств, составлявших пресловутый европейский концерт. Некоторые историки полагают даже, что позиция, занятая Ф. в восточном вопросе, имела своими ближайшими следствиями некоторое сближение ее с Англией и недовольство политикой Третьей республики в руководящих сферах России, которая уходила с конгресса глубоко разочарованной в результатах так дорого стоившей ей войны с Турцией. Как бы то ни было, положение Мак-Магона становилось все более непрочным, и у него, в заключение карьеры, исполненной стольких политических ошибок, осталось, по крайней мере, достаточно такта, чтобы, придравшись к разногласиям кабинета по второстепенному вопросу, подать в отставку (30 января 1879 г.) за 23 месяца до окончания своего септенната. Немедленно же на его место был избран в Версале, на соединенном заседании сената и палаты депутатов и с соблюдением всех конституционных формальностей этого конгресса, испытанный республиканец Жюль Греви, который, по многозначительной иронии истории, в 1848 г. предлагал совсем уничтожить пост президента республики и заменить главу исполнительной власти особым делегатом, который избирался бы и отрешался бы от должности парламентом и отправлял бы функции простого „председателя совета министров". Между тем, как Жюль Греви, бывший в это время президентом палаты, становился, таким образом, согласно вотуму огромного большинства (563 голоса из 662 присутствовавших на конгрессе), первым сановником республики, палата депутатов посадила на свое президентское кресло главу умеренных республиканцев, Леона Гамбетту. „Республика без республиканцев" уступала место „республике республиканцев", хотя прежде всего в лице центрального ядра партии, с исключением радикальной фракции. Наступала эра так называемого оппортюнизма в управлении республикой с его крупными заслугами перед страной, но и с не менее крупными недочетами. Кличка „оппортюнизм" была пущена в ход Рошфором, который придрался к слову „opportun" в одной из речей Гамбетты, желавшего сказать, что всякая реформа должна быть произведена в подходящее время, когда она уже достаточно назрела. Самая эта кличка указывала на недовольство и на разочарование, которое политика умеренных или, как они называли себя, „правительственных" республиканцев вызывала в широких демократических слоях населе-

ния, возлагавших на новый режим великие надежды в деле осуществления основных стремлений масс. Оппортюнисты в течение первых лет своего стояния у власти успели провести ряд хорошо задуманных мероприятий в чисто-политической и культурной области, установив свободу печати и собраний, создав обязательное и даровое обучение для народа, очищенное от клерикальных влияний и т. д. Но и в чисто политической сфере они не пожелали пойти на преобразование конституции в демократическом смысле, попрежнему желая сохранить за новым государственным строем характер „республики, окруженной монархическими учреждениями". Еще слабее была их работа в социальной области, где Ф. в течение целых десятилетий плелась в хвосте Англии и Германии. Конечно, на то были свои причины: отсутствие организации трудящихся, слабость чисто рабочего движения и в связи с этим более доктринальный, чем жизненный характер новейшего французского социализма; преобладание чисто политических тенденций во французском радикализме, среди которого как раз в героический период его существования было мало людей, понимающих значение социально-экономических задач. Как бы то ни было, несчастная фраза Гамбетты: „Нет социального вопроса, есть только частные социальные вопросы", была лишь отражением индифферентизма и отсутствия творческой инициативы у оппортюнистов в области величайшей проблемы современности. А когда сравнительно продолжительное пребывание у власти умеренных республиканцев, в связи с усиливавшимся колониальным движением, развило у правящей буржуазии огромные аппетиты, идейный энтузиазм среди рядовых сторонников нового режима свелся почти на нет. И даже между руководящим персоналом оказались лица, участвовавшие непосредственно в сомнительных финансовых операциях и привлеченные к уголовной ответственности. Так создалась атмосфера резкого недоверия масс к представителям официальной республики. И этим настроением не раз пользовалась клерикальная и шовинистская демагогия, борьба с которой была порою тем труднее республиканскому правительству, чем более оно страдало первородным грехом оппортюнизма: слабостью почина в социальной области. Так тянулось дело приблизительно до конца XIX века.

Начало этого периода характеризовалось появлением на политической сцене в первых ролях: Гамбетты, который, несмотря на нелюбовь Греви и оппозицию справа и слева, пользовался огромным влиянием среди республиканцев; резкого, авторитарного, но ясно мыслящего и очень энергичного Жюля Ферри, сгруппировавшего вокруг себя после смерти Гамбетты умеренных и отчасти радикальных республиканцев, включая сюда и гамбеттистов; чересчур ловкого, чересчур гибкого Фрейсинэ, которому предстояло в течение целых десятилетий лавировать между различными программами и течениями республиканской партии и пользоваться репутацией искусного политика, а в критические моменты необходимого человека, хотя у него не было ни твердых принципов, ни дальновидности настоящего государственного деятеля. Исходным пунктом республиканской политики были радикальные реформы в области народного образования, проведенные Жюлем Ферри, вопреки ожесточенному сопротивлению правых и даже иных мнимо-либеральных республиканцев. Внедрению клерикального влияния в высшую школу, на которую католики уже торопились наложить руку на основании закона 1875 г., Жюль Ферри, министр народного просвещения в кабинете Ваддингтона, оказал решительное сопротивление, внеся законопроект об исключительном праве государства выдавать университетские дипломы и введя в проект наделавшую много шума статью 7-ую, которая запрещала заниматься педагогическою деятельностью в общественном или частном учреждении лицам, принадлежащим к недозволенным религиозным конгрегациям. Проект прошел через палату в желательном Ферри виде, но сенат дважды отвергал упомянутую статью. И в конце концов республиканской партии пришлось

удовольствоваться урезанным законом (15 марта 1880 г.), так как ставший к тому времени премьером изворотливый Фрейсинэ отказался защищать боевой параграф, которому придавал такое значение Ферри, оставшийся во главе министерства народного просвещения и в новом кабинете. Автор закона счел, однако, нужным, опираясь на поддержку большинства республиканцев, продолжать борьбу против клерикалов путем декретов, которые были изданы 29 марта 1880 г. и предписывали в течение трех месяцев ордену иезуитов совсем прекратить свое существование во Ф., а недозволенным конгрегациям—запастись разрешением от правительства, которое в противном случае грозило немедленным закрытием. На этой почве возникла отчаянная оппозиция католиков, ободряемая поведением нового папы, Льва XIII, в этом вопросе и теперь горячо апеллировавшая к принципам свободы, согласно циничному афоризму клерикального изувера, Луи Вейльо, который еще во времена Второй Империи заявлял: „Когда мы у власти, мы отказываем либералам в свободе во имя наших принципов, а когда либералы у власти, мы требуем от них этой свободы для нас уже во имя их принципов". Исполнение декретов повело к закрытию нескольких монастырей и изгнанию монахов и монахинь, при чем драматические сцены столкновения между „кроткими служителями Христа" и „новыми Диоклетианами" ставились при неизменном режиссерстве воинствующих политиканов клерикального лагеря.

Меры эти, кстати сказать, принявшие несколько более серьезный характер с момента образования нового кабинета во главе с самим Ферри (23 сентября 1880 г.), проводились при почти полном равнодушии страны. Серьезные принципиальные возражения против этой политики делались лишь немногими представителями крайней левой, в роде Луи Блана, старого социалиста 30-х и 40-х годов, который отрицательно относился к подавлению государством свободной деятельности союзов и ассоциаций, какого бы рода они ни были, включая сюда и религиозные конгрегации. Как бы то ни было, в возгоревшейся борьбе светского государства с клерикализмом сторонники нового режима справедливо обращали внимание на идеи и чувства широких слоев, а потому в реформе народного образования видели насущную задачу республиканской партии. В два приема и несмотря на сопротивление сената, хотя все более и более демократизировавшегося под влиянием новых частных выборов, были заложены законами 16 июня 1881 г. и 28 марта 1882 г. основания обязательного, дарового и светского обучения, или „школы без бога", как называли реакционеры реформированное элементарное образование, с которым навсегда останутся связанными имена Жюля Ферри и его правой руки, Фердинанда Бюиссона. На ряду с этим расширялась область политических свобод, и укреплялись права человека и гражданина. Продажа произведений печати и открытие публичных заведений в роде гостиниц, ресторанов, кафе, где могли происходить общественные собрания, были освобождены от административного произвола (закон 17 июня 1880 г.). Сами публичные собрания не нуждались более в предварительном разрешении властей, а могли иметь место на основании простого заявления организаторов, которые получали право делать его за 24 часа до начала обыкновенных собраний и всего за два часа до начала избирательных (закон 30 июня 1881 г.). Пресса становилась свободной почти без всяких ограничений. Разрешение администрации и залог были отменены. За исключением диффамации и оскорблений частных лиц, все преступления по делам печати подлежали суду присяжных (закон 29 июля 1881 г.). Еще ранее того февральским законом 1879 г., а в особенности законом 10 июля 1880 г., „тряпка гражданской войны", по выражению Гамбетты, была зарыта в землю, и амнистия коснулась почти всех подвергшихся наказанию или ускользнувших от преследования участников Коммуны, за исключением 14 человек. Почти все это было делом легислатуры 1877—1881 гг., которая оказалась одной из самых плодотворных в истории республиканской Ф. Палата депутатов, возникшая из августовских выбо-

ров 1881 г., несмотря на еще более решительное преобладание в ней республиканцев над монархистами, уже не отличалась таким реформаторским духом и обнаруживала своими вотумами, а еще более своим резко оппортюнистическим настроением, отсутствие определенной принципиальной политики и наличность более низменных стремлений и столкновений личных интересов. По составу она распадалась на 129 монархистов или тяготевших, несмотря на формальное республиканство, к монархическим основам, а именно: 45 бонапартистов, приведенных в расстройство смертью сына Наполеона III, пресловутого принца „Лулу", 45 монархистов и 39 членов левого центра; и на 418 республиканцев, среди которых „республиканский союз", слагавшийся из приверженцев Гамбетты, насчитывал 204 депутата, республиканская левая, предводимая Жюлем Ферри,— 168 депутатов; и крайняя левая, следовавшая, главн. образом, за Клемансо,— 46 депутатов. Непоследовательность новой палаты ярко сказалась, напр., в том обстоятельстве, что когда Гамбетта, которого соперники его упрекали в закулисной диктатуре, решил, наконец, взять на себя миссию составления кабинета из крупнейших деятелей различных фракций республиканской партии, то этот план „великого министерства" с первых же шагов потерпел крушение вследствие отказа представителей упомянутых фракций принять участие в управлении страной согласно общей широкой программе. И Гамбетте пришлось удовлетвориться, в большинстве случаев, второстепенными сотрудниками, так как из членов кабинета единственно выдающимися политиками, притом проявившими свои достоинства в полной мере лишь впоследствии, были молодой министр внутренних дел, Вальдек-Руссо, министр народного просвещения, знаменитый физиолог Поль Бер, и, пожалуй, министр торговли и колоний, Рувье. „Великое министерство" просуществовало лишь 74 дня (с 14 ноября 1881 г. по 26 января 1882 г.) и пало, главным образом, вследствие отрицательного отношения палаты к избирательной реформе Гамбетты, который предлагал заменить избрание депутатов по округам избранием по общим спискам для всего департамента.

Не меньшей непоследовательностью тогдашней палаты депутатов, которая разделяла, впрочем, этот грех со значительным числом предшествующих и последующих легислатур, была позиция, занятая ею в колониальном вопросе. Можно было, конечно, держаться того или иного взгляда на необходимость расширения прежних колоний и завладения новыми. Идеологи крайней левой, в роде Клемансо тех дней, отрицали эту необходимость. Они считали, что у республиканской Ф. было слишком много назревших внутренних вопросов, была, наконец, столь настоятельная задача, как сосредоточение военной мощи перед лицом страшно усилившейся Германии. По их мнению, великая цивилизованная нация не должна была терять свои силы в экзотических странах, попирая права так называемых некультурных народов и низших рас. А представители крупной буржуазии, в роде Жюля Ферри, видели в колониальной политике историческую необходимость современного экономического периода и готовы были даже вступить в соглашение с Германией, чтобы заручиться ее доброжелательным нейтралитетом на почве расширения экзотических владений, как это формально обещал представителям Третьей республики сам Бисмарк. Надо было во всяком случае выбирать между этими двумя направлениями. А парламент вечно колебался и, одобряя колониальную политику в одном случае, высказывался против нее в другом, при малейшем же затруднении останавливался на полдороге. Отсюда столь извилистая в этой области линия поведения, по которой шли сменявшие одно другое министерства.

Так, под предлогом подавления набегов крумиров на алжирскую территорию, Ф. подчинила своему протекторату Тунис (договор Каср-эс-Саид, или эль-Бардо, 12 мая 1881 г., скрепленный конвенцией 8 июня 1883 г.). Это вызвало страшное негодование в Италии, имевшей свои виды на столь близкие от южной оконечности Сицилии

владения тунисского бея, и толкнуло ее на сближение с Германией. По отношению к Египту политика Ф. тоже страдала внутренними противоречиями, так как, продолжая заявлять претензии на признанный берлинским трактатом режим кондоминиума с Англией, правительство республики отказалось, однако, от участия в подавлении силою национального движения Арабипаши, и английский флот один бомбардировал (11 июля 1882 г.) Александрию, что положило начало исключительному господству англичан в долине Нила и на целые десятилетия испортило отношения между Парижем и Лондоном. Более последовательна была политика Ф. в Индо-Китае, где после колебаний в 1882 г. при Фрейсинэ парламент в течение всего „долгого министерства" Жюля Ферри (21 февраля 1883 — 30 марта 1885 г.) поддерживал операции энергичного премьера, который успел присоединить к колониальным владениям республики зависевшую от Аннама провинцию Тонкин и распространить протекторат Ф. на самый Аннам и на Камбоджу. Эти приобретения были признаны Китаем, который долгое время и прямо и косвенно сопротивлялся расширению французского владычества на крайнем Востоке. Но мирный трактат был окончательно подписан лишь 9 июня 1885 г., т.-е. более двух месяцев после того, как Жюль Ферри внезапно был опрокинут большинством 306 голосов против 149 на историческом заседании палаты 30 марта. где под перекрестным огнем крайней левой и правых партий и под давлением общественного мнения, страшно возбужденного вестями о поражении французов при Лансоне, оппортюнистские „мамелюки" изменили своему вождю.

Мы увидим, впрочем, дальше, что как раз после падения Ферри колониальная политика стала приобретать во Ф. все большее число сторонников и в конце концов встречала сопротивление разве одних социалистов. В течение своего более, чем 25-месячного существования кабинет Ферри провел несколько законов, имевших не малое значение для внутреннего прогресса страны, но в общем чересчур резко подчеркивал идеи умеренного, почти консервативного республиканства и очень враждебно относился к платившей ему, впрочем, той же монетой крайней левой. Муниципалитеты, уже получившие в 1882 г. право избирать мэров как в городских, так и сельских коммунах, за исключением подчиненного в этом смысле центральной власти Парижа, были одарены более широкими, чем прежде, административными полномочиями (закон 5 апреля 1884 г.). Право ассоциации, на которое вообще так подозрительно смотрели почти все сменявшиеся во Ф. со времени Великой революции правительства, было признано благодаря в особенности стараниям министра внутренних дел, Вальдека-Руссо, в достаточно широких размерах по отношению к профессиональным синдикатам или промышленным (и земледельческим) союзам (закон 21 марта 1884 г.), приобретшим впоследствии большое значение во внутренней политике республики. Был восстановлен, хотя и с ограничениями, вычеркнутый во время реставрации из гражданского кодекса реакционным законом 1816 г. развод (закон 27 июля 1884 г.). С другой стороны, пересмотр конституции в демократическом смысле, пересмотр, которого требовали все передовые республиканцы, был сведен правительством к небольшим изменениям в составе сената и в бюджетных правах палаты (конституционный закон 14 августа 1884 г. и закон о сенате 9 декабря того же года). Точно так же реформа магистратуры, которая была вызвана необходимостью очистить судебное сословие от заядлых реакционеров, завещанных республике старым режимом, носила одновременно характер и половинчатой и насильственной меры. Она сохраняла прежнюю несменяемость судей, против самого принципа которой восставали все искренние демократы, и вместе с тем вынужденной отставкой выводила из рядов сословия 614 членов (30 августа 1883 г.). Финансовое соглашение 1883 г. с железнодорожными компаниями, которым правительство гарантировало минимум доходов с капитала акционеров, не без основания рассматривалось передовыми республиканцами, как операция, выгод-

ная не для нации, а для плутократии: „преступные конвенции“ долго служили одним из веских аргументов против оппортюнистов. Наконец, во время нахождения кабинета Ферри у власти был окончательно выработан Вальдек-Руссо проект о пожизненной ссылке рецидивистов в Новую Каледонию, хотя он сделался законом лишь 27 мая 1885 г. при кабинете Бриссона, ставшего премьером после падения Ферри.

Сам Бриссон был радикалом. но в его кабинете были представлены различные фракции республиканской партии, по рецепту так называемой „концентрации“, которая в течение продолжительного времени стала обычным приемом составления министерств во Ф. По существу, новый кабинет не особенно отличался от предшествующего. При его участии парламент отверг предложение крайней левой и крайней правой привлечь Жюля Ферри и его сотрудников к ответственности за „преступно легкомысленную“ политику и вотировал кредиты, потребные для продолжения тонкинской экспедиции. Избирательная реформа, голосование по департаментским спискам, некогда отвергнутая национальными представителями из-за недоверия к Гамбетте, была теперь принята почти накануне новых выборов. Последние, протекавшие (4—18 октября 1885 г.) при редком для Ф. отсутствии административного давления, оказались неприятным сюрпризом для республиканцев, так как в новой палате на 383 защитника свободных учреждений приходился 201 реакционер, т.-е. силы монархистов чуть не удвоились, при чем распадение республиканского большинства на две почти равные половины, партию умеренных и крайнюю левую, облегчало образование причудливых коалиций и доводило неустойчивость кабинетов до максимума. Правая умело пользовалась ошибками оппортюнистской политики и, ловко присоединяя свои яростные нападения на правящих республиканцев к принципиальной оппозиции крайней левой против умеренных, подрывала доверие широких слоев к представителям нового режима и распространяла общее недовольство в стране. На этой почве создалось одно из самых сильных в истории республиканской Ф. движений против, казалось бы, прочно установившегося строя: мы говорим о буланжизме.

Буланже—„молодой“, 48-летний, генерал — умел подкупить столь редким тогда в военной среде радикализмом своих мнений самого Клемансо и, благодаря поддержке последнего, вошел военным министром в кабинет изворотливого Фрейсинэ 7 января 1886 г. Вульгарный и фальшивый авантюрист, лишенный даже второстепенных талантов, но обладавший даром привлекать к себе симпатии людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, он благодаря самым незначительным или чисто казовым мерам в своем ведомстве скоро сделался идолом парижской толпы, вдруг увидевшей в нем будущего победителя Германии, а через несколько месяцев приобрел широкую, основанную на всевозможных легендах популярность во всей стране. Два кабинета, Фрейсинэ и Гобле, имели своим военным министром Буланже. А когда кабинет Рувье, поддерживаемый коалицией умеренных республиканцев и правой, решил заменить Буланже другим военным, самого же „бравого генерала“ послать корпусным командиром в центр Ф., то любимец общественного мнения превратился в глазах своих, становившихся все более многочисленными, сторонников в благородную жертву низких политиканов. Тем временем нечистоплотные операции депутата Вильсона, зятя Греви, с продажей орденов и вообще своего влияния создали чреватый опасностями для республики президентский кризис.

Переизбранный на новые семь лет 28 декабря 1886 г. Жюль Греви менее, чем через год, 2 декабря 1887 г., принужден был выйти в отставку. И на его место на следующий же день громадным большинством республиканцев (а именно 616 голосами) был выбран Сади Карно, тип честного, столь же умеренного по талантам, как и по убеждениям, республиканца, который достиг поста высшего сановника государства отнюдь не в силу каких-нибудь заслуг, а лишь как орудие пар-

ламентских переговоров и интриг, с целью загородить дорогу к президентству для Жюля Ферри, бывшего одинаково ненавистным и радикалам и реакционерам. Первый год президентства Карно ознаменовался дальнейшим ростом буланжистского движения. Смена кабинетов умеренного направления, к которым тяготел сам Карно, кабинетами полурадикального характера, которые уже не удовлетворяли требованиям передовых республиканцев, не вносила большей определенности в положение дел, с каждым днем становившееся более запутанным. „Синдикат недовольных, сгруппировавшийся вокруг черной лошади генерала", по меткому выражению Жюля Ферри, увеличивал беспрестанно свои ряды людьми, группами и партиями, устремлявшимися к авантюристу с разных концов горизонта. Если большинство радикалов с Клемансо во главе поняло опасность дальнейшей поддержки Буланже и не только отшатнулось от него, но и вступило в открытую борьбу с ним, то меньшинство партии, с людьми не без прошлого и не без талантов, пристало к „бравому генералу", надеясь при помощи его добиться пересмотра конституции в более демократическом смысле, а самим выдвинуться на первые места. С другой стороны, монархисты различных оттенков, за исключением незначительного числа чистых легитимистов, после нескольких месяцев колебаний принялись усердно поддерживать деньгами и агитацией человека, которого они считали способным произвести государственный переворот в их пользу, — великодушно забывая, что в качестве военного министра Буланже занял резко отрицательную позицию по отношению к герцогу Омальскому, который был вычеркнут из списка генералов армии за протест против изгнания претендентов из Ф. по закону 22 июня 1886 г. Сторону Буланже держала и часть разочаровавшихся в своих собственных силах социалистов-бланкистов, уверовавших в возможность революционной диктатуры при посредстве популярного генерала. Ревностными защитниками Буланже были наиболее импульсивные или шумливые члены „Лиги патриотов" с Деруледом во главе, который видел в Буланже осуществителя идей реванша и возвращения Ф. захваченных Германией Эльзаса и Лотарингии. Наконец, с карьерой Буланже вздумали соединить свою судьбу администраторы общества, организованного Фердинандом Лессепсом для прорытия Панамского перешейка и никак не успевавшего, несмотря на подкуп различных органов прессы, парламентариев и даже, как окажется впоследствии, кой-кого из министров, добиться поддержки правительства для продолжения своих, становившихся все более сомнительными, операций. В центре же буланжистской организации, как главная пружина, приводившая в движение всю армию недовольных, работал так называемый „национальный комитет", состоявший из людей, которые под маской более или менее подлинных республиканцев приготовлялись низвергнуть республику. Из этой главной квартиры заговорщиков бросались лозунги в широкие массы, которые были несомненно захвачены буланжистским ураганом. Оттуда заправлялся огромный, очень ловко поставленный механизм рекламы, прославлявший доблести генерала при помощи печати, собраний, манифестаций, гравюр, уличных песен. Оттуда, наконец, выдвигались многократно пускавшиеся в ход в виде плебисцитарных опытов кандидатуры Буланже, который получил право быть избираемым с тех пор, как решением военного совета ему была дана полная отставка (26 марта 1888 г.).

После ряда частичных успехов и частичных же неудач грандиозный триумф Буланже на выборах 27 января 1889 г. в депутаты города Парижа заставил раскрыть глаза самых оптимистических республиканцев. Чтобы парировать плебесцитарную агитацию, полурадикальный кабинет Флоке провел почти тотчас же через парламент восстановление прежнего порядка избрания по округам (13 февраля), но на следующий день пал под ударами, главным образом, умеренных республиканцев, не желавших пересмотра конституции не только в цезаристском духе, как то предлагали сторонники Буланже, но и в направлении демокра-

тических принципов, как то давно рекомендовали радикалы. Борьба с Буланже выпала теперь на долю умеренного кабинета с Тираром во главе или, точнее выражаясь, стала основною задачей министра внутренних дел, умного, энергичного, смелого, но совершенно аморального Констана. Ему приписывают вполне удавшийся план напугать Буланже слухами о предстоящем немедленном арестовании и внушить ему при помощи посредников мысль оставить временно территорию Ф. Констан понимал, какая посредственная и лишенная мужества личность скрывалась под импонирующею наружностью легендарного героя. Он верно соображал, вместе с тем, какой ущерб бегство Буланже причинит его делу, для успеха которого прежде всего была нужна вера масс в необыкновенные качества своего идола и его присутствие среди верующих. Бегство Буланже в Брюссель (1 апреля 1889 г.), куда скрылись также поддерживавший его своим блестящим и колючим пером Рошфор и главный агент по сношению генерала с монархистами, Диллон, было страшным ударом для всего буланжистского движения. Престиж полубога сразу упал в невероятной степени. Сплочение республиканцев, резко проявившееся, между прочим, во время подготовления к выборам 22 сентября — 6 октября, усугубило начавшийся разгром „синдиката невежества". Закон 17 июля, запрещавший ставить одному и тому же лицу сразу несколько кандидатур; обвинительный приговор, вынесенный верховным судом (8—14 августа) укрывавшимся за границею Буланже, Рошфору и Диллону за заговор против республики; наконец, необыкновенный успех международной парижской выставки имели, по сравнению с только что указанными причинами, лишь второстепенное влияние на быстрый отлив буланжистского течения. На уже упомянутых осенних выборах республиканцев прошло 356, а именно 40 членов левого центра, 216 умеренных, 100 крайних, в том числе несколько социалистов; депутатов реакционной оппозиции насчитывалось 210, из них 165 роялистов и бонапартистов и 45 буланжистов.

Крушение буланжизма, в связи с некоторыми фактами внутренней и внешней политики, сказалось на ряде явлений в парламенте и стране. Идеи умеренных республиканцев снова получили перевес над требованиями радикалов, которых ближайшие соседи справа обвиняли в создании популярности Буланже и вообще в демагогической агитации за пересмотр конституции. Разочарование в буланжизме монархистов, усиленная поддержка которыми бравого генерала выяснялась теперь с каждым днем все более и более, вызвало среди наиболее дальновидных вожаков реакционного лагеря тактику формального „присоединения" к республике, с целью заполнить эту форму строго консервативным содержанием. Политика „присоединившихся" (ralliés), или, как они часто называли себя, „независимых", стояла в связи с новой позицией, которую заняли по отношению к французской республике хитроумный старец на папском престоле, Лев XIII, и некоторые из французских прелатов. Эта политика исходила из признания нового режима законным правительством страны, но требовала от него отмены мер против религиозных конгрегаций, отмены законов, введших светское и обязательное образование, уничтожения развода, даже изменения вотированного еще прошлой легислатурой (18 июля 1889 г.) закона о трехлетней военной службе, поскольку он возлагал исполнение воинской повинности в течение одного года на священнослужителей и семинаристов. Вместе с тем глубокое недовольство буржуазной политикой среди масс, обнаруживших это очень недвусмысленно во время буланжистской агитации, и усилившееся с конца 80-х годов рабочее движение, то вспыхивавшее в больших стачках (напр. осенью 1892 г. в Кармо) то периодически заявлявшее о своей вражде к государственно-капиталистическому строю на первомайских манифестациях (вотированных на международном социалистическом конгрессе 1889 г.), заставляло укрепившихся теперь снова у власти умеренных республиканцев менее сопротивляться так называемым социальным реформам. Эти меры сни-

тались, кроме того, как бы вознаграждением масс за ту политику протекционизма, особенно в области земледелия, которую парламент преследовал все настойчивее в области международных торговых сношений (резко покровительственный характер таможенного тарифа, опубликованного 21 января 1892 г.). Так, в конце 1891 г. прошел закон о совете труда при министерстве торговли с участием на одну треть представителей рабочих. 31 октября 1892 г. был обнародован важный закон о работе женщин и детей на фабриках, а 27 декабря того-же года закон о (необязательном) третейском суде между фабрикантами и рабочими. Эти половинчатые, а главное запоздалые меры не были, однако, в состоянии внести успокоение в мир труда, и сенсационные покушения крайних последователей анархии, заходивших в своих требованиях коренного общественного и политического переворота далеко вперед требований даже революционных социалистов, ознаменовали весну и осень 1892 г.

Более утешительные перспективы развертывались перед Ф., по мнению защитников современного строя, в области внешней политики. Третья республика расширяла и укрепляла свои азиатские и африканские владения, а в Европе принимало все более осязательные формы сближение Ф. с Россией. Царская Россия нуждалась в финансовой помощи Ф., где русские займы, особенно со времени посещения Кронштадта французской эскадрой (июль 1891 г.), сделались очень популярны. Что касается до Ф., то правящий персонал республики рассчитывал на военную поддержку России, чтобы выйти из того состояния изолированности, в котором старался держать Ф. германо-австро-итальянский союз, заключенный еще в мае 1882 г., тогда как рядовой обыватель, взбудораженный недавней агитацией шовинистствующих буланжистов, видел в сближении с Россией могущественное орудие реванша и победы над Германией, а монархисты надеялись, что их принципы усилятся внутри самой Ф. в результате союза с царским самодержавием.

Но скоро все эти факты внешней и внутренней политики отступили на задний план перед невероятным возбуждением, охватившим всю страну под влиянием разоблачений, касавшихся закулисной стороны финансовых операций „Панамской компании". Так называлось акционерное общество, основанное, как уже известно читателю, Фердинандом Лессепсом для прорытия средне-американского перешейка в 1881 г. и скоро, по вине администраторов и заинтересованных в этом деле финансистов, превратившееся в колоссальную спекуляцию, разорившую сотни тысяч лиц, которые вложили свои капиталы (до миллиарда с третью франков) в заведомо обреченное на гибель предприятие. 21 ноябяр 1892 г. буланжистский депутат Делаэ (Delahaye) интерпеллировал правительство относительно мер, которые оно думает принять, чтобы привлечь к судебной ответственности тех многочисленных,—по словам интерпеллятора, до 150, — парламентариев, которые, начиная еще с 1888 г., продавали Панамской компании свои голоса и вообще свое влияние. Выступление Делаэ было отправным пунктом отчаянной агитации, которую буланжисты и правая повели против правящего персонала и представителей республики. Прения в различных судебных инстанциях по делу директоров компании, обвиненных в подкупе должностных лиц, равно как показания свидетелей, вызванных по тому же поводу специальной парламентской комиссией, обнаружили, правда, что обвинения врагов существующего режима в поголовной продажности республиканских парламентариев были умышленно преувеличены. Так, из пяти депутатов, пяти сенаторов и трех бывших депутатов, привлеченных первоначально к ответственности, пред судом присяжных должны были явиться, рядом с членами правления Панамского общества только трое парламентариев, а признан виновным лишь один, сам покаявшийся во всем бывший министр Баио (Baïhaut), между тем как Лессепсы, отец и сын, и еще один финансист были приговорены к тюремному заключению (и скоро помилованы). Но, с другой стороны, и парла-

ментская комиссия и суд дали возможность стране убедиться в совершенно недопустимом воздействии более или менее сомнительных представителей финансового мира на такие важные органы общественного мнения, как парламент и печать. Оказывалось, действительно, что значительное число парламентариев если и не совершало деяний, прямо наказуемых законом, то было заинтересовано в ходе различных предприятий часто спекулятивного характера. Не менее двусмысленны были отношения между финансистами и руководителями главнейших газет, которые, независимо от направления, а лишь в соответствии с высотой их тиража, получали за объявления и за рекламные статьи такие суммы, о каких члены парламента могли только мечтать. И здесь Адриен Эбрар, издатель оппортюнистского, но тогда очень влиятельного „Le Temps“, извлекший из „Панамы“ далеко за миллион франков, и редактор бонапартистской „L'Autorité“, Поль де-Кассаньяк, попользовавшийся несколькими десятками тысяч, подавали друг другу руку. Оказывалось, далее, что на почве Третьей республики приобретали совершенно парадоксальное влияние разные космополитические авантюристы и беззастенчивые дельцы, в роде пресловутого Корнелиуса Герца, полу-еврея, полу-янки, снабжавшего Клемансо средствами на издание такого, казалось бы, принципиального органа радикализма, как „La Justice“. Было обнаружено, что люди вполне безупречные в личном отношении, в роде Флоке, считали возможным на посту министров пользоваться в политических целях суммами, которые финансисты, ищущие покровительства, отдавали в их распоряжение.

Немудрено, что „Панама“ стоила жизни нескольким министерствам, выставила в непривлекательном свете многих политиков, считавшихся до того времени принципиальными служителями идеи, и создала в стране крайне удушливую атмосферу недоверия и заподозриваний, влияние которых и отозвалось на выборах 20 августа—3 сентября 1893 г. Избиратели послали на сей раз в палату депутатов (идя справа налево): 58 членов правой, 35 „присоединившихся“, 311 республиканцев различных более или менее умеренных оттенков, 122 радикала, 49 социалистов. Наименования эти, однако, недостаточно указывают на некоторые характерные изменения в психологии страны и самих политических партий. Если правых в парламенте было немного, то значение консервативных и даже прямо реакционных принципов, защищаемых ими, возросло в немалой степени как вследствие того, что их во многих отношениях поддерживали „присоединившиеся“, признавшие лишь внешнюю форму республики, так и вследствие того, что „молодые“ представители умеренных взглядов, лично не успевшие себя еще скомпрометировать участием в оппортюнистическом хозяйничаньи, сочли нужным развернуть знамя религиозной и политической „терпимости“. Присвоив себе название „прогрессистов“, они, однако, усердно держались тактики охранительства, за исключением разве признания наиболее дальновидными из них некоторых второстепенных социальных реформ. А республиканцы старой школы и чистые радикалы выходили из краха „Панамы“ с чересчур потрепанной репутацией, чтобы составить противовес политике прогрессистов.

Пережитый страною кризис пошел, правда, на пользу социалистам, которые составляли впервые в парламенте Третьей республики группу, влиятельную не только своей относительной численностью, но и обилием талантливых людей, в роде Мильерана и, особенно, Жана Жореса, ставших центральными фигурами фракции „независимых“ социалистов. Эта разновидность социализма более подходила по условиям момента к настроению широких демократических слоев Ф., чем образовавшаяся в 1879 г. рабочая партия, расколовшаяся в 1882 г. на „гэдистов“ и „поссибилистов“, от которых в свою очередь отделилась в 1890 г. фракция „алльманистов“. Именно „независимый“ социализм возбуждал в то время интерес свежести и новизны не только в самой стране, но и за границей, и приобретал симпа-

тии за пределами рабочего класса: в университетских кружках и вообще среди демократически настроенной интеллигенции. Однако, превращению французского социализма в серьезную общественную силу, соответственно численной важности слоев, интересы которых он желал защищать, мешали, кроме всего прочего, два обстоятельства. Это, с одной стороны, конкуренция христианского социализма, представленного во Ф. графом де-Меном и одно время поощряемого самим папой, но возбуждавшего недоверие французской демократии своими реакционными требованиями. Это, с другой стороны, ярко вспыхнувшая в 1892 — 1894 гг. эпидемия анархического терроризма, или „пропаганды действием", не останавливавшейся перед динамитными покушениями на частных лиц и в общественных местах, бросанием бомб во время заседания новой палаты депутатов (9 декабря 1893 г.) и завершившейся убийством президента республики Сади Карно, павшего от кинжала итальянца Казерио (24 июня 1894 г.).

Это давало пищу правительственной, а отчасти и общественной реакции, находившей усердных выразителей в вожаках „прогрессистов", из партии которых, за немногими исключениями, вербовались почти все министерства, стоявшие у власти чуть не до самого конца XIX в. Из руководителей этой реакции назовем, между прочим, Шарля Дюпюи, который дебютировал в качестве министра народного просвещения в кабинете Рибо (конец 1892 и начало 1893 г.), а затем был неоднократно премьером „боевых" министерств, начиная с своего первого кабинета 1893 г., получившего печальную известность трагикомическим подавлением беспорядков в Латинском квартале и закрытием парижской Биржи труда, продолжая своим вторым министерством 1894 — 1895 г., когда ему удалось провести через парламент „злодейские" законы против анархистов, и вплоть до кабинета 1898 — 1899 г., когда достигшая максимума напряженности агитация по делу Дрейфуса (см. ниже) положила конец министерской карьере хитрого и грубого оверна. Назовем также Казимира Перье, внука властного министра Июльской монархии, очень богатого владельца каменноугольных копей, резкие манеры которого, напоминавшие бравого офицера-строевика, и внешние признаки энергии создавали иллюзию твердости воли и решительности, иллюзию, заставившую умеренных выдвинуть его на пост президента республики немедленно после убийства Сади Карно (он был выбран 27 июня 1894 г. большинством 451 голоса на 851 вотирующих) и скоро рассеянную его неожиданным уходом с высокого поста под влиянием раздражения на резкие нападки прессы и трений с министрами. Назовем и его преемника, Феликса Фора, выбранного 17 января 1895 г. большинством 430 голосов умеренных и правых против 361 голосов, поданных за старого и испытанного республиканца, Анри Бриссона — тип посредственного выскочки, мольеровского „мещанина в дворянстве", упоенного своим президентством, общением с венценосными особами (посещение Николаем II Ф. 5—9 октября 1896 г. и посещение Фором России 23—25 августа 1897 г. с формальным провозглашением франко-русского „союза") и готового итти на все сделки с реакцией, лишь бы сохранить свой пост. Назовем, наконец, Мелина, старого оппортюниста, некогда занимавшего второстепенные министерские должности, с течением времени составившего себе карьеру пропагандой отчаянного протекционизма и более двух лет (29 апреля 1896 г. — 15 июня 1898 г.), — после шестимесячного пребывания у власти радикального кабинета Леона Буржуа, — хозяйничавшего во Ф. в качестве премьера министерства, которое воскресило своею деятельностью худшие времена оппортюнизма, притом без его борьбы с клерикалами, пока, наконец, и его не смело с политической сцены дело Дрейфуса пожравшее уже столько министерств.

Пока обнаружилась невиновность Дрейфуса и виновность Эстергази, понадобились долгие месяцы отчаянной агитации, сенсационных обличений, гибели репутации многих выдающихся деятелей, падения министерств, чуть-

Хронология Франции.

410-420. Захват франками северной Галлии.
412. Утверждение вестготов в юго-западной Галлии.
413. Утверждение бургундов в юго-восточной Галлии.
451. Нашествие Аттилы на Галлию и поражение его на Каталаунских полях.
475-516. Гундобальд, король Бургундии.
481-511. Хлодвиг, основатель королевства франков и родоначальник династии Меровингов.
486. Завоевание Хлодвигом римских владений между Сеной и Луарой.
496. Победа Хлодвига над алеманнами при Тольбиаке. Принятие франками христианства.
506. Победа Хлодвига над вестготами при Вуле.
508-509. Завоевание Хлодвигом юго-зап. Галлии.
531. Завоевание сыновьями Хлодвига Тюрингии.
534. Завоевание сыновьями Хлодвига Бургундии.
558-561. Единодержавие Хлотаря I.
613-628. Хлотарь II.
614. Эдикт Хлотаря II о законном суде и охране собственности.
628-638. Дагоберт.
670-681. Эброин захватывает власть в качестве палатного мэра.
687-714. Правление Пипина Геристальского, родоначальника династии Каролингов.
689. Война с фризами.
709-712. Покорение алеманнов.
717-741. Правление Карла Мартела.
732. Победа Карла Мартела над арабами при Пуатье.
734. Окончательное завоевание области фризов.
741-768. Пипин Короткий.
745. Церковный собор и примирение с Римом.
752. Низложение последнего Меровинга и провозглашение Пипина королем.
755-756. Походы Пипина против лангобардов и передача им папе Стефану II равеннского экзархата.
759-768. Окончательное завоевание Аквитании.
768-814. Карл Великий.
772-803. Походы против саксов и завоевание Саксонии.
774. Завоевание лангобардского королевства.
778. Поход Карла в Испанию.
785-804. Алкуин во главе дворцовой школы.
791-805. Походы Карла против аваров и разрушение их государства.
794. Полное присоединение Баварии.
799. Основание Восточной марки (Австрии).
800. Принятие Карлом Великим императорской короны.
809-811. Завоевание Испании до р. Эбро и образование испанской марки.
814-840. Людовик Благочестивый.
817. Раздел Людовиком Благочестивым империи между сыновьями.
841. Битва при Фонтене между сыновьями Людовика Благочестивого.
843. Верденский договор.
843-877. Карл II Лысый.
847. Мерсенский капитулярий, узаконивающий вассальные отношения.
870. Присоединение к Ф. Лотарингии.
877. Кьерсийский капитулярий о наследственности должностей.
877-879. Людовик II Косноязычный.
879. Людовик III († 882) и Карломан († 884).
884-887. Карл III Толстый.
886. Осада норманнами Парижа.
888-898. Эд (Одон), сын основателя династии Капетингов Роберта Сильного—король Ф.
898-922. Карл IV Простоватый.
911. Образование Роллоном герцогства Нормандии.
922-923. Роберт I, брат Эда.
923-936. Рауль.
932. Завоевание Бретани норманнами.
936-954. Людовик IV Заморский при фактическом регентстве герцога „Франции“ Гуго Великого.
938. Освобождение Бретани от владычества нормандских герцогов.
939. Завоевание Лотарингии Оттоном Великим.
954-986. Лотарь.
956. Гуго Капет, герцог „Франции“.
986-987. Людовик V.
987. Избрание Гуго Капета († 996) королем и окончательный переход французского престола к династии Капетингов.
996-1031. Роберт II.
1031-1060. Генрих I.
1060-1108. Филипп I.
1066. Завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем.
1096-1099. Первый крестовый поход.
1099. Коммуна в Бове.
1101-1135. Борьба королевской власти с мелкими феодалами и объединение королевского домена.
1104. Примирение с папской властью.
1106. Коммуна в Лане.
1108-1137. Людовик VI Толстый.
1113-1117. Освобождение Амьена.
1126. Городская хартия в Суассоне.
1127-1128. Освобождение фландрских городов.
1137. Присоединение Аквитании.
1137-1180. Людовик VII.
1147-1150. Участие Людовика VII во 2 крестовом походе. Регентство аб. Сугерия.
1152. Захват Аквитании Плантагенетами.
1160-1180. Война Людовика VII с Генрихом II Английским.
1163. Начало постройки собора Парижской Богоматери.
1180-1223. Филипп II Август.
1186. Завоевание Амьенуа и Вермандуа.
1189-1191. Участие Филиппа II Августа в 3 крестовом походе.
1194-1199. Война Филиппа II Августа с Ричардом Львиное Сердце.
1200. Основание Парижского университета.
1203-1204. Завоевание Нормандии.
1204-1206. Завоевание Анжу и Пуату.
1208-1215. Крестовый поход против альбигойцев.
1214. Победа при Бувине.
1223-1226. Людовик VIII.
1224-1229. Завоевание Лангедока.
1226-1270. Людовик IX Святой.
1226-1232. Восстание феодалов и победа над ними королевск. власти.
1229. Церковный собор в Тулузе и организация инквизиции на юге Ф.
1233. Доминиканцы во главе инквизиции на юге Ф.
1241-1242. Восстание в Пуату.
1245-1248. Сооружение Sainte Chapelle в Париже.
1248-1254. Участие Людовика IX в 7 крестовом походе.
1257. Основание Сорбонны.
1258. Мир с Англией. Отказ Людовика IX от притязаний на Испанскую марку и договор с Арагонией об установлении границы по Пиренеям. Запрещение судебных поединков.
1260. Установление парламента в качестве верховной апелляционной инстанции.
1265. Анжуйский дом в королевстве Обеих Сицилий.
1269. Начало палаты счетов (Chambre des comptes).
1270. 8 крестовый поход и смерть Людовика IX.
1270-1285. Филипп III Смелый.
1270. Окончательное присоединение графства Тулузского.
1275. Установление сбора с приобретаемых церковью имуществ.
1275-1276. Поход в Испанию и подчинение Наварры.
1284-1285. Неудачная попытка завоевания Арагонии.
1285-1314. Филипп IV Красивый.
1285. Присоединение Шампани и Наварры.
1289. Присоединение Кресси по договору с Англией.
1291. Конгресс в Тарасконе и мир с Испанией.
1292. Организация сбора косвенных налогов (maltôtes).
1295-1297. Война с Англией и захват Гиени.
1299. Первый конфликт с папой Бонифацием VIII.
1300. Завоевание Гента и подчинение Фландрии.
1302. Восстание Брюгге и других фламандских городов.
1302. Второй конфликт с Бонифацием VIII. Первые генеральные штаты.
1303. Мир с Англией и возвращение ей Гиени. Суд над Бонифацием VIII. Ногаре в Италии.
1305. Мир с Фландрией и присоединение к Ф. части фландрских городов. Переселение папы Климента V во Ф.
1307. Арест и конфискация имущества тамплиеров.
1308. Созыв генеральных штатов для обсуждения дела тамплиеров.
1310. Папы поселяются в Авиньоне.
1311-1312. Церковный собор в Вьенне. Уничтожение ордена тамплиеров.
1312. Присоединение Лиона.
1314-1316. Людовик X Сварливый.

1316-1322. Филипп V Длинный.
1322-1328. Карл IV Красивый.
1324-1327. Война с Англией.
1328. Прекращение прямой линии Капетингов и переход французск. престола к династии Валуа. Отделение Наварры от Ф.
1328-1350. Филипп VI Валуа.
1328. Поход во Фландрию.
1337. Эдуард III Английский заявляет претензии на французский престол.
1337. Восстание Як. Артевельде в Генте и союз Гента с Англией. Начало Столетней войны между Англией и Ф.
1338. Установление десятины с церковных доходов.
1339. Вторжение Эдуарда III в северную Ф.
1340. Поражение при Слюйсе.
1341. Установление соляного налога (la gabelle).
1341-1342. Война в Бретани и Гиени.
1343. Перемирие в Малетруа.
1344. Присоединение к Ф. Дофинэ в качестве удела старшего сына французского короля.
1345. Эдуард III во Фландрии. Гибель Як. Артевельде.
1346. Поражение при Креси.
1347. Захват англичанами Кале и заключение перемирия.
1349. Присоединение к Ф. Монпелье.
1350-1364. Иоанн Добрый.
1355. Возобновление войны с Англией. Генеральные штаты. Этьен Марсель во главе оппозиции. Ордоннанс о передаче сбора налогов выборным от штатов.
1356. Поражение при Пуатье. Плен Иоанна Доброго. Дофин Карл —регент.
1357. Генеральные штаты в Париже. „Великий ордоннанс", ограничивающий права королевской власти в пользу штатов.
1358. Жакерия. Взятие Парижа дофином и гибель Этьена Марселя.
1360. Мир в Бретиньи и уступка Англии Пуату с соседними областями.
1362-1364. Победы Дюгеклена над королем Наваррским Карлом Злым.
1363. Переход Бургундии к младшей линии Валуа в лице Филиппа Смелого.
1364-1380. Карл V.
1365. Окончание войны в Бретани.
1366-1369. Поход Дюгеклена в Испанию.
1367. Установление правильной системы прямых и косвенных налогов (aides et fouages).
1368. Возобновление войны с Англией.
1369. Реорганизация управления финансами и начало „палаты сборов" (chambre des aides).
1370. Дюгеклен—коннетабль († 1380).
1370-1377. Завоевание большей части уступленных Англии областей.
1374. Ордоннанс об организации армии и военного управления.
1378. Великий раскол. Ф. поддерживает авиньонского папу.
1380-1422. Карл VI.
1380-1388. Регентство Филиппа Бургундского.
1382. Восстание мальотенов и тюшенов (maillotins et tuchins). Поход во Фландрию и подчинение ее Бургундии.
1383. Уничтожение самоуправления парижского купечества.
1388. Новый поход во Фландрию.
1389. Ордоннанс об организации Парижского парламента и признание выборного принципа в замещении должностей. Хроника Фруассара.
1392. Сумасшествие Карла VI.
1393-1398. Движение парижского университета в пользу созыва вселенского собора для прекращения раскола.
1396. Перемирие с Англией на 28 лет.
1404. Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский. Борьба его за власть с Людовиком Орлеанским.
1407. Умерщвление Людовика Орлеанского. Арманьяки и бургиньоны.
1411. Восстановление привилегий парижского купечества.
1411-1412. Междоусобная война между арманьяками и бургиньонами.
1411. Возобновление войны с Англией.
1415. Генеральные штаты в Париже и требование ими реформ. Восстание „кабошийцев". „Кабошийский" ордоннанс об административных реформах.
1415. Победа королевской власти над парижским движением. Поражение при Азенкуре.
1417. Генрих V английский в Нормандии.
1418-1419. Взятие Руана. Покорение Нормандии англичанами.
1418. Захват Парижа Иоанном Бесстрашным.
1419. Умерщвление Иоанна Бесстрашного. Союз его преемника Филиппа Доброго с Англией.
1420. Генрих V в Париже. Генрих V признан наследником французского престола.
1422. Смерть Генриха V и Карла VI и провозглашение Генриха VI Английского королем Ф.
1422-1461. Карл VII.
1423-1424. Завоевание англичанами Шампани и Мена.
1425. Перемирие с Бургундией.
1426. Победа Дюнуа над англичанами при Монтаржи.
1428. Экспедиция Солсбери во Ф. и осада им Орлеана.
1429. Жанна д'Арк в Шиноне. Освобождение Орлеана. Коронация Карла VII в Реймсе.
1430. Плен Жанны д'Арк после поражения при Компьене.
1431. Процесс и сожжение Жанны д'Арк в Руане.
1432. Взятие Шартра и победа над англичанами при Герберуа.
1433-1434. Освобождение от англичан окрестностей Парижа.
1435. Мир с Бургундией в Аррасе.
1436. Завоевание Парижа. Жак Кер во главе заведывания монетным делом и финансами.
1438. Прагматическая санкция в Бурже: признание верховенства вселенского собора и ограничение прав папы.
1439. Генеральные штаты в Орлеане. Установление тальи в качестве постоянного прямого налога.
1440. Восстание феодальной аристократии во главе с дофином Людовиком (la Praguerie).
1443. Учреждение парламента в Тулузе.
1444. Перемирие с Англией на 5 лет. Неудачный поход на Мец.
1445. Ордоннанс об организации кавалерии (compagnies d'ordonnance).
1446. Окончательный разрыв Карла VII с дофином Людовиком.
1448. Ордоннанс об организации правильной пехоты (francs-archers).
1449. Возобновление войны с Англией. Осада и взятие Руана.
1450. Победа при Форминьи над англичанами. Завоевание Нормандии. Реабилитация Жанны д'Арк.
1451-1453. Завоевание Гиени.
1451-1453. Процесс и осуждение Жака Кера.
1452. Поражение англичан при Кастильоне.
1453. Осада и взятие Бордо. Полное освобождение Ф. и конец Столетней войны. Реформа парижского парламента и создание в нем новой палаты (Tournelle). Уничтожение выборности судебных должностей. Учреждение парламента в Гренобле.
1455-1457. Процесс и изгнание поэта Биллона.
1455. Миниатюры Жеана Фуке.
1456. Поход Карла VII в Дофинэ и бегство дофина Людовика в Бургундию.
1458. Протекторат Карла VII над Генуей.
1459. Расправа с мятежными феодалами. Захват части Люксембурга.
1461-1483. Людовик XI.
1462. Присоединение Руссильона и Сердани.
1462. Запрещение парижскому парламенту вмешиваться в администрацию и финансы. Учреждение парламента в Бордо.
1463. Выкуп уступленных Бургундии городов. Отмена Прагматической санкции.
1464. Организация правильной почтовой службы.
1464-1465. Образование крупными феодалами „лиги общественного блага" и восстание их против короля. Уступки короля.
1467. Признание несменяемости членов парламента.
1467-1477. Карл Смелый, герцог бургундский.
1468. Свидание Людовика XI с Карлом Смелым в Перонне и отказ от выкупленных городов.
1469. Возвращение Шампани.
1469. Начало книгопечатания в Париже.
1471-1472. Война с Бургундией и Бретанью.
1475. Вторжение Эдуарда IV в Нормандию.
1477. Гибель Карла Смелого и захват Людовиком XI бургундского наследства. Учреждение парламента в Дижоне.

1478-1479. Завоевание Бургундии, Франш-Конте и Артуа.
1482. Договор в Аррасе, признающий захваты Людовика XI.
1482. Присоединение Мена и Прованса.
1483-1498. Карл VIII.
1483-1491. Регентство Анны Боже.
1484. Генеральные штаты в Туре. Первый случай участия в выборах крестьян. Требования реформ.
1485-1488. Восстания феодалов, известные под именем „безумной войны" (guerre folle).
1488-1491. Борьба с Англией и Испанией из-за бретанского наследства.
1491. Брак Карла VIII с Анной Бретанской и присоединение Бретани к Ф.
1492. „Вечный" мир с Англией.
1493. Возвращение Испании Руссильона и Сердани. Отказ от Артуа и Франш-Конте в пользу Максимилиана Габсбургского.
1494. Поход Карла VIII в Италию.
1495. Отступление из Италии.
1498-1515. Людовик XII.
1499. Завоевание Милана. Учреждение в Руане парламента.
1500. Союз Людовика XII с Фердинандом V Испанским. Договор в Гренаде о совместном завоевании Неаполя. Мемуары Филиппа Коммина.
1501. Завоевание Неаполитанского королевства соединенными силами Испании и Ф. Учреждение парламента в Эксе.
1503. Война между Ф. и Испанией из-за обладания Неаполем.
1504. Мир с Испанией на условиях отказа Ф. от Неаполя.
1507. Усмирение Генуи.
1509. Участие Ф. в Камбрейской лиге против Венеции.
1511. Образование папой Юлием II священной лиги против Ф. Церковный собор в Туре и защита привилегий французской церкви. Победы Гастона де Фуа в Италии и его смерть.
1512. Потеря Милана.
1513. Вытеснение франц. из Италии.
1514. Заключение мира с Англией и Испанией.
1515-1547. Франциск I.
1515. Поход Франциска I в Италию. Победа при Мариньяно. Завоевание Милана.
1516. Свидание Франциска I с папой Львом X. Болонский конкордат, подчиняющий французскую церковь королевской власти. Соглашение с будущим Карлом V о Фландрии и Артуа в Нойоне.
1517-1519. Хлопоты Франциска I в Германии о получении императорской короны.
1520. Союз Англии и Испании против Ф.
1521. Защита Лефевра Детапля от нападений Сорбонны.
1521-1526. Первая война с Карлом V.
1521. Вторжение французов в Люксембург. Потеря французами Милана.
1522. Поражение французов при Бикоке. Вторжение армий Карла V и Генриха VIII английского в Пикардию. Первый государственный заем во Ф.
1523. Измена и бегство коннетабля Бурбона.
1524. Вторжение армии Карла V в Прованс и осада Марселя.
1525. Сражение при Павии. Поражение и плен Франциска I. Обращение Франциска I за помощью к Турции.
1525-1528. Первые преследования еретиков во Ф. Разгром группы протестантов в Мо.
1526. Мадридский мир. Отказ Ф. от Бургундии и Италии. Нарушение мирного договора Франциском I. Лига итальянских государств под покровительством Ф. Соглашение с папой Климентом VII в Коньяке.
1527-1529. Вторая война с Карлом V.
1527. Разгром Рима коннетаблем Бурбоном.
1528. Поход французов в Италию для завоевания Неаполя. Измена Генуи и неудача французов. Утверждение Сулейманом Великолепным привилегий Ф. в Египте.
1529. Поражение французов при Ландриано. „Дамский" мир в Камбрэ и сохранение за Ф. Бургундии. Процесс и казнь Беркена.
1530. Основание Collège de France.
1531. Покровительство Франциска I Шмалькальденскому союзу немецких протестантов.
1532. Примирение и соглашение с Англией. „Гаргантюа" Рабле.
1534. Тайный договор Франциска I с Филиппом Гессенским. Переговоры с Меланхтоном.
1534. День „прокламаций" (journée des placards) и выступление в Париже протестантов.
1534-1542. Путешествие Картье в Сев. Америку.
1535. Королевский эдикт об искоренении ереси. Первые казни. Бегство Клемана Маро из Ф. Занятие Милана Карлом V. Договор с Турцией (капитуляции) о привилегиях французов на Востоке. Заключение оборонительного и наступательного союза против Карла V.
1535-1538. Третья война с Карлом V.
1536. Занятие французами Савойи и Пьемонта. Вторжение Карла V в Прованс. „Наставление христианской веры" Кальвина. Привилегии иностранным фабрикантам. Лионский эдикт о преследовании ереси.
1537. Неудачная кампания французов во Фландрии.
1538. Монморанси — коннетабль и ближайший советник Франциска I. Перемирие в Ницце на 10 лет и соглашение о Милане. Cymbalum mundi Депорье.
1539. Соглашение с Карлом V в Толедо о полном примирении. Устройство государственной лоттереи.
1540. Эдикт в Фонтенебло о беспощадном истреблении ереси. Разгром вальденсов в Провансе. Нарушение Карлом V условий соглашения о Милане и союз его с Англией против Ф.
1541-1544. Четвертая война с Карлом V.
1542. Вторжение французов в Люксембург и Руссильон.
1543. Завоевание французами Артуа.
1544. Победа французов при Черизоле. Вторжение Карла V в северную Ф. и движение его на Париж. Мир в Крепи. Захват Генрихом VIII Булони.
1546. Мир с Англией и признание за ней Булони на 8 лет. Сожжение Этьенна Доле. Начало сооружения Лувра.
1547-1559. Генрих II.
1547. Учреждение при парижском парламенте особой палаты (chambre ardente) для суда над еретиками.
1548-1550. Война с Англией и возвращение Булони.
1549. Расширение полномочий церковных властей в деле преследования ереси.
1549. Установление общего таможенного тарифа в защиту местной промышленности.
1550-1555. Быстрое распространение кальвинизма.
1551. Эдикт в Шатобриане о порядке преследования еретиков.
1552. Соглашение Генриха II с немецкими протестантами против Карла V.
1552-1559. Война Генриха II с Испанией.
1552. Захват Ф. „трех епископств": Меца, Туля и Вердена.
1552-1553. Осада Меца Карлом V.
1554. Поход французов в Бельгию.
1555. Потеря французами Сиены.
1557. Поражение при Сен-Кантэне. Исповедание веры французских протестантов.
1558. Гиз отнимает у англичан Кале. Демонстрация протестантов в Париже.
1559. Мир с Испанией в Като-Камбрези и окончательный отказ Ф. от притязаний на Милан и Неаполь. Первый церковный собор протестантов в Париже. „Королевское заседание" в парламенте и расправа с сочувствующими протестантизму членами парламента.
1559-1560. Франциск II.
1559. Переход власти к Гизам.
1560. Заговор в Амбуазе. Арест и процесс Конде.
1560-1574. Карл IX.
1560. Екатерина Медичи во главе правления. Примирение ее с Бурбонами.
1560. Лопиталь—канцлер. Генеральные штаты. Диспут в Пуасси между католиками и протестантами.
1561. Приостановка преследований гугенотов. Союз Гизов и Монморанси для борьбы с протестантизмом.
1562. Разрешение протестантского богослужения. Избиение гугенотов в Васси.
1562-1563. Первая религиозная война.
1563. Колиньи в Орлеане. Умерщвление Гиза.
1563. Мир в Амбуазе. Признание свободы протестантского культа.

1564. Первая иезуитская коллегия во Ф.
1565. Соглашение Екатерины Медичи с Испанией о борьбе с протестантами.
1566-1568. Вторая религиозная война.
1567. Осада Конде Парижа и победа его при Сен-Дени.
1568. Мир в Лонжюмо. Отставка Лопиталя.
1569-1570. Третья религиозная война.
1569. Поражения протестантов при Жарнаке и Монконтуре.
1570. Мир в Сен-Жермене. Передача гугенотам крепостей.
1572. Соглашение с Англией против Испании. Брак Генриха Наваррского с Маргаритой Валуа. Варфоломеевская ночь. Погромы протестантов в провинциях.
1572-1573. Четвертая религиозная война.
1573. Эдикт о разрешении протестантского культа только в трех городах. Протестантское собрание в Мильо.
1573-1574. Политическая организация гугенотов. Заговор Франциска Алансонского и Генриха Наваррского.
1574-1589. Генрих III.
1574. Союз „политиков“ и гугенотов против королевской власти.
1574-1576. Пятая религиозная война.
1575. Нимское собрание протестантов и окончательная организация „гугенотской республики“.
1576. Генрих Наваррский во главе протестантов. Мир в Болье. Католическая лига в Пикардии. Генеральные штаты в Блуа. Попытка их ограничить королевскую власть.
1577. Присоединение Генриха III к лиге и отмена привилегий протестантов.
1577. Шестая религиозная война. Эдикт в Бержераке, ограничивающий прежние привилегии гугенотов.
1580. Седьмая религиозная война („война влюбленных“). Мир в Фле. „Essais“ Монтеня.
1580-1583. Франциск Анжуйский в Нидерландах.
1581. Ордонданс об организации ремесленных корпораций.
1584. Смерть Франциска Анжуйского и переход права наследования французского престола к Генриху Наваррскому.
1585. Католическая лига в Париже. Договор Гизов с Филиппом II о военной помощи. Манифест католической лиги из Перонны.
1585-1589. Восьмая религиозная война („война трех Генрихов“).
1587. Победа Генриха Наваррского при Кутра.
1588. Восстание лигеров в Париже. Генрих Гиз—наместник королевства. Бегство Генриха III из Парижа.
1588-1589. Генеральные штаты в Блуа. Борьба с Генрихом III.
1588. Умерщвление Гизов.
1589. Отложение Парижа от Генриха III и требование его низложения. Союз Генриха III с Генрихом Наваррским. Умерщвление Генриха III.
1589-1610. Генрих IV Бурбон.
1589. Победа над лигой при Арке.
1590. Победа Генриха IV при Иври. Осада Парижа и освобождение его Александром Фарнезе.
1591. Эдикт в Манте, восстанавливающий прежние привилегии гугенотов.
1592. Осада Генрихом IV Руана.
1593. Переход Генриха IV в католицизм. Satyre Ménippée.
1594. Генрих IV в Париже. Подчинение ему Ф. Реорганизация военных сил непримиримых гугенотов.
1594-1596. Восстание крестьян (croquants).
1595. Примирение Генриха IV с папой Климентом VIII. Изгнание иезуитов.
1595-1598. Война с Испанией.
1596. Поход Генриха IV в Франш-Конте.
1597. Завоевание Амьена. Сюлли—во главе управления финансами. Ордоннанс о ремеслах.
1598. Нантский эдикт и примирение с гугенотами.
1598. Мир с Испанией в Вервене.
1599. Организация Сюлли ведомства путей сообщения.
1600. Брак Генриха IV с Марией Медичи. „Театр земледелия“ Оливье де Серра.
1600-1601. Успешная война с Савойей.
1601. Лионский мир с Савойей. Присоединение Бюже и Жекса.
1602. Заговор и казнь Бирона.
1603. Возвращение иезуитов. Начало мануфактуры Гобеленов.
1604. Возобновление „капитуляций“ Франциска I на Востоке. Торговый договор с Испанией. Начало колонизации Канады Шампленом. Установление постоянного налога с владельцев судебных должностей (la paulette) и окончательное признание несменяемости членов парламентов.
1606. Соглашение Генриха IV с немецкими протестантами против Габсбургов. Торговый договор с Англией.
1607. Посредничество Генриха IV между Испанией и Голландией.
1608. Союз Генриха IV с Голландией. Основание Квебека и начало „Новой Франции“ в Америке.
1610. Союз Генриха IV с протестантской унией в Германии и приготовления к войне с Австрией. Умерщвление Генриха IV.
1610-1643. Людовик XIII.
1610. Парижский парламент признает Марию Медичи регентшей.
1611. Политическое движение среди гугенотов.
1612. Мир и союз с Испанией.
1612-1614. Восстание принцев.
1614-1615. Последние генеральные штаты.
1616. Новое восстание принцев.
1617. Вступление Ришелье в королевский совет.
1617. Эдикт о введении католического богослужения в Беарне.
1617-1619. Война с гугенотами.
1617. Умерщвление Кончини и устранение Марии Медичи от правления. Люин.
1618-1619. Поход Людовика XIII против гугенотов.
1619. Мир с гугенотами в Монпелье.
1624. Ришелье—первый министр († 1642). Защита Вальтелины от покушений Испании.
1626. Заговор Шале.
1628-1629. Война с гугенотами.
1629. Взятие Ла-Рошели. „Эдикт милости“, лишающий гугенотов политических прав, но сохраняющий за ними свободу исповедания. Соглашение с Густавом Адольфом о вмешательстве его в Тридцатилетнюю войну.
1630. Посредничество французской дипломатии на сейме в Регенсбурге. Попытка низвержения Ришелье Марией Медичи и Анной Австрийской (journée des dupes).
1632. Восстание Монморанси в Лангедоке.
1635. Основание французской Академии. Французы на Антильских о-вах. Заключение союза с Швецией и Голландией. Объявление войны Испании.
1636. „Сид“ Корнеля.
1637. „Discours de la méthode“ Декарта.
1638-1640. Завоевание Эльзаса.
1639. Восстание „босоножек“ в Нормандии.
1640. Трактат Янсена об Августине.
1641-1642. Заговор Сен-Марса.
1642. Осуждение янсенизма. Завоевание Руссильона.
1643-1715. Людовик XIV.
1643. Парижский парламент кассирует завещание Людовика XIII. Анна Австрийская—регентша. Мазарини—первый министр. Победа Конде при Рокруа.
1643-1644. Крестьянские восстания.
1645. Завоевание французами прирейнской области. Победа при Нордлингене. Первый конфликт правительства с парламентом.
1646-1647. Поход Конде в Каталонию.
1647. Тюрен в Баварии.
1648. Вестфальский мир. Присоединение Эльзаса. Пор-Рояль—центр янсенистского движения. Второй конфликт правительства с парламентом. Постановление парижского парламента об объединении верховных палат (arrêt d'union). Арест советника Брусселя. Восстание в Париже и начало фронды.
1649. Гражданская война в Париже и провинциях. Соглашение правительства и парламента в Рюэйле.
1650. Арест Конде и восстание принцев. Движение в Бордо.
1651. Соединение „парламентской фронды“ с „фрондой принцев“

Изгнание Мазарини. Восстание Конде и возобновление гражданской войны.

1652. Возвращение Мазарини и его вторичное изгнание. Конде в Париже. Бегство его в Испанию. Возвращение правительства в Париж.

1653. Окончательное возвращение Мазарини. Взятие Бордо и ликвидация фронды.

1653-1656. Военные успехи французов во Фландрии, Италии и Испании.

1655. Полное подавление оппозиции в парламенте. Соглашение Мазарини с Кромвелем против Испании и торговый договор с Англией.

1656. Неудачная попытка примирения с Испанией.

1656-1657. „Провинциальные письма“ Паскаля.

1657. Военный союз с Англией.

1658. Образование в Германии рейнского союза под покровительством Ф. Завоевание Тюреном всей приморской Фландрии.

1659. Пиренейский мир с Испанией и присоединение к Ф. Руссильона, Артуа и части Лотарингии.

1660. Посредничество Ф. при заключении мира в Оливе между северными державами.

1661. Смерть Мазарини и вступление Людовика XIV в управление. Кольбер во главе финансов.

1662. Уничтожение Кольбером ненужных должностей. Королевская мануфактура Гобеленов. Торговый договор с Голландией.

1663-1664. Участие Ф. в войне Австрии против турок.

1663-1665. Поддержка Португалии в ее борьбе за независимость.

1664. Общий покровительственный тариф. Мануфактура в Бове. Основание ост-индской и вест-индской торговых компаний.

1665. Кольбер—генеральный контролер финансов († 1683). Организация выделок зеркал в Париже.

1665-1666. Grands Jours d'Auvergne.

1666. Лувуа во главе военного ведомства. Учреждение Академии наук.

1667. Запретительный тариф против Голландии. Гражданское уложение (ordonnance civile). „Андромаха“ Расина.

1667-1668. Деволюционная война.

1668. Договор с Австрией о разделе испанского наследства. Тройственный союз Англии, Голландии и Швеции против Ф. Ахенский мир и присоединение к Ф. части фландрских городов. Прекращение папой борьбы против янсенистов. „Тартюф“ Мольера.

1669. Ордоннанс об управлении водами и лесами. Регламент об организации промышленных предприятий.

1670. Союз с Англией. Устав уголовного судопроизводства.

1672. Договор о союзе с Швецией. Французы в долине Миссисипи.

1672-1678. Война с Голландией.

1672. Вторжение в Голландию и неудача под Амстердамом.

1673. Образование коалиции против Ф. Взятие французами Маастрихта. Торговое уложение. Запрещение парламентских ремонстраций.

1674. Завоевание Франш-Конте французами. Приобретение от Англии Дюнкерка. Завоевание Пондишери и утверждение французов в Индостане.

1675-1677. Победы Тюренa, Люксембурга и Креки.

1679. Нимвегенский мир. Присоединение Франш-Конте.

1679-1681. „Палаты присоединения“ и захват французами спорных областей.

1679-1684. Сооружение главного корпуса Версальского дворца.

1681. Захват французами Страсбурга. Ордоннанс о морском праве. Ордоннанс о неграх (code noir). „Discours sur l'histoire universelle“ Боссюэ. Образование против Ф. коалиции.

1681-1685. Гонения против протестантов.

1682. Перенесение королевской резиденции в Версаль. Церковный собор и провозглашение 4 статей о вольностях галликанской церкви. Утверждение французов в Луизиане.

1683. Перемирие в Регенсбурге и признание за Ф. сделанных захватов.

1684. Брак Людовика XIV с г-жой Ментенон.

1685. Собрание духовенства требует уничтожения протестантской религии. Драгоннады против протестантов. Отмена Нантского эдикта.

1686. Образование против Ф. аугсбургской лиги.

1687-1697. Война с аугсбургской лигой.

1688-1689. Опустошение французами Пфальца.

1689. Присоединение Англии к коалиции против Ф.

1689-1691. Неудачная экспедиция французов в Ирландию.

1692. Установление продажности муниципальных должностей.

1693. Отказ Людовика XIV от применения галликанской декларации.

1695. Введение поголовного налога (capitation). Эдикт о церковной юрисдикции. Осуждение квиетизма.

1697. Рисвикский мир. Признание за Ф. Страсбурга.

1698. Договор Людовика XIV с Вильгельмом III о разделе испанского наследства.

1700. Второй договор о разделе испанского наследства. Завещание Карла II испанского в пользу внука Людовика XIV Филиппа Анжуйского.

1701. Филипп V в Испании. Образование новой коалиции против Ф.

1701-1714. Война за испанское наследство.

1702-1704. Восстание камизаров.

1704. Поражение французов при Гохштедте.

1705. Осуждение янсенистов.

1706. Поражение французов при Рамильи и Турине. Успехи в Испании. Победы при Барселоне и Альмансе.

1707. „Королевская десятина“ Вобана.

1708. Поражение французов при Уденарде и капитуляция Лилля.

1709. Неудача мирных переговоров в Гааге. Поражение французов при Мальплаке. Закрытие Пор-Рояля.

1710. Победа французов и испанцев при Виллависиозе. Введение „десятины“ (dixième) в качестве чрезвычайного налога.

1711. Начало мирных переговоров с Англией.

1712. Победа Виллара при Денене.

1713. Утрехтский мир с Голландией и Англией. Уступка части американских колоний. Папская булла Unigenitus против янсенистов.

1714. Раштаттский мир с Австрией.

1715-1774. Людовик XV.

1715. Кассация завещания Людовика XIV парижским парламентом и объявление Филиппа Орлеанского регентом с полнотой королевских прав. Возвращение парламентам права ремонстраций. Учреждение советов по отдельным отраслям управления.

1716. Судебная палата для преследования откупщиков и спекулянтов. Учреждение банка Ло.

1717. Учреждение Западной компании. Тройственный союз с Англией и Голландией. Сближение и торговый договор с Россией.

1718. Подавление парламентской оппозиции и уничтожение советов. Объявление банка Ло королевским. Заговор герцогини Менской и Селламаре. Четверной союз Ф., Англии, Голландии и Австрии против Испании.

1718-1720. Война с Испанией.

1719. Преобразование Западной компании в постоянную Индийскую компанию. Биржа.

1720. Мир с Испанией. Ло—генеральный контролер. Крах банка и бегство Ло.

1721. „Персидские письма“ Монтескье.

1723-1726. Министерство герцога Бурбона.

1725. Разрыв с Испанией и брак Людовика XV с Марией Лещинской.

1726-1743. Министерство Флери.

1726-1729. Вольтер в Англии.

1730. Дюпле в Индостане.

1733-1738. Война за польское наследство.

1734. „Письма об Англии“ Вольтера. Взятие Филиппсбурга.

1735. Лабурдоннэ на Иль-де-Франсе.

1737. Уступка Австрией Лотарингии Станиславу Лещинскому.

1738. Венский мир и признание права на престол в Австрии за Марией-Терезией.

1740. Возобновление капитуляций на Востоке и признание за

Ф. протектората над католиками в Палестине.

1740-1748. Война за австрийское наследство.

1741. Союз с Пруссией, Испанией и Баварией против Австрии. Поход французов в Чехию и занятие Праги.

1742. Измена Пруссии союзникам и отступление из Чехии.

1744. Объявление войны Англии.

1745. Победа Морица Саксонского при Фонтенуа.

1745-1746. Завоевание французами Бельгии.

1745. Маркиза Помпадур.

1746. Победы Лабурдоннэ над англичанами в Индии и взятие Мадраса.

1748. Ахенский мир и возвращение Ф. всех завоеваний. „Дух законов“ Монтескье.

1749. Первые томы „Естественной истории“ Бюффона.

1750. „Рассуждение о науках и искусствах“ Руссо.

1751. Завоевание Декана в Индии Дюпле. Первый том „Энциклопедии“.

1754. Возобновление борьбы с Англией в Америке.

1756. Союз Ф. с Австрией.

1756-1763. Семилетняя война.

1756. Захват Минорки.

1757. Поражение при Росбахе.

1758. Поражение при Крефельде. Организация оружейных заводов. „Tableau économique“ Кенэ.

1758-1770. Министерство Шуазеля.

1759. Завоевание англичанами Канады и большей части французских владений в Индии.

1760. Военные успехи в средней Германии.

1761. „Фамильный договор“ с Испанией. Потеря Пондишери и Антильских о-вов.

1762. „Общественный договор“ Руссо. Предоставление свободы домашней промышленности в деревнях.

1761-1762. Поход парижского парламента против иезуитов.

1762. Процессы Каласа и Сирвена. Выступление Вольтера в защиту протестантов.

1763. Парижский мир. Уступка Англии Канады и части Антильских о-вов.

1763. Временное предоставление свободы хлебной торговле.

1764. Закрытие учреждений ордена иезуитов во Ф. „Философский словарь“ Вольтера.

1766. Борьба с парламентами из-за установления новых налогов. Присоединение Лотарингии.

1766-1769. Борьба Эгильона с бретанскими штатами.

1768. Присоединение Корсики. Моцу—канцлер.

1770. Процесс Эгильона в парижском парламенте. Опала Шуазеля.

1771. Уничтожение парламентов Моцу и реформа судебного ведомства.

1773. Уничтожение ордена иезуитов.

1774-1792. Людовик XVI.

1774. Восстановление парламентов. Тюрго—генеральный контролер. Свобода торговли хлебом.

1775. Мучная война.

1776. Уничтожение дорожной барщины. Отмена цехов. Столкновение с парламентом и отставка Тюрго. Учреждение учетной кассы. Отмена реформ Тюрго. Неккер во главе финансов.

1777. Лафайет и французские добровольцы в Америке.

1778. Союз Ф. с американскими колониями.

1778-1783. Война с Англией.

1778-1780. Введение провинциального самоуправления в 3 провинциях.

1779. Отмена серважа в королевских доменах.

1781. Опубликование бюджета и отставка Неккера. Запрещение доступа к офицерским должностям не-дворянам.

1783. Версальский мир.

1783-1787. Министерство Калонна.

1784-1785. „Дело с ожерельем“.

1784. „Свадьба Фигаро“ Бомарше.

1786. Торговый договор с Англией. Программа реформ Калонна.

1787. Созыв нотаблей и оппозиция их реформам Калонна. Министерство Бриенна и борьба его с парламентами. Торговый договор с Россией.

1788. Законы о равноправии протестантов. Введение местного самоуправления во всей Ф. Новая попытка уничтожения парламентов. Восстания в Бретани и Дофинэ. Возвращение к власти Неккера. Созыв генеральных штатов.

1789. Выборы в генеральные штаты. Национальное собрание. Клятва в Jeu de Paume и соединение сословий. Восстание в Париже и взятие Бастилии. Городская и сельская революция по всей Ф. Начало эмиграции дворянства. „Ночное“ заседание и отмена феодальных привилегий. Уничтожение церковной десятины. Выработка декларации прав и основных начал конституции. Поход Парижа на Версаль. Мирабо—посредник между королем и Национальным собранием. Секуляризация церковных имуществ. Выпуск ассигнатов и начало распродажи национальных имуществ.

1790. Клубы якобинцев и кордельеров в Париже. Признание необязательности монашеских обетов. Закон Ле-Шапелье о запрещении рабочих союзов. Уничтожение цехов. Уничтожение дворянских титулов. Законы об отмене феодальных прав. Гражданское уложение о духовенстве. Организация новых судов и уничтожение парламентов. Уничтожение внутренних таможен. Декрет о присяге духовенства.

1791. Присоединение Авиньона. Реорганизация армии. Бегство Людовика XVI в Варенн и временное отрешение его от власти. Республиканская демонстрация на Марсовом поле и кровавая расправа с демонстрантами. Закон об организации национальной гвардии. Окончательное утверждение конституции. Законодательное собрание. Жирондисты и монтаньяры. Декреты против эмигрантов и неприсяжных священников.

1792. Жирондистское министерство. Война с Австрией и Пруссией. Отставка жирондистского министерства. Демонстрация 20 июня. Объявление отечества в опасности. Набор волонтеров и созыв федератов. Манифест герцога Брауншвейгского. Революционная Коммуна в Париже и низвержение монархии. Дантон—министр. Уничтожение монашеских орденов. Падение Лонгви и Вердена. Сентябрьские убийства. Победа Дюмурье над пруссаками при Вальми. Национальный Конвент. Провозглашение республики.

1792-1804. Первая республика.

1792. Сражение при Жемаппе и завоевание Бельгии. Завоевание левого берега Рейна, Савойи и Ниццы. Процесс Людовика XVI.

1793. Казнь Людовика XVI. Присоединение к коалиции против Ф. Англии, Испании, германских и итальянских государств. Поражение Дюмурье при Неервиндене и бегство его за границу. Восстание в Вандее. Учреждение революционного трибунала. Учреждение Комитета общественного спасения. Борьба жирондистов с Парижской Коммуной. Восстания 31 мая и 2 июня и падение жирондистов. Бегство уцелевших жирондистов в департаменты и гражданская война. Принятие республиканской конституции. Падение Дантона. Умерщвление Марата. Безвозмездное уничтожение крестьянских повинностей. Робеспьер во главе Комитета общественного спасения. Карно—во главе военного ведомства. Поголовный набор (levée en masse). Закон о максимуме. Организация террора. Закон о подозрительных. Гибель жирондистов. Победы при Гондшоте и Ваттиньи и освобождение французской территории от неприятелей. Революционный календарь. Культ Разума в Париже.

1794. Раскол среди якобинцев. Гибель гебертистов. Гибель Дантона. Завоевание французами Бельгии. Декрет о культе Верховного Существа. Потеря колоний. Победа Журдана при Флерюсе. Усиление террора. Переворот 9 термидора и гибель Робеспьера. Термидорианская реакция. Закрытие якобинского клуба. Возвращение жирондистов. Отмена максимума. Завоевание левого берега Рейна.

1795. Завоевание Голландии Пишегрю. Отделение церкви от государства и провозглаше-

ние свободы культов. Восстания 12 жерминаля и 1 прериаля в Париже. Заключение мира с Пруссией, Испанией и Голландией. Белый террор на юге Ф. Основание Французского Института. Конституция III года. Восстание 13 вандемьера и подавление его Бонапартом. Организация правительства Директории. Измена Пишегрю.

1796. Усмирение вандейского восстания. Заговор Бабефа. Кампания Моро и Журдана в Германии. Победы Бонапарта в Италии. Экспедиция Гоша в Ирландию.

1797. Успехи Гоша в Германии. Победа реакции на выборах V года. Леобенское перемирие с Австрией. Организация Цизальпинской и Лигурийской республик. Переворот 18 фрюктидора и ссылка роялистов. Возобновление преследований католического духовенства. Мир с Австрией в Кампо-Формио. Раштаттский конгресс.

1798. Преобразование Голландии в Батавскую республику. Римская республика. Гельветическая республика в Швейцарии. Победа на выборах якобинцев и переворот 22 флореаля. Экспедиция Бонапарта в Египет. Победа Бонапарта над мамелюками при пирамидах и уничтожение французского флота Нельсоном при Абукире. Закон о рекрутском наборе. Завоевание Бонапартом Египта. Присоединение к Ф. Пьемонта.

1799. Партейнопейская республика в Неаполе. Образование против Ф. второй коалиции. Поход Бонапарта в Сирию и неудача его под Акрой. Вступление Сийеса в Директорию. Переворот 30 прериаля. Суворов в Италии. Его победы при Адде, Требии и Нови. Реставрация и реакция в Неаполе. Победа Бонапарта над турками при Абукире. Законы о принудительном займе и о заложниках. Возрождение якобинского клуба. Победы Массены при Цюрихе и Брюна в Голландии. Возвращение Бонапарта и соглашение его с Сийесом. Переворот 18 брюмера. Учреждение временного консульства. Выработка конституции VIII года и введение ее в действие. Полное умиротворение Вандеи. Утверждение власти Бонапарта плебисцитом.

1800. Административная реформа и проведение системы централизации. Учреждение Французского банка. Судебная реформа. Капитуляция Генуи. Победа Бонапарта при Маренго и завоевание Ломбардии. Победа Моро при Гогенлиндене. Покушение на жизнь Бонапарта („адская машина") и ссылка республиканцев.

1800-1801. Сближение с Россией и переговоры о союзе.

1801. Люневиллький мир с Австрией. Капитуляция французской армии в Египте. Присоединение к Ф. Пьемонта. Возвращение Луизианы. Заключение конкордата с папой Пием VII. Бонапарт—президент итальянской республики.

1802. Возвращение эмигрантов. Организация протестантской церкви во Ф. Органические статьи об отправлении культа и опубликование конкордата. „Дух христианства" Шатобриана. Амьенский мир с Англией. Орден почетного легиона. Бонапарт—пожизненный консул. Конституция X года. Учреждение торговых палат. Усмирение Сан-Доминго.

1803. Секуляризация церковных владений в Германии. Протекционистский тариф. Советы мануфактур. Возобновление войны с Англией. Занятие французами Ганновера. Посредничество Бонапарта в Швейцарии и ее фактическое подчинение Ф. Продажа Луизианы Соединенным Штатам.

1804. Заговор Кадудаля. Казнь герцога Энгиенского. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона). Провозглашение Наполеона Бонапарта императором.

1804-1814. Наполеон I.

1804. Конституция XII года. Коронование Наполеона папой Пием VII.

1805. Присоединение к Ф. Генуи. Наполеон—король Италии. Установление налога на соль. Третья коалиция против Ф. Поражение французского флота при Трафальгаре. Победа Наполеона при Ульме и занятие Вены. Победа при Аустерлице. Пресбургский мир с Австрией.

1806. Уничтожение священной Римской империи. Рейнский союз в Германии. Жозеф Бонапарт в Неаполе. Луи Бонапарт в Голландии. Кодекс гражданского судопроизводства. Союз России и Пруссии против Наполеона. Разгром прусских армий при Иене и Ауэрштедте. Занятие французами Берлина. Декрет о континентальной блокаде. Наполеоя в Варшаве. Сражение при Пултуске.

1807. Сражение при Прейсиш-Эйлау. Взятие Данцига. Победа над русскими при Фридланде. Тильзитский мир и союз с Россией. Уничтожение трибуната. Закон о составлении кадастра. Ограничение несменяемости судей. Кодекс торгового права. Жером Бонапарт—король Вестфалии. Организация Варшавского герцогства. Договор с Испанией о разделе Португалии. Поход французов в Португалию. Присоединение к Ф. Тосканы. Миланский декрет о континентальной блокаде.

1808. Занятие Рима. Установление нового дворянства. Организация ведомства народного просвещения („императорский университет"). Низложение Бурбонов в Испании. Жозеф Бонапарт—король Испании. Мюрат—король Неаполя. Свидание Наполеона и Александра I в Эрфурте. Поход Наполеона в Испанию.

1809. Война с Австрией. Победа Наполеона при Ваграме. Присоединение Рима к Ф. Отлучение Наполеона папой и арест папы. Венский мир с Австрией. Уступка ею Иллирии.

1810. Уложение о наказаниях. „О Германии" г-жи Сталь. Закон об установлении цензуры. Брак Наполеона с Марией Луизой. Присоединение Голландии и части северной Германии к Ф. Утверждение французского владычества в Испании. Нарушение Россией континентальной блокады. Установление табачной монополии. Трианонский запретительный тариф.

1811. Церковный собор в Париже и восстановление галликанских принципов. Окончательная организация „университета." Промышленный кризис.

1812. Разрыв с Россией. Союз с Австрией и Пруссией. Движение „великой армии" в Россию. Сражения при Смоленске и Бородине. Занятие французами Москвы. Отступление и разгром „великой армии". Заговор Мале в Париже. Неудачи французов в Испании.

1813. Русско-прусский союз против Ф. Конкордат в Фонтенебло. Победы Наполеона при Люцене и Бауцене. Посредничество Австрии и конгресс в Праге. Присоединение Австрии к коалиции. Победа Наполеона при Дрездене. Поражение Наполеона при Лейпциге. Освобождение Германии от французов. Изгнание французов из Испании.

1814. Роспуск законодательного корпуса за оппозицию. Вторжение неприятельских армий во Ф. Капитуляция Парижа. Низложение Наполеона и реставрация Бурбонов. Первый парижский мир и возвращение Ф. к границам 1792 г. Конституционная хартия Людовика XVIII. Отмена континентальной блокады и умеренно-покровительственный тариф. Возвращение эмигрантам нераспроданных имуществ. Венский конгресс.

1815. Возвращение Наполеона во Ф. и бегство Людовика XVIII. Возобновление коалиции против Ф. „Дополнительный акт" к конституциям империи. Поражение Наполеона при Ватерлоо и отречение его от престола. Вторая капитуляция Парижа и вторая реставрация Бурбонов. Наполеон на о. св. Елены.

1815-1824. Людовик XVIII. Кабинет Ришелье. Белый террор и „бесподобная“ палата. Второй парижский мир и оккупация части Ф. иностранными войсками.

1816. Исключительные законы и роялистская реакция. Роспуск „бесподобной палаты“.

1817. Избирательный закон, устанавливающий ценз в 300 франков прямых налогов.

1818. Реорганизация армии. Ахенский конгресс и освобождение Ф. от оккупации.

1818-1819. „Доктринерское“ министерство Дессоля-Деказа.

1819. Установление свободы печати. Подвижная скала пошлин на хлеб.

1820. Умерщвление герцога Беррийского и отставка Деказа. Ограничение свободы печати. Закон о двойном голосовании в пользу земельной аристократии.

1820-1822. Военные заговоры против Бурбонов.

1821. Смерть Наполеона.

1822. Переход власти к ультра-роялистам. Кабинет Виллеля. Протекционный тариф. „Трактат об ассоциации“ Фурье.

1823. Поход французов в Испанию и подавление испанской революции. „Вновь обретенная“ палата.

1824. Разрыв Шатобриана с правительством. Епископ Фрейсину во главе народного просвещения.

1824-1830. Карл X.

1825. Закон о вознаграждении эмигрантов. Закон о святотатстве.

1826. Усиление протекционистского тарифа. Неудачная попытка восстановить принцип первородства. Кампания против иезуитов. Монлозье и раскол среди роялистической партии.

1827. Сближение с Англией и Россией. Роспуск национальной гвардии. Образование общества „aide-toi“ и объединение роялистической и либеральной оппозиции. Наваринская битва. Победа оппозиции на выборах.

1828. Кабинет Мартиньяка. Облегчение положения печати. Ордоннанс против церковных школ. Французская экспедиция в Грецию.

1828-1830. „Сен-симоновская доктрина“.

1829. Законопроекты о местном самоуправлении и падение кабинета Мартиньяка. Кабинет Полиньяка. Ассоциации о неплатеже налогов. Образование орлеанистской партии. Переговоры о союзе с Россией.

1830. Тронная речь Карла X и адрес 221 о недоверии министерству. Роспуск палаты депутатов. Взятие Алжира. Победа оппозиции на выборах. Ордонансы о введении цензуры и изменении избирательного закона. Июльская революция. Герцог Орлеанский—наместник королевства. Переделка конституционной хартии и провозглашение герцога Орлеанского королем.

1830-1848. Людовик Филипп.

1830. „Партия движения“ у власти. Кабинет Лафита. Сближение с Англией и совместная защита Бельгии.

1831. Торжество „партии сопротивления“. Кабинет Перье. Понижение избирательного ценза до 200 франков. Отмена наследственности пэров. Восстание рабочих в Лионе.

1832. Оккупация французами Анконы. Легитимистическое движение в Вандее. Процесс сен-симонистов. „Общество друзей народа“ и республиканское восстание. Министерство 11 октября (Бройль, Гизо, Тьер) и программа „золотой середины“. Освобождение Антверпена от голландцев.

1833. Закон о низшем народном образовании. Закон о местном управлении и введение в управление выборного принципа. Республиканское „общество прав человека“.

1834. Республиканские восстания в Париже и Лионе. Четверной союз Ф., Англии, Испании и Португалии.

1835. Покушение Фиески на жизнь Людовика Филиппа. Сентябрьские законы против печати, собраний и союзов.

1836. Распадение „партии сопротивления“ на правый и левый центры. Кабинет Тьера. Попытка сближения с Австрией. Попытка Людовика Наполеона провозгласить себя в Страсбурге императором.

1836-1839. Министерство Моле. Установление личного режима Людовика Филиппа.

1836-1838. „Destinée sociale“ Консидерана.

1837. Начало систематического завоевания Алжира. Взятие Константины.

1838. Эвакуация Анконы.

1839. „Общество времен года“ (Бланки и Барбес) и республиканское восстание в Париже. Конфликт между Турцией и Египтом. Поддержка Ф. египетских притязаний. „Организация труда“ Луи Блана.

1840. 2-й кабинет Тьера. Соглашение 4 держав против Египта и изоляция Ф. Перевоз праха Наполеона в Париж. Попытка Людовика Наполеона провозгласить империю в Булони. „Путешествие в Икарию“ Кабе.

1840-1848. Кабинет Гизо.

1841. Соглашение с державами о Турции и восстановление европейского концерта. Конвенция о проливах. Закон об ограничении детского труда.

1842. Восстановление „сердечного согласия“ с Англией. Закон о постройке железных дорог.

1843. Победы Бюжо над Абдель-кадером в Алжире. Взятие Смалы.

1844. Война с Марокко. Победа при Исли.

1845. Закрытие иезуитских школ.

1846. Начало агитации за свободу торговли.

1847. „Испанские браки“ и разрыв с Англией. Сближение Гизо с Меттернихом и реакционная политика Ф. в Швейцарии и Италии. Капитуляция Абдель-кадера и окончательное утверждение французов в Алжире. Агитация в пользу избирательной реформы.

1848. Победа Гизо в палате над оппозицией. Парижский банкет и восстание 22 февраля. Февральская революция. Отречение и бегство Людовика Филиппа. Образование временного правительства. Провозглашение республики.

1848-1852. Вторая республика.

1848. Признание права на труд. Организация национальных мастерских. Учредительное собрание. Закрытие национальных мастерских и восстание рабочих 23—26 июня. Кавеньяк—глава правительства. Политическая реакция. Республиканская конституция. Избрание Людовика Наполеона президентом республики.

1849. Французская интервенция в Риме для восстановления папской власти. Законодательное собрание. Восстание республиканцев 13 июня и полное торжество реакции.

1850. Закон Фаллу о народном образовании. Закон об ограничении всеобщего избирательного права. Учреждение пенсионной кассы для рабочих.

1851. Борьба президента с собранием. Отклонение законодательным собранием пересмотра конституции. Переворот 2 декабря. Утверждение полномочий Людовика Наполеона плебисцитом.

1852. Новая конституция на основе принципов конституции VIII г. Уничтожение свободы печати. Развитие обществ взаимопомощи среди рабочих. Меры для объединения железнодорожных компаний. Учреждение банков движимого и земельного кредита. Спор об обладании св. местами в Палестине. Провозглашение империи.

1852-1870. Наполеон III.

1853. Брак Наполеона III с Евгенией Монтихо. Сближение с Англией и выступление в защиту Турции. Присоединение Новой Каледонии. Начало перестройки Парижа Османном.

1853-1856. Постепенное смягчение протекционистского тарифа.

1854. Англо-французский союз и война с Россией. Смягчение закона о рабочих книжках. Осада Севастополя. Расширение французских владений на Сенегале.

1855. Усиление централизации управления. Переговоры с Россией о мире в Вене. Всемирная выставка в Париже. Взятие Севастополя.

1856. Парижский конгресс и парижский мир. Преобладание Ф. в Европе.
1857. Экономический и финансовый кризис. Появление в законодательном корпусе республиканской оппозиции. Сближение с Россией. Завоевание Кабилии и экспедиция в Китай.
1858. Покушение Орсини на жизнь Наполеона III. Закон об общественной безопасности и усиление репрессий против республиканцев. Соглашение в Пломбьере с Кавуром о союзе против Австрии. Экспедиция в Аннам. Договор с Китаем в Тянь-цзине о торговых льготах.
1859. Взятие Сайгона. Конвенция о правительственной гарантии железнодорожных компаний. Война с Австрией в союзе с Сардинией. Победы при Маджента и Сольферино. Цюрихский мир и передача Ломбардии Сардинии. Амнистия политическим преступникам. Завоевание Сенегамбии. Вторая экспедиция в Китай.
1860. Торговый договор с Англией на основе взаимного понижения пошлин. Разрыв с клерикальной партией из-за итальянского вопроса. Присоединение Савойи и Ниццы. Экспедиция в Сирию для защиты маронитов. Взятие Тянь-цзина и Пекина. Пекинский договор с Китаем о торговых льготах и защите христианских миссий. Предоставление законодательным учреждениям права вотировать адрес и расширение их полномочий.
1861. Уничтожение подвижной скалы хлебных пошлин. Расширение бюджетных прав законодательных учреждений. Соглашение с Англией и Испанией о вмешательстве в мексиканские дела.
1862. Мексиканская экспедиция. Делегаты рабочих на Лондонской выставке. Присоединение Сайгона и Нижней Кохинхины.
1863. Успехи оппозиции на выборах в законодательный корпус. Дюрюи во главе народного просвещения. Завоевание Пуэблы и занятие Мексики. Максимилиан — император Мексики. Дипломатическая интервенция в защиту Польши и ее неудача.
1864. Соглашение с Италией о защите светской власти папы. Учреждение империи в Мексике. Учреждение Первого Интернационала. Образование во Ф. рабочей партии. Признание за рабочими права коалиций.
1865. Образование первой секции Интернационала во Ф. Соглашение Наполеона III с Бисмарком в Биаррице о войне между Австрией и Пруссией.
1866. Эвакуация Мексики по требованию Соед. Штатов. Посредничество Наполеона III при заключении мира между Пруссией, Италией и Австрией и передача Италии Венеции.
1867. Предоставление законодательным учреждениям права интерпелляции. Разгром организаций Интернационала во Ф. Конфликт с Пруссией по вопросу о Люксембурге и разрешение его путем нейтрализации Люксембурга. Максимилиан расстрелян в Мексике. Всемирная выставка в Париже. Занятие Рима французским гарнизоном в связи с выступлением гарибальдийцев. Присоединение западной Кохинхины. Протекторат над Камбоджей.
1868. Закон о реорганизации армии. Законы о печати и собраниях. Рост республиканской оппозиции (Гамбетта и Рошфор).
1869. Выборы в законодательный корпус и новые успехи оппозиции. Возрождение организаций Интернационала во Ф. Программа конституционных реформ и либеральной политики.
1870. Министерство Оливье. Умеренное вление Виктора Нуара Пьером Бонапартом. Демонстрация на его похоронах. Утверждение новой конституции плебисцитом. Конфликт с Пруссией из-за кандидатуры на испанский престол Леопольда Гогенцоллерна.
1870-1871. Франко-германская война.
1870. Вторжение пруссаков в Эльзас. Ряд сражений у Меца. Поражение французов при Седане и капитуляция Наполеона III. Провозглашение в Париже республики. „Правительство национальной обороны". Капитуляция Базена в Меце. Осада Парижа. Организационная деятельность Гамбетты и продолжение борьбы в провинциях.
1871. Капитуляция Парижа. Национальное собрание в Бордо. Тьер—во главе государства.
1871-1873. Президентство Тьера.
1871. Договор о мире в Версале. Восстание 18 марта в Париже. Организация Парижской Коммуны и борьба ее с версальским правительством.
1871. Взятие Парижа и разгром Коммуны. Военные суды и расправа с участниками восстания. Франкфуртский мир с Германией: уступка Эльзаса и части Лотарингии, 5 миллиардов контрибуции.
1872. Введение всеобщей воинской повинности.
1873. Уплата контрибуции и освобождение французской территории. Интриги монархистов против Тьера и его отставка.
1873-1879. Президентство Мак-Магона.
1873. Клерикальная реакция. Сооружение храма Sacré-Coeur. Неудача монархической реставрации. Закон о семилетнем сроке полномочий президента республики.
1875. Угроза войны с Германией и устранение ее вмешательством Англии и России. Конституционные законы для организации республики. Роспуск Национального собрания.
1876. Победа республиканцев на выборах в палату депутатов. Преобразование республиканской партии—оппортюнисты.
1877. Попытка государственного переворота. Монархический кабинет Бройля и роспуск палаты депутатов. Торжество республиканцев на выборах и падение кабинета Бройля.
1877-1878. Возрождение социалистического движения.
1878. Участие Ф. в Берлинском конгрессе. Всемирная выставка в Париже.
1879. Переход большинства в сенате в руки республиканцев и отставка Мак-Магона.
1879-1887. Президентство Греви.
1879. Перенесение столицы в Париж. Рабочий конгресс в Марселе. Организация социалистической партии.
1880. Амнистия коммунарам. Фритредерский тариф.
1880-1881. Кабинет Ферри. Установление национального праздника 14 июля.
1881. Законы о свободе печати и свободе собраний.
1881. Закон об обязательном и бесплатном низшем светском образовании. Декреты против церковных конгрегаций. Установление французского протектората в Тунисе.
1882. Закон об избрании мэров в городских и сельских общинах. Франко-английская интервенция в Египте. Финансовый кризис.
1883-1885. 2-ой кабинет Ферри.
1883. Приостановка принципа несменяемости судей и очистка магистратуры от монархистов Экспедиция в Индо-Китай. Установление протектората над Аннамом.
1884. Замена пожизненных членов сената выборными. Закон о разводе. Закон о профессиональных союзах. Занятие Тонкина. Война с Китаем. Участие Ф. в берлинской конференции о разделе Африки.
1885. Тянь-цзинский мир с Китаем и отказ Китая от притязаний на Аннам. Повышение пошлин на хлеб. Занятие Обака на Красном море.
1886. Изгнание членов царствовавших династий. Конвенция правительства с железнодорожными компаниями.
1887-1889. Буланжистское движение. Объединение вокруг Буланже реакционн. элементов.
1887. Объединение управления Индо-Китаем.
1887-1894. Президентство Карно.
1888. Первый заем России. Занятие французского Конго. Крах панамской компании.
1889. Ликвидация буланжистского движения. Всемирная выставка в Париже. Съезд в Париже рабочих делегатов и образование Второго Интернационала.

1890. Признание католическим духовенством республики. Присоединение к республике большинства прежних монархистов (ralliés).
1891. Заключение франко-русского союза.
1892. Энциклика папы о признании республики. Процесс панамской компании. Военная конвенция с Россией.
1892. Установление протекционистского тарифа. Закон об охране труда женщин и детей.
1893. Успех социалистов на выборах. Жорес и Гед. Образование французской колонии на Береге слоновой кости. Завоевание Дагомеи.
1894. Осуждение Дрейфуса. Умерщвление Карно анархистом Казерио.
1894-1895. Президентство Казимира Перье. Вмешательство вместе с Россией и Германией в китайско-японскую войну.
1895-1899. Президентство Фора.
1895. Основание общей конфедерации труда (C. G. T.). Занятие Тимбукту. Протекторат над Мадагаскаром.
1896. Присоединение Мадагаскара.
1897. Начало движения в пользу пересмотра дела Дрейфуса.
1898. Закон об охране рабочих от несчастных случаев. Процесс Золя. Торговое соглашение с Италией. Занятие области озера Чад. Конфликт с Англией из-за Фашоды.
1899-1906. Президентство Лубе.
1899. Попытка государственного переворота со стороны реакционеров. Англо-франц. соглашение о разграничении в области центральной Африки.
1899-1902. Министерство Вальдека Руссо. Мильеран—министр.
1899. Пересмотр дела Дрейфуса и его вторичное осуждение. Социалистический конгресс в Париже. Раскол по вопросу о вступлении социалистов в буржуазные министерства.
1900. Помилование Дрейфуса и амнистия. 10-часовой рабочий день. Представительство рабочих в советах труда. Всемирная выставка в Париже. Участие Ф. в подавлении боксерского движения в Китае. Тайное соглашение между Ф. и Италией о размежевании сфер влияния в Африке.
1901. Закон о религиозных конгрегациях. Окончательное завоевание всей Сахары.
1902-1905. Министерство Комба.
1902. Декреты о закрытии церковных школ и борьба с духовенством.
1903. Очистка военного ведомства от реакционных элементов.
1904. Договор с Англией о Египте и Марокко. Тесное сближение между Англией и Ф. Разрыв Ф. с папской курией и уничтожение французской миссии при Ватикане. Закон о светском преподавании и окончательная отмена закона Фаллу. Договор с Испанией о Марокко. Запрещение преподавания конгреганистам.
1905. Конфликт с Германией из-за Марокко. Закон о двухлетнем сроке военной службы. Закон об отделении церкви от государства и отмена наполеоновского конкордата.
1906-1913. Президентство Фалльера.
1906. Алжезирасская конференция о Марокко. Признание преобладания Ф. в Марокко. Ликвидация дела Дрейфуса. Закон о воскресном отдыхе. Победа на выборах радикальной партии.
1906-1909. Министерство Клемансо.
1907. Бунт виноделов на юге Ф. Соглашение Англии с Россией и образование „тройственного согласия".
1907-1908. Стачечное движение среди рабочих и чиновников и борьба с ним правительства.
1908. Выкуп государством западной железной дороги.
1909-1911. Министерство Бриана. Закон о пенсиях рабочим и крестьянам. Соглашение с Германией о Марокко. Смягчение мер при применении закона об отделении церкви от государства. Война в Марокко.
1910. Объединение французской экваториальной Африки. Подавление железнодорожной забастовки.
1911. Новое вмешательство Германии в марокканский вопрос. Агадирский инцидент. Предотвращение войны вмешательством Англии. Соглашение с Германией и уступка ей части французского Конго.
1912. Министерство Пуанкаре. Установление французского протектората в Марокко.
1913-1920. Президентство Пуанкаре.
1913. 20 февр. Образование кабинета Бриана.
21 марта. Образование министерства Барту.
7 июля. Принятие палатой депутатов закона о 3-х годичном сроке военной службы.
8 дек. Образование министерства Думерга. Кайо — мин. финансов.
1914. 16 марта. Убийство редактора „Figaro" — Кальметта m-me Кайо и отставка Кайо.
10 мая. Выборы в палату депутатов. Блок радикалов и социалистов получил неустойчивое большинство.
1 июня. Отставка Думерга.
9 июня. Попытка образования кабинета Рибо.
13 июня. Сформирование кабинета Вивиани.
15—29 июля. Поездка президента Пуанкаре и премьера и мин. иностр. дел Вивиани в Петербург.
20—29 июля. Суд и оправдание m-me Кайо.
31 июля. Убийство Жореса.
1 авг. Начало войны.
4 авг. Палата единогласно голосует за военные кредиты. Военные неудачи. Пограничное сражение проиграно.
13 авг. Отмена ввозных пошлин на хлеб.
26 авг. Реконструкция каб. Вивиани. Министерство „национальной обороны".
2 сент. Отъезд правительства в Бордо.
5—9 сент. Победа на Марне.
22 дек. Возвращение правительства в Париж.
1915. 16 окт. Введение твердых цен на зерно, муку и хлеб.
29 окт. Отставка каб. Вивиани.
29 окт. Образование министерства Бриана.
1916. Март. Атака Вердена германцами.
26 апр. Тайное соглашение с Россией о разделе Азиатской Турции.
15 мая. Тайное соглашение с Англией о разделе Азиатской Турции.
18 мая. Введение новых налогов.
Июль — авг. Усиление антимилитаристич. настроений. Выступления Бризона в палате депутатов против войны.
5 окт. Выпуск внутреннего займа.
Ноябрь. Рост забастовочного движения.
Дек. Реконструкция кабинета Бриана.
13 дек. Отставка Жоффра и назначение главнокомандующим Нивелля.
1917. 21 мар. Образование кабинета Рибо.
Апр.—май. Неудачное наступление в Шампани. Отставка Нивелля (15/v) и замена его Петеном. Фош—нач. ген. штаба.
Май — июнь. Рабочие волнения. Крупные забастовки в деп. Луары. Требование участия в Стокгольмской конференции. Революционное брожение в войсках, бунт в 118-м батальоне.
7 сент. Отставка каб. Рибо и образование министерства Пенлеве.
18 сент. Падение кабинета Пенлеве; сформирование национал. министерства Клемансо.
Декабрь. Конференция Ген. Конфедер. Труда в Клермон-Ферране; победа революционного течения.
1918. Январь. Борьба с пацифистской пропагандой. Арест Кайо. Многочисленные процессы с вынесением смертных приговоров по обвинению в шпионаже и сношениях с Германией.
Март. Конференция революционных синдикалистов в Сент-Этьене.
Март—июль. Последнее германское наступление.
14 апр. Назначение Фоша верховн. главнокомандующим англо-французских армий.
16 июля. Конгресс Ген. Конфед. Труда. Критика деятельности центрального бюро и протест против интервенции в России.
Июль—август. Процесс Мальви и присуждение его к 5-летней ссылке без лишения право.

Июль—ноябрь. Контр-наступление союзников.
11 нояб. Перемирие с Германией.
Дек. Бурные трения в палате депутатов по вопросу о мире. Победа Клемансо.

1919. 18 янв. Начало мирных переговоров в Париже.
19 февр. Покушение анархиста Коттена на Клемансо.
30 марта. Оправдание Вилена, убившего Жореса.
18 апр. Принятие палатой депутатов закона о 8-ми час. рабочем дне.
Май. Образование „Комитета III Интернационала".
Май—июнь. Сильное стачечное движение.
28 июня. Подписание Версальского мирного договора.
7 июля. Реформа избирательного права. Отмена мажоритарной системы выборов.
Июль. Продовольств. затруднения. Назначение Нуланса продовольствен контролером.
15—21 сент. Конгресс Ген. Конфед. Труда в Лионе, преобладающее влияние революционных синдикалистов.
2 окт. Ратификация Версальского договора палатой депутатов (372 против 52, возд. 73).
16 нояб. Выборы в палату депутатов. Победа национального блока.
18 дек. Переизбрание Дешанеля президент. палаты.

1920. 17 янв. Избрание Дешанеля президентом республики.
18 янв. Отставка Клемансо и образован. кабин. Мильерана.
17 февр.—23 апр. Процесс и осуждение Кайо.
20 февр. Назначение Пуанкаре президентом репарационной комиссии.
25 февр.—1 марта. Забастовка железнодорожников (бастует 230.000 ч.).
Февр.—март. Конференция социалистической партии в Страссбурге. Усиление влияния „группы III Интернационала". Постановление о выходе из II Интерн.
12 марта. Закон о профессиональных союзах.
21 мая. Новая забастовка железнодорожников. Вмешательство Ген. Конфед. Труда и поражение бастующих.
11 авг. Заключение военной конвенции с Бельгией.
16 сент. Отставка Дешанеля.
23 сент. Избрание Мильерана президентом.
24 сент. Кабинет Лейга.
27 сент.—2 окт. Конгресс Ген. Конфед. Труда в Лионе, преобладание реформистского течения.
Дек. Раскол социалистической партии на съезде в Туре. Большинство присоединяется к Коминтерну, меньшинство входит в Венский ($2^1/_2$) Интернационал.

1921. 15 янв. Отставка Лейга и образование кабинета Бриана.
30 июля. Конгресс Ген. Конфед. Труда в Лилле.
Авг. — окт. Забастовка текстильщиков.
6 окт. Висбаденское соглашение между Лушером и Ратенау.
Дек. Первый съезд коммунистической партии в Марселе.

1922. 15 янв. Отставка Бриана и образование кабинета Пуанкаре.
6 фев. Подписание экономического договора с Польшей.
Назначение Барту председателем репарацион. комиссии.
16 июля. Заключение военной конвенции с Румынией.
Июль—авг. Забастовка в Ганре. Столкновения бастующих с войсками и полицией.
24-х час. всеобщая забастовка протеста в Париже.
26—30 июля. Конгресс Ген. Конф. Труда в С.-Этьене. Раскол во франц. професс. движении. Образование революционной „Унитарной конфедерации труда".

1923. 11 янв. Оккупация Рура.
Февр. Забастовка горнорабочих в Эльзасе.
28 февр. Ратификация соглашения с Польшей о нефтяных источниках в Галиции. Избрание Думерга президент. сената.
10 апр.—25 мая. Забастовка текстильщиков в сев. областях.
12—17 ноября. Съезд Унитарной Конфедерации Труда в Бурже.

1924. 27 янв. Договор с Чехословакией.
28 марта. Реконструкция каб. Пуанкаре.
Май. Победа левого блока на парламентских выборах.
Июнь. Отставка Пуанкаре и образование кабинета Франсуа-Марсаля.
10 июня. Отставка Франсуа-Марсаля и президента Мильерана.
13 июня. Избрание Думерга президентом.
14 июня. Образование радикал-соц. кабинета Эррио (Клемантель—мин. финансов).
28 окт. Признание Ф. СССР.

1925. Апрель. Отставка мин. финанс. Клемантеля. Назначение на его место де-Монзи.
10 апр. Отставка кабинета Эррио.
17 апр. Образование кабинета Пенлеве. Кайо—мин. фин.
10 июля. Соглашение с Испанией о Марокко.
13 июля. Начало эвакуации Рура.
31 июля. Эвакуация Эссена.
7 авг. Восстание друзов в Сирии.
17 авг. Начало военн. действий в Марокко.
26 авг. Петэн—главнокоманд. в Марокко.
1 окт. Временное соглашение с Соед. Штатами о франц. долге.
5 окт. Начало конференции в Локарно.
18 окт. Бомбардировка восставшего Дамаска.
29 окт. Преобразование кабинета Пенлеве.
30 окт. Отозвание ген. Сарайля из Сирии.
28 ноября. Образование кабинета Бриана.
1 дек. Подписание Локарнского договора.

1926. 24 янв. Первый во Ф. крестьянский съезд (Париж).
6 февр. Суд над коммунистом Кашеном за антимилитаристическое воззвание (15 мес. тюрьмы и 2000 фр. штрафу).
14 февр. Эвакуация Бибана в Марокко.
10 марта. Образование девятого кабинета Бриана.
14 апр. Манифестация гражд. служащих в Париже.
29 апр. Соглашение с Соед. Штатами о франц. долге.
8 мая. Наступление против Абд эль Керима.
24 мая. Съезд франц. социалист. партии в Клермон-Ферроне.
1 июня. Соглашение с Турцией о Сирии.
23 июня. Десятый кабинет Бриана.
12 июля. Соглашение о фундировании франц. долга Англии подписано в Лондоне Кайо и Черчилем.
19 июля. Кабинет Эррио.
20 июля. Франк падает до 50,59 за доллар.
23 июля. Кабинет Пуанкаре.
21—26 июля. Съезд ком. партии Ф. в Лилле.
31 июля. Финансовый билль Пуанкаре принят палатою.
5 авг. Подписано временное торговое соглашение с Германией.
9 авг. Однодневная забастовка франц. горняков в знак сочувствия английским.
10 авг. Национальное собрание дает полномочие Пуанкаре на проведение фин. реформы.
20 сент. Свидание Бриана со Штреземаном в пограничн. франц. местечке Туари.
16—18 окт. Съезд партии радикалов-социалистов в Бордо.
4 ноября. Франк непрерывно поднимается. Доллар равен 29,63 фр.
12 ноября. При возобновлении сессии палаты кабинет получает вотум доверия большинством 365 против 207 голосов.
Декабрь. Появление и усиление безработицы в связи с повышением курса франка.

1927. 6 янв. Отмена экспортных пошлин.
9 янв. Частичные выборы в сенат. Правые получили 41 место, партии б. левого блока—67 мест (правые потеряли 9 мест).
11 янв. Президентом палаты избран социалист Бюиссон.
14 янв. Президент. сената избран Поль Думер, правый республиканец.
19 янв. Первые демонстрации безработных в Париже, организованные унитарными профессион. союзами металлистов и пищевиков.

3 февр. Сдача вождя друзов Хассан Эль-Атрама в Сирии.
24 февр. В целях борьбы с безработицей организованы общественные работы по постройке шоссе и каналов.
19 марта. Франко-Германский протокол о взаимном наибольшем благоприятствовании.
29 марта. Соглаш. о сотрудничестве в Шанхае между франц. и англ. командованием.
28 апреля. Локаут 10.000 рабочих на автомобильных заводах Ситроэн.
15 мая. Мин. внутренн. дел Сарро требует от палаты разрешение на предание суду Дорио и др. коммун. депутатов.
17 мая. Думерг и Бриан в Лондоне: „Сердечное согласие продолжается".
21 мая. Свидание Чичерина и Раковского с Пуанкаре и Брианом.
3 июня. Комиссия палаты отказала правительству в выдаче депутатов-коммунистов.

чуть не гражданской войны, которая могла привести Третью республику на край гибели. Объясняется это целым рядом фактов. Прежде всего здесь сказалось усиление консервативных и прямо реакционных тенденций в значительной части буржуазии, напуганной после кризиса Панамы ростом социалистических идей и анархических стремлений. Сказалась здесь также и политика умеренных у власти, видные представители которых, будучи сами свободными мыслителями, считали нужным мирволить клерикалам и прямо заявляли, что отныне в отношениях правительства к религиозным вопросам будет веять „новый дух" (речь Спюллера 20 марта 1894 г.). Как дополнение к этой „терпимости", все усиливалась нетерпимость к республике в лагере воинствующих католиков и монархистов при лицемерном признании нового режима „присоединившимися", которые мечтали, как бы пропитать насквозь республиканскую форму реакционными началами. Затем, со времени буланжизма, шла усиленная пропаганда в массах шовинистских и милитаристских идей, пропаганда, в которой участвовали, рядом с реакционерами и фанатиками реванша, в роде Деруледа, многие искренние республиканцы, приучавшие этим нацию видеть в воинской власти святая святых государства, а самих носителей этой власти — смотреть на себя, как на особую привилегированную касту, которую не смеют критиковать мирные обыватели, ни даже представители гражданской власти. В связи с этим клерикалы и монархисты, разочаровавшиеся в возможности низвержения республики прямым нападением, старались захватить ее обходным движением, а с этой целью набирали побольше сторонников в войсках. В частности оказалось заполнено их креатурами высшее командование,— что превратило генеральный штаб французской армии, по яркому выражению Эмиля Золя, в настоящую „иезуитню" (jésuitière). Наконец, в возбуждении, вызванном делом Дрейфуса, имел большое влияние тесно связанный с националистической и милитаристской агитацией рост антисемитизма. Вначале, во второй половине 80-х гг., он казался крайне искусственным плодом агитации, исходившей от кучки далеко не бескорыстных юдофобов, в роде Эдуарда Дрюмона, а десятью годами позже, отчасти под влиянием „панамских" и других финансовых скандалов, в которых было замешано несколько видных еврейских банкиров, нашел немало сторонников среди мало сознательных элементов нации и особенно в рядах реакционных демагогов.

Только сочетанием этих разных факторов, причудливо переплетшихся вокруг дела Дрейфуса, и можно объяснить громадные размеры и внутреннее значение различных перипетий „дрейфусиады". Сначала общее равнодушие страны. Затем изолированные попытки некоторых интеллигентов и политиков найти „истину". Оплевание их усилий „улицею" и шовинистами. Постепенное вхождение в дело выдающихся представителей различных течений: Золя, Клемансо, Жореса, А. Франса, с одной стороны; Дрюмона, Рошфора, Деруледа, Леметра,—с другой. Упорное сопротивление военной клики, стремившейся, за блестящим исключением людей, в роде полковника Пикара, затушевать истину и во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности первоначальную легенду о виновности „жида". Подлог, грязь, кровь (самоубийство подполковника Анри) в „иезуитне". Первоначальное нежелание гражданской юстиции помогать делу истины и справедливости. Нерешительность прежнего парламента и военно-шовинистский гипноз, охвативший новую палату (выборы 8—22 мая 1898 г.), несмотря на присутствие в ней даже слегка увеличившегося—до 57 членов — числа социалистов, но лишенных таких вожаков, как Жорес и Гед, павших жертвами клерикально-милитаристской агитации. Падение так или иначе причастных к „делу" министерств Мелина (15 июня 1898 г.), Бриссона (25 октября 1898 г.), Шарля Дюпюи (12 июня 1899 г.) и появление „кабинета национальной обороны" Вальдека-Руссо, которому в течение почти трехлетнего пребывания у власти (22 июня 1899 г. — 3 июня 1902 г.) удалось отразить все свирепые атаки клерикально-

шовинистски-милитарной коалиции на республику и укрепить, казалось, окончательно рушившийся новый строй.

Переломный пункт в политической эволюции Ф. следует, впрочем, видеть уже ранее того, в избрании Эмиля Лубэ (483 голосами против 279 голосов, поданных за Мелина на заседании конгресса 18 февраля 1899 г.) на пост президента республики, оставшийся вакантным после смерти Феликса Фора. Новый президент не отличался особенно выдающимися достоинствами, но был известен прочностью своих республиканских убеждений, а с момента избрания невольно привлек симпатии передовой Ф. твердостью и гражданским мужеством, проявленными им в этот критический момент Третьей республики. Надо сказать, что в числе обстоятельств, вызвавших падение кабинета Дюпюи и замену его кабинетом Вальдека-Руссо, фигурировали грубое нападение на Лубэ со стороны некоего роялистского пшюта на Отейльских скачках (4 июня 1899 г.) и последовавшая ровно через неделю (11 июня 1899 г.) на скачках же в Лоншане колоссальная демократическая манифестация в честь первого сановника республики. Министерство Вальдека-Руссо, большая часть членов которого принадлежала к умеренной и радикальной партиям с уклоном налево, приобретало интересный и вместе парадоксальный характер вследствие присутствия в нем таких показательных личностей, как сам премьер, взявший себе вместе с тем портфель министра внутренних дел, социалист Мильеран, ставший министром торговли, и генерал Галлифе, занявший пост военного министра. В Вальдеке-Руссо еще недавно центр республиканской армии видел своего естественного вождя. Карикатура изображала его даже в виде „императора умеренных“. Но этот умеренный по своим воззрениям и вкусам государственный деятель обладал редкой энергией и политической дальновидностью, далеко возвышавшими его над средним уровнем правящего персонала республики и приближавшими его до известной степени к великим торийским министрам Англии. Возмущенный прежде всего в качестве первоклассного юриста вопиющими нарушениями права в деле Дрейфуса, Вальдек-Руссо понимал, что отчаянная борьба между врагами и защитниками злополучного капитана выражает лишь столкновение двух мировоззрений, которое должно было неизбежно повести к настоящей гражданской войне с ее, как ему казалось, гибельными последствиями для Ф. Чтобы предотвратить эту войну, он и поднял на себя необыкновенно тяжелое в эти критические дни бремя премьерства. Но, сделав своею ближайшею задачею защиту республики, он счел нужным опереться в борьбе против ее врагов на лиц, сотрудничество которых в одном кабинете показалось тогда многим верхом политического дерзания.

Давши одно из министерств, правда, не первостепенное, социалисту Мильерану, он поставил во главе армии одного из свирепейших подавителей Коммуны, „маркиза“ Галлифе, одно имя которого уже возбуждало среди социалистов непреодолимое отвращение. Можно предполагать, что этот акт, в котором даже горячие сторонники Вальдека-Руссо в левом лагере видели крупную тактическую ошибку, был совершон великим оппортюнистом если не вполне преднамеренно, то по внушению политического чутья. Оно должно было подсказать ему план: не рассчитывать при обороне республики исключительно на крайние левые элементы, могшие увлечь правительство слишком далеко по пути коренных преобразований, но дать известные гарантии и тем из умеренных республиканцев, которые искренно поддерживали кабинет. Нейтрализация крайних стремлений обоих крыльев республиканской армии в интересах торжества действительно прогрессивной, но умеренной республики—таков был идеал, к которому, видимо, стремился Вальдек-Руссо, как показывают некоторые характерные особенности его политической деятельности за время пребывания его у власти. Как бы то ни было, всеобщую сенсацию произвел новый кабинет не только присутствием в нем Галлифе, но и вхождением в него социалиста Мильерана. Именно по этому вопросу, лишь обостренному нена-

вистью к палачу коммунаров, социалистический мир раскололся на две долго враждовавшие части и не только в Ф., но и во всем мире. „Участие социалистов в буржуазном правительстве“ было предметом страстных полемик и взаимных анафем в местной и заграничной прессе, горячих обсуждений и зачастую двусмысленных резолюций на национальных и интернациональных рабочих съездах.

Положение дел во Ф. при появлении у власти нового министерства было таково. На поле агитации за или против Дрейфуса партии и течения группировались по законам особого сродства, вызывавшего странные для поверхностного взгляда сочетания и коалиции. Против Дрейфуса дружной ратью шли националисты, милитаристы, антисемиты, бывшие буланжисты, плебисцитарные республиканцы и фанатики-патриоты, в роде Деруледа, почти все монархисты и реакционеры, клерикалы непримиримого и клерикалы „присоединившегося“ толка, наконец, не мало радикалов и большинство умеренных, сбитых с толку „патриотическим“, как им казалось, настроением рядовых обывателей. За Дрейфуса стояли наиболее передовые элементы так называемой буржуазной интеллигенции, непримиримые антиклерикалы и испытанные республиканцы как радикального, так и умеренного лагеря, антимилитаристы и анархисты, а из социалистов часть „независимых“, следовавших за Жоресом, и алльманисты. Гедисты же и бланкисты, ровно как те из независимых, которые не желали скомпрометировать себя чересчур горячим участием в деле (в роде самого Мильерана), стояли за нейтралитет в этой, как выражался один из социалистических манифестов, „семейной ссоре буржуазии“. Что касается страны в целом, то ее настроения были довольно неопределенны, местами противоречивы, то обнаруживая значительный индифферентизм к делу, то поворачиваясь, как флюгер, из стороны в сторону под влиянием различных, порою совершенно неожиданных событий. При таких-то условиях приходилось прежде всего ликвидировать юридически дело Дрейфуса. Впечатление, произведенное на страну помилованием вновь осужденного самого Дрейфуса, а также вотированной через год (30 декабря 1900 г.) амнистией для всех лиц, причастных на той или другой стороне к делу Дрейфуса, не особенно способствовало успокоению, так как оба лагеря были одинаково сильно разочарованы. Идейные дрейфусисты были возмущены тем, что военная клика, придумавшая преступную махинацию против еврея, осталась без наказания, заклятые же противники Дрейфуса — тем, что он вырывался из их когтей, а „изменники“, поддерживавшие его, оказывали даже влияние на политику страны.

Как бы то ни было, именно на этом компромиссе решило остановиться правительство Вальдека-Руссо, считавшего нужным так или иначе покончить с дрейфусиадой, чтобы приняться за те реформы, которые требовались, по мнению премьера, прежде всего самой обороной республики, а затем и вообще ее судьбами. Встречаясь повсюду в первых рядах врагов нового режима с клерикалами, как это было и во время подготовления мак-магоновского coup d'tÉat и во время буланжистской агитации,—Вальдек озаботился выработкой мер, могущих ввести в известные рамки враждебную деятельность воинствующих католиков, принимавших теперь постоянное участие, на ряду с националистами, в заговорах против республики. Возобновлялась в известном смысле антиклерикальная политика Жюля Ферри, но возобновлялась при изменившихся условиях. Авторитарный министр 80-х годов вел борьбу с религиозными ассоциациями. Теперь искренние республиканцы не могли удовлетвориться одной этой борьбой, так как не только социалисты, но и буржуазные демократы требовали пересмотреть по этому поводу все законодательство об ассоциациях, проникнутое во Ф. со времени Великой революции страхом правящих классов перед принципом коалиции. Вальдек-Руссо тем менее мог сопротивляться этому настроению, царившему среди передовых республиканцев, что именно он был отцом закона 1884 г. о профессиональных синдикатах, закона, давшего впервые воз-

*

можность широкой организации человеческих усилий, хотя бы и в хозяйственной сфере на почве пореволюционной Ф. В результате ожесточенной борьбы партий в парламенте и стране, при чем наиболее последовательные социалисты стояли за отмену всяких ограничений против каких бы то ни было союзов, 2 июля 1901 г. был обнародован закон об „ассоциационном договоре". Он дозволял свободное без малейших формальностей и сношений с администрацией образование всяких ассоциаций вообще, имеющих „иную цель, чем дележ прибылей", хотя признавал „юридическую правоспособность" лишь за теми из этих союзов, которые заявят властям о своем существовании и сообщат им сведения о цели общества. Но тот же самый закон устанавливал ряд ограничений для религиозных ассоциаций, которые должны заручиться предварительным разрешением государства, не имеют права без этого разрешения заниматься педагогической деятельностью, ни в коем случае не могут увеличивать свои капиталы выше размеров, требуемых непосредственными задачами общества, и т. п., а в случае несоблюдения этих условий подлежат немедленному закрытию и ликвидации. Таков крупнейший закон, проведенный кабинетом национальной обороны, глава которого, как мы увидим ниже, не захочет, однако, итти за радикальным большинством новой палаты в чересчур строгом толковании этих антиклерикальных мер.

Социальные законы и декреты, касающиеся условий труда, относятся к другой важной группе мероприятий, проведенных кабинетом по инициативе „министра - социалиста" Мильерана. Наиболее крупный из этих актов, закон 30-го марта, вносивший изменения в закон 2 ноября 1892 г. о труде детей, несовершеннолетних девушек и женщин, представлял на ряду с положительными сторонами и отрицательные. Действительно, он устанавливал рабочий день в 11 часов, с уменьшением его до 10 часов через шесть лет не только для уже охраняемых законом категорий трудящихся, но и для взрослых мужчин. Но тем самым он легально удлинял в течение всего переходного времени десятичасовой день детей ниже шестнадцатилетнего возраста и фактически удлинял рабочий день мужчин, работавших в одних заведениях с детьми, где взрослые по самым условиям производства кончали работу вместе с детьми. Против этого закона, равно как против других социальных мер, особенно протестовали представители значительного большинства рабочих, агитация которых заставила даже правительство взять назад законопроекты о расширении прав синдикатов и о рабочих пенсиях.

На выборах 27 апреля—11 мая 1902 г. политика кабинета национальной обороны одержала блестящую победу, так как новая палата заключала 228 радикалов и радикалов-социалистов, 48 так называемых министерских республиканцев, 45 чистых социалистов, 140 „прогрессистов" - мелинистов, 50 „присоединившихся," 33 консерватора. В палате уже начинал слагаться игравший, по крайней мере в течение трех последующих лет, важную роль „блок" левых партий из 339 членов (включая сюда министерских социалистов, предводимых в этот момент Жоресом), против которого оппозиция могла выставить лишь 252 члена. И правительство располагало теперь большинством по крайней мере в 87 голосов, вместо 25, как это было три года назад при первом вотуме доверия министерству национальной обороны. Притом настроение нового большинства было пропитано таким ярким антиклерикализмом, что, по мнению некоторых историков, именно это обстоятельство заставило почти тотчас же подать добровольно в отставку (3 июня 1902 г.) Вальдека-Руссо, не желавшего итти дальше известной границы в своей борьбе с воинствующими католиками.

Преемником великого оппортюниста был радикальный сенатор Комб, кабинету которого следует приписать одно из самых плодотворных влияний на общую политику страны, не столько даже в смысле той непосредственной законодательной работы, которую он совершил, сколько в смысле подготовительной деятельности к дальнейшим реформам, а главное поддержания бодрого творческого настроения во всей

республиканской Ф. Очень твердый, хотя и умеренный радикал, по философским воззрениям спиритуалист и, однако, резкий противник ультрамонтанства, человек, уступавший своему предшественнику в широте государственного ума, но зато отличавшийся, как скоро оказалось, несокрушимой энергией, Комб был как раз у места, чтобы продвинуть борьбу с клерикалами дальше того пункта, где останавливался сам Вальдек-Руссо. Программа кабинета, в котором было, по крайней мере, 7 радикалов, из них 2 радикала-социалиста, Камиль Пельтан и Думерг, — что, к сожалению, уравновешивалось призванием на пост министра финансов глубокого оппортюниста Рувье,—обещала всеобщий налог на доход, 2-летний срок военной службы, реформу военных судов, рабочие пенсии и частичный выкуп железных дорог, но прежде всего строгое применение закона об ассоциациях. Сам пока не желая крайней постановки вопроса, в виде отделения церкви от государства, новый премьер силою вещей был брошен на путь решительной борьбы с клерикализмом и под влиянием своего боевого темперамента быстро подошел к той грани, за которой начиналось единственное логическое решение вопроса: отмена конкордата со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдохновившись начальным вотумом доверия со стороны палаты, поддержавшей правительство 309 голосами против 117 (при 149 воздержавшихся „прогрессистах" и крайних социалистах), Комб декретом 27 июня и циркуляром 10 июля 1902 г. закрыл более 2.600 школ и приютов, зависевших от тех конгрегаций, которые и после обнародования закона 1 июля не считали нужным запастись разрешением от правительства. Умеренные католики и националисты в парламенте и стране повели чрезвычайно резкую агитацию против этой меры. Клерикалы организовали даже с этой целью фешенебельные манифестации в Париже и „навозные" беспорядки в Бретани, где в некоторых местах пропитанные иезуитскими идеями офицеры отказывались закрывать монастыри, защищавшиеся против войск и жандармерии ведрами нечистот. Но Комба это заставило лишь ускорить темп борьбы. Покончив законом 4 декабря с неразрешенными заведениями, Комб соединил затем все многочисленные просьбы орденов о разрешении в три группы: обучающих, проповеднических и коммерческих конгрегаций, и добился от палаты, что она летом 1903 г. сразу и огулом отвергла несколько десятков упомянутых просьб, при чем зависевшие от них заведения были немедленно же закрыты по всей Ф. Дальнейшими шагами против клерикализма был закон 23 февраля 1904 г., которым отменялся закон Фаллу, и гораздо более обширная законодательная мера 7 июля 1904 г., воспрещавшая каким бы то ни было конгрегациям, хотя бы и получившим разрешение, заниматься обучением на всех трех ступенях народного образования.

Но еще несколько раньше проведения этой меры произошло событие, которое придвинуло Комба, увлекаемого радикальным большинством так называемого „блока", где играли такую роль умеренные социалисты с Жоресом во главе, вплотную к отмене конкордата. По поводу путешествия президента французской республики в Италию и свидания его с королем, простоватый и фанатический Пий X, сменивший на папском престоле тонкого и осторожного Льва XIII, счел нужным резко протестовать против визита „главы католического государства" злочестивому „узурпатору". Этот протест в виде папской ноты, отправленной французскому посланнику при римской курии и разосланной 28 апреля 1904 г. всем державам с оскорбительной для Ф. прибавкой, может быть, и не увидел бы света гласности, утонув в архивах дипломатических тайн. Но счастливая случайность отдала его в руки Жореса, который напечатал его в своей газете „L'Humanité". Впечатление, произведенное этим документом, выражавшим неслыханное вмешательство иностранной державы в политику Третьей республики, было настолько сильно, что даже Рибо от имени столь сильно мировшего клерикалам центра поддержал отозвание французским правительством посланника при Ватикане. А сам Комб комментировал эту меру не только

как протест против вмешательства Ватикана, но и как решение кабинета „навсегда покончить с устарелой фикцией светской власти папы". Отныне, отчасти даже вопреки желанию самого Комба, который еще медлил с практическим осуществлением отмены конкордата, вопрос об отделении церкви от государства ставился французской демократией в первую очередь. Масонские ложи, конгрессы, лиги образования, радикальная и радикально-социалистическая партии, наконец сама комиссия палаты, передвигавшаяся в этом вопросе все левее и левее, требовали коренного решения назревшей исторической задачи. К началу открытия осенней сессии, 17 октября 1904 г., докладчиком комиссии Аристидом Брианом, впервые выступавшим на первый план политической сцены, сначала крайним социалистом, затем вышедшим из социалистической партии и перешедшим в ряды левых радикалов, был изготовлен замечательный доклад об отделении церкви от государства. Тогда Комб после некоторого колебания решил внести в палату и свой собственный законопроект. Но дни его министерства были уже сочтены, так как с конца октября того же года возникло печальное „дело карточек", давшее врагам Комба возможность повести против кабинета борьбу отравленным оружием.

Клерикальная оппозиция в печати и парламенте выдвинула против военного министра Андре, сменившего Галлифе, обвинение в том, что им еще со времен Вальдека-Руссо было заведено особое бюро, куда стекались конфиденциальные сведения об убеждениях офицерства и где они группировались и наносились на отдельные карточки в алфавитном порядке. Целью этой операции было снабдить министра данными касательно того, в какой степени можно рассчитывать на преданность республике со стороны того или другого офицера. В сущности, эти приемы иерархического осведомления широко практиковались во все время существования Третьей республики, которая, кстати сказать, лишь продолжала в этом отношении тактику предшествовавших режимов. Но до Андре они были направлены против республикански-настроенных офицеров, благодаря чему, например, и создалась в генеральном штабе знаменитая „незуитня", заклейменная Эмилем Золя. А теперь свободомыслящий министр думал при помощи этих приемов обеспечить республике присутствие в рядах офицерства людей, на которых можно было бы рассчитывать для защиты демократических учреждений. К сожалению, благая цель, поставленная генералом Андре, достигалась средствами, которые годились реакционерам и оппортюнистам, но противоречили самому духу свободной мысли и широкой демократии. Отсюда смущение, овладевшее защитниками кабинета, когда клерикальные и националистские газеты, добравшиеся при помощи подкупа до карточек, принялись ежедневно бросать в пищу общественному любопытству и лицемерному негодованию злейших врагов свободы целые вороха конфиденциальных сведений об офицерах Французской республики. Влача на себе бремя этого политического шантажа, министерство Комба на заседании 14 января 1905 г. получило лишь слабое большинство в 12 голосов (291 голос против 277) и 18 января подало в отставку. В письме к президенту республики Комб говорил по этому поводу, что хотя кабинет формально и не пал, но его авторитет, необходимый для осуществления программы политических и социальных реформ, подорван игрой честолюбий и клерикальными и националистскими интригами. И все же, уходя, премьер выражал уверенность, что единение групп левой даст возможность Ф. „продолжать дело умственного освобождения, социального прогресса и сближения между народами". Из защищавшихся министерством Комба реформ были приведены к близкому осуществлению отделение церкви от государства и принятые уже палатой проекты о двухлетней военной службе и о помощи старикам и инвалидам. Но ни подоходный налог, ни рабочие пенсии не сделали большого шага вперед. В рабочем вопросе кабинет Комба выказывал, говоря вообще, большую благожелательность, чем его предшественники, к трудящимся, что проявлялось,

напр., во время стачек и беспорядков, начавших учащаться в этот период новейшей французской истории. Конечно, и при Комбе правительство нередко прибегало к традиционной тактике посылки войск на места забастовок. Но все же, особенно в последние месяцы существования кабинета, и главным образом в ведомстве Камиля Пельтана, заведывавшего, в качестве морского министра, арсенальными и военно-портовыми рабочими, администрация обнаруживала в этой сфере гораздо меньше нервности. И рабочим давалась возможность вести агитацию за свои существенные интересы более беспрепятственно, чем то было до сих пор.

Уход министерства Комба с политической сцены знаменует начало отлива того широкого демократического течения, которым Ф. была обязана спасительной встряске дела Дрейфуса. Ибо если кабинет Комба и оставил нерешенным ряд намеченных реформ, осуществленных лишь последующими министерствами, то все же само это осуществление стало возможным только потому, что Комб и его товарищи подготовили к ним общественное мнение, а, главное, потому, что дух, проникавший деятельность ушедшего под напором реакционной оппозиции министерства, повсюду проникал страну и поддерживал в ней бодрое прогрессивное настроение. Отлетел этот дух,— и реформы, порою и очень важные, продолжали осуществляться лишь по инерции, тогда как на ряду с этим все сильнее и сильнее стала прокидываться социальная реакция. Смысл ее заключался, главным образом, в том, что у демократической части французской буржуазии хватило радикализма на проведение культурных и политических реформ, поддержанных сочувствием масс, но его оказалось недостаточно для решения социального вопроса. И радикалы у власти входили все чаще и чаще в очень резкие столкновения с организованным рабочим классом, особенно с левой, революционной частью его. Знаменателен уже был состав первого же министерства, сменившего министерство Комба. Во главе нового кабинета стал пресловутый Рувье, который дал не мало второстепенных мест представителям радикализма, но во главе наиболее важных министерств поставил своих друзей—умеренных или слегка радикальных республиканцев.

Однако, настоятельность некоторых реформ сделала такие успехи в общественном сознании, что отступление назад становилось невозможным даже и для хитроумного Рувье. Так, в его министерство был, наконец, проведен закон об отделении церкви от государства. Обнародованный 9 декабря 1905 г., исправленный в еще более либеральном и гибком духе законами 2 января и 25 марта 1907 г., он может считаться одним из крупнейших политических актов Третьей республики. Суть его следующая: обеспечивая свободу совести и всяких религиозных убеждений, республика, однако, не признает и потому не оплачивает никакого вероисповедания. Из бюджета государства, департаментов и коммун исключаются все расходы, связанные с отправлением различных культов. Для удовлетворения религиозных потребностей государство дает гражданам право составлять на основании общего закона 1 июля 1901 г. об ассоциациях так называемые вероисповедные ассоциации. Закон объявляет собственностью государства, департаментов и коммун все церковные здания с их недвижимостью, но вменяет в обязанность этим собственникам сдавать в наймы или продавать по возможно умеренной цене эти имущества упомянутым вероисповедным ассоциациям. Ликвидируя бюджет культов, правительство назначает священнослужителям пособие в соответствии с продолжительностью их службы, начиная от поддержки их в течение четырех лет и кончая ежегодной пожизненной пенсией. Что касается собственно отправления культа, то формальности богослужебных собраний подводятся под общие формальности закона о собраниях, в роде, напр., заявления властям, при чем богослужебные собрания пользуются еще той лишней льготой, что одного заявления достаточно на целый год. (Позже, в 1907 г. для всех собраний, а не только религиозных, была и совсем уничтожена формаль-

ность заявления). Прошел в министерство Рувье и очень важный закон о всеобщей двухлетней военной службе, закон, который всесторонне обсуждался еще при Комбе, но, возвратившись из сената, окончательно был вотирован палатой на заседании 17 марта 1905 г. большинством 504 голосов против 34; равно как закон о помощи старикам-инвалидам, который признавал в своей окончательной редакции, носящей следы искажений сената, но все же принятой палатой (13 июля 1905 г.), право на пособие всяким лишенным средств к существованию французам, достигшим 70 лет или и раньше ставшим инвалидами, однако под условием представления свидетельства о неспособности к труду. В министерство Рувье усилились репрессии против стачечного движения, обострившегося отчасти под влиянием агитации Всеобщей конфедерации труда и встретившего в пограничных районах дружное противодействие властей смежных государств. Так было, напр., во время забастовки на заводах Лонуи (деп. Мёрты-и-Мозеля), где против рабочих французской, бельгийской и итальянской национальности действовали не только французские войска, но и приглашенные для содействия властями Третьей республики жандармы Германии, Бельгии и Люксембурга. С другой стороны, осложнение внешней политики на почве Марокко, против завоевания которого возражал Жорес, чуть не повело весной 1905 г. к столкновению между Германией и Ф. Рувье, во избежание войны, вынужден был предложить выйти в отставку министру иностранных дел, Делькассе, проводившему путем договоров с Англией (8 октября 1904 г.), Италией и Испанией (6 октября 1904 г.) политику „окружения Германии". Министерство Рувье пало через 13 с небольшим месяцев существования уже при новом президенте республики Фалльере, который был выбран 18 января 1906 г. большинством 409 голосов республиканцев, радикалов и социалистов против 371 голоса, поданного за Думера, кандидата правых, националистов и умеренных.

Первый кабинет, составившийся при Фалльере, кабинет Саррьена, просуществовал всего семь месяцев и заслуживает упоминания разве только потому, что включал несколько очень крупных политических деятелей, в том числе впервые становившегося у власти Клемансо, который совершенно оттер на задний план премьера. В министерство Саррьена состоялись выборы 6—20 мая 1906 г., на которых прошло 78 реакционеров, 30 националистов, 66 прогрессистов, но зато 90 левых республиканцев, 115 радикалов, 132 радикала-социалиста, 54 объединенных социалиста, 20 „независимых" (или, как скоро они стали называть себя, „республиканских") социалистов. Таким образом, народное представительство по своему составу все более и более передвигалось влево, и радикализм становился торжествующим. В министерство же Саррьена, Клемансо на посту министра внутренних дел, после нескольких колебаний, вступил в решительную борьбу с революционным социализмом и синдикализмом, подавив при одобрении всех радикалов еще неслыханным скоплением войск стачки на севере и в центре Ф. и в Париже. Этой политики Клемансо продолжал держаться и в качестве премьера кабинета 25 октября 1906 г., сменившего кабинет Саррьена, заходя в этом отношении так далеко, что после жестоких репрессий против забастовавших служащих почтово-телеграфного ведомства (в марте и в мае 1909 г.) он возбудил неудовольствие среди своих давнишних, наиболее верных друзей, в роде Камиля Пельтана, между тем как умеренные республиканцы не могли достаточно нахвалиться энергиею бывшего низвергателя министерств в борьбе против революционных элементов и вообще левого крыла рабочего класса.

Как бы то ни было, за 33 месяца существования „долгого" кабинета Клемансо было убито 15 рабочих, тяжело ранено 467, кассировано 392 служащих и перемещено 13. Сумма годов тюрьмы за участие в стачках достигла 177. Что касается положительной стороны деятельности этого кабинета, при котором было впервые учреждено даже специальное министерство труда и общественного страхования, то премьеру удалось провести только за-

кон о пенсиях железнодорожных рабочих и выкуп Западной железной дороги, при чем самые условия выкупа были лишь определены позже. Ни законопроект о рабочих пенсиях, ни реформа военной юстиции, ни законопроект о прямом и отчасти прогрессивном налоге на доход, выработанный министром финансов Кайо, не получили завершения в министерство Клемансо. Зато тонкому и очень ловкому Бриану удалось внести дальнейшие дополнения в законодательство об отделении церкви от государства, отнимавшие всякую возможность у католиков кричать о преследовании. Так что даже отказ клерикалов, подстрекаемых советниками папы, образовать вероисповедные ассоциации не помешал закону оставить в их руках фактическое пользование церковными зданиями и утварью без обязательства ремонтировать их, что фактически приняли на себя коммуны. Кабинет Клемансо, разочаровав многих в реформаторских способностях радикализма, был низвергнут, как тогда же стали говорить остроумцы, самим Клемансо, который на заседании 20 июля 1909 г. во время резкой полемики с Делькассе затронул больное место французских патриотов, обвинив своих предшественников в том, что, толкая Ф. к войне, они в то же время недостаточно развили военные силы страны.

Министерство Клемансо было последним долгим министерством из эпохи духовного владычества радикалов, когда дело Дрейфуса, произведшее общую благодетельную встряску, вызвало во всей стране жажду серьезной идейной деятельности, стремление проводить назревшие реформы и временно отодвинуло на задний план борьбу честолюбий и охоту за министерскими портфелями, характеризовавшую почти все периоды парламентской жизни Ф. Наступает снова эпоха быстрой смены министерств, падающих зачастую не на каком-нибудь принципиальном вопросе, а вследствие закулисных интриг. Уже два министерства Бриана (первое, стоявшее у власти от 24 июля 1909 г. по 30 октября 1910 г., второе, перетасованное, от 3 ноября 1910 г. по 27 февраля 1911 г.), Бриана, который проделал за какие-нибудь пять лет знаменательную эволюцию от защиты вооруженного восстания и всеобщей забастовки до программы примирения с консерваторами и борьбы со стачками, показывали, что от французской политической жизни снова отлетел дух реформ. Любопытно, что это разочарование страны в радикалах сказалось даже на выборах 24 апреля — 8 мая 1910 г. Эти выборы характеризуются потерями среди реакционеров и консерваторов, приростом умеренных республиканцев („прогрессистов“), частными поражениями левых республиканцев, радикалов, радикалов-социалистов и республиканских социалистов. Значительно выросла лишь одна партия, партия объединенных социалистов, проведшая в палату почти в полтора раза большее по сравнению с прежним число депутатов, а именно 77 человек. Во время пребывания у власти Бриана была, в сущности, проведена лишь одна подготовленная всем предшествующим развитием реформа,— закон о рабочих и крестьянских пенсиях, имеющий, впрочем, значение меры, не столько серьезно улучшающей непосредственное положение трудящихся, сколько выражающей принципиальное признание права рабочих масс на поддержку государства. Действительно, средняя величина годовой пенсии определяется всего в 196 фр. и в самом благоприятном случае достигает 414 фр., при чем средства, откуда почерпаются пенсии, слагаются из взносов трех родов: взносов, делаемых рабочими; взносов, выплачиваемых капиталистами в том же размере, как и рабочими (от $4^1/_2$ фр. для подростков до 9 франк. для взрослых мужчин); и из особой доплаты, производимой государством. Между последующими кабинетами некоторое значение имел лишь кабинет Кайо (28 июня 1911—10 января 1912 г.): не столько, впрочем, с точки зрения внутренней политики, ибо Кайо, совмещая премьерство и пост министра внутренних дел, отказывался тем самым от своей реформы налоговой системы, которая попадала теперь в руки оппортюниста Клоца,— сколько в области внешней политики, где Кайо удалось ликвидировать при

помощи Англии агадирский инцидент (начало июля 1911 г.), которым Германия хотела терроризировать Ф., раздражавшую ее своими приобретениями в Марокко. Договор, подписанный (4 ноября 1911 г.) германским и французским правительством, отдавал прежде всего империю шерифа в полное распоряжение (протекторат) Ф., под условием допущения к экономической эксплоатации и других европейцев. В западной части экваториальной Африки Германия уступала Ф. на северо-востоке Камеруна пространство в 14.000 кв. км. со 100.000 жителей, а сама получала в Конго 230.000 кв. км. с 1.000.000 негров. Большие надежды возлагались умеренной Ф. на кабинет, во главе которого стал выдающийся оппортюнист новой формации в лице Раймонда Пуанкаре (14 января 1912 г.). Но эти надежды не осуществились, отчасти потому, как говорили друзья Пуанкаре, что все внимание министерства было поглощено внешней политикой, усложнившейся вследствие итало-турецкой и первой балканской войн. А почти ровно через год (17 января 1913 г.) премьер сделался уже президентом Французской республики, получив 483 голоса, преимущественно умеренных и правых, против 296 голосов, поданных за его соперника, радикала Пана.

Политическая борьба во Ф. в последние полтора года, предшествующие войне, велась, гл. обр., в трех направлениях. То была, во-первых, борьба за пропорциональное представительство, поддерживаемая правыми, умеренными и социалистами против радикалов, сопротивление которых этой реформе отодвинуло ее в неопределенное будущее. То была, во-вторых, борьба за подоходный и в известной мере прогрессивный налог, на который ожесточенно нападают умеренные и правые, а отчасти и радикалы, т.-е., говоря вообще, крупная и средняя буржуазия, и который защищают радикалы-социалисты и объединенные социалисты. Переплетавшаяся с личными интригами и неимоверно грязными обвинениями, бросаемыми в лицо противников (что повело, между прочим, к убийству журналиста Кальметта женою Кайо), эта реформа была вотирована накануне войны (15 июля 1914 г.), но первая попытка ее практического осуществления имела место лишь в 1916 г., на третий год войны. Наконец, в третьих, это была борьба за возвращение к 3-летнему сроку военной службы. Возбудивший страстную полемику в прессе и жестокое столкновение в парламенте и стране между противниками и сторонниками законопроект, снова удлинявший продолжительность службы, стал законом 7 августа 1913 г., несмотря на сопротивление крайних радикалов и социалистов. После майских выборов 1914 г., которые ознаменовались новым ростом объединенных социалистов (102 из 602 депутатов), эта партия, побуждаемая главным образом Жоресом, решила повести энергичную кампанию против 3-летней службы, противоставляя ей план всенародной милиции. Но уже нить естественного политического развития Ф. готова была оборваться—1 августа 1914 г. Германия объявила войну России (накануне, 31 июля, был убит фанатиком-шовинистом самый выдающийся социалист Ф., Жан Жорес, страстно боровшийся против решения оружием международных столкновений). 4 августа парламент санкционировал выступление Ф. на стороне России.

Особенности французского социально-экономического строя перед войною можно охарактеризовать немногими словами. Это—сравнительная медленность процессов той общей экономической эволюции, которая вырисовывается при наблюдении социальной жизни наиболее передовых стран современного периода в Старом и Новом Свете. Прежде всего медленность индустриализации. По последней перед войной переписи профессий, из 20.931.000 чел. производительного населения Ф. в 1911 г. земледелием и лесоводством занималось 8.517.000 чел., или около 41%, промышленностью и горным делом—5.992.000 чел., или около 29%, перевозкой—1.543.000 ч., или 7,3%, торговлей—2.053.000 чел., или около 10%, и т. д. Таким образом, земледельческие классы во Ф. обнимали немногим меньшую часть населения, чем торгово-промышленные, 41% против 46% (напомним для сравнения, что

в Бельгии в это же время на 21% производительного земледельческого населения приходилось 53% торгово-промышленного населения, в Германии на 37% лиц первой категории 48% второй, в Англии на 12,4% первой 68% второй). Еще отчетливее медленность темпа индустриализации Ф. обнаруживается из деления всего населения на сельское и городское: в том же 1911 г. статистика насчитывала здесь на 42% горожан целых 58% поселян. Последних при начале Великой революции (в 1790 г.) было 78%, а в половине прошлого века (в 1850 г.) все же 75%. Достаточно сопоставить с этим цифры горожан и поселян в Великобритании, которая насчитывала в 1911 г. первых 78%, а вторых всего 22%, и в Германии, где в 1840 г. деревенских жителей было 70%, а в 1901 г. осталось уже только 33%, чтобы убедиться в том, как отстает Ф. от других передовых стран в области промышленного развития, оставаясь, несмотря на общую высоту своей культуры, наполовину земледельческой страной. В соответствии с этим во Ф. поражает и сравнительная немногочисленность больших городских центров, растущих, как известно, в современный период истории, главным образом, под влиянием роста промышленности и торговли. Так, перепись 1911 г. отмечает на почве Третьей республики существование 15 городов с населением, превышающим 100.000 жителей, а именно: 1 города, населенного более, чем миллионом жителей (2.888.110—Париж); 2 городов с более, чем полумиллионным населением (Марсель и Лион); 2 городов с более, чем двухсоттысячным населением (Бордо и Лилль) и 10 городов с более, чем стотысячным населением. Почти в то же самое время (в 1910 г.) в Германии считалось 48 городов с населением, превышавшим 100.000 жителей, а именно: один город имел более миллиона (Берлин—2.071.257 жителей), 6 городов каждый более 500.000, 1 город более 400.000, 4 города более 300.000, 11 городов более 200.000, 25 городов более 100.000. Это сравнение показывает как нельзя лучше разницу в развитии двух стран.

Но Ф. отличается до сих пор не только своим полуземледельческим характером и не быстрым ростом промышленности. Очень типична для нее и форма землевладения и земледелия. Ф.—страна, где преобладает мелкая крестьянская собственность и мелкая культура. По данным сельской „Монографической анкеты“ 1908—1909 г., общее число земледельческих хозяйств достигало 5.701.752, из которых 98% не превышали своими размерами 40 гект. и 80%—10 гект.; 75% всей земледельческой поверхности находились в руках мелких собственников, число которых даже увеличилось в начале этого века в 42 департаментах из 87. С другой стороны, по той же переписи 1911 г., из 8.517.230 чел. производительного сельского населения самостоятельных хозяев (собственников, арендаторов и половников) насчитывалось 5.219.464 (2.872.935 мужчин, 2.346.529 женщин), рабочих - батраков и поденщиков — 3.297.766. Иначе говоря, сельские хозяева и, главным образом, крестьяне составляли 61%, или более $^3/_5$ всего производительного населения деревни, тогда как сельские рабочие—всего 39%, или менее $^2/_5$.

Что касается до замедленного темпа промышленной эволюции во Ф., то и абсолютные и относительные цифры показывают это с знаменательною отчетливостью. По вычислениям (в 1918 г.) экономиста Эдм. Тэри, в то время, как общее богатство Ф. за двадцатилетие 1892—1912 гг. возросло с 242 млд. фр. до 302½ млд., т. е. увеличилось на 24%, ценность собственно промышленных и торговых предприятий возросла с 6,6 млд. до 10,3 млд., т. е. увеличилась на 56%, что представляет очень умеренную быстроту индустриального и коммерческого развития по сравнению с другими передовыми странами, где рост капиталов в этих областях хозяйственной деятельности превышает за двадцатилетие 100%, 200% и более. Энергично развивались лишь банковские и биржевые операции, притом главным образом с капиталами, вложенными в иностранные бумаги. Откуда следует, что французский капитализм до войны становился все менее и менее предпринимателем на собственной территории и все более и более кредитором, банкиром, ростовщиком для чужих

стран. За двадцатилетие 1892—1912 гг. ценность французских бумаг возросла с 56 млд. до 69 млд., т. е. увеличилась на 23%, ценность же иностранных бумаг возросла с 21 млд. до 42,7 млд., т. е. увеличилась на 103%. Любопытно сопоставление цифр стоимости: 1) недвижимой собственности; 2) промышленных и торговых предприятий и 3) ценных бумаг в 1912 г. Капитал, вложенный в недвижимую собственность, равнялся 137,4 млд. (из которых почти 78 млд. выражали ценность земли, эксплоатируемой сельским хозяйством, которое, кроме того, обладало живым и мертвым инвентарем стоимостью в 9,1 млд.). Ценность собственно промышленных и торговых предприятий едва превышала 10 млд. Стоимость ценных бумаг достигала почти 12 млд. В общем богатстве страны недвижимая собственность составляла 45% (из которых земледельческая собственность около 26%, кроме 3,4% живого и мертвого инвентаря), совокупность промышленных и торговых предприятий—около 3,5%, стоимость ценных бумаг—37%. Аграрно-банковский характер французского народного хозяйства при сравнительно слабом развитии промышленности вытекает из этих цифр с большой очевидностью.

Остановимся еще на некоторых сторонах индустриальной эволюции Ф. Если взять цифры промышленного развития этой страны без сопоставления с другими передовыми странами, то процесс ее индустриализации не может подлежать сомнению. В течение вышеупомянутого двадцатилетия 1892—1912 гг. число лошадиных сил, употребляемых во французской промышленности (включая сюда железные дороги и торговый флот), возросло с 5.569.000 до 16.800.000, т. е. увеличилось на 200%, или утроилось (по данным горного департамента). Но это развитие принимает гораздо более скромные размеры, когда мы сравниваем его с соответствующими цифрами развития в других быстро индустриализующихся странах, особенно, что касается таких типичных ветвей современной промышленности, как горное дело и металлургия. Ежегодное потребление каменного угля, этого „черного хлеба промышленности", возросло, напр., во Ф. за упомянутый период времени лишь с 952 килогр. на 1.531 килогр. для каждого жителя, т. е. увеличилось только на 60%, что далеко отстает от соответствующего роста потребления этого продукта в других странах. В соответствии с этим производство чугуна возросло за двадцать лет во Ф. с 2.507 млн. тонн до 4.949 млн. тонн, или на 141%, тогда как в Германии этот рост выражается цифрами 4.351 млн. тонн и 15.221 млн. тонн, т. е. 250% увеличения, а в С.-А. Соед. Штатах—цифрами 9.304 млн. тонн, 30.205 млн. тонн,—224% увеличения. Еще более отсталость Ф. обнаруживается в производстве железа и стали: в то время, как в 1892 г. во Ф. было произведено 1.511 млн. тонн этих продуктов, в Германии—4.123 млн. тонн, в С.-А. Соед. Штатах—5.007 млн. тонн; в 1912 г. соответствующими цифрами будут для Ф.—3.775 млн. тонн, для Германии—16.345 млн., для С.-А. Соед. Штатов—31.750 млн., что означает 150% роста производства для Ф., 296% для Германии, 534% для С.-А. Соед. Штатов. (В Англии процент роста, правда, менее значителен, но эта страна уже давно использовала все возможности быстрого развития как раз этих отраслей промышленности и в общем далеко превосходит Ф. абсолютными цифрами производства, хотя и начала отставать от Германии и С.-А. Соед. Штатов). Сравнительная медленность темпа индустриального развития Ф. обусловливается, главным образом, слабостью технической и экономической концентрации средств производства в типичных ветвях современной индустрии, иначе говоря, более мелкими размерами предприятий. Так, в 1912 г. во Ф. считалось 38.551 горнопромышленных заведений всякого рода с 375.240 раб., что не дает и 10 рабочих на предприятие. (В 1913 г. в Германии подобных же заведений было 4.275 с 1.196.786 раб., что составляет уже почти 280 раб. на предприятие). Особенно интересна статистика такого характерного для промышленности Ф. городского центра, как Париж. В нем представлены все ветви франц. индустрии. И что же? Несмотря на существование в столице республики нема-

лого числа крупных предприятий, металлических, металлургических, химических, сахароваренных заводов, прядильных и ткацких фабрик—громадное количество ремесленных заведений, изготовляющих всевозможные так называемые „парижские изделия“ из металла, кожи, кости, рога, бумаги, тканей, а также модных мастерских и т. п. предприятий столь сильно понижает среднюю арифметическую размеров заведений, что на предприятие приходится не более семи рабочих. Таким образом, Ф. является не только страной мелкого земледелия, но и страной умеренно развитого крупного фабричного производства и до сих пор сильно распространенного ремесла. В ней сравнительно мало обширных промышленных районов, накладывающих отпечаток на целые местности, как то имеет место в Бельгии, Германии, Англии. Между такими районами высоко развитого индустриального капитализма можно было указать до войны: каменноугольные копи в департаментах Северном и Па-де-Кале, в бассейне средней Луары (где находится и важный металлургический центр Сент-Этьен), в Бургундии (где ими питаются знаменитые заводы Крёзо) и в нескольких южных департаментах; железные рудники и заводы в департаменте Мёрты-и-Мозеля, на бельгийской границе; прядильные и ткацкие районы для хлопка на востоке и севере, для шерсти на севере (Рубэ и Туркуэн), для шелка на юго-востоке, преимущественно в Лионе, где до 1875 г. приобретшие мировую известность ткани производились, однако, целой армией мастеров и откуда шелковое производство распространилось в соседних департаментах, лишь с течением времени и то далеко не везде утратив свой ремесленный характер и превратившись в крупную капиталистическую промышленность; несколько писчебумажных районов в Лимузэне, Дофинэ, окрестностях Парижа, при чем и эта столь типичная для современной эпохи отрасль сохранила во Ф. свой „прежний семейный и индивидуалистический характер“ („Статистический ежегодник для Ф. и заграницы“ на 1919 г.). В соответствии с этим и франц. рабочий класс не состоит целиком из классических пролетариев, втянутых в процесс сильно концентрированного капиталистического производства, но заключает в своих рядах не мало более или менее самостоятельных ремесленников. Как во франц. земледелии приходится считаться с существованием мелкого собственника-крестьянина, так во франц. промышленности приходится считаться, хотя и не в такой степени, с существованием мелкого собственника-ремесленника, хозяина небольшой мастерской, который, подобно своему деревенскому собрату, хозяину небольшого участка, отличается гораздо большим индивидуализмом, чем рабочий в крупных капиталистических предприятиях, скрепляющих пролетариев единством эксплоатации и помогающих выработке в них классового сознания. Этим в значительной мере объясняется сравнительная слабость участия франц. рабочих в синдикальных организациях, несмотря на популярность синдикалистской доктрины среди трудящихся. Накануне войны в 1913 г. пропорция членов рабочих союзов, действительно, не превышала 33% общего числа рабочих, занятых в копях и рудниках,— где, однако, как известно, дух солидарности наиболее развит между трудящимися во всякой стране, — спускалась до 28% в перевозочной промышленности и торговле, до 27% в химической промышленности, до 23% в строительной, до 9% в производстве пищевых продуктов и падала в производстве тканей до совсем незначительной цифры в 5%. Что же удивительного, что общее число синдицированных рабочих (и служащих), достигшее в 1913 г. 1.064.000 чел., не составляло и одной девятой части производительного торгово-промышленного населения? Если сопоставить с этим энергичное стремление к организации среди предпринимателей, которые охотно входят в свои синдикаты,—в металлургической промышленности число синдицированных заводчиков и фабрикантов достигает 43% всех лиц этой категории, в бумажной—72%, в горноделии—73%, в производстве химических продуктов даже 81%,—будет понятно, как еще

сравнительно слабо организован во Ф. рабочий класс и как сравнительно ограничено должно быть его влияние на социальный прогресс и на общую политику страны, находящуюся до сих пор под сильным воздействием собственников и капиталистов, вообще буржуазии.

Анализ характера и значения французской буржуазии уяснит нам еще более некоторые стороны общественного строя такой старой культурной нации, как французская. Принято считать Ф. типической страной, так сказать, родиной мелкой буржуазии. Но надо прежде определить, что собственно следует разуметь под мелкой буржуазией в этой стране, и в какой степени развиты в ней не только мелкая, а и средняя и крупная буржуазия, играющая такую роль в капиталистической цивилизации. Мы видели выше, что во франц. деревне преобладающим типом сельского производства является мелкое земледелие, а с другой стороны, если в области промышленности, простирающейся кроме городов на некоторые значительные индустриальные районы, ремесло и не может более считаться господствующей формой промышленной деятельности, по крайней мере по сумме производства, — то все же, несмотря на соседство крупных капиталистических предприятий, оно обладает в целом ряде ветвей промышленности, существующих во Ф. с давнего времени, такою живучестью, что об его исчезновении говорить еще совсем не приходится. И это замечается особенно как раз в тех самых больших городских центрах, которые во многих отношениях представляют собой воплощение новейшей цивилизации. Здесь мелкие предприятия не выдерживают конкуренции крупных чаще в области торговли, где громадные „универсальные базары“ (в роде парижского „Лувра“, „Бонмарше“, „Прэнтан“, „Галлерей Лафайета“) раздавили своим появлением массу средних магазинов и мелких лавочек, что было отмечено Эмилем Золя еще в его романах в 80-х годах прошлого века.

Как ни как, торговец, ремесленник и особенно крестьянин являются во Ф. главными представителями той мелкой буржуазии, которая положительно или отрицательно продолжает накладывать сильный отпечаток на политическую историю страны, хотя скорее пассивно, чем активно, т. е. представляя собой лишь орудие в руках средней и крупной буржуазии, ибо рабочий класс еще недостаточно многочислен и организован, чтобы играть такую роль в общественной жизни страны, какую он играет в Германии и особенно в современной Англии. Остановимся же несколько на социальной характеристике французской средней и крупной буржуазии, которая то опираясь на мелкую — деревенскую и городскую—буржуазию, то пренебрегая ею, то порою даже выступая против нее, но за то почти всегда борясь с рабочим классом, главным образом и заправляет государственной машиной и извлекает для себя из этой руководящей функции экономические и политические выгоды.

Во французской деревне мало крупной буржуазии и довольно слабо развита и средняя буржуазия, если не считать нотариусов, докторов, аптекарей и прочих представителей чисто профессиональной интеллигенции. Обширные имения и большие фермы с рациональным хозяйством составляют во всяком случае исключение, и известный приток капиталов в земледелие обнаруживается только после войны, скорее возбуждая лишь надежды буржуазных публицистов, чем свидетельствуя о серьезном экономическом процессе. Или, как говорит секретарь земледельческой академии, Анри Санье: „Нет сомнения, что буржуазные классы, которые до сих пор чересчур охотно чуждались сельских интересов, ныне обнаруживают стремление двинуться в деревню и посвятить свою деятельность земледелию. Это—хороший признак, так как подобный исход может прибавить важный запас сил деревне в виде людей столь же образованных, сколько обладающих капиталами“...

Пока приходится искать французскую среднюю и крупную буржуазию преимущественно в городе. И здесь бросается в глаза тот факт, что в то время, как средний буржуа представлен чаще всего собственником уме-

ренно большого торгово-промышленного заведения, нередко спускающегося до размеров ремесленного предприятия и лишь в виде исключения вырастающего в значительный завод или фабрику, крупный буржуа находит свое типичное выражение не столько в заводчике и фабриканте, сколько в финансисте, банкире, биржевике, словом в том капиталисте, который выполняет свою общественную функцию гораздо более в области обмена, чем в области производства. Притом собственность этой крупной буржуазии настолько сильно сконцентрирована в незначительном количестве рук, что, несмотря на восхваление французскими вульгарными экономистами социальных условий их отечества, как якобы классической страны равномерного распределения богатств, точные статистические данные указывают на большое имущественное неравенство и среди населения Ф. В 1910 г. на основании цифр наследств, сообщенных официально мин. фин., было вычислено, что в руках 306.280 очень крупных собственников (глав семейств) находилось 125,7 млд. фр. имущества, в руках 2.127.000 средних собственников — 59,9 млд. и в руках 12.058.400 мелких собственников — 27,1 млд. Иначе говоря, 83% собственников обладали всего 13% „национального" богатства Ф., 15% собственников—28% и 2% собственников—59% этого богатства. Группа менее чем в $2^1/_2$ млн. очень богатых и просто состоятельных семейств, или шестая часть семейств, располагала почти $^9/_{10}$ всего достояния французской нации. И наоборот, обширная категория более чем в 12 млн. семейств обладала немногим более одной десятой этого достояния. На самом верху общественной пирамиды кучка в 306.600 крупных собственников сосредоточивала в своих руках гораздо более половины собственности, принадлежащей — абстрактно—39.600.000 французам. Мы недалеко ушли от схематического изображения социальной Ф. Пьером Леру в 40 годах прошлого века: „196.000 глав семейств образуют у нас обширный торговый дом, обладающий капиталом, который невозможно точно вычислить, и именующийся Ф. Этот дом приводят в движение 34 миллиона служащих. Плодом его операций является валовой доход в 9 миллиардов франков. Он выплачивает своим наемникам немногим более 5 миллиардов и у него остается чистого барыша 4,8 миллиарда". Возвращаясь к приведенной нами выше статистике распределения богатств в 1910 г., следует еще заметить, что эти вычисления, произведенные на основании цифр наследств, дают нам общий итог национального достояния Ф. всего в 212 млд., тогда как Эдм. Тэри оценивал его в 1912 г., как мы видели, в $302^1/_2$ млд. Эта очень значительная разница объясняется, по мнению беспристрастных статистиков, тем, что лица, получающие наследство, заявляют в соответствующих учреждениях меньшие суммы, чем те, которые действительно перешли к ним, во избежание платежа „лишних" налогов. И такая практика принимает особенно большие размеры в случаях перехода по наследству значительных имуществ.

Мы познакомились с главными элементами общественной структуры Ф. в лице различных социальных классов, выростающих, главным образом, на почве отношений производства и собственности. Теперь нам предстоит проследить тот процесс развития, столкновения и вообще взаимодействия этих общественных классов, который определил социальную и политическую эволюцию страны и придал Ф. своеобразную физиономию в ряду других передовых и культурных наций. Новейшая Ф. идет, несомненно, от Великой французской революции. Но серьезные исследования последних десятилетий внесли много поправок или, лучше сказать, уясняющих подробностей в характер этого исторического движения. Прежде всего выяснилось, что и Великая французская революция, подобно столь многим другим крупным переворотам, была лишь заострением, переходным, если можно так выразиться, взрывным моментом длительного хода эволюции, подготовлявшей в формах старого общества элементы нового. Оказывается, напр., что и при старом режиме, накануне великого политического переворота, промышленность уже настолько

продавила и разрушила средневековые преграды своему росту в разных местностях и разных сферах деятельности, что революционное уничтожение цехов и корпораций было лишь завершением, а в известном смысле только формальным, легальным утверждением нового, неудержимо развивавшегося уклада вещей. Крупная торговля уже была свободна от корпоративных пут. Средняя торговля значительно ослабила их давление при помощи образования товариществ на вере и акционерных компаний. Сама промышленность, в узком смысле этого слова, еще до указа Тюрго заставляла трещать по всем швам цеховую оболочку. В Париже, этом центре старого режима, на глазах администрации, были целые кварталы, где промышленная деятельность фактически была свободна. Да и во всей Ф. разные ветви индустрии ускользали из-под цехового надзора, который не располагал уже достаточным числом надсмотрщиков, чтобы следить за все учащавшимися случаями отклонения от придирчивых уставов. Само правительство стремилось поощрять создание новых отраслей индустрии и в виде временных привилегий освобождало возникавшие предприятия от обязанности подчиняться корпоративному уставу. А эта политика вела на практике к созданию, бок-о-бок с привилегированными заведениями, новых заведений, которые тоже стремились выскользнуть из-под гнета цеховых ограничений. Так устанавливалась в большом количестве пунктов вольная промышленность и свободная конкуренция.

И буржуазия,—в лице своих практиков и своих теоретиков, коммерсантов, фабрикантов, лавочников, инженеров, финансистов, ученых, литераторов, нотариусов, судейских, адвокатов, врачей, состоятельных землевладельцев и арендаторов, — была инициативной силой революции, накопившейся в недрах старого порядка и взорвавшей уже подточенное ею во всех областях и с разных сторон феодальное общество. Она увлекла за собой городское трудящееся население, которое в общем не было тогда еще враждебно ей, и огромную глыбу крестьянства, которое в известных отношениях, правда, чувствовало в эту пору гораздо более рознь своих интересов с деревенским третьим сословием, чем рабочий люд города с городской буржуазией, но поддерживало, а когда надо было, то и подталкивало буржуазию на освобождение земельной собственности от всяких феодальных тягот и повинностей. Но огромный насильственный переход привилегированных земель в руки непривилегированных владельцев не был ни передачей всей земледельческой поверхности страны непосредственным сельским производителям, крестьянам, ни захватом всего земельного фонда буржуазией. Аграрная революция конца XVIII в. во Ф., ставшая одной из основ нового строя, была явлением смешанного типа. В своем окончательном результате она создала множество мелких собственников на трех четвертях территории; остальную четверть она отдала владельцам средней и крупной собственности. В общем, если буржуазия присвоила себе в исследованных до сих пор областях Ф. большую половину феодальных земель, то крестьянство должно было приобрести более высокий процент феодальной собственности в остальной Ф. и, кроме того, уже до революции владело непривилегированной собственностью, равной половине всей обрабатываемой земли. Иначе было бы необъяснимо распределение земельного владения в современной Ф., где (см. выше) три четверти сельской территории обрабатываются руками крестьян-собственников, трудом их семей и менее, чем сами они, многочисленных батраков и поденщиков. И была бы непонятна огромная роль крестьянства, которое то поддержкой, то попущением, то сопротивлением в узловые моменты истории определяет в столь сильной степени судьбу того или другого политического режима.

В первые же годы после революции крестьянство становится очень крупным социальным фактором уже потому, что сельское хозяйство, которое является во Ф. преимущественно делом мужицких рук, освободившись от феодального гнета и феодальных пут, от королевского податного бремени и от церковных поборов, испытало огромный

Статист. таблицы по хозяйств. развитию Франции*)

1. Территория и население по департаментам[1]).

Департаменты	Главные города	Площадь в кв. км.	Население (в тысячах)						Плотность населения на 1 кв. км.	
			1911 г.			1921 г.				
			Городское	Сельское	Всего	Городское[2])	Сельское	Всего	1911 г.	1921 г.
Авейрон	Родез	8.771	89	280	369	82	251	333	42	38
Аллье	Мулен	7.382	118	288	406	106	265	371	55	50
Арденский	Мезьер	5.253	118	201	319	102	176	278	61	53
Ардешский	Прива	5.556	61	271	332	57	237	294	60	53
Арьеж	Фуа	4.903	35	164	199	31	142	173	40	35
Бельфор (территория)	Бельфор	608	61	40	101	58	36	94	167	154
Вандея	Ларош	7.016	70	369	439	58	339	397	63	57
Вар	Драгиньян	6.023	207	124	331	199	124	323	55	54
Верхней Вьенны	Лиможь	5.555	136	249	385	120	230	350	69	63
Верхней Гаронны	Тулуза	6.367	181	251	432	196	229	425	68	67
Верхней Луары	Ле-Пюи	5.001	59	245	304	52	217	269	61	54
Верхней Марны	Шомон	6.257	57	158	215	57	142	199	34	33
Верхней Савойи	Аннеси	4.598	31	221	255	37	199	236	56	51
Верхней Соны	Везуль	5.375	48	210	258	45	183	228	48	42
Верхних Альпов	Гап	5.643	25	80	105	15	74	89	19	16
Верхних Пиринеев	Тарб	4.534	51	155	206	47	139	186	45	41
Вогезы	Эпиналь	5.903	152	282	434	135	249	384	74	65
Воклюз	Авиньон	3.578	132	107	239	117	103	220	67	61
Восточных Пиренеев	Перпиньян	4.145	90	123	213	98	119	217	51	53
Вьен	Пуатье	7.044	77	255	332	69	237	306	47	43
Гар	Ним	5.881	202	211	413	195	201	396	70	68
Дордонь	Периге	9.224	72	365	437	66	331	397	47	43
Дром	Валанс	6.561	97	194	291	89	174	263	44	40
Дуб	Безансон	5.260	115	185	300	115	170	285	57	54
Жер	Ош	6.291	35	187	222	25	169	194	35	31
Жиронды	Бордо	10.726	419	410	829	431	388	819	77	76
Изеры	Гренобль	8.237	158	398	556	166	360	526	67	64
Иль-э-Вилен	Ренн	6.992	177	431	608	175	384	559	87	80
Ионны	Оксерр	7.461	65	239	304	65	208	273	41	37
Кальвадос	Кан	5.693	121	275	396	128	257	385	70	68
Канталь	Орильяк	5.779	30	193	223	27	172	199	39	34
Коррез	Тюлль	5.888	50	260	310	45	229	274	53	47
Корсика	Аяччо	8.722	74	217	291	82	209	282	33	32
Кот д'Ор	Дижон	8.787	123	227	350	113	208	321	40	37
Кот дю-Нор	Сен-Брие	7.218	72	534	606	70	488	558	84	77
Крёз	Гере	5.606	33	233	266	27	201	228	48	41
Ламанш	Сен-Ло	6.412	114	362	476	100	325	425	74	66
Ланды	Мон де Марсан	9.364	32	257	289	2	238	264	31	28
Ло	Кагор	5.226	30	176	206	24	153	177	39	34
Лозер	Манд	5.180	15	108	123	14	95	109	24	21
Ло-и-Гаронны	Ажан	4.385	67	201	268	55	185	240	50	45
Луары	Сен-Этьен	6.799	350	291	641	373	264	637	133	133
Луара-и-Шера	Блуа	6.422	57	214	271	52	199	251	42	39
Луаре	Орлеан	6.812	128	236	364	116	221	337	53	49
Майенны	Лаваль	5.212	63	235	298	58	205	263	57	50
Марны	Шалон-на-Марне	8.205	221	215	436	165	202	367	53	45
Мёза	Бар-ле-Дюк	6.241	73	205	278	52	155	207	45	33
Мена-и-Луары	Анже	7.218	152	356	508	140	335	475	70	66
Мёртье-и-Мозель	Нанси	5.280	336	229	565	286	218	504	107	95
Мозель[3])	Мец	4.786	—	—	655	255	334	589	137	123
Морбиган	Ванн	7.093	120	458	578	116	430	546	82	77
Нижней Луары	Нант	6.980	256	414	670	267	383	650	96	93
Нижней Сены	Руан	6.342	529	348	877	564	317	881	138	139
Нижней Шаранты	Ла-Рошелль	7.232	145	306	451	134	284	418	62	58
Нижних Альпов	Динь	6.988	21	86	107	15	77	92	15	13
Нижних Пиренеев	По	7.712	134	299	433	131	272	403	56	52
Ньевры	Невер	6.888	73	226	299	68	202	270	43	39
Обы	Труа	6.026	91	150	241	90	138	228	40	38
Оды	Каркассон	6.342	100	201	301	100	187	287	47	45
Орн	Алансон	6.144	71	236	307	58	217	275	50	45
Па-де-Кале	Аррас	6.752	570	498	1.068	551	439	990	158	147
Приморских Альпов	Ницца	3.736	262	94	356	268	90	358	95	96
Пюи де Дом	Клермон-Ферран	8.016	130	396	526	143	347	490	66	61
Рейн (верхний)[3])	Кольмар	6.228	—	—	518	249	220	469	83	75
Рейн (нижний)[3])	Страсбург	3.508	—	—	701	321	331	652	200	186
Роны	Лион	2·859	693	223	916	753	203	956	320	334
Савойи	Шамбери	6·188	45	203	248	47	178	225	40	36
Сарты	Ле Ман	6.245	117	302	419	116	273	389	67	62
Северный	Лилль	5.774	1.403	559	1.962	1.270	518	1.788	340	310
Севров обоих	Ниор	6.054	52	286	338	51	259	310	56	51

*) Ср. также *современное состояние важнейших государств*, XL, прил. к ст. 31/32. О финансах Франции *см.* XLVI, 490 сл. и XLVII, 123 сл.

1. Территория и население по департаментам *(продолжение)*.

Департаменты	Главные города	Площадь в кв км.	Население (в тысячах) 1911 г. Городское	Сельское	Всего	1921 г. Городское[2]	Сельское	Всего	Плотность населения на 1 кв. км. 1911 г.	1921 г.
Сены	Париж	480	4.138	16	4.154	4.398	14	4.412	8.654	9.122
Сены-и-Марны	Мелен	5.931	103	261	364	109	240	349	61	59
Сены-и-Уазы	Версаль	5.659	478	340	818	581	340	921	144	163
Соммы	Амьен	6.277	189	331	520	170	282	452	83	72
Соны-и-Луары	Макон	8.627	176	428	604	171	384	555	70	64
Тарн	Альби	5.780	107	217	324	101	195	296	56	51
Тарн и Гаронна	Монтобан	3.731	56	127	183	50	110	160	49	43
Уаза	Бове	5.887	117	294	411	116	272	388	70	66
Устья Роны	Марсель	5.248	693	113	806	739	103	842	154	160
Финистер	Кемпер	7.029	226	584	810	202	561	763	115	109
Шаранта	Ангулем	5.972	83	264	347	78	238	316	58	53
Шер	Бурж	7.304	113	225	338	101	204	305	46	42
Эн (Ain)	Бург	5.826	70	272	342	62	254	316	59	54
Эн (Aisne)	Лаон	7.428	175	355	530	125	297	422	71	57
Эндр	Шатору	6.906	75	213	288	70	191	261	41	38
Эндра и Луары	Тур	6.158	105	236	341	107	221	328	55	53
Эр	Эвре	6.037	78	246	324	69	234	303	54	50
Эра-и-Луары	Шартр	5.940	62	210	272	54	197	251	46	42
Эро	Монпелье	6.224	291	190	481	301	187	488	77	78
Юра	Лон-Ле-Сонне	5.055	65	188	253	62	167	229	50	45
	Итого . . .	550.986	—	—	41.479	18.194	21.016	39.210	75	71

[1]) *Источники:* „Ministère du Travail. Resultats statistiques du Recensement général de la Population, effectué le 6 mars 1921". „Annuaire général de la France et de l'Etranger", 1922.
[2]) Города с насел. свыше 2.000 жит. [3]) Департаменты, входящие в состав завоеванной Эльзас-Лотарингии.

2. Территория и население по переписям с 1800 г.[1]).

Даты переписей	Территория в кв. км.	Численность населения (в тысячах) Городского	Сельского	Всего	Процентное отношение Городского	Сельского	Плотн. населен. на 1 кв. км.	Населен. на территории в послевоен. границах (в тысячах)
1801 г. (86 департам.) . . .	537.699	—	—	27.349	—	—	50,8	—
1821 г. „ . . .	„	—	—	30.462	—	—	56,6	—
1831 г. „ . . .	„	—	—	32.569	—	—	60,5	—
1841 г. „ . . .	„	—	—	34.218	—	—	63,6	—
1846 г. „ . . .	„	8.647	26.755	35.402	24,4	75,6	65,8	—
1851 г. „ . . .	„	9.135	26.648	35.783	25,5	74,5	66,5	36.472
1856 г. „ . . .	„	9.845	26.195	36.039	27,3	72,7	67,0	—
1861 г. (89 департам.) . . .	550.986	10.790	26.597	37.386	28,9	71,1	67,9	37.386
1866 г. „ . . .	„	11.595	26.472	38.067	30,5	69,5	69,1	—
1872 г. (87 департам.) . . .	536.464	11.235	24.868	36.103	31,1	68,9	67,2	37.653
1876 г. „ . . .	„	11.977	24.928	36.906	32,5	67,5	68,7	—
1881 г. „ . . .	„	13.097	24.575	37.672	34,8	65,2	70,2	39.239
1886 г. „ . . .	„	13.766	24.452	38.219	35,9	64,1	71,2	—
1891 г. „ . . .	„	14.311	24.032	38.343	37,4	62,6	71,4	39.946
1896 г. „ . . .	„	15.026	23.492	38.517	39,1	60,9	71,8	—
1901 г. „ . . .	„	15.957	23.005	38.962	40,9	59,1	72,6	40.681
1906 г. „ . . .	„	16.537	22.715	39.252	42,1	57,9	73,2	—
1911 г. „ . . .	„	17.509	22.096	39.605	44,2	55,8	73,8	41.479
1921 г. „ . . .	„	17.380	20.119	37.500	46,3	53,7	71,2	—
1921 г. (90 департам.) . . .	550.986	18.205	21.004	39.210	46,4	53,6	69,9	39.210

[1]) *Источники:* „Ministère du Travail. Resultats statistiques du Recensement général de la Population", 1921. „Annuaire statistique de la France", 1924.

3. Рост городского населения [1]).

Годы	Все население Франции	Население		Население Парижа в ‰ ко всему населен.	Прирост в ‰ за 10 лет	
		Парижа	12 крупнейших городов [2])		Всего населения	Население 12 крупн. город.
	в тысячах					
1801	26.931	548	1.185	2,0	—	—
1821	29.871	714	1.423	2,4	10,95 [4])	21,2 [4])
1831	31.788	774	1.559	2,4	6,4	9,5
1841	33.401	935	1.834	2,8	5,1	17,7
1851	34.902	1.053	2.089	3,0	4,5	13,9
1861	35.845	1.697	3.174	4,7	2,7	51,9
1872	36.103	1.852	3.532	5,1	1,0	11,3
1881	37.672	2 269	4.191	6,0	4,4	18,7
1891	38.343	2.448	4.597	6,4	1,8	9,7
1901	38.980	2.714	5.064	7,0	1,7	10,2
1910	39.541	2.888	5.492	7,3	1,4	8,5
1921 [3])	37.500	2.906	5.659	7,7	—5,4	3,0

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique de la France“ за разные годы.
[2]) Включая Париж. [3]) Прирост за 20 лет. [4]) В старых границах.

4. Рост населения 15 крупнейших городов (в тысячах) [1]).

Города	1800 г.	1850 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1926 г.
Париж	547	1.053	2.269	2.448	2.714	2.888	2.906	2.871
Марсель	111	195	306	404	491	551	586	652
Лион	110	177	377	416	459	524	562	571
Бордо	91	131	221	252	257	262	267	256
Лилль	55	76	178	201	211	218	201	202
Нант	74	96	124	123	133	171	184	185
Тулуза	50	93	140	150	150	150	175	181
С.-Этьенн	16	56	124	133	147	149	168	194
Страсбург	49	76	104	124	151	178	167	174
Гавр	16	29	106	116	130	136	163	158
Ницца	—	46 [2])	66	88	105	140	156	184
Руан	87	100	106	112	116	125	124	123
Рубэ	8	35	92	115	124	123	113	117
Нанси	30	45	73	87	103	120	113	114
Тулон	21	69	70	78	102	105	106	115

[1]) *Источник:* „Ministère du Travail. Resultats statistiques“, 1921. Для 1926 г.: „L'Economiste Français“, 1926.
[2]) 1861 г.

5. Движение народонаселения за 1810—1925 гг. [1]).

Годы	Число браков	Рождаемость (без мертворожден).	Смертность	Ест. прирост или убыль (—)	Годы	Число браков	Рождаемость (без мертворожден.)	Смертность	Ест. прирост или убыль (—)
	на 100 чел. населения					на 100 чел. населения			
1811—20	1,59	3,18	2,61	0,57	1911	1,55	1,87	1,94	—0,07
1821—30	1,57	3,10	2,52	0,58	1912	1,58	1,90	1,75	0,15
1831—40	1,60	2,90	2,48	0,42	1913	1,51	1,88	1,77	0,11
1841—50	1,59	2,74	2,33	0,41	1914	1,02	1,79	1,88	—0,09
1851—55	1,56	2,61	2,41	0,20	1915	0,45	1,16	1,85	—0,69
1856—60	1,62	2,66	2,38	0,28	1916	0,66	0,95	1,75	—0,80
1861—65	1,60	2,67	2,29	0,38	1917	0,97	1,05	1,79	—0,74
1866—70	1,52	2,59	2,44	0,15	1918	1,09	1,22	2,20	—0,98
1871—75	1,69	2,55	2,50	0,05	1919	2,80	1,26	1,93	—0,67
1876—80	1,52	2,53	2,24	0,29	1920	3,18	2,13	1,72	0,41
1881—85	1,50	2,47	2,22	0,25	1921	2,33	2,07	1,77	0,30
1886—90	1,44	2,31	2,20	0,11	1922	1,95	1,94	1,76	0,18
1891—95	1,49	2,24	2,23	0,01	1923	1,82	1,94	1,70	0,24
1896—900	1,52	2,20	2,07	0,13	1924	1,82	1,92	1,73	0,21
1901—05	1,53	2,13	1,96	0,17	1925	0,90	1,96	1,81	0,15
1906—10	1,58	1,99	1,92	0,07					

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique“, 1924. Территория 1914 г. С 1914 по 1919 гг. данные по 77 департаментам за вычетом 10 завоеванных департаментов. С 1920 г. в послевоенн. границах. С 1811 по 1910 гг.—среднее по 10 и 5-летиям, с 1911 г.—по годам.

6. Распределение самодеятельного населения по занятиям [1]).

Занятия	1906 г.	1911 г.	%% отношен. отдельных категорий населения ко всему самодеятельному населению	
	в тысячах		в 1906 г.	в 1911 г.
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	8.771	8.517	42,3	40,7
Промышленность и горное дело	7.193	7.486	34,7	35,8
Торговля и транспорт	2.069	2.053	10,0	9,8
Армия и флот	704	721	3,4	3,4
Госуд. и обществ. служба, свободные профессии	1.032	1.225	5,0	5,9
Домашняя прислуга [2])	946	929	4,6	4,4
Итого самодеят. насел.	20.715	20.931	100	100
% отнош. самод. насел. ко всему насел.	—	—	52,8	53,4

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", 1924.
[2]) Включая швейцаров, сторожей и пр. с собственным хозяйством.

7. Распределение сельско-хозяйств. площади по угодиям [1]).

Категории угодий	1892 г.	1913 г.	1923 г.
	в гектарах		
Земли пахотные (включая пар)	25.771.419	23.651.000	22.678.280
Естественные луга	6.226.189	6.319.538	6.857.430
Пастбища	5.816.640	3.648.150	4.073.790
Виноградники	1.800.489	1.616.621	1.608.545
Сады и огороды	291.825	266.845	294.940
Парки и цветники	—	960.410	831.020
Леса	9.521.568	9.886.701	10.346.686
Пески („ланды") и неудобн. земли	2.389.290	3.793.450	4.749.420

[1]) *Источник:* „Торгово-Промышленная Франция". Изд. Торгового Представительства СССР во Франции, 1926.

8. Социальный состав самодеятельн. сельско-хозяйств. населения [1]).

Распределение сельско-хозяйственного населения по категориям	1892 г.	1882 г.	1862 г.	Процентная разность	
				1892 г. к 1882 г.	1882 г. к 1862 г.
I. Собственники:					
а) обрабатывающие только свою землю	2.199.220	2.150.696	1.812.573	+ 2.25	+18.65
б) обрабатывающие свою землю, но кроме того:					
1) приарендовывающ. землю за деньги	475.778	500.144	648.838	— 4.87	— 22.92
2) приарендовывающие землю из доли урожая	123.297	147.128	203.860	— 16.19	— 27.83
3) занимающиеся также и наемным трудом	588.950	727.374	1.134.490	— 19.03	— 35.89
Всего	3.387.245	3.525.342	3.799.759	— 3.92	— 7.22
II. Несобственники:					
а) управляющие	16.091	17.966	10.215	— 10.43	+75.88
б) арендаторы	585.623	468.184	386.533	+25.08	+21.75
в) издольщики	220.871	194.448	201.527	+13.58	— 5.51
г) поденщики	621.131	753.313	869.254	— 17.54	— 13.34
д) батраки	1.832.174	1.954.251	2.095.777	— 6.24	— 6.75
Всего	3.275.890	3.388.162	3.563.306	— 3.31	— 4.92
Общий итог	6.663.135	6.913.504	7.363.065	— 3.62	— 6.11

[1]) *Источник:* „Statistique agricole de la France". Resultats généraux de l'Enquête decennale, Paris, 1882 et 1892.

9. Земледельческие хозяйства по группам [1]).

Размер хозяйств	Число хозяйств в тысячах			Процентное отношение			Площадь в тысячах гектар			Процентное отношение		
	1882	1892	1900	1882	1892	1900	1882	1892	1900	1882	1892	1900
До 1 гектара . . .	2.672,0	2.235,4	2.087.8	38,2	39,2	38,0	1.083.8	1.327,2	1.228,6	2,2	2,68	2,4
От 1— 5 гект. . .	1.865,9	1.829,3	2.523,7	32,9	32,07	45,9	5.597,6	5.489,3	11.559,3	11,3	11,22	23,1
„ 5—10 „ . .	1.200,5	788,3		21,2	13,83		12.238,9	5.755,5		24,7	11,65	
„ 10—20 „ . .		711,1	745,9		12,47	13,6		14.313,4	14.825,3		28,98	29,6
„ 20—40 „ . .	215,9			5,2			8.375,4			16,8		
Свыше 40 „ . .	142,1	138,7	138,4	2,5	2,43	2,5	22.266,1	22.493,4	22.500,0	45,0	45,47	44,9

[1]) *Источники:* „Statistique agricole de la France", 1882 и 1892. „Динамика мирового хозяйства", бюллетень сектора мирового хозяйства Госплана СССР, 1926.

10. Численность скота (в тысячах голов) [1]).

	1880	1885	1890	1895	1900	1905	1910	1913	1919	1922	1925
Лошади	2.849	2.911	2.862	2.812	2.903	3.169	3.198	3.222	2.503	2.778	2.880
Крупный рогатый скот . .	11.746	13.105	13.663	13.234	14.521	14.316	14.532	15.338	12.789	13.576	14.373
Овцы	22.516	22.617	21.658	21.164	20.180	17.783	17.111	16.131	9.022	9.782	10.537
Свиньи	5.556	5.881	6.017	6.306	6.740	7.559	6.900	7.529	4.389	5.196	5.793
Козы	—	—	—	—	—	1.477	—	1.510	1.289	1.368	1.378

[1]) *Источники:* „Annuaire statistique", 1926. „Динамика мирового хозяйства", 1926.

11. Добыча угля и железной руды, выплавка чугуна и стали (в 1.000 метр. тонн) [1]).

С 1919 г. — включая Эльзас - Лотарингию.

Годы	Выплавка чугуна	Производство литой стали	Добыча железной руды	Добыча каменного и бурого угля	Годы	Выплавка чугуна	Производство литой стали	Добыча железной руды	Добыча каменного и бурого угля
1830	266	—	—	1.863	1905	3.077	2.255	7.395	35.928
1835	—	—	830	2.506	1910	4.038	3.390	14.606	38.570
1840	348	—	995	3.003	1913	5.207	4.687	21.918	40.844
1845	—	—	1.250	4.202	1914	2.736	2.802	11.252	27.528
1850	406	—	1.077	4.434	1915	584	1.111	620	19.533
1855	—	—	2.547	7.453	1916	1.311	1.784	1.681	21.310
1860	898	—	3.033	8.304	1917	1.408	1.991	2.035	28.915
1865	—	—	3.011	11.600	1918	1.293	1.800	1.672	26.259
1870	1.178	—	2.614	13.330	1919	2.412	2.186	9.430	22.441
1875	1.448	—	2.506	16.957	1920	3.434	3.050	13.846	25.261
1880	1.725	389	2.874	19.362	1921	3.417	3.102	14.106	28.960
1885	1.631	554	2.318	19.511	1922	5.229	4.534	20.832	31.913
1890	1.962	582	3.472	26.083	1923	5.430	5.302	23.400	38.556
1895	2.004	876	3.680	28.020	1924	*7.650*	*6.900*	*29.000*	*44.955*
1900	2.714	1.565	5.448	33.404					

[1]) *Источники:* „Handbuch der Staatswissenschaften", 4-te Aufl., B. III. „Annuaire statistique", 1924.

12. Паров. лощ. сил двигатели, примен. в промышл. и трансп. (в тысяч.)[1])

Годы	Промышленность										Железные дор. трамваи и т. д.	Суда, не считая воени. флота
	Всего	Копи и каменоломни	Металлургич. пром.	Сельск. хозяйство	Пищев. пром.	Химич. и кожев. пром.	Ткацк. пром. и изготов. одежды	Строит. электр. и пр.	Писчебум. древообд. и т. д.	Коммун. услуги		
1878 . .	484	83	102	27	78	27	91	34	21	13	2.367	150
1880 . .	544	87	109	38	84	30	105	42	23	14	2.505	292
1885 . .	695	102	147	66	92	35	147	58	32	17	3.304	530
1890 . .	863	130	168	89	106	42	173	91	38	26	3.677	636
1895 . .	1.163	174	214	107	129	57	255	134	50	43	4.162	796
1900 . .	1.791	277	314	133	187	80	408	274	70	49	5.876	942
1905 . .	2.232	356	412	153	214	96	474	371	98	57	7.042	1.161
1910 . .	2.913	506	543	178	231	125	535	588	90	74	9.667	—
1913 . .	3.539	576	595	192	235	144	539	1.021	106	80	12.0 0	—
	то же в тысячах килоуатов[2])											
1919 . .	2.465	356	497	148	163	105	331	689	81	61	9.886	—
1920 . .	3.044	508	551	155	136	103	398	1.012	78	69	11.916	—
1921 . .	3.350	530	667	145	158	106	411	1.171	78	47	15.880	—
1922 . .	3.599	540	668	130	151	120	416	1.424	77	36	15.077	—

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", 1924. [2]) Килоуат = 1,36 лош. силы.

13. Средняя заработная плата рабочих, занятых в горной промышл.[1]).

Годы	Поденн. зар. плата Фр.	Годовая зар. плата Фр.	Индекс оптов. цен (основание 1901-1910=100)	Сред. стоим. дневной продукц. рабоч. Фр.	Отн. дневн. зар. платы к стоим. днев. прод. раб.	Числ. пар. лош. сил двиг., прих. на 100 рабоч.	Годы	Поденн. зар. плата Фр.	Годовая зар. плата Фр.	Индекс оптов. цен (основание 1901-1910=100)	Сред. стоим. дневной продукц рабоч. Фр.	Отн. дневн. зар. платы к стоим. днев. прод. раб.	Числ. пар. лош. сил двиг., прих. на 100 рабоч.
1849 . . .	2.16	534	—	5.09	42.5	36	1879 . . .	—	987	117	—	45.7	61
1854 . . .	2.32	687	—	5.40	43.0	34	1884 . . .	3.83	1.072	101	8.06	47.5	72
1859 . . .	—	—	137	—	—	—	1889 . . .	3.87	1.121	100	7.88	49.1	79
1864 . . .	2.60	750	141	5.69	45.7	38	1894 . . .	4.14	1.181	87	8.01	51.7	108
1869 . . .	2.99	841	130	6.58	45.5	47	1899 . . .	4.38	1.260	93	9.21	47.6	110
1874 . . .	3.56	1.051	132	8.93	39.9	43							

[1]) *Источники:* 1) Суточная и годовая зар. плата: „Annuaire statistique de la France", Paris, 1924. p. 123*. 2) Индекс оптовых цен: „Annuaire statistique de la France", 1925. „Bulletins de la statistique générale de la France", 1926. 3) Дневная продукция и количество лош. сил: H. L. Moore, „Laws of Wages", 1911.

14. Средняя поденная заработн. плата углекопов в 1913 и 1921—25 гг. и изменение их реальной заработной платы[1]).

Области и группы рабочих	Средняя поденная заработная плата						Index numbers реальной поденной заработной платы[2])					
	1913	1921	1922 1 квр.	1923 1 квр.	1924 2 квр.	1925 2 квр.	1913	1921	1922 1 квр.	1923 1 квр.	1924 2 квр.	1925 2 квр.
Подземные рабочие	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.	Фр.						
Аррас	6.25	22.77	20.77	20.40	25.49	25.19	—	—	—	—	—	—
Сент-Этьен	5.51	18.65	19.49	20.95	25.05	26.13	100	104	106	110	115	117
Шалон на Сене	6.27	20.32	19.16	20.50	24.75	26.40	100	90	94	98	102	102
Среднее по всей стране	5.96	20.49	18.96	20.19	24.64	25.53	100	95	98	102	105	98
Наземные рабочие												
Аррас	4.11	17.12	15.54	15.30	19.11	19.44	—	—	—	—	—	—
Сент-Этьен	4.06	16.09	14.61	15.84	18.97	19.71	100	122	108	113	118	120
Шалон на Сене	4.09	15.73	14.21	15.24	18.06	18.98	100	107	106	110	114	113
Среднее по всей стране	4.02	15.82	14.29	15.03	18.24	18.90	100	109	110	113	115	108
Подземн. и наземн. рабочие												
Аррас	5.72	21.11	19.29	19.04	23.87	24.57	—	—	—	—	—	—
Сент-Этьен	5.07	17.78	17.72	19.09	22.99	23.98	100	108	105	109	114	117
Шалон на Сене	5.27	18.43	17.01	18.41	22.16	23.54	100	97	99	103	108	108
Среднее по всей стране	5.40	18.84	17.35	18.55	22.75	23.84	100	96	100	104	107	101

[1]) *Источник:* „Wage Changes in Various Countries 1914 to 1925". The Inter. Labour Office (League of Nations). „Bulletin de la statistique générale de la France", октябрь 1924 г. и июль 1925 г.

[2]) При вычислении index numbers реальной заработной платы были использованы следующие index numbers стоимости жизни. Для Сент-Этьена и Шалон на Сене цифры включают пищевые продукты, отопление и освещение, одежду, расходы по помещению и разные расходы. Показатели для всей страны включают, главным образом, пищевые продукты. Для Аррас index numbers стоимости жизни нельзя было выяснить.

15. Средние ставки номинальной поденной заработной платы и index numbers реальной заработной платы в различных отраслях промышленности за 1911, 21 и 24 гг.[1]).

Промышленность и занятия	Средние ставки номинальной заработной платы			Индексы реальной заработной платы[2])		
	1911	1921 (Февр.)	1924 (Окт.)	1911	1921 (Февр.)	1924 (Окт.)
	Фр.	Фр.	Фр.			
Строительное дело:						
Каменщики (Париж)	8.55	28.00	32.00	100	97	102
„ (другие города)	4.80	19.72	23.74	100	96	123
Кирпичники (Париж)	—	26.00	24.00	—	—	—
„ (другие города)	4.17	19.25	22.18	100	111	133
Маляры (Париж)	7.25	28.00	30.00	100	115	113
„ (другие города)	4.76	19.43	22.86	100	95	120
Кровельщики (Париж)	8.00	28.00	30.00	100	104	102
„ (другие города)	5.05	20.14	23.92	100	93	118
Стекольщики (Париж)	7.65	28.00	31.20	100	108	111
„ (другие города)	4.72	19.52	22.20	100	96	117
Землекопы (Париж)	7.60	26.00	28.00	100	101	100
„ (другие города)	3.82	17.22	19.66	100	105	128
Чернорабочие (другие города)	3.26	14.01	16.42	100	100	126
Металлическая индустрия:						
Водопроводчики (Париж)	8.00	28.00	30.00	100	104	102
„ (другие города)	4.92	19.36	23.10	100	91	117
Кузнецы (Париж)	10.00	32.00	36.00	100	95	98
„ (другие города)	5.12	20.53	23.58	100	93	115
Токари (Париж)	8.25	28.00	30.00	100	101	98
„ (другие города)	5.39	20.67	23.63	100	89	109
Лудильщики (другие города)	4.74	19.26	22.44	100	81	118
Медники (другие города)	5.40	21.33	23.32	100	94	108
Слесари (Париж)	8.00	26.00	30.00	100	96	102
„ (другие города)	4.65	19.18	22.62	100	96	121
Обработка дерева:						
Краснодеревцы (Париж)	9.00	32.00	32.00	100	105	97
„ (другие города)	4.86	20.36	23.65	100	100	121
Плотники (Париж)	9.00	28.00	30.00	100	92	91
„ (другие города)	5.05	20.24	23.92	100	93	118
Столяры (Париж)	8.00	30.00	30.00	100	111	102
„ (другие города)	4.70	19.45	22.86	100	96	121
Токари (Париж)	7.50	28.00	32.00	100	110	116
„ (другие города)	4.88	19.80	22.18	100	94	113
Печатное и переплетное дело:						
Наборщики (Париж)	7.20	27.60	33.20	100	113	126
„ (другие города)	4.94	18.54	22.40	100	87	113
Переплетчики (Париж)	6.00	25.60	29.60	100	95	134
„ (другие города)	4.67	17.86	21.58	100	89	115
Портные и текстильн. промышл.:						
Портные (Париж)	7.50	28.00	32.00	100	111	116
„ (другие города)	4.55	18.02	22.42	100	92	123
Ткачи (другие города)	3.32	14.33	17.44	100	100	131
Кожевенное производство:						
Кожевники (Париж)	6.50	25.20	28.00	100	115	117
„ (другие города)	4.09	17.02	19.03	100	97	116
Сапожники (другие города)	3.95	16.30	19.06	100	96	120
Различные занятия:						
Пивовары (другие города)	4.21	17.06	19.58	100	94	116
Часовщики (Париж)	7.00	—	30.80	100	—	120
„ (другие города)	5.31	20.70	24.83	100	91	117
Каменоломные рабочие (Париж)	7.00	—	28.00	100	—	109
„ „ (другие города)	4.16	18.58	21.87	100	104	131

[1]) *Источник:* „Wage Changes in Various Countries 1914 to 1925", The International Labour Office (League of Nations), Geneva, 1926. „Bulletin de la Statistique générale de la France, et du Service d'observation des prix", январь, 1925.

[2]) При вычислении index numbers реальной заработной платы были использованы следующие index numbers стоимости жизни: Париж: основание, 1914=100; 1-й квартал 1921=338; 3-й квартал 1924=367. Другие города (преимущественно пищевые продукты): 1914=100; Февр. 1921=430; август 1924=401.

16. Рабочие и предпринимательские организации по отраслям производства на 1 января 1920 г. [1]).

Отрасли производства	Число синдикатов		Число синдицированных	
	Предпринимателей	Рабочих	Предпринимателей	Рабочих
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство [2]) . . .	281	448	26.079	41.932
Горная промышленность	10	115	306	119.790
Каменоломни	15	43	229	9.164
Производство пищевых продуктов	1.609	306	154.394	53.603
Химическая промышленость	109	181	6.055	51.302
Бумажная и полиграфическая промышленность . .	126	257	6.958	21.665
Кожевенная промышленность	137	178	6.826	43.440
Текстильная промышленность	148	318	6.317	174.325
Изготовление одежды	169	278	7.775	58.920
Деревообделочная промышленность	182	289	8.083	36.415
Металлообрабатывающая промышленность	351	514	23.077	234.720
Керамическое производство (гончарное и т. п.) . .	49	129	2.268	23.759
Строительная промышленность	344	625	23.311	146.349
Торговля и транспорт	900	1.351	62.133	508.657
Домашняя прислуга	124	98	7.204	26.602
Свободные профессии (врачи и др)	524	153	38.840	30.324
Всего	5.078	5.283	379.855	1.580.967

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", Paris, 1925, p. 110. Ср. *Франция в эпоху четырехлетн. войны*, XLVII, 545.

[2]) Содержат только промышленные и торговые синдикаты предпринимателей и рабочих. Сельско-хозяйственные синдикаты в собственном смысле, большею частью смешанные, составляют 6.519 и содержат 1.083.957 членов.

17. Рабочие и предпринимательские синдикаты с 1900 по 1924 год [1]).

Годы	Предпринимат.		Рабочие		Смешанные		Сельско-хоз.		Всего	
	Число орган.	Число членов	Число орган.	Число членов	Число орган.	Число членов	Число орган.	Число членов	Число орган.	Число членов
1900	2.175	158.300	2.685	491.647	170	28.519	2.069	512.794	7.081	1.191.260
1910	4.450	368.547	5.260	977.350	184	38.005	4.948	813.038	14.842	2.196.940
1912	4.888	410.160	5.217	1.064.413	225	46.646	5.879	934.317	16.209	2.455.536
1914	4.976	403.143	4.846	1.026.300	233	51.111	6.667	1.029.727	16.713	2.510.283
1920	5.078	379.855	5.283	1.580.967	175	31.806	6.519	1.083.957	17.055	3.076.585
1922	5.758	413.765	6.196	1.768.461	193	32.458	7.654	1.149.584	19.801	3.364.268
1923	5.970	342.732	6.540	1.809.052	193	32.458	8.260	1.187.587	20.963	3.452.829
1924	6.210	434.833	6.597	1.804.912	194	32.161	8.633	1.204.946	21.634	3.476.852

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", 1926.

18. Забастовочное движение [1]).

Годы	Число забастовок	Число забастовщиков	Число потерянных рабочих дней	Годы	Число забастовок	Число забастовщиков	Число потерянных рабочих дней
1890	313	118.941	1.340.000	1916	315	41.409	235.907
1895	405	45.801	617.469	1917	696	293.310	1.481.621
1900	902	222.714	3.760.577	1918	499	176.187	979.632
1905	830	177.666	2.746.684	1919	2.026	1.160.718	15.478.318
1909	1.025	167.492	3.559.880	1920	1.832	1.316.559	23.112.038
1913	1.073	220.448	2.223.781	1921	475	402.377	7.027.070
1914	672	160.566	2.192.078	1922	665	290.326	3.035.493
1915	98	9.344	44.344				

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", 1926.

19. Внешняя торговля [1]).

Годы	Вывоз				Ввоз			
	Всего млн. франк.	% продов. продукт.	% промышл. сырья	% готовых изделий	Всего млн. франк.	% продов. продукт.	% промышл. сырья	% готовых изделий
1876—1880	3.398	24,8	23,6	51,5	4.295	33,9	54,4	11,6
1881—1885	3.382	24,2	22,8	52,8	4.584	34,4	50,2	15,4
1886—1890	3.440	22,4	24,6	53,0	4.219	34,9	51,2	14,0
1891—1895	3.344	21,1	24,3	54,5	4.076	31,1	54,2	14,6
1896—1900	3.754	18,5	26,7	54,8	4.289	24,8	59,3	15,9
1901—1905	4.367	16,4	27,1	56,4	4.569	18,4	63,8	17,8
1906—1910	5.573	13,9	28,5	57,5	6.182	17,1	63,9	19,0
1911	6.077	12,1	30,1	57,8	8.066	25,0	56,1	18,9
1912	6.713	12,7	29,0	58,4	8.231	21,9	58,5	19,6
1913	6.880	12,2	27,0	60,8	8.421	21,6	58,7	19,7
1914	4.869	13,3	26,7	60,0	6.402	28,3	54,8	16,9
1915	3.937	16,5	19,5	64,0	11.036	30,0	42,2	27,8
1916	6.214	9,5	17,4	73,1	20.640	24,5	47,3	28,2
1917	6.013	8,3	18,2	73,5	27.554	25,3	43,1	31,6
1918	4.723	8,9	21,1	70,0	22.306	25,3	45,1	29,6
1919	11.880	10,0	20,6	69,4	35.799	29,9	41,2	28,9
1920	26.895	9,7	22,8	67,5	49.905	23,8	50,4	25,8
1921	19.772	10,5	20,7	68,8	22.755	28,7	49,4	21,9
1922	21.379	8,8	27,2	64,0	24.275	23,6	57,8	18,6
1923	30.867	10,2	27,1	62,7	32.859	22,9	63,8	13,3
1924	41.454	9,6	25,4	65,0	40.133	22,2	65,1	12,7
1925	45.413	7,9	27,7	64,4	43.981	20,7	67,0	12,3

[1]) *Источники:* Paul Hermberg, „Der Kampf um den Weltmarkt", 1920. „Annuaire statistique de la France", Paris, 1926.

20. Торговля Франции с колониями в 1919 г. (в млн. фр.) [1]).

Название колоний и протекторатов	Импорт Франции из производ. стран				Экспорт Франц. по стран. назначения			
	Продовол. продукты	Промышл. сырье	Готовые продукты	Всего	Продовол. продукты	Промышл. сырье	Готовые продукты	Всего
Алжирия	1.010,7	161,2	51,8	1.223,7	107,6	121,3	729,7	958,6
Тунис	328,6	97,7	11,0	437,4	8,0	20,8	137,7	166,5
Марокко	204,8	110,9	11,6	327,4	107,1	14,7	111,5	233,3
Конго	1,4	9,9	0,2	11,4	0,7	0,1	2,3	3,1
Сенегал	10,2	342,2	5,6	358,1	9,1	2,3	34,6	46,0
Друг. влад. в Зап. Афр.	4,0	134,5	0,2	138,7	2,9	0,8	10,8	14,6
Майот	1,3	1,5	0,0	2,8	0,0	0,0	0,3	0,3
Носси-Бе	4,3	6,1	0,0	10,4	0,1	0,1	0,7	0,9
Мадагаскар и прил. вл.	66,6	85,3	0,8	154,7	3,4	2,6	24,5	30,5
О-в Реюньон	77,4	4,3	0,2	81,9	1,7	0,3	2,3	4,3
Сомали	7,8	28,1	0,2	36,1	0,3	0,3	2,2	2,8
Фр. влад. в Индии	0,9	16,2	3,4	19,7	0,0	0,0	0,2	0,2
Фр. Индо-Китай	194,1	66,1	15,5	275,7	8,5	2,3	38,3	49,7
Фр. влад. Н. Каледон. в Океании др. владен.	2,5	13,5	—	16,0	1,2	0,1	2,2	3,6
	1,1	0,3	0,0	1,4	0,1	0,0	0,7	0,8
Фр. Гвиана	1,3	5,8	0,0	7,1	1,3	0,0	2,4	3,7
Мартиник	212,9	5,6	0,4	219,0	4,0	0,4	9,2	13,6
Гваделупа	124,7	1,5	0,2	126,4	4,3	0,2	7,5	12,1
С.-Пьер и Микелон	187,7	2,2	0,9	190,9	1,0	0,6	1,7	3,3
Всего	2.443,7	1.093,0	102,2	3.638,9	261,5	167,4	1.119,2	1.548,1
Общий импорт и экспорт Франции	10.704,5	14.753,2	10.341,6	35.799,3	1.190,4	2.444,3	8.244,9	11.879,6

[1]) *Источник:* „Annuaire statistique", 1924.

21. Участие колоний в импорте Франции (в тысяч. франк.), сравнительно с общими размерами импорта [1]).

Название продукта	Весь ввоз (из колоний и из иностранных государств)		Часть колониального импорта в процентах	
	1922	1923	1922	1923
Хлопок	1.710,3	2.880,7	0,7	0,7
Шерсть	1.656,3	2.489,4	1,7	3,0
Зерновые хлеба	923,9	1.654,1	16,3	19,2
Масличные семена	839,0	1.362,2	30,0	25,5
Сахар-сырец и сахар рафинированн.	653,0	1.039,8	18,4	17,6
Дерево обыкновенное и драгоценное	660,3	876,3	4,8	4,8
Кофе	629,9	831,3	3,5	2,8
Кожа и невыделанный мех	321,3	615,7	12,4	16,4
Мясо свежее и консервированное	254,8	473,5	3,6	3,3
Каучук	118,7	328,9	16,3	14,6
Рис	139,2	267,2	71,0	76,3
Минералы	86,5	206,0	20,1	18,6

[1]) *Источник:* „Annuaire générale", 1926.

22. Главн. предметы ввоза Франции до войны (в млн. франк.) [1]).

Годы или среднее годовое	Продовол. продукты				Промышленное сырье											Готовые издел.		
						Сырье для текстильной промышленн.												
	Всего	Зернов. хлеба	Вино	Кофе	Всего	Всего	Хлопок	Шерсть	Шелк	Маслян. семена и плоды	Нефть	Каучук и гутаперча	Кожа и невыработанный мех	Мель	Строительное дерево	Всего	Пряжа и ткани	Машины
1886—1890	1.471	331	427	133	2.159	905	186	363	258	158	171	13	170	42	84	589	231	42
1891—1895	1.269	371	249	152	2.211	844	186	337	236	179	175	18	151	38	104	596	194	54
1896—1900	1.062	255	261	111	2.543	977	192	418	259	155	247	38	131	84	120	683	184	90
1901—1905	841	154	129	92	2 914	1.142	300	410	294	211	257	65	159	85	124	814	200	115
1906—1910	1.056	200	149	109	3.950	1.544	432	608	348	286	405	174	182	140	136	1.176	208	214
1911 . . .	2.020	715	302	144	4.525	1.695	553	675	317	372	454	238	203	143	140	1.521	223	287
1912 . . .	1.803	367	321	217	4.813	1.780	568	685	319	366	502	219	222	197	161	1.614	231	302
1913 . . .	1.818	566	276	225	4.946	1.786	541	699	317	384	575	200	234	207	171	1.658	220	324

[1]) *Источник:* P. Hermberg, „Der Kampf um den Weltmarkt", 1920.

23. Главн. предметы вывоза Франции до войны (в млн. франк.) [1]).

Годы или среднее годовое	Продов. прод.			Промышленное сырье					Готовые изделия										
					Сырье для текстильн. пром.					Пряжа и ткани									
											из								
	Всего	Зернов. хлеба	Вино	Всего	Всего	Шерсть	Шелк	Кожа и невыработанный мех	Всего	Всего	Шелка	Шерст.	Хлопч. бум.	Пряжа	Ткани	Кожа и кожевенные товары	Машины	Орудия и металлич. товары	Локомот., автомобили и пр.
1886—1890 .	771	20	249	846	317	135	134	64	1.823	779	—	356	113	720	55	235	36	76	7
1891—1895 .	707	30	221	814	282	125	119	74	1.823	705	—	322	108	640	35	202	36	72	8
1896—1900 .	696	17	227	1.001	366	195	128	91	2.057	740	267	285	149	673	52	181	54	84	18
1901—1905 .	718	13	229	1.185	440	229	138	128	2.485	799	299	244	206	715	75	182	59	49	68
1906—1910 .	777	21	216	1.590	571	229	170	133	3.206	1.018	334	280	333	880	136	187	91	130	162
1911	737	9	188	1.830	635	328	162	151	3.510	1.005	312	265	348	849	150	207	113	106	185
1912	850	14	229	1.945	659	362	148	164	3.918	1.095	316	280	401	906	184	241	115	118	238
1913	889	11	203	1.858	581	294	162	172	4.183	1.190	398	308	390	995	189	283	122	125	278

[1]) *Источник:* P. Hermberg, „Der Kampf um den Weltmarkt", 1920.

подъем, несмотря на пронесшиеся политические бури, на войны революции и империи, на рекрутские наборы и фискальные требования нового строго централизованного государства.

Февральская революция 1848 г. сделала основою политической власти всеобщую подачу голосов. Понятно то значение, какое приобретало теперь крестьянство, составлявшее еще почти три четверти населения Ф. Теоретически французский крестьянин становился теперь властелином государства. Как же распорядился он этою огромною властью? В начале переворота он стал на сторону Второй республики и местами принимал даже деятельное участие в посадке деревьев свободы, наряду с духовенством. Злополучный декрет временного правительства от 16 марта 1848 г., который облагал добавочными 45 сантимами всех плательщиков четырех прямых налогов и падал тяжелым бременем на мелких собственников, впервые вызвал сильное раздражение крестьян против нового режима и сделал их жестокими врагами Второй республики. Деревня приписала этот налог социалистам и крайним демократам в правительстве. И „Вторая Империя жила преимущественно благодаря невежеству крестьян, искусно поддерживаемому тем способом народного образования, который отдал их под опеку католических орденов".

Крушение Второй Империи освобождает французский народ. Каково будет в данном случае политическое поведение сельского населения, которое представлено, главным образом, крестьянством, поддерживавшим столь долго „современного цезаря"? В разгар войны ему не приходится, да и нет возможности, восставать против фактически учредившейся 4 сентября 1870 г., после седанского поражения, республики в лице парижского временного правительства. На выборах 8 февраля 1871 г., состоявшихся десять дней спустя после капитуляции Парижа и перемирия с победоносными немцами, значительное большинство французов и, несомненно, почти все крестьянство вотирует за монархические партии. В результате появляется бордосское Национальное Собрание, в котором на 750 членов было, по крайней мере, 450 монархистов,—та пресловутая „палата деревенщины", реакционнее которой не было со времени „несравненной палаты" 1815 г., но которая была призвана осуществить поголовное желание крестьян: мир, немедленный мир, между тем как большие городские центры избирают чаще всего республиканских и резко патриотических депутатов, требующих продолжения войны. Огромное восстание Коммуны (18 марта 1871 г.), бывшей не только демократическим, не только социалистическим, но резко республиканским движением, только обострило нелюбовь мужика к республике, — главным образом, под влиянием традиционного страха перед „красными", якобы покушающимися на его скромную собственность (хотя в некоторых местностях центральных департаментов Ньевры и Шера коммунары нашли сочувствующих и среди деревенского люда). Но по мере того, как Третья республика продолжала существовать изо дня в день, сначала фактически, а потом и на законном основании, не тревожа крестьянина в его трудовой будничной жизни, он все более и более свыкался с ней и, как человек практичный и подозрительно относящийся к переменам, довольно скоро обнаружил, наоборот, недоверие к монархической пропаганде. В его глазах республика стала приобретать именно то преимущество, что она существовала, тогда как королевскую или императорскую власть надо было ему еще снова заводить, подвергая всем опасностям гражданской войны себя самого, свою семью и свой участок. С тех пор обнаружилось даже своеобразное явление: всякий раз, как разочарованная, нетерпеливая демократия городов, вербующаяся из мелкой буржуазии и рабочих, становилась более или менее жертвою цезаристской демагогии и угрожала опасностью свободным учреждениям, как то особенно было заметно в эпоху буланжизма,— крестьянство приходило медлительным, но верным шагом на защиту республики и приводило в равновесие выведенную из устойчивости систему политических сил.

Конечно, свыкавшийся с республиканским строем крестьянин делал это не из-за какой-нибудь возвышенной идеологии, а движимый чувством самосохранения. Но на почве этого социального консерватизма стали постепенно вырабатываться у него чаяния лучших порядков, и если он не один раз поддерживал своим грузным весом требования крупного землевладения, представители которого успевали привлечь его на свою сторону пропагандою якобы тожества мужицких и буржуазных интересов в деревне, то, с другой стороны, он в ряде местностей оказался доступным влиянию социалистической агитации и пробует все чаще и чаще соединять свои усилия с деятельностью рабочих партий. Так, французское крестьянство охотно позволило увлечь себя на путь аграрного протекционизма 1882—1894 гг. защитникам крупного сельского хозяйства в роде Мелина, который умел козырять интересами мелкого земледельца, хотя высокие ввозные пошлины на хлеб и другие сельские продукты идут, в сущности, на пользу почти исключительно крупным хозяевам, продающим бо́льшую часть своего производства на сторону, тогда как среднему крестьянину не хватает на пропитание возделываемого им хлеба (Ф. производит ежегодно около 90 млн. метрических центнеров хлеба, и ей нужно ввозить еще около 10 млн., чтобы покрыть все потребление страны). Но не мало сторон современной сельской жизни сближают крестьянина с рабочим классом и ослабляют его традиционную вражду к городскому пролетарию и к его социалистическим представителям. Распыление мелкой крестьянской собственности на еще более мелкие участки под влиянием начала равного наследования; обременение этой собственности ипотечными долгами и притязаниями сельского ростовщика; в винодельных местностях опустошения, которые были произведены филоксерой, начиная со второй половины 70-х годов прошлого века, и следы которых чувствовались еще в 90-х годах,—все эти условия трудовой крестьянской жизни ставили мелкую сельскую буржуазию, типичного французского мужика в положение, близкое к положению сельского рабочего и порою худшее, чем положение хорошо оплачиваемых групп в городском пролетариате. С другой стороны, с начала 90-х годов французский социализм, который долгое время почти совсем игнорировал крестьянство, обращает внимание на значение деревни и начинает вести в ней пропаганду, исходя из того принципа, что если экономическое развитие производит пролетаризацию сельского населения, то „не дело социализма ускорять исчезновение крестьянской собственности", а наоборот, он должен защищать земледельцев, обрабатывающих свои участки, „против фиска, ростовщичества и захватов новых крупных собственников". И социализм понемногу проникает в деревню. Еще в конце прошлого века дровосеки центральных департаментов Шера и Ньевры образуют социалистические организации. В конце первого десятилетия этого века социалистические идеи распространяются среди виноградарей южной Ф., где кризис виноделия, особенно обострившийся в 1908 г., вызывает обширное движение трудовых элементов деревни, не только сельских рабочих, но и мелких собственников, против владельцев крупных виноградников. А ныне целый ряд муниципальных социалистических советников и социалистических депутатов избирается голосами деревни. Так мелкая сельская буржуазия и ее типичный представитель крестьянин, если в большинстве случаев и оказываются еще в сфере влияния средней и крупной буржуазии, то начинают уже обнаруживать местами сильное сочувствие к трудовым классам и их выразителю, социализму.

Мы упомянули о сфере влияния средней и крупной буржуазии. Влияние этой социальной группы, несмотря на сравнительную малочисленность, сказывается действительно в общественной жизни Ф. еще столь чувствительно, что политическая эволюция страны за более, чем сто лет, совершается, главным образом, под давлением и по инициативе этого ядра имущих и правящих классов из „исполнительного комитета" (употребляя выражение Маркса), который лавирует между мелкой бур-

жуазией города и деревни и рабочим классом, играет одной общественной группой против другой и в общем направляет государственный корабль по фарватеру своих интересов. Если до Великой революции часть крупной буржуазии является связанной с существованием старого строя в лице генеральных откупщиков, владельцев благоприобретенной феодальной собственности, членов королевской магистратуры и т. п., то наиболее влиятельные, наиболее деятельные и образованные элементы тогдашнего „третьего сословия“ ведут за собой всю непривилегированную Ф., т.-е. громадное большинство французской нации, в сторону коренного переворота, по дороге к новому обществу. Но было бы большой ошибкой забывать о существовании розни интересов уже в это время между различными группами третьего сословия Ф. Во всяком случае не позже конца 1789 г. Национальное Собрание уже ввело в избирательный закон понятие об активных и пассивных гражданах и установило для избирателей и избираемых ценз, который ставил, напр., условием для выбора в депутаты Национального Собрания „уплату прямого налога, равного стоимости серебряной марки (50 ливров) и, сверх того, обладание поземельной собственностью“, т. е. лишал миллионы граждан всякой возможности участвовать в законодательстве. И надо было наступить страшной революционной буре, надо было новой Ф. вступить в отчаянную борьбу с внешними и внутренними врагами, чтобы поднявшийся на защиту родины народ получил всеобщую подачу голосов. Буржуазная мысль снова обнаруживается как нельзя яснее в выработанной после термидора конституции III (1795) года, где к имущественному цензу прибавляется ценз грамотности, и в конституции X (1802) г., которая покоится на пирамиде „наиболее значительных плательщиков“ на всех этажах многостепенных выборов, а окончательно—на воле пожизненного консула Бонапарта, с 1804 г. императора Наполеона I. С экономической точки зрения Первая Империя является эпохой господства крупной буржуазии, которая живет поставками и займами для беспрерывных войн, лихорадочно развивает некоторые ветви национальной промышленности, в роде свеклосахарной, в теплице высоких промышленных тарифов и континентальной блокады, получает право организоваться в торговых палатах, между тем как еще закон 1803 г. отдает пролетария в руки фабриканта при помощи рабочей книжки, строгого запрещения стачек и т. п. И вся внутренняя политика Наполеона I клонит к тому, чтобы создать привилегированное положение капиталисту в его сношениях с эксплоатируемыми им трудящимися.

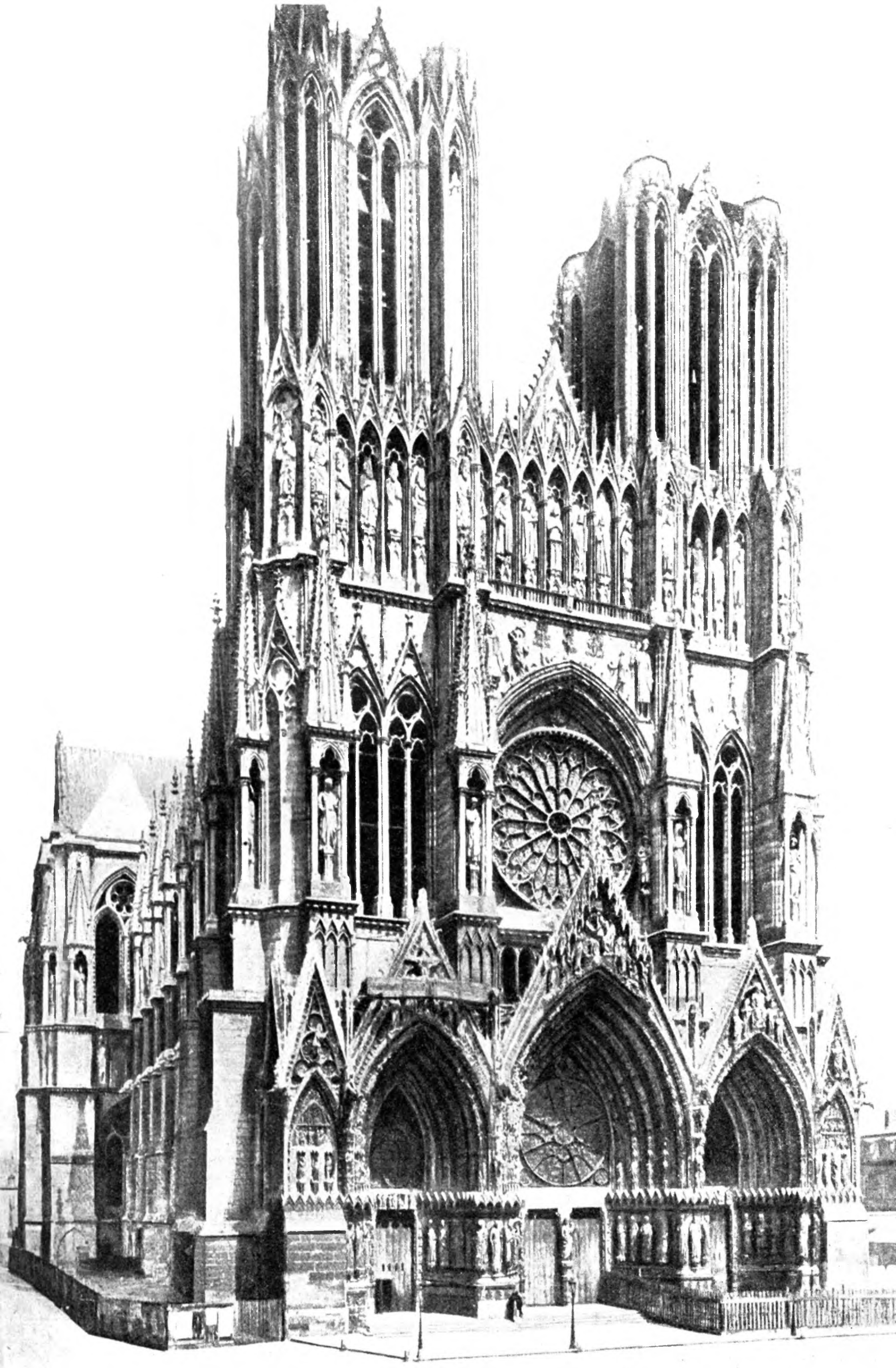
После падения Наполеона и с окончательным водворением Бурбонов страною правит, в сущности, группа в 100.000 лиц, крупных собственников и крупных капиталистов, отфильтрованных высоким цензом, требующим платежа 300 фр. налогов от избирателя и 1.000 фр. от кандидата в представители народа. Эта группа — несколько сот депутатов, избираемых на 5 лет, и пэров, назначаемых королем,—спорит о том, как лучше делить добычу, получаемую от эксплоатируемой нации, и как удобнее сваливать с своих плеч тяжесть государственных налогов на выносливую спину трудящихся масс. В экономическом смысле Реставрация так же продолжает Империю, как Империя продолжала Директорию. Но общее направление эволюции в это время характеризуется преимущественно развитием индустрии, торговли, финансов, подготовляющим торжество крупной городской буржуазии, которая вскоре и станет господствующим классом при Людовике Филиппе. При нем развитие промышленности и торговли производит все более и более резкие деления среди буржуазии. Крупная буржуазия представлена, главным образом, людьми банка и биржи, к которым примыкает новая индустриальная буржуазия, преуспевающая особенно на севере, где в огромных прядильных и ткацких заведениях она жестоко эксплоатирует быстро растущий пролетариат. Мелкая буржуазия состоит из лавочников и ремесленников, особенно распространенных в больших городах, Париже и Лионе, где она в низу социальной лестницы переходит в промышленный про-

*

летариат, а вверху достигает рядов средней буржуазии, тех владельцев фабричных и особенно торговых заведений не очень больших размеров, которые в свою очередь лишь в исключительно благоприятных случаях поднимаются до уровня промышленных и банковых магнатов. В политической литературе этой эпохи встречаются поминутно выражения „лавка" и „банк", „лавочник" и „финансист", как два полюса общественного положения, между которыми движется в процессе экономической эволюции буржуазия, и слышатся упреки, исходящие из рядов мелкого и среднего мещанства, почему это, мол, Людовик-Филипп, который в самом начале своего царствования обещал быть „королем лавочников" стал так скоро „королем финансистов". Раскол между этими двумя группами увеличивается по мере того, как хозяйственное развитие страны ускоряется, выражаясь в быстром удлинении железнодорожной линии (38 клм. в 1830 г. и 1.832 в 1848 г.), увеличении производства угля (1.800.000 тонн в начале мещанской монархии, 4.200.000 в конце), расширении внешней торговли (1.442 млн. фр. в 1840 г., 1.676 млн. в 1847 г.), но также и в типичном для господства крупной буржуазии росте косвенных налогов (560 млн. в 1835 г., 892 млн. в 1847 г.) — при почти полной неподвижности прямых. К богатой правящей буржуазии обращены знаменитые фразы Гизо, типичного выразителя этого общественного слоя: „обогащайтесь"—по части экономики, „никогда не наступит дня для всеобщей подачи голосов"—по части политики. Между тем мелкая буржуазия и значит. часть средней, остающиеся вместе с крестьянством и рабочими за бортом цензового корабля, неудержимо стремятся к влиянию и власти и не отступают перед самыми крайними средствами. Из восемнадцати лет царствования Людовика-Филиппа десять первых лет были заполнены покушениями на короля, уличными бунтами, заговорами тайных обществ, в которых, главным образом, участвовали мелкая буржуазия и ее идеологи. А когда боевое политическое брожение уступит место мирному, но более глубокому, социальному и лишь в конце 40-х годов снова воскреснет в виде ожесточенной агитации за избирательную реформу, опять-таки мелкая буржуазия обнаружит ярко революционное настроение, покинет ряды национальной гвардии, — этой классовой милиции буржуазии,—вместе с рабочими совершит февральскую революцию и добудет всеобщую подачу голосов.

От рабочих она отстанет лишь в мае 1848 г., а резко отделится в злополучные июньские дни, когда, став игрушкой в руках средней буржуазии и подталкивающей ее крупной, она примется добросовестно избивать пролетариев. Год спустя окрепшая крупная буржуазия уже резко выступает в свою очередь против мелкой буржуазии во время радикальной манифестации 13 июня 1849 г. и тем ускоряет темп движения Второй республики вправо, к империи.

Вторая Империя была периодом особенно быстрого развития промышленности и торговли во Ф., еще более энергичного, чем в дни мещанской монархии. Так, длина железных дорог увеличилась с 1.832 килом. в 1848 г. до 17.500 в 1869 г., производство угля—с 4 млн. тонн до 13 млн., чугуна—с 400.000 до 1.725.000 тонн; цифра ввоза сырого материала, потребного для промышленности, возросла с 219 млн. фр. в 1850 г. до 761 млн. в 1870 г., а цифра вывоза мануфактурных изделий с 746 млн. в 1850 г. до 1.640 млн. в 1870 г. И все отрасли индустриальной и коммерческой деятельности участвовали в этом расцвете, бывшем в то время не только французским, но и мировым явлением. Характерны для Второй Империи были разве необыкновенные успехи строительного дела, поведшие в больших городских центрах, и особенно в Париже, к громадному размаху ажиотажа и самых отчаянных спекуляций с недвижимой собственностью, так мастерски изображенных Золя в его романе „La curée". И крупная буржуазия, поглощенная интересами завода, банка, биржи, довольствуется пока тем суррогатом политической деятельности, который дает ей скромная работа в Законодательном корпусе, лишенном всякого права инициативы, в Сенате, назначаемом императорской властью, и в Государственном совете, опекающем



Французское искусство.

Собор в Реймсе.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

и без того жалкое народное представительство и фильтрующем предложения для обсуждения в Законодательном корпусе. Процветание промышленности и торговли отражается в известной степени благоприятно и на положении мелкой буржуазии, которой тоже перепадает кое-что из увеличившегося дохода нации, и даже на положении рабочего класса. Но дух протеста все более и более распространяется в широких слоях населения, устраненных,—если не считать искаженной формы всеобщей подачи голосов,—от всякого действительного участия в управлении страной. И в то время, как идеологи крупной буржуазии стремятся путем легальной умеренной оппозиции превратить Империю в парламентарное государство, идейные представители мелкой буржуазии и обездоленных масс толкают Ф. на путь демократии, республики, революции.

Революция, действительно, разражается в стране под влиянием несчастной войны. Но возникшее в результате Седана республиканское временное правительство является, главным образом, выражением власти крупной и отчасти средней буржуазии. И продолжающее его реакционное, клерикальное, сильно монархическое Национальное Собрание свидетельствует самим характером своим, что верхние социальные слои хотят быть снова и исключительно правящими. Демократический идеал живет в это время, кроме рабочего, в груди мелкой буржуазии, которая в Париже примкнула почти целиком к пролетариату и деятельно участвовала в Коммуне. Ее бросили в ряды рабочих пережитые вместе с ними лишения парижской осады; жестокий закон о торговых векселях, принятый Национальным Собранием и требовавший быстрой уплаты долгов от всех этих мелких лавочников и ремесленников; другой не менее жестокий проект немедленного взноса квартирной платы домохозяевам; патриотическое чувство, оскорбленное постыдной капитуляцией временного правительства, сдавшего Париж немцам без настоящего боя; опасения за республику пред лицом монархически настроенной „палаты деревенщины". Вместе с пролетариатом парижская мелкая буржуазия подвергается массовому избиению в трагические дни „кровавой недели". Вместе с ним она расстреливается, ссылается в Новую Каледонию и заключается в крепости и тюрьмы. В числе жертв версальской юстиции официальные документы военных судов цитируют всего чаще,—рядом с чернорабочими, каменьщиками, механиками, печатниками, — всевозможных ремесленников, изготовляющих парижские изделия, приказчиков и торговых служащих. В смягченной форме эта политическая рознь между мелкой и крупной буржуазией продолжается и по наши дни, между тем как средняя буржуазия качается то вправо, то влево, когда дело идет о том, чтобы защищать сначала фактически, а потом и легально установившуюся Третью республику. Крупная и часто идущая у ней на буксире средняя буржуазия с самого же начала нового политического строя стремится следовать пресловутому девизу орлеаниста Тьера, присоединившегося к новому порядку вещей: „Республика будет консервативной или ее совсем не будет", и в первые же годы после падения Империи с прилежанием, достойным лучшей участи, пытается осуществить политическую квадратуру круга в виде „республики без республиканцев". Лишь под давлением все более радикализирующейся в процессе ускорившейся капиталистической эволюции мелкой буржуазии, рядом с консервативными республиканцами, еле-еле оторвавшимися от монархической пуповины, рядом с умеренными республиканцами, боящимися, однако, действительного господства широких масс, появляются на общественной арене радикальные, тогда немногочисленные республиканцы. Они находят своих избирателей среди ремесленников и лавочников, отчасти рабочих городских центров, позже среди крестьянства некоторых департаментов, и ставят своим политическим идеалом истинно-народную республику, а своим экономическим идеалом „великие и плодотворные социальные реформы", как выражался в 1876 г. Клемансо, тогда председатель парижского очень левого муниципального совета

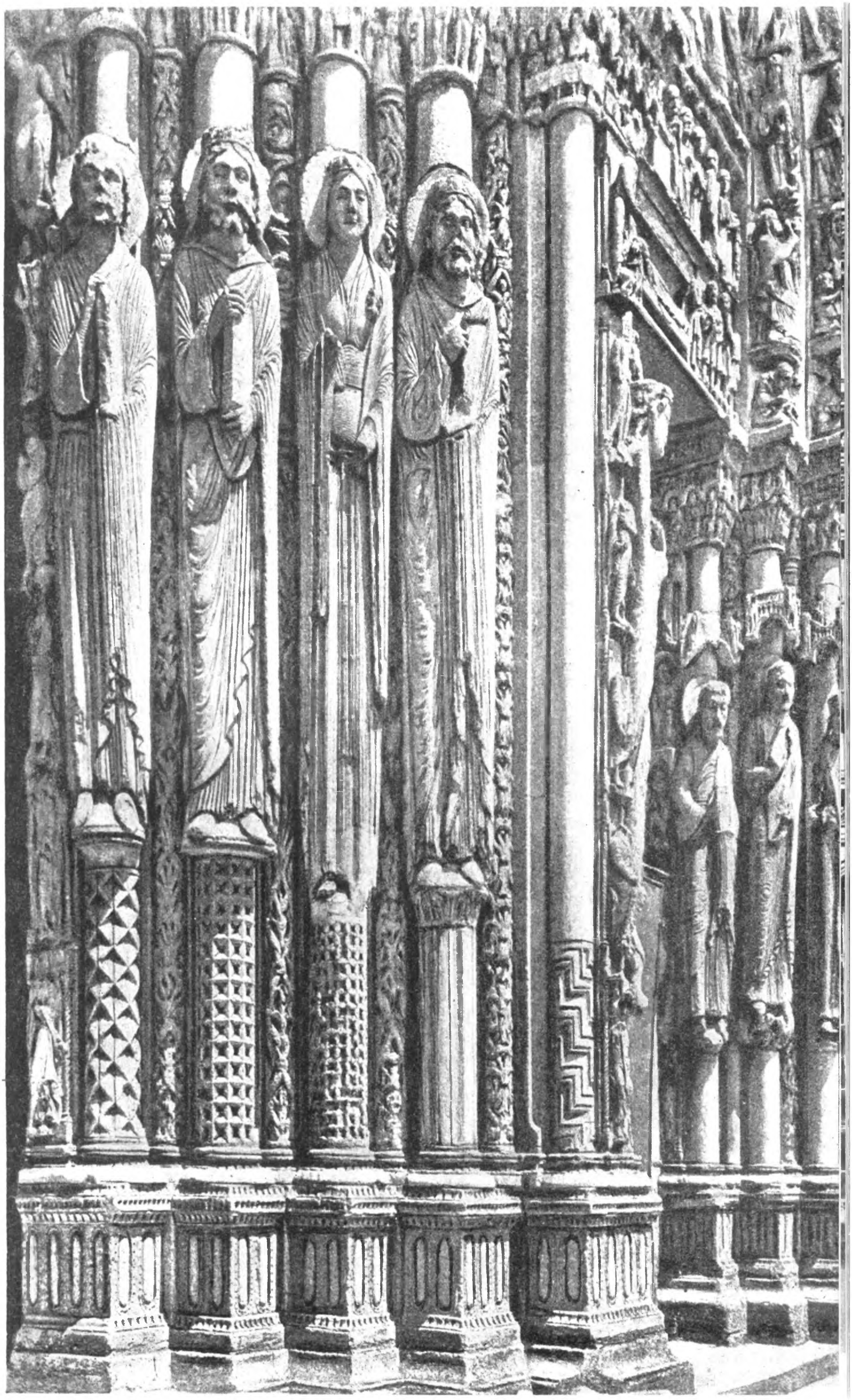
„Социальные реформы“, но не социализм, потому что как бы „велики и плодотворны“ они ни были, они оставляют нетронутой частную собственность, составляющую предмет экономических чаяний мелкой буржуазии, тогда как социализм стремится заменить эту собственность собственностью коллективной и предполагает для своей поддержки и своего осуществления другой социальный класс, пролетариат, который не обладает частной собственностью и может быть приобщен к обладанию благами жизни, лишь став коллективным владельцем основных средств производства.

Во время Великой революции пролетариат сливался в значительной степени с мелкой буржуазией и ремесленниками и, поддерживая крайних республиканцев и террористов, как мы знаем, допустил без сопротивления закон Ле-Шапелье, воспрещавший коалиции. Он не протестует при Наполеоне I ни против введения рабочей книжки, ни против статей гражданского кодекса, устанавливающего его неравенство с хозяином в случае возникающего несогласия по вопросам вознаграждения, условий найма и т. п., ни против статей уголовного кодекса, угрожающего ему тюрьмой за забастовку. Между тем во время Первой Империи политика резкого протекционизма, создавая целый ряд национальных ветвей производства, способствует ускоренному росту пролетариата на больших заводах и фабриках. Реставрация, после первых лет сравнительно мягкого обращения с рабочими, возвращается к строгостям наполеоновского времени и восстановляет начавшие было выходить из употребления закон против коалиций и рабочую книжку. При Реставрации же успехи машинного производства в некоторых местностях и некоторых отраслях промышленности наносят первые сильные удары ремеслу, превращают хозяина мелкого предприятия в пролетария, понижают заработную плату в соответствующих областях индустрии увеличивают число нищих в стране. Низвергая Бурбонов в интересах крупной и средней буржуазии, которая умышленно закрывает свои заведения в Париже, чтобы выбросить рабочих на улицу и на баррикады в июльские дни 1830 г., пролетарии и ремесленники видят свое материальное положение еще более ухудшившимся во время мещанской монархии. Развитие обработки волокнистых веществ на севере и отчасти на востоке (в Эльзасе) выражается одновременно в успехах техники и в возрастании нищеты среди рабочих. Прядильщики и ткачи в северных департаментах, которые при Реставрации получали за 13 часов работы до 4 и даже до 6 фр. в день, принуждены теперь работать 16, порою 18 часов в сутки, а их вознаграждение падает до 2 и до 1 фр. И целые семьи, и матери семейств и дети втянуты в лихорадочный процесс фабричного производства и за несколько су в день отдают свои силы, здоровье, жизнь жестоко эксплоатирующему их капиталисту. На юге, в Лионе, где процветает шелковое производство, тогда первое во всем мире, 40.000 ткачей (les canuts) работают в 10.000 маленьких мастерских, хозяева которых трудятся с ними же вместе и получают заказы от 700 „фабрикантов“, являющихся, несмотря на название, просто крупными торговцами, скупщиками и эксплоататорами, между тем как сами владельцы маленьких заведений и ручных станков делятся с „каню“ половиною платы, получаемой ими от крупных капиталистов. Это-то население кустарей, доведенное кризисом 1830 г. до крайней степени лишений, и поднимает в конце 1831 г. знамя восстания против правящей буржуазии во имя права на труд („жить, работая, или умереть в бою“). Но под скипетром „короля-гражданина“ сильно развивается и собственно так называемый рабочий класс, и в его рядах находятся теперь все более многочисленные приверженцы социализма, который с высот гениального философско-исторического и критического утопизма Сен-Симона и Фурье, коммунистической проповеди Кабе спускается на более практическую почву демократического социализма Луи-Блана и анархического мутуализма (предвестника последующего синдикализма) Прудона. Февральская революция быстро идет на убыль, оставляя в умах пролетариев одну важную идею: необ-

ходимость „организации труда“. Разочарование в результатах борьбы во имя социального идеала и улучшение материального положения, связанное с расцветом промышленности и торговли в 50-х и 60-х годах, делают рабочий класс Ф. почти равнодушным к политике во время декабрьского переворота и первых лет Империи. Но дальнейшие успехи страны в индустриальной и коммерческой области, в связи с усиливающимся тяготением все более и более широких слоев населения к свободе и демократии, не только увеличивают ряды промышленного пролетариата, но и повышают его политическое понимание. Само заигрывание цезаризма Второй Империи, — этого первого проявления государственного социализма в современной Европе, — с рабочими идет скорее в пользу, чем во вред пролетариату, давая ему возможность пользоваться правительственными реформами и попечительными мерами власти в интересах своего материального и умственного прогресса и даже сближения с рабочими других стран. Закон 25 мая 1864 г. разрешает, правда с некоторыми чувствительными ограничениями,—стачки. Параллельно с этим правительство вынуждено сквозь пальцы смотреть на образование рабочих профессиональных союзов и кооперативных обществ. А кокетничанье императора с посылкою рабочих делегатов Ф. на Лондонскую всемирную выставку 1862 г. кончается установлением братских отношений между цветом английского и французского пролетариата и в известной мере способствует возникновению (28 сентября 1864 г.) Международного Общества Рабочих, перешедшего в историю под именем (Первого) Интернационала. Последние годы Империи характеризуются хаотическим нестройным, зачастую наивным, но сильным брожением политических и социальных идей, которые ищут выхода из-под тяжелой покрышки цезаристского режима и чрезвычайно повышают революционную температуру в широких массах. Когда поражение Империи приводит к образованию наспех республиканского временного правительства 4-го сентября и у власти становятся почти исключительно представители крупной и отчасти средней буржуазии, мелкая буржуазия и идущий впереди ее рабочий класс Парижа несколько раз пробуют взять в руки управление великим городом и всей страной в интересах как защиты Ф. от завоевателя, так и осуществления некоторых основных требований политической свободы и социальной справедливости. Это им удается, наконец, временно в форме Коммуны, восстания трудящихся против современного государства и современного капитализма.

После свирепого подавления Коммуны версальцами трудовое население притихает на несколько лет. Собственно рабочий класс уходит в профессиональное движение, принимающее форму синдикализма, но пока не революционного, а мирного, который стремится к частичным улучшениям положения трудящихся, не задаваясь целями пересоздания капиталистического строя. Мелкая буржуазия—торговец, ремесленник, служащий,—застывает в своем экономическом индивидуализме, но в области политической остается сторонницей республики и демократии, избирая своими представителями крайних радикалов в роде Клемансо и Камиля Пельтана, которые, впрочем, еще долго будут насчитывать не мало рабочих в числе своих избирателей. Чувство классовой особности и стремление создать отдельную рабочую партию проявятся среди французского пролетариата с достаточной определенностью лишь в конце 70-х годов, на третьем рабочем съезде в Марселе (октябрь 1879 г.), под влиянием идущего в то время к марксизму Жюля Геда. Но и с образованием в 1880 г. французской рабочей партии, где будут преобладать Гед, Лафарг, Девилль и другие представители французского марксизма, рабочий класс Ф. не образует компактного политического целого, а разобьется по нескольким, порою сильно враждующим между собою, социалистическим партиям и в течение довольно долгого времени будет лишь очень слабо представлен в парламенте. Действительно, рядом с только что упомянутой французской рабочей партией существуют и агитируют среди трудящихся: очень

умеренная (так называемая поссибилистская) федерация социалистических рабочих; отделившиеся от нее гораздо более радикальные рабочая революционно-социалистическая партия и революционно-коммунистический союз; очень революционная бланкистская партия; и так называемые независимые социалисты, вобравшие в себя довольно значительную долю радикальной интеллигенции и приобретшие с 1893 г. немалое политическое влияние благодаря вхождению в их ряды таких выдающихся ораторов и политиков, как Мильеран и особенно Жорес. Если присоединить к этому то мирно, то террористически настроенных анархистов, никогда не переставших существовать во Ф. со времени Прудона, и синдикалистов, которые из сторонников чисто профессионального движения превращаются теперь в революционных синдикалистов, сочетающих материализм Маркса с анархизмом Прудона и образующих с начала 90-х годов прошлого века левое крыло французского пролетариата, то можно представить себе пестроту различных оттенков социалистического мировоззрения, все более и более распространявшегося среди рабочего класса Ф. Этот класс проявляет свою энергию особенно заметно в моменты политических кризисов, которые не перестают от времени до времени прокидываться на почве Третьей республики. Сначала, еще не особенно отделившись от мелкой буржуазии, возглавляемой радикалами, и местами идя бок-о-бок даже со средней буржуазией, предводимой умеренными республиканцами в роде Гамбетты и Жюля Ферри, рабочий класс самоотверженно защищает новый политический строй от нападений монархистов и клерикалов во второй половине 70-х годов, но еще не имеет возможности оказывать непосредственное влияние на управление страной. Попытки французской рабочей партии выступить совершенно самостоятельно на выборах в палату терпят в 1881 г. полную неудачу: она собирает едва 60.000 голосов во всей Ф. на 10 млн. избирателей. Первым парламентарным успехом социалистов было избрание в депутаты нескольких человек из их рядов во время выборов 1885 г., тех самых выборов, которые обнаружили оживление монархических стремлений в стране, разочарованной оппортюнистической деятельностью преемников Гамбетты: против большинства из 383 республиканских депутатов, раздираемого кроме того на части борьбой между крайней левой и умеренным центром, выступает компактное меньшинство в 201 реакционеров. В этой-то разорванной на три партии, бессильной в политическом отношении палате социалистам удается образовать группу в 14 человек, к сожалению из разряда второстепенных деятелей, вокруг очень умеренной, но все же отличающейся от чисто радикальной, программы. Затем возникает опасный кризис буланжизма, который увлекает в сторону мнимо-социальной цезаристской диктатуры не малую долю социалистов (и радикалов). Новое поступательное и на сей раз сильное движение социализма обнаруживается во Ф. лишь на выборах 1893 г., когда Панама уже скомпрометировала целый ряд выдающихся деятелей буржуазии как в умеренно-республиканском, так и в радикальном лагере, а с другой стороны воссоздание (Второго) Интернационала—на парижском международном социалистическом конгрессе 1889 г.—благоприятно отозвалось на развитии рабочего движения во всех культурных странах. На выборах 1893 г. в палату вошло уже полсотни социалистов, которые, несмотря на разнообразие представляемых ими оттенков мировоззрения труда, являются до известной степени политической силой, принимая участие в обсуждении и решении всех крупных вопросов общественной жизни. В частности, ораторские выступления Жореса в парламенте (и в стране) создают много приверженцев социализма среди радикальной интеллигенции. И вообще французский социализм начинает с этого времени развиваться довольно правильно не только в городе, но и в деревне, хотя и переживая ряд кризисов. На рубеже прошлого и настоящего столетий в его среде возникают резкие несогласия,—сначала по вопросу об отношении к делу Дрейфуса, на защиту которого во имя общечеловеческой справедливости устремляется вслед за Жоресом



Французское искусство.

Скульптура Шартрского собора.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

значительная часть социалистов, тогда как сторонники марксиста Геда и бланкиста Вальяна считают необходимым удерживать рабочих от вмешательства в „эту семейную распрю клерикальной и свободомыслящей буржуазии". Затем еще более серьезный кризис разражается вскоре после этого и в связи с этим вокруг вопроса о министериализме, т. е. о возможности участвовать социалистам в буржуазных кабинетах (по поводу вхождения Мильерана в министерство Вальдека-Руссо летом 1899 г.). И междоусобная война между французскими социалистами на пылающей почве этой трудной, отчасти принципиальной, отчасти тактической задачи кончается лишь шесть лет спустя (весной 1905 г.) созданием объединенной социалистической партии, так называемой „французской секции рабочего интернационала" с Жоресом, Гедом, Вальяном во главе, тогда как от нее уже отпали и совсем переходят в ряды буржуазии немало выдающихся деятелей предшествующего периода социализма: Мильеран, Вивиани, Бриан. Оттягивает также от объединенной социалистической партии довольно значительную долю энергичных рабочих революционный синдикализм. Он принимает осязательные очертания в форме знаменитой Всеобщей конфедерации труда, заявившей на лионском съезде 1901 г., что рабочий класс должен держаться в стороне от всяких политических—в том числе и социалистических—партий и стремиться к низвержению современного экономического и социального строя путем „прямого действия" (всеобщей стачки, вооруженного восстания и т. п.) трудящихся, имеющих заменить нынешнее государство и нынешний капитализм целой сетью рабочих синдикатов. Несмотря на все эти трения и распри, трудящиеся элементы Ф. составляли еще накануне войны сравнительно значительную силу, сгруппированную в разных организациях и растущую в различных направлениях. Так, число синдицированных рабочих в 836.000 в 1906 г. увеличится до 1.026.000 в 1914 г. накануне войны (даже 1.064.000 в 1913 г.). С другой стороны, число членов социалистической партии, делающих правильные взносы в партийную кассу, возрастет с 38.000 в 1905 г. до 73.000 в 1913 г., а число избирателей, подающих голоса за социалистов на парламентарных выборах, увеличится с 877.999 в 1906 г. до 1.397.373 в 1914 г., т.-е. на последних выборах перед войной, когда в палату было избрано 102 социалистических депутата, — цифра, не превзойденная с того времени до сих пор. И однако, каково бы ни было абсолютное значение всех этих цифр, если их подвергнуть некоторому анализу и сопоставить с кой-какими другими числовыми данными социально-политической жизни Ф., то они укажут на относительную слабость трудовых и особенно определенно социалистических элементов в общей структуре нации. Мы уже раньше отметили профессиональную неорганизованность французского рабочего класса: в синдикаты, легализированные законом 1884 г., входит едва девятая часть производительного торгово-промышленного населения Ф. Но еще печальнее дело обстоит с политическою организациею трудящихся. Что действительно означают эти тридцать и даже эти семьдесят тысяч членов социалистической партии, когда трудящихся насчитываются миллионы на территории Третьей республики? С другой стороны, если положение французского социализма представляется лучше с чисто избирательной и парламентарной точки зрения, то и в этом положении есть чувствительные недохваты. Как ни как эта сотня социалистических депутатов и эти 1.400.000 социалистических избирателей составляют лишь одну шестую часть народного представительства, основанного на всеобщей подаче голосов (в сенате социалисты совсем слабы), и едва седьмую часть всего числа избирателей. А, главное, сопоставьте с почти полутора миллионами граждан, голосующих на парламентарных выборах за социалистов, ничтожную цифру в 70.000 правильных членов социалистической партии и вы увидите, что едва одна двадцатая часть избирателей, удосуживающихся раз в четыре года пойти к урнам для выбора депутатов, остается причастною к постоянной жизни партии и поддерживает ее своими регулярными взносами.

Остальные девятнадцать двадцатых являются, значит, или „попутчиками", присоединяющимися к социалистам из других партий во время избирательной горячки под влиянием той или другой смутной причины недовольства, или же такими ни теплыми, ни холодными сторонниками социализма, которые не чувствуют постоянной потребности участвовать в великой работе освобождения трудящегося человечества. Отсюда вытекает для французских социалистов непрестанная злободневность вопроса о допустимости „картеля" с наименее враждебными партиями буржуазных радикалов и демократов.

Не входя в подробности войны, которая началась—на западном фронте—занятием Люксембурга немцами 2 августа 1914 г. и закончилась перемирием с Германией 11 ноября 1918 г., т. е, лишь 4 года 3 месяца и 9 дней спустя, мы остановимся здесь исключительно на наиболее крупных событиях и явлениях политической и социальной жизни Ф. во время мировой катастрофы и в следующие за войной годы, доведя этот краткий очерк до конца (декабрь) 1926 г. Вернемся прежде всего несколько назад и посмотрим на характер народного представительства Третьей республики при открытии военных действий.

На выборах 26 апреля—10 мая 1914 г., т. е. менее, чем за три месяца до мирового столкновения, состав палаты депутатов, заключающей 602 члена, определился по партиям, идя слева направо, так: 1) объединенные социалисты—102; 2) независимые социалисты—30; 3) радикалы и радикалы-социалисты—136; 4) демократическая левая—102; 5) демократический союз—100; 6) прогрессивная республиканская федерация—54; 7) либералы—34; 8) правая—26; 9) „независимые" и прочие — 18. Оставляя в стороне названия „республиканский" и „демократический", которые являются в современной Ф. мало к чему обязывающими эпитетами, зачастую просто масками, скрывающими врагов истинной республики и истинной демократии, мы должны констатировать, что из всех этих группировок лишь первые три, насчитывавшие 268 членов, т. е. две пятых всей палаты, были убежденными сторонниками народоправства, а между ними лишь сотня социалистов являлась действительным представительством трудящихся, стоявшим за серьезные социальные реформы и коренное изменение общества. Четвертая и пятая группировки заключали в своих рядах двести умеренных республиканцев — треть палаты— которые питали очень слабое тяготение к каким бы то ни было экономическим и политическим переменам. С шестой группы начинались социальные консерваторы, формально признававшие республику и переходившие в остальных группах в заядлых не только социальных, но и политических реакционеров, стремившихся к монархии,—несколько больше сотни человек, столько же, сколько чистых социалистов. С таким-то народным представительством, выражавшим в гораздо большей степени интересы капитала и владения, чем интересы труда, Ф. пришлось ринуться в кровавую пропасть великой войны, вызванной злополучным переплетением хищнических империалистических тенденций крупного международного капитала, с одной стороны, и законных стремлений угнетенных национальностей к самоопределению,—с другой. На Ф., как и на большинство втянутых в кровавый ураган наций, война подействовала, в общем, очень неблагоприятно в материальном и идейном отношениях—с той, впрочем, оговоркой, что массы, брошенные на поля битв, почувствовали свою силу, а потому крайне нуждавшиеся в их содействии на фронте и в тылу правительства вынуждены были дать трудящимся некоторые социальные реформы, осуществление которых было бы оттянуто без войны, может быть, на целые годы, напр. 8-часовой рабочий день (по закону 23 апреля 1919 г.). На почве Третьей республики реакционная милитаризация всех учреждений во время войны зашла в особенности далеко потому, что сравнительная незначительность и малая организованность собственно рабочего класса, его связь с мелкой буржуазией, его непривычка широко группироваться экономически в синдикальных учреждениях, а политически вокруг социалистической

партии лишали трудящихся возможности серьезно сопротивляться диктатуре имущих и правящих. И это отражалось на политической тактике вождей социализма и синдикализма. Крушение Второго Интернационала при первом же столкновении с грозной действительностью сказалось среди рабочего класса всех участвовавших в войне стран, как и Ф., на чрезвычайном ослаблении чувства международной связи трудящихся и почти полном вытеснении его чувствами ультра-патриотического „священного эгоизма". Но нигде, ни даже в Германии, рабочий класс не принял с большею готовностью лозунг „священного единения" с правительством и капиталистическими классами, как на территории Третьей республики. Лишенная накануне объявления войны своего наиболее неустрашимого и наиболее интернационалистически настроенного вождя, Жореса, павшего жертвой франко-русских националистов, социалистическая партия Ф. не только целиком и безоговорочно стала поддерживать правительство страны, но и согласилась ввести в кабинет обороны своих самых выдающихся членов: Геда, Самба, Вальяна, а несколько позже Альбера Тома. Деятельную поддержку стали оказывать правительству и синдикалисты. А так как во Ф. не было таких сильно организованных рабочих союзов, как английские трэд-юнионы, то о каких-нибудь переговорах и двусторонне установленных условиях сотрудничества между рабочим классом и представителями государства (что имело место в Великобритании) не могло быть здесь и речи, и французские трудящиеся массы были отданы на время войны почти в полное распоряжение правительственной и капиталистической диктатуре. Свобода печати, собраний, союзов (стесненная для всех граждан военным произволом) сугубо не существовала для французского рабочего класса, между тем, как пользуясь лозунгом „священного единения", правящая и эксплоатирующая буржуазия осуществляла в дни войны полноту власти в политической сфере и огромные барыши—в экономической. В этом хозяйничаньи участвовала очень усилившаяся тогда крайне реакционная, монархически настроенная и резко клерикальная часть имущих классов, которая в пылу и под гром военной борьбы принялась сводить свои счеты с радикальными демократами и республиканцами в роде Кайо и Мальви, чуть-чуть не подведенных ею под расстрел (см. ниже), и добилась возвращения во Ф. изгнанных католических орденов и возрождения клерикальной школы в елеле прикрытой форме. Сменявшие во время войны один другой кабинеты жили в известном смысле столь же неполною, ненормальною политическою жизнью, как и палаты. Располагая теперь, казалось бы, большею инициативою, чем отходившее на второй план народное представительство, они сами находились под сильным давлением военной и промышленной клики, приобретавшей все большее и большее значение в пылу мировой борьбы, равно как реакционного и шовинистского настроения, усердно распространяемого среди масс умелой пропагандой приверженцев монархического строя и активного клерикализма. И чем больше шло время, тем более исполнительная власть Третьей республики приобретала диктаторские замашки. Если два первых кабинета Вивиани (13 июня—26 августа 1914 г. и 27 августа 1914 г.—29 октября 1915 г.), два кабинета Бриана (29 октября 1915 г.—12 декабря 1916 г. и 12 декабря 1916 г. — 17 марта 1917 г.), кабинет Рибо (19 марта—12 сентября 1917 г.) и кабинет Пенлеве (13 сентября—13 ноября 1917 г.) в большей или меньшей степени считались с республиканскими традициями, то с появлением у власти Клемансо, добивавшегося все время премьерства и не стеснявшегося крайне резкими полемическими приемами в борьбе со своими предшественниками, Третья республика испытала нажим самой недвусмысленной диктатуры. И политическая и даже гражданская свобода была в давно небывалой степени отдана произволу людей, сгруппировавшихся вокруг состарившегося, растерявшего весь свой прежний радикализм, но зараженного теперь самым отчаянным шовинизмом Клемансо. Особенно вредна была деятельность ближайшего сотрудника

премьера, страшно властолюбивого и беспринципного Манделя (политический псевдоним некоего Ротшильда), бывшего правою рукою и в известном смысле головою Клемансо, который вполне подчинился дурным советам и реакционным планам молодого политикана. Министерство Клемансо продолжалось 2 года и 2 месяца (17 ноября 1917 г.—17 января 1920 г.), но нужны были и по уходе „тигра",—как называли по старой привычке былого низвергателя оппортюнистских министерств,—целые месяцы, чтобы Ф. освободилась от милитаристской диктатуры и от шпиономании, жертвами которой оказались, между прочим, Мальви и Кайо. Как тот, так и другой были арестованы вследствие доносов в измене родине со стороны монархической и клерикальной партии монархического действия и присуждены: первый (6 августа 1918 г.), за вялую защиту отечества на посту министра внутренних дел, к пятилетнему изгнанию; второй (23 апреля 1920 г.), после продолжительного следствия, проведенного им в тюрьме, к трехлетнему заключению, за неосторожные сношения с врагом. Лишь несколько лет спустя, когда снова радикализм восторжествовал, оба эти выдающиеся деятеля Третьей республики были амнистированы. Настроение масс и их представителей во время войны было, конечно, главною почвою внутренней реакции, овладевшей в эту эпоху Ф. Так лишь жестокие страдания обширных слоев населения, изнемогавших под бременем затянувшейся войны, а с 1917 г. и радиоактивное действие русской революции, низвергнувшей династию Романовых, ослабили преобладавшее среди французских социалистов течение „борьбы до победного конца" и сделали при окончании войны популярною в их рядах идею справедливого мира. Но было уже поздно: привыкшие к тактике священного единения, представители французского рабочего класса не могли в период парижской конференции (начало 1919 г.) оказать достаточного давления на правительство своей страны, и Версальский договор 28 июня 1919 г., навязанный победителями Германии, носит на себе в общем все следы политики международного насилия капиталистических правящих классов. Серьезным исключением в нем являются разве крайне несовершенный план Лиги Наций и предусмотренная отделом 13-м трактата международная организация защиты труда.

Из кровавой войны Ф. вышла победительницей, но ценой тяжелых материальных и нравственных жертв, павших, главным образом, на трудящиеся классы. С 39.601.000 чел., по последней довоенной переписи 1911 г., ее население упало до 37.500.000 (не считая 1.874.000 жителей присоединенных Эльзаса-Лотарингии), по первой повоенной переписи 1921 г., т. е. уменьшилось на 2.100.000 чел. (из них 1.385.000 убитых, умерших и пропавших на войне). Ф. издержала на войну по меньшей мере 250 млд. зол. фр. Ее национальное богатство уменьшилось, по новейшим статистическим данным, с 370 млд. фр. в 1914 г. до 225 млд. в 1918 г. При чем эта уменьшившаяся сумма общего народного достояния распределяется гораздо более неравномерно, чем до войны. Богатые стали еще более богатыми и заключают теперь в своих рядах обширные группы „новых богачей", отчаянных спекулянтов и авантюристов, извлекших колоссальные барыши из войны и налагающих на современную французскую культуру густой слой варварской расточительности и неизмеримой пошлости. Бедные стали еще беднее. В то время, как франк стоит ныне (декабрь 1926 г). в 5 раз ниже по сравнению со своей нормальной довоенной ценностью, а стоимость жизни возросла по крайней мере в $4^1/_2$ раза, заработная плата отстала по крайней мере самое меньшее на четверть от этого повышения цен, и трудящиеся классы поставлены в очень неустойчивое положение. Пострадала сильно и часть средней буржуазии, особенно рантье и интеллигенция. Мелкая буржуазия изнемогает под бременем налогов. Крестьянство страшно эксплоатируется посредниками, составляющими после войны все более и более обширные тресты по скупке хлеба, молока и т. п. Бюджеты последних лет приближаются к 40 млд. фр. (39,6 млд. расходов на 1927 г. при 40 млд. доходов). Бумажное

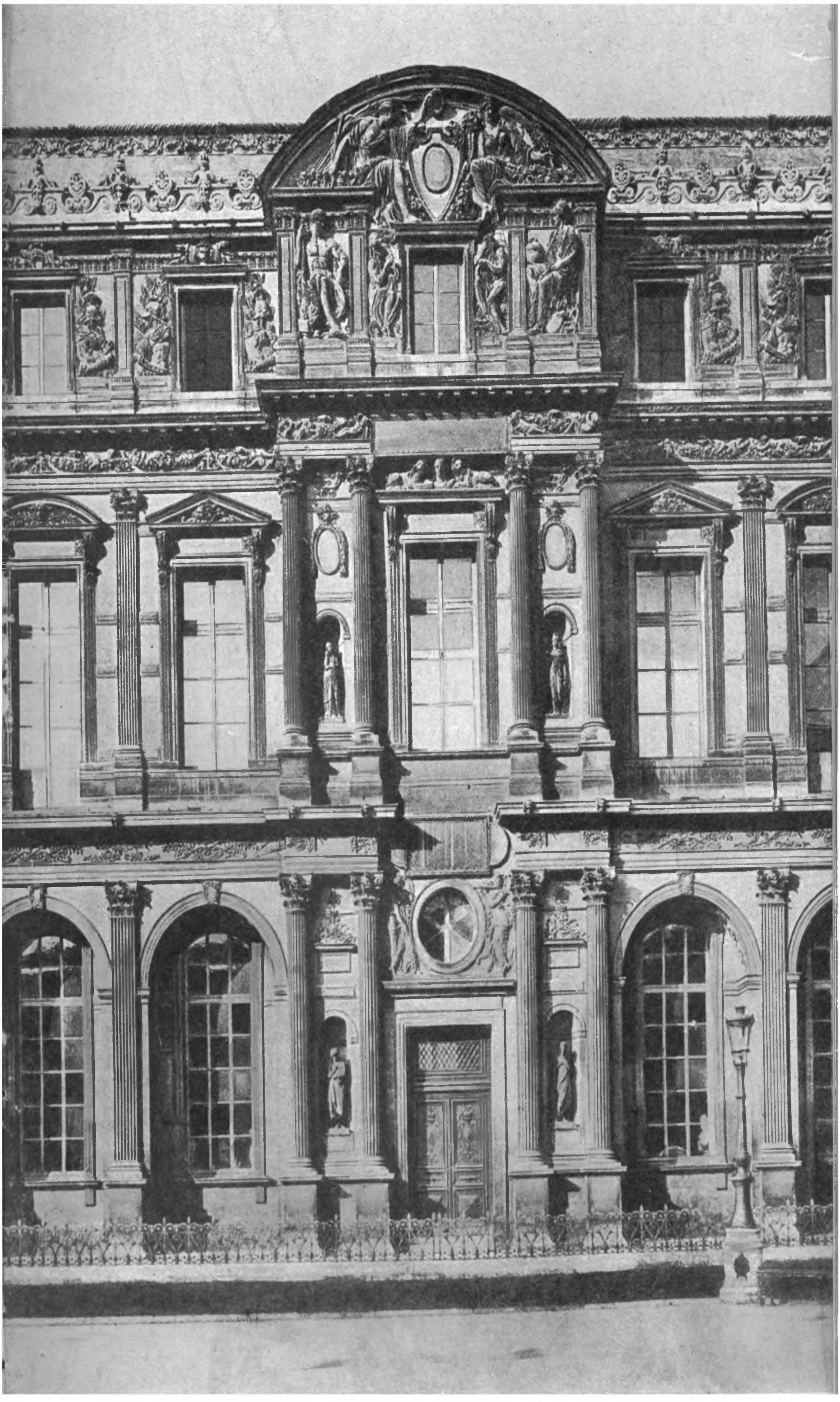
обращение чуть-чуть ниже 55 млд. На стране лежит огромный долг в 340 млд. франков, из которых треть составляют внешние займы (4.025 млн. долларов Сев.-Ам. Соед. Шт., 653 млн. фунтов стерлингов Англии и др.), тогда как так называемые репарационные платежи Германии дадут ей меньше 85 млд., т.-е. такую сумму, которой не хватит, чтобы расплатиться с иностранными кредиторами. Текучий долг (обыкновенные боны казначейства, боны национальной обороны, авансы Французского банка и т. п.) выражается цифрою в 93,7 млд. на 1927 г. Немудрено, что в современной Ф. процветают банкиры и биржевики, крупные торговцы и крупные промышленники, при чем в среде последних замечается после войны сильная концентрация и расширение размеров их предприятий, особенно под влиянием присоединения каменноугольных копей (1.500 кв. клм.) и железных рудников (2,3 млд. тонн руды в запасе) Эльзаса и Лотарингии. Это усиление социального веса крупных капиталистов еще более увеличивает напряженность оставшейся от войны милитаристской шовинистствующей и клерикальной реакции. Правда, ей, этой реакции, не удалось провести в президенты республики, на место шовинистствующего Пуанкаре, семилетие которого кончалось 17 января 1920 г., не менее шовинистствующего Клемансо, который был вынужден заранее отказаться от своей кандидатуры; и президентом был выбран Поль Дешанель, блестящий представитель политической умеренности и аккуратности. Но премьером после Клемансо стал давнишний отступник социализма, Александр Мильеран, которого искренние демократы и пацифисты еще до войны упрекали в националистической агитации и который мог теперь продолжать свою политику непримиримости к врагу вовне и защиты имущих внутри. Таков был основной смысл деятельности двух кабинетов Мильерана (20 января 1919 г. — 18 февраля 1920 г. и 18 февраля—23 сентября 1920 г.), и этой линии поведения он не переставал следовать и очутившись, благодаря в известной мере случайности, на посту президента республики, где он сменил (23 сентября 1920 г.) заболевшего, а вскоре и умершего (28 апреля 1922 г.) Дешанеля. При нем состоялись первые повоенные выборы 2—16 ноября 1920 г., произведенные по очень несовершенной полупропорциональной системе голосования и пославшие в палату значительное большинство так называемого Национального блока, возглавляемого Пуанкаре и самим Мильераном, который, вопреки конституционному положению президента республики, и не думал отказаться от деятельного участия в борьбе политических партий — и именно на стороне противников демократии. Состав народного представительства был на сей раз таков (слева направо): 1) объединенные социалисты — 68; 2) социалисты-диссиденты — 6; 3) республиканские социалисты — 27; 4) радикалы-социалисты—83; 5) радикалы—60; 6) левые республиканцы—133; 7) прогрессисты—130; 8) либералы — 72; 9) консерваторы—31. Лишь меньшинство из первых пяти партий, равное 244 членам, боролось с антидемократическим и антисоциальным направлением повоенной французской политики. Большинство же из остальных четырех партий, насчитывавшее 366 членов, и образовало пресловутый Национальный блок, который в течение четырех лет (1920—1924) проявлял резко консервативные тенденции внутри Ф. и проводил империалистические планы в международной сфере, особенно по отношению к Германии. Три пятых палаты против двух пятых были всегда на стороне гнета и насилия у себя и за границей. Так, когда после бесцветного кабинета Лейга (24 сентября 1920 г.—12 января 1921 г.) у власти появился гибкий и отлично ориентирующийся в обстоятельствах Бриан (16 января 1921 г. — 12 января 1922 г.), который решил смягчить чересчур жестокую политику по отношению к Германии, то Пуанкаре и Мильеран параллельными интригами всячески подрывали авторитет премьера в стране и особенно в палате и, наконец, вынудили его подать в отставку сейчас же после его возвращения с прерванной конференции в Канне, где Бриан пытался соглашением с Англией

выработать более приемлемые для Германии формы платежа репараций. Премьером становился Пуанкаре, который на протяжении своих двух кабинетов (15 января 1922 г.—22 марта 1924 и 29 марта—1 июня 1924 г.) был выразителем и вдохновителем Национального блока, который все время оставался верным ему,—ему и Мильерану, несмотря на прикрытую, но тем более ожесточенную политическую конкуренцию между двумя этими деятелями. Это был период в жизни Третьей республики, придавший Ф. характер империалистического государства, которое предпочитало политику насилия всякой другой и, идя в этом направлении, не считалось даже с экономическим ущербом, как это случилось во время оккупации французскими и бельгийскими войсками Рурской области (1923 г.), что отнюдь не увеличило поступления платежей по репарациям, а, наоборот, свело их на нет. С другой стороны, внутри самой страны, финансовая и податная политика, мирволившая имущим, примирение с клерикалами и особенно реакционные вожделения Мильерана, который, не стесняясь своим официальным положением, участвовал в агитации на стороне Национального блока при подготовлявшихся новых выборах и упорно требовал расширения полномочий исполнительной власти и прежде всего самого президента республики,—все эти проявления социальной и политической реакции встретили сильное сопротивление демократических и социалистических элементов лишь на последних выборах 11 мая 1924 г., которые перевернули отношение партий в палате. Ее нынешний состав (равный 573 членам) таков: 1) коммунисты — 26; 2) социалисты—98; 3) республиканские и „французские" социалисты—41; 4) радикалы и радикалы-социалисты — 136; 5) левая радикальная—40; 6) республиканская демократическая левая — 26; 7) независимая левая—13; 8) левые республиканцы — 32; 9) республиканский демократический союз — 104; 10) демократы—14; 11) вне групп—34. Если выключить коммунистов, которые держатся в стороне и на почве „принципиальной оппозиции буржуазным партиям", то четыре группы (2—5) в 315 членов, или около трех пятых палаты, образовали так называемый Картель левых, тогда как остальные 6 групп (6—11) в 258 членов, или немногим более двух пятых палаты, заняли позицию соответствующую прежнему Национальному блоку, несмотря на различные маскирующие их названия. Так „консерваторы" и „либералы" на сей раз совершенно исчезли, растворившись во всех этих „левых", „республиканских", „демократических" и т. п. союзах, которые на самом деле являются лишь внешними оболочками защитного — от недовольного радикального избирателя—цвета, прикрывающими сильную группу социальных консерваторов. Здесь необходимо сделать отступление, чтобы представить некоторые данные, касающиеся профессии депутатов (к сожалению, крайне неполные и недостаточно точные) в связи с распределением их по партиям. Почти все политические деятели, принадлежащие к Национальному блоку, являются представителями крупной торговли, тяжелой индустрии, биржи и банка. Они заседают директорами, высшими техническими экспертами, юрисконсультами в целой массе таких могучих капиталистических учреждений, как железнодорожные и страховые компании, Комитетметаллургии, Национальная ассоциация экономического развития, Всеобщая конфедерация французской промышленности, Союз экономических интересов (специальное общество для подкупа избирателей) и т. п. Большинство членов Картеля левых вербуется в рядах средней буржуазии и либеральных профессий: врачей, профессоров, учителей, адвокатов, нотариусов, но также и среди „собственников". Неопределенное и распространенное во Ф. название „собственник" обозначает часто и владельца небольшого земельного участка, преимущественно в деревне и на окраинах города. И в таком случае такой собственник нередко является членом радикальной и радикально-социалистической партии, который защищает интересы мелкого крестьянства, как его собрат, средний городской „собственник", защищает также нередко интересы ремесленника

и мелкого торговца. Адвокаты, вообще очень многочисленные во французском парламенте, распределяются по всем партиям, но их все же несколько больше в Картели левых, где их можно встретить в немалом числе вплоть до крайней левой, между социалистами (и даже коммунистами), насчитывающими и довольно большое количество квалифицированных рабочих, служащих, крестьян высших категорий (виноделов, огородников, садоводов). Врачи, ветеринары, учителя средних и низших школ, порою профессора, тяготеют тоже больше к левым демократическим партиям. Наоборот, военные высших чинов (в запасе) примыкают к правым, социально-консервативным партиям, скрывшим, как мы видели, свой шовинистский и клерикальный облик под кличками республиканских и даже демократических. Открыто выступает не столько в парламенте, сколько в стране, монархическая партия французского действия со своими „королевскими молодцами", которые вербуются наполовину из подмоченной аристократии, наполовину из подонков населения в больших городах.

Но возвратимся к истории. Радикальные майские выборы 1924 г. сделали прежде всего невозможным нахождение у власти Пуанкаре, но вместе с тем нанесли чрезвычайно тяжелый политический и нравственный удар президенту республики, Мильерану, который, выйдя из своей конституционной роли, связал свою судьбу с судьбой Национального блока и вместе с ним понес поражение. Все демократы, все искренние республиканцы находили, что Мильерану было немыслимо более сохранять свой пост, и, несмотря на упорное сопротивление, боевой президент был вынужден подать в отставку, натолкнувшись на решительный отказ серьезных политических деятелей левой составить новое министерство, пока Мильеран будет оставаться в Елисейском дворце. На его место был выбран Гастон Думерг (13 июня 1924 г.), бойкий южанин, бывший несколько раз министром и пользовавшийся немалою популярностью в радикальных кругах, и на следующий же день (14 июня) премьером стал Эдуард Эррио, до сих пор вожак радикальной оппозиции, глава долго державшегося парламентского большинства. Начиналась, казалось, новая политическая эра, в соответствии с изменившей свой состав палатой и общим полевением страны. Но, увы, события последних двух лет заставили поблекнуть немало надежд и оптимистических ожиданий, возлагавшихся передовыми элементами Ф. на победу демократии над плутократией. В течение 1924—1926 гг. обнаружилась не малые изъяны в деятельности Картеля левых и большая живучесть в побежденном им Национальном блоке. Основанный гораздо более на избирательных, чем на общих программных соглашениях, союз социалистов и радикалов давал возможность существовать и работать радикальным министерствам пока дело шло о внутренних демократических реформах и о примирительной внешней политике. Но как только речь зашла о радикальных экономических реформах с целью укрепить курс франка, устранить дефицит из бюджета, погасить часть огромного бумажного обращения путем более энергичного привлечения крупного капитала к несению налоговой тяжести, то лишь самая передовая часть радикальной и демократической буржуазии обнаружила готовность осуществить эту программу. Длинный ряд парламентских кризисов, фантасмагорическое появление и исчезание все новых и новых министров финансов, топтание на месте палаты депутатов и социально-реакционная настойчивость Сената свидетельствуют лишь о том, что взаимоотношение общественных классов и политических партий в современной Ф. не может пока дать решительной победы законным требованиям труда над интересами и вожделениями капитала и владения. Краткая история смены кабинетов в связи с различными перипетиями политической борьбы в достаточной степени подтверждает это положение. Наиболее радикальным правительством был первый уже упомянутый кабинет Эррио (14 июня 1924 г. — 10 апреля 1925 г.), в который социалисты отказались войти, но который они усердно поддерживали. Его внешняя политика была решительно-

миролюбивая: Эррио, в качестве министра иностранных дел, опираясь на сотрудничество британского премьера рабочего кабинета, Макдональда, устанавливает в Лондоне (16—31 июля 1924 г.) международную формулу соглашения, которая принимается в Женеве на заседаниях (сентябрь—октябрь) собрания Лиги Наций и кладет во главу угла принцип разоружения и мирного посредничества при столкновении государств, включающий приглашение Германии вступить в Лигу и ликвидацию захвата Рурской области Ф. В октябре 1924 г. палата отменяет кредиты на посольство при Ватикане, восстановившееся после войны, в феврале 1925 г. палата же голосует уничтожение самого посольства, которое заменяется особой миссией, но исключительно для Эльзаса-Лотарингии. Еще раньше того, в октябре 1924 г., политика „колючего заграждения" по отношению к России, согласно свирепой формуле Клемансо, уступает место признанию de jure Третьей республикой Советского правительства. Кабинет Эррио падает 10 апреля 1925 г. пред враждебным вотумом Сената, который решительно отвергает финансовые планы правительства, имеющие предметом уменьшение количества бумажных денег, учреждение особой кассы погашения рент, принудительный заем для поднятия франка, и т. п., и остается непреклонным в своем сопротивлении, несмотря на замену Клемантеля Монзи на посту министра финансов. Следующее министерство, Поля Пенлеве (17 апреля—22 ноября 1925), который с премьерством соединял пост военного министра, подливает уже изрядно воды в радикальное вино Картеля. Наиболее выдающимися членами кабинета являлись: идущий в сторону международного замирения Аристид Бриан на посту министра иностранных дел, и на посту министра финансов эффектно возвращающийся к политической жизни Жозеф Кайо. Кабинет Пенлеве в целях примирениях с центром и правой и под влиянием Бриана приглашает палату отказаться от отмены посольства при папском престоле и получает 304 голоса большинства против 218. С своей стороны Кайо, от которого ожидали очень смелой финансовой политики, прибегает лишь к паллиативам в роде нового выпуска банковых билетов и золотого займа, предназначенного для держателей бонов обороны, но решительно выступает против социалистического проекта специального взимания с капитала. Социалисты будут отныне часто переходить в оппозицию,—не только по финансовым вопросам, но и в области международных отношений, где восстание Абд-Эль-Керима в Марокко (с апреля 1925 г. по конец мая 1926 г.) и беспорядки в Сирии (август 1925 г.—июнь 1926 г.) будут значительно мешать Ф. проводить исключительно мирную внешнюю политику. Лучше сложатся обстоятельства для этой политики в области сношений Ф. с главным врагом, побежденным в великой войне. Бриан, в роли бессменного министра иностранных дел во всех последних кибинетах, умело сотрудничая с своим британским коллегой, Чемберлэном, и немецким, Штреземаном, принимает деятельное участие в целом ряде переговоров и соглашений с Германией и другими государствами, стремящимися к замирению Европы. И главными вехами на этом пути являются: приглашение Германии на конференцию Лиги Наций в Локарно (15 сентября 1925 г.) и подписание ближе заинтересованными государствами семи групп договоров, которые имеют предметом разрешение посредническим судом всех недоразумений между Францией и Германией, а затем Бельгией, Великобританией, Италией Польшей. Чехо-Словакией и т. д. (16 октября 1925 г.); принятие Германии в Лигу Наций (10 сентября 1926 г.) и закончившиеся благоприятно в данный момент (12 декабря 1926 г.) переговоры в Женеве внутри Лиги Наций относительно снятия международного военного контроля Антанты с Германии и замены его контролем самой Лиги; что касается внутреннего положения Ф. и в особенности состояния ее финансов, то оно представляется далеко не столь блестящим. Вопросы бюджета, валюты, вздорожания жизни, неустойчивости внешних и домашних торговых сделок все время давят на политическую эволюцию последних лет и в известном



Французское искусство.

Пьер Леско (1515—1578). Лувр.

смысле свели на нет реформационный пыл картеля. Франк, капризный диктатор, распоряжается судьбою кабинетов и особенно министров финансов. Просуществовав семь месяцев, кабинет Пенлеве падает жертвою несогласий в рядах радикальной партии и самого кабинета по отношению к финансовым планам Кайо, не дающим удовлетворения ни правой, ни левой стороне палаты. В образованном Пенлеве новом кабинете (29 октября—22 ноября 1925 г.) министерство финансов разделяется на две части: казначейство и бюджет, и сам премьер берет на себя заведывание первым отделом, тогда как второй вручается его ближайшему сотруднику, Жоржу Боннэ. Тщетные усилия. Не прошло и месяца, как рушится и второе министерство Пенлеве, получив меньшинство по вопросу об утверждении долга, выраженного в бонах казначейства. У власти появляется кабинет Бриана (28 ноября 1925 г.—6 марта 1926 г.) с небезызвестным и нам, русским, дельцом Лушером в роли министра финансов. По новому плану требуется 8 миллиардов лишних налогов с разных доходов и предметов потребления. Финансовая комиссия палаты отвергает это бюджетное попури, и 16 декабря Лушер исчезает из министерства, замененный старым отступником радикализма, Думером. Табак, кофе, алкоголь, соль притянуты новым министром к усиленному обложению. Палата нервничает и в начале марта опрокидывает Думера и солидаризировавшееся с ним министерство. Новый Сизиф, премьер Бриан, берется опять за составление министерства (9 марта—16 июня 1926 г.) с Раулем Пере у финансов. „Гражданская такса“ (род подушного налога), увеличенное обложение торговых операций, но уменьшенное таксирование ценных бумаг не удовлетворяет парламент, и 15 июня Пере подает в отставку, увлекая в своем паденни и весь кабинет. У власти новое министерство (23 июня—18 июля) с Брианом во главе и возвращающимся Кайо для финансов. В виду беспрестанного падения франка (на 40% с января 1926 г.) и противоречивых голосований палаты, кабинет Бриана требует финансовых полномочий от парламента. В резкую оппозицию к этому предложению становится Эррио, который покидает кресло президента палаты специально для возражения против неконституционного, по его мнению, плана. Кабинет Бриана низвержен. Но когда сам Эррио делает попытку образовать новый кабинет, все силы плутократической реакции дружно идут против него, предъявление бонов для уплаты достигает высшей точки, Французский банк накануне закрытия кассы, и, едва появившись перед палатой (21 июля), только что образованное министерство падает. У власти парадоксальным, казалось бы, образом появляется (23 июля) Пуанкаре, глава Национального блока, и в довершение парадоксальности в министерство так называемого единения вступают несколько видных деятелей Картеля, в том числе сам Эррио. Верная своему плутократическому духу биржа реагирует „доверием“ на возвращение к власти того самого Пуанкаре, против которого Картель левых, повидимому, так усердно боролся и одно время считал его окончательно побежденным: в день составления министерства Эррио фунт стерлингов сразу поднимается со 198 франков до 243, а в день замены его министерством Пуанкаре также сразу падает на прежний уровень, проделав в течение 48 часов двойное движение в 45 фр. Смысл этого события заключается в том, что представители капитала и владения, несмотря на принципиальное сопротивление социалистов и половинчатую оппозицию радикалов, успели путем усиленной агитации в парламенте и стране отстранить от себя опасность мало-мальски серьезного податного обложения. Пуанкаре—их человек: кабинет единения, сохранив для внешней политики Бриана и дав радикалам удовлетворение назначением Эррио министром народного просвещения, вступает на путь успокоения интересов имущих. Паллиативы—отнюдь не реформы! Палата и Сенат, составив в Версале Национальное собрание (10 августа), вводят в конституцию новую статью, учреждающую особую автономную кассу для заведывания всей суммой бонов национальной обороны, равной 49 млд. Пуанкаре даются

финансовые полномочия, в которых было отказано Бриану. Обыкновенным порядком парламент вотирует 9 млд. новых, главным образом косвенных, налогов, падающих на различные предметы потребления (кофе, сахар, вино, пиво, минеральные воды), передвижение по железным дорогам и водным путям, почтовые отправления, предметы ввоза из-за границы, тогда как прямые налоги лишь слегка увеличены на торговые и промышленные прибыли, а собственно подоходный налог снижен вдвое для наиболее высоких ставок доходов! Биржа продолжает доверять типичному выразителю крупной буржуазии, и франк все поднимается и поднимается, при чем спекуляция не только во Ф., но и за границей играет уже на повышение, и в настоящее время (декабрь 1926 г.) фунт стерлингов стоил 125, даже порою 122 франка, почти вдвое меньше, чем летом, в дни плутократического нападения на кредит и валюту Ф. Начинают уже раздаваться голоса, высказывающие опасения, как бы такое быстрое повышение франка не нанесло ущерба французской вывозной торговле, не вызвало бы застоя в промышленности и не создало бы серьезного экономического кризиса в стране с обычным его спутником: безработицей. Ближайшее же будущее покажет, во всяком случае, не скрывает-ли это временное улучшение финансового положения Ф. серьезной опасности для широких народных интересов, и не придется ли демократии возобновить с усиленной энергией борьбу против столь могучего еще капитала, который не отступает ни перед чем, чтобы продлить свое господство в стране. Старые, испытанные буржуазные парламентарии, в роде Мильерана, и их более юные последователи, в роде Теттенжэ и Бокановских, не боятся вызвать своей демагогической пропагандой среди населения разочарование в самом механизме республиканских учреждений и льют огромными ушатами мутную воду клеветы на мельницу нарождающегося и крепнущего фашизма. Является даже вопрос, удастся ли надломленному Картелю левых осуществить свои радикальные планы в области народного образования и вообще прояснения сознания масс. Можно, конечно, не преувеличивать значение восстановления посольства при Ватикане. Ведь французская буржуазия никогда не была истинно свободомыслящей в своем целом составе, и после периода боевого антиклерикализма в конце 70-х годов и в течение 80-х,—при Гамбетте и Ферри, — наступила эра примирения республиканских правительств с католицизмом, пока огромный кризис, связанный с делом Дрейфуса на рубеже XIX и XX столетий, не оживил борьбы светской цивилизации против притязаний духовной власти. С другой стороны, мы видели, как в числе многих отрицательных результатов войны было усиление клерикализма на почве Третьей республики. Но уже гораздо опаснее, чем установление известного способа сожительства между светским государством и католической церковью, является для современной Ф. сильная борьба, которую значительная часть ее буржуазии ведет теперь против попыток радикальной демократии и социалистов создать единую светскую школу,—для народа и для имущих классов,—сломав перегородки между привилегированной средней школой (лицеем и коллежем) и народной школой, равно как рядом обязательных постановлений заставить родителей ребенка и эксплоатирующего детский труд предпринимателя дать возможность подростающему поколению закрепить в школе, а затем и расширить свое образование в так называемых послешкольных учреждениях. Война нанесла сильный удар и народному просвещению. В то время, как накануне этого великого самоистребления народов, в 1912 г., около 3% новобранцев были безграмотны, ныне безграмотные рекруты составляют уже 12%, почти восьмую часть всего контингента, при чем едва пятая часть всех якобы грамотных умеет кое-как подписать свое имя и на вопрос начальства—„как называется настоящий президент республики“—слышатся нередко ответы в роде: „Людовик XIV“ (доклады о состоянии армии). Против проекта штрафовать родителей и хозяев, мешающих детям доучиваться

в школе и пользоваться послешкольным образованием, идеологи крупной и средней буржуазии возражают: „Это нестерпимый деспотизм“. Против плана единой школы те же философы и поэты мещанства бросают упрек: „Это легальное насаждение варварства“.

И все же, взвешивая и сопоставляя рост различных социальных элементов Ф., следя за их эволюцией, приходится заключить, что в своем историческом развитии страна движется по пути экономического и политического прогресса, от деспотизма к народоправству, от всемогущества капитала к владычеству труда, из мрака клерикализма к свету свободной мысли, от шовинистского ненавистничества, обращенного на другие нации, к идее международного сотрудничества с ними. К сожалению, эти процессы роста протекают все еще сравнительно медленно, что объясняется особенностями французского общественного строя. Одним из важнейших препятствий по пути этого развития является, напр., враждебное—надо надеяться, временное—распадение на Турском конгрессе 1920 г. французского мира труда на две враждебные партии: социалистов (73.000 членов) и коммунистов (100.000 членов). Но это явление, общее у Ф. с другими культурными странами, может лишь задержать, но не прекратить поступательное движение всей нации, преимущественно в ее трудовых элементах, к царству коллективной работы и коллективного пользования материальными и духовными благами жизни. Или, как выражается современный историк французского социализма, Поль Луи: „В тот момент, когда буржуазное общество, раздираемое своими собственными противоречиями, казалось уже обреченным на гибель, наступил кризис мирового социализма. Но он не спас этот строй, а лишь замедлил его крушение. Французский социализм испытал такие же раздоры, как и французский синдикализм, и рабочие классы всех стран стали жертвою таких же пагубных распрей. И, однако, французский пролетариат, как и всякий другой пролетариат, стремится возобновить свое движение вперед, возвышаясь над различными социалистическими школами и партиями. Ибо существенные теории остались, обогащенные опытом последних лет. Господствующие классы во Ф., как и повсюду, не могут игнорировать этого восстановления социализма. Несмотря на видимость, революция продолжается во Ф., как она продолжается повсюду. И она может быть только интернациональной, по своим усилиям и по своим результатам“ (Подробнее о Ф. эпохи мировой войны *см.* XLVII, 462 сл.). *Н. Русанов.*

Историография. Историческая литература во Ф. принадлежит к числу наиболее богатых во всем цивилизованном мире. Особенно богата она по отношению к самой Ф., хотя в некоторых случаях ее может дополнять историческая литература о Ф., существующая в других странах. В дальнейшем мы будем иметь в виду французскую (и изредка иностранную) литературу о самой Ф., оставляя в стороне громадные заслуги, оказанные французскими учеными изучению истории других стран и народов.

Назовем, прежде всего, тех историков, которые сделали предметом своего изучения прошлое Ф. на всем его протяжении. Из них заслуживают, конечно, быть отмеченными только стоящие на научном уровне, а таковыми являются лишь жившие после французской революции, так как самое начало современной научной французской историографии относится лишь к двадцатым годам XIX в. Именно в эти годы предпринял свою большую „Историю Ф.“ известный экономист и историк, отличавшийся большим свободолюбием, *Сисмонди*. Первый том его труда вышел в 1821 г., и за ним последовало еще тридцать томов, последний из которых помечен 1834 годом. Если мы примем в расчет, что в это время только начиналась научная разработка прошлого Ф., то уже по одному этому должны будем признать устарелость труда Сисмонди. Новое предприятие такого рода было начато в 1833 г., когда вышло в свет начало большой „Истории Ф.“ одного из знаменитейших французских историков в XIX веке, *Мишле*, силою своего творческого воображения воскресившего средневековое прошлое Ф., изложение которого им было окончено в 1846 г. в шестом томе, потому что в следующих годах он занимался уже изучением истории революции. К продолжению прерванного труда Мишле вернулся только через десять лет, закончив всю историю дореволюционной Ф. в 1867 г. Так в течение тридцати лет создалось одно из замечательнейших произведений новейшей французской историографии, бывшее потом дополненным тремя томами сравнительно слабой „Истории XIX века“, вернее только его начала (1872 и 1875). Следующим крупным историком, взявшим на себя труд дать французам полную историю их отечества, был *Анри Мартен*, отличавшийся свободолюбием своего непосредственного предшественника, но не обладавший его художественностью, зато более основательный и точный. Между 1836 и 1854 годами он издал, том за томом, свою „Историю Ф.“, дополнив ее позднее „Историей новейшей Ф.“ с 1789 г. до наших дней“, каковыми были уже семидесятые годы (1875). В общем получился колоссальный труд в двадцать пять томов. Писавшийся в годы уже развитой исторической науки, он стоял вполне на достигнутом ею уровне знания и понимания национального прошлого. „Общую историю Ф.“ написал *Дарест де ла Шаванн* (8 томов, 1865—73, и девятый дополнительный—1879). При страшном разрастании исторической литературы такие предприятия становились не по силам одному человеку. Во второй половине XIX века возникла форма сотрудничества нескольких ученых, разделявших между собою по частям общую работу. К этому способу коллективного творчества в 1892 г. прибегли профессора *Лависс* и *Рамбо* для издания

обширной „Общей истории Европы с IV века до наших дней“, по окончании которой уже один Лависс организовал издание „Истории Ф.“, написанной в отдельных частях разными учеными. Этот коллективный труд, с обстоятельной библиографией трактуемых предметов, выходил в свет от 1900 до 1918 г., составив девять томов, из которых каждый состоит из двух частей. Завершением этой „Истории Ф.“, доведенной до эпохи революции, была также коллективная, написанная, впрочем, немногими лицами, под редакцией того же Лависса, „История современной Ф. от революции до мира 1919 г.“ (1920 и след.). Можно сказать, что оба эти предприятия, под общим руководством одного и того же лица, составляя одно целое, являются общим итогом современного состояния французской историографии. В обоих изданиях чрезвычайно важны указания на источники и пособия. Еще одно, тоже коллективное предприятие, относящееся к последнему времени, отличается совсем особым, своеобразным характером. Это—„История французской нации“ под редакцией *Ганото*, начатая в самое последнее время. Своеобразие ее заключается в том, что сотрудники разобрали между собою историю Ф. не по периодам, а на всем ее протяжении по разным ее сторонам, что дает ряд отдельных историй. За общим введением следует: география (*Lepère*), политическая история в 3-х т. т. (*Эмбар де ла Тура, Маделена* и *Ганото*), религиозная (Гойо), военно-морская (*Ганото*-сына и *Манжена*), дипломатическая и колониальная (*Рене Пинона*), экономическая и социальная (*Муассе*) и томы по истории искусства (*Жилле*), литературы (*Рипар* и *Стровский*) и наук (разных авторов). „История Ф., рассказанная всем“ под редакцией *Функ-Бретано*—только общий заголовок для серии монографий без общего плана. Нельзя здесь обойти молчанием и то, что французская историческая литература обладает превосходными общими компендиями. Один из лучших был составлен *Дюрюи*, оставившим после себя память своими заслугами, в качестве министра народного просвещения, в деле организации среднего образования. Другой бывший министр того же ведомства, *Рамбо*, написал очень содержательную и компактную „Историю цивилизации во Ф.“ (1885—1888) с древнейших времен до революции, прибавив к ней особый томик по истории французской цивилизации в новейшее время, в общем весьма полезный для первого ознакомления с предметом. Отличительная черта этих пособий—их объективизм. Нельзя этого сказать о недавней (1924) истории Ф. *Бэнвиля*, написанной в реакционном духе.

Дальнейшее изложение французской историографии делится на четыре части: 1) Средние века. 2) Новое время. 3) Революция и 4) Новейшее время.

I. *Средние века.* Прежней традицией было начинать историю Ф. с завоевания Галлии франками в исходе V века нашей эры. С этого времени действительно начинается история Франкского королевства, т.-е. государства, непосредственно продолжавшего Ф. Эта историографическая традиция постепенно уступила место другой, принимающей в расчет, что Ф., как страна, есть ни что иное, как Галлия, что французская нация—прямые потомки романизированных галлов с некоторою только примесью германцев, главным образом, франков и бургундов, и что многие учреждения и отношения римской эпохи пережили падение Западной Римской империи. Вот почему, наприм., названная „История Ф.“ под редакцией Лависса начинается с изложения истории Галлии, написанной *Камиллом Блоком*, и почему в историографии Ф. указывают на такие сочинения, как знаменитые „История Галлии до римского владычества“ (1829) и „История Галлии под римским управлением“ (1840—1847) *Амедея Тьерри* или новейший (1908 и сл.) труд *Жюллиана* „История Галлии“. По той же причине с Галлии же начинает свой классический труд *Фюстель де Куланж*. Но и прежняя традиция имеет известное основание, помимо государственной преемственности, в том, что только во франкскую эпоху начинается историческая литература о Ф., принимая за первый исторический о ней труд „Хронику франков“ *Григория Турского*, жившего во второй половине VI века и занесшего в хронику почти все, что мы только знаем о той эпохе по отношению к Галлии и основавшемуся в ней Франкскому государству.

Французская историография начинается, таким образом, с хроники, притом церковного характера, что подчеркивается названием ее в некоторых рукописях „Церковной хроникой франков“, и, наконец, на латинском языке, который оставался языком французской историографии почти до конца средних веков. Средневековые хроники являются главными повествовательными источниками для истории Ф. в течение целых столетий рядом с таким деловым материалом, каким являются „варварские правды“, капитулярии, всякого рода грамоты, описи (политики), формулы и пр. Продолжением хроники Григория Турского была обширная компиляция, за автором или, может быть, авторами которой в XVII в. утвердилось имя *Фредегара* и которая доводит изложение событий до середины VII века, будучи еще значительно дополнена несколькими лицами. Это были главные историки меровингской эпохи. При Каролингах произошло оживление историографической деятельности. Вероятно, с конца VIII века при королевском дворе стали вестись погодные записи (анналы), каковой обычай в первой половине следующего столетия усвоен был епископскими резиденциями и наиболее значительными монастырями. Бывшему близким к Карлу Великому советнику его *Эйнгарду* приписывается участие в этой анналистике, и, несомненно, ему принадлежит „Жизнь Карла“, бывшая первой в средние века биографией государя среди житий святых, которых так много тогда писалось. Он нашел и подражателей в лице биографов Людовика Благочестивого (*Теган* и анонимный автор). Другой аноним, известный под именем *Санкт-Галленского монаха*, тоже дал биографию Карла в виде сборника анекдотов. Сын дочери Карла, *Нитгард*, написал „Четыре книги историй“, где рассказал о распре сыновей Людовика Благочестивого с такими повествовательными приемами, что позднейшие историки выделили его из массы остальных, как редкого представителя чисто светской историографии. Но это „каролингское возрождение“, как его называют, было не особенно продолжительно, и при последних Каролингах во Ф. снова наступили мрачные времена, продолжавшиеся и при первых Капетингах. Новый культурный подъем Ф. при Капетингах XII века выразился в появлении таких важных произведений, как „Жизнь Людовика VI“ и „О делах своего управления“ настоятеля Сен-Денисского аббатства *Сугерия*, бывшего советником двух королей и даже регентом Ф. в отсутствие Людовика VII во время второго крестового похода. Это была именно эпоха крестовых походов, ведшихся преимущественно французами и нашедших своих историков среди французов же.

Вильгельм Тирский, родившийся и живший в Палестине, проповедовавший во Ф. третий крестовый поход и сам в нем участвовавший, написал „Историю священной войны, веденной христианскими государями в Палестине и на Востоке“ в 22 книгах, которые монах *Герольд* дополнил еще семью, а затем какой-то неизвестный автор довел до 1275 года. Участник четвертого крестового похода, феодальный сеньер и государственный деятель, *Вильгардуэн* оставил труд „О завоевании Константинополя“. Не умея сам писать, он продиктовал его от начала до конца на французском языке, что было первым случаем употребления национального языка во французской историографии. Из феодального же мира вышел *Жуанвиль*, сопровождавший Людовика IX в его крестовом походе в Египет, во время которого близко сошелся с этим королем, написав о нем житом свои воспоминания, одни из первых личных мемуаров. Он переработал их потом в историческое повествование о Людовике IX на франц. языке, очень важное для познания эпохи по массе бытовых и анекдотических подробностей („Книга о святых словах и добрых делах св. Людовика“). Кроме личных воспоминаний, Жуанвиль пользовался и существовавшими в то время хрониками.

Высшим достижением средневековой хроникерской литературы была знаменитая „Хроника Ф., Англии, Шотландии и Испании“ *Фруассара*, пи-

савшего тоже по-французски. Он был современником большого периода „столетней" англо-французской войны и свидетелем множества важнейших событий эпохи, взяв пример с одного из старших своих собратов, хроникера *Жегана Красивого*, он собирал материал посредством опросов нужных лиц. Хроника его охватывает время от 1325 до 1400 года и уже представляет собой переход к истории, поскольку автор не только рассказывает, но и описывает, а рассказывая не довольствуется одною хронологическою последовательностью, но и располагает факты по группам, ища между ними внутренние связи и высказывая о них свои суждения. Вот почему Фруассару приписывается весьма важное значение во французской историографии позднего средневековья. У Фруассара были продолжатели в лице *Монстреле, де Куси, дю Клерка* и др. Последним крупным историком средневековой Ф. был *Филипп Коммин*, принимавший, в качестве дипломата, деятельное участие в политических событиях конца XV и начала XVI века, а потому и превосходно их знавший. Его „Мемуары", которые просто называются его именем („Мемуары мессира Филиппа де Коммина") признаются уже настоящим историческим произведением, далеким от простодушных приемов средневековых хроник, хотя часто автор этого труда не столько рассказывает, сколько доказывает, стараясь убедить читателей в верности своих мыслей, бывших очень пристрастными. Опубликованы были „Мемуары" уже по смерти автора.

Бросая общий взгляд на французскую историографию в средние века, нельзя не отметить того, что наиболее важные ее произведения принадлежат участникам современных им событий. В то время, как хрониками были обыкновенно монахи, собиравшие и записывавшие доходившие до них известия о событиях в тиши своих келий, наиболее видные повествователи сами переживали многое из того, о чем писали, и даже сами были историческими деятелями. Таким людям, как Жуанвиль, Фруассар, Коммин, Ф. и обязана тем, что ее историография, бывшая сначала по языку своему латинской, сделалась и в этом отношении национальной. Во всех этих „хрониках" и „мемуарах" постепенно создавался повествовательный материал, из изучения которого и исходили позднейшие историки средневековья.

С эпохи Возрождения, когда в литературный обиход вошли античные историки, когда изящная литература отошла от реальных и национальных традиций средневековья, когда последнее стало рассматриваться, как времена „готического" варварства, в культурном обществе не могло быть интереса к этому далекому прошлому, все дальше и дальше отходившему в глубь веков. Если где не прерывалась средневековая культурная традиция, то, конечно, в церковных сферах. От средних веков осталась масса житий святых, которыми новейшие историки пользовались, как историческим источником, и даже создавались их собрания (уже у Григория Турского) или своды (у энциклопедиста XIII в. Викентия Бовезского в „Историческом Зерцале"). В эпоху католической реакции, последовавшей за реформацией, делом собирания, проверки текстов и их издания занялись иезуиты, по имени одного из которых, Болландa, жившего в XVII веке, стали называться *болландистами* ученые издатели разного агиографического материала. Правда, это была организация международная, но ее работы имели значение и во Ф. Не покидали средних веков и немногие французские эрудиты нового времени. Живший в XVII в. *Дюканж*, заслуживший своим трудом влияние и ученостью прозвище „светского доминиканца", в 1678 г. издал свой знаменитый „Глоссарий (словарь) к писателям средней и поздней латыни", представляющий собой целую энциклопедию ученых объяснений средневековых терминов, касающихся политической, социальной, юридической и культурной жизни тысячелетия, как раз в середине XVII века получившего название средневековья. Это издание, без которого невозможна была бы успешная работа над историей средних веков, перерабатывалось и дополнялось в последующих изданиях, вплоть до последнего, вышедшего в конце XIX века, что свидетельствует о его важности (предпринято и новейшее издание). Дюканж, кроме того, переиздавал труды Жуанвиля и Вильгардуэна, написал историю Амьена и собрал большие материалы для исторической географии Ф., соединив все эти занятия с византийскими штудиями. Важное значение для будущих историков средневековья получило и сделанное бенедиктинским монахом *дом-Буке*, в середине XVIII века, восьмитомное издание „Писателей о галльских и франкских делах", продолжение которого было совершено братством св. Маура, ветви Бенедиктинского ордена, пока за то же дело не взялась Академия надписей. К этой же конгрегации принадлежал во второй половине XVII века *Мабильон*, положивший начало критическому исследованию подлинности документов (дипломатике), а в комментариях к изданным им житиям святых Бенедиктинского ордена ряду чисто исторических справок, главным образом, о разных сторонах церковного и монастырского быта. Другой бенедиктинец, *Монфокон*, много сделал для латинской (и не одной латинской) палеографии, столь важной для изучения средневековья и т. д.

Только что названные писатели были учеными, державшимися далеко от общественной жизни и писавшими не для сколько-нибудь широкой публики, в которой не было ни малейшего интереса к средним векам. В XVII и XVIII веках в моде были греки и римляне, о которых было написано много исторических сочинений, между прочим и *Монтескье* („О причинах величия и упадка римлян", 1374), но именно как раз этот знаменитый писатель в своем „Духе законов" (1748) положил начало изучению средневековых учреждений, сделавшись родоначальником германистов в деле изучения средневекового феодализма. Эта сторона „Духа законов" была оценена только медиевистами XIX века. Если в новое время и обращались к средневековому прошлому Ф., то делали это в интересах политической борьбы против королевского абсолютизма. Вел ее парижский парламент, члены которого хотели исторически оправдать свои притязания и в этом смысле составляли свои схемы истории французских учреждений с первых веков монархии. Сюда относятся „Исследования о Ф." (1561—1565) *Этьена Пакье*, „История управления Ф." (1743) *Ле-Лабурера*, „Исторические письма о существенных правах парламента" (1753—1754) *Лепежа* и др., где проводилась идея узурпации королевскою властью прав у парламента, как представителя свободной нации. Эту теорию, заключавшую в себе целое построение средневековой и новой истории Ф., опровергали не только защитники королевского абсолютизма, но и сторонники политической свободы, полагавшие, что сам парламент узурпировал власть у нации, как мы это видим в „Франко-Галлии" (1573) *Готмана*, возражавшего Пакье, в „Истории древнего правления Ф." (1727) графа *Буленвилье*, ярого защитника дворянских сословных прав, в „Наблюдениях над историей Ф." (1765) известного публициста и историка аббата *Мабли*, стоявшего на радикально-демократической точке зрения. Все эти писатели проводили взгляд, что основы монархической конституции Ф. были заложены в эпоху самого основания государства, но только по-своему толковали, в чем заключались эти основы, сообразно с чем и очень несходно построяли политическую эволюцию своего отечества, подыскивая в прошлом подходящие факты для оправдания того или иного тезиса. К остававшемуся спорным политическому вопросу присоединился и сословный — о происхождении и правомерности сословных привилегий. Упомянутый Буленвилье выводил дворянские права из факта завоевания Галлии франками: дворяне—потомки победителей, простой народ—потомки побежденных. Ему возражал аббат *Дюбо* в „Критической истории установления французской монархии в Галлии" (1734), где проводится такая мысль, что никакого завоевания германцами не было, что они мирно заняли страну, подчинившись учреждениям и законам Римской империи, откуда делался вывод об исконной свободе населения. По данному вопросу с Дюбо разошелся Монтескье, стоявший, наоборот, за первенствующую роль германского элемента. Во взгляде Дюбо нельзя не видеть зародыш романистического

объяснения феодальных учреждений. Таким образом, во французской литературе трех веков, предшествовавших революции, господствовало два направления, одно из которых можно назвать антикварным, другое — публицистическим. Одно ничего не обобщало, не построяло, другое целиком заключалось в предвзятых обобщениях и построениях, в целях оправдания тех или других политических стремлений.—Новое отношение к средним векам началось после революции, когда наступила реакция против огульного отрицания средних веков, как времени „готического" варварства. В этой их реабилитации сыграла роль романтическая реакция против рационализма XVIII века, начиная с „Духа христианства" Шатобриана, вышедшего в самом начале нового столетия. Но если романтизм в Германии заключил союз с политической реакцией, то во Ф. произошло сближение романтизма с либерализмом, провозглашенное в двадцатых годах Виктором Гюго. Историки двадцатых годов принадлежали к либеральному направлению. Из их среды вышли Минье и Тьер, апологеты революции, вышли и первые медиевисты, обратившиеся к средним векам, как к эпохе возникновения представительного правления, эпохе возникновения городских общин и среднего сословия, начавших борьбу с феодализмом. В их глазах французская революция была завершением борьбы народа с феодальной аристократией и осуществлением представительного правления. Эти историки очень интересовались прошлым Англии (Ог. Тьерри, „История завоевания Англии норманнами"; Гизо, „История английской революции"; Арман Каррель, „История контр-революции в Англии"), так как там происходила такая же борьба; но больше всего они занимались самой Ф. и именно ее средними веками, где имело начало все, что их интересовало, как свободных граждан. Однако, эти историки занимались уже не так, как то делали эрудиты - антиквары и публицисты - полемисты дореволюционного времени, а как научные историки, сколько бы их труды ни были доступны для теперешней критики.

Во главе новейших французских медиевистов следует поставить *Гизо*. Он начал свою деятельность как университетский профессор, — обстоятельство, которое нужно принять в расчет, если только вспомнить, что дореволюционные университеты Ф., бывшие в упадке с конца средних веков, почти ничего не сделали для национальной историографии. Первый свой курс в Сорбонне (1820—1822) Гизо посвятил истории происхождения представительных собраний в средние века и напечатал его, не доведши, впрочем, до конца. Занявшись потом историей английской революции и изданием относящихся к ней мемуаров, он параллельно с этим приступил к изданию „Собрания источников, относящихся к истории Ф." до XIII века (1823 и сл.), после чего опубликовал свои знаменитые „Историю цивилизации в Европе" и „Историю цивилизации во Ф.", доведенную в 4-х томах до XIV века,—труд, в настоящее время, конечно, устарелый, но тогда бывший целым откровением. К сожалению, сделавшись политиком, Гизо не продолжал своих медиевальных занятий, и только в самом конце своей жизни издал „Историю Ф., рассказанную внукам". Одновременно с Гизо работали братья *Тьерри*, Огюстен и Амедей. Первый из них, увлекавшийся в ранней молодости романтической литературой, потом планами социального переустройства, сознательно стал на точку зрения необходимости изучать историю не столько правящих, сколько управляемых, т. е. общества, его классовых отношений, борьбы рас и сословий. Одним из первых его исторических набросков была „Истинная история Яшки Простака" (1820), как во Ф. с XIV века называли крестьянина. После „Истории завоевания Англии нормандцами" (1825), он обратился к истории родной страны, выпустив одно за другим следующие произведения: „Письма об истории Ф." (1827), „Десять лет занятий историей" (1835), „Рассказы из меровингских времен", „Рассуждения о французской истории" (1840). Между прочим, Ог. Тьерри осветил в своих „Письмах" историю городского движения во Ф. в эпоху крестовых походов (тема, которою занимался и Гизо). Сделавшись министром народного просвещения, Гизо привлек его к участию в издании рукописных материалов по истории Ф., при чем на его долю выпали источники для истории третьего сословия. В связи с этой работой появился в 1853 г. его „Опыт истории образования и развития третьего сословия". Ог. Тьерри был таким же историком социальных отношений, каким Гизо для политических учреждений. Амедей Тьерри находился вообще под сильным влиянием идей и научных приемов своего брата, но занимался, главным образом, галльским периодом (названия его трудов приведены выше) и последними временами Римской империи. Одновременно с названными историками выступил еще *Барант*, автор многотомной „Истории герцогов Бургундских из дома Валуа" (1824 и сл.), где художественно пересказал содержание множества средневековых хроник, чем тоже немало содействовал образованию во Ф. вкуса к средним векам. Такой же характер имел труд *Мишо* „История крестовых походов", начатый еще в 1812 г. и оконченный в 1824 г.; после им была еще издана „Библиотека крестовых походов" (1830). Позднее Академия надписей предприняла издание „Сборника истории крестовых походов" (1841), а сам Мишо издавал „Собрание мемуаров для истории Ф. с 13 века" (1836 и сл.). Таково было начало французской медиевистики в XIX веке, которая сразу внесла в национальную историографию Ф. новые приемы исследования вместе с новыми выводами, совершенно упразднившими все написанное раньше. К этим же зачинателям французской медиевистики следует причислить и „Историю Ф." *Мишле*, лучшая часть которой (первые тома) посвящена средним векам. Тогда же (1821) была основана в Париже знаменитая Школа Хартий, столетний юбилей которой был недавно отпразднован. Задача, которая была поставлена этому учреждению, заключалась в технической подготовке к историческим занятиям средними веками, требующим основательных знаний в областях дипломатики и палеографии. Между прочим, она сделалась рассадником ученых архивистов, многие из которых впоследствии публиковали тексты или писали исторические исследования.

Характеризуя состояние исторической науки во Ф. в первой половине XIX века, нельзя не отметить, что историко - филологические ее факультеты, которые до конца прошлого столетия существовали, как совершенно отдельные учебные заведения, а не университетские отделения, ничего не делали для развития научных занятий, потому что читавшиеся в них курсы были предназначены для большой публики и никаких практических занятий для студентов не существовало. Только в 60-х годах на это было обращено внимание учебных властей, и в 1868 г. в Париже, в стенах Сорбонны, возникла так называемая „Практическая школа высших научных занятий", в которой на смену старой, „ораторской" истории начала складываться новая, „научная". До известной степени это было пересаждением в высшую школу Ф. методов немецкой семинарской работы. Одним из самых ревностных деятелей в этом обновлении французской исторической науки был *Моно*, основатель впоследствии, в 1876 г., научного исторического журнала („Revue Historique"), хотя в данном деле инициатива была за десять лет перед тем проявлена иезуитами („Revue des questions historiques", 1866). С семидесятых годов все пошло по новому. Историко - филологический факультет в Париже вошел в более тесную связь и с Школой Хартий и с Высшей нормальной школой, призванной готовить профессоров. Это мало-по-малу сказалось на росте цифры исторических исследований, а главное, на большей научности их исторического метода, тем более, что широко было поставлено и преподавание вспомогательных наук. Главные историки средних веков, о которых идет речь дальше, были профессорами реформированного парижского факультета. От этой реформы выиграло преподавание и новой истории.

Целым переворотом в изучении древнейшей истории Ф. было появление шеститомного исследования *Фюстель де Куланжа* „История политических учреждений Ф." (1874—1892). (О Фюстеле и вообще об участии французских ученых в разработке исто-

рии феодализма см. *феодализм*). Если не всегда по отношению к идеям, то во всяком случае в смысле метода Фюстель де Куланж явился создателем целой школы новейших французских медиевистов, будучи и замечательным преподавателелем. *Люшер* явился как бы его продолжателем в своих трудах „История монархических учреждений Ф. при первых Капетингах“ (1883), „Французские коммуны при Капетингах“ (1890), „Учебник французских учреждений в средние века“ (1892), „Французское общество времен Филиппа-Августа“, и ему же принадлежит изложение истории Ф. в X-XIII вв. в сборном труде под редакцией Лависса. Одновременно с Люшером большой труд „Происхождение древней Ф.“ (1886 и сл.) предпринял *Флак*, по специальности юрист, взявший за исходный пункт Х и XI вв., т. е. самый важный момент в истории феодализма. К тому же времени, когда выходили все эти труды, принадлежит менее, чем они, самостоятельная „История права и учреждений Ф.“ (1887—1902) *Глассона*.

В общем обзоре историографии по средним векам заслуживают быть выделенными некоторые специальные темы. Таков, прежде всего, феодализм (см. *феодализм*) и ряд других. По истории городов еще в 1829 г. *Ренуар* в своей „Истории муниципального права Ф. под римским владычеством и при трех династиях“ высказал мысль о римском происхождении средневекового городского устройства, что сказалось и на трудах Гизо и Тьерри, обративших внимание на значение коммунальной революции. Более поздние историки (Люшер, Флак) отошли от такой точки зрения, но мало-по-малу вопрос из стадии обсуждения в общей форме с конца XIX века перешел в стадию разработки истории отдельных городов. Менее посчастливилось во Ф. истории крестьян, по которой в середине XIX века вышли ныне устаревшие труды *Бонмера Дюсселе*, *Дарест де ла Шованна*, *Дониоля* и *Лемара*, на чем дело и остановилось в смысле полной истории, уступив место детальным работам. Только в самом начале текущего века *Анри Сэ* издал „Историю сельских классов во Ф. в средние века“. К истории Генеральных штатов ученые обратились только в сороковых годах, когда вышли о них книги *Тибодо* и *Ратери*, после чего ими занялся Тьерри (в указанном выше опыте), и написал о них капитальный труд *Пико* (1876). С середины же XIX в. начинается серия историй французских парламентов, особенно парижского (*Бастар д'Эстан*, *Буторик*, *Мерило*, *Лакгуа*, *Симонне*, *Фламермон* и др.). Специально для экономической истории Ф. с конца средних веков важна по массе цифрового материала „Экономическая история собственности, заработной платы, предметов необходимости и вообще цен с 1200 по 1800 г.“ *Авенеля* (1894—1898).

С французской историографией о дофеодальных временах может конкурировать, в смысле научной разработки, только немецкая. Дело в том, что у Ф. и Германии до середины IX века, когда произошло распадение монархии Карла Великого на западноромансную и на германскую части, у обеих стран была, так сказать, общая история. Эпохи Меровингов и Каролингов одинаково интересовали и французов и немцев. У последних об этих временах тоже имеется большая и серьезная литература, в которой особенно известны имена *Вайца*, *Ф. Дана*, *Инама-Штернегга*, *Допша*, *Лампрехта* и др. С их трудами не могли не считаться французские историки. Уже гораздо менее занимались немецкие ученые историей Ф. при Капетингах и при Валуа. Начало русской, впрочем небогатой, литературы по средневековой Ф. положил *Т. Н. Грановский* своей докторской диссертацией об аббате Сугерии (1849) и знаменитой лекцией о Людовике IX. Впоследствии меровингские времена изучал *Г. Федотов* (в ряде статей), феодализм во Ф.—*И. Гревс*, французское городское движение—*И. Смирнов* и *Оттокар* (1873—1919), ремесленные цехи—*Грацианский*, историю крестьян—*Н. Кареев* (общий очерк, 1881), *Удальцов* (каролингская деревня), Генеральные штаты XIV века—*Н. Радциг*, приходскую жизнь в XIII в. и культ Михаила Архангела во Ф.—*О. Добиаш-Рождественская*, вальденсов—*Н. Осокин*, *Карсавин*, *Егоров*, *Вульфиус*. К этой же литературе относится и диссертация *Н. Бубнова* о письмах Герберта, как историческом источнике.

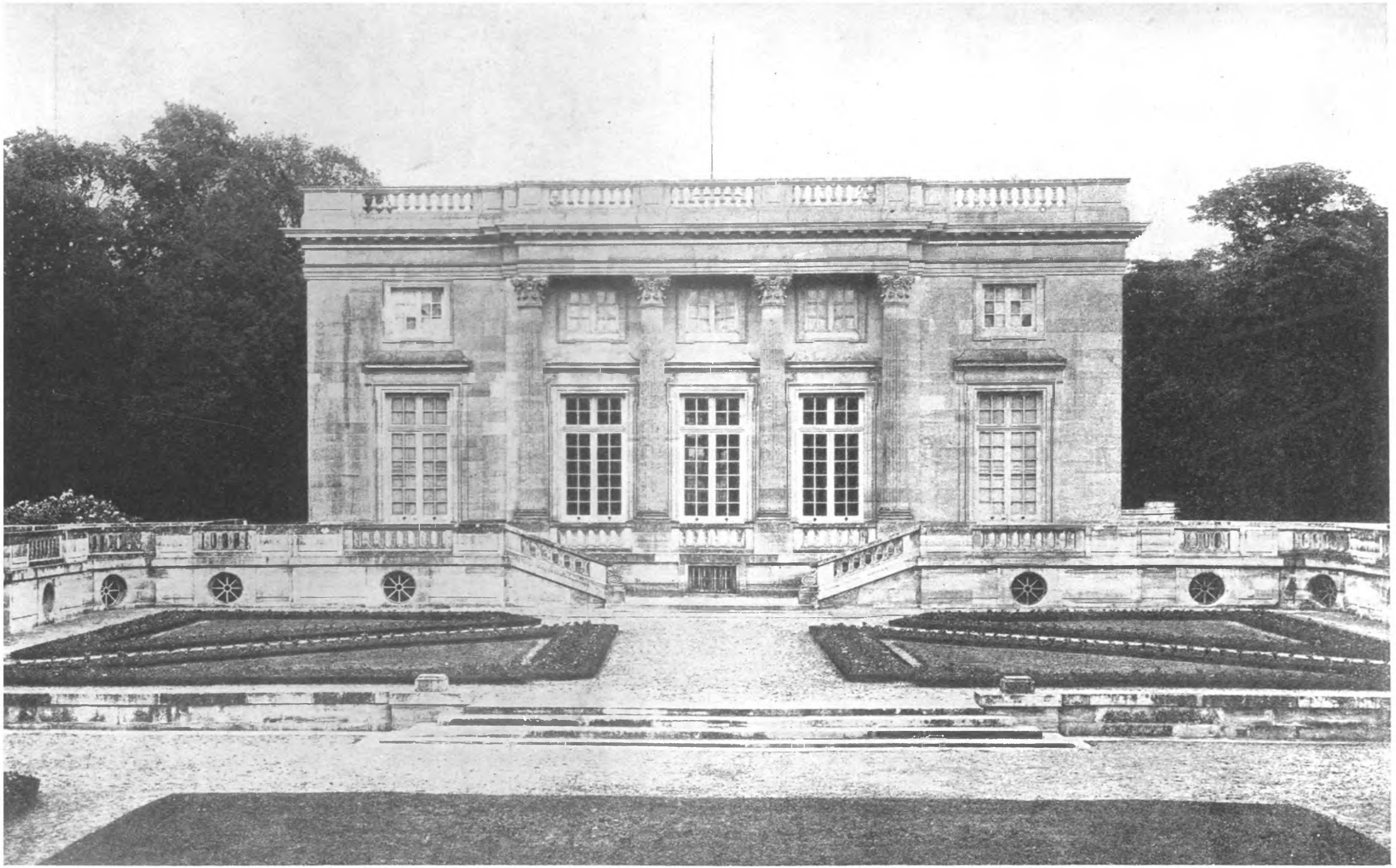
II. Новое время. Рассматривая французскую историографию в средние века, мы остановились на Коммине, чтобы перейти прямо к историографии о средних веках в новое время. Теперь мы остановимся на исторической литературе XVI—XVIII веков и на новейшем изучении этих трех веков. Начиная с XVI в., французская историография характеризуется необычайным развитием мемуаров, являющихся не только произведениями с самостоятельным значением, но и важными историческими источниками, требующими к себе, однако, самого критического отношения. Стоит только перечислить главных мемуаристов XVI века, чтобы увидеть, как богата тогдашняя мемуарная литература (мемуары Брантома, герцога де Бульона, Маргариты Валуа, Вильруа, Дюплесси-Морне, Кастельно, Лану, Мержа, Монлюка, герцога де Невера, Агриппы д'Обинье, Таванна, Сюлли и др.). После XVI века писание мемуаров только усилилось, и можно уже не приводить имен их авторов, кроме, пожалуй, таких знаменитостей, как Бассомпьер, Ларошфуко, кардинал Ретц, кардинал Ришелье, Сен-Симон и сам Людовик XIV. Среди этих мемуаристов находится большое число государственных людей и полководцев. Вторая половина XVI века была во Ф. временем ожесточенной борьбы между католиками и гугенотами, и мемуары были оставлены одинаково представителями обеих партий. В 1580 г. знаменитый *Беза* издал „Историю реформированных церквей во Французском королевстве“. Очень важные труды по истории религиозных войн во Ф. принадлежат протестанту *де ла Попельньеру*, автору „Истинной и полной истории смут, бывших как во Ф., так и во Фландрии от 1568 до 1570 г.“ (1571) и особенно „Истории Ф. с 1550 г. до 1577 г.“ (1581), навлекшей на автора, за его беспристрастие, гонения со стороны гугенотов же. Самым замечательным историком этого времени был *де Ту* (или *Туан* в латинизированной форме), автор большой „Истории своего времени“, написанной на прекрасном латинском языке и только впоследствии переведенной по-французски. О таком труде думал еще его отец, собравший довольно значительное количество материалов. Сам автор тоже долгое время собирал материалы, чему много способствовали его дипломатическая служба, сопряженная с путешествиями, со встречами с государственными людьми, и участие в переговорах с враждовавшими между собою партиями. Между прочим, он был свидетелем Варфоломеевской ночи, вселившей в него отвращение к фанатизму; сам он был католик. Последние годы своей жизни, уже в начале XVII века, он всецело посвятил работе над своей историей, которую он предполагал создать в 143 книгах (в античном значении термина), но написал только 138, не успев закончить свой труд, писавшийся около тридцати пяти лет. История де Ту выходила в свет с 1604 по 1620 г., при чем последняя часть была уже посмертной, когда появились и личные его мемуары. Охватывается время от 1546 до 1607 г. Общий характер труда здесь уже отмечает большой прогресс, совершенный французской историографией под влиянием знакомства с образцами античной исторической литературы. Его беспристрастие тоже свидетельствует о сделанном вперед шаге. Современник де Ту—*д'Обинье*, принадлежавший к гугенотскому лагерю и участвовавший в войне с католиками, задумал уже большую „Всеобщую историю“, которую и издал в 1616—1620 годах. На нем тоже отразилась эпоха, но без той терпимости, какой отличается де Ту. После них наиболее значительным историком был *Мезере*, сделавший первую попытку, считаемую, однако, неудачной, написать историю Ф. с древнейших времен, но современники были в восторге от его „Истории Ф.“ (1640 — 1651), и он стал считаться чуть-ли не первым историком данной эпохи. Сократив этот большой труд под заглавием „Хронологическое сокращение истории Ф.“, *Мезере* немало содействовал распространению исторических знаний касательно, Ф. и в ней самой и в соседних странах, благодаря переводам, сделанным на языки английский и немецкий. Общее направление истории Мезере было настолько политически-благонамерен-

ным, что после выхода первого ее тома Ришелье тотчас же назначил ему пенсию и позволил работать в архивах, — первый пример во Ф. того, как для историка были открыты двери в хранилища официальных документов.

Являясь большею частью историками своего времени, а иногда и прямо только мемуаристами, писатели этого рода были поставлены в невозможное положение в эпоху полного развития королевского абсолютизма, особенно при Людовике XIV, когда, можно сказать, историография, сколько-нибудь свободная от официальных внушений, была в совершенном загоне. В тиши кабинетов писались мемуары, авторы которых не всегда могли надеяться видеть их в печати. Так случилось с трудом самого замечательного мемуариста конца царствования Людовика XIV, герцога *Сен-Симона*, „французского Тацита", как его прозвали впоследствии за обличительный характер его мемуаров. Отличавшиеся интересным содержанием и блестящим изложением, его мемуары тотчас же после его смерти, уже при Людовике XV, были схвачены, спрятаны в государственном архиве и возвращены потомкам автора только в эпоху реставрации, вследствие чего могли появиться в печати впервые только в 1829 и сл. годах (21 том). Жизнь Ф. при последних Бурбонах была стянута к двору, происходившие при котором интриги возводились на степень исторических событий. Иногда это была сплошная скандальная хроника, попадавшая, несмотря ни на что, в мемуары, еще начиная с *Брантома*, жившего в конце XVI и начале XVII века и оставившего ряд биографий („Vies") современников, наполненных часто неприличными подробностями. И они не могли появиться в печати при жизни автора. Оппозиционная литература могла развиваться только за границей.

Выше было уже упомянуто, что наиболее замечательные произведения французской историографии XVIII века относились к древнему миру или отчасти к средним векам. Сама эта эпоха не была предметом исторического описания. В XVIII веке, однако, исторической науке были поставлены новые задачи не только Монтескье, но и Вольтером. Еще при Людовике XIV *Боссюэ* в своем „Рассуждении о всемирной истории" поставил задачу философии истории, но это была задача узко вероисповедная, католическая. Неизмеримо больше значения имеет мысль, высказанная *Вольтером* в „Опыте о нравах и духе народов" о том, что самым главным в истории должна быть, выражаясь современным языком, культурная ее сторона, развитие просвещения и человечности, но это было только программой для будущего. Как историк, Вольтер, не бывший, впрочем, специалистом в этой области, сам далеко не соответствовал такому идеалу. Его „Век Людовика XIV" и менее известный „Век Людовика XV" стоят ниже репутации своего автора. Эпоха трех последних Людовиков на французском престоле не породила ни одного ее историка. Эпоха французской революции и Первой Империи тоже оказалась неблагоприятною для исторических занятий, а когда в эпоху реставрации последние сразу расцвели, главный интерес историков направился к средним векам. В этом отношении французы отстали от немцев, у которых *Ранке* уже в двадцатых годах приступил к изучению истории западно-европейских государств в новое время, указав на важность в этом деле такого архивного материала, как акты, переписка, донесения дипломатов. Своей „Историей Ф. в XVI и XVII веках" (1853 и сл.), немедленно переведенной по французски, он даже в середине XIX века опережал самих французов. Если во Ф. мы и видим такие исключения, как работа Гизо над английской революцией, то касалась эта работа не своей, а чужой страны. Из французских событий нового времени историков эпохи реставрации захватила только революция, но притом так, что до середины XIX века не интересовались старым порядком. В эту эпоху и долго еще после за темы по новой истории Ф. вообще брались литераторы без достаточной научной подготовки, притом очень консервативного направления, каковым был весьма плодовитый и много в свое время читавшийся, за немением других, *Капфиг*, автор трудов о реформации и религиозных войнах XVI века (1834—1835), о Ф. при Ришелье, Мазарини и Людовике XIV (1836 и сл.) и во время Консульства и Империи и даже в более близкие времена, начиная с реставрации. К таким же историческим писателям принадлежал, напр., *Лемонтэ*, книга которого о регентстве и малолетстве Людовика XV (1832) долго считалась выдающимся произведением. В таких книгах особенно ценились их литературные достоинства, легкость изложения, изящный стиль и т. п., как в знаменитой „Истории жирондистов" поэта Ламартина (1847). Кроме литераторов, за темы новой истории брались еще публицисты и политические деятели, к каковым принадлежали среди историков революции *Тьер* и *Луи Блан*. Книга последнего об Июльской монархии (см. ниже) тоже была произведением более публицистическим, злободневным, нежели научным. Поэтому, в общем, можно сказать, что задуманные и исполненные в более научном духе труды по истории Ф. начали появляться гораздо позже таких же трудов по средневековой Ф. Как и в других отделах французской историографии, и здесь попытки охватить отдельные эпохи и явления в целом предшествовали специальной, монографической, детальной разработке. Реформа высшего исторического образования, произведенная около 1870 г., оказалась полезной не только для средневековой, но и для новой истории, когда со своими курсами и практическими занятиями выступили такие ученые, как *Лависс*, *Рамбо*, *Олар*, *Сеньобос*, не все, впрочем, работавшие над историей Ф. Важным моментом в развитии высшего исторического преподавания во Ф. было и основание (1872) „Вольной школы политических наук", в которой центральным предметом была сделана история и именно, ближайшим образом, история нового времени. В этом учебном заведении с самого же его начала преподавали такие ученые, как *Сорель*, *Вандаль*, *Анатоль Леруа Болье*, из которых последний одним из первых не „по оракорски", а научно стал трактовать вопросы самого близкого прошлого. Вот почему историческая литература по изучению нового времени при Третьей республике затмила все, что писалось о XVI-XVIII веках при прежних правлениях. Отсталость французской историографии в изучении XVI века еще в середине прошлого столетия выразилась в том, что наиболее научными произведениями о религиозной реформации во Ф. были немецкие труды: кроме указанного выше Ранке, заслуживает здесь упоминания „История протестантизма во Ф." *Зольдана* (1855), которая цитируется еще и теперь, „Истории французского кальвинизма" *Полленца* и др. Даже в семидесятых еще годах русские работы *Лучицкого* о связи французского протестантизма с феодальной реакцией (три тома),—работы по архивным источникам,—были совершенною новостью в тогдашней историографии. Политическая сторона реформации едва стала разрабатываться в середине века в работах *Анкеза* о политических собраниях реформатов (1859) и *Лабитта* о демократии у проповедников лиги (1866). Все наиболее важные исследования в этой области уже сделаны были после, при чем большую роль в данном случае сыграли Общество истории французского протестантизма и десятитомное издание братьев *Глаг* „Протестантская Ф." (биографический словарь). Главным образом с конца XIX века началась разработка реформационного движения в отдельных городах и областях Ф. С того времени, когда написаны были XI и XII томы „Истории Ф." *Мишле* до появления второй половины пятого тома и первой половины шестого в „Истории Лависса", написанных *Лемонье* и *Марьежолем*, французская историография сделала громадные успехи. Между прочим, новейшие историки движения обратили внимание на развитие в религиозной борьбе XVI века оппозиционных политических идей (после Лабитта работы *Вейля*, *Меали* и др.) Важны труды о главных деятелях французской реформации, особенно о Кальвине—*Роже* в 1870-1878, *Думерга* в 1899 и сл.

Только с середины XIX в. началось сколько-нибудь научное отношение к временам Ришелье и Людовика XIV в работах *Клемана* (о Кольбере, 1815 г., о правлении Людовика XIV, 1848 г. и др.), *Жубло*



Французское искусство.

Жак Анж Габриель (1698—1782). Малый Трианон.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

(о Кольбере, 1856), *Моро де Жоннеса* (об экономическом состоянии в первой половине XVII в., 1868), *Деплинга* (административная переписка при Людовике XIV) и т. п., но все это были только исследования частных сторон исторической жизни, не охватывавшие всей эпохи, если не считать, с одной стороны, соответственных отделов в общих историях, а с другой — компиляций, не дававших ничего нового. Самые важные работы по истории абсолютной монархии относятся только к концу столетия. *Авенель* в своем большом труде „Ришелье и абсолютная монархия“ (1884—1890) проводил ту мысль, что средневековая сословная конституция Ф. была способна к дальнейшему развитию, но что Ришелье уничтожением всех старинных вольностей создал положение, из которого Ф. полтора века спустя вышла только посредством революции. Много сделал для более обстоятельного и верного понимания происхождения французского абсолютизма *Ганото* в своих трудах: „Происхождение института провинциальных интендантов“ (1884), „Исторические очерки XVI и XVII веков во Ф.“ (1886) и „История кардинала Ришелье“ (1893—1903). Пользуются хорошей репутацией и труды *Шерюэля*, в которых автор в разное время изложил историю XVII века: „Ф. при Мазарини“ (1882 — 1883), „Малолетство Людовика XIV“ (1880), „Администрация Людовика XIV“ (еще 1849 года) и „Монархическая администрация во Ф. до смерти Людовика XIV“ (1855). Историю века Людовика XIV, бывшего вообще предметом большой литературы, совершенно переработал *Лависс* в VII томе выходившей под его редакцией „Истории Ф.“ (1906 и сл.). Это — самое новое, самое полное и самое точное изображение эпохи. Политические учреждения и социальные отношения старого порядка в последние его времена стали изучаться во Ф. только в середине XIX века в теснейшей связи с историей революции, начало чему было положено Токвилем (см. ниже). Самостоятельно царствования Людовиков XV и XVI изучались, преимущественно с шестидесятых годов прошлого века, в трудах герц. *де Люина*, *Бутарика*, *Жобеза* („Ф. при Людовике XV“, 1869), герц. *де Бройля* („Секрет короля“, 1879 и „Фридрих II и Людовик XV“, 1884), *Вандаля* („Людовик XV и Елизавета Российская“, 1882), при чем наиболее известные из этих авторов были историками внешней политики. По истории Ф. при Людовике XVI до начала революции существует не особенно большая литература, начиная с устарелого труда *Дрозэ* (1839—1842). В ней обращают на себя внимание: „Ф. при Людовике XVI“, *Жобеза* (1877 и сл.); „Реформы при Людовике XVI“, *Семилиона* (1876); „Провинциальные собрания при Людовике XVI“, *Лаверня* (1863). Особенно мало разработана социальная история XVI и XVII веков. „Мы, жалуется Лависс, знаем лучше французское общество средних веков, римское общество, общество древнего Египта, чем французское общество в XVII веке, оставшееся в тени за версальской декорацией“ („Hist. de France“, VII, A, 323). В немецкой литературе по истории Ф. в новое время, кроме названных уже (Ранке, Полленца), заслуживают еще внимания труды *Фалиппсона* (о религиозных войнах и о веке Людовика XIV, оба труда в коллекции Онкена), *Коха* (о Людовике XIV). В русской литературе очень много сделали *И. Лучицкий* (см. выше), *М. Ковалевский* („Юрисдикция налогов во Ф.“. 1877) и *Ф. Тарановский* (см. ниже). Имеют значение работы *М. Петрункевич* (о Маргарите Ангулемской), *Я. Гуревича* („Война за испанское наследство и коммерческие интересы Ф.“), *А. Трачевского* („Международная политика в эпоху Людовика XIV“, в журн. Мин. нар. пр., 1888), *В. Гольцева* („Государственное хозяйство в XVII веке“, 1878), *Г. Афанасьева* („Условия хлебной торговли во Ф. в конце XVIII века“, 1892) и др. Сюда же можно причислить указанные ниже труды по старому порядку в связи с революцией.—Инициатива связать литературную историю Ф. XVIII в. с политической принадлежит, как известно, немецкому историку *Шлоссеру*, как другому немецкому ученому, *Геттнеру*,—первая общая история литературы XVIII века с общественной точки зрения, но главная заслуга в изучении политических и социальных идей XVIII в., конечно, выпадает на долю французов. Не называя здесь сочинений по истории собственно литературы, отметим только такие, в которых выясняется роль рационалистических и революционных идей, начиная с „Философии XVIII века“ бельгийского ученого *Лорана* (XII том его „Études sur l'histoire de l'humanité“) и швейцарца *Барни* („История моральных и политических идей во Ф. в XVIII веке“, 1863—1865). В 1878 г. *Рокен* издал книгу „Революционный дух до революции“, в которой проводит мысль о постепенном нарастании во французском обществе XVIII в. оппозиционного направления на почве столкновений с властью, ее неумелости, скандальных ее поступков, столкновений, нашедших выражение в развитии памфлетной литературы. Специальная тема о появлении во Ф. социалистических идей еще до революции нашла историка в лице, главным образом, *Лихтенбержэ* (Lichtenberger), автора книги „Социализм в XVIII столетии“, хотя и не ему принадлежит эта тема. Не говорим уже о тех историях французской революции (Луи Блана, Тэна, М. Ковалевского и др.), которые в первых томах своих трудов рассматривают более или менее подробно политические теории XVIII века. В этой разработке истории идей, имеющих отношение к революции, принимали участие и некоторые русские авторы, как *А. Алексеев* („Этюды о Руссо“, 1887), *А. Вульфиус* („Очерки по истории веротерпимости во Ф. в XVIII в.), *В. Герье* (см. ниже), *И. Иванов* („Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века“, 1895) и др.

III. Революция. Историю французской революции начали писать в первые же ее годы, когда только что более или менее ясно наметился общий характер этого события и понято было его значение не только для самой Ф., но для всей Европы. Французская революция сразу вызвала большую литературу и во Ф. и за ее пределами, особенно в Англии и в Германии. Конечно, эта литература имеет преимущественно публицистический, в частности полемический или апологетический характер, состоя из рассуждений политического или морально-философского содержания, но в ней не мало было и таких произведений, в которых большую роль играет и исторический интерес, желание прагматически рассказать ее общий ход и связать причинною связью ее события с тем, что ей предшествовало. Конечно, и в произведениях этого рода субъективная оценка происходившего занимала очень видное место, но все-таки это были исторические произведения, в которых постепенно создавалось общее представление о происхождении революции, о последовательном ее ходе, о значении в ней отдельных событий. Под их влиянием создавалась и позднейшая историография с ее традициями, унаследованными из времен самой революции. К числу авторов подобных исторических попыток принадлежали, напр., *Мунье*, еще в 1792 году издавший „Изыскания о причинах, помешавших французам сделаться свободными“, *Монжуа*, автор „Истории революции во Ф.“ в двух томах (1797), *Александр Ламет*, написавший „Историю Учредительного Собрания“, которая была издана много позже; но особенно повлияли на первых историков последующего периода „История революции 1789 года двух друзей свободы“ (1790 — 1792), „Очерк французской революции“ *Рабо-Сент Этьена* (1792), написанные еще в начале революции, и труды еще двух современников революции—*Лакретеля* и *Тулонжона*, вышедшие в свет в 1801 г. и сл. годах. Все названные авторы были не только современниками, но в большей или меньшей мере и участниками революции, лично переживавшими ее события. Еще обширнее литература воспоминаний о революции, которыми отчасти уже пользовались и первые ее историки. Главным материалом для них были, однако, тогдашние газеты и брошюры, протоколы законодательных палат, сборники законов и т. п. Что касается до мемуаров современников, то необозримая их масса стала выходить в свет только в эпоху реставрации, когда даже была предпринята первая их коллекция под редакцией Бервиля и Баррьера. В течение XIX века появлялись все новые и новые мемуары вплоть до начала XX столетия (коллекция Пикара).

Наполеоновская эпоха с ее цензурными и полицейскими строгостями была неблагоприятна для занятий историей революции. Только с падением Импе-

рии и с установлением конституционной монархии сделалось возможным свободное отношение к событиям теперь уже и более далекого прошлого. Известно, что эпоха террора оставила по себе дурную память в обществе, но когда Бурбоны и эмигранты сделали попытку уничтожить все приобретения революции, то в передовой части общества началась реакция против отрицательного отношения к революции. Самое яркое свое выражение реакция эта нашла в вышедших в свет „Рассуждениях о главных событиях французской революции" г-жи *Сталь*, оставшейся верною принципам 1789 года. Это обширное произведение, оставшееся неоконченным за смертью автора (1817), является апологией революции с точки зрения либеральной буржуазии, которая вела борьбу с представителями старой Ф. во имя новых порядков, созданных революцией. Заслуга революции, в глазах Сталь, состоит в том, что она дала Ф. свободу и благосостояние, при чем революция ставится в связь с судьбами политической свободы во Ф. в прежние времена. Книгой г-жи Сталь закрывается период, когда историю революции писали ее современники. Новый период ее историографии открывается с появлением в печати книг, авторы которых только родились в последние годы революции и в молодости испытали на себе влияние взглядов г-жи Сталь.

Этими новыми историками революции были *Минье* и *Тьер*, почти ровесники (род. в 1796 и 1797 гг.), связанные с юности тесною личною дружбою, единомышленники в политических вопросах, в частности очень сходно смотревшие на революцию. Первый из них написал краткий ее очерк, так сказать компендиум ее истории (1824), до сих пор не утративший значения, второй издал очень большой труд, выходивший в свет в течение четырех лет. Оба автора принадлежали к либеральной буржуазии, были сторонниками конституционной монархии, выше всего ставившими политическую свободу, хотя и оправдывавшими с точки зрения целесообразности героические деспотические меры ради спасения революции от внутренних и от внешних врагов. Все в их историях революции совершается с фаталистическою необходимостью, за что упрекали их (особенно Тьера) в историческом оппортюнизме. Что в частности отличает Минье от Тьера, это—его классовая точка зрения, постоянное противоположение „среднего класса" массе (multitude). Оба эти произведения скоро заставили забыть и Лакретеля и Тулонжона.

Июльская революция 1830 года осуществила политические стремления либеральной буржуазии времен реставрации. В начале Июльской монархии Тьер был даже влиятельным министром, а если потом сделался вождем оппозиции, то лишь потому, что власть сильно „поправела", и во всяком случае эта оппозиция не имела ничего общего с новой оппозицией, которая отличалась демократическим характером. Июльская монархия была, как известно, царством крупной буржуазии, вызвавшим против себя демократическую оппозицию. В последней, еще в середине тридцатых годов, наметилось два течения: одно было чисто политическим, стремившимся к демократической республике, другое—социальным, ставившим своею целью переустройство самого общества в его экономической первооснове. Оба эти направления нашли отражение и в историографии революции. Точка зрения Минье и Тьера, точка зрения либерально-буржуазной конституционной монархии, оказалась пережитой, и в трудах Мишле и Луи Блана мы наблюдаем возвращение к демократическому республиканизму первой революции, чисто политическому у первого, социальному у второго.

Великий национальный историк, успевший прославиться своей историей Ф., издал свою „Историю французской революции" в 1847—1853 гг., уже воспользовавшись для нее и архивным материалом. Основной тон его труда, блестящего, хотя часто риторического по форме, восторженный, панегирический по адресу истинного, с его точки зрения, героя революции, какового он усматривает в самом французском народе. *Мишле*—настоящий народник, верующий только в народ, которому он противополагает не буржуазию, как Луи Блан, а образованный класс, интеллигенцию. Его идеал — демократическая республика, но не в якобинском ее понимании 1793 г., так как он—пламенный сторонник индивидуальной свободы, непримиримый противник террористических средств. Другая основная черта Мишле, это — его ненависть к клерикализму. В то время, как его современник Бюше (см. ниже) в революции видел исполнение обетов христианства, Мишле противополагает одно другому. Из всех направлений французской политической мысли труд Мишле наиболее характерен для зародившегося еще в тридцатых годах радикализма.

Еще до выхода в свет первого тома истории революции Мишле, одновременно с которым появился в печати и первый том аналогичного труда Луи Блана (1846), во Ф. была издана в сорока томах большая коллекция разного исторического материала под заглавием „Парламентская история французской революции" под редакцией *Бюшеза* и *Ру*. Первый из них снабдил отдельные томы этого издания предисловиями, где развил свою точку зрения: истинная сущность революции заключается в якобинизме, который понимается автором, как своего рода социализм, с одной стороны,—осуществляющий обетования христианства, с другой—воплощающий в себе народный идеал. Якобинизму в таком понимании здесь противополагается идеология жирондистов, как буржуазная и атеистическая. Эта теория Бюшеза, с отделением только революции от христианства и заменою последнего деизмом, и легла в основу исторического взгляда Луи Блана, для которого вся суть революции тоже заключается в якобинизме, чуть что не отожествляемом с социализмом, а революционная борьба сводится к борьбе народа против буржуазии с их противоположными лозунгами индивидуализма, с одной стороны, и братства, с другой.

Луи Блан еще до появления первого тома его истории революции был известен как историк („История десяти лет"), именно как историк борьбы народа с буржуазией в тридцатых годах и как социальный реформатор, предлагавший план общественного переустройства демократически и республикански устроенным государством, что и подготовило его политическую роль в революции 1848 года. Издавши первый том своего большого труда перед самой революцией, он закончил его только через полтора десятка лет (1862) в Лондоне, где тогда жил политическим изгнанником, нашедшим, однако, богатый материал для себя в коллекциях Британского музея. У Луи Блана не было возможности, как у Мишле, работать в архиве, но это не помешало ему собрать громадный материал. Вообще оба эти историка превосходят Тьера и разносторонностью материала и широтой взгляда, но зато точки зрения обоих историков - демократов до такой степени были противоречивы, что они даже очень остро отзывались один о другом, несмотря на то, что оба были демократическими республиканцами, идеализировавшими народ в ущерб интеллигенции (Мишле) или буржуазии (Луи Блан). Революция 1848 г. не осуществила во Ф. ту демократическую республику, к которой стремились Мишле или Луи Блан. Вторую республику сменила Вторая Империя еще раньше, чем оба историка окончили свои труды о революции. Повышенное общественное настроение, нашедшее свое выражение в обеих республиканских историях революции, сменилось горьким разочарованием. Естественно возникал вопрос: почему, сделав три революции, пролив столько крови во имя политической свободы, французская нация не достигла этой вожделенной свободы и подпала под власть нового деспота? Этот вопрос требовал пересмотра тех взглядов, которые были в обществе и в литературе касательно хода французской истории, начиная с первой революции, которая ведь также не осуществила идеала свободы, а завершилась военным деспотизмом. Ответ на этот вопрос дали в эпоху Второй Империи Токвиль и Кине.

По истории революции от *Токвиля* осталась сравнительно небольшая книга, первый только том (от второго лишь отрывки) широко задуманного труда под заглавием „Старый порядок и революция" (1856) и оставшегося неоконченным за смертью автора. В историографии французской революции эта книга совершила целый переворот. Если прежние историки ставили своею задачею оправдать революцию ее

целью, то теперь ставилась задача объяснить ее из ее причин, а для этого нужно было заняться изучением старого порядка, который оставался известным прежним историкам только поверхностно или даже почти совсем неизвестным. Лишь будучи хорошо знакомым со старым порядком, можно понять не только то, почему и как произошла революция, но и то, почему ее ход и результаты получились такие, а не иные. Дело в том, что многое старое ожило в том новом, которое было создано революцией, как, с другой стороны, многое, кажущееся новым, в сущности уже было подготовлено при старом порядке. Для того же, чтобы основательно познакомиться с этим старым порядком, необходимо, говорил Токвиль, обратиться к архивам, к хранящимся в них деловым документам, в которых нашла свое отражение вся жизнь общества, к административной переписке, к протоколам разных собраний, к просьбам и жалобам обывателей. Токвиль это и сделал, собрав такой материал, какого до него ни у кого не было. В его книге часто одна какая нибудь страничка была результатом целого ряда архивных находок. Мишле обращался к архивному материалу, как к дополнительному, для Токвиля этот материал был основным. Этим автор „Старого порядка и революции“ дал толчок к появлению целого ряда трудов по истории старого порядка в административном, экономическом и др. отношениях. Между прочим, Токвиль положил начало научному анализу подлинных „наказов“ 1789 года, и уже в первой половине следующего десятилетия на их основании были написаны книги *Шассена* „Дух революции“ (1863—1865) и *Понсена* „Наказы 1789 г.“ (1866). Что касается вопроса о причине неудачи трех французских революций, то Токвиль увидел их в том воспитании, которое давала французской нации старая монархия, все нивеллировавшая, все централизовавшая, убивавшая в ней самый дух свободы, приучавшая ее к произволу. В то же время Токвиль вскрыл глубокие причины общего недовольства, приведшие к революции, и показал, что во Ф. только раньше, чем в остальной Европе, начался процесс разрушения остатков феодального строя и демократизации общества, могущей принимать и даже легко принимающей абсолютистские формы. Вообще влияние Токвиля на французскую историографию (не одной только революции) было громадным, историографию же самой революции позволительно делить на дотоквилевский и послетоквилевский периоды.

Значение другого труда о революции, вышедшего в эпоху Второй Империи, „Революции“ *Кине*, гораздо менее важно, но и он характеризует момент. Кине, бывший близким другом Мишле, выступает в своей книге благожелателем революции, желающим указать ошибки революционеров, чтобы ответить на вопрос, почему французы не сумели быть свободными. Подобно Токвилю, он видит причину этого в историческом воспитании нации, которую старая монархия не приучила уважать индивидуальную свободу. В работах Токвиля и Кине проявляется, впервые во французской историографии, критическое отношение к революции не во имя отживших свой век идеалов старого порядка, а во имя принципа свободы, отношение критическое после того апологетического, какое мы находим у Минье и у Тьера, и даже панегирического, каким отличаются Мишле и Луи Блан. Таким образом, в середине XIX века в историографию революции начинает проникать научный дух, которому, однако, долго еще пришлось бороться с патриотическими легендами и партийными традициями, образовавшимися еще во время самой революции.

Следующим за работами Токвиля и Кине крупным трудом по истории французской революции было „Происхождение современной Ф.“ *Тэна*, отдельные тома которого выходили в свет в течение почти двадцати лет (1875—1893). Этот труд, написанный автором уже очень известным тогда своею талантливостью и своим вольномыслием, в духе крайнего пессимизма, произвел сильную сенсацию во французском обществе: многие поклонники Тэна от него отшатнулись, и, наоборот, горячими его поклонниками сделались его прежние враги. В своей книге этот новый историк революции сосредоточил все, что только можно было сказать отрицательного о ней, хотя в то же время не менее отрицательно его отношение и к старому порядку и к наполеоновскому режиму. Собирание и изображение грехов революции писателями, вовсе не бывшими сторонниками старого порядка или бонапартизма, далеко не было новостью во Ф. Например, этим делом в течение двадцати лет (1862—1881) занимался *Мортимер-Терно* в своей „Истории террора 1792—1794 годов на основании подлинных и неизданных документов“, которой вышло восемь томов, а могло бы быть и больше, если бы автор тогда не умер, но этот труд не возбудил никакой сенсации в обществе, так как Мортимер-Терно принимал самое революцию, неприемлемым же для него был только террор. То же самое можно сказать о *Валлоне*, который в семидесятых-восьмидесятых годах опубликовал массу материалов о терроре и о революционном суде. Тэн, наоборот, не принимал самой революции ни в ее идеях, ни в поступках вообще ее деятелей и народных масс. Между тем он говорил, что хочет в своем исследовании происхождения современной Ф. уподобиться натуралисту, бесстрастно изучающему метаморфозы насекомого. На этой постановке задачи несомненнейшим образом сказалось влияние Токвиля. Тэн, как и он, изучает сначала старый порядок (т. I), потом революцию (т. II—IV) и, наконец, порожденный ею порядок новый (т. V—VI), но у него не было ни объективизма Токвиля, ни его государственных знаний, ни его социологического подхода: до работы над французской революцией Тэн занимался философией и психологией, литературой и искусством. Нужно добавить, что и Тэн считал необходимой архивную работу. В общем его труд можно назвать патологией французской революции, в которой во всяком случае много ценного материала, преподносимого читателю в блестящей форме.

Следующим крупным трудом по французской революции были восемь томов под общим заглавием „Европа и французская революция“ *Сореля*. Уже прежние историки, рассказывавшие события эпохи, не обходили молчанием и внешнюю ее историю, дипломатические сношения Ф. с другими державами и вызванные ею столкновения с ними. Сорель сделал из этой внешней истории центр тяжести своего исторического труда, следя постоянно за тем, как эта внешняя история отражалась на событиях внутренней. Данная сторона истории революционной эпохи уже ранее была исследована немецким историком Зибелем (см. ниже), но Сорель отнесся к своей теме по-новому, усвоив точку зрения и метод Токвиля, который указал на то, что французская революция была только одним из проявлений процесса, совершавшегося во всей Европе, и что все новое имеет уже свои корни в прошлом, а старое продолжает тяготеть на новом. Как и Тэн, Сорель посвящает первый том своего труда нравам и традициям старого порядка, часто переживавшим революцию или в ней оживавшим.

К тому времени, когда начал выходить труд Сореля, подходило к концу первое столетие 1789 г. Оживление исторического интереса к старому порядку, вызванное книгой Токвиля и давшее в шестидесятых годах такие книги, как труды Шассена и Понсена о наказах (см. выше), очерк состояния Ф. в 1789 г. *Буато* (1861), „Провинциальные собрания при Людовике XVI“ *Лаверня* (1863) и т. п., с еще большею силою продолжалось и в семидесятых и восьмидесятых годах, когда неутомимый и плодовитый *Бабо* издавал свои, основанные на архивном материале, книги о городе Труа (1871 и 1873), о деревне и сельском быте при старом порядке (1877 и 1883), о городах при старом порядке (1880), о буржуа, ремесленниках и слугах тех же времен (1886), о Париже в 1789 г. (1889), о военном быте перед революцией (1889-1890) и пр. Но Бабо был только один из многих местных архивистов, начавших работать над историей провинциальной старины, рядом с которыми действовали историки разных учреждений дореволюционной Ф., между прочим и финансовых. Это было началом совершенно новой исследовательской работы, и к этой же эпохе относится начало издательской деятельности по опубликованию исторических материалов. В 1867 году было предпринято грандиозное издание „Парламентских Архивов“, как названо было собрание протоколов законодательных собраний и других документов (напр., наказов 1789 г.

в первых семи томах первой серии). Теперь писались уже не только общие истории революции, но и частные монографии об отдельных предметах, имеющих к ней отношение. Приближался 1889 г., когда Ф. должна была отпраздновать столетний юбилей своей Великой революции. С восьмидесятых годов XIX века заметно стала расти литература об этом событии, в которой, между прочим, стали появляться и работы о ней историографического характера с критикой взглядов, высказывающихся о революции, как мы это видим в трудах *Шампиона* („Дух французской революции", 1887) и *Фежера* („Французская революция и современная критика", 1889), написанных, однако, с противоположных точек зрения: первый защищал революцию от ее „новейших хулителей", другой как раз приветствовал „современную критику". Самым, однако, важным показателем научного духа, начавшего проникать в историографию революции, была вышедшая в свет в 1884-1886 годах трехтомная книга *Шерэ* „Падение старого порядка", в которой речь идет о двух годах, предшествовавших революции. Автор этой книги был консерватор, поставивший себе задачей показать, что революция была вовсе не нужна для Ф., но когда он стал изучать источники, то пришел к противоположному выводу о неизбежности революции при том положении, в каком очутилась страна вследствие политики правительства и привилегированных сословий и в частности начавшейся в то время феодальной реакции. Если Тэн, обещавший быть беспристрастным натуралистом, на деле оказался пристрастным публицистом, то с Шерэ случилось противоположное: труд, предпринятый с публицистической целью, вышел, наоборот, высоко научным.

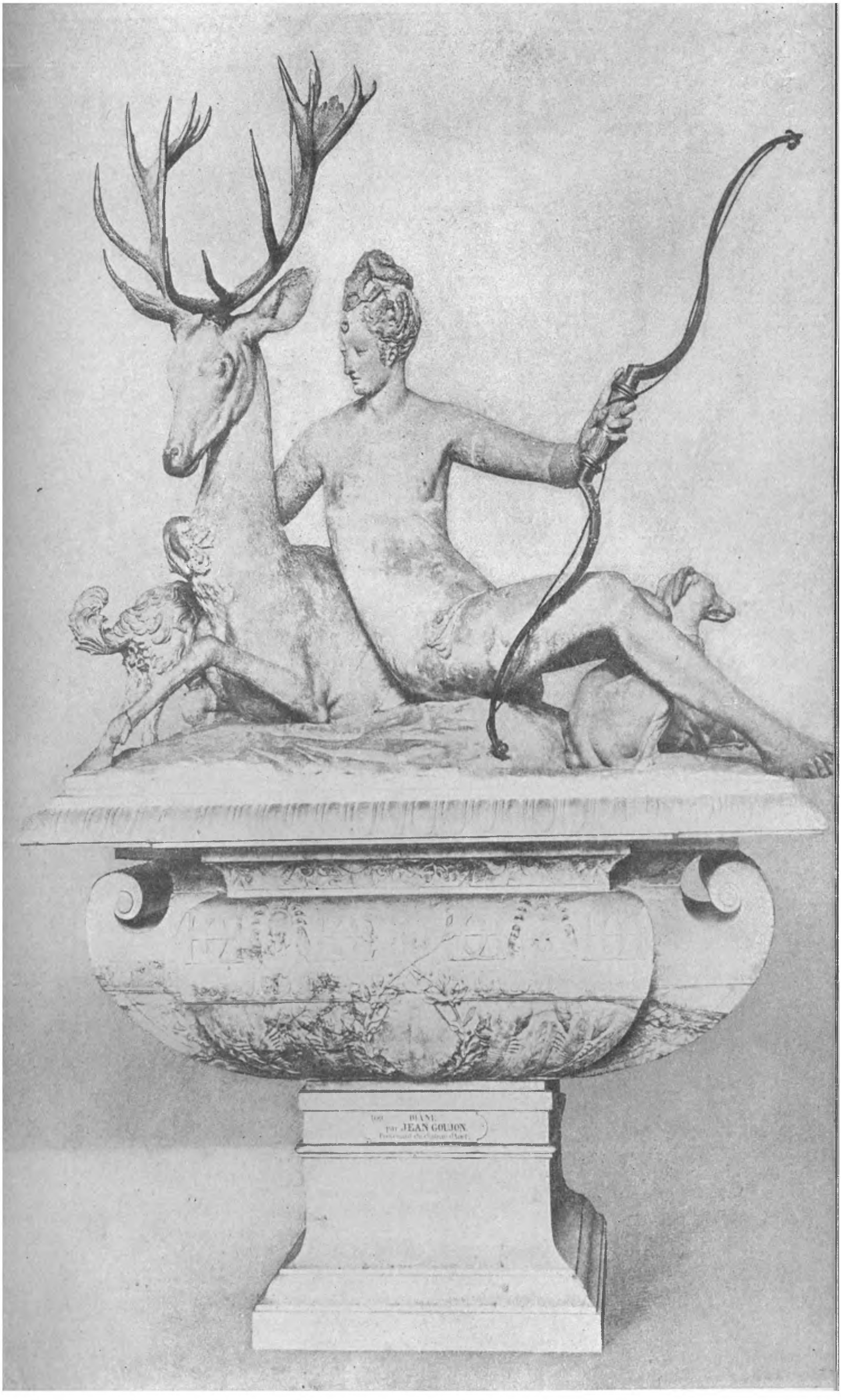
Богатую юбилейную литературу 1889 г. можно охарактеризовать, как того заслуживают всякие юбилейные издания. Исключение представляют собой сравнительно немногие исследования, насыщенные фактами, как „История французского общества", братьев *Гонкуров*, работа *Левассера* о населении Ф. перед 1789 г., „Париж в 1789 г." *Бабо*, „1789 г." *Ипполита Готье*, произведение интересное для истории тогдашнего быта. Гораздо более важное значение, чем вся эта юбилейная литература, имело то обстоятельство, что в связи с юбилеем революции возникли особое ученое Общество для изучения революции, посвященное работам о ней периодическое издание и специальная кафедра истории революции в Парижском университете. „Общество истории французской революции" образовалось в 1880 г. из особого комитета, долженствовавшего подготовить юбилейное празднование. В следующем году начал выходить в свет исторический журнал „Французская революция". В связи же с юбилеем парижский муниципальный совет основал в Сорбонне и кафедру истории революции. Всем трем новым учреждениям поставлена была одна и та же задача совершенно в духе французской историографии последней трети XIX века, т. е. научного исследования детальных вопросов и издания архивных документов, чему на помощь пришло и правительство. Мало по малу в этой работе выдвинулся *Олар*, сделавшийся профессором истории революции, и редактором посвященного ее изучению журнала, и председателем названного общества. Впоследствии основывались и новые общества и новые исторические журналы для изучения революции. Из них более прочным и продуктивным оказалось возникшее в 1907 г. „Общество робеспьеровских штудий" с периодическим органом „Революционные Анналы", позднее „Исторические Анналы французской революции". Главным деятелем здесь явился проф. безансонского (потом дижонского) университета *Матьез*. Руководители обоих обществ, Олар и Матьез, сами много писавшие по истории революции, много еще издавали разных исторических документов.

С юбилейного года вообще издание исторического материала, касающегося революции, получило грандиозное развитие, особенно благодаря участию в этом деле министерства народного просвещения, города Парижа, указанных обществ и т. д. Наиболее важными публикациями в следующие годы были: „Собрание документов по истории Парижа во время революции" (1889 и сл.), „Сборник документов для истории Якобинского клуба в Париже" (1897 и сл.), „Акты Парижской Коммуны во время революции" (1894 и сл.), сборник „Париж во время термидорианской реакции и при Директории" (1898 и сл.), „Сборник документов по созыву Генеральных Штатов" (1894 и сл.), „Сборник актов Комитета общественного спасения" и др. Эта издательская деятельность продолжалась и в первые десятилетия XX века. К этому периоду относится возникновение „Собрания документов по экономической истории французской революции" (1906 и сл.), „Сборник актов Директории" (1910 и сл.), „Акты революционного правительства" (1920 и сл.) и т. п. Продолжались и некоторые старые издания, как „Акты Комитета общественного спасения", двадцать пятый том которых вышел в 1918 г.

Рядом с печатанием архивного материала большое развитие получила исследовательская деятельность целого ряда ученых во всей Ф. по части местных обстоятельств, отдельных событий и эпизодов, лиц и т. д., разных деталей и пр. и пр. Росли и историографические пособия в роде „Репертория рукописных источников по истории Парижа во время революции" *Тютэ*, „Библиографии истории Парижа во время революции" *Турне*, „Обзора работ по экономической истории французской революции" *Буассонада* (1906), „Практического руководства для изучения французской революции" *Карона* (1912) и др. Вообще при Третьей республике, особенно около юбилейного года, историческое изучение французской революции вступило в новый период, который характеризуется специальным и детальным изучением частностей, усиленным обращением к архивным источникам, соединением частных усилий для достижения общих целей, внесением в работу научного духа и развитием специального преподавания истории революции с университетских кафедр. В конце XIX века появилось и несколько капитальных монографий, кроме более ранней „Истории рабочих классов и промышленности во Ф. с 1889 г." *Левассера*, „Гражданское законодательство французской революции" *Саньяка* (1898); „Финансы старого порядка и революции" *Стурма* (1885), „Финансовые причины французской революции" *Гомеля* (1892—1893). Отметим еще, что с середины XIX в. во Ф. необычайно развилась литература по истории революции в провинциях, а также литература биографическая об отдельных деятелях революции. В последнем отношении наиболее заслуживающими внимания авторами являются: *Маделен* о Фуше (1905) и о Дантоне (1914), *Барду* о Лафайете (1892—1893), *Ломени* о Мирабо и *Барту* о нем же (1913), *Добан* о г-же Ролан, *Амель* о Робеспьере, *Шевремон* о Сен-Жюсте, *Дюкуайе* о Фукье-Тенвиле, *Эррио* о Марате и др.

В самом начале XX века историография французской революции обогатилась двумя капитальными трудами, авторами которых были *Олар* и *Жорес*. Первый, как мы видели, приобрел известность в качестве специального профессора истории революции в Сорбонне, редактора исторического журнала и председателя Общества истории французской революции. Под его редакцией вышло не мало изданий документов и из под его пера—ряд таких исследований, как: „Ораторы французской революции" (1882), „Культ Разума и культ Верховного существа" (1892), „Состояние Ф. в VIII и IX годах республиканской эры" (1897) и др. В 1901 г. он издал „Политическую историю французской революции" с подзаголовком „Происхождение и развитие демократии и республика". Эта—исключительно внутренне-политическая история, т. е. история политического законодательства, политических партий, политических принципов, основанная на критическом пересмотре сложившихся обо всем этом представлений, опирающаяся только на документальные данные, и с принципиальным недоверием относящаяся к мемуарам. После выхода в свет этого труда Олар продолжал печатать разные специальные работы, из которых наибольший шум наделала его критика труда Тэна (1907).

В один год с „Политической историей" Олара известный парламентский вождь социалистов Жорес выпустил в свет первый том своей громадной „Социалистической истории", который со следующими тремя томами и еще одним, написанным Девилем,


DIANE
par JEAN GOUJON

Французское искусство.

Жан Гужон (род. ок. 1510 г., ум. ок. 1568 г.). Диана.

(Париж, Лувр).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

составляет историю революции. Особенностью этого труда является стремление автора осветить экономическую сторону революции, для чего им собран был большой материал, касающийся преимущественно рабочего класса, промышленности и торговли. Жорес выступает в своей истории марксистом, во довольно-таки неправоверным, заявляя, что многое в его труде ведет начало из идеализма Мишле. Задуманный для чтения рабочих и крестьян, но слишком громоздкий для этого, труд Жореса совершенно лишен каких бы то ни было библиографических ссылок, что составляет его крупный недостаток.

Остается упомянуть о последних общих трудах о французской революции. Во Ф. никогда не было недостатка в небольших историях французской революции для самой широкой публики. Таковы были, напр., во второй половине XIX века книжки *Карно* (1870) и *Рамбо* (1883), из которых второй написал еще „Историю современной (французской) цивилизации". К этой же категории относится „Революция" *Маделена* (1912), написанная в очень критическом духе. Для большой же публики написаны два первые тома очень важной коллективной „Истории современной Ф. от революции до мира 1919 года" под редакцией *Лависса*, составленные — один *Саньяком*, автором „Гражданского законодательства" (см. выше) и „Революции 10 авг." (1910), другой—*Паризэ*. Наконец, в 1924 г. выпустил в свет два первых томика своей истории революции председатель другого исторического общества и редактор другого исторического журнала (см. выше) *Матьез*, автор большого количества работ о революции, из которых более важны посвященные религиозной стороне революции („Теофилантропия и декадарный культ", „Происхождение революционных культов", „Революция и церковь", „Рим и французское духовенство при Учредительном Собрании" и др.), а также Робеспьеру („Робеспьер-оратор", „Робеспьер-террорист" и самая последняя книга „Вокруг Робеспьера", 1925). Наиболее видными монографическими трудами по революции из ближайшего к нам времени являются: „Религиозная история французской революции" *Дебидура*, „Коммуна 10 августа" *Брэша*, многочисленные книги *Ленотра* („Революционный Париж", „Варенненская драма", „Сентябрьские убийства" и пр. и пр.). Матьез, кроме того, взял на себя общую редакцию написанных Жоресом четырех томов „Социалистической истории" для нового издания этого труда (уже в двадцатых годах).

По французской революции существует литература и в других странах. В Бельгии и Италии, которые испытали на себе влияние революции во время их завоевания французами, разрабатывалась, главным образом, эта сторона тогдашней истории, но в Бельгии, кроме того, был написан большой труд о революции в самой Ф. в виде XIII и XIV томов известного произведения *Лорана* „Этюды по истории человечества", выходившего в свет в шестидесятых годах прошлого века. Лоран был большим врагом клерикализма и относился к католицизму, как воинствующий деист в духе философии XVIII века, вследствие чего в его труде была разработана, главным образом, религиозная сторона французской революции, равно как ее международное значение, которым он интересовался с точки зрения права национальностей, провозглашенного революцией. В Англии интерес к французской революции вызвал в самом же ее начале большую публицистическую литературу как против (*Берк*), так и за (*Маккинтош* и др.), но историки ею занимались мало. Единственным крупным и оригинальным трудом в английской литературе в этом отношении является знаменитая „Французская революция" *Карлейля*, изданная им еще в 1837 г. и переводившаяся потом на разные языки. Это—очень своеобразное произведение, которое многими характеризуется скорее, как поэма, нежели история, хотя факты в ней переданы верно, и общий дух революции схвачен с удивительной интуицией. Книгу Карлейля во французской историографии более всего напоминает история революции Мишле. Из общих трудов заслуживает еще внимания VIII том „Кэмбриджской новой истории", под редакцией лорда *Актона;* отдельные главы тома принадлежат разным авторам, не всегда стоящим на высоте современной науки. Из монографических работ на английском языке для истории революции ценны следующие: *Магап*, „Влияние морской силы на французскую революцию и Империю" (1893); *Стефенс*, „Главные речи государственных людей и ораторов французской революции" (1892); *Доуден*, „Французская революция и английская литература" (1897); *Альджер*„ „Англичане во французской революции" (1897); *Э. Смит*, „Английские якобинцы" (1881). Кроме того, есть несколько английских биографий деятелей революции: Лафайета (*Bayard-Tuckerman* и *Tower*), Дантона (*Beesley*, *Belloc*, *Warwik*), Талейрана (*Marison*), Барнава (*miss Bradley*) и др. Книга *miss Ellery* о Бриссо, вышедшая в 1915 г.,—американская.

Гораздо больше англичан сделали для истории французской революции немцы, у которых тоже в самом же начале, как и у англичан, была о ней публицистическая литература (*Фихте*, *Генц* и др.) и которые, подобно бельгийцам и итальянцам, испытали на себе завоевательную политику революции, не говоря уже о культурном влиянии Ф. на Германию. Об этом влиянии и о франко-германских политических отношениях во время революции есть специальная литература. Немцы вообще рано начали писать историю французской революции (*Шлоссер* в „Истории XVIII в.", *Вакемут* и *Шютц* и др.), но первое вполне научное отношение к ней мы находим в первом томе книги *Лоренца Штейна* „История социального движения во Ф. от 1789 года до наших дней" (1850), где была вскрыта социальная ее подоплека в борьбе классов. Лоренц Штейн уже писал под влиянием событий 1848 года, в которых такую видную роль играл социализм, уже раньше (1842) бывший предметом исследования Штейна, вследствие чего он и в самой революции искал первые проявления социалистических и коммунистических идей. Вскоре после этой книги вышел первый том громадной „Истории революционного времени" *Зибеля* (1853), законченной только в 1879 году. Здесь французская революция изучается на фоне общеевропейской политики конца XVIII века и в связи с двумя другими крупными событиями того времени, а именно с падением Польши и разложением Священной римской империи германской нации. Зибель много работал в немецких и иностранных архивах, ввел в научный оборот много фактов, высказал немало важных соображений, но его труд портит его резко-прусская точка зрения,— обстоятельство, очень невыгодно отличающее его, *Зибеля*, от Сореля (см. выше), более объективного и широкого. Очень полезным в свое время и до сих пор не утратившим значения пособием является „История французской революции" *Гейсера*, образовавшаяся из его курса университетских лекций (1867). Впрочем, таких второстепенных книг по истории французской революции немало, начиная хотя бы с двух томов *В. Онкена*, посвященных революции, Первой Империи и освободительным войнам в его многотомной „Всемирной истории в отдельных изложениях" (1884—1887). С конца XIX века история французской революции стала изображаться и с марксистской точки зрения. Главными произведениями в этом отношении являются „Противоречия классовых интересов 1789 года" *Каутского* (1889), популярная история французской революции *Блосса* и книга *Кунова*, получившая в окончательной редакции заглавие: „Партия великой французской революции и ее пресса" (1908 и сл.).

Есть в немецкой исторической литературе также ряд работ, касающихся отдельных вопросов, каковы: „Консервативные элементы Ф. накануне революции" *Гуглия*, „Попытки реформ и падение абсолютизма во Ф." *Глогау* (1905) и „Прелиминарии французской революции" *Адальберта Валя* (1905—1907), „Очерки аграрных отношений и аграрных проблем во Ф. XVIII века" *Вольтерса*, „О распределении поземельной собственности во Ф. перед 1789 г." *Дармштеттера*, „Декларация прав" *Иеллинека*, книги *Цинкейзена* и *Коха* о якобинцах (1852—3, 1904), *А. Шмидта* и *Экхарта* о терроре и т. п. Из биографий отметим написанные *Альфредом Штерном* (Мирабо), *Зельмой Штерн* (Клоотс) и пр.

Русская литература о французской революции относится лишь к концу XIX века, но уже первые

ее произведения обратили на себя внимание во Ф. и позволили таким ее ученым, как Олар и Жорес, говорить об особой „русской школе“ в историографии французской революции. Ее характерною чертою был признан преобладающий интерес к социально-экономической стороне истории, к аграрным отношениям и к крестьянству, равно как к рабочему классу. Если все главные общие истории революции, кроме Мишле, существуют в русском переводе, то таких же оригинальных трудов, которые могли бы итти в сравнение с книгами Карлейля в Англии или Зибеля в Германии, у нас не имеется, и вся сила „русской школы“ заключается в частных работах. Весь их ряд был открыт статьей *В. И. Герье* „Республика или монархия установится во Ф.“ (1873), за которою последовали другие: о политических теориях Руссо (1882) и Мабли (1883 и 1887) и о наказах 1789 г. (1884), изданные впоследствии в виде обобщающей книги „Идея народовластия и революция 1789 г.“. В течение нескольких лет (1878—1895) Герье следил за выходом отдельных томов Тэна, о которых давал критические отчеты, переделанные потом, но уже без критики, в особую книгу „Французская революция в освещении И. Тэна“ (1907). Свои статьи о Мабли он переделал во французскую книгу (1886). Первым начавшим архивную работу над специальной темой по данной эпохе был *Н. И. Кареев*, издавший в 1879 г. диссертацию „Крестьяне и крестьянский вопрос во Ф. в последней четверти XVIII века“, а позднее написавший несколько работ по экономической истории революции и особенно по истории парижских секций, за которыми последовали „Великая французская революция“ (1918) и трехтомный обзор „Историки французской революции“ (1924—1925). Особенно же много аграрной историей Ф. до и во время революции занимался *И. В. Лучицкий*, посетивший ради этого два с половиной десятка провинциальных архивов и напечатавший несколько книг и статей (главные из них: „Крестьянское землевладение во Ф. накануне революции“ (1900) и „Состояние земледельческих классов во Ф. накануне революции и аграрная реформа 1789—1793“ (1912). Много для этого вопроса сделал *М. М. Ковалевский*, который занялся также состоянием обрабатывающей промышленности и положением рабочих в своем широко задуманном и крупном „Происхождении современной демократии“ (1895), где дается общая картина старого порядка, в государственном, общественном и хозяйственном отношениях, излагаются политические, социальные и экономические теории эпохи, равно как конституционное и гражданское законодательства Учредительного Собрания. У Ковалевского есть и специальный этюд о происхождении мелкой поземельной собственности во Ф. (1912). Еще больше, чем Ковалевский, для истории французских промышленных рабочих сделал *Е. В. Тарле* в двух томах своей диссертации „Рабочий класс во Ф. во время революции“ (1909—1911), положив в основу этого труда архивные документы. Кроме всех этих трудов, заслуживают внимания следующие книги, некоторые из коих были написаны тоже по неизданным источникам: „Провинциальная администрация во Ф. в последнюю пору старого порядка“, *П. Н. Ардашева* (1900—1906); „Выборы 1789 г. во Ф. и наказы третьего сословия, с точки зрения их соответствия истинному настроению ю страны“, *А. М. Оку* (1908); „Догматика положительного государственного права во Ф. при старом порядке“, *В. Ф. Тарановского* (1911); вторая половина первого тома книги *В. М. Устинова* „Учение о народном представительстве“ (1912); „Руссо и Декларация прав“, *Г. Д. Гурвича* (1918), „Барнав“, *Попова-Ленского* (1924).

В заключении обзора литературы по французской революции остается указать книгу, написанную русским, но на французском языке, и переведенную по-русски только через несколько лет после появления оригинала. Это—„Великая французская революция“, *П. А. Кропоткина*, книга, своеобразие которой заключается в подходе к революции с точки зрения теоретического анархизма, что делает это произведение единственным во всей историографии революции.

IV. Новейшее время. Непосредственным продолжением революционной эпохи была наполеоновская, которая в одних отношениях была контр-революцией, в других — консолидацией приобретений революции и распространением многих ее принципов и учреждений вне Ф. Некоторые историки революции даже прямо включали наполеоновскую эпоху в свои книги (Минье, Бюше, Сорель), да и Олар относит ее первые пять лет в историю революции. В рассмотрении этой эпохи следует различать ее внешнюю (дипломатическую и военную) сторону, имеющую общеевропейское значение, и сторону внутреннюю, касающуюся только политических, социальных, экономических отношений в самой Ф. История Наполеона, давшего свое имя эпохе, начала писаться еще при самом Наполеоне, но это была исключительно история внешняя и притом чисто официальная. Только вне Ф. было возможно критическое отношение к личности Наполеона (Вальтер Скотт, Шлоссер и др.). Вся ранняя литература о нем решительно устарела вплоть до знаменитого труда *Тьера* „История Консульства и Империи“, начавшего выходить в свет в 1845 г. и оконченного только в 1862 г. Заключая свою „Историю французской революции“, Тьер по поводу 18 брюмера писал, что Наполеон приходил в мир о таинственной миссией для продолжения революции под монархическими формами, хотя бы и без свободы, для которой еще не настало время. Весь этот труд Тьера получил характер настоящего прославления Наполеона в духе той легенды, которая создалась о нем во Ф. в эпоху реставрации, и даже содействовал оживлению бонапартизма при Людовике-Филиппе. Окончилась „История Консульства и Империи“ при Наполеоне III, с своей стороны способствовавшем укреплению культа первого императора французов. Общий взгляд Тьера на Наполеона I вызвал в начале шестидесятых годов резкую оппозицию со стороны,—что характерно,—двух швейцарцев, которые могли свободно писать о Наполеоне. Один из них был *Ланфре*, который еще в 1861 г. критиковал сочинение Тьера, а потом вскоре, в противовес французскому историку, сам предпринял „Историю Наполеона I“, пять томов которой выходили один за другим от 1867 до 1875 года, но которую автор успел довести только до 1811 года. В изображении Ланфре Наполеон является врагом внутренней свободы и угнетателем других народов, создавшим систему официальной лжи и произвольного управления. Вся книга получила полемический характер против Тьера, нашедшего критика и в лице *Барни*, автора книжки „Наполеон I и его историк Тьер“ (1865), где подвергся уничтожающей критике не только автор „Истории Консульства и Империи“, но и его герой, как „первый контр-революционер“, по определению г-жи Сталь. Во Ф. эта книжка была строго запрещена. Здесь, наоборот, делалось все, что только было можно, для прославления Наполеона. Царствовавший во Ф. его племянник тщательно охранял государственные архивы от возможных разоблачителей, а официальное издание „Корреспонденции Наполеона I“ велось так, что в него не попадали сколько-нибудь компрометирующие документы, особенно из революционного периода. Полнее печаталась вторая серия „Парламентских архивов“ (см. выше), где нашли себе место протоколы законодательных учреждений Консульства и Империи. Только Третья республика открыла для исследователей государственные архивы, чем ранее других воспользовался *Юнг*, биограф Бонапарта до 18 брюмера в книге „Бонапарт и его время по неизданным документам“ (1878). Обличительная тенденция и этой работы явствует хотя бы из обвинения автором родителей Наполеона в подлоге, будто-бы учиненном при помещении мальчика в школу на казенный счет. Из архивов стали извлекаться бывшие раньше секретными документы, а также появляться хранившиеся под спудом мемуары людей, знавших Наполеона и бывших не очень лестного о нем мнения. Одни такие мемуары (*Шапталя*) еще до своего опубликования в 1893 г. попали в руки *Тэну*, который работал тогда над пятым томом „Происхождения современной Ф.“, где он дал, к крайнему негодованию бонапартистов, блестящую, но очень нелестную характеристику Наполеона. Последний у него рисуется, как кондотьер, хотя и гениальный, но мало образованный, еще того менее моральный, грубый и насильственный, давший Ф. организацию казар-

менного типа. За поруганную честь Наполеона заступился один из членов династии, принц Наполеон, выпустивший в свет возражение под заглавием „Наполеон и его порицатели“ (1887). Но у основателя Первой Империи нашлись и защитники, одним из первых среди которых был *Артюр Леви*, занявшийся в своей книге „Наполеон в интимной жизни“ (1893) восхвалением своего героя, как воплощения всяких добродетелей, нужных и в приватной и в общественной жизни каждому порядочному человеку. Вскоре он издал и другую книгу под заглавием „Наполеон и мир“, где знаменитый вопгель изображается, как миролюбивейший в мире государь, которого принуждали воевать его враги. Конец XIX века и начало XX века вообще были временем непомерного роста литературы о Наполеоне, что вызвало потребность в особых библиографических обзорах наполеоновской литературы итальянца *Лумброзо* (1894), основавшего в 1901 г. даже особый журнал „Наполеоновское обозрение“, и немца *Кирхейзена*, выступившего со своим пособием в 1902 году, а в 1925 г. выпустившего в свет уже пятый том своего труда „Наполеон I, его жизнь и его время“, а перед самым началом мировой войны и один француз *Э. Дрио*, автор многих работ об эпохе, предпринял издание периодического „Обозрения наполеоновских штудий“ (1912). Очень важное место в этой литературе заняли книги о самом Наполеоне, его воспитании, его характере, его семейных отношениях (многочисленные работы *Массона* в конце XIX в., а также произведения *Шюке*, *Маркаджи*, *Колена*, *Депре* и др. из начала XX столетия). Особыми научными и литературными достоинствами отличаются книги *Вандаля* „Наполеон I и Александр I“ в трех томах (1891—1896) и „Возвышение Бонапарта“, первый том которого вышел в 1902 г. Не исчерпывая здесь всех названий трудов о Наполеоне, мы назовем только некоторые имена: немцев,—*Фурнье*, издавшего в 1886—1887 г. компактную его историю, и Кирхейзена; англичан—*Сили*, *Холленд Роза*, *Слона*; итальянца *Бельтрами*; в России—*А. Трачевского* (1907), *П. Ковалевского* (1901), и т. д. Место Наполеона в истории Европы освещено в последних томах большого труда Сореля, в целом ряде работ Дрио и т. д.

Обращаясь к внутренней истории Консульства и Империи, можно назвать целый ряд работ, освещающих отдельные ее моменты и стороны. Внутреннее состояние Ф. 18 брюмера было изображено на основании архивного материала *Рокеном* в книге, которая так и называется (1874). В 1897 г. Олар издал сборник документов о состоянии Ф. в первое время Консульства (ср. выше). Но таких общих обзоров сравнительно мало, а разработаны, главным образом, специальные вопросы о законодательстве Наполеона, о его полицейском режиме, о конкордате с папой (между прочим, в капитальном труде *Дебидура* об отношениях между церковью и государством во Ф. с 1789 г.), о положении во Ф. печати и учебного дела, об экономической политике Наполеона (особенно в русской книге: *Е. Тарле*, „Континентальная блокада“, 1913). Особую отрасль литературы о наполеоновской эпохе представляют собой книги о падении Первой Империи.

После переходной эпохи от Первой Империи к реставрации, нашедшей среди новейших историков исследователя в лице *Акри Уссэ* (Houssay), во Ф. на время утвердилась старая династия Бурбонов. Эпоха реставрации характеризуется борьбою между представителями старого порядка и преемниками революции, что отразилось и на литературе об этой эпохе, поскольку изображения последней имели сочувственный по отношению к ней или отрицательный характер. Первые общие труды о реставрации старого историка революции—*Лакретеля* (четыре тома, 1829 и сл.) и *Капфига* (10 томов, 1831 и сл.) отличались еще некоторою умеренностью, но следовавшие за ними *Любе* (6 томов, 1837 и сл.) и *Дюлора* (8 томов, 1835) заняли крайние позиции, первый в роялистическом духе, второй в оппозиционном, пока *Волабель* (6 томов, 1844 и сл.) и отчасти *Ламартин* (8 томов, 1851 и сл.) не сделали попытку более беспристрастного отношения к своему предмету. Все эти авторы, писавшие столь объемистые произведения, кроме Лакретеля, не были профессиональными историками, а публицистами, более „доказывавшими“, нежели „рассказывавшими“. Более научный труд, совершенно упразднивший предыдущие, издал тоже в десяти томах между 1857 и 1871 годами *Дювержье де Горанн* под заглавием „История парламентского правления во Ф.“. Его намерением было включить в рассмотрение и Июльскую монархию, но он успел довести изложение только до 1830 г., собрав громадный материал и внеся в изображение эпохи некоторый объективизм, несмотря на свою принадлежность к либералам. Однако, критическое отношение этого историка к роялистической партии побудило одного из наиболее крайних ее представителей, *Неттемана*, написать свою историю реставрации, вышедшую в свет в восьми томах между 1860 и 1872 годами. Гораздо еще большую по размерам историю эпохи (в двадцати томах, 1860—1878) написали *Вьель Кастель*, занявший среднюю позицию между Дювержье де Горанном и Нетгеманом, чему способствовало то, что автор ограничивается исключительно рассказыванием, ничего не пытаясь доказывать. После Вьель Кастеля уже никто почти не брал на себя труда столь подробно повествовать об эпохе реставрации. Ни двухтомная книга *Дареста* (1879), ни двухтомная же история *Амеля* (Hamel, 1887) не внесли в историографию реставрации ничего нового, не говоря уже об изображении эпохи в более общих трудах в роде „Социалистической истории“ Жореса (см. выше) или в „Истории Ф. с 1789 г.“ под ред. Лависса. С историей реставрации произошло то же, что и с историями двух предыдущих эпох, когда за периодами исключительно больших общих трудов наступали периоды разработки частных вопросов. Начало такому направлению было положено в семидесятых годах *Тюро-Данженом* в его книгах „Роялисты и республиканцы“ (1874) и „Либеральная партия при реставрации“ (1876) и *Э. Додэ*, автором книг о министерстве Мартиньяка (1875) и о белом терроре (1878), и общего обзора эпохи (1882), при чем оба историка проявили монархическую тенденцию. Особенно посчастливилось в начале XX века вопросу о введении во Ф. в 1814 г. парламентского строя, когда работы об этом сразу издали *Бартелями* (1904), *Боннефон* (1905), *Мишон* (1905), *Симон* (1906), после чего о том же в России писал *А. С. Алексеев* (1914). Около того же времени *Вейль* написал общую историю либеральной партии во Ф. (1900), а специально об этой партии в эпоху реставрации, притом на основании архивного материала, издал диссертацию *В. А. Бутенко* „Либеральная партия во Ф. в эпоху реставрации“, первый том которой вышел в 1913 г., а некоторые главы второго пока появились только отдельными статьями в разных сборниках. К числу монографических обработок эпохи принадлежит еще ряд выдающихся работ. Наприм., кроме общей истории печати во Ф. *Атена* (Hatin), о том же по отношению к реставрации есть работы *Дэ-Гранжа*, *Брюле* (1907), *Кремье* (1912) и др. Обширна также мемуарная и биографическая литература.

Общие истории Июльской монархии не так многочисленны и не так обширны, как истории реставрации. Первым, кто еще при Людовике-Филиппе взялся за историческое изображение эпохи, был *Луи Блан*, будущий автор „Истории французской революции“. В 1840 г. он выпустил в свет в пяти томах „Историю десяти лет“, произведшую большую сенсацию в обществе не только своим резким обличительным тоном, но и массою фактов, до того времени оставшихся неизвестными публике. Большого научного значения книга теперь не имеет, но ее историческое значение очень велико в том отношении, что автор в ней впервые обратил внимание на социальные отношения эпохи и стал на общую точку зрения борьбы классовых интересов. Остальные истории царствования Людовика-Филиппа писались уже после февральской революции и притом больше в монархическом духе, как это можно сказать о книгах *Нубьона* (1857—1861), *Дю-Бле* (1877), *Тюро-Данжена* (семь томов, 1887—1892). Исключения представляют собою популярная книга *Грегуара* и отделы об Июльской монархии в более общих трудах. Гораздо выше по своим научным достоинствам „История Ф. от вступления на престол Людовика-Филиппа“ немецкого ученого

К. Гиллебранда, которая должна была охватывать время от 1830 до 1871 года, но была доведена только до февральской революции. Кроме того, этот автор издал отдельную книгу о перевороте 1830 г. („Июльская революция и ее подготовка", 1881), самый обстоятельный анализ этого события. Других отдельных произведений об июльской революции, рассказывающейся обыкновенно в общих трудах, не существует. Для Гиллебранда в этой его работе вся реставрация является „Vorgeschichte" июльской революции, — точка зрения, на какую стал в России к Июльской монархии и к февральской революции *Э. Д. Гримм* в первой части своей популярной книги „Революция 1848 года во Ф." (1908). Революцию 1848 года подготовляли республиканцы и их тайные общества (об этом—известный труд *De la Hodde*) и распространение социалистических идей. Еще в начале сороковых годов молодой в то время немецкий ученый, *Лоренц Штейн*, уже упоминавшийся выше среди историков французской революции, издал книгу „Социализм и коммунизм современной Ф.", с которого начинается научно-историческое отношение к социальному движению, как к движению пролетарскому и, следовательно, вся литература по истории новейшего социализма.

Литература по истории революции 1848 года очень обширна. Подобно Великой революции революция февральская породила массу мемуаров, написанных ее участниками и свидетелями. Некоторые из первых сами же делали попытки изложения ее истории, которые не могли быть объективными. Таковы книги *Ламартина* (1859), *Гарнье-Пажеса*, *Луи Блана*, написавшего свою книгу по-английски в 1858 г. (франц. пер. 1870), и др., а также и то, что Луи Блан писал о знаменитой Люксембургской комиссии (1849) или *Тома* о национальных мастерских (1850). Все это в настоящее время устарело, чего отнюдь нельзя сказать о статьях *Карла Маркса* о французских событиях в „Рейнской Газете" за 1850 год, изданных впоследствии (1895) в виде книги под заглавием „Классовая война во Ф. с 1848 до 1850". Верное понимание происходивших событий проявил и *Лоренц Штейн* в труде, названном выше в обзоре историков Великой революции. Позднейшие обработки истории революции 1848 года *Стерна*, *Робена*, *Ренара* (в „Социалистической истории" Жореса) не представляют собою вичего примечательного, как и книги о Второй республике *Тьера* (1873—1874), *Де ла Горса* (1887), *Спюллера* (1891).

О низвергшем Вторую республику перевороте 2 декабря 1851 года наибольшею известностью пользуются сочинения *Паскаля Дюпра* („Проскрипции Людовика Бонапарта, 1852), *Тэно* („Париж в декабре 1851 года", 1868), *Виктора Гюго* („История одного преступления", 1877), *Карла Маркса* („Государственный переворот Людовика Бонапарта").

Одним из первых историков Второй Империи после ее падения был *Таксиль-Делор*, начавший издавать свой шеститомный труд в республиканском духе в 1868 году, т. е. уже когда Империя падала и делалось возможным писать о Наполеоне III всю правду. Издававшиеся в шестидесятых годах книги о Второй Империи (*Жирара*, *Мюллуа*, *Мореля* и др.) были полны официальной лжи. Установившаяся во Ф. свобода печати сделала возможными разоблачения того, что прежде было секретом или просто даже оставалось неизвестным, и в этом смысле выходили в свет такие сенсационные книги, как, напр., „Тайны царствования Наполеона III" *Бомона-Васси* (1874) или „Секретные бумаги и корреспонденция Второй Империи" *Пюле-Малесси* (1877). „Иллюстрированная история Второй Империи" *Амеля* (Hamel, 1873) открывает собою целый ряд популярных изложений эпохи, к которым нужно причислить изложения *Андлера* и *Эрра* (Herr'a) в „Социалистической истории" Жореса. Более научную задачу поставил для своей большой „Истории Второй Империи" серьезный ученый, несколько, однако, консервативно настроенный *Де ла Горс* (1894 и 1896). Одновременно с ним начал издавать свою книгу „Либеральная империя" бывший министр в конце царствования Наполеона III, *Оливье*, в сущности, представляющую собою апологию его собственной деятельности. Первый том „Либеральной империи" вышел в 1894 году, последний (четырнадцатый) — в 1912, за год до смерти автора. В начале XX века тоже не было недостатка в новых работах о царствовании Наполеона III (*Тувенеля*, *Тома*, *Реньо*).

Одним из наиболее научных изложений Второй Империи считается то, которое дал немецкий историк *Булле* в посвященной этому периоду „Всемирной истории" *Онкена*. Конечно, нет недостатка и в чисто биографических работах о Наполеоне III и в книгах о его внешней политике, занимавшей столь видное место в его царствовании. Не приводя здесь вообще библиографии по истории войн, отметим только, что в 1875 году сделавшийся потом историком революции *Сорель* издал в двух томах капитальную „Дипломатическую историю франко-германской войны", события которой с наибольшим талантом были рассказаны в книге *Шюкэ* „Война 1870—1871 годов". Прибавим к этому указание на ряд книг об осаде Парижа (*Кине*, *Сарсе*, *Трошю*, *Тэна*, *Санье* и др.). Об образовавшемся тогда правительстве национальной обороны имеются книги *Жюля Фавра*, *Вальфрэ*, *Ривьера* и др.

Говоря об историографии Третьей республики, нельзя не поставить на первое место восстания Парижской Коммуны весной 1871 г. Это движение имело не только политический, но и социальный характер, и именно его революционное, социалистическое значение придало ему особую важность в глазах современников и потомства. О Коммуне поэтому писали многие вожди социальной революции, как *Карл Маркс*, *П. Л. Лавров*, *М. А. Бакунин*, *П. А. Кропоткин*, *В. И. Ленин*, рассматривавшие ее, как важный момент или этап в революционном процессе мирового масштаба. Уже в 1871 году, вскоре после подавления Коммуны, появилось во Ф. множество рассказов о ней или об отдельных ее сторонах и эпизодах (*Лефрансэ*, *Локруа*, *Ланжаля и Корье*, *Малона*, *Мендеса*, *Молинари* и пр.), но и потом не переставали появляться воспоминания о ней ее участников или свидетелей или исторические этюды о ней, иногда очень объективные, как трехтомный труд *Арну* (1878) или пятитомный *Максима Дюкана* („Содрогания Парижа"). Первый из них, как и *Лиссагарэ*, автор одной из наиболее читавшихся книг о Коммуне, является ее сторонником, второй выступает, как критик. Не называя здесь множества других (самый последний труд *Талеса* в 1924 г.), сделаем исключение для новейших (после 1917 г.) русских изложений истории Коммуны: *Быстрянского*, *Лукина*, *Молока*, *Степанова*. Коммуне отводилось также более или менее значительное место в общих историях Третьей республики, и том числе и во второй части XII тома „Социалистической истории" Жореса (автор—*Любрейль*).

Общих историй Третьей республики существует несколько, не считая тех ее изложений, которые имеются в „Социалистической истории" Жореса или в „Современной истории Ф." под редакцией Лависса (а также в продолжении с VI тома „Истории французов" Лавалле). Первый заслуживающий внимания труд об этом периоде был предпринят французским историком *Зевором* (1896 и сл.).

Самый же важный и капитальный по своей осведомленности принадлежит известному политическому деятелю и историку (писал о Ришелье и об интендантах, см. выше) *Ганото*, который в 1903 году издал первый том большой „Истории современной Ф." пока остановившейся в четвертом томе только на 1882 годе.

Дипломатическая история Третьей республики в первые два десятилетия ее существования изложена *Ипполитом* (Hippeau, 1888). В русской литературе имеются книги о Третьей республике (*Инсарова* и *Кудрина*). Сравнительная бедность в общих трудах по истории Третьей республики искупается чрезвычайным обилием работ об отдельных моментах, эпизодах, деятелях эпохи. Нашли своих историков попытки монархической реставрации в первой половине семидесятых годов (*Э. Додэ*, *Де Жуайе*, *Де Кастелян*, *Лю Бург*), республиканская конституция 1875 г. (*Луи Блан* и др.), политические партии Третьей республики (*Жак*, *Тест*, *Ришар*, *Бюиссон* и др.), министерства и министерские кризисы (*Окур*, *Мюэль*), экономическая жизнь (*Левассер*, *Виаллат*), социаль-



Французское искусство.

Франсуа Клуэ (род. ок. 1510, ум. в 1572). Елизавета Австрийская.

(Париж, Лувр).

ное движение (*Вейль, Поль Луи, Галеви, Шалле* и мн. др.), отделение церкви от государства (*Д'Эспанье, Вивер* и др.), буланжизм (*Верлю*), антисемитизм и дело Дрейфуса (*Лазар, Леруа-Болье, Леваньян, Рафаэль, Ж. Рейнак, Груссе, Бриссон, Дютре-Крозон* и пр.) и многое еще другое. Никогда, равным образом, не достигала такого развития биографическая литература о современных политических деятелях, как при Третьей республике, иногда даже еще при их жизни, большею частью же вскоре после их смерти. Особенно много было биографов у Тьера и у Гамбетты, двух наиболее видных деятелей в период основания Третьей республики. Все это характеризует ту быстроту, с какою во Ф., еще со времени первой революции, политическая жизнь становилась достоянием исторической литературы. Мы видели, что последняя отзывалась на жизнь сначала произведениями более общего содержания, и синтетические обзоры предшествовали аналитическим исследованиям. С середины XIX века революцию начали изучать не только en bloc, но и в деталях, и эта манера монографических изучений начинает заметно преобладать в историографии Третьей республики, которая, кроме того, все более и более отказывается от публицистических приемов, чтобы в большей мере удовлетворить требованиям исторической научности.

Одну из черт новейшей национальной историографии во Ф. представляет собою обилие солидных исторических трудов, обозревающих ту или другую сторону общественной и культурной жизни Ф. на протяжении более или менее длинных периодов, преимущественно с 1789 г. Некоторые из этих трудов достигли большой известности. *Левассер*, который еще в середине XIX в. издал историю рабочего класса во Ф. до 1789 г., через несколько лет продолжил ее от революции, при чем в издании, вышедшем в свет в начале XX в., были сделаны дополнения, когда автор напечатал еще большой том о вопросах, касающихся рабочих и промышленности при Третьей республике. Такие же общие исторические обзоры существуют для взаимных отношений церкви и государства с 1789 г. до самого последнего времени (*Дебидур*), для судеб во Ф. индивидуальной свободы (*Шалламель*), для развития народного образования во Ф. тоже после революции (*Грегр*) и высшего образования за тот же период (*Лиар*), для истории прессы (*Атен, Шалламель, Авенель*).

Современное состояние исторической науки во Ф. находится на очень высоком уровне. Можно сказать, что в работе над национальным прошлом участвует вся страна, поскольку местные деятели, преподаватели, архивисты, простые любители изучают прошлое своих провинций, своих городов и его место в истории всей Ф. Архивные документы издаются не в одном Париже, не одним правительством, не одними центральными организациями, но и на местах и местными силами. Университетские кафедры заполнены знающими специалистами, под руководством которых молодежь учится применять к историческому материалу строгие научные методы, постепенно вытесняющие прежние любительские приемы и более или менее публицистические подходы. Со второй половины XIX века существуют во Ф. специально исторические журналы, каковы: „Revue Historique", „Revue des questions historiques", „Revue du syntèse historique", „La Révolution française", „Annales historiques de la Révolution française", „Revue Napoléonienne" и мн. др., и даже в провинциальных городах существуют свои органы научного общения между местными историками. Такому блестящему состоянию исторической науки соответствует как популярная, так и учебная литература, заключающая в себе массу превосходных пособий.

Литература: *A. Molinier.* „Les sources de l'histoire de France". 1901. *G. Monod.* „Bibliographie de l'histoire de France". 1888. (Названо четыре с половиной тысячи сочинений по дореволюционной Ф.). *Его-же.* „Du progrès des sciences historiques en France depuis le XVI siècle" (Rev. Hist. 1876. I). *C. Julian.* „Extraits des historiens français du XIX siècle". 1897. *Chevalier.* „Repertoire des sources historiques du moyen âge". *Ch. V. Langlois.* „Manuel de bibliographie historique". 1901—1904 и (в сотрудничестве с L. Stein'ом) „Les archives de l'histoire de France" (1891—1893). Особенно см. „Le livre de cinquantenaire", поданную редакцией „Revue historique" в 1927 г. *Füter,* „Geschichte der neuren Historiographie". 1910. *A. Wolf.* „Einleitung in das Studium der neuen Geschichte". 1912. *Gooch.* „History and historians in the XIX century". 1912. *P. Herre.* „Quellenkunde zur Weltgeschichte". 1910. *Н. Петров.* „Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Ф". 1861. *П. Г. Виноградов.* „Очерки зап.-европ. историографии" (Журн. мин. нар. пр., 1883 и сл.). *И. М. Гревс* и *П. Д. Погодин.* „Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа" (Историческое Обозрение. 1892. IV). *Р. Ю. Виппер.* „Общественные учения и исторические течения XVIII и XIX веков" (1900). *О. А. Добиаш-Рождественская,* „Зап. Европа в средние века" („Введение в науку". История. Вып. 10. 1920). Для эпохи французской революции и для XIX века см. следующие труды: *P. Janet.* „Philosophie de la Révolution française" (1865). *A. Le-Roy.* „Les historiens de la Révolution française" 1881. *P. Boissonade.* „Etudes relatives à l'histoire de la Révolution française". 1906. *Caron.* „Manuel pratique pour l'étude de la Révolution française". 1912 (пятый том серии „Manuels de bibliographie historique"). *Mirkine-Guetzevitch.* Статьи в „La Fr." за 1925 г. о русских работах по революции. *Н. И. Кареев.* „Новейшие работы по истории французской революции", (Истор. Обозр. т. I. 1890); „Работы русских ученых по истории французской революции" („Изв. Политехн. Инст." и отд. 1904); „Что сделано в исторической науке по вопросу о положении французских рабочих перед 1789 годом" (там же и отд. 1911); „Эпоха франц. рев. в трудах русских ученых за последние десять лет" (Истор. Обозр. и отд. 1912); три выпуска, №№ 16—18, отдела истории в серии „Введение в науку", содержащие историограф. обзоры франц. револ., наполеоновской эпохи и новейшего времени, 1922—1923; „Историки французской революции" (три тома), 1924—1925. Из литературы об отдельных французских историках см. книги и статьи: *Jules Simon.* „Thiers, Guizot et Rémusat". 1885. *Его-же.* „Mignet, Michelet, Henri Martin". 1889. *G. Monod,* „Les maîtres de l'histoire: Renan, Taine, Michelet", 1876. О Гизо и Тьере больше писали, как о политических деятелях (о Тьере, как историке, *Barni,* о чем выше, *Fonvielle* в 1876 г. и *Aulard* в „La Rév. Fr." за 1914 г.), об Ог. Тьерри—*Valentin* (1895), о Фюстель де Куланже—*Guiraud* (1896, русск. пер. 1898), о Жоресе, как историке—*Aulard* („La Rév. Fr. 1902). Особенно богата литература о Тэне, в том числе полемическая книга *Олара,* о которой выше, и *Mathiez* в „Ann. Rév." 1908. Русские работы: *В. П. Бузескул,* статьи о Сореле („Истор. этюды", 1911) и о Лависсе („Изв. Рос. Ак. Наук", 1925). *П. Г. Виноградов.* „Итоги и приемы работы Фюстель де Куланжа" („Рус. Мысль", 1890). *Р. Ю. Виппер* о Тьерри в рус. пер. „Истории третьего сословия". *В. Н. Герье.* „Народник во французской историографии" (о Мишле, „Вестн. Евр.", 1896) и статьи о Тэне, его методе, его значении (там же за 1878, 1889 и 1890). *И. И. Иванов,* ст. о Тэне („Русск. Б.", 1901). *Н. И. Кареев.* „Сорель, как историк французской революции" („Изв. Политехн. Инст." и отд. 1907). „Тэн перед судом Олара" („Рус. Бог". 1902. II) и др.

Н. Кареев.

Французское право. Изучение Ф. п. представляет особый интерес в виду того громадного влияния, которое оказало оно на все европейские государства, особенно после революции. Дореволюционная история Ф. п., раздробленного феодализмом и опиравшегося на пестрые обычаи мелких областей, представляет значительно меньше интереса.

Ф. п. вытекло из тех же истоков, как и право германское (*см.* XIV, 212 сл.), т.-е. из правовых обычаев отдельных германских (франкских) племен, видо-

измененных затем влиянием эдиктов королей и римского права, отчасти проникшего сюда путем завоевания, отчасти реципированного позднее чрез посредство церкви (каноническое право). Южные провинции Галлии, находившиеся долго под господством римлян и заселенные сильно романизировавшимися племенами вестготов и бургундов, рано усвоили себе нормы римского права и прочно удерживали их, по крайней мере в области гражданского быта, в течение последующих столетий. Они образовали собою „область писанного права“ (pays du droit écrit), которая противопоставлялась остальной, преимущественно северной и восточной части нынешней Ф., заселенной германскими племенами, сохранявшими свои национальные обычаи. Сосредоточенные сначала вокруг Рейна, эти более энергичные племена затем расселились и по другим рекам (Роне, Луаре), куда занесли и свои обычаи, которые имели первоначально не территориальный, а племенной характер. В местах, где они оседали, в течение многих столетий, почти до самой революции, сохраняло свое действие право обычное (droit coutumier). Римское право действовало на юге Галлии в форме более ранней своей кодификации—кодекса Феодосия 438 г. Более поздние кодификации Юстиниана 529 и 534 гг. (особ. Дигесты; Кодекс был известен и раньше) стали проникать во Ф. лишь значительно позднее, с XIII века, преимущественно через университеты.

В конце средних веков процесс образования обычного права охватил и южные области, жившие под действием „писанного права“; появились сборники обычаев Тулузы, Бордо и др., но местные обычаи здесь не распространялись так глубоко и широко, как в других местах. Обычному праву присуща крайняя дробность, и это ярко иллюстрируется примером правового развития Ф. В ней насчитывалось не менее 60 „общих сводов обычного права“ (coutumes générales), к которым относились лишь обычаи, соблюдавшиеся во всей провинции (Анжу, Бургундия, Бретань, Нормандия, Пуату и пр.); кроме них существовало множество (свыше 300) обычаев (coutumes locales), действовавших в пределах более тесных (кантона, округа, иногда отдельного города или деревни). С XV века начинается процесс составления сводов обычного права. Первые своды местных обычаев были составлены в 1488 г., но особенно много собраний обычаев появилось в течение XVI в. Конечно, составители сводов, будучи лицами знакомыми с римским правом или близкими к королевской власти, зачастую вносили в свою запись некоторые изменения и не стеснялись подгонять отдельные обычаи под более привычные для них правовые представления. Зафиксированное в виде сводов обычное право стало менее подвижным. По мере централизации государства, повлекшей за собою усиление роли Парижа и парижского парламента, усилилось значение и свода парижского обычного права; оно, начиная с конца XVI века, стало привлекаться для решения спорных вопросов, возникавших на почве встречаемых в местных сводах пробелов. В 1724 г. Бурдо де Ришебур издал общий свод обычного права (Coutumier général), который позволил несколько обобщить местные обычаи. В этом же направлении действовали единое для всей страны каноническое право и королевские ордонансы. Ордонансы приобретают обязательную силу лишь с конца XV века, когда королям удалось сломить сопротивление главнейших феодалов и конфисковать их поместья. Ордонансы затрогивали преимущественно вопросы администрации, налогов, суда, воинской повинности, и только немногие из них решались видоизменять нормы права гражданского. Число ордонансов было весьма значительно. Опубликованное в 1827 г. Изамбером собрание их охватывает 29 томов. Однако, лишь сравнительно небольшое число их имело общее значение и оказало длительное влияние на развитие права. Оформлению массы обычаев, приведению их в некоторую систему во многом способствовала деятельность юристов XVI—XVIII веков. В числе наиболее видных имен дореволюционного периода следует назвать: Молинеуса (1500—1566), Бертрана д'Аржантрэ (1519—1590), Луа-

зеля (1536—1617) Жана Дома (1625—1696), Потье (1695—1772), Лорьера (1650—1728), Буржона, Лебрена и др.

Попытки кодификации Ф. п. начались уже задолго до революции. Генеральные Штаты, начиная с половины XVI века, указывали на необходимость издания общего законодательного свода. Ордонанс, изданный в Блуа в 1579 г., произведя частичную сводку процессуального права, обещал произвести кодификацию ордонансов (но не обычаев), и эта работа была поручена президенту парижского парламента Бриссону; но начатая им работа осталась незаконченной. Последние из Ген. Штатов дореволюционной эпохи (1614) вновь возбудили вопрос о кодификации, и к 1629 г. был составлен сводный проект ордонансов (т. н. Code Michoud), который, однако, встретил большое противодействие со стороны провинциальных парламентов и не вошел в жизнь. Идеей кодификации задавался Кольбер, но ему удалось издать лишь несколько больших ордонансов по отдельным областям права. Главнейшими из них являются: орд. 1667 г. о гражданском судопроизводстве, орд. 1670 г.—о судопроизводстве уголовном, орд. 1669 г.—о водном и лесном праве, 1673 г.—о сухопутной торговле и 1681 г.—о флоте. При отсутствии других кодексов приходилось обходиться частными сводками, в числе которых наиболее известны сборники Ламуаньона и д'Агессо. Главнейшими препятствиями к кодификации являлись: крайняя пестрота обычаев, местные традиции, судебный и административный партикуляризм, неизжитость феодальных отношений, отсутствие организованного народного хозяйства, словом, те явления, которые составляли яркие черты „старого порядка". Несмотря на обнаружившиеся уже в XVIII веке стремления к объединению, законодательство было настолько пестро, что путешествующим, по выражению Вольтера, приходилось менять законы столь же часто, как и лошадей.

Революция положила конец этому правовому партикуляризму. Но право рев. периода является правом переходным. В основу его были заложены новые начала, но они не смоли сразу перестроить всей жизни. Они порою оставались лишь декларацией нового права, которая не вытесняла фактически старых правовых норм, тесно связанных с бытом. Революция смела остатки феодального строя, т.-е. местные обычаи и пережитки, которые обязаны были своим возникновением феод. праву, она провозгласила начало индивидуальной свободы и равенства граждан (декларация 1789 г.), ввела новое административное деление страны, упорядочив на местах административные, судебные и финансовые функции (законы 1789—1790 гг.), построила по единому плану и на широких демократических основаниях судебную систему (законы 30 апреля и 27 ноября 1790 г.), провела принцип разделения властей (закон 16 авг. 1790 г.), приняла, наконец, новую конституцию государства (3—14 сент. 1791 г.). В области частного права революционное законодательство отменило законы, связанные с сословными привилегиями, введя одинаковый режим наследования, равный раздел имущества между детьми, гражданский брак, усыновление; оно определило возраст совершеннолетия в 21 год и устранило права родительской власти в отношении взрослых детей. Революция заложила основы авторского права, права земельного и ипотечного. Ею был издан кодекс уголовный (1791 г.), что же касается гражданского, то, несмотря на двукратные попытки Камбарсеса, работа по составлению его не была доведена до конца. Эта задача была завершена лишь при Консулате комиссией, образованной в 1800 г. под председательством Наполеона (см. *кодификация*, XXIV, 422). Старое гражданское право формально не было отменено полностью и в 1804 г., с опубликованием нового гражд. кодекса: оно сохраняло свое действие по всем тем вопросам, которые оставались неразрешенными кодексом; однако, нормы старого обычного права фактически были отменены молодой и сильной юриспруденцией, которая стала развиваться на почве нового кодифицированного права.

Гражданское право Ф. Гражданский кодекс 1804 г. (*кодекс Наполеона*) представил собою этап в развитии гражд.

строя не только Ф., но и всей Европы, так как в нем впервые нашли свое выражение формы буржуазной семьи и собственности, свобода договоров и гражданское равноправие. Несмотря на широкое использование составителями кодекса старых обычаев, в основании его преимущественно лежат те рационалистические идеи, которые были выдвинуты в конце XVIII в. Это—кодекс молодой буржуазии, скинувшей с себя путы феодального порядка. Конечно, не все части кодекса достаточно ярко отразили новые идеи. В области брачного и семейного права мы находим не мало норм старого порядка, сохранившихся даже при введении гражданской регистрации этих отношений. Но режим собственности и режим обязательств (вещное и обязат. право) полностью отразили новые веяния эпохи. В 2.300 статьях кодекса, конечно, было не мало пробелов и ошибок: можно указать на невыясненность правового положения иностранцев, на недоговоренности в области имущественных отношений между супругами, на неудачную регламентацию ипотечного права и т. д., но эти недостатки были тогда понятны. Гражд. кодекс действует еще и поныне. Он имеет свою интересную историю. В настоящее время им не очень довольны, но все же не думают об его отмене или коренной переработке. Время, однако, подвергло его в отдельных частях довольно существенным изменениям. В течение первого периода, длящегося почти до 1867 г., когда был издан закон об отмене принудительного задержания за долги, гражданский кодекс почти не подвергался изменениям. Он был почти святыней, которую можно комментировать, развивать путем судебной практики, но которую не следует трогать. Во второй период уже наблюдается более смелое к нему отношение. Теперь довольно широкой струей идет новое законодательство, а главное, в ряде случаев изменяются и тенденции старого кодекса. О действующем гражд. праве Ф. см. *дети, брак, супруги, наследственное право, эволюция собственности.*

Но было бы неправильным, изучая новые тенденции в области гражданского права, ограничиваться только законодательством. Громадное влияние на развитие оказала и научная юриспруденция и судебная практика, выдвинувшая за последние десятилетия ряд новых положений, на которых, однако, мы лишены возможности здесь останавливаться. Следует отметить, наконец, что французское право, до последнего времени развивавшееся изолированно, стало прислушиваться и к т. наз. сравнительному правоведению, т.-е. к новым достижениям иностранного законодательства.

Вскоре после издания гражд. кодекса были изданы в качестве самостоятельных отделов права *коммерческий кодекс* (code de commerce) 1807 г. и кодекс гражданского судопроизводства (code de procedure civile) 1807 г. По своему качеству и значению они стоят значительно ниже гражд. кодекса. Коммерческий кодекс в значительной мере опирается на устарелые ордонансы 1673 г. о торговле и 1681 г. о флоте. Сравнительно новыми были его постановления о банкротстве, но их пришлось радикально изменить в 1838 г. Развитие торгового права в XIX в. в значительной мере шло помимо этого кодекса, путем отдельных законов, регулировавших торговые товарищества и общества, чековый оборот, морскую ипотеку и пр. Многие постановления его неоднократно видоизменялись; в ряде случаев практика давала преобладание нормам обще-гражданского права над правом торговым. К концу XIX века самая потребность в особом кодексе, регулирующем торговлю, стала сомнительной. Что касается морской торговли, то она за последние 50 лет почти целиком подпала под действие международных норм морского торгового права, в военное же время она регулировалась временными законами, продиктованными интересами войны. *Гражданско - процессуальный* кодекс сохранил множество формальностей, свойственных старому процессу. Он проникнут правилами узко понимаемой состязательности, стесняющей всякую активность суда, широко сохраняет письменность процесса, допускает длинные процессуальные сроки, влекущие судебную волокиту, и по своей технической формулировке доступен



Французское искусство.

Гиасент Риго (1659—1743). Людовик XIV.

(Версальская галлерея).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

лишь специалистам-адвокатам, к помощи которых во всех случаях принуждены обращаться тяжущиеся. Хотя он и повлиял на соответственные законодательства других стран, однако им мало гордится фр. юриспруденция. На его редакцию, как и на редакцию коммерч. кодекса, сильно наложили свою руку юристы дореволюц. эпохи, значительно меньше проникнутые духом новаторства, чем составители кодекса гражданского.

Уголовное право Ф. Корни фр. угол. права лежат в постановлениях варварских законов VIII—X веков, которые были присущи различным германским племенам, заселявшим большую часть современной Ф. (см. *германское право*, XIV, 215 сл.). Предусматривавшиеся ими за отдельные преступления виры и композиции уже исчезли ко времени Каролингов, превратившись в большинстве случаев в фискальные меры (штрафы, конфискации), шедшие в пользу феодалов и королей в зависимости от того, в чьих руках находилась юрисдикция. Размеры их устанавливались обычаями, однако в сборниках юридических обычаев средневековой Ф., за исключением Бретани, мы не находим каких либо указаний ни на установленные нормы штрафов, ни на порядок уголовного процесса. Королевская власть слабо вмешивалась в развитие обычного права. Она довольствовалась лишь изданием отдельных декретов о браконьерстве, о контрабанде, о растратах, об отравлении, о сокрытии беременности и пр. Многие из этих декретов были вызваны преходящими обстоятельствами и через некоторое время выходили из применения. Процессуальное право впервые было объединено и изложено в ордонансе Людовика XIV 1670 г., на постановления которого большое влияние оказало право каноническое. Многие преступления, относившиеся к ведомству церкви, также подлежали действию канонич. права, которое в известной мере смягчало суровые репрессии права обычного. Остальное было предоставлено усмотрению уголовных судей, которые в своей практике постепенно вырабатывали и список преступлений и виды и размеры наказаний. Отрывочные сведения о старо-фр. угол. праве мы можем почерпнуть лишь из сборника обычаев графства Клермон де Вовуа (т. наз. Beaumanoir), относящегося к XIII в., из „Somme rurale“ Бутелье (сборник конца XIV в.) и отчасти из комментариев к отдельным частям римских законов (т. наз. libri terribiles), написанных Юлием Кларом, Фаринацием и др. Наука угол. права начинает развиваться во Ф. лишь с XVIII в., когда выступает ряд криминалистов, систематизировавших и обобщивших тогдашнюю судебную практику (Серпильон, Руссо де-ла-Комб, Жусс и Мюард-де Вуглан). Их обширные трактаты, не вводя каких либо новых начал, позволяли сравнительно легко обозреть итоги проделанной в эпоху монархии эволюции. По своему содержанию предреволюционное угол. право было полно суеверных и устарелых постановлений: оно преследовало волшебство и ведовство, всякого рода безобидные проступки против нравственности, нарушения мелочной полицейской регламентации жизни, торговли, цехового уклада и пр. Суды могли широко использовать аналогию для покарания новых случаев, не предусматривавшихся существующими нормами, они почти не были стеснены в выборе наказаний и даже в применении смертной казни, широко практиковали конфискацию имуществ, галеры, изувечивающие наказания и пр. Список наказуемых деяний против государства и против религии был огромным, и здесь кары были особенно беспощадными. В уголовном процессе господствовала пытка, а в числе наказаний наиболее частыми были наказания телесные и позорящие; лишение свободы рассматривалось как наказание мучительное, а не как мера изоляции. Пытка во Ф. была отменена незадолго до революции указами 1780 и 1788 гг. Смертная казнь выполнялась особо мучительными способами, и квалифицированные ее виды были упразднены лишь в революционную эпоху.

Неудивительно поэтому, что полная перестройка уголовного права явилась одним из основных требований эпохи просвещения. „Трактат о преступлениях и наказаниях“ Беккарии,

„Дух Законов“ Монтескье, работы Вольтера („О правосудии“), записки Дидро и брошюры целой плеяды философов и публицистов меньшего значения подвергли пересмотру все предпосылки уголовной репрессии. Был пересмотрен список наказуемых деяний, и из него вычеркнуто все то, что относилось лишь к религии, нравственности или требованиям приличия; отношение к государственным преступлениям резко изменилось; политике кары были противопоставлены политика предупреждения и чувство гуманности; варварские наказания подлежали отмене, а лишение свободы должно было быть рационализировано. Вместо усмотрения судей должна быть поставлена твердая норма закона, определяющая границы преступного и точно фиксирующая размер могущего быть назначенным наказания. Обвиняемый в процессе должен быть наделен рядом процессуальных прав, обеспечивающих ему возможность защиты. Вместо слепого чувства мести должна быть поставлена разумная уголовная политика, основанная на идее социальной защиты. Таковы были идеи конца XVIII века.

Большинство этих идей было осуществлено уголовными кодексами эпохи революции. Первые угол. кодексы ее 1791 г. и 1793 г. (брюмер IV г.), составленные в течение нескольких месяцев наспех, были скорее декларативными законами. Они проводили в жизнь те постановления Декларации Прав 1789 г., которые требовали, чтобы „закон воспрещал лишь деяния вредные для общества“ (ст. 5) и назначал наказания „строго и очевидно необходимые“ (ст. 8). Издание их должно было устранить произвол судей, так как в силу Декларации „никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и опубликованного до совершения преступления и законно применяемого“ (ст. 8). Революционные кодексы впервые провозгласили принцип *легальности* в угол. праве, который затем в течение XIX века стал общим принципом правового государства. Несмотря на последующие революции во Ф., этот принцип легальности почти никогда не нарушался. Но, конечно, революционные кодексы имели и ряд недостатков. В области более тяжких преступлений они полагали возможным совершенно изгнать оценку судьи, превращая его в механический орган назначения наказания, точно отмеренного законом; провозглашая равенство всех граждан, они совершенно не учитывали особенностей отдельных типов преступников (кроме невменяемых); они не выработали какой-либо системы наказаний; наконец, они слишком сузили границы наказуемого поведения, исходя не из учета потребностей общества, а из отвлеченных, рациональных предпосылок, выдвигавшихся ораторами революции—Бриссо де Варвиллем, Мирабо, Робеспьером, Сен-Фарго и нек. др. Потребность в усиленной охране революции заставила практику для борьбы с контр-революционной деятельностью отойти от постановлений этих кодексов и создать революционный трибунал, применявший меры репрессии по своему усмотрению.

Революционные кодексы сменились угол. кодексом 1810 г., выработанным в эпоху Первой Империи. Кодекс 1810 г., сохраняющий свое действие и поныне, явился компромиссом старого и революционного права Ф. Он полностью сохранил начало легальности и подчиненного положения судьи к закону, но несколько расширил власть судей при выборе меры наказания. Он вернулся ко многим преступлениям прошлого и создал тройную классификацию преступлений по их тяжести. В области наказаний он восстановил „уголовные и позорящие наказания“, известные прошлому праву (о составлении кодекса 1810 г. см. *кодификация*, XXIV, 423). Дух суровости дореволюционной эпохи снова воскрес в нем, и лишь последующими законами суровость наказаний была несколько смягчена. Присяжные получили право признания смягчающих обстоятельств (1832), смертная казнь за политические преступления устранена (1848), произведено общее снижение санкций (1863), введено условное осуждение (1891). Постановления фр. угол. кодекса оказали большое влияние и на другие страны (см. кодексы Бельгии, Италии до 1890 г., Испании, Португалии, прусский кодекс 1851 г. и, наконец, русск. улож. о наказ. 1845 г.).

Из отдельных законодательных мероприятий XIX в., видоизменявших карательную систему угол. код., следует отметить закон 1875 г., окончательно утвердивший во Ф. одиночную систему тюремн. заключения, и закон 1885 г., введший ссылку для рецидивистов по отбытии ими наказания. Общая ссылка, в качестве меры наказания, стала практиковаться во Ф. с 1854 г. Более многочисленными были изменения и дополнения угол. кодекса в течение первой четверти XX в.

Несмотря на проведение за это время ряда поправок, фр. уголовное законодательство доныне является одним из наиболее суровых; по сравнению с другими оно более последовательно придерж и вается принципов классической школы Пересмотр кодекса 1810 г., намечавшийся уже в 1887 г., до сих пор не осуществлен, хотя недовольство существующим законодательством за это время увеличилось. Франц. криминалисты склоняются к современным взглядам позитивной школы и зачастую стоят принципиально за более широкое проведение мер соц. защиты и отказ от идеи возмездия, но они не в силах преодолеть косности законодательных органов.

Судопроизводство. Отличительной чертой средневековой франц. судебной системы было крайнее распыление правосудия в руках общинных и феодальных судебных органов. Процесс объединения начался лишь с XIV в. при помощи легистов, знакомых с римским правом и видевших в крепнущей королевской власти силу, способную побороть развивающийся партикуляризм. Они постепенно развивали подсудность королевских судов, вводя апелляцию к королю, изымая из ведомства местных судов дела, связанные с изменою, нарушением данных королем привилегий, дела лиц, пользовавшихся особой поддержкой короля и пр. Процесс развития королевской юстиции увенчивается созданием *парламентов.* Парламент был первоначально советом короля, собиравшимся в определенные сроки для рассмотрения судебных и административных жалоб, приносившихся на имя короля. Последний наделял свой совет различными полномочиями, к которым уже издавна было причислено право выносить решения по апелляциям и по делам, непосредственно подведомственным королю. Парламент проверял также деятельность местных судей и приказчиков короля (baillis) и их списки. Уже в XIII веке возникает при парламентах особая адвокатура из числа лиц духовного звания. Первые ордонансы об организации наиболее раннего парижского парламента относятся к 1290 и к 1291 гг. В 1302 г. он приобретает оседлость, собираясь дважды в год на свои сессии. В XIV веке парламент постепенно обособляется от других присутствий королевского совета и становится орудием судебной централизации. Своим контролем он много способствует упорядочению судебного строя и приобретает поэтому большой авторитет в глазах населения. В этот период ему приходится выдерживать значительное сопротивление со стороны феодалов, отстаивающих самостоятельность своих судебных полномочий и жалующихся королю на самочинное расширение парламентом его полномочий. Постепенно парламент очищается от различных элементов, входивших ранее в его состав (духовных лиц, представителей администрации) и сохраняет чисто судейский состав. Обилие дел приводит к тому, что перерывы между сессиями сокращаются, пока, наконец, в половине XIV в. он не становится постоянно действующим учреждением. Должности членов или советников парламента, приобретаемые порою за деньги, в которых нуждалась королевская власть, постепенно становятся наследственными, и таким образом создается кадр мало зависимой от короля магистратуры. Эта независимость подкрепляется предоставленной советникам парламента несменяемостью (эдикт Людовика XI 1467 г.). Рост полномочий парламента постепенно вытесняет старые формы сеньериальной юстиции; юрисдикция университетов также подпадает под апелляционный контроль парижского парламента. Постепенно он присваивает себе и контроль над местной администрацией и поверку указов короля, адресуемых ей. Парламент пользуется этим для того, чтобы развить свое право ремонстраций, т. е. представле-

ний о затруднениях, вытекающих при проведении королевских указов в жизнь в виду их противоречия местным обычаям или законам. Когда в XVI веке феодальная юстиция пала, парламент стал высшим судебным местом для дел всякого рода. Вследствие его загруженности возникла потребность в создании парламентов в отдельных провинциях, и они создались в Руане, Дижоне, Гренобле, Ренне, Бордо и др. местах. Возникновение местных парламентов относится к концу XV и к XVI вв. Но и позднее этот процесс продолжался. Местные парламенты вскоре стали охранителями независимости провинциальных прав тех областей, в которых они были созданы. Они сосредоточивали вокруг себя местную прокуратуру и адвокатуру, нотариусов, местных судей, и таким образом представили собою серьезную силу, могущую оказать значительное сопротивление слишком централизаторским попыткам королевской власти. С XVI в., поэтому, парламенты приобретают большое политическое влияние. В особенности это следует сказать про парижский парламент, который служил как бы умеряющей властью между королем, церковью и провинциальными парламентами, домогавшимися большей самостоятельности. Не довольствуясь судебными полномочиями, парламенты стремились захватить в свои руки и контроль за изданием ордонансов и законов, пользуясь тем, что обычай созыва Генеральных Штатов стал выходить из употребления. При Людовике XIII оппозиция парламентов особенно усиливается (парлам. фронда). При Людовике XIV между королевскими министрами и парламентами глухая борьба продолжается. Ришелье, с целью подчинения парламентов, пытается ограничить притязания парламентов: он восстановляет старинный обычай созывать торжественные заседания парламентов в присутствии короля, ограничивает их право ремонстраций, требуя предварительной регистрации королевских указов, наконец, в отдельных случаях, путем угроз и насилий заставляет парламенты подчиняться воле короля. Однако, наиболее ожесточенная борьба разгорается в XVIII в. Министры Людовика XV пустили в ход против парламентов все средства: высылки, разгоны, временные закрытия, изъятие части их полномочий с передачей их чрезвычайным судам и комиссиям, а когда это мало помогло, провозгласили парламенты упраздненными. Упразднение произошло в 1762 г., незадолго до революции. Несомненно, что к этому времени парламенты потеряли значительную часть своего авторитета и бессильны были опереться на какие-либо здоровые элементы общества; однако, упразднение их все же значительно ослабило абсолютную монархию и ускорило ее гибель. В конце XVIII века идеи независимой магистратуры были уже сильно распространены, и некоторые, как, напр., Монтескье, видели в парламентах осуществление разделения власти судебной и исполнительной. Однако, это разделение не могло осуществиться в рамках абсолютной монархии. Независимая магистратура стала возрождаться лишь после революции.

Существующая в настоящее время судебная система создана Наполеоном в 1804 и 1810 гг. Она построена по сравнительно несложной схеме и при том одинаковой для всей страны. Низшую инстанцию, существующую в каждом из кантонов, составляет мировой судья (juge de paix), должность которого была создана еще революционным декретом 1790 г. Он имеет двух заместителей и секретаря. Ему подсудны мелкие гражданские и уголовные дела. При разборе последних он действует в качестве полицейского суда (tribunal de simple police); в Париже законом 1905 г. для этой цели назначаются особые полицейские судьи. Вторым судебным местом являются окружные суды (tribunaux d'arrondissement), совпадающие с административным делением страны; они состоят из нескольких отделений (2—4), в каждом из которых заседает по три постоянных судьи из числа юристов. Париж представляет собою единый судебный округ, и существующий здесь Сенский трибунал распадается на 11 отделений. Уголовные дела рассматриваются в особом отделении, носящем название отделения исправитель-

Конституция Франции.

Действующая во Ф. конституция 1875 г. носит на себе все следы своего происхождения. По счету она является двенадцатой со времени Великой французской революции. Она отличается от предшествующих тем, что представляет собою лишь какой-то конституционный обрывок, который может быть с одинаковым удобством вдвинут как в монархическую, так и в республиканскую конституцию. И это понятно. Она вырабатывалась на кровавом пепелище Парижской Коммуны и первоначально должна была оформить монархический режим. После многих лет разработки в Национальном Собрании она была принята большинством одного только голоса. Лишь впоследствии к этим конституционным лоскутьям была приставлена республиканская голова. Так возникли знаменитые конституционные законы: „*Об организации публичных властей*“ (25 февр. 1875 г.), „*Об организации сената*“ (24 февр. 1875 г.) и, наконец, „*О взаимных отношениях публичных властей*“ (16 июля 1875 г.). К этим законам в августе и ноябре того же года были присоединены так называемые *органические законы*—о выборах сенаторов и о выборе депутатов, членов палаты депутатов. Таким образом, в этой конституции не имеется тех существенных составных частей основного закона, которые определяют собой как форму правления, так и важнейшие принципы республиканского, а тем более демократического государственного устройства: ни положений о так называемом *народном суверенитете*, являющемся основой всякой демократии, ни статей *об учредительной власти* народа, определяющей собою форму издания и пересмотра конституции, ни упоминания о правах и обязанностях граждан, или *о правах человека и гражданина*, ни закона о судебной власти, ни каких-либо положений об общей организации местных властей. Современные государствоведы пробуют дополнить существующую конституцию различными заимствованиями из обильной коллекции прежних республиканских конституций. На этом основании и во французских школах введено изучение старых конституций, в особенности же Декларации прав человека и гражданина 26 авг. 1789 г. Если мы сопоставим теорию и практику французского государственного права, то получим следующую довольно пеструю картину. Прежде всего воскрешается ст. 3 упомянутой Декларации: „Начало всякого суверенитета пребывает, по существу, в нации. Никакая совокупность лиц, никакое отдельное лицо не могут осуществлять власть, которая бы определенно не исходила от нации.“ Однако, это положение сейчас имеет весьма своеобразный смысл, так как „нация“ французской республики сейчас не обладает никакими формами для непосредственного осуществления народного суверенитета. В этом смысле приходится притягивать на помощь ст. 2 разд. III конституции 1791 г.: „Народ, от которого единственно исходят все власти, может их осуществлять лишь посредством делегации“. Такая формулировка может быть действительно приемлемой для Третьей республики, где „нация“ или „народ“ целиком заменены буржуазным классом, осуществляющим свою диктатуру через народное представительство. Французские ученые стремятся, однако, затушевать этот факт в целях создания приличной демократической идеологии и поэтому утверждают до сих пор, что, будто бы, французский народ нигде определенно не отказался от своей верховной учредительной власти и в случае необходимости может опять выступить в качестве верховного господина страны. Такое утверждение не имеет никаких оправданий. Как известно, учредительную власть народа признавал конституцион. проект жирондистов 1793 г., где вместе с тем мы находим определенное положение о народных конвентах, даны организационные формы для „усовершенствования и исправления конституций“. Подобным же образом требует созыва „Национального конвента“ и конституция 1793 г., которая в ст. 115-117 определяет порядок пересмотра конституции или изменения некоторых ее статей. Даже менее всего демократическая конституция III года (1795 г.) республики установила определенный

порядок пересмотра конституций, причем и здесь действуют первичные собрания и особое собрание для пересмотра конституции. Даже конституция Луи Наполеона предусматривала особый порядок всенародного голосования или плебисцита, при помощи коего миллионы избирателей могли отвергать или утверждать конституционные поправки. Ничего подобного мы не находим в пресловутых конституционных законах Третьей республики. Здесь „народ" или „нацию" с ее всенародным голосованием целиком заменяет „Национальное собрание", созданное из сената и палаты депутатов, при чем, что весьма характерно, именно бюро сената принимает на себя функции бюро Национального собрания. Как очевидно, „нация" здесь передоверила свою учредительную власть законодательному корпусу, и совершенно нельзя усмотреть, каким путем суверенный „народ" мог бы отнять у Национального собрания его полномочия и перенести их на непосредственное голосование всех избирателей. Факты целиком оправдывают наше утверждение. Частичные пересмотры конституции и „органических" законов производились несколько раз (в 1884 и 1886 гг.), а в последнее время в 1919, 1922 и 1926 гг., однако ни разу в этих случаях ни о каких народных конвентах или плебисцитах не было и речи. Подобным же образом дело обстоит и с *правами „человека и гражданина"*. Никакого реального значения эти права, установленные в эпоху Великой французской революции, сейчас не имеют. Их декларативный характер весьма способствует такому чисто идеологическому значению. Все социальное законодательство Ф. прошло помимо этих прав. Ни положения о пенсиях по социальному страхованию, ни новые положения о разделении государства и церкви, ни законы об обязательном обучении, ни даже такие акты, как закон о свободе печати 1881 г. или закон об устройстве собраний в закрытых помещениях 1907 г., в конституцию не введены. Даже права на народное представительство входят в состав не конституционных, но „органических" законов, проходящих общий законодательный путь. И если под давлением особых событий в 1919 г. было введено пропорциональное избирательное право и была принята резолюция о предоставлении избирательного права женщинам, то последнее пожелание, несмотря ни на какие права „человека и гражданина", до сих пор не осуществлено.

За отсутствием всенародного голосования центр тяжести государственного устройства Ф. естественно перенесен на ее *законодательный корпус*. Парламент, таким образом, становится непосредственным носителем суверенитета. И это тем более, что в Третьей республике отсутствуют и те сдержки, которые обыкновенно устанавливаются при помощи конституционной гарантии основных прав граждан. Подобные ограничения встречаются и в прежних конституциях Ф. Так, еще в 1179 г. было провозглашено: „Законодательная власть не может издавать законов, которые нанесли бы ущерб или послужили препятствием к осуществлению естественных и гражданских прав" (раздел 1, § 3). Конституция Третьей республики совершенно свободна от ограничений, имеющихся в конституции Сев.-Америк. Соед. Штатов, где на страже личных прав, лежащих в основе классового строя, стоит твердая судебная защита в виде деятельности Федерального суда. *Ограничения законодательной власти* французского парламента построены на иных основаниях. Вряд-ли здесь можно говорить об общем „недоверии к представительным учреждениям", которое присуще демократическим республикам. Если конституция Ф. содержит известные ограничения, то они продиктованы совсем иными соображениями. Здесь идет речь о недоверии крупной буржуазии к представителям средней и мелкой буржуазии, которые могут, по бывшим уже примерам, повернуть государственный корабль слишком налево. Вот почему идеолог Третьей республики, Прево-Парадоль, и говорит в своей книге „О Новой Франции": „Облеченное своего рода особою и всеобщею властью во внутренних и внешних делах народа, над составом и деятельностью исполнительной власти,

это могущественное собрание должно быть само сдерживаемо двумя способами: 1) существованием другого собрания, содействие которого было бы необходимо для создания законов и которое могло бы выражать также и свое мнение по общей политике, и 2) неизбежным правом роспуска". Здесь обосновывается необходимость существования первой палаты, или сената, также как и сильной исполнительной власти. Герцог Де Брольи, один из отцов конституции, точно так же был озабочен усилением исполнительной власти, чтобы таким путем ослабить всемогущество народной палаты: „Истинной причиной, практическим основанием (предполагается, права роспуска) служит постоянная слабость или, лучше сказать, естественная боязливость со стороны исполнительной власти, которая старается обезоружить всякое сопротивление, вместо того, чтобы мужественно бороться с ним и победить его". „Ведь народная палата, продолжает он, есть очаг соперничества, претензий и карьеризма". И на самом деле, французская парламентарная демократия в своей весьма краткой конституции наибольшее число статей отдает обоснованию, с одной стороны, двухпалатной системы, а с другой—организации сильной исполнительной власти. На первом месте, однако, все же приходится поставить *вторую, или народную, палату*, которая именуется *палатою депутатов*. Связь же с избирателями устанавливается избирательными законами, которые исключают значительную часть французских граждан из общего корпуса избирателей. Во первых, исключены женщины. Во вторых, возрастной ценз установлен в 21 год для избирателей и в 25 лет для депутатов. В третьих, имеется ряд ограничений по месту жительства и срокам пребывания. В четвертых, исключается ряд лиц по их служебному положению (военные и т. д.). В общем избиратели составляют около 28% населения. С 1919 г. установлена система пропорционального представительства, при чем на каждых 75 тысяч жителей избирается один депутат. Если в избирательном округе остается излишек населения свыше 37.500 человек, то на этот излишек прибавляется еще один депутат. Округом считается каждый из французских 90 департаментов или областей. Если в округе больше 6 депутатов, то он может быть подразделен. Голоса подаются на каждом списке по кандидатам. Избранным считается всякий кандидат любого списка, получивший больше половины всех поданных голосов. Если таких кандидатов нет, или если они не заняли всех мест, то между ними производится пропорциональное разделение мест, при чем дроби причитываются к самому сильному списку. Депутаты избираются на четыре года. Вследствие послевоенной убыли населения общее число их на выборах 1924 г. уменьшилось до 584 депутатов (довоенн. цифра 626). Отношения между избирателями и депутатами отличаются особым характером. Так как здесь до последнего времени борьба шла не между классовыми группами, а между различными течениями крупной, средней и мелкой буржуазии, то не создалось и крупных классовых партий. Партийная организация отличается многочисленностью мелких делений, неопределенностью программ, их чрезвычайной неустойчивостью, а поэтому на первый план выступают местные, порою весьма мелкие интересы, связывающие депутата с различными группировками наиболее экономически сильных организаций, лиц и разных соединений своекорыстных, карьерных и прямо паразитарных величин. Конституция Третьей республики определенно запрещает получение депутатами *императивных мандатов* от своих избирателей. По общему принципу, депутаты считаются представителями всей страны. Но такое освобождение депутатов от политической зависимости со стороны их избирателей приводит лишь к установлению другой зависимости гораздо худшего сорта. В целях получения голосов во время выборов кандидаты берут на себя тысячи самых мелких обязательств по отношению к избирателям и при том самого подчас неожиданного свойства. Одному обещается место в государственной монополии, другому—пенсия,

третьему — желательное проведение железной дороги, четвертому — какая нибудь субсидия или государственное разрешение на крупное экономическое предприятие и т. д. Львиную долю здесь занимают связи с крупными местными капиталистическими центрами и обещания им всяческой поддержки. Не малую роль играют и добрые отношения с местной администрацией, которой обещаются повышения, назначения и т. п. Депутат после выборов старается всеми силами осуществить свои обещания и с этой целью пользуется как отношениями внутрипартийными, так и связями с министрами и с административной машиной. При крайней неустойчивости партийных организаций здесь возможны различные способы давления на министров и бюрократию, при чем первое место занимают, конечно, интересы наиболее влиятельных местных капиталистических группировок. Образование того или иного большинства и непрестанная смена министерств придают характер случайности и текучести законодательной работе, которая лишь в исключительно серьезные времена обнаруживает крепкую устойчивость буржуазной диктатуры. В таких случаях депутаты из мелких лавочников и торговцев должностями, субсидиями, монополиями и т. п. превращаются в голосующую армию властвующего класса. Сама законодательная работа отличается крупными дефектами, так как разноголосый и пестрый парламент легко обезображивает самые рациональные меры. Главной целью парламентских группировок является захват в свои руки кабинета министров и подчиненной ему бюрократической машины. Сила и независимость этой последней остается неприкосновенной, так как каждая партийная группировка надеется попользоваться ею или исключительно для себя, или в блоке с подобными же организациями. Все же вместе они служат крупной и отчасти мелкой и средней буржуазии. В настоящее время (1927 г.), в виду укрепления позиции крупной буржуазии, уже поставлен на обсуждение палаты законопроект об отмене и того пропорционального избирательного права, которое существует сейчас. Организация *сената* совершенно определенно направлена к тому, чтобы создать в нем оплот наиболее реакционных и, в крайнем случае, консервативных элементов крупной буржуазии. И если для выборов в сенат не установлено имущественного ценза, то, с одной стороны, здесь повышен возрастной ценз до 40 лет, а с другой, сенаторы избираются хоть и теми же избирателями как и депутаты, но путем двух- и трехстепенных выборов. Избирательные коллегии, по закону 1919 г., образуются для выборов сенаторов из следующих выборщиков: депутатов каждого департамента, членов генерального совета, членов окружных советов и делегатов от коммунальных советов. Все эти лица составляют особый избирательный съезд, на котором и выбираются простым большинством от одного до 12 сенаторов. Эти выборы совершаются через каждые три года для замещения одной трети всех мест, так что из 314 сенаторов избирается лишь 105, срок должности которых простирается на 9 лет. Таким путем обеспечивается более квалифицированный с буржуазной точки зрения подбор сенаторов, бо́льшая устойчивость и консервативность его состава, бо́льшая независимость от избирателей. В своей практической деятельности сенат действительно не раз сыграл роль законодательного тормоза, лишь с трудом уступающего даже буржуазно-радикальным и демократическим стремлениям. Будучи уравнен с палатою депутатов в законодательной области, сенат вместе с тем обладает и некоторыми особыми функциями. Так, ему принадлежат права верховного судилища для суда над высшими должностными лицами республики, над президентом и министрами, а также для произнесения приговоров по особо важным государственным преступлениям. Лишь в одном отношении палате депутатов принадлежит первенство: на ее рассмотрение вносятся финансовые законопроекты и лишь после этого поступают на рассмотрение сената.

Разделение властей не принято в конституции Третьей республики, так

как она представляет собой парламентарную демократию. Место такого „разделения" занимает известное противоположение и взаимозависимость между законодательной и исполнительной властью. „Законодательная власть осуществляется двумя собраниями: палатой депутатов и сенатом". Учредительная власть принадлежит по существу тем же двум органам, так как палаты своими резолюциями, принятыми порознь в каждой из них абсолютным большинством голосов, объявляют о необходимости пересмотра конституции и собираются в Национальное собрание для производства пересмотра. Объем этой власти ограничен лишь тем, что республиканская форма правления не может быть изменена, а следовательно и не может быть изменен и запрет избрания в президенты членов царствовавших во Ф. домов. Привилегией законодательной власти остается и решение таких важных вопросов, как объявление войны и мира и принятие договоров, возлагающих на государство финансовое обязательство и относящихся к личному состоянию и к праву собственности французов за границей, или устанавливающих уступку, обмен или присоединение территорий. Но исполнительная власть играет очень большую роль в самой законодательной машине. *Исполнительная власть* здесь принимает характер положительного противовеса. Чтобы понять эту зависимость, необходимо выяснить прежде всего положение *президента республики*. Он избирается в Национальном собрании, объединяющем палату депутатов и сенат. По своему происхождению, таким образом, он лишен той связи с массами избирателей, которою обладает президент Соединенных Штатов Америки. Но с другой стороны, он избирается на большой срок—семь лет—и может быть переизбран. Его ответственность совершенно призрачна, так как установлена лишь ответственность в уголовном порядке, которая возбуждается палатою депутатов и разрешается сенатом. Президент обладает большими правами в отношении законодательного процесса. И если сенат и палата депутатов силою самого закона „собираются ежегодно во второй вторник января," то президент может созвать их и на более ранний срок. Он может созвать их и на экстренные сессии. Он может отсрочить заседание палат на время до одного месяца не более двух раз в течение одной сессии. Президент обладает правом инициативы законов, он обращается к палатам с особыми посланиями, он обладает правом отлагательного вето, причем палаты обязаны принять эти законы к новому рассмотрению. Наконец, и это самое важное, президент, с согласия сената, может и вовсе распустить палату до истечения срока ее полномочий. В таком случае должны произойти новые выборы в двухмесячный срок, и новая палата собирается в течение десяти дней, следующих за выборами. Что касается роли *министров* в законодательной работе, то она значительно меньше, чем роль английского кабинета, целиком берущего на себя законодательную инициативу. Министры избираются президентом из числа партии или партий, обладающих большинством в палате. Они солидарно ответственны перед палатой за общую политику правительства и индивидуально за свои личные действия. Благодаря конституционной поправке 1926 г. несколько усилены права правительства по отношению к палатам, так как образована особая автономная касса для заведывания бонами национальной обороны. Президент может председательствовать по своему желанию в совете министров. Как известно, во Ф. установилась на практике не уголовная ответственность министров — по обвинению палаты перед сенатом—а чисто политическая; так что потеря большинства влечет за собою и неизбежную отставку. В области исполнительной полномочия президента и кабинета министров особенно значительны. Прежде всего, здесь мы имеем централизованную и широко развитую бюрократию, тесно связанную массою должностей с средней и мелкой буржуазией. До настоящего времени французская администрация значительно независима в своей деятельности, так как она подлежит ответственности не перед об-

щими судами, а пред рядом административно-судебных инстанций, увенчанных, в конце концов, государственным советом. Вместе с тем общие суды Ф. не принимают к своему разбирательству и дел о конституционности законов, что установлено благодаря разделению властей в Северной Америке. Это осложняется и тем, что в то время, как палатам принадлежит право амнистии, президент не только назначает судей по представлению министров, но и имеет право помилования (по их же представлению). После этого понятно, что административные распоряжения министерств, совета министров и указы президента, данные по представлению совета министров, не только образуют конкурирующее с законами *регламентарное законодательство*, но часто прямо восполняют те или иные пробелы общих законов. Громадная власть правительства и администрации приобретает, однако, характер настоящего самодержавия благодаря росту так называемой „колониальной империи". Из массы колоний в Африке и Азии лишь немногие—Алжир, Гвиана, Мартиника, Гваделупа, Реюньон, Французская Индия—управляются до известной степени по образцу французских департаментов. Все же остальные подлежат декретному законодательству исполнительной власти, которая в этой области совершенно не ограничена, а за подписью президента издаются настоящие колониальные законы.

Библиография: *Duguit et Monnier*, „Constitutions de la France". (Рус. пер. *Лемберк*, „Законодательные акты Франции"). *Prevost—Paradol*, „La nouvelle France". *Duc de Broglie*, „Vues sur le Gouvernement de France". Общие курсы *Esmein*, *Duguit*, *Hauriou*; *Гачек*, „Общее государственное право". II; *Дурденевский*, „Иностранное конституционное право"; *James Bryce*, „Modern Democracies". I.

М. Рейснер.

ной полиции (chambre de police correctionnelle). Для рассмотрения торговых дел в ряде городов существуют коммерческие суды, состоящие из избираемых представителей торгового класса, отправляющих свою должность бесплатно. Они не входят в общую систему. Такой же характер особенных судов имеют и промышленные суды (conseils de prud'hommes), учреждаемые по закону 1907 г. в промышленных городах для решения вопросов, связанных с трудовым договором. Они состоят из судей, избираемых на 6 лет в половинном числе предпринимателями и в половинном—рабочими.

Над окружными судами стоят суды апелляционные (cours d'appel). Во всей Ф. имеется 26 апелл. судов (кроме колоний). Они разделяются на отделения (от 2 до 10), в каждом из которых, кроме президента, заседает по пяти судей. Во главе суда стоит первый президент. При апелл. суде состоит генерал-прокурор, являющийся главой прокуратуры судебного округа, и советы адвокатуры. Для рассмотрения апелляционных жалоб на приговоры судов исправит. полиции выделяется одна или несколько камер; они же ведают и преданием суду по делам с присяжными. Для судебного рассмотрения дел с участием присяжных при палате образуется особый ассизный суд (cour d'assises), в котором обычно заседает первый президент и двое других судей, назначаемых министром на каждую сессию особо.

Наконец, над всеми судебными местами возвышается кассационный суд (cour de la cassation), состоящий из трех отделений: подготовительного (chambre de requêtes), гражданского и уголовного. Кроме старшего председателя и трех председателей отделений, в нем заседает 45 касс. советников; при нем состоит особая прокуратура, состоящая из генерал-прокурора и 6 генерал-адвокатов, и особый совет адвокатуры. Касс. суд ведает исключительно касс. жалобы на решения судов апелляционных. Но, кроме того, его пленарное собрание является высшим дисциплинарным судом судебного ведомства (conseil superieur de la magistrature); он пользуется правом отстранения судей от должности.

К числу особых судов Ф. относятся военные и морские суды (conseils de guerre et tribunaux maritimes), подведомственные в кассационном отношении особым ревизионным судам (conseils de revision), далее советы префектуры, являющиеся уголовно-административным судом для мелких правонарушений. Наконец, для суда над президентом республики и министрами может быть созываем при Сенате особый Верховный суд (cour de la Haute Justice), структура и производство которого регулируются ныне законом 1918 г.

Французская система, таким образом, знает три степени суда (первая инстанция, апелляционная и кассационная), которым соответствуют три вида судебных мест. Отсюда проистекает большая многочисленность судей, мизерная оплата их и слабый авторитет их решений. Обилие судебных должностей различных рангов порождает судебный карьеризм и делает судей зависимыми от правительства, в руках которого находится продвижение их по службе. Кроме того, обычным является чередование лиц на должностях судей и прокуратуры, чем достигается определенная дисциплинировка судей в желательном для правительства духе. В отличие от Англии, здесь мы наблюдаем стремление к коллегиальности при построении судебных присутствий и строгий надзор со стороны прокуратуры за работою суда, к которому и само правительство относится с некоторым недоверием.

Административное право Ф. в тесном смысле стало предметом юридической разработки лишь за последние 50—60 лет. Франц. юристам принадлежит первое место в его разработке. Они выработали систему адм. права, наметили главнейшие теории и положения и создали эту молодую отрасль юриспруденции, которая хотя еще и не воплотилась в кодекс особого типа, однако имеет под собою прочное основание. Франц. административное право развилось на базе практики Госуд. Совета, которому со времени Второй Империи была предоставлена широкая, почти дискреционная власть отмены административных актов в случае несоответствия

их нормам права. Власть Гос. Совета была особенно расширена законом 24 мая 1872 г., в связи с восстановлением республики, и с этого времени именно стала развиваться здесь наука административного права, оформляющая и систематизирующая решения этого органа. Административное право было создано усилиями целой плеяды видных фр. административистов, в числе которых следует назвать имена Окока, Лаферрьера, Готье, Дюкрока, Бертелеми, Ориу, Дюги, Жеза и др. При многочисленности и пестроте функций администрации центр тяжести работы административистов лежал не в перечислении и описании этих функций, а в обобщении и классификации их. Доктрина выработала учения о юридической природе государственных органов, о публичной службе и отношении полномочий публичных органов к публичным правам граждан, о границе между законом и регламентом или указом, о частных видах законов, о классификации административных актов, об ответственности должностных лиц перед гражданами, об административной юстиции и полномочиях ее органов и пр. Текущее административное законодательство и практика лишь использовались как иллюстративный материал. Поэтому история административного права за последние полстолетия представляет собою, в сущности, эволюцию доктрин, и здесь можно наметить ряд интересных тенденций, как тенденция к большей автономии административных органов, к различению актов власти от служебно-административных актов, как конструкция понятия превышения власти и неправомерного или неправильного ее осуществления, как новые формы ответственности государства за действия своих органов и пр. Конечно, за это время сильно менялось и содержание административной деятельности. В числе сильно развившихся за последние 50 лет форм административной деятельности можно указать: меры публичной помощи, регламентацию религиозных конгрегаций, охрану памятников искусства, инспекцию труда, социальное страхование и социальное обеспечение, общественное здравоохранение, городское благоустройство, трудовое посредничество, обязательное страхование, жилищное законодательство и мн. др. Было бы слишком трудной попыткой дать изложение постепенных законодательных изменений в каждой из областей административного права, но этой цели и не ставит себе научная разработка новой дисциплины. Она намечает лишь общие тенденции развития и дает правовые критерии для того, чтобы юрист или судья мог разобраться в гуще административно - законодательного материала. Наиболее разработанным отделом административного права является учение об административной юстиции, в котором излагаются нормы процессуального права, характеризующие порядок оспаривания силы и значения действий и распоряжений администрации и права, предоставленные сторонам, а также юридические последствия решений, выносимых административным судом.

Развитие административной юстиции явилось характерным для Ф., главным образом благодаря резкому обособлению здесь власти административной и судебной. Англии и другим англо-саксонским странам эта форма юстиции почти неизвестна. Но за последние годы французская теория административной юстиции нашла свое распространение в германских странах.

Государственное право Ф. см. *история*, XLV, 292 сл. и прил. *конституция Ф.*, а также *парламент*, *госуд. власть*, *министерство*.

Литература. *A. Esmein*, „Cours élémentaire du droit français“, 11 ed. 1912. *P. Viollet*, „Histoire du droit civil français“, 3 ed. 1905. *M. Planiol*, „Traité élémentaire du droit civil“, 7 ed. 1915—1917, t. I—III. *Le Code Civil*. 1804—1904. Livre du centenaire, publié par Société d'études législatives. t. I—II. 1904. „Les transformations du droit dans principaux pays depuis cinquante ans (1869—1919)“. Livre du cinquantenaire de la Société de législation comparée. t. I—II. 1923. *Poujat*, „Oeuvre législatif de la Révolution“, 1914. *Du Boys*, „Histoire du droit pénal“, 1859. *E. Garçon*, „Le droit pénal, origines — evolution — état actuel“, 1922. *Garraud*, „Traité du droit pénal“, t. I—VIII. 1910 ss. *A. Esmein*, „Histoire d'instruction criminelle en France“, 1888. *Garraud*, „Traité d'instruction criminelle“. 1911—1923. t. I—IV. *L. Duguit*, „Les transformations du droit public“, 1921. *Duguit*, „Les transformations générales du droit privé depuis code Napoléon“, 1911. *Hauriou*. „Précis du droit administratif“, 10 ed. 1921. *Berthelemy*, „Droit administratif“, 1915. *П. Люблинский.*

Французская литература Началом Ф. л. следует считать момент, когда

среди романизованного населения Галлии (кельты, лигуры, аквитаны и т. п.), после примеси к нему германского элемента (франки, бургунды, вестготы), выработалось национальное французское самосознание на почве единства языка и социально-экономической жизни страны. Это произошло, примерно, в середине IX в., когда, после распадения монархии Карла Великого, Ф. обособилась политически, и вместе с тем язык ее в своем развитии настолько отдалился от своего источника, латыни, что последняя перестала быть вполне понятной для населения. Нарождающаяся Ф. л. унаследовала и претворила в себе, частью немедленно, частью постепенно, богатый запас литературных сюжетов и форм, унаследованных ею от различных этнических и культурных элементов, из которых сложилась французская национальность: от кельтов—фантастические мотивы, от германцев — героические предания, от христианства—религиозные легенды, от античной образованности — приемы поздне-латинской лирики, процветавшей в галльских „школах риторов“ IV и V вв. (Авзоний, Сидоний, Аполлинарий). От древнейшего периода Ф. л. (850—1050) до нас сохранилось лишь несколько произведений религиозного характера: секвенция о св. Евлалии (конца VIII в.), „Vie de St. Léger“ (X в.) и др. Все остальное погибло, ибо довольно обильная, несомненно, народная литература песен, сказаний и повестушек, существовавшая в эту эпоху, считалась недостойною записи со стороны духовенства, которое тогда было единственным блюстителем письменности. Лишь с середины XI в. появляются записи крупных и разнообразных произведений, и лишь с этого времени можно строить историю Ф. л.

I Средневековая литература (1050—1500) распадается на несколько периодов, в зависимости от смены социально-экономических форм жизни и культурных течений, обусловивших возникновение и развитие различных литературных вкусов, задач и жанров. Основной гранью является середина XIII в., отделяющая эпоху феодальной культуры, связанной с натуральным хозяйством, от культуры городской (буржуазной), возникшей на началах денежного хозяйства. В свою очередь, феодальная эпоха распадается на два периода: *феодально-рыцарской* и *придворно-рыцарской* („куртуазной“) литературы. Вне этого деления, сплошной струей чрез все средневековье проходят два вида литературы, имеющие источником общие устойчивые черты средневековой культуры: литература *религиозная* (всевозможные легенды, жития святых, „видения“, религиозная драма) и *полу-ученая* (историография, естественно-исторические трактаты с аллегорией, моральные рассуждения и т. п.). Первая из них, а отчасти и вторая (поскольку она проникнута символикой) являются продуктами аскетически-христианского миросозерцания, наложившего сильнейший отпечаток на всю литературу этого периода.

Общими чертами феодально- и придворно-рыцарских периодов Ф. л. являются: 1) традиционность и безличность творчества, при которых поэт не стремится сознательно выделить себя ни по отношению к своему материалу, ни среди своих литературных собратий, но выступает как рядовой выразитель общего сюжетного и идейного достояния; этим объясняется то, что ограниченное число сюжетов и приемов повторяется во множестве вариантов с редкой устойчивостью форм, а также то, что имена едва ли не большинства авторов, не будучи закреплены ими, не дошли до нас; 2) исключительное господство стихотворной формы (в эпосе — 10-сложный стих с цезурой после 4-го или 6-го слога и ассонансами, объединяющими неравные группы строк, а позже—12-сложный александрийский стих с цезурой посредине; в романе, новелле и легенде—8-сложные, попарно рифмующиеся строки; в лирике — сложные строфические размеры), связанной—в эпосе до XII в., а в лирике еще дольше—с напевом и аккомпаниментом на музыкальном инструменте (чаще всего—виоле, прототипе скрипки); 3) преобладание устного исполнения (книга для чтения начинает появляться лишь с середины XII в.), находившегося в руках особого класса бродячих певцов-сказителей,

жонглеров (они же—музыканты, при случае—канатные плясуны, фокусники, поводыри медведей, вообще народные увеселители в роде старо-русских скоморохов), которые на городских площадях, на перекрестках улиц и дорог или во дворах замков исполняли свой репертуар, собирая доброхотные даяния слушателей; 4) в связи со сказанным—отсутствие четкой грани между автором и исполнителем: в эпосе, повествующем или религиозной поэме и тем и другим зачастую был жонглер, в рыцарской же лирике последний был лишь наемником, которому поэт поручал публичное исполнение своего стихотворения, до тех пор, пока с XIII века из жонглера, осевшего на баронской службе, не выработался тип *менестреля*, присяжного певца-музыканта рыцарского замка. Заметим также, что территория Ф. л. в рыцарский период ее, помимо севера Ф. (о литературе юга см. *провансальская литература*), включала всю Англию, где с 1066 г. (завоевание нормандцами) до XIV в. французский язык (англо-нормандский диалект) оставался языком двора, аристократии, гос. учреждений и литературы, довольно богато развившейся и оказавшей даже при Генрихе II (XII в.) некоторое обратное влияние на континентально-французскую.

1) Феодально-рыцарский период (1050—1150) отразил в литературе вкусы и интересы господствующего класса земельной аристократии, буйной, честолюбивой, воинственной, суровой и грубой нравом, чуждой сентиментальности и преданной религии. Ее идеалы нашли свое высшее поэтическое выражение в национальном героическом эпосе (chansons de geste — „песни о деяниях поколений героев"). Несомненно, уже задолго до того существовали, в форме ли былин („кантилен"), или прозаических сказаний, героические предания, материалом для которых послужили славные войны Карла Великого и других королей, борьба с сарацинами и позднейшие междоусобицы баронов. Возможно даже, что первым образцом явились германские песни франкских дружинников (отсюда определение фр. эпоса, предложенное Г. Парисом: „германский дух в романской форме"). Но, каков бы ни был этот эпический материал, он подвергся в XI в. коренной переработке. Именно жонглеры использовали его для исполнения перед толпами паломников, струившимися по главным дорогам, которые вели из центра Ф. в Рим, Иерусалим и Сант Яго де Компостелла (в Испании) и вдоль которых были расположены монастыри, где как раз находились гробницы, оружие и др. реликвии воспеваемых героев. Подобная эксплоатация преданий, усиливая интерес слушателей и к песне и к монастырю, была выгодна и жонглерам и монахам, из сотрудничества которых и возникли впервые в XI в. эпические поэмы в том виде, в каком мы их имеем. Таким путем этот жанр, по своему происхождению и первоначальной идеологии аристократический, вобрав в себя сильную церковную струю и будучи приспособлен ко вкусам широких масс, стал одним из самых популярных в народе. Историческая основа, несмотря на смешение имен и всякие легендарные наслоения, проступает во фр. эпосе довольно явственно: Guillaume d'Orange, прославленный в ряде поэм — исторический Вильгельм, граф Тулузский (ум. в 812 г.), доблестно сражавшийся с сарацинами; Ogier le Danois, герой поэмы этого имени—Франк Аутхарий, проводивший вдову Карломана в 771 г. к ее отцу Дезидерию Лангобардскому и позже воевавший с Карлом Великим, и т. п. Яснее всего наблюдается переход истории в легенду в „Песни о Роланде": здесь ничтожная стычка басков (778) в Ронсевальском ущелье с отступающим арьергардом войск Карла Великого, в которой среди немногих других был убит некий Хруоланд, граф Бретонский, превращена в грандиозную битву с сарацинами, при чем Роланду, изображенному племянником Карла и правой рукой его, приданы черты сверхчеловеческого величия. Сами поэты искусственно делили весь эпос на 3 цикла: 1) „королевский цикл", в центре которого стоит „седобородый" Карл, окруженный 12-ью храбрыми паладинами (букв. „придворными")—„пэрами"; сюда относятся, кроме „Песни о Роланде", „Saisnes", повествующая о походе Карла на саксов, полушуточная поэма



Французское искусство.

Никола Пуссен (1594—1665). Триумф Нептуна и Амфитриты.

(Ленинград, Эрмитаж).

„Pèlerinage Charlemagne“ и др.; 2) „цикл Гарена“ — цикл о верных вассалах короля, главный из которых — Вильгельм Оранжский, обойденный Карлом, собственным мечом завоевывает себе лен от сарацин („Prise d'Orenge,“ „Charroi de Nimes“ и т. п.), а в трудную минуту является, чтобы бескорыстно выручить молодого короля („Coronemenz Looïs“); 3) „цикл Доона Майнцского“ (о баронах - изменниках), где непокорные вассалы воюют с королем („Quatre fils Aymon“ и др.). В эту схему не вмещаются поэмы о междоусобицах вассалов, из которых самая красочная — „Raoul de Cambrai“, где изображены большие жестокости, вплоть до сожжения целых сел и монастырей со всеми их обитателями. С переходом в следующий период, когда феодализм ослабевает, эпос теряет свою сжатую выразительность, величавость образов и героический тон, становится растянутым и расплывчатым и вбирает в себя инородные сюжеты: напр., христианскую легенду („Amis et Amiles“, конца XII в., первоначально—житие двух святых) или сказочную фантастику („Huon de Bordeaux“, ок. 1220 г., с карликом Оберон и всяким волшебством); к концу XIII в. он разлагается в прозаическую повесть, а в XV в. обращается в народную книгу и долго еще после этого живет в таком виде.—К концу рассматриваемого периода по образцу героического эпоса складываются два других вида эпоса: поэмы на современные исторические события, именно—посвященные крестовым походам (напр. „Chanson d'Antioche“ или „Chanson de Jérusalem“, основанные на рассказах участников походов), и на античные темы, представленные отрывком поэмы о баснословных подвигах Александра Македонского, которая является переработкой провансальской поэмы Альбериха Бриансонского на ту же тему.—Вторым по значению жанром феодального периода является религиозная поэзия, начиная с древнейшего памятника Ф. л., имеющего художественное значение, поэмы „Vie de saint Alexis“ (вскоре после 1050 г.). За нею следуют: англо-нормандская поэма о плавании святого Брандана, с обильной примесью кельтской фантастики (ок. 1125), о житии Григория Столпника, из великого грешника ставшего папой и святым, и др. Сюда же можно отнести начатки религиозной драмы, т.-е. средневекового театра вообще. Обрядовые песни, хороводы и т. п. народные игры, из которых мог бы родиться народный театр, были нещадно преследуемы церковью, поскольку они содержали в себе элемент языческих поверий. Но инстинкт театральности, задушенный в своей естественной области, нашел развитие на почве самой гонительницы своей, церкви. Еще в IX в. в богослужение начинают вставляться „тропы“, т.-е. парафразы священного текста с повторяющимся напевом. Далее тропы развертываются в небольшие сценки с ничтожной бутафорией, разыгрываемые духовенством перед началом мессы для усиления настроения верующих. Эта „литургическая драма“ постепенно приобретает все более свободный характер, заменяет латинский язык народным и выходит из церкви сначала на паперть, затем на городскую площадь, при чем отдельные сцены сливаются в сложные пьесы (напр. „Поклонение пастухов“, „Плач Рахили“, „Поклонение волхвов“; или: „Грехопадение Адама и Евы“, „Убиение Авеля“, „Пророчества о пришествии Христа“), которые образуют два цикла: рождественский и пасхальный. В таком виде, на специально сооруженном помосте, обогатившись бытовым и комическим элементами и перейдя в руки актеров-мирян, литургическая драма к XII в. становится *мистерией*. Древнейший образец мистерии—нормандская „Игра об Адаме“ (около 1150), содержащая занятные психологические штрихи в ролях Евы и дьявола. Несколько познее по образцу мистерий развиваются *миракли*, заимствующие свои сюжеты не из св. писания, а из благочестивых легенд и житий. К религиозной литературе, наконец, примыкают зачатки „научных“ сочинений, из которых самые ранние—полные небылиц и проникнутые христианской символикой—„Лапидарий“ (трактат о камнях) *Марбода*, еписк. Реннского (начала XII в.), и „Бестиарий“ (о животных) *Филиппа Таонского* (ок. 1125), которому принадлежит также „Comproz“—

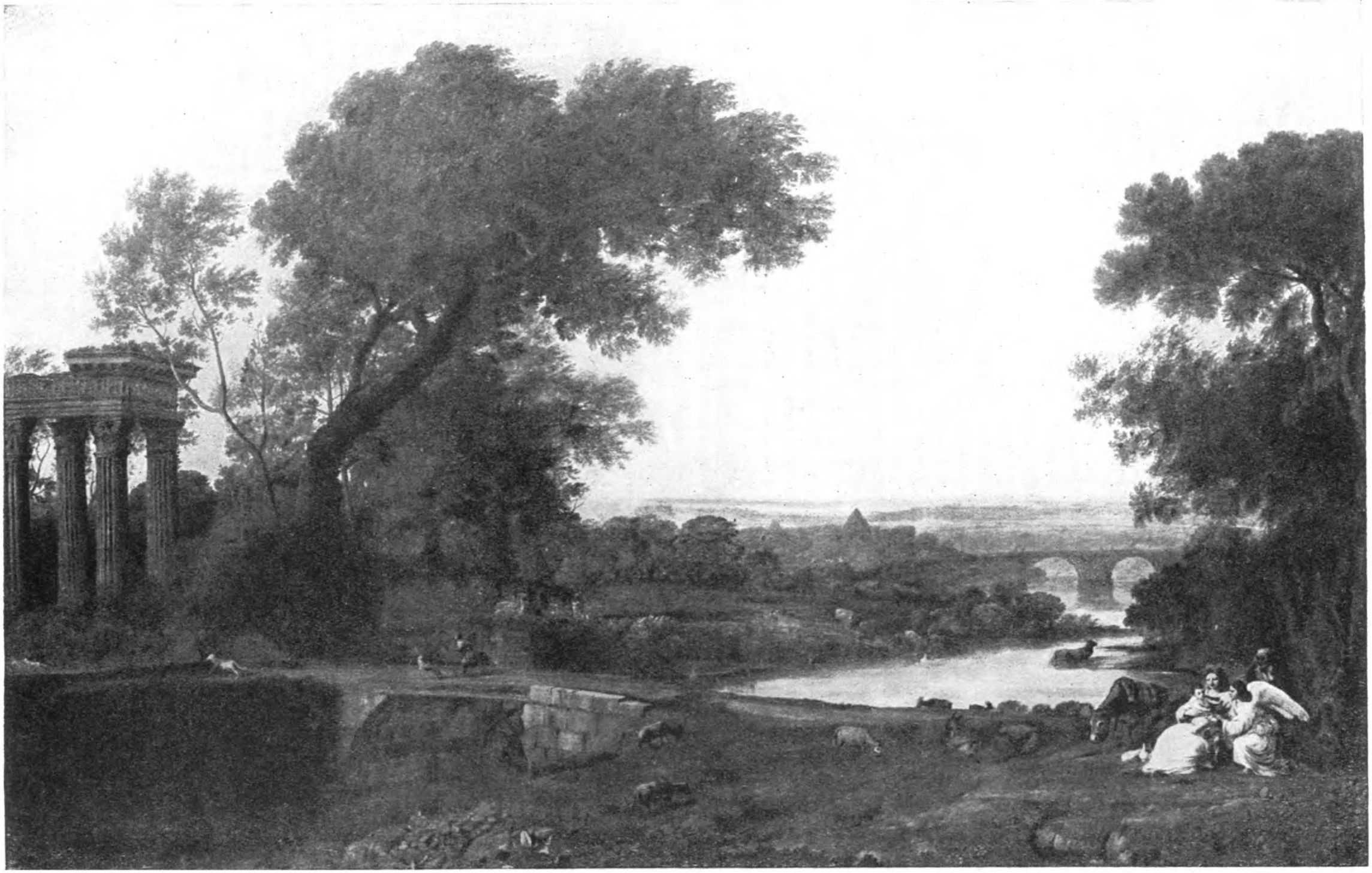
род календаря.—Менее социально окрашена и потому менее видное место в этот период занимает *лирика*. Возникшая из народных песен—рабочих, обрядовых (особенно первомайских, воспевающих приход весны, а вместе с нею любви) и бытовых, частью хороводных и плясовых, она и в руках профессиональных поэтов еще долгое время выдает свое происхождение—припевом, строфикой, образностью и общим тоном. Пока еще незатронутая культурным влиянием, шедшим из Прованса, она отличается свежестью и простой задушевностью. Особенно выделяются романсы (назыв. chansons à toile, т.-е. распевавшиеся женщинами за ткацким станком, или chansons d'histoire—о старинных происшествиях), имеющие повествовательный сюжет, обычно на любовную тему. Чисто лирическими жанрами были: любовная песня (обычные образы—весна, листва, соловей, милая), плясовая (carole), жалоба жены на злого мужа, пастурель (любовная встреча рыцаря с пастушкой), serventois (сатирическая, иногда на политические темы) и всевозможные débats—„прения" о взаимных достоинствах, лета с зимой, души с телом, вина с водой, поста с масленицей и т. п.

2) Придворно-рыцарский период (1150—1240). Ослабление феодализма и прекращение внутренних междоусобий имели следствием укрепление власти и правосудия, смягчение нравов и рост образованности (возникает парижский университет, развиваются школы). Изменяется характер жизни рыцарства. За сокращением военного ремесла мелкое рыцарство стекается для мирной службы в замки сюзеренов, становящиеся центрами мирной культуры. Женщины, которые к этому времени получают политически-имущественные права (некоторые из них—самостоятельные властительницы), делаются руководительницами кружковой жизни замка. Нередко они образованнее мужей, знают латынь, сами пишут стихи. К этому присоединяются разные культурные влияния. Знакомство с Востоком, вынесенное из крестовых походов, расширяет кругозор. Кельтские легенды открывают новый мир чувствительной фантазии. С юга проникает поэзия трубадуров с ее романтической идеологией любви (см. *провансальская литература*). Наконец, знакомство с античной литературой и влияние ее усиливаются до такой степени, что этот период можно рассматривать как одно из преддверий Возрождения. В общем, на смену суровому, воинственному идеалу предыдущей эпохи выступает усиленный интерес к проблемам чувства, затейливая игра воображения, вкус ко всему утонченному. Вместе с тем появляются первые проблески индивидуализма, и вырабатывается тип сознательного поэта - профессионала, отделяющего себя от жонглера-исполнителя.—Передовым родом поэзии становится лирика, принимающая, не без влияния провансальцев, куртуазный характер. Поэты в большинстве либо—знатные сеньеры, либо принадлежат к придворным кружкам. Таковы: граф *Конон Бетюнский*, король английский *Ричард Львиное Сердце, Тибо* граф Шампанский (позже король Наваррский), кастелян *де Куси, Гас Брюле, Блондель Нельский, Кретьен де Труа* и др. Исключениями являются: предтеча буржуазной лирики *Жан Бодель* и странствующий менестрель *Колен Мюзе*, поэзия которого носит более народный оттенок. Главными жанрами становятся, на ряду со старой „песнью" (chanson) и сервентуа,—тенцона и jeu-parti (дискуссия о проблемах чувства или рыцарских добродетелях, куртуазное перерождение старого „прения"), альба (предупреждение тайно любящим о рассвете), „salut d'amors", и музыкальные жанры—дескорт, мотет, лэ (lais). Здесь мы встречаем весь провансальский аппарат „совершенной любви" (fin amors)—ревнивых мужей, завистливых наветчиков, стрелы Амура, „любовную болезнь" и т. п. На ряду с тонким изяществом проступает манерность, нашедшая свое полное выражение в „игре в любовь", как, например, в тех „судах любви", где, согласно „кодексу любви", разрешались проблемы личных интимных отношений (описаны в латинском трактате *Андрея Капеллана* „De amore", начала XIII в.).—Диалектика любви, разработанная в лирике, отложилась объективно в образах рыцарского ро-

мана, при чем с нею удобно сочетался вкус ко всему фантастическому, авантюрному и живописному. В отношении стиля, сюжета и формы роман этот воспринял лишь очень немногое от героического эпоса, по существу же он восходит к иным источникам. Первым образцом для него послужили античные поэмы с некоторым психологическим элементом, который французские поэты сильно развили в духе куртуазных идей,—так же, как и вообще они придали древним героям обличье современных рыцарей. Таковы возникшие вскоре после 1150 г.: „Roman de Thèbes“, почерпнувший сюжет из „Фиванды“ Стация, „Roman d' Enéas“, переделка „Энеиды“ Вергилия, где сильно развит любовный эпизод между Энеем и Лавинией, и „Roman de Troie“ *Бенуа де Сент-Мор*, восходящий не к Гомеру, но к средневековой апокрифической повести о Троянской войне Диктиса и Дарета, и особенно разработавший эпизод любви Троила к Бризеиде и измены последней. Сюда же можно причислить вторую пространную обработку в чисто рыцарском духе „Романа об Александре“. Но вскоре вслед за этими первыми опытами появился более законченный вид авантюрного и психологического романа, развившийся на основе кельтских, византийских и восточных сюжетов. Кельтские легенды о короле Артуре, Мерлине, Тристане и т. п., с их эротикой, сверхъестественными подвигами, феями, великанами, превращениями и иным волшебством, проникли в Ф. л. двумя путями — из франц. Бретани, откуда их разнесли местные бродячие рассказчики или певцы, славившиеся своим музыкальным искусством, и из английского Уэльса и Корнуола, через англо-нормандское посредство. Простейшим отражением их являются lais (небольшие лирико-эпические повести в стихах) *Марии Французской* (около 1170) сентиментально-фантастического содержания. Но более зрелое и сознательное использование их мы находим в романах Круглого Стола. Решительное влияние на характер последних оказала поэма *Васа* „Brut“ (ок. 1155) пересказ псевдо-исторической хроники Готфрида Монмоутского „Historia Regum Britanniae“, где изображены пышный двор и подвиги сказочного короля Артура и его витязей, живших в V в. На двор Артура и персонажей его фр. поэты проецировали свой куртуазный идеал, иллюстрировав его авантюрной легендой. Лучшим мастером этого жанра, выработавшим законченную форму его, был *Кретьен де Труа*, придворный поэт графини Марии Шампанской, который в своих романах: „Erec“, „Cligès“, „Chevalier au lion“ и „Chevalier de la Charrette“, иначе „Lancelot“ (1165—1175), пользуется сказочной декорацией для трактовки проблем—прав и положения женщины, конфликта между любовью и воинской славой, прочности чувства и т. п., что делает его родоначальником европейского психологического романа. Еще раньше, до 1150 г., возник роман о Тристане и Изольде (поэма страсти, чуждой всякой условности), который был затем переработан *Томасом Берулем* и мн. др. прежде, чем распространиться среди других народов. Сюда же относится дошедший до нас во множестве версий (*Роберта де Борона*, того же *Кретьена* и др.) роман о „святом Граале“ — чудесной чаше, символе нравственной чистоты, на поиски которой выезжают разные рыцари Артура и которую обретает „простец“ Персиваль. Из других „бретонских“ романов были знамениты: „Ille et Galeron“ *Готье Аррасского*, „Méraugis de Portlesguez“ и „Vengeance Raguidel“ *Рауля де Удана*, „Fergus“ *Гильома Ле-Клерка*, „Biaus Desconeus“ *Рено де Боже* и др. С середины XIII века романы эти разлагаются в прозу и, циклизируясь, образуют нескончаемые компиляции, в которых идейность и психологизм окончательно вытесняются запутанной сетью банальных приключений. Исключением является „Lancelot du Lac et la Queste du Saint Graal“ неизвестного автора, в котором Граль, первоначально рисовавшийся каким-то неведомым целительным талисманом, с ясностью отождествлен с чашей, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Иисуса, при чем нахождение его приписано здесь не Персивалю, а Галааду, незаконному сыну Ланселота, возлюблен-

ного королевы Гениевры, жены Артура; автор романа замыслил дать синтез светско-рыцарского идеала с мистическо-христианским и с большим искусством осуществил его. Конечная судьба романов Круглого Стола подобна героическому эпосу — переход в XV в. в народную книгу (отчасти— в „Bibliothèque Bleue"), откуда они повлияли на возникновение в XV-XVI вв. испано-португальских „Амадисов" и „Пальмеринов", осмеянных Сервантесом.—Другим важнейшим источником для рыцарского романа послужили византийские и восточные сюжеты, частью занесенные крестоносцами, частью проникшие иными путями. Отсюда пошел собственно *авантюрный* роман, изображающий превратности судьбы и сердечные перипетии, нередко с сентиментальной окраской. Особую группу его образуют *идиллические* романы, обычная схема которых такова: юноша и девушка, сызмалу воспитанные вместе, влюбляются друг в друга и затем, будучи, в силу сословных или религиозных различий, разлучены родителями, после долгих поисков и многих опасных приключений счастливо навсегда соединяются („Floire et Blanchefleur", „Aucassin et Nicolette," „Escofle" и др.). Параллельно, отчасти по образцу этих типов романа, возникают и другие разновидности его: полуантичный с примесью псевдоисторической фантастики („Partenopeus de Blois"), легендарный („Robert le Diable"), религиозный („Guillaume d'Angleterre"), исторический („Eracle" *Готье Аррасского*). Иногда, наконец, вымышленный сюжет служит рамкой для широкого изображения рыцарской жизни и нравов эпохи („Guillaume de Dôle" или „Roman de la Violette", с многочисленными вставными лирическими пьесами). — Одновременно культивируются жанры менее характерные для социального уклада данной эпохи. Любовь к занятным и поучительным анекдотам порождает тип „roman à tiroirs," где несложный рассказ служит рамкой для множества кратких вставных историй морально-назидательного характера, обычно восточного происхождения, часто дошедших чрез посредство латинских переделок („Roman des Sept Sages", „Dolopathos"). Продолжает процветать и религиозная литература в виде житий, из которых назовем, как художественно наиболее значительные: „Vie de St. Gilles", „Barlaham et Josaphas" (христианская перелицовка легенды о Будде) и разросшуюся в целую эпопею почти современных событий (1170) „Vie de St. Tomas" *Гарнье дю Пон-Сен-Максанс* (1175); далее—„видения," из которых особенно любопытно описание чистилища в „Espurgatoire de St. Patrice" *Марии Французской*; миракли, среди которых выделяется сборник „Miracles de Nostre Dame" *Готье де Куэнси* (ок. 1223); переработки библейских сюжетов, и т. п. К дидактической поэзии относятся сборники басен, восходящие к поздне-латинским источникам, напр. „Ysopet" („маленький Эзоп") *Марии Французской*, морально-сатирические изображения современного общества, как, напр., „Le Livre des Manières" *Этьена Фужерского* или „La Bible" *Гио Провенсского*, переделки и отражения овидиева „Искусства любви", кое-какие географические и естественно-научные сочинения и т. п. Впервые, наконец, рождается художественная проза, проявившаяся, кроме религиозной и светской дидактики, главным образом в исторических хрониках. Здесь первое место занимает описание 4-го крестового похода, сделанное его участником—„La Conqueste de Constantinople" *Виллардуэна*, маршала Шампанского (ум. около 1212 г.), основателя фр. историографии.

3) Период буржуазной литературы (1240—1360). Наблюдающийся с начала XIII в. в связи с усилением денежного хозяйства рост городских коммун, в союзе с которыми ищет опоры королевская власть в борьбе ее с феодальной знатью, выдвигает сословие торгово-промышленной мелкой буржуазии с ее новыми художественными вкусами и интересами. Рыцарская струя в Ф. л. от этого отнюдь не заглохла, как это показывает, напр., продолжающееся развитие бретонских романов; а с другой стороны, многие жанры городской литературы зародились уже в предыдущий период. Но отныне на сто с лишним лет Ф. л. окраши-



Французское искусство.

Клод Лоррен (1600—1682). Полдень.

(Ленинград, Эрмитаж).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ“

вается по преимуществу чертами буржуазного миросозерцания, из которых главные: трезвый реализм, прозаичность чувств, юмор, рассудочность, склонность к сатире и бытовой живописности. При этом наблюдается либо частичное приспособление старых жанров, либо возникновение типически новых. Процесс первого рода происходит в лирике, где на смену замковым кружкам выдвигаются общества горожан-поэтов, имеющие регулярные собрания под председательством „prince'a", т. наз. „puys" („балкон", или „возвышение", на котором выступали поэты). Поэтические центры такого рода возникают преимущественно на севере, в Лилле, Дуэ, Турнэ, а наиболее знаменитый из них в Аррасе, где подвизаются лучшие лирики эпохи — *Адам де ла Галь*, *Жан Бодель*, *Одефруа Бастард* и др. В поэзии этой воспроизводятся прежние формы и темы, но общий характер ее изменяется в сторону большей простоты и естественности, хотя нередко в ней сильно чувствуется риторика. На ряду со светскими, часто трактуются и религиозные мотивы, но без мистической экзальтации. Музыкальное сопровождение разработано до тонкости. Сходное явление происходит в области романа, который, оставаясь по своим темам возвышенно-психологическим, обличает натуралистический и бытовой уклон. Таков, напр., роман „Le Châtelain de Coucy", легендарный сюжет которого (муж заставляет жену съесть сердце ее возлюбленного, после чего она умирает) перенесен автором в современность и разработан в реалистических тонах, или „La Châtelaine de Vergy", не менее трагическая история любви, почерпнутая из близкой автору действительности. Гораздо полнее выразился буржуазный дух в других жанрах, прежде всего в *фаблио* — небольших юмористических рассказах, рисующих обычно нравы разных представителей общества, иногда же попросту передающих бесхитростный анекдот. Фаблио развились уже в предыдущую эпоху, как низший вид литературы для нового нарождающегося слушателя, и в данный период они не столько разрабатываются дальше, сколько распространяются. Источники многих из них, бесспорно, восточные, но многие возникли самостоятельно на французской почве или имеют иное, неясное происхождение. В них впервые выводятся на сцену, кроме рыцарей и духовенства, купцы, ремесленники, крестьяне. Охотно изображается в них неверность жен („Espervier"), испорченность духовенства („Dou preste comporté"), крестьянское простодушие („Le Vilain Mire" — прототип „Лекаря поневоле" Мольера), проделки своден („Aubérée"), картины из жизни нищих („Les trois aveugles de Compiègne"). Насмешка бывает очень остра, но в общем фаблио имеют целью скорее увеселение, чем сознательную сатиру; тон их часто тривиален, но иногда они возвышаются до истинной художественности („Lai d'Aristote"). — Элементы сатиры встречаем мы в животной эпопее, также зародившейся еще в предшествующий период и вначале также преследовавшей цели лишь чистой забавности. Возникший между 1175 и 1200 гг. „Roman de Renart" является соединением нескольких первоначально раздельных поэм (branches — „ветвей"), где героями выступают звери в человеческом обличьи: лис Ренар, лев Нобль, медведь Брён, петух Шантеклер и т. п. Несмотря на то, что имена многих персонажей обличают германское происхождение (Renart, ставшее отсюда нарицательным именем лисицы — от герм. имени Raginhart — Рейнгарт; герм. имя волка Isengrim и др.), источниками этих поэм были не народные сказки, как думали раньше, но средневековая латинская басенная и нравоучительная литература. Объединяют весь этот материал проделки хитрого лиса, от которых страдают остальные звери. Около середины XIII в. и позже „Roman de Renart" обогащается новыми „ветвями", а также возникают новые самостоятельные вариации на ту же тему, проникнутые уже характером общественной сатиры: лев становится изобразителем королевской власти, лис — духовенства, медведь — рыцарства, куры — буржуазии и т. п. В „Couronnement Renart" (ок. 1270) повествуется о том, как Ренар, став монахом, добился коро-

левского трона. Аллегория примешивается к сатире в „Renart le nouvel“ *Жакемара Жьеле* (около 1288). Вообще же в романах этих проступает пародия на героический эпос.—Весьма остра сатира и в аллегорическом „Roman de la Rose“, оказавшем огромное влияние на всю последующую фр. лирическую и дидактическую поэзию. Начало его было написано еще в куртуазном духе *Вильгельмом де Лорриссм* (ок. 1230). Рамкой для повести служит сон поэта, в котором он под именем Влюбленного стремится проникнуть в замковый сад, где цветет Роза (возлюбленная), чтоб сорвать ее. Происходит ряд стычек с переменным успехом, в которых на стороне Влюбленного выступают Красота, Сострадание, Приветливость, Юность и под конец сам бог Амур, а против него — Страх, Стыд, Ревность, Злословие и т. п. Почти 40 лет спустя *Жан де Мён* написал длиннейшее продолжение (18.000 стихов), где утонченный психологизм и идеализацию чувств сменяет едкая реалистическая сатира. Аллегорическая форма в общем соблюдена, но нередки прямые отступления с изображением картин современной жизни, рассуждениями, циничными, но подчас остроумными описаниями пороков и слабостей человеческих, что в целом делает произведение своего рода сатирико-полемической энциклопедией средних веков. Особенно распространенной литературной формой эпохи являются dits („сказы“), небольшие повествования или рассуждения в стихах, назидательного характера (порою почти публицистические статьи), в которых автор дает свободную личную оценку событиям и людям; вместе с ними появляется струя индивидуализма в Ф. л. Весьма любопытны и злободневны dits, возникшие в Аррасе, где их усиленно культивировал *Рютбёф*, наиболее выдающийся поэт всего периода и едва ли не создатель этого жанра. Истинный представитель литературной богемы, непоседливый, на все отзывчивый, порывистый и глубоко человечный, он то отдается сатире, в которой не щадит ни князей („Dit d'Ypocrisie“), ни пап и монахов („Dit de sainte Eglise“, „Ordre de Paris“, „Des Béguines“ и т. п.), ни патентованной учености („Dit de l'Université“), ни общих человеческих пороков („État du Monde“, „Les trois Plaies du Monde“); то предается интимным полу-лирическим признаниям („Mariage“, „Complainte“, „Povreté Rustebeuf“); то откликается на исторические события, как крестовые походы („Complainte d'outre mer“, „Dit de la Voie de Tunis“); вместе с тем, он пишет в изобилии фаблио („Testament de l'Asne“), сценки нравов („Dit de l'Erberie“) и религиозные пьесы. Из других поэтов, писавших dits, назовем *Анри д'Анделн*, автора полной учености „Bataille des Arts“ и шутовской „Bataille des Vins“. В форму dits охотно облекали и всевозможные иные сюжеты, напр. легендарные, религиозные, исторические (сказания о Роберте Дьяволе, об императоре Констанции, о святых) и мн. др. К жанрам dits и буржуазной лирики примыкают возникшие также на севере зачатки комического театра. Первые образцы его — две пьесы *Адама де Ла Галь*: „Jeu de la Feuillée“ — род „обозрения“, полного намеков на современность, без твердого сюжетного стержня) и „Jeu de Robin et Marion“ — драматизация схемы пастурели, где крестьяне выведены в гораздо более привлекательном свете, чем рыцари.—Упомянем, наконец, обильную *дидактическую* литературу, порожденную вкусом трезворассудочных горожан не только к назидательности (примеры чему были выше), но и к знанию вообще. Появляется ряд трактатов, частью уже в прозе, по естественным наукам, медицине, юриспруденции, технике, или целые энциклопедии, как восходящие к латинским оригиналам „Image du Monde“ *Готье Мецского* и „Mappemonde“ („Карта мира“) *Пьера*. Продолжающийся интерес к „теории любви“ находит свое выражение в целом ряде вариаций на темы из Овидия: „Court d'amours“, „Clef d'amours“, „Romanz de l'arbre d'amours“ и т. д., вплоть до грандиозной (более 72.000 стихов) перелицовки на христианский лад „Метаморфоз“ Овидия в „Rommant des Fables d'Ovide le Grant“ *Кретьена Ле Гуэ*. Здесь вновь широко применена аллегоризация, вообще нередкая в дидактике тех времен. Процветает также

историография, начиная с бесхитростных записей (в прозе) очевидца — „Des saintes paroles et des bons faits de saint Louis", сенешала Шампанского *Жуэнвиля*, сопровождавшего Людовика IX в 6-м крестовом походе; затем следует ряд хроник, особенно — посвященных Востоку: „Chronique de Terre Sainte", „Livre de la Conqueste" и др.

4) Переходный период (1330 — 1500). Наблюдающееся уже в конце предыдущего периода разложение больших старых жанров и известное измельчание творчества побудило некоторых исследователей ввести понятие *среднефранцузской* литературы, объединяющей рассматриваемый период с Возрождением, для обозначения эпохи, переходной от средневековья к новому времени (которое они начинают с классицизма). Однако, такое деление, заимствованное из истории фр. языка, здесь вряд ли удобно в виду глубокого различия как общественной и культурной базы, так и главных форм и приемов Ф. л. до и после 1500 года. Определенный упадок начинается с воцарения династии Валуа (1328) и быстро усиливается вследствие Столетней войны (1337—1453), приведшей страну к разорению и тяжко отразившейся на духовном творчестве ее. Наиболее сильно пострадали городские коммуны, которые к тому же, в значительной мере блокируя с англичанами, оказались в стане побежденных, между тем как носительницей победоносной национальной идеи явилась феодальная знать, отчасти вновь приобретшая свое прежнее значение. Этим определяется основной характер Ф. л. за весь данный период: аристократический, с прорезями неугасающих и обновляющихся буржуазно-демократических тенденций. При этом, однако, в связи с централизацией власти и ростом реалистического миросозерцания, новая рыцарская поэзия, в отличие от 2-го периода, ищет более пышных, сознательно-декоративных форм и переносит свой интерес с романтического вымысла на придворную действительность. В целом — литература по преимуществу эпигонская, бедная новотворчеством: изживание форм и стилей до того момента, когда в конце периода появятся новые античные и итальянские веяния. — В лирике некоторое время еще держатся традиции puys, но вскоре их оттесняет новая манера, более аристократическая и в то же время более личная. Основатель ее — секретарь Иоанна Люксембургского, затем французского короля Иоанна Доброго, *Гильом де Машо* (1300 — 1377), разработавший новые формы — балладу (в лирическом смысле, наследие „chansons" и пастурелей), virelі (род рондо) и chant royal. Поэзия его, полная откликов на актуальную придворную жизнь, отличается внешним блеском и виртуозностью формы, но сильно страдает риторичностью. Столь же условно творчество ученика Машо, *Евстахия Дешана* (1340—1406), автора 1100 баллад и первого фр. трактата по поэтике „Art de dictier et de fere chançuns"; *Христины Пизанской* (1364—1430), составлявшей длинные аллегорически-назидательные поэмы из цикла отдельных стихотворений, и *Алена Шартье* (1392 — 1430). Образцом модной в то время вязи мелких пьес в одно целое является анонимная книга „Livre des cent ballades" (тема — встреча юноши со старым рыцарем и молодой дамой, которые дают ему противоречивые советы по части любви, в утонченно изящном стиле). Из позднейших лириков особенно выделяются *Карл Орлеанский* (1390 — 1465) и стоящий несколько особняком, продукт парижской университетской богемы, глубоко индивидуальный *Франсуа Виллон* (1431 — 1463), автор циклов „Grand Testament" и „Petit Testament", полных цинических признаний и высокой лирической экзальтации. Единственным представителем народной струи является писавший веселые и любовные песенки *Басслен* (ум. ок. 1450 г.) из Во-де-Вира (откуда позднее образован, в ином применении, термин „водевиль").

В области повествовательной литературы, кроме старых жанров романа рыцарского („Perceforest"), сказочно-фантастического („Mélusine", 1387), аллегорически-дидактического („Prise amoureuse" *Жана Акара* или „Pèlerinages" *Гильома Дегюльвиля*) и исторической эпопеи („Bertrand Duguesclin" *Кювелье*, ок. 1384), намечаются зачатки реали-

стически-бытового романа с сильным автобиографическим элементом в „Petit Jehan de Saintré“ *Антуана де ла Саль*, которому принадлежит также заслуга создания фр. художественной *новеллы* в „Cent Nouvelles nouvelles“ (ок. 1460).— Историография богато представлена полною блестящих картин рыцарской жизни хроникой *Фруассара* (1337—1361), тщательными „Мемуарами“ *Филиппа де Коммин* (1443—1511) и мн. др. В ученую литературу, в которую начинает проникать дух критического исследования, постепенно просачиваются переводы из древних писателей — Тита Ливия, Аристотеля, Светония, Сенеки, позже—из Петрарки, Боккаччьо и др.— Наиболее творчески оригинальной и в то же время народной ветвью Ф. л. является в этот период драма. Здесь, прежде всего, наблюдается расцвет мистерий, которые насыщаются чисто мирскими сценами и, циклизируясь, достигают колоссальных размеров. Таковы, напр., „Mystère du Vieux Testament“, слившаяся из 40 отдельных пьес и охватывающая все события от сотворения мира до начала нашей эры (50.000 стихов), „Mystère de la Passion“ *Арну Гребана* (1450) и „Histoire des Apôtres“ бр. *Арну* и *Симона Гребан* (62.000 стихов). Новым жанром является аллегорическое *моралите*, обычная схема которого — борьба разных пороков и добродетелей за власть над человеком („Bien Avisé et Mal Avisé“), при чем религиозная мораль (спасение или гибель души) постепенно заменяется чисто мирской (охрана жизни и здоровья, напр. в „Condamnation das Banquets“). Огромное значение моралите для развития всего последующего театра состоит в полном обмирщении сюжетов, разработке психологического анализа, установлении „типов“ (от отвлеченного образа порока к образу отдельного человека, носителя его) и единства действия, героя и идеи. Дальнейшим развитием моралите, а в еще большей мере мираклей, являются histoires, уже без аллегоризма, на сентиментальные сказочные или бытовые сюжеты, напр. „Histoire de Griséldis“, „Le Miroir des Dames mariées“, на тему из Боккаччьо (1395), или „Pauvre fille villageoise“. Весьма развивается также комический театр в виде *сотий* и *фарсов*. Сотии (от sot — „дурак“) были небольшие пьески чисто буффонного характера с примесью политической сатиры (еще в начале XVI в. как автор их славился *Пьер Гренгор*). Более литературно разработаны фарсы, преследовавшие цель чистого смеха без назидательности и выводившие серию типических персонажей (сварливая жена, простак-муж, шарлатан-врач, ханжа-монах и т. п.), чем в значительной мере они явились предшественниками комедий Мольера; наиболее знаменитый из них — „Maître Pathelin“ — история обманутого плута-адвоката (ок. 1470). Наконец, по примеру религиозных, возникают и „светские мистерии“. Древнейшая из них — „Mystère du Siège d'Orléans“ (ок. 1440), родилась из процессии с мимическими сценками, совершавшейся в Орлеане в память освобождения города Жанной д'Арк от осады его англичанами (1429). По образцу ее сочиняются другие подобные „мистерии“ на различные исторические и легендарные сюжеты, напр. „Histoire de la Destruction de Troie la grant“ (1450) с подробно разработанным эпизодом любви Троила и Хризеиды, „L'Empereur qui tua son neveu“ и т. п. Последним отпрыском средневековой манеры и вместе с тем переходным звеном к Возрождению является поэтическая школа „Grands rhétoriqueurs“, процветавшая в конце XV в. при дворе бургундских королей Филиппа Доброго и Карла Смелого. Ее образовывали — глава ее, *Жорж Шателен*, *Жан Молине*, *Жан Мешино* и *Ле Мер де Бельж*, относящийся скорее к следующей эпохе (ум. в 1525 г.), автор галантного цикла „Epîtres de l'Amant vert“ (любовные послания попугая из ада к его земной возлюбленной) и громоздкой национальной эпопеи „Illustration de la Gaule et Singularités de Troie“ (3 тт., 1513). Помимо крайней манерности стиля, у этих поэтов обозначаются и новые веяния, особенно у Ле Мера, вдохновляющегося Гомером и уже применяющего в своей лирике итальянскую терцину.

II. Эпоха Возрождения (XVI век). Если уже в конце предыдущего пе-



Французское искусство.

Антуан Ватто (1684—1721). Танец.

(Потсдам).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГРАНАТ.

риода проступает влияние античных и итальянской литератур, то вся Ф. л. XVI века ярко окрашена им. Как всегда бывает, влияние это оперлось на местные социальные и культурные условия, явившиеся главными факторами французского Возрождения: подъем благосостояния страны после Столетней войны, рост торговли и капитала, образование крупной буржуазии, получившей доступ к должностям и к двору, создание „светского общества", развитие образованности, торжество реалистического миросозерцания. Плодом всего этого явились прилив интереса к формам реальной жизни, свободная культура чувств, пробуждение критической мысли, формирование художественного вкуса. Новое чувство жизни находит сжатое определение в словах *Рабле*: „За порогом темной готической ночи глаза наши раскрылись для блистательного светоча-солнца". В области чисто литературной возникает новая поэтика, признающая самостоятельную ценность стиля и художественной формы. Будучи в основном схожим с итальянским Возрождением, французское отличается от него след. двумя чертами: 1) с самого же начала источниками ему послужили, на ряду с латинской, не только греческая литература, но также и итальянская, благодаря чему заимствованные идеи и формы пришли во Ф. в более разнообразном, полном и отчасти уже приспособленном для современности виде; при этом итальянское влияние, упрочившееся со времен французских походов в сев. Италию (1494—1515), впоследствии еще более усиливается; 2) несмотря на пробуждающуюся культуру формы, интересы фр. Возрождения лежат столь же в области моральной и практической, как и чисто художественной; так, напр., весьма значительное место занимают в нем идеи, порожденные реформацией. В социальном отношении наблюдается примерное равновесие между аристократическими и буржуазными тенденциями, при чем первые находят свое преимущественное выражение в лирике, а позже — в драматургии, вторые (к которым примыкает и гугенотство)— в романе, новелле и дидактической прозе. Но, в общем, резкого антагонизма между теми и другими не наблюдается, и они довольно легко объединяются во вкусах и интересах образованного „светского общества" эпохи. Хронологически франц. Возрождение распадается на два периода, гранью которых считается смерть Франциска I (1547). Главными отличительными чертами 2-го периода являются: сознательная артистичность формы, реформа литературного языка и стиля и более тесное слияние античного и национального начал, которые в 1-м периоде развиваются отчасти особняком и порою даже во взаимном антагонизме.

1) *Раннее Возрождение (1500 — 1550).* Двумя главными литературными центрами этого периода являются двор короля и кружок сестры его, Маргариты Наваррской (иначе Ангулемской). Франциск I (1515—1547), человек широко образованный и сам немного поэт, лично становится во главе нового культурного и художественного движения. Он окружает себя поэтами, художниками (частью итальянскими), учеными гуманистами, как *Пьер де Шатель*, *Данес*, *Бюде* и др., покровительствует просвещению, которое стремится изъять из-под контроля церкви, основывает (около 1530 г.) свободный университет — Collège de France для изучения греческого, латинского и еврейского языков, сам заказывает (или поощряет их) переводы на франц. язык Гомера, Гезиода, Вергилия, Овидия, Боккаччьо и т. п. Несмотря на покровительство Франциска I гуманизму, именно его участию в движении обязано оно сохранением в нем национальной струи в противовес крайнему увлечению античными литературами и языками, одно время грозившему вытеснить французский язык из литературы. Не менее значительна роль Маргариты Наваррской (1492—1549), которая сама была выдающейся писательницей и дала при своем дворе приют многим гугенотам или подозреваемым в сочувствии свободомыслию и протестантизму, как *Бонавентура Деперье* (1498 — 1544), автор вольнодумных диалогов „Cymbalum Mundi", Маро и др.—Наиболее богатое развитие переживает сначала лирическая поэзия. Здесь на смену „великим

риторам" приходит более свежее и непосредственное искусство *Клемана Маро* (1496—1544), автора множества мелких пьес, двух поэм („Le Temple de Cupido" и „L'Enfer") и перевода псалмов. Типично придворный поэт, отражающий мимолетные события и чувства с изящной легкостью, но без глубины и сознательной артистичности, Маро создал носящий его имя стиль и явился предшественником Плеяды. Характер почти импровизации носит творчество последователя Маро, *Меллена де Сен-Желе* (1491—1558), который также впервые стал намеренно подражать итальянцам и, может быть, первый во Ф. применил форму сонета. Более серьезна поэзия *Маргариты Наваррской*, оставившей нам, кроме мелких светских стихотворений, три религиозных цикла—поэмы „Le Miroir de l'Ame pêcheresse", „Le Triomphe de l'Agneau" и „L'Oraison de l'Ame fidèle". Еще более процвели, с одной стороны, итальянизм, с другой — религиозные мотивы в *лионской* школе поэтов, представителями которой были: *Антуан Эроэ*, епископ диньский (ум. в 1568 г.), родоначальник позднейшей „прециозности", воспевавший в стихах к „совершенной подруге" мистическую любовь; меланхолический и вычурный подражатель Петрарки, *Морис Сев* (1510—52); *Луиза Лабе* (1526 — 66), писавшая страстные сонеты и руководившая местным поэтическим салоном, наконец, *Тома Сибиле*, автор трактата „L'Art poétique" (1548), где он рекомендует подражать древним, соблюдать цезуру, культивировать оду и сонет и т. п. — Менее богата прозаическая повесть.

Совершенно особняком стоит комическая эпопея—роман *Франсуа Рабле* (приблиз. 1495 — 1553), „Гаргантюа и Пантагрюэль" (1532 — 35, в 4-х книгах; 5-я, вероятно, подложна). Здесь выразился не только просвещенный идеал Возрождения, но и темперамент эпохи: жажда свободы чувств и жизни „согласно природе" (девиз Телемского аббатства: „делай что хочешь"). Поэтому сатира на старую систему воспитания, схоластику, войны, управление государством и т. п. заглушается в романе Рабле беззаботным смехом и вкусом к грандиозному гротеску. Более обильное применение нашло искусство рассказа в новеллах, образцом которых является „Гептамерон" *Маргариты Наваррской* (изд. после смерти ее, в 1558 г.), обличающий в обрамлении и трактовке сюжетов влияние „Декамерона", переведенного, по ее желанию, в 1545 г. на франц. язык. Отличие состоит, однако, в том, что большинство сюжетов взяты из реальных происшествий того времени и что все новеллы сопровождаются моральными рассуждениями. Из других рассказчиков эпохи назовем *Николя де Труа* („Le grand Parangon des Nouvelles nouvelles", 1537), *Ноэля дю Файля* („Baliverneries" и „Propos rustiques", около 1545) и *Бероальда де Вервиля* („Le Moyen de parvenir", собрание шуток и анекдотов, ярко рисующих эпоху; около 1540). В стороне от этой реалистической литературы стоят, как запоздалая дань рыцарским вкусам, переводы и подражания испанским фантастически-авантюрным романам, напр. „Amadis de Gaule" *д'Эрбере дез-Эссара* (1540 — 48). — Ученая и дидактическая проза на франц. языке представлена переводами из Гомера (*Ж. Санксон*, 1519, затем *Салель*, 1545), Диодора и Фукидида (*Сейссель*, 1527), трагедий Софокла и Эврипида (*Лазар де Баиф*, 1537), „О домоводстве" Ксенофонта (*Ла Боэси*, около 1550), Библии (*Лефевр Детапль*, 1524—30) и мн. др.; также первыми опытами научной грамматики и апологии родного языка, как „Champfleury" (где франц. речь уподобляется „цветущему лугу") *Г. Тори* (1529) или „Traités grammaticaux" *Мегре*, (около 1545). Особое место занимают великолепные по своему слогу сочинения *Кальвина*— „Institution chrétienne" (1540, сначала появилось на латинском языке в 1536 году) и „Sermons" (около 1545), немало способствовавшие развитию позднейшего ораторского и философского стиля.—В области театра на протяжении этого периода всецело еще господствуют средневековые формы мистерии, фарса и т. п., без сколько-нибудь значительного новотворчества.

2) Высокое Возрождение (1550 — 1600 или 1610). Новый период открывается реформой в области лирики, связанной с общей реформой поэтического языка.

И ту и другую осуществил кружок поэтов, прозванный Плеядой, с *Ж. дю Белле* и *Ронсаром* во главе. В 1549 г. был выпущен программный манифест группы, составленный дю Белле, „La Deffence et Illustration de la Langue Françoise". В целях реабилитации франц. языка и литературы, здесь предлагается обогатить и облагородить их путем переводов и подражаний древним, а также введения античных жанров, как ода, сатира, эпопея, трагедия, комедия и т. п. В частности, сильно реформируется синтаксис, наполняющийся латинскими оборотами, и в поэзию вносится утвердившийся в ней с тех пор на два с половиною века аппарат мифологических образов. Полнее всего была осуществлена программа в лирике, затем в трагедии. Наиболее богатые и совершенные образцы новой манеры дал *Ронсар* (1524 — 1585), истинный вождь Плеяды, впервые внесший в фр. поэзию звучность и пластичность и вызвавший поклонение двора и всех современных ему поэтов и критиков. В своих многочисленных сборниках од, гимнов, элегий, эклог, сонетов, эпиграмм и т. п. он смягчает сильнейшее подражание древности петраркизмом, а также французским вкусом и чувством меры. Менее удачен его опыт создания национальной эпопеи в подражание Гомеру и Вергилию, а отчасти и Тассо, „La Franciade" (1572), оставшаяся незаконченной. Менее обильна, но столь же изящна, исполненная меланхолии и легкой иронии лирика *дю Белле* (1525—60). Другими членами кружка были *Белло* (1528—77), *Антуан Ле Баиф* (1532—90), *де Тиар* (1511—1603) и *Жодель* (1532—73), не считая *Жана Дора* (1508—88), который писал стихи только по-латыни и по-гречески, но фактически был учителем всех названных. Преемники Плеяды идут двумя путями. С одной стороны, развивается чисто придворная лирика, изнеженная и манерная, подражающая итальянцам гораздо более, чем древним, — *Депорт* (1546—1606), *Берто* (1552 — 1611), *Дюперрон* (1556 — 1618). С другой стороны, возвышенные мотивы и более строгая форма выступают в творчестве суровых гугенотов: *дю Барта* (1544 — 90), автора библейской поэмы „Les Semaines" (1578), и *д'Обинье* (1550 — 1630), автора поэмы „La Création" и эпико-сатирического цикла „Les Tragiques". — Вторым крупным созданием периода была полуклассическая трагедия, сменившая собою старые мистерии и возникшая также из теории Плеяды. Предтечами ее явились подражательные трагедии на латинском языке, как „Иевфай" и „Иоанн Креститель" *Бюшанана* (ок. 1540) или „Юлий Цезарь" *Мюре* (1544), а также переводные с греческого („Гекуба", пер. *Бушталь*, 1545, „Ифигения в Авлиде", пер. *Сибиле*, 1549) и с итальянского („Софонисба" Триссино, пер. *М. де Сен-Желе*, ок. 1548). Первой оригинальной франц. трагедией была „Клеопатра" *Жоделя* (1552), впервые поставившая в центр действия моральный конфликт и изображение сильных страстей. По этому пути, подражая преимущественно Сенеке, пошли: *Жан де ла Перюз* („Медея", 1553), *Ж. Гревен* („Смерть Цезаря", 1560), *Жан де ла Тайль* („Саул", 1572), *Жак де ла Тайль* („Дарий" и „Александр", ок. 1562). Установлению типа трагедии немало способствовали теоретики, напр. *Скалигер*, родом итальянец, в своей „Поэтике" (1561) предвосхитивший идеи Буало (три единства, логичность развития действия и мн. др.), и Жан де ла Тайль, выставляющий те же требования в предисловии к своему „Саулу". Наибольшего мастерства достигают предшественники Корнеля — *Гарнье* (1534—90; „Марк Антоний", „Антигона", „Евреи") и тесно примыкающий к нему *Монкретьен* (прибл. 1575—1621; „Давид", „Мария Стюарт"). Сходно развивалась под итальянским (Ариосто) и античными влияниями полу-классическая комедия, первые образцы которой — „Евгения" *Жоделя* (1552) и „Казначейша" *Жака Гревена* (1558) подготовили комедии в прозе *Лариве* (1540—1611) и *Тюрнеба* (ок. 1580). Наконец, смешанный жанр пасторальных и фантастических пьес, возникший также под итальянским влиянием, разрабатывают *Никола де Монтрё* (ок. 1590) и др. — В виду того, что лирика и драма совершенно оттеснили роман и новеллу, художественная проза данного периода представлена исключительно дидактической

литературой. Здесь первое место занимают выдающиеся в стилистическом отношении философско - моральные „Опыты“ *Монтеня* (см.) (1580, 2-я редакция—1588), в которых отразился скептицизм, явившийся реакцией на жизнерадостность раннего гуманизма и отчасти порожденный ужасами религиозных войн эпохи. Еще сильнее ощущается пессимизм в „Трактате о мудрости“ (1601) друга и последователя Монтеня, *П. Шаррона*. Прямой и яркий отклик на религиозные гонения находим мы в анонимной и коллективной гугенотской „Менипповой сатире“ (1594), в которой моральный пафос д'Обинье (участвовавшего в ее сочинении) и острая гротескность Рабле соединились с гуманистическим искусством формы. Из моралистов отметим также *Ла-Боэси*, автора юношеского трактата „О добровольном рабстве“ (ок. 1550, изд. 1576), содержащего пылкий протест против абсолютизма. Крупным памятником стиля являются, далее, „Жизнеописания“ Плутарха в переводе *Амио* (1559). Широко развивается мемуарная литература, принимающая иногда полу-беллетристический характер и отчасти заменяющая новеллу. Таковы, в особенности, произведения *Брантома* (1534—1616), за свою долгую службу при дворе много наблюдавшего и проявившего себя как занимательным историком („Vies des grands Capitaines“), так и фривольным рассказчиком („Vies des Dames galantes“). Из других мемуаристов назовем бытописателей гражданских войн: *Монлюка* („Комментарии“, 1575 — 77) и *де Лану* („Политические и военные рассуждения“, 1587). Из обильной ученой литературы отметим лишь, как относящиеся к словесной культуре, труды по античной филологии и по грамматике франц. языка выдающихся гуманистов *Этьена Паскье* и братьев *Анри* и *Роберта Этьеннов* (60-е и 70-е годы).— В последние годы XVI в. Ф. л. Возрождения значительно изменяет свой характер, что дало основание некоторым историкам литературы выделить годы правления Генриха IV (1594 — 1610) в отдельный период, переходный от Ренессанса к классицизму. Кроме некоторых упомянутых выше писателей (в особенности дю Барта, д'Обинье, Монкретьен, Шаррон), сюда относятся эпигоны Плеяды: *Вокелен де ла Френе* (1535—1607), идиллик и сатирик, автор „Art poétique“ (1605), в котором он смягчает идеи Плеяды в сторону большей умеренности и естественности, и *Матюрен Ренье* (1573—1613), плодовитый поэт и критик, будущий противник Малерба, с которым его, однако, объединяет требование отчетливой ясности стиля. Характерными чертами этого периода являются в идеологическом отношении морализм, рост гражданского и национального самосознания, некоторая рассудочность, в формальном — изживание бурного новотворчества Ренессанса и искание более точной, спокойной и устойчивой формы. Именно отсюда ведет свое начало искусство Малерба и Бальзака.

III. Семнадцатый век (классицизм). Предпосылкою Ф. л. XVII века, и в частности классицизма, является сложный процесс социально-политического, идейного и чисто художественного порядка. Первый момент сводится к полному торжеству абсолютизма, намечавшемуся еще в первой половине века (Ришелье и Мазарини) и завершившемуся при Людовике XIV. Утратив свое политическое значение, феодальная аристократия стягивается к двору, который стремится впитать в себя все умственные силы страны. Но еще более, чем на дворянство, власть опирается на буржуазию, охотно идущую к нему на службу. Часть парижской буржуазии, проникнувшись воззрениями двора, образует в соединении с придворным обществом группу „порядочных людей“ (honnête homme), которые диктуют художественные вкусы всей стране. Отсюда начало *салонной* культуры XVII в. и возникновение понятия „хорошего вкуса“ — одного из существенных элементов классицизма Другие элементы его вызваны ростом национального и художественного самосознания. Опыты формальных исканий Возрождения привели к потребности в окончательном, твердом каноне. Древние писатели попрежнему служат базой, но уже не как образцы для подражания, а как учителя, вдохновляясь которыми надлежит создать собствен-



Французское искусство.

Жан Батист Грез (1725—1805). Чтение письма.

(Лондон, коллекция Ротшильда).

ную, национальную систему путем приспособления античных идей и жанров к духу времени. Развитие рационалистической философии (Декарт) и точных наук (Кеплер, Ньютон, во Ф. — Паскаль) подсказывают взамен неопределенного авторитета древних „объективные“ (и к тому же отвечающие национальным чертам французского ума) критерии художественности: *разум* (raison) и *природу*, т.-е. естественность (nature), при чем последняя понимается не как стихийность, но как стройное благообразие и закономерность. Этим из поэзии изгоняются всякий лирический порыв и острая субъективность, и утверждается стиль максимально точный, ясный и законченный. Со стороны содержания моральная требовательность конца XVI века сейчас еще усиливается возрождением покровительствуемого при дворе католицизма с его учением о природной порочности души и необходимости бороться со страстями. Воззрение это доводится до крайности янсенизмом, к которому привержены не только Паскаль, но и Буало, Расин и мн. др. Благодаря этому литература проникается *психологизмом*, и изображению вещей и явлений уделяется мало внимания; при этом психологический анализ сосредоточивается преимущественно на общих или типических чертах характеров, не на индивидуальных. Таковы основные элементы системы *классицизма*, вполне выразившейся в „Поэтическом искусстве“ Буало, но фактически созревшей уже с 20-х годов века. Соответственно этому принято различать в литературе XVII века 2 периода: 1) до 1660 года, когда стиль и жанры не вполне отвердели, и еще ярко проступает индивидуализм; 2) расцвет классицизма, за которым, однако, вскоре (с 1685 г.) замечается ослабление системы и переход к новым веяниям.

1) Период формирования классицизма (1600 или 1610—1660). Тенденции, наметившиеся в эпоху Генриха IV, прежде всего привели к основной реформе поэтического языка и стиля, произведенной *Малербом* (1555 — 1628). Придворный поэт умеренного дарования, Малерб прославился как критик, суждения которого по вопросам поэзии (исключительно устные) большинством современников принимались безоговорочно. Главные пункты его реформы — скорее ограничительного характера: очищение поэтического языка (равно как и разговорного) от избытка латинизмов, провинциализмов и т. п., ослабление подражательности древним и низведение мифологического багажа до степени простой декоративности, протест против изнеженного итальянизма, наконец, упорядочение стихосложения. В общем, Малерб—враг фантазии, лиризма, символов, сторонник логичности (raison), обращения к действительности, общих идей и строгой чеканки формы. У Малерба нашлись противники, из которых, кроме названных выше поэтов старшего поколения (М. Ренье, де ла-Френе, Берто), отметим вольнодумца и автора глубоко эмоциональных од и элегий—*Теофиля де Вио* (1590—1626), лирика и автора поэмы „Моисей“ *Сент-Амана* (1594—1661) и гротескного поэта, также автора нескольких пьес и повестей, *Сирано де Бержерака* (1619—1655). Гораздо более многочисленны последователи Малерба, из которых прямые ученики его—*Ракан* (1589—1670), писавший гармоничные меланхолические стансы, псалмы и оды, и *Фр. Мейнар* (1582—1642), писавший легкие и острые по мысли оды и эпиграммы, а также эротические стихи. Но в более широком смысле продолжателями Малерба являются почти все поэты XVII века. В выработке правильного и чистого языка, а также литературного вкуса, принимает видное участие парижское светское общество; именно, возникает ряд *литературных салонов*, где создаются репутации и формируются направления. Один из них, возникший около 1620 года в доме советника Валентина Конрара, был декретом Ришелье от 1635 г. преобразован в Французскую Академию. Еще более знаменит был другой салон, маркизы де Рамбулье, существовавший с 1618 по 1660 г.; здесь, между прочим, обозначился уклон в сторону той вычурности стиля (préciosité), которая затем была осмеяна Мольером в „Смешных жеманницах“. Позже, с 60-х годов, на смену им возникают салоны м-м де Сабле, м-ль де Скюдери и др. В жизни этих салонов принимали уча-

стие почти все видные писатели эпохи. Кроме Малерба, Ракана, Корнеля, Ротру, Скаррона и др., мы здесь встречаем ряд более мелких, типично салонных писателей, как педантический критик и автор вышученной Вольтером поэмы „La Pucelle“ *Жан Шапелен* (1595—1674), тонкие стилисты *Вуатюр* (1598—1648) и *Вожела* (1585—1620), драматурги *Мере* (1604—86) и *Демаре* (1595—1676), сочинитель балетных либретто *Бенсерад* (1612—91), осмеянный Мольером в „Ученых женщинах“ за вычурность аббат *Котен* (1604—82), авторы модных сонетов *Мальвиль* (1597—1647) и *Гомбо* (1576—1666), мастер мадригала *Антуан де ла Саблиер* (1615—80), салонные поэты *Сарразен* (1604—55) и *Года* (1605—72) и мн. др. Вскоре вслед за стилем поэзии, хотя и на иной основе, был выработан классический стиль художественной прозы. Первыми образцами его можно считать „Discours sur la méthode“ (1637) и другие сочинения *Декарта*, в которых глубина мысли соединена с чистотой формы и художественной ясностью выражения. Но истинным создателем прозаического стиля является *Гез де Бальзак* (1594—1654), который сделал для прозы почти то же, что Малерб для поэзии. Ему принадлежит выработка стройности и чистоты слога, искусства построения столь же ясной, сколь изящной фразы. Главное наследие его—многочисленные письма, адресованные им разным лицам и содержащие цельные рассуждения на литературные, исторические и общественные темы. Стилистические задачи преследуют также в первую очередь его политические и моральные трактаты: „Le Prince“, „Aristippe ou la Cour“ и наиболее значительный из них „Le Socrate chrétien“. Вообще законченный стиль прозы этого периода находит свое выражение главным образом в дидактической и эпистолярной литературе. Так, чрезвычайно ценились письма Вуатюра (писавшего также стихи), менее серьезные, чем послания Бальзака, но весьма живые и блещущие мастерством рассказа. Крупным памятником эпохи, как по идеям, так и по форме, являются произведения *Паскаля* (1623—62): „Мысли“ (изд. лишь в 1670 г.) и янсенистские, направленные против иезуитов, страстные и стилистически гибкие „Письма к провинциалу“. К концу периода относятся мемуары м-м *де Мотвиль* (1621—89), а также начало литературной деятельности *Боссюэ*, *Ларошфуко* и м-м *де Севинье*, о которых будет сказано ниже.—Что касается собственно беллетристического творчества, то роман, зарождающийся и расцветающий именно в этот период, менее классичен по форме, что объясняется тем, что он, в новом европейском смысле слова, был неизвестен древности, равно как и отсутствовал в эпоху французского Ренессанса, в силу чего теоретикам классицизма было трудно установить законы этого жанра. Первый образец нового романа, „Astrée“ *Оноре д'Юрфе* (изд. 1610—27), возник под двойным итальянским (Саннадзаро, отчасти Тассо, Гварини) и испанским („Диана“ Монтемайора и „Галатея“ Сервантеса) влиянием. За этим изнеженно-манерным, полу-мифологическим пастушеским романом последовала длинная серия авантюрных и псевдо-исторических романов, в которых старый вкус к народным рыцарским романам XV—XVI веков возрождается в преломлении салонного интереса к истории и мемуарам. Цель авторов—создание легкого и развлекательного чтения для светского общества. Первые образцы в этой манере—„Polexandre“ *Гомбервиля* (1632) и „Ariane“ *Демаре* (1632), имевшие шумный успех. Но наибольшей популярности достиг *ла Кальпренед* (1609—63), осмеянный Буало за свои фантастические и нескончаемые романы—„Cassandre“ (10 тт., 1642—45) и „Cléopâtre (12 тт., 1647). Героический, но в то же время психологически и стилистически вычурный оттенок принимает этот жанр в „Grand Cyrus“ м-ль *де Скюдери* (1649) и в „Clélie“ (1656), ее же, где аллегорически изображены некоторые современницы автора. В виде реакции против манерности этих пастушеских и авантюрных романов возникает сатирико-реалистический роман: „Foeneste“ *д'Обинье* (1617—30), „Histoire comique de Francion“ (1622) и „Le Berger extravagant“ (1628) *Шарля Сореля*, где, в противовес „Astrée“, все персонажи нарочито взяты из низших

слоев общества, далее гротескная „Histoire comique des états et des empires de la lune et du soleil“ *Сирано де Бержерака* (1619—55), наконец, замечательная по своему натурализму история труппы странствующих комедиантов, „Le Roman comique“ (1651) *Скаррона*, автора также буффонной эпопеи „Virgile travesti“ (1648) и пьес для театра. — Наиболее крупным созданием эпохи, полнее всего отразившим дух времени и идеи классицизма, является трагедия, окончательное оформление которой состояло в замене фантастичности и аффектации четким психологизмом и возвышенной моралью. Развитию ее немало содействовало появление с начала века в Париже постоянного театра и организованных профессиональных трупп, что поставило драматургов лицом к лицу с определенной сценической площадкой, публикой и критикой. Тесно связан с театром Отель де Бургонь был *Александр Арди* (Hardy, 1569—1630), написавший, по преданию, более 700 пьес, из которых сохранилась 41: пасторали, трагедии и комедии (изд. в 6 тт., 1623—28). Некоторые из них, подобно мистериям, были огромных размеров, рассчитанные на несколько дней исполнения, но лучшие трагедии Арди („Дидона“, „Кориолан“, „Смерть Ахилла“, Смерть Александра“) искусно и сжато построены на рельефно-выдвинутой душевной коллизии героев. Между прочим, Арди выработал тип драматической пасторали (под влиянием „Астреи“ и итальянцев), которую вслед за ним разрабатывали *д'Юрфе* („Сильванира“, 1625), *Гомбо* („Амаранта“, 1628) и др. и из которой позже выросла „героическая комедия“ типа „Дон Санчо“ Корнеля и „Дон Гарсия Наваррского“ Мольера. *Теофиль де Вио* („Пирам и Тисба“, 1617) привнес в трагедию бо́льшую, нежели Арди, поэтичность. Предтечей и соперником Корнеля является *Мере* (1604—86), который в предисловии к своей пасторали „Сильванира“ (1631) отстаивает, во имя „правдоподобия“, теорию трех единств. Впервые они были соблюдены со всей строгостью в „Софонисбе“ его же (1634), что, в соединении с приемами психологического развития и стиля этой трагедии, делает ее истинной предшественницей „Сида“. Но законченный тип *героической* трагедии дал лишь *П. Корнель* (1606—84), „Сид“ которого (1636) является крупнейшей вехой в истории фр. театра. Правда, трагедия эта все же подверглась нападкам со стороны Академии за свою недостаточную „классичность“ (сюжет не из древней истории, счастливая развязка и т. д.), и Корнель в следующих своих трагедиях („Гораций“, „Цинна“, „Полиевкт“ и др.) пошел на уступки. Современными Корнелю авторами трагедий являются *Ротру* (1609—50), *дю Риер* (1605—58), пишущие в том же стиле, и *Тристан Лермит* (1601—1655), своим мягким лиризмом („Марианна“, 1636) подготовляющий появление Расина. Комедия этого периода еще не эмансипировалась в самостоятельный большой жанр, и лучшие ее образцы, написанные под сильным испанским или античным влияниями, принадлежат тем же трагедийным авторам: Мере, Ротру, Демаре и Корнелю (Мелита“, 1629 и „Лгун“, 1644); исключением являются лишь причудливые, бурлескные комедии Скаррона (ок. 1650).

2) *Период расцвета классицизма (1660—1700)* зовется также *веком Людовика XIV*, ибо весь он, в особенности до 1685 г., окрашен личным вмешательством короля в литературную жизнь. Людовик XIV создает академии и библиотеки, приближает к себе писателей (напр. Буало, Расина, Мольера), назначает им пенсии и т. п. Однако, это вторжение, при всей своей насильственности, не было гибельным для литературы, ибо Людовик, руководясь верным чутьем, покровительствовал наиболее выдающимся дарованиям и нередко охранял их от гонения со стороны аристократии и церкви (напр. Мольера). Отчасти путем внутреннего развития, отчасти поощряемый королем, классицизм, прекрасно отвечающий духу политического абсолютизма, достигает своего апогея. Кодекс его дает *Буало* (1636—1711) в своем „Поэтическом Искусстве“ (1673), где строго устанавливаются задачи поэзии, формы и приемы ее во имя „правдивости“, „приятности“ и „разумности“. Отныне вся Ф. л. до конца века проникается строгой ясностью постро-

ния, „благородством“ стиля и исканием „общих идей“. Это ведет, конечно, к ограничению поэтических возможностей и некоторому обезличению творчества. Чистая лирика совершенно иссякает, замененная дидактической поэзией, пример которой мастерские, но рассудочно-холодные „Сатиры“ Буало (1666) и „Послания“ его же (70-е годы); как редкое исключение проступает мягкий лиризм в „Идиллиях“ м-м *Дезульер* (1638—94). Отчетливая эволюция наблюдается в творчестве одного из величайших писателей эпохи, *Лафонтена* (1621—95), который от своих игривых, полных почти народного остроумия „Contes“ переходит к классическим по мыслям и стилю „Басням“ (1668). Так же сужается и творчество романистов. „Le roman bourgeois“ *Фюретьера* (1666) пользуется реализмом лишь как средством, чтобы высмеять, в духе Буало, вычурный героический роман предыдущего поколения. Единственным произведением крупного значения является психологический роман г-жи *Лафайет* „La princesse de Clèves“ (1677), где действие, классически сжатое, концентрируется, как в трагедии, вокруг сильного конфликта страстей. Зато чрезвычайно процветает всякого рода дидактическая проза. Религиозное красноречие достигает необычайного развития в творчестве *Боссюэ* (1627—1704), автора знаменитых „Oraisons funèbres“ (1656—87) и „Discours sur l'histoire universelle“ (1681), равно как в проповедях *Бурдалу* (1632—1704), *Флешье* (1632—1710), позже *Массильона* (1663—1742). Среди многочисленных светских мыслителей-моралистов выделяются особенно *Ларошфуко* („Maximes“, 1665) и *Лабрюйер* („Caractères“, 1888), представители размеренной, поистине классической „мудрости жизни“. Эпистолярный жанр достигает высокого мастерства и богатства в тонких и живых „Письмах“ м-м *де Севинье* (с 1671 г.), являющихся своего рода энциклопедией эпохи, равно как в переписке *Бюсси-Рабютена* (ум. в 1693 г.), м-м *де Ментенон* (1635—1719) и самого Людовика XIV. Естественным развитием формы писем служат мемуары, довольно уже обильные в эту эпоху, напр. мемуары *Флешье* („Les grands jours d'Auvergne“ (1665—66), кардинала *Ретца* (около 1670), м-м *де Лафайет* (ок. 1680), позже м-м *де Кэлюс* (1673—1729) и знаменитого *Сен-Симона* (1675—1755), который начал свои записи еще в 1695 г. Наиболее высокие образцы в этот период, как и в предыдущий, дала драматургия. В трагедии наблюдается переход от героической идеологии Корнеля к более нежному и чувствительному искусству *Расина* (1639—99), который, соблюдая всецело классический канон, дает в „Андромахе“ (1667), „Британнике“ (1669), „Федре“ (1667), „Эсфири“ (1689) более детальное и человечное изображение страстей, содержащее в себе зерна позднейшего сентиментализма. Несравненно ниже его стоят другие современные ему драматурги, как *Тома Корнель* (брат великого Корнеля, 1625—1709), *Прадон* (1632—98), *Кампистрон* (1656—1723), *Кино* (1635—88), из которых лишь последний имеет заслуги как автор прекрасных оперных либретто. Крупным событием явилось создание *Мольером* (1622—73) новой национальной французской комедии. Находясь, в ранний свой период, под преимущественным влиянием итальянской commedia dell'arte („Летающий доктор“, „Ветрогон“), Мольер затем осложняет свое творчество заимствованием мотивов, приемов, идей из античной испанской комедии и старого франц. фарса. Окончательно обосновавшись в Париже (1658), он последовательно разрабатывает самые разнообразные виды комедии: комедию интриги („Ветрогон“, „Любовная досада“), фарс („Сганарель“, 1660, „Проделки Скапена“, 1671), комедию нравов („Школа мужей“, 1661, „Школа жен“, 1662), высокую комедию характеров („Тартюф“, 1664, „Дон-Жуан“, 1665, „Мизантроп“, 1666), комедию-балет („Мещанин во дворянстве“, 1670), не считая ряда балетных либретто, которые он пишет по заказу короля („Психея“, 1671, и др.). Во вторую половину своего творчества он применяет классические стиль и композицию, совмещая их с живой непосредственностью чувства. Представитель типично буржуазного миросозерцания с его трезвым реализмом и жизнерадостной человечностью, Мольер являет характернейший пример его приспособления



Французское искусство.

Франсуа Буше (1703—1770). Пастораль.

(Париж, Лувр.)

к воззрениям и требованиям придворной культуры века Людовика XIV. Под сильным влиянием Мольера находятся современные ему и последующие авторы комедий: *Бурсо* (1638—1701), *Барон* (1653—1729), *Реньяр* (1655—1709), *Данкур* (1661—1725), *Дюфрени* (1648—1724), *Лесаж* (1648—1724). С 1685 г. наблюдается некоторое окостенение форм и приемов классицизма, а также измельчание жанров. Систему классицизма подтачивают новые идейные и социальные веяния. С одной стороны, придворное общество все более впадает в шаблон и изнеженность, с другой стороны, буржуазия, отколовшись от него, постепенно эмансипируется и формулирует свои более современные жизненные запросы. Весьма симптоматичен спор, разгоревшийся в 90-х годах о сравнительных преимуществах древней или новой культуры. В 1687 г. *Шарль Перро* (автор знаменитых „Сказок", изд. 1697) в своей поэме „Le siècle de Louis XIV" высказался в пользу второй и еще решительнее повторил это в своем трактате „Parallèle des anciens et des modernes" (1688—96). Буало и другие, для которых древность являлась обоснованием классицизма, резко возражали ему, но в конечном итоге победу одержали идеи Перро. Зарождается идея *прогресса*, и намечается грядущий „век просвещения" с его энциклопедистами и философией разума и свободы. Наиболее показательный писатель этого переходного времени—*Фенелон* (1651—1715), выразивший свои независимые и свободолюбивые идеи в „Трактате о воспитании девушек" (1689) и еще более в „Телемахе" (изд. 1699), где под оболочкой романа (приключения сына Одиссея) проводится целая система морали, с обильной примесью политической сатиры. Одновременно, в 1697 г., выходит „Словарь" *Бейля*, предвосхищающий „Энциклопедию". Здание классицизма, как миросозерцания и стиля, распадается, и в XVIII в. можно встретить лишь его эпигонство.

IV. Восемнадцатый век. Хотя переход от XVII века к XVIII совершается незаметно, между ними наблюдается разительный контраст. Насколько первый воплощает идеалы национально-монархические и христианские, настолько второй проникнут духом радикальной критики, атеизма (или деизма) и космополитизма. Художественный интерес переносится с анализа души и моральных проблем на объективную действительность и общественность. Одновременно стиль отвлеченный и пластически ясный сменяется живописным и эмоциональным. Основные причины этого—социального порядка. Монархия Людовика XIV, приведшая к обнищанию страны, потеряла свой кредит. Обезличенные ею и развращенные своими привилегиями дворянство и церковь быстро разлагаются. На смену им приходит культурно и экономически растущее „третье сословие". К нему принадлежит большинство выдающихся писателей и мыслителей века (Вольтер, Руссо, Дидро, Бомарше), которые образуют новую „аристократию ума". Они заполняют салоны (м-м де Тансен—с 1733 г., м-м Жофрен—с 1750 г., м-м дю Дефан, 1740—1780, м-ль де Леспинас—с 60-х годов), оттесняющие влияние двора. Здесь, в отличие от салонов XVII в., дебатируются не столько вопросы стиля и вкуса, сколько научные и социальные проблемы; здесь же впервые формируется „общественное мнение", либеральные идеи, которые приведут к революции. Развитие математических и естественных наук (д'Аламбер, 1717—83; Гельвеций, ум. 1771, Гольбах, ум. 1789, Бюффон, 1707—88) ведет к торжеству эмпиризма и критицизма, свободомыслия и идеи прогресса. Виднейший памятник эпохи — „Энциклопедия", под ред. Даламбера и Дидро (1751—72). Художественная литература отходит на второй план и приобретает служебное значение, проникаясь дидактизмом. В ней долгое время господствуют постепенно изживаемые жанры и манера XVII в. Отбросив преклонение пред античностью, она усиленно подражает формам XVII века и потому носит в значительной своей части эпигонский характер. Культ техники преобладает над вдохновением. Лишь в области романа намечается оригинальное творчество, позже—в драме. В целом—искусство рассудочное, отвлеченное и нередко манерное. Различают два периода: 1) до 1750 г., подготовительный,

протекающий под знаком Вольтера и Монтескье, характеризуемый пренебрежением к эстетике ради „философии“ и оживляемый лишь струей сентиментализма; 2) после 1750 г., возглавляемый Дидро и Руссо, апогей философского духа, но вместе с тем рост новой идеологии и интереса к чувству, приводящих к концу века к идиллизму и возрождению лирики.

1) Формирование рационализма (1700—1750). Типичною чертою первого периода является тенденция, наилучшую формулировку которой дал *Бюффон* („Discours sur le style“, 1753),—популяризировать научные и философские идеи, облекая их в легкую и художественно доступную форму. Вслед за *Фонтенелем*, излагающим систему мироздания в форме изящной беседы с маркизой („Entretien sur la pluralité des mondes“, 1686), литературные критики, экономисты, естествоиспытатели вносят необычайную заботу о стиле в свои сочинения, что позволяет причислить их к художественной литературе. Таковы, напр., замечательные как исторический памятник мемуары *Сен-Симона* (ум. 1755), исторические труды *Роллена* (ум. 1741), моральные этюды *Вовенарга* (ум. 1747), „Histoire naturelle“ *Бюффона* (т. I вышел в 1749 г., все издание было закончено в 1788 г.). Пальма первенства в этом жанре принадлежит *Монтескье*, давшему острую критику старого режима и общую теорию политической и социальной организации человечества в своих „Lettres persanes“ (с примесью романической фабулы, 1721) и „Esprit des lois“ (1748). Научное или морально-философское содержание имеет также бо́льшая часть произведений *Вольтера*, не только его исторические труды („Histoire de Charles IX“, 1731, позже „Siècle de Louis XIV“, 1751 и „Essais sur les moeurs et l'esprit des nations“, 1756), но и поэзия: „Discours“ (числом семь: о равенстве состояний, о свободе, об истинной добродетели и т. п., 1738—40), сатирические поэмы („Pucelle d'Orléans“, 1730 и „Mondain“, 1736), „Epîtres“ (разных годов). Даже в трагедии свои он вносит общие идеи и назидательность (начало франц. „pièces à thèse“). Поэзия этого периода вообще весьма скудна. В области эпопеи заслуживают упоминания лишь сокращенное переложение „Илиады“ (1714) *Гудар Ламотта* и не чуждая легкой тенденциозности (прославление веротерпимости) „Henriade“ Вольтера (1723). В лирике, на ряду с религиозным поэтом *Луи Расином*, сыном драматурга (1692—1763) и нежным *Грессе* (1709—77), виднейшей фигурой является *Жан Батист Руссо* (1671—1741), автор парафразы псалмов и риторических од. Вообще, поэзия теряет кредит, и *Гудар Ламотт* в своих критических „Discours“ протестует против поэтических метафор и лирических порывов во имя разумной ясности, предлагая совершенно заменить стихи прозой. Единственный литературный род, получающий богатое и оригинальное развитие именно потому, что, находясь ранее в пренебрежении, он не был стеснен классическим каноном, это—роман. Отвечая назревшей потребности нового читателя в реализме и занимательности, он быстро наполняется бытовым, социальным, авантюрным, философским содержанием. Полусатирические, полные меткой наблюдательности романы *Лесажа*, „Diable Boiteux“ (1707) и „Gil Blas“ (1715—35), воспроизводя схему испанского „плутовского“ романа, вмещают в нее картины реальной франц. жизни: живописная панорама нравов, типов, общественных положений. Еще подробнее реализм и еще точнее картина нравов у *Мариво* в его „Vie de Marianne“ (1731—41) и „Paysan parvenu“ (1735—36), обнаруживающих первые проблески психологического анализа и вместе с тем *сентиментализма*. Законченный тип психологического романа, послуживший образцом для позднейшего развития этого жанра, произведение, полное поэзии страсти и драматического реализма—„Манон Леско“ аббата *Прево* (1731). Все названные авторы знаменуют собою появление нового типа писателя, живущего на литературный заработок, пишущего много и спешно, чутко реагирующего на вкусы читательской массы. Наконец, драма развивается двойственным путем. В то время как трагедия в лице любящего ужасы мелодраматического *Кребильона* („Radamiste et Zénobie“, 1711), плодовитого *Вольтера* („Zaïre“,

1732, „Mérope“ 1743), *Гудара де Ламотт* („Inès de Castro“, 1723), *Лефран де Помпиньяна* („Didon“, 1734), *Лану* („Mahomet II“, 1739), допуская романтические сюжеты и бо́льшую живость действия, в общем придерживается классического канона, в комедию проникают новые веяния. Помимо последних подражателей Мольера (см. выше), к традиции XVII в. более или менее примыкают *Детуш*, автор запоздалых комедий характеров, с примесью, под английским влиянием, буржуазной морализации („Glorieux“ 1732, „Dissipateur“ 1736), также остроумные, но холодные сатирики *Пирон* („Métromanie“, 1738) и *Грессе* („Méchant“, 1747). Но уже намечается тип „комедии без смеха“, предвещающий реформу Дидро. *Мариво* в изящном стиле („мариводаж“, у его подражателей) разрабатывает проблемы любви, нередко в оправе феерии („Arlequin poli par l'amour“ 1720, „Jeu de l'amour et du hasard“ 1730), *Нивель де Лашоссе* создает „слезную комедию“ („Préjugé à la mode“ 1735, „Mélanide“ 1741). Особняком стоит весьма популярный „ярмарочный театр“ — комические оперы или водевили с пением, которые писали Лесаж, Фавар, Пирон и др.

2) Новая поэтика чувства (1750—1800). В течение всей второй половины XVIII в. мы наблюдаем дальнейшее развитие рационализма (энциклопедисты, Вольтер, Бюффон, Кондорсе) и постепенное изживание старых классических форм, находящих теоретика в лице *Лагарпа* („Lycée“, 1799). Поэзия тяготеет к холодной псевдо-сентиментальной описательности („Les Mois“, поэма в 12 песнях Руше, 1779; „Les saisons“, в 4 пес., *Сен-Ламбера*, 1769; „Les jardins“ *Делиля*, 1782), манерной изнеженности (пасторали *Флориана*, более известного своими „Fables“, 1792), вычурности (оды *Экушара Лебрена*, ум. 1807). Расцветает „философский“ роман *Вольтера* („Candide“, 1758) и *Мармонтеля* („Contes moraux“, 1762). Доживает свой век поздне-классическая трагедия (*Латуш, Белуа, Лемьер*), лишь слегка оживляемая влиянием Шекспира в вольном переложении *Дюси* (70-е и 80-е годы). Чрезвычайно характерна для последних десятилетий старого режима сильная струя гривуазности, выразившаяся в поэзии (*Парни*, 1753—1814), а еще более в серии авантюрно-эротических романов, примыкающих к манере Лесажа и Мариво, напр. „Le paysan perverti“ (1776) и „Monsieur Nicolas“ (1796—7) *Ретифа де ла Бретона*, „Aventures du chevalier Faublas“ (около 1790) *Луве де Кувре*, и даже „Liaisons dangereuses“ (1782) *Ш. де Лакло*, несмотря на их мнимо-обличительную тенденцию.—Новым словом эпохи являются идеи Дидро и Руссо, натур несходных между собою, но имеющих общими чертами бурную непосредственность и порыв к естественности, ломающие холодную эстетику классицизма. *Дидро*, истинный сын народа, пылкий и прямолинейный, блестящий импровизатор, дает новое применение идее „разума“. Атеист, противник морали, созданной обществом, он отстаивает во всем права „природы“. „Прекрасное“ заменяется в его эстетике жизненным, характерным. В его полу-импрессионистических романах „Jacques le fataliste“ и „Neveu de Rameau“ (около 1760) можно найти зародыши лирического романтизма. Весьма радикальны взгляды его на драматургию, которую он предлагает обогатить заменой типов „положениями“ (общественными, семейными и т. п.) и слиянием, во имя правдоподобия, трагического и комического в двух новых жанрах—„серьезной комедии“ и „буржуазной трагедии“ („De la poésie dramatique“, 1758); образцы этого он пытался дать в своих пьесах „Fils naturel“ (1757) и „Père de famille“ (1758). Из последователей Дидро более других выделяется *Седен* („Le philosophe sans le savoir“, 1765). К манере Дидро примыкает и *Бомарше*, пьесы которого, возвещающие грядущее торжество третьего сословия (особ. „Barbier de Seville“, 1775 и „Mariage de Figaro“, 1792), идеологически еще более значительны, чем формально. В отличие от Дидро, *Ж. Ж. Руссо* (1712—78) восстает против цивилизации и „философии“ во имя искаженной ими первичной доброты человеческой природы. Враг социального неравенства, он призывает вернуться к природе. Его проповедь проникнута нравственным порывом, он заменяет чувствительность

живым бурным чувством, его идеал не аналитичен, а синтетичен. Поэтическое выражение своих идей он дал в романах „Nouvelle Héloïse“ (1761) и „Emile“ (1762), к которым можно присоединить „Confessions“ (ок. 1770), богатые вымыслом. Все они изобилуют новыми для того времени описаниями интимных переживаний, реализмом, горячим красноречием. Руссо вносит в Ф. л. дух индивидуализма, живописности, поэзию природы и всем этим является предтечей романтизма. Из последователей Руссо, *Бернарден де Сен Пьер* доводит его идеологию и стилистическую манеру до крайних пределов в своей идиллии „Paul et Virginie“ (1787). — Конец XVIII в. ознаменовался возрождением античного духа в более чистой и тонкой форме, чем прежде, в лирике *Андре Шенье* (1762—94), стоящего особняком и лишь позже нашедшего ценителей. Революция, обновив темы и пафос литературы („Марсельеза“ *Руже де Лилля*, 1792, героические трагедии *М. Ж. Шенье*), не создала новых форм, не считая развития политического красноречия (Мирабо, Дантон, Робеспьер) и журналистики (Камилл Демулен, Ривароль), а также расцвета водевиля (в 1792 г. основан в Париже театр „Vaudeville“) и начатков мелодрамы (см. ниже).

V. Девятнадцатый и двадцатый века. Социальный сдвиг, произведенный революцией, и непрерывный рост образования в течение всего XIX в. существенно меняют взаимоотношения между читателем и писателем, сообщая литературе новый характер. Раньше писатель учитывал лишь вкусы и интересы небольшого, замкнутого круга лиц (двор, столица, кружки, салоны). Теперь (особенно со 2-й половины XIX в.), с развитием средств сообщения, публицистики и вообще прессы, происходит приобщение к литературе все более и более широких слоев населения, в частности провинции. Писатель либо приспособляется к запросам масс, либо замыкается в себя (индивидуализм), предоставляя действовать естественному вкусовому отбору. В том и другом случае писатель все более и более из просвещенного любителя становится профессионалом, работающим на книжный рынок, а литературные вкусы становятся более широкими и гибкими. Сближение литературы с жизнью определяет огромное место, занимаемое поэзией природы, трактовкой социальных и моральных проблем, всякого рода техническими деталями. Развитие истории и этнографии вызывает появление неведомого ранее исторического и местного колорита. Усиление международных сношений придает Ф. л. более космополитический характер, открывая путь влиянию на нее иноземных литератур: в период романтизма гл. обр. английской („Оссиан“, Байрон, Шекспир, В. Скотт) и немецкой (Гете, Шиллер), позднее—русской (Тургенев, Л. Толстой, Достоевский). Изучение истории литературы и появление эстетизма, вызывающие спорадическое увлечение старыми образцами, а еще более сильное социальное расслоение и культурная дифференциация читателей порождают, особенно к концу XIX в., необыкновенное разнообразие и скрещение школ и направлений. В общем, однако, можно наметить смену нескольких основных направлений, связанных с социально-политическими и культурными условиями момента.

1) Романтизм (1800, точнее 1820—1850). Французский романтизм, совпадающий с эпохой реставрации и июльской монархии (1814—48), довольно сложен по своему составу и источникам. С одной стороны, он коренится в чувстве разочарованности, охватившем общество после крушения идеалов революции. Отсюда—либо уход в природу, религию или фантазию, для людей потерявших почву, либо, для непримиримых, заглушенные всплески радикализма. С другой стороны, романтизм — естественная реакция против изживших себя форм и рассудочности классицизма, равно как разработка открывшихся со времени Руссо новых перспектив мысли и чувства. В итоге, основными чертами его являются: свобода воображения, субъективизм, захват огромного запаса живых впечатлений и ощущений, пристрастие к патетическому и живописному, к миру легенд и фантастики, к Востоку, ро-



Французское искусство.

Оноре Фрагонар (1732—1806). Этюд.

(Париж, Лувр).

манскому югу, средневековью, включение мотивов стихийных и космических. Вместе с тем, отбросив подражание древним, мифологические образы и фразеологию классицизма, он производит реформу поэтического языка (особенно после 1825 г.), отменяя все прежние лексические и стилистические ограничения. В отличие от немецкого и отчасти английского, французскому романтизму чужды как полное оправдание действительности, так и окончательный уход в мечту; отсюда его героический и более жизненный характер, объясняющий легкость перехода к реализму (Бальзак, Стендаль). Кроме того, он строже в отношении формы, что делает возможным выход из него к Парнасу (см. ниже). — Первые 20 лет XIX в., покрывающиеся правлением Наполеона, ушли на подготовку романтизма, выполненную, главным образом, м-м *де Сталь* и *Шатобрианом*. Если первая из них формулировала теорию романтизма, то второй впервые художественно воплотил его идеалы. Ученица энциклопедистов и поклонница Руссо, м-м *де Сталь* в своей книге „De la littérature" (1800) закладывает основы новой литературной критики, выдвигая, вразрез с классицизмом, принципы историзма и относительности. Далее, соприкоснувшись с миром германской культуры и поэзии, она знакомит с ним французское общество в книге „De l'Allemagne" (1810), где она защищает роль воображения в поэзии и обосновывает литературный космополитизм. Романы ее „Delphine" (1802) и „Corinne" (1807) проникнуты лиризмом и феминизмом. В противоположность горячему либерализму м-м де Сталь, творчество *Шатобриана* идеологически реакционно. В „Génie du christianisme" (1802) и „Martyrs" (1809) он предпринимает апологию католицизма, с которым вполне согласуются его поэтические воззрения и из которого вытекает вся его эстетика. Основные элементы ее — чувствительность, мечтательность, меланхолия, своего рода культ страдания („мировая скорбь"), расколотость личности, тяга к неясному и неуловимому идеалу. Все эти черты, с присоединением углубленного чувства природы в ее слиянии с душой человека, живописности и местного колорита можно найти в повестях Шатобриана „Atala" (1801), „René" (1804), „Dernier Abencérage" (1826). Из других предтеч романтизма назовем *Сенанкура* („Obermann", 1804, полный рефлексии и разочарованности), *Б. Констана* („Adolphe", 1816, с его субъективным лиризмом), *Ш. Нодье*, автора фантастических и исторических повестей (с 1802 г.). — К 1815 г. течение крепнет и оформляется, находя опору в реакционной католической публицистике (*Бональд, Ж. де Местр, Ламенэ*), затем (с 1818 г.) в идеалистической философии Кузена. Первое объединение новых поэтов („Cénacle") происходит в доме *Нодье*. Ему предшествует основание журнала „Muse française" (1823), существовавшего лишь год. В кружок входят: В. Гюго, Ламартин, Сент Бев, А. де Виньи, Дюма и др. В 1829 г. образуется второй кружок, группирующийся вокруг Гюго. Самые ранние типично романтические произведения — „Premières méditations" *Ламартина* (1820) и „Poèmes" *А. де Виньи* (1822). Гюго и др. немного позже окончательно примкнули к течению, не сразу осознавшему себя как единая школа. Хотя доктрина романтизма уже намечена в книжке *Стендаля* „Racine et Shakespeare" (1822), настоящим манифестом его является предисловие *Гюго* к „Cromwell" (1827). К этому времени течение расширяется в цельное общественное и гуманитарно-философское миросозерцание, представителями которого являются: историки литературы (большей частью медиевисты) Вильмен, Фориель, Озанам, Эдгар Кине и особенно *Мишле*, стремящийся в своей „Histoire de France" (т. I, 1833), исполненной лирического подъема, „восстановить целокупную жизнь прошлого", определить „душу" Ф., вскрыть „дух" ее отдельных исторических провинций. Признанным критиком романтической школы становится *Сент Бев*, стремящийся связать ее с традициями поэзии XVI века („Tableau de la poésie française au XVI-e siècle, 1828). Многие из романтиков проделали за последующие 30 лет сложную эволюцию, меняя свои политические и религиозные убеждения, тематику, поэтическую ма-

неру. *Гюго*, вначале католик, с 1830 г. склоняется окончательно к пантеизму, к которому близки также *Ламартин* и *Виньи*, в то время как *Бальзак*—вольнодумец, *Мюссе*—индифферентен, *Стендаль*—атеист и материалист. В политических вопросах *Мюссе* — безразличный скептик, *Бальзак*—оппортюнист, *Виньи*—умеренный реакционер, *Стендаль*—бонапартист, *Ламартин* — демократ и либерал, *Гюго*, много раз менявший свою платформу, под конец тяготеет к социализму и выказывает сочувствие Коммуне 1870 г. В общем, после июльской революции 1830 г. религиозная струя в романтизме ослабевает, и христианство принимается более как эстетическая ценность, между тем как в политических вопросах наблюдается сдвиг влево. Столь же разнообразны темпераменты и тон поэзии отдельных членов школы. *Гюго* более всего характеризуют пафос и богатство образов, *Мюссе* — страстный лиризм, *Ламартина*—мягкая элегичность, *Виньи*—философские концепции, *Стендаля* — напряженность страстей, *Бальзака* — кипучее воображение, *Ж. Занд*—гуманность. В отличие от ренессанса, сосредоточившегося в лирике, и классицизма, ярче всего выразившего себя в драме, романтизм (особенно в лице всеобъемлющего *Гюго*) проявил себя с одинаковой силой во всех основных жанрах. В поэзии он произвел полную реформу стихосложения, придав стиху напевность и введя инструментовку, обогатив рифму, расширив переброску (enjambement), облегчив цезуру, обновив метрику, чем были заложены основы современного стихосложения. Лирика романтиков весьма богата. *Ламартин*, мечтатель и оптимист, воспевает в гармоничных стихах нежные образы и созерцательные настроения („Harmonies poétiques et religieuses", 1830). *Виньи*, певец одиночества и отречения, находит выход из пессимизма в гордом стоицизме (ср. его „Servitude et grandeur militaire", 1835). Наоборот, мужественная и объективная лирика *Гюго* полна красочности и звучности („Orientales" 1829, „Feuilles d'automne", 1831, „Rayons et ombres", 1840). Лишь у него находим мы образцы политической и сатирической лирики („Chants du crépuscule", 1835, „Châtiments", 1853). Капризная и взволнованная, нарочито небрежная по форме, поэзия *Мюссе* состоит из смеси лиризма и иронии („Premières poésies", около 1835), за исключением скорбных элегий „Nuits" (около 1840). Стремление к оригинальности, изысканность, чеканка стиха и образов характерны для *Т. Готье* („Emaux et camées", 1852), единственного из всей романтической школы проявляющего объективный интерес к внешнему миру и форме вещей. *Сент Бев*, под псевдонимом *Жозефа Делорма*, пытается создать лирику интимных, домашних переживаний с сильным оттенком реализма („Consolations", 1830). Лишь отчасти примыкают к романтикам по своей манере острый сатирик и пламенный демократ *Анри Барбье* („Iambes et poèmes", 1831), также как непримиримый враг монархии и аристократов *Беранже*, автор песенок („Chansons", 1815—33), язвительность и бойкий ритм которых сразу сделали их популярными в устах народа. От лирики романтиков прямой переход к лирической поэме, сложившейся, как в смысле формы, так и тематики, не без влияния байронизма. Таковы библейско-философские поэмы *Виньи*: „Eloah" (1824), „Moïse" (1826), спиритуально - символические *Ламартина*—„Jocelyn" (1836) и „Chute d'un ange (1838), капризно - живописные *Мюссе*: „Namouna" (1832), „Rolla" (1833). — Теория романтической драмы формулирована *Гюго* в предисловиях к „Cromwell" (1827) и другим его драмам. Здесь отвергаются единства места и времени, абстракция и иные условности классической трагедии. Предлагается смешение „возвышенного и гротескного". Драма должна отражать „правду", изображать „целокупного человека". Рекомендуются исторические сюжеты, живописное воссоздание прошлого и вместе с тем облечение общих моральных идей в индивидуальные образы. Главным источником романтической драмы послужила мелодрама начала XIX в. (*Пиксерекур*, позже *Дюканж*) с ее мрачными интригами, жестокостями, эффектами и причудливой историчностью. Но романтики возвышают ее восстановлением стиха, устранением счастливой

развязки и конденсацией действия, заимствуя эти черты из классической трагедии. Несомненно также влияние Шекспира и Шиллера. Предтечею жанра является „Théâtre de Clara Gazul“ (1825) *Мериме*, с его соединением шекспировской свободы композиции и испанского колорита, затем „Jacquerie“ его же (1828). Расцвет романтической драмы относится к 1830 (постановка „Hernani“) — 43 гг. Первое место здесь занимает *Гюго*, среди пьес которого определенно выделяются две разновидности: тип мелодрамы („Lucrèce Borgia“) и романтической трагедии („Hernani“). Успех делит с ним *Дюма*-отец своими ярко-мелодраматическими и историческими пьесами („Henri III“, 1829, „Antony“, 1831, „Tour de Nesle“, 1832). Наоборот, мало сценичными, благодаря избытку лиризма, оказались при всех их достоинствах драмы *Мюссе* („Lorenzaccio“, 1834, „Caprices de Marianne“, 1851). *Виньи*, начав с перевода „Отелло“ („More de Venise“, 1829), дал также ряд оригинальных пьес, из которых наиболее выдающаяся — „Chatterton“ (1835). Довольно банально, хотя и популярно в свое время, было драматическое творчество *К. Делавиня*. Форма комедии мало соответствовала приподнятым чувствам романтиков. динственный образец подлинно романтической комедии дал *Мюссе* в полной нежной фантазии „Nuit vénitienne“, 1831 (не считая ряда позднейших, более мелких вещей его, собр. в „Comédies et proverbes“). Вообще же, в течение всего периода на сцене господствуют комедии *Скриба*, имеющего предшественником *Пикара* (1769—1828); это мастерские комедии интриги (образец „Verre d'eau“, 1840), заимствующие из романтизма лишь самые внешние его черты. Что касается комедий *Дюма* и *Делавиня*, то это лишь неуклюжее смешение черт романтической драмы и водевиля.—Наиболее широкое и гибкое выражение находит романтизм в романе. Изучение нравов и психологический анализ здесь обычно приносятся в жертву философским идеям, лирическому субъективизму или живописному воспроизведению прошлого. Видное место занимает исторический роман с идейной основой, лучшие образцы которого: „Cinq Mars“ *Виньи* (1826), „Chronique de Charles IX“ *Мериме* (1829) и в особенности — истинный памятник эпохи, „Notre Dame de Paris“ *Гюго* (1831). Наоборот, пестрый бутафорский историзм романов *Дюма* („Trois mousquetaires“, 1844 и т. п.) служит единственно целям занятной авантюрности. Наконец, во многих произведениях *Стендаля* и *Жорж-Занд* историзм является лишь случайной декорацией. Чрезвычайно также распространен сентиментально-лирический роман, представленный главным образом *Жорж-Занд* („Indiana“, 1832, „Lélia“, 1833), которая позже обратилась к социальным темам („Consuelo“, 1842) и идиллизму („Petite Fadette“, 1848); сюда же надо отнести „Confession d'un enfant du siècle“ (1836) *Мюссе*, прекрасно передающую душевные настроения молодежи после-наполеоновской поры. Субъективизм очень силен и в психологическом романе *Сент Бева* „Volupté“ (1834). Наоборот, *Стендаль*, оставаясь на почве психологического анализа, знаменует собою выход к реализму („Le rouge et le noir“, 1831, „Chartreuse de Parme“, 1839). Иной характер носят элементы реализма у *Бальзака* (цикл „Comédie humaine“, 1829—50), являющегося романтиком не по идеологии, но по темпераменту; чуждый психологизма и описательности, он дает динамическое изображение общественных типов, закладывая основу социального романа. Картину современных нравов в романтической оправе дает отчасти и *Жюль Сандо* („Mademoiselle de la Seiglière, 1848). По младшей линии примыкают к Бальзаку основатели франц. бульварного романа (roman feuilleton), не чуждый серьезных социалистических тенденций *Э. Сю* (ок. 1840) и представитель чистой авантюрности и „ужасов“ *Понсон дю Террайль* (с 1850). Новелла, менее развитая в эту эпоху, достигает после юношеских „Contes d'Espagne et d'Italie“ *Мюссе* (1830) своей зрелости и тонкой художественности под пером *Стендаля* и особенно холодного и острого реалиста *Мериме* („Colomba“, 1840, „Carmen“, 1847).

2) Реализм и эстетизм (1850—1900). К середине XIX в. романтизм исчерпывает свои силы. Во всех жанрах,

кроме лирики, обнаруживается неспособность его разрешить проблему формы. В драме, после провала в 1843 г. „Burgraves“ *Гюго*, ненадолго вновь оживает классицизм (*Понсар*). Еще раньше роман начал тяготеть к реализму. Но главной причиной изменения литературных вкусов явился момент социально-политического и общекультурного порядка. Вторая Империя с ее твердой властью и жестокой цензурой, положив конец романтическим мечтаниям, направила умы в сторону прозаических, конкретных интересов. Окончательный переход на машинное производство выдвигает на первое место крупную, капиталистическую буржуазию с ее новой идеологией, в целом практической, чуждой романтического энтузиазма. Немалую роль сыграло также развитие позитивной философии и естественных наук, наложивших известный отпечаток своего метода на критику и художественное творчество эпохи. В 1842 г. выходит в свет „Cours de philosophie positive“ О. Конта. Вскоре затем Маркс и Энгельс создают систему исторического материализма. В 1857 г. возникает теория Дарвина, а еще раньше биологические труды Клода Бернара и Пастера подготовляют торжество механистического мировоззрения. Дух объективизма перебрасывается и в гуманитарные науки. Научная история развенчивает романтические легенды о прошлом. *Ренан* вносит критицизм в историю религий („Vie de Jésus“, 1863). *Тэн* (60-е годы) пытается построить историю искусств и литературы на объективных, почти естественно-научных принципах, и *Сент Бев* стремится в своих критических этюдах изучить „законы нравственной физиологии“, создать „естественную историю умов“. В литературе новые веяния проявились неравномерно. С 1850 г. начинается (как и в XVI в., в отличие от всех других эпох) длящееся до наших дней расхождение путей прозы и поэзии: в то время как первая сближается с жизнью, вторая (гл. обр. лирика) верна постоянно обновляемой романтической традиции; драма же, двойственная по своей форме (проза или стихи), занимает среднее положение. В романе одиноким пережитком выглядит социально-моральная эпопея *Гюго* „Misérables“ (1862). Переход от романтизма к реализму и частичное соединение того и другого совершены *Флобером*, который любит историзм и колоритность, необычайное и грандиозное („Salambo“, 1862, „Tentation de saint Antoine“, 1874), но в то же время подчиняет воображение строгой форме, главное же — стремится к бесстрастному и безличному воспроизведению действительности („Madame Bovary“, 1857, „Education sentimentale“, 1869). Дальше Флобера идут братья *Гонкуры*, создатели импрессионистического стиля, строящие роман на подлинных документах жизни и отражающие по преимуществу ее неприглядные и тяжелые стороны („Renée Mauperin“, 1864, „Germinie Lacerteux“, 1865). Если у Гонкуров замечаются начатки натурализма, освежаемого их вкусом ко всему пряному и экзотическому, то в законченную систему он превращается у *Зола*. Самое характерное для него — не столько точное фотографирование жизни (ему не чужд известный моральный идеализм, особ. в его позднейших „евангелиях“ — „Fécondité“, „Travail“, „Vérité“, 1899 — 1903), сколько исследование ее элементарных основ, своего рода „физиологии жизни“, как, напр., материальная проблема существования, сила наследственности, профессиональная психология, физиология страсти (серия „Les Rougon-Macquart“, 1871 — 93). К Зола примыкает отчасти *А. Додэ*, у которого натурализм (напр. „Fromont jeune et Risler aîné“, 1874) перебивается мягким лиризмом („Lettres de mon moulin“, 1869). Прямым продолжателем Зола является тонкий стилист, проявивший равное мастерство в романе и новелле, *Мопассан*. Его вещи („Bel ami“, 1885, „Fort comme la mort“, 1889 и др.) обнаруживают обостренную холодную наблюдательность с оттенком трагизма, переходящего в последних его произведениях („Horla“) в болезненный пессимистический лиризм. Реализмом насыщен и психологический роман, представленный рядом авторов от *О. Фелье* („Le roman d'un jeune homme pauvre“, 1858) до *П. Бурже* (Disciple“, 1889); анализ чувств



Французское искусство.

Жак Луи Давид (1748—1825). Г-жа Ришмон с дочерью.

здесь проводится уже не в абстрактной или условной обстановке, но в тесной связи с бытовым изображением социальной среды. Такой же смешанный характер носит творчество *Гюисманса, Ж. Ренара, М. Прево* и мн. др. С неменьшей силой проявился реализм в драме у *Э. Ожье* („Gendre de M. Poirier", 1854, „Maître Guérin," 1864) и *А. Дюма*-сына („Dame aux camélias", 1852, „Demi-monde", 1855), выработавших тип пьес на злободневные темы (à thèse) с ярко выраженной буржуазной моралью. Виднейшим представителем этого жанра позже явится мрачный пессимист - обличитель *А. Бек* („Corbeaux", 1882, „Parisienne", 1885). Параллельно расцветают в эпоху Второй Империи водевиль и фарс в лице *Лабиша* („Chapeau de paille d'Italie", 1851, „Cagnotte", 1864), *Мельяка* и *Галеви* („Vie parisienne", 1866, „Frou Frou", 1869, либретто к оперетке „Belle Hélène", 1865), немного позже *Пальерона* („Le monde où l'on s'ennuie", 1881). В этой манере работает и властелин сцены всего периода, *В. Сарду* („Famille Benoiton", 1865, „Madame Sans-Gêne", 1893). Вместе с тем, однако, не прекращаются попытки обновления романтической драмы: назовем здесь того же *Сарду* („Patrie", 1869, „Haine", 1874, „Fédora", 1884) и особенно стихотворные драмы *Фр. Коппе* („Jacobites", 1885, „Pour la couronne", 1895) и *Ришпена* („Par le glaive", 1892). — Дольше и крепче всего удерживает романтизм свои позиции в поэзии. Здесь еще 35 лет высится обособленная фигура *Гюго* („Contemplations", 1856, „Légende des siècles", 1859 с продолжением 1877 и 1883, и т. п.). Разрозненные элементы романтизма еще проступают в поэзии 50-х и 60-х годов: искрящаяся, но поверхностная фантазия у виртуоза ритма *Т. де Банвиля* („Odes funambulesques", 1857), экзотизм и капризность стиха у *Булье* („Festons et astragales", 1859), живописность у *Т. Готье*. Но в целом романтический энтузиазм исчезает. Поэзия освобождается от избытка субъективизма и переносит центр тяжести с чувства на ум. Не в состоянии будучи перейти к реализму, она находит исход в эстетизме, в подготовленной еще Мериме и формулированной Т. Готье теории „чистого искусства" („l'art pour l'art"). Это — культ ясной, чеканной формы, искание пластической красоты, лишенное лирического подъема и большого идейного содержания. Такова безличная и холодная в ее совершенстве поэзия *Леконт де Лилля* („Poèmes antiques", 1853, „Poèmes barbares", 1859, „Poèmes tragiques", 1884), вокруг которого группируются представители новой школы, получившей свое название от выпущенного ими альманаха „Parnasse contemporain" (3 вып., 1866, 1869, 1876). Виднейшими после Л. де Лилля членами группы являются: *Сюлли Прюдом* („Stances et poèmes", 1865, „Justice", 1878, „Bonheur", 1888), *Ж. М. Эредия* („Trophées", 1893), *Ф. Коппе* („Reliquaire", 1866), *Дьеркс, К. Мендес*. Эта безразличная в отношении жизни позиция оказалась, однако, неустойчивой, и от нее ответвилось два противоположных направления. *Коппе* („Grève des forgerons", 1869, „Humbles", 1872) вместе с *Манюэлем* („Poésies populaires", 1871, „Pendant la guerre", 1872) и отчасти *Ришпеном* („Chanson des gueux", 1876) делают слабые и неприжившиеся попытки создать своего рода „натуралистическую поэзию", отражающую будничную народную жизнь и нужду пролетариата. Наоборот, *Верлен* (с 1866 г. „Poèmes saturniens") и *Маларме* („Après-midi d'un faune", 1876) рано откалываются от парнасцев, находя, что у них еще слишком много реализма. Вслед за „сатаническим" пессимистом *Бодлером* („Fleurs du mal", 1857) они являются предтечами нового направления, в котором скрестились два начала: 1) ультраэстетическое пресыщение всем естественным и банально красивым, влечение к пряным формам и изысканным, нередко порочным настроениям (собственно *декадентство*), 2) протест против буржуазной морали и позитивизма, искание тайного, метафизического смысла явлений (*символизм*). К этому течению, в котором второй момент понемногу вытесняет первый и которое до сих пор еще не окончательно изжило себя, принадлежат: *Артюр Рембо, Г. Канн, Лафорг, А. де Ренье, Фр. Жамм, Вьеле-Гриффен*, бельгийцы *Метерлинк, Роденбах, Верхарн, Самен*,

Мокель. Отбросив рифму, они создают свободный стих. К концу века, однако, у некоторых символистов намечается уклон к классицизму,—у *Мореаса* („Stances", 1899), *Морра̀, Анжелье*, отчасти у *Ренье*. Кроме драмы, лишь слегка задетой символизмом (*Метерлинк*), новые веяния захватывают роман и повесть, где именно в годы апогея натурализма назревает сильная против него реакция. Предтечею здесь явился запоздалый романтик и „демонист", фанатик католицизма *Барбэ д'Оревильи* („Chevalier Destouche", 1864, „Diaboliques", 1874). По его стопам идут воинствующий идеалист и фантаст *Вилье де Лиль Адан* („Contes cruels", 1883, „Axel", 1890), отчасти *Баррес*, перешедший от анархического индивидуализма („Jardin de Bérénice", 1891) к воинствующему национализму („Déracinés", 1893), наконец, мистик-визионер *Л. Блуа* (ум. 1917). В наиболее полной форме символизм и эстетизм представлены в прозе *М. Швобом* („Roi au masque d'or", 1893) и *Реми де Гурмоном* („Chevaux de Diomède"), являющимися на ряду с *Моклером* выдающимися также критиками и теоретиками направления. Более нейтральный характер принимает реакция против натурализма в социально-моральных романах *Э. Рода* и *Валлеса*, экзотических—*П. Лоти*, античных — *П. Луиса*, в романах свободного вымысла *Э. Буржа* и братьев *Рони*, равно как на сцене — в идейных пьесах последователя Ибсена *Ф. де Кюреля*. Над всей этой группой высится фигура тонкого скептика, гуманиста и социалиста *А. Франса* (1844 — 1924), давшего превосходный образец иронически философского романа (цикл „Histoire contemporaine", 1897 — 1900 и др.).

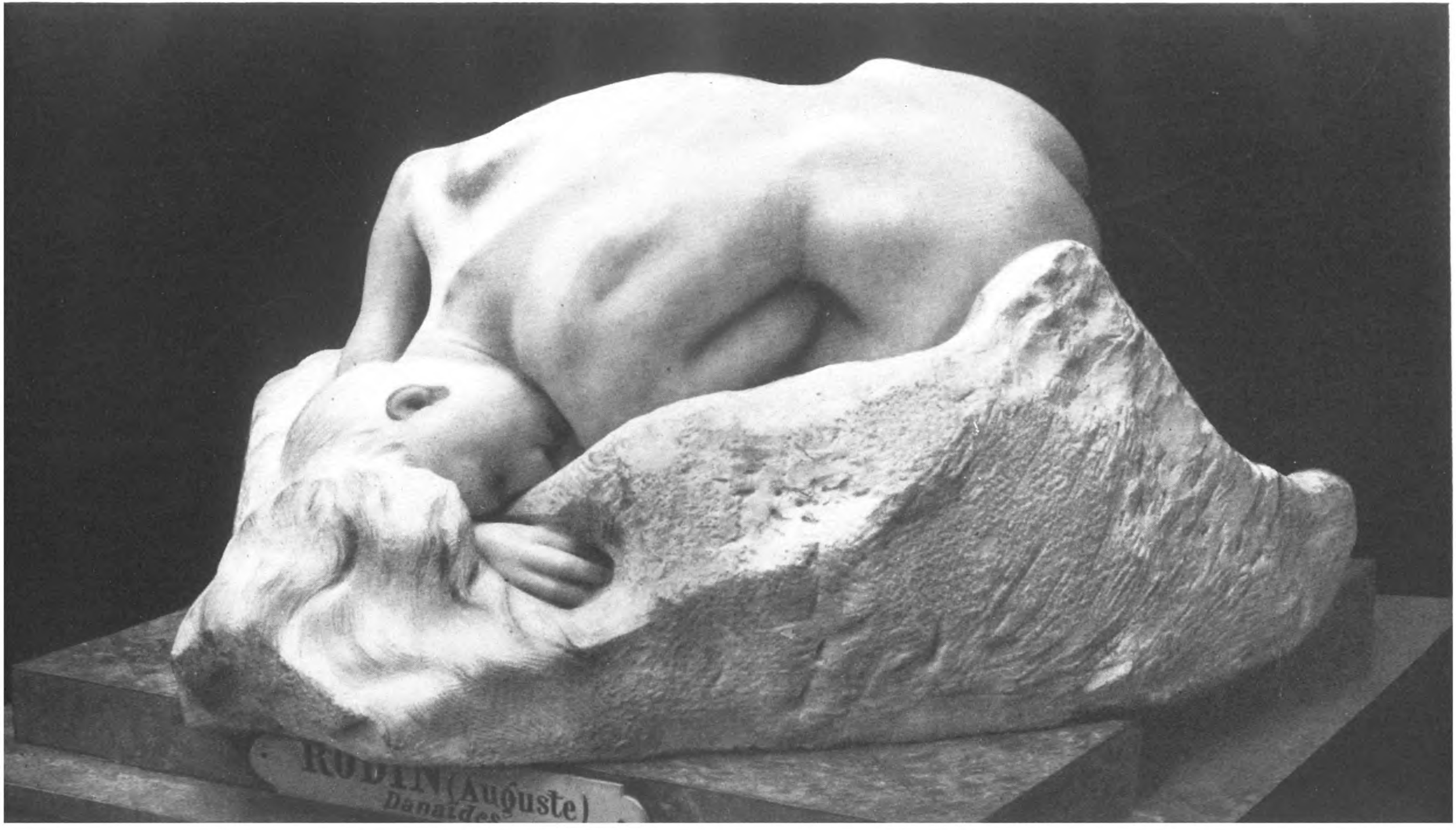
3) Новейший период (с 1900 г. до наших дней). Отличительной чертой Ф. л. XX века является отсутствие в ней какого-либо одного главенствующего направления. Необыкновенный рост читательской массы, в культурном и классовом отношении очень дифференцированной, лихорадочный темп жизни больших городов, вызывающий быструю смену впечатлений, погоню за модой, искание оригинальности (обилие литературных экспериментов и манифестов), наконец, начитанность писателей в мировой литературе и вкусовой подход к ней, рождающий постоянные попытки стилизации и обновления старых литературных направлений, все это создает необыкновенную пестроту. Несмотря на развитие социалистических идей и появление ростков пролетарского творчества (*Мартине*, бельгиец *Кроммелинк*), в целом литература нормируется вкусами и запросами буржуазии, устремляясь, главным образом, по следующим трем направлениям: психологизм, с соответственной идеологической окраской, сюжетная занимательность и эстетизм. Такое же разнообразие господствует в области приемов и стиля. Если в конце XIX в. *Брюнетьер* (ум. 1907) и пытался еще строить объективную (по существу реакционно догматическую) оценку произведений, то другой виднейший критик эпохи, *Ж. Леметр* (ум. 1914) уже приходит к чистейшему импрессионизму („критика есть художественное произведение, создаваемое по поводу другого произведения"). Из явлений общего характера отметим следующие. Усиливается влияние иностранных писателей, особенно русских (Толстого — на *Р. Роллана*, Достоевского—на *А. Жида*), скандинавских (Ибсена—на драматургов), английских (Элиот—на *Поля Маргерит*). Сильно возрастает женское творчество (*Жип, Рашильд, А. де Ноайль, Тинейр, М. Маркс, Колет*), не показавшее, впрочем, особенно высоких достижений. Поэзия, особенно после 1915 г., отступает на задний план, оттесняемая прозой, часто стремящейся к легкой форме занимательного чтения. Так, чрезвычайно распространяется бульварный роман—авантюрный (*Пьер Бенуа, Мак Орлан*), детективный (*Г. Леру, М. Леблан*) или эротический (*Мезеруа, Вилли*). Вместе с тем, однако, наростает сильная волна идейного протеста против капитализма, милитаризма и буржуазного режима, не считая *А. Франса* (напр. „Ile des pingouins", 1907), в творчестве *Р. Роллана, Мирбо, Барбюса* („Feu", 1916) и возглавляемой им группы „Clarté", *Жува* („Tragiques", 1923), *Мартине, П. Ампа, Дюамеля* („Vie des martyrs", 1917).

В лирике символизм еще не окончательно изжил себя, и последние представители его, *Руайер, Варле, Лаво* и др., группируются вокруг *Поля Фора* (род. 1872; „Anthologie des ballades françaises", 1897—1920). Романтиками являются интимисты *Фарг* и *Клингсор*, католик *Фагюс*, в то время как *Гаске* („Hymnes") пытается утвердить нео-классицизм. Социальными и философскими мотивами проникнута поэзия *Ж. Риктюса, Мерсеро, Флега. Р. Гиль* стремится создать „научную" поэзию. Около 1910 г. возникают крайние левые течения, близкие к футуризму (*Аполлинер, Салмон, Сандрар*), переходящие около 1920 г. в „дадаизм" (*Кокто, Арагон, Пикабия, Цара*), род анархического импрессионизма. Своеобразна насквозь идейная, трагическая поэзия перешедшего от социализма к католической реакции *Шарля Пеги* (ум. 1914). Вне школ стоят три величайших, уже маститых мастера: универсалист, эстетически приемлющий все впечатления мира *Ларбо* (род. 1881), патетический мыслитель *Клодель* (род. 1868; „Connaissance de l'Est", 1900, „Cinq grandes odes", 1910) и ищущий максимальной выразительности слова *Поль Валери* (род. 1872; „Poésies", 1892). В драме, после попытки *Э. Ростана* риторически воскресить романтизм („Cyrano de Bergerac", 1897, „Chantecler", 1910), преобладает застылый тип реалистических пьес с уклоном в сторону либо психологизма (*Порторише, Батайль, Ленорман*), либо социальной сатиры и морализации (*Бриё, Доннэ, Эрвье, Эм. Фабр, Буэлье*), не считая легкой комедии и фарса (*Куртелин, Капюс, Кайяве* и *Флерс*). Особняком стоят немногие, идеологически и художественно передовые пьесы *Р. Роллана, Ж. Ромена, Дюамеля, Клоделя* и нек. др. Господствующим жанром эпохи является роман в его многочисленных разновидностях, переплетение которых сильно затрудняет классификацию. В общем здесь наблюдается упадок натурализма (от которого отказались, напр., *Поль Маргерит* и *П. Адан*), а в послевоенное время — стремление к динамизму и занимательной фабуле. Вырабатывается тип реалистического социального романа, преимущественно на психологической, а отчасти бытовой основе. Первое место здесь принадлежит *Р. Роллану* (циклы „Jean Christophe", 1904—12 и „Ame enchantée", с 1922). Сюда же можно отнести большинство романов *П. Адана, Поля Маргерит, М. дю Гара*, отчасти *Арокура* с их радикальной или нейтрально-гуманной идеологией, легкого сатирика *Абеля Эрмана*, апостола спорта *Монтерлана*, католических моралистов *Мориака* и *Бомана*. Более чистый и тонкий психологизм всевозможных оттенков встречаем мы у *Эстонье, Клермона* (ум. 1916), *Радиге* (ум. 1924), *Кокто, Моруа*. Весьма популярны романы, изображающие жизнь разных провинций и колоний *А. Бордо, Р. Базена, А. де Шатобриана, Буалева, Эльдера, Эсколье, Маршона, Эмона* („Marie Chapdelaine", 1923, из канадской жизни), *Р. Марана* („Batouala", 1921, из негрского быта). Своего рода народничество, полное свежести и глубокого мастерства, замечается у *Ш. Л. Филиппа* (ум. 1909), смесь мечтательности с социальным анализом у *П. Милля* (род. 1864) и *Миомандра*. Экзотический и авантюрный роман разрабатывают *Клод Фаррер* (род. 1876), *Луи Бертран*, братья *Таро, Ж. д'Эсм, Шадурн*; фантастический—*Перошон*; исторический — *Мендрон, Ан Ринер* и отчасти мастер эстетического романа, тонкий стилист *А. де Ренье* („Double maîtresse", 1900, „Bon plaisir", 1902). Однако, многие из названных авторов в соответствии с распространенным духом эклектизма и гибкой реакции на читателя, неоднократно меняют свои темы и литературную манеру.

Назовем несколько явлений, наиболее ярких и характерных для *последних устремлений* Ф. л. В 1900 г. возникла группа „Abbaye", занявшая ныне видное место в лирике, романе и драме (*Жюль Ромен*, род. 1885, *Дюамель*, род. 1884, *Аркос, Вильдрак, Шенневьер, Жув*). Одинаково далекие как от символизма, так и от классицизма, противники расплывчатого субъективизма и ограничения замкнутой формы, „аббеисты" стремятся в поэзии к чистому и непосредственному восприятию объекта, к широкому единению с ним. Особая ветвь этого направления—„уна-

нимизм" (стремление изобразить не отдельные лица и явления, но игру взаимодействий социально-психических комплексов), примененный *Ж. Роменом* сначала в лирике („Vie unanime", 1907), затем в драме (трагедия „Armée dans la ville", 1911, с ее коллективными героями—городом и армией), комедия „Knock ou le triomphe de la médecine", 1923) и повести („Copains", 1913 и др.); отчасти к нему примыкает в своей прозе *Дюамель* („Hommes abandonnés", 1921). Новый усложненный психологизм, стремящийся к исчерпывающей передаче слитного и целостного потока переживаний (своего рода „бергсонианство"), находим мы у *М. Пруста* (ум. 1922; цикл „A la recherche du temps perdu", 1913—22). Наоборот, совершенным объективизмом проникнуты романы *Пьера Ампа*, лишенные психологии, даже фабулы, и сводящиеся к диалогам представителей разных профессий — своеобразная эпопея труда, города, фабрик, машин („Rail", 1912, „Metiers blessés", 1919 и др.). Характерно изображение судорожной жизни и психики больших городов, с их утонченной цивилизацией, волевым напряжением и извращениями, в рассказах *Поля Морана* („Ouvert la nuit", 1922, „Europe galante", 1925). Величайшими стилистами и поэтами в области романа являются сейчас, в оценке франц. критики, кроме названных *Р. Роллана*, *Ренье* и *Ларбо* („Barnabooth", 1913, „Amants, heureux amants", 1921),—тонкий психолог-импрессионист *Ж. Жироду* („Simon le pathétique", 1918, Suzanne et le pacifique", 1921) и острый мыслитель, своеобразно отразивший влияния Ницше и Достоевского, критик, драматург (трагедия „Saül", 1902) и романист („Caves de Vatican", 1913, „Faux-monnayeurs", 1926) *Андре Жид*.

Общие обзоры Ф. л. L. Petit de Julleville, „Histoire de la langue et de la littérature française", 8 тт. 1896—99 („XIX век" есть в рус. пер.); *G. Lanson*, „Histoire de la littérature française" (есть рус. пер.); *Faguet*, „Histoire de la litterature française", 2 тт. 1900; *Brunetière*, „Manuel de l'histoire de la littérature française", 1898; *Doumic*, „Histoire de la littérature française". 1888; *Bédier et Hazard*, „Histoire de la littérature française", 2 тт. 1923; *Suchier und Birch-Hirschfeld*, „Geschichte der französischen Literatur", 2 изд., 2 тт., Лпц. и Вена, 1914; *А. Кирпичников*, во „Всеобщей истории литературы", Корша, тт. 3 и 4, СПБ. 1892; *Сентсбери*, „Краткая история франц. литературы", СПБ. 1884; *Brunetière*, „Études critiques sur l'histoire de „la littérature française", 8 тт. 1880—1905. *E. Lintilhac*, „Histoire générale du théâtre en France", 5 тт., 1909—1911. *Brunetière*, „L'évolution de la poésie lyrique en France", 2 тт., 1895. *Средние века. G. Paris*, „La littérature française au moyen âge", 1888; *его же*, „Esquisse historique de la littérature française au moyen âge", 1907; *G. Gröber*, „Französische Literatur", в „Grundriss der roman. Philologie", II, 1, Страсб., 1902; *Voretzsch*, „Einführung in das Studium der altfranzösischen Literatur", 3 изд., Галле, 1919; *L. Gautier*, „Les épopées françaises", 4 тт. 1866—67, 2 изд. 1878—82; *J. Bédier*, „Les légendes épiques", 4 тт. 1908—1913; *A. Jeanroy*, „Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge", 1904; *В. Шишмарев*, „Лирика и лирики позднего средневековья", Париж, 1911; *Ch. Lenient*, „La satyre en France au moyen âge", 2 изд. 1877; *J. Bédier*, „Les fabliaux", 2 изд. 1895; *M. Lot-Borodine*, „Le roman idyllique au moyen âge", 1914, *L. Foulet*, „Le roman de Renard", 1914; *E. Langlois*, „Origines et sources du Roman de la Rose", 1890; *J. D. Bruce*, „The evolution of Arthurian Romance", 2 т., Геттинг., 1923—24; *P. Champion*, „Histoire poétique du XV siècle", 1921; *L. Petit de Julleville*, „Les mystères", 2 тт., 1880; *Mortensen*, „Le théâtre français au moyen âge", 1903; *W. Creizenach*, „Geschichte des neueren Dramas", т. I, 2 изд., Галле, 1911. — *Возрождение. F. Brunetière*, „Histoire de la littérature française classique", вып. 1—3, 1904; *H. Morf*, „Geschichte der neueren französischen Literatur", т. I, Страсб., 1898 (есть новое изд.); *A. Lefranc*, „Les grands écrivains français de la Renaissance", 1914; *Tilley*, „Literature of the French Renaissance", 2 тт., 1904; *Darmesteter et Hatzfeld*, „Le seizième siècle en France", 2 тт. 1883; *E. Faguet*, „Le XVI siècle", 1891; *Sainte-Beuve*, „Tableau de la poésie française et du théâtre français au XVI siècle", 2 изд., 1843. — *XVII век. Demogeot*, „Tableau de la littérature française au XVII siècle", 1859; *Dupuy*, „Histoire de la littérature française au XVII siècle", 1892; *P. Albert*, „La littérature française au XVII siècle", 1895; *E. Faguet*, „Le XVII siècle"; *Lotheissen*, „Geschichte der franz. Literatur im XVII Jahrhundert", 2 изд., 2 тт., Вена, 1897; *Brunetière*, „Les époques du théâtre français", 1896; *Le Breton*, „Le roman au XVII siècle", 1890. — *XVIII век. Hettner*, „Französische Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts", 1870, нов. изд. 1909 (есть рус. пер.); *E. Faguet*, „Le XVIII siècle", 1890; *Vinet*, „Histoire de la littérature française au XVIII siècle", 2 тт., 2 изд. 1876; *Barante*, „Histoire de la littérature française au XVIII siècle", 8 изд. 1857; *Le Breton*, „Le roman au XVIII siècle", 1898; *L. Bertrand*, „Fin du classicisme", 1897; *Desnoirsterres*, „Voltaire et la société au XVIII siècle", 8 тт., 1867—76; *Crouslé*, „La vie et les oeuvres de Voltaire", 2 тт., 1899; *Beaudoin*, „La vie et les oeuvres de J. J. Rousseau", 2 тт., 1891; *J. Texte*, „J. J. Rousseau et le cosmopolitisme littéraire", 1895; *М. Н. Розанов*, „Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX века", М., 1910; *И. Иванов*, „Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века", М., 1895; *И. М. Брюсова*, „Франц. лирика XVIII века" (антология и статья В. Брюсова), М., 1914. — *XIX и XX века. Strowski*, „Tableau de la littérature française au XIX siècle", 1912; *P. Albert*, „La littérature française au XIX siècle", 2 тт., 6 изд., 1895; *Charpentier*, „La littérature française au XIX siècle", 1875; *Perrens*, „La littérature française au XIX siècle", 1899; *Laporte*, „La littérature française au XIX siècle", 1899; *R. Canat*, „La littérature française au XIX siècle", 2 тт. 1921; *Le Goffic*, „La littérature française au XIX et XX siècles", 1920; *E. Faguet*, „Le XIX siècle" (есть рус. пер.); *Pellissier*, „Le mouvement littéraire au XIX siècle", 1893 (есть рус. пер.); *Брандес*, „Главнейшие течения литературы XIX столетия" (соотв. тома); *Де Ла Барт*, „Шатобриан и поэтика мировой скорби", Киев, 1905; *его же*, „Разыскания в области романтической поэтики и стиля", Киев, 1908; *Фемелиди*, „В. Гюго", ПБ., 1912; *E. Seillère*, „Le mal romantique", 1908; *P. Lasserre*, „Le romantisme français", 2 изд. 1922; *V. Karénine*, „G. Sand, sa vie et ses oeuvres", 4 тт., 1899—1926 (есть рус. пер. т. I—II); *J. H. Rettinger*, „Histoire de la littérature française du romantisme à nos jours", 1911; *В. Брюсов*, „Французские лирики XIX века" (антология и статьи); *J. Lemaître*, „Les contemporains", 7 тт., 1885—99; *Casella et Gaubert*, „La nouvelle littérature, 1895—1905," 1906; *Le Cardonnel et Vellay*, „La littéra-


RODIN (Auguste)

Французское искусство.

Огюст Родэн (1840—1917). „Данаида".

(Париж, Люксембургский музей).

ture contemporaine", 1905; *E. R. Curtius*, „Die literarischen Wegbereiter des neuen Frankreichs", 3 изд. 1923; *Florian-Parmentier*, „Histoire contemporaine des lettres françaises", 1914; *E. Montfort*, „Vingt-cinq ans de vie littéraire", 1925; *R. Lalou*, „Histoire de la littérature contemporaine", 1924.—Библиография: *G. Lanson*, „Manuel bibliografique de la littérature française moderne", 4 тт., 2 изд., 1921. *А. А. Смирнов.*

Французское Искусство. 1. Романская и готическая архитектура. Достоверная история Ф. и. начинается только с эпохи средневековья, с XI в., ибо почти ничего неизвестно об искусстве времени каролингской династии, не говоря уже о более ранних периодах кельтской и франкской культур. На территории нынешней Ф. сохранилось немало памятников, относящихся к более глубокой древности, но они принадлежат всецело истории античного искусства. К числу таких памятников относятся остатки храмов гальско-римского периода, главным образом на юге Ф., в Провансе и Дофинэ. Скульптурных фрагментов раннего средневековья найдено еще слишком мало, чтобы на основании их можно было строить какие-либо выводы. Среди античных сооружений особенной известностью издавна пользуется храм коринфского стиля в Ниме, получивший название „maison carrée". Вместе с христианством Ф. получила из Италии господствовавший там храмовой тип базилики. К сожалению ни одной из них не сохранилось до наших дней, но есть все основания считать именно базилику исходной точкой для дальнейшего развития Ф. и. Когда к концу X в., вместе с ростом и укреплением городских общин и постепенной ликвидацией феодализма, впервые появилась уверенность в завтрашнем дне, во Ф., так же, как в Италии и Германии, после долгого промежутка началась оживленная строительная деятельность. Этот момент совпадает с нарождением нового стиля в искусстве, за которым упрочилось название *романского* (см.), указывающее на его связь с искусством Рима. Родиной романского стиля была северная Ф. и Саксония. И тут и там, почти одновременно, появляется ряд базилик, в которых северяне впервые вносят изменения, вызываемые условиями более сурового климата и нового жизненного уклада. Вместо плоского деревянного потолка появляется цилиндрический свод; хор и алтарь поднимаются над общим уровнем пола, и под ними получается новое помещение—крипта; боковые нефы, ранее оканчивавшиеся у средокрестия, на пересечении главного нефа с трансептом, продолжаются за ним, огибая главную абсиду; в восточной части к выступающим сторонам трансепта и обходному полукружию пристраивается ряд небольших абсид, усложняющих план и вносящих необычайную живописность во внутреннюю и внешнюю архитектуру хора. Особое внимание обращается на обработку западного фасада, на котором находят свое четкое выражение все основные конструктивные особенности здания. Все эти нововведения шли, главным образом, из северной Ф., откуда постепенно распространились на юг и перебросились в Италию. Наиболее значительными из архитектурных памятников Нормандии и Бретани XI в. являются церкви Mont-St.-Michel, Cerisy-la-Forêt, собор в Ле-Мансе и особенно две церкви в Кане—St.-Etienne и St.-Trinité (1066). В западной Ф., в областях Сентонж, Пуату, Турэни и отчасти Анжу, там, где проложила себе дорогу торговля великой Венецианской республики, а также на юге, в Оверни и Лангедоке, почти не встречается храмов в типе базилик: большинство их имеет в плане не обычную для базилик форму удлиненного латинского креста, а форму греческого креста, приближающуюся к квадрату, и все они покрыты одним или несколькими—большей частью пятью, куполами,—явный отзвук архитектуры собора св. Марка. Если план и общие массы заимствованы здесь из Венеции, то сторона чисто декоративная поражает необычайным своеобразием нигде в другом месте не встречающихся приемов и мотивов. Богатейшая фантазия местных скульпторов покрыла камни церковных порталов фантастическими плетениями невиданных растений, сказочных животных и всяких чудищ. В этих каменных коврах некоторые исследователи склонны видеть отдаленные отзвуки кельтской культуры. Среди этих памятников особенно выделяются церкви St.-Frout в Периге, собор в Ангулеме,

Notre-Dame-la-Grande в Пуатье, St.-Emilion в Бордо, и церкви в Фонтевро, Солиньяке, Сульяке, Пети-Пале, Сиврэ и целом ряде других городов и местечек. Одним из самых замечательных было, видимо, здание аббатства St.-Aubin в Анжере, от которого уцелела только богато украшенная резьбой аркада, помещающаяся сейчас внутри префектуры. В Оверни надо отметить храмы Notre-Dame-du-Port в Клермоне и церковь в Ле Пюи в Лангедоке, грандиозное аббатство St.-Sernin в Тулузе, с его 9 круглыми абсидами. В Провансе и Дофинэ, где разбросано так много остатков античных построек, зодчие романского периода охотно заимствовали у древних строителей отдельные декоративные детали и общие приемы, что приводило к созданию таких полуклассических памятников, как St.-Trophime в Арле и церковь в Сан-Жилле. Тройной портал последней, несмотря на романскую общую идею, как бы собран из отдельных фрагментов античных сооружений, коринфских колонн, колонок и классических профилей. Только неожиданно врывающиеся в эту классику львы, поддерживающие некоторые колонны, да скульптурные фризы выдают их романское происхождение. В храмах соседней Бургундии, где также есть остатки античных сооружений, наблюдается смесь элементов классических, южно-французских и северо-французских. Расположенная в центре страны, Бургундия не только отразила в своей архитектуре все уклоны романского стиля, но и рано отметила одну из важнейших вех начинавшегося нового течения в искусстве Ф.: в церкви аббатства в Везелэ (Vézelay), построенной в начале XII в., мы видим замечательное нововведение в конструкции сводов хора, знаменующее начало новой эры, смену романского стиля *готическим* (см.). Коробовой свод, введенный в употребление в период раннего романского стиля, постепенно начал уступать место выросшему из пересечения двух коробовых стрельчатому своду, получающему в конце XI в. всеобщее признание, благодаря его большей легкости и меньшему горизонтальному давлению на стены. Для придания своду еще большей легкости гениальный зодчий, оставшийся неизвестным, отважился возвести стрельчатый свод при помощи невиданного до того по своей смелости приема: вместо того, чтобы сооружать, как было принято до него, весь массив свода из крупных тяжелых камней, он возвел сначала стрельчатые арки, отвечавшие ребрам стрельчатого свода, и полученный таким образом каменный каркас из так называемых „гуртов" заполнил более легким камнем, в виде сводиков в междугуртовых промежутках. Самым ранним памятником, в котором этот прием имеет место, является пока церковь аббатства Мариенваль в Крепи ан Валуа, относящаяся еще к концу XI в. Бургундия повторяет, по обыкновению, удачную мысль северных соседей, ибо нововведение, вне всякого сомнения, шло из Иль де Франса, а в 1140 г. в том же Иль де Франсе, в Сен-Дени, известный аббат Сугерий строит уже не случайно, а вполне сознательно усыпальницу французских королей по этой новой системе, становящейся отныне общепринятой. Так родился готический стиль Европы, значительно позднее, через 100 слишком лет, проникший в Германию и другие страны и лишь по недоразумению считавшийся до недавнего времени созданием исключительно германского гения. Три периода, различаемые в истории готической архитектуры, периоды ранней готики, ее расцвета и упадка—отмечаемые для Германии датами 1225-1300, 1300-1420 и 1420-1500,—должны быть для Ф. передвинуты по крайней мере на 125 лет назад. Эпоха раннего, „строгого" готического стиля начинается с конца XI в. и заканчивается 1180 г. Расцвет его совпадает с царствованием Людовика VII (1137—1180), выстроившего значительное число храмов. Из памятников этого стиля одним из самых ранних и в то же время достаточно четко выражающим новый дух времени является собор в Нуайоне, начатый в 1131 г. Дальнейшее развитие той же архитектурной мысли мы видим в соборе Парижской Богоматери (Notre-Dame-de-Paris), восточная часть которого выстроена в 1163—1182 гг. Своего расцвета французская готика достигает лишь

в XIII в., в эпоху второго, так называемого „лучистого“ стиля, style rayonnant—совпадающую с царствованиями Филиппа II Августа (1180—1223) и Людовика „Святого“ (1226—1270). При первом из них были окончены, продолжены или вновь выстроены знаменитейшие соборы Парижа, Лана, Шартра, Буржа, Руана, Реймса, Амьена, Суассона, Дижона, Ле Манса, Камбрэ, Тура, Труа и ряда других. В них готика нашла свое высшее выражение, не превзойденное даже в отдаленной степени в других странах, культивировавших готические идеалы. Если к ним присоединить еще несколько несравненных шедевров, появившихся во Ф. при Людовике Святом, Sainte Chapelle в Париже (1243-1251) и собор в Бове (1225-1269), то этим будет исчерпан перечень наиболее совершенных сооружений, созданных после античного мира. Впервые человечество после долгих исканий и блужданий создало искусство не менее логическое по своей конструкции и не менее прекрасное по своей художественной выразительности. Идея стремления ввысь, проникающая всю готику, была проведена вне пределов Ф. с еще большей последовательностью и неуклонностью, но в жертву ей были принесены гармония и то несравненное чувство меры, которым отличается французская готика. Германские зодчие развивали до конца все архитектурные идеи, брошенные в мир расточительным французским гением шутя, походя, иногда почти в виде обмолвки. Уверовав в непогрешимость системы, немецкий мастер, не задумываясь, тянет все формы вверх, почти не перебивая их горизонтальными линиями. Этот исступленный вертикализм, не уравновешиваемый ничем, вносит беспокойство и наскучивает. В Миланском соборе, типичном произведении германского вкуса, лес башен, башенок и фиалов совершенно заслонил всю конструкцию здания: из-за его декоративной перегруженности затерялся его архитектурный остов. Не то мы видим во французской готике. Фасады всех знаменитых соборов построены на необыкновенно искусном соотношении вертикальных и горизонтальных линий; ясно выраженное стремление вверх нигде не утрировано, мысль как бы недосказана до конца, чувство меры заставило во время остановиться художника-строителя, вводящего в противовес архитектурным массам, бегущим вверх, членения, идущие горизонтально. Фасад парижской Notre-Dame являет неувядаемый пример гармонии отдельных частей, изумительного чувства пропорций, конструктивной логики и мудрой умеренности в применении чисто декоративных элементов. Фасад Реймсского собора, начатого постройкой в 1212 г. мастером *Робером де Куси*, представляет дальнейшую стадию развития той же идеи стремления вверх. Это стремление получило здесь гораздо более определенное выражение, будучи подчеркнуто остроконечными завершениями порталов и ниш со статуями во втором и третьем ярусах. Однако, решительными горизонтальными делениями зодчий снова уравновешивает стремительность несущихся в вышину линий и форм, создавая впечатление покоя, подобающего этой величавой, застывшей сказке.

Датировка готических храмов Ф. представляет существенное затруднение в виду того, что все они строились долгое время, по меньшей мере 100, а иногда и 200 лет, прежде чем получили свой окончательный облик. Расположив их все же в возможной хронологической последовательности, мы получаем поучительную картину развития отдельных приемов, форм, декоративных мотивов и роста мастерства, показывающую, как один зодчий перенимал у другого удачную выдумку, тут же улучшая и совершенствуя. Так, автор Ланского собора, увеличив пропорционально центральное круглое окно фасада, так называемую „розу“, и не имея возможности провести над ним прямой непрерывной горизонтали, повышает последнюю в средней части трехчленной фасадной композиции и получает этим путем вместо прямой слегка ломаную линию. Этот прием, в Лане еще достаточно примитивный, зодчий Реймсского собора утончает, придав ему характер менее случайный и почти закономерный. К концу XIII в., когда в Германии готика пускала еще только свои первые корни, во Ф. эво-

люция ее фактически завершилась. Казалось, что было произнесено последнее слово, осуществлены последние возможности и двигаться дальше было некуда. Наступает естественное затишье в строительстве, остановленном к тому же и бесконечной войной с Англией. В продолжении почти 150 лет не было возведено ни одного значительного сооружения, и лишь с воцарением Карла VII (1422-1461) начинается новое строительное оживление. В течение 80 лет, протекших с этого момента до начала XVI в., Ф. явила миру последнюю вспышку стиля, казалось, угасшего навсегда. Стиль этого третьего периода готики известен под названием „пламенеющего стиля"—style flamboyant—от пламеневидных завершений его башенок. Среди ранних памятников этого стиля, имеющих переходный характер, больше других выделяются St.-Ouen и St.-Maclon в Руане, St.-Maurice в Лилле и St.-Vulfram в Аббевиле. Из памятников расцвета стиля должны быть прежде всего отмечены постройки величайшего его мастера *Мартина Шамбиэжи*, автора чудесного транссепта собора в Сансе (1489-1513), ажурного северного транссепта в Бове (1506-1537) и известной парижской башни St.-Jacques (1508-1522). „Пламенеющим стилем", игривым, остроумным, утонченным, быть может слишком дробным, но неизменно живописным, заканчивается последняя страница истории французской готики. Следует лишь упомянуть о наиболее замечательных гражданских сооружениях готического стиля, таких, как замки Лош, Шоман, Пьерфон, дворец в Авиньоне, ратуша в Компьене, госпиталь в Анжере и дом Жака Кер в Бурже, XV в.

2. Романская и готическая скульптура. Главным украшением романских и готических церквей была скульптура, покрывавшая обычно все порталы и частью наружные стены, а внутри храма сосредоточивавшаяся на капителях пилонов. Неся служебную роль, эта скульптура, особенно в раннюю эпоху, была в полном подчинении у зодчего и, естественно, не могла развиваться столь же свободно и закономерно, как архитектура. Можно различать три главных периода в истории французской скульптуры XI-XV вв.: период ранне-романский, с заметным уклоном в сторону античных традиций, особенно на юге Ф., изобилующем памятниками классического искусства, период новых исканий и оформлений, совпадающий с поздне-романской и ранне-готической культурой (XI-XII вв.), и период расцвета (XIII-XIV вв.). Наиболее яркими образцами скульптуры первого периода являются те, которыми обильно украшены порталы St.-Trophime в Арле и церкви в Сен-Жилле. Не только чисто архитектурная декорация повторяет здесь целиком античные ионики, перловые шнуры, листья и меандры, но и самая скульптура, особенно главные, крупные статуи в колонных портиках Арльского собора кажутся прямыми сколками с классических скульптур. Дальнейшая эволюция скульптуры шла по линии удаления ее от античного прообраза, причем попутно она переживает уклон, аналогичный тому, которым отмечена история ранне-христианского искусства: античные отголоски сочетаются с новым „варварским" стилем, видоизменяющимся в зависимости от местности и несколько различным на западе, севере и в центре Ф. Так, сильно отличается от других скульптура храмов, стоящих на торговых венецианских путях,—в Муассаке, Сульяке, Тулузе. В противоположность большинству одновременных французских скульптур, они отличаются более тщательной отделкой и свидетельствуют о влиянии иноземной культуры, как это определенно видно на рельефах Сульякского и Муассакского храмов. Отдельные композиции в них выдают, однако, с головой „варваров", силящихся освободиться от всяких влияний и умеющих сказать свое слово. Таков сложный скульптурный пилон в Сульяке, скомбинированный из птиц и животных. Там, где были сильны пережитки кельтской культуры, скульптура насыщена богатейшей фантастикой, как мы видим в Анжере, на остатках аббатства St.-Aubin. Примером скульптуры второго, переходного периода могут служить те, которые украшают ранние порталы Шартрского собора. При реально трактованных



Французское искусство.

Теодор Жерико (1791—1824). Гвардейский егерь.

(Париж, Лувр).

индивидуальных головах, руках и ногах, их „классические“ одежды до последней степени условны и исполнены по одному шаблону. Жизненные складки появляются только в периоде расцвета, падающем на XIII и XIV вв., когда один за другим были достроены и украшены скульптурой знаменитейшие соборы Ф. Первой по времени была скульптурная декорация фасада Notre-Dame в Париже, относящаяся к 1208-1223 гг. Идея этой декорации, основанная на сопоставлении крупных фигур нижней части портала с мелким масштабом его верхней части, была перенята строителями всех последующих храмов, на фасадах которых она получила дальнейшее развитие. Сюжеты ранних скульптур ограничивались только библейскими и евангельскими событиями, но постепенно их круг расширялся и стал чрезвычайно разнообразным. Появились изображения аллегорические, фантастические и заимствованные из басен. В период расцвета скульптуры исключительное внимание уделяется мадонне, образ которой получил уже в скульптуре, непосредственно следовавшей за декорацией Парижского собора — в статуе Амьенского собора, знаменитой „золотой мадонне“ (1230—1240 гг.),—одно из самых вдохновенных выражений, оставленных нам готическим искусством. Наивысшего своего выражения готическая скульптура достигла в декоративном убранстве Реймсского собора, созданном в 1375-1430 гг. Круглые статуи нижней части главного портала, по своему реализму, счастливо сочетающемуся с декоративностью, по чувству, вложенному в эти лица, позы и жесты, могут быть сравниваемы с шедеврами классического искусства, ибо они принадлежат к лучшему, что создано человечеством в этой области.

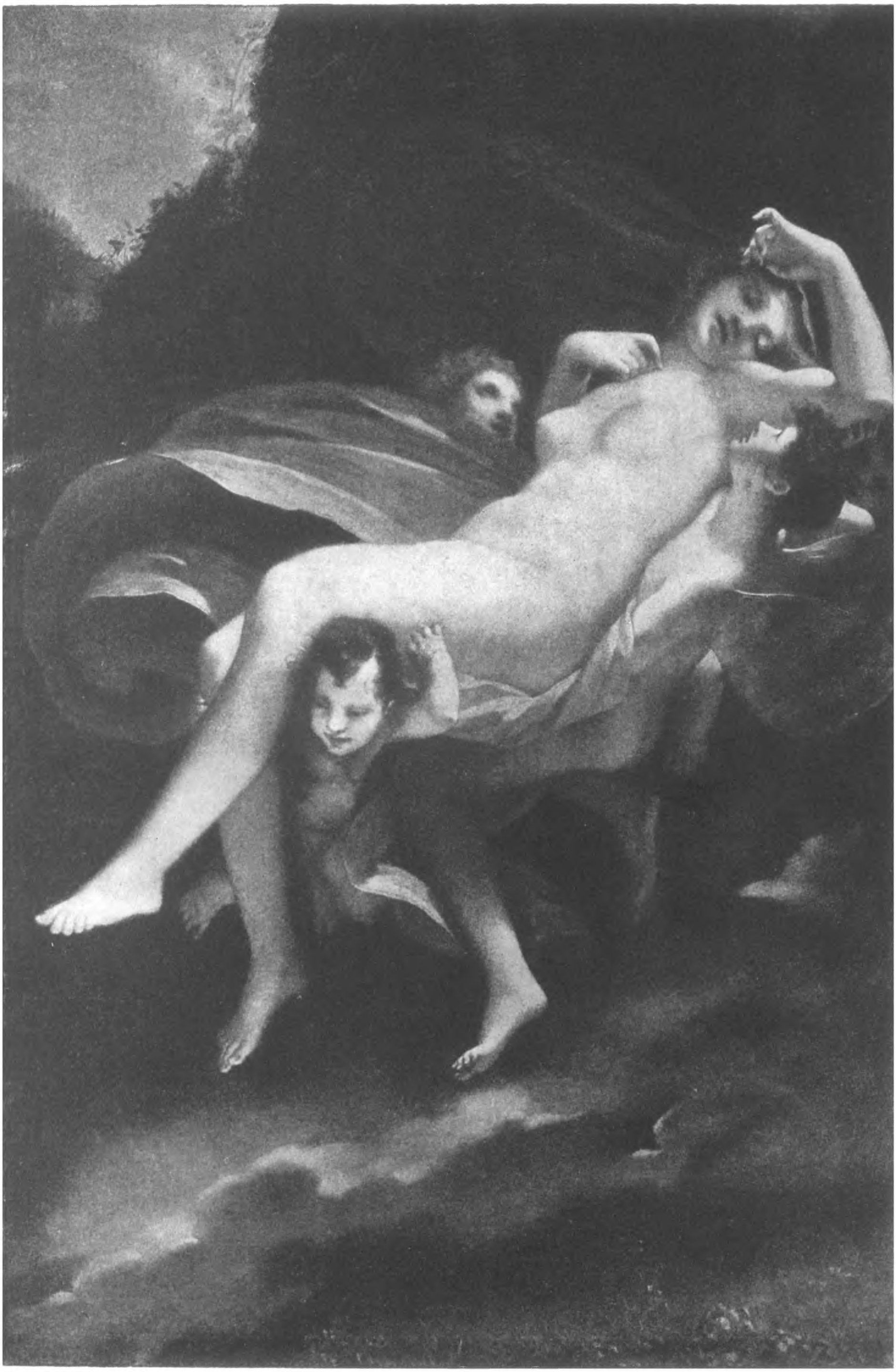
3. Романская и готическая живопись. Во Ф. не сохранилось ни одного памятника монументальной живописи каролингской эпохи, и древнейшими из них являются стенописи XI—XII вв. Но и они единичны, как редки и росписи готической эпохи: то, что счастливо уцелело от религиозных междоусобиц, было уничтожено во время революции. К тому же и фрески, дошедшие до наших дней, в большинстве случаев настолько искажены позднейшими записями, что трудно судить о их первоначальном виде по нынешнему состоянию. Самые ранние из них—стенописи капеллы в Лиже (Indre-et-Loire), церкви в Montoire (Loire-et-Cher) и капелла аббатства Saint-Chef (Jsère) — обнаруживают еще вполне определенный византийский уклон, говорящий о том, что французская живопись предшествующих веков развивалась, видимо, под непосредственным влиянием византийского искусства, подобно итальянской и немецкой. От этого влияния свободны уже стенописи церкви Saint-Savin в Пуату и крещальни Saint-Jean в Пуатье. Написанные в конце XI или первой половине XII в., они трактуют вполне свободно и по своему, хотя и грубовато, как целые композиции, так и отдельные фигуры и складки их одежд. В эпоху готического стиля стены большинства храмов были покрыты внутри росписью, позднее уничтоженной или забеленной. Из числа их следует отметить те, которые уцелели в Амьенском соборе за пристройкой XIII века. Из фресок XIV в. сохранились фрагменты в соборе Клермона, Тула, Ле Манса, Лиможа и Тулузы. Из произведений живописи древнейшей эпохи гораздо больше сохранилось в области миниатюры. Ранее других стран Ирландия отрешилась в миниатюре от византийских традиций; отсюда этот кельтский стиль был занесен ирландскими монахами в Англию, Ф. и, наконец, в Германию. Видоизменившись в разных странах под перекрестным влиянием античных, византийских и местных элементов, он выработался в тот общий романский стиль, который отличается сравнительно незначительным национальным уклоном. Из наиболее выдающихся иллюминованных рукописей, исполненных во Ф., следует отметить „Les heures de Charlemagne“ мастера *Годескалька*, 781 г., в Парижской нац. библиотеке, и золотую псалтирь в городской библиотеке Трира. Начиная с конца IX в., техника миниатюры во Ф. заметно падает и поднимается только в XII в., когда появляются такие блестящие рукописи, как связанные с именем Людовика IX псалтирь и

часослов Парижской библиотеки. Любовь художников к ритмическим построениям и яркому цвету нашла еще один выход: в годы понижения мастерства миниатюры во Ф. возникла и расцвела новая художественная техника—живопись по стеклу, занявшая вскоре одно из самых видных мест в жизни искусства и приведшая к созданию величайших ценностей. Один из раннейших образцов живописи по стеклу—окна St.-Rémi в Реймсе, собора в Ле Мансе и аббатства в St.-Dénis, относящиеся к X и XI векам. Высшего расцвета эта живопись достигла в XII—XIII веках, в замечательных оконных композициях соборов Шартра, Буржа, Реймса, Руана, Тура и Sainte-Chapelle в Париже. Несколько позднее появилась еще одна техника живописи—эмаль, сначала довольствовавшаяся грубыми народными пересказами различных популярных композиций, но со временем нашедшая свой собственный живописный язык и свое содержание. Особенного развития она достигла в XVI в. в Лиможе, где Франциском I был основан специальный завод, исполнявший его заказы. Во Ф. довольно поздно, по сравнению с Германией и Италией, создались условия, благоприятствовавшие развитию станковой живописи, но все же в XIII мы уже знаем целый ряд имен художников, а от XIV в. до нас дошли вполне достоверные и частью даже датированные произведения французских мастеров. До недавнего времени о них не было почти никаких сведений, и лишь энергичные розыски, произведенные в древних архивах, извлекли из забвения не только отдельные имена, но и целые художественные школы и направления. В XIV в. мы видим во Ф. четыре самостоятельных школы: Парижскую, Бургундскую, Южную и Турэнскую. *Парижская* школа, насколько можно судить по сохранившимся произведениям, бесспорно созданным парижскими мастерами, была ярко реалистической, о чем красноречиво свидетельствует замечательный профильный портрет короля Иоанна Доброго, написанный *Жираром д'Орлеан* в 1359 г. Представителем той же школы является *Поль из Лимбурга*, автор всемирно известных миниатюр „Les très riches heures du duc de Berry", в музее Шантильи. Исполненные им вместе с 2 братьями в конце XIV в. миниатюры эти трактуют человека, животных и пейзаж с таким чувством жизненной правды, какого в то время не было ни в одной из европейских художественных школ; здесь нет ничего условного, нет шаблона, канона, все полно наблюдательности и трогательной любви к повседневности; перед нами Сена, старый Париж, окружающие его предместья и леса. Когда английское вторжение заставило парижан бежать, французских художников собрал к своему двору бургундский герцог Филипп Смелый, основавшийся с 1363 г. в Дижоне. Эти приезжие парижские мастера образовали здесь школу, получившую название *Бургундской*. Реализм Парижской школы значительно смягчился в Дижоне, благодаря готическим традициям, особенно сильным в Бургундии и укрепившимся еще более работавшими здесь фламандцами. Из произведений Бургундской школы больше других выделяются части алтаря на сюжет „Жизни богоматери" в Дижонском музее, кисти *Мишеля Бредерлама* (Broederlam) из Ипра, „Положение во гроб" музея в Труа, работы *Жана Мануэля* и его же „Мучение св. Дениса" в Лувре, законченное уже его учеником *Бельшоз*'ом. *Южная школа* образовалась в Авиньоне, ставшем после переселения сюда пап крупнейшим художественным центром. Художественные слагаемые, приведшие к созданию Южной школы, весьма разноречивы, ибо к папскому двору стекались художники со всех концов Ф., из Фландрии, Германии, Испании и Италии. Из этой международной смеси вкусов, расовых наклонностей и технических навыков к XV в. выработался своеобразный, нигде более не повторяющийся авиньонский живописный стиль. Лежащий в его основе реализм Парижской школы получил из Италии легкий налет идеализма, заложенный еще сиенским художником *Симоне Мартини*, выписанным в Авиньон папой Климентом V в 1339 г. Шедевр этой школы—„Положение во гроб" авиньонского госпиталя Villeneuve-lès-Avignon, недавно

переданный в Лувр, — одна из самых потрясающих картин эпохи, счастливо сочетающая неприкрашенный реализм с необычайным пафосом. Имя автора ее пока не разыскано, но архивными данными удалось уже безусловно опровергнуть легенду о принадлежности картины кисти Яна ван Эйка. Вообще история открытия братьями ван Эйк техники масляной живописи и их влияния на все тогдашнее искусство Европы подлежит коренному пересмотру после новейших изысканий, сделанных в области раннего Ф. и., находившегося до сих пор в тени. Среди мастеров Южной школы есть еще несколько славных имен; прежде всего *Ангерран Шарантон,* написавший в 1453 г. „Венчание девы", находящееся в Авиньоне в том же госпитале. Любопытный документ — точное описание всего того, что художнику было заказано изобразить на картине — дает редкую возможность заглянуть в рабочую комнату французского мастера и в его взаимоотношения с заказчиком. Все, до мальчайших подробностей, до деталей пейзажа, было оговорено этим последним. Того же автора — „La vierge protectrice des Cadard", в музее Шантильи. Другое крупное имя—*Никола Фроман,* автор картины галлереи Уффици во Флоренции—„Воскрешение Лазаря", датированной 1461 г., еще немощной и мало выразительной, и вслед затем таких блестящих композиций, как триптих собора в Эксе, „Пылающий терновник" (1475), „Благовещение"; там же и триптих парижского дворца юстиции, недавно переданный в Лувр, с единственной панорамой Лувра в XV в. *Турэнская,* или Луарская, школа основана художниками, бежавшими из Парижа во второй половине XIV в. вместе с двором на берега Луары. Здесь, вдали от неприятельских нашествий и вечных битв, жизнь протекала тихо и мирно, и этот мир и покой отразились на произведениях всей школы, носящей печать уравновешенности и довольства. Главным мастером школы был *Жэан Фуке,* родившийся около 1415 г. и в 1447—1450 г.г. бывший в Италии, где он написал портрет папы Евгения IV, произведший на современников сильное впечатление, но не сохранившийся до наших дней. Фуке был первым французским портретистом большого стиля, и его портреты почти на 100 лет предваряют портреты Гольбейна. Один из них, портрет Этьена Шевалье с его патроном св. Этьеном (Стефаном) в Берлинском музее, остался непревзойденным по смелости композиции, остроте инвенции и широте живописной трактовки. Жизненный и свежий той особой свежестью, которая делает его созвучным нашей эпохе, он неувядаем, как все подлинные произведения гения. Вторая створка того же диптиха, изображающая „Богоматерь с младенцем", находится в Антверпенском музее. Из других портретов Фуке заслуживают особого внимания луврские портреты Карла VII и Ювеналия, „des Ursins". Величайший мастер портрета, Фуке был не меньшим мастером миниатюры, как о том свидетельствует исполненный им бревиарий того же Этьена Шевалье, в музее Шантильи. Однако, Фуке был не один: его младшим современником и последователем был даровитый автор луврских портретов Петра Бурбонского с женою и св. Магдалины с заказчицею, до сих пор еще значащихся в списке анонимных произведений XV в., хотя существует тенденция приписать их Жану Перреалю.

4. Искусство эпохи ренессанса, барокко и классицизма (XVI—XVIII вв.). Готический стиль есть детище Ф., тот вклад в историю мирового искусства, который Ф. принесла человечеству. Стиль ренессанса есть неотъемлемое достояние Италии,—ее подлинный национальный стиль. Готический стиль, перейдя границы родившей его территории, быстро покорил все соседние страны, превратившись в общеевропейский стиль, бессменно господствующий на протяжении четырех столетий. Стиль ренессанса с еще большей быстротой совершил победное шествие по всему свету, ставши стилем мировым, каким он в значительной степени остается и до наших дней, все еще находящихся под его властным гипнозом. Элементы этого стиля мы неожиданно видим в таких, казалось бы, самодовлеющих и разнородных художественных

напластованиях, какими являются искусства древне-русское, арабское, индийское и даже китайское, при чем четкость этих элементов тем значительнее, чем меньше в искусстве той или другой страны национальной заостренности. Поэтому готическое искусство, нашедшее столь неистовый отклик в Германии, вовсе не нашло его в Италии. Поэтому итальянский ренессанс долго не находил отзвука в готической Ф., в которой продолжали строить „во французском стиле“ еще во времена Микель Анжело, успевшего преодолеть ренессанс и заложить первоосновы стиля барокко. Естественно, что в годы, отвечающие расцвету ренессанса в Италии, Ф. должна была строить здания в стиле переходном, комбинируя приемы старые и новые. В таком переходном стиле выстроено большинство зданий, появившихся в начале XVI в. Лучшие образцы их—отель Клюни в Париже, портал герцогского дворца в Нанси, дворец юстиции в Руане и корпус Людовика XII в Блуа. Итальянские идеи были занесены во Ф. как приезжими итальянцами, так и французами, побывавшими в Италии. Карл VIII, вернувшись из похода на Неаполь в 1495 г., вывез из Италии в свою тогдашнюю луарскую резиденцию Амбуаз 22 художников и техников, которым поручил обстройку целого ряда городов Турэни—Блуа, Тур, Орлеан и др. Формы раннего ренессанса, в начале причудливо уживавшиеся с готическими пережитками, постепенно начинают брать верх, и в том же Блуа при Франциске I строится дворцовый корпус, носящий имя этого короля, в чисто итальянском вкусе, при том уже французским зодчим *Жаком Сурдо*, быть может учеником первых итальянских мастеров Карла VIII,—*Фра Джакомо* и *Доменико да Кортона*. Нет ни одной постройки, могущей быть достоверно приписанной именно им, но участие последнего из них в сооружении корпуса Франциска I в Блуа, парижской ратуши и в проектировании замка Шамбор не подлежит сомнению. Франциск I, развивший огромную строительную деятельность и перебравшийся, наконец, в Париж, предпринял в 1527 г. постройку большого загородного дворца в Фонтенебло, которую ведет опять французский архитектор *Жилль ле Бретон*. Он работает здесь до 1540 г., когда из Италии прибыл знаменитый *Серлио*, продолжавший постройку до 1547 г. Французскому зодчему принадлежит большинство строений Овального двора с галлереей Франциска I, перистиль, капелла св. Сатурнина и бальный зал Генриха II; второму принадлежит крыло с двойным входом, прислоненным к сжатому корпусу, во Дворе фонтанов и некоторые части Овального двора. Одной из самых значительных построек этой эпохи был замок Шамбор, выстроенный *Пьером Непве*, прозванным *Тренкэ* (Nepveu Trinqueau), по модели Доменико да Кортона. Как этот замок, так и ряд других того же времени, особенно Шеноисо и еще более Ментенон, при всей своей ренессансной архитектурной одежде выдают средневековое происхождение внушительными крепостными башнями полуготического характера. Очаровательная постройка в стиле раннего итальянского ренессанса была возведена в 1523 г. на опушке леса Фонтенебло, — так называемый домик Франциска I, перевезенный в 1826 г. в Париж одним любителем старины, спасшим здание от грозившего ему разрушения. Ряд зданий стиля высокого ренессанса открывается грандиозным Лувром, начатым постройкой в 1546 г. Его архитектором был парижанин *Пьер Леско* (1515—1578), первое крупное имя в истории французской архитектуры послеготического периода. В 1546 г. в Париже уже работал *Серлио*, и если Франциск I, человек тонкого артистического чутья, предпочел его проекту проект 25-ти летнего Леско, это уже одно свидетельствует о его исключительной одаренности. И действительно, созданный им дворовый фасад западного крыла Лувра, украшенный знаменитыми скульптурами его друга и постоянного соработника *Жана Гужона*,—одно из лучших созданий эпохи. Леско принадлежат, кроме того, первый передний корпус южной стороны и так называемый Королевский корпус, на берегу Сены. Из других произведений Леско особенной известностью пользуются отель Карна-



Французское искусство.

Пьер Прюдон (1758—1823). Похищение Психеи.

(Париж, Лувр).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

вале и Фонтан невинных в Париже. Леско был главным архитектором королей Франциска I. Генриха II, Франциска II, Карла IX и Генриха III, но в его время выдвинулось еще несколько даровитых французских зодчих, среди которых особенно славились строители дворца Тюльери — *Филипп Делорм* (1515 — 1570), которому принадлежит проект дворца, *Жан Бюллан* (Jean Bullant, 1510—1578), построивший угловой южный павильон после смерти Делорма, и *Жак Дюсерсо* (1556 — 1604), автор северного павильона. Из них наиболее крупной величиной надо признать Делорма, автора замков Saint-Maur-des-Fossés (ок. 1540 г.) и Anet (в 1550-х гг.), а также надгробного памятника Франциску I (1547). Архитектор с огромным практическим стажем, он был и выдающимся теоретиком, работая над большой книгой по архитектуре, оставшейся незаконченной, и сочинил особый „французский архитектурный ордер"—сложную, богато разделанную и орнаментованную ионическую колонну. Из построек Бюллана наиболее замечателен замок Экуан и малый замок в Шантильи. На рубеже XVI и XVII вв. во Ф. совершается тот поворот от стиля высокого Возрождения к стилю барокко, который в Италии наступил значительно ранее. Его лучшими выразителями во Ф. были: *Саломон де Бросс* (1565—1626), автор Люксембургского дворца (1615—1620); *Жак Лемерсье* (1585—1654), автор Лувр ского павильона, носящего название „pavillon de l'horloge", крыла, завершающего все западные строения (1640), церкви Сорбонны (1629), церкви St. Roch в Париже, замка Ришелье (1631) и дворца Людовика XIII в Версале; *Луи Лево* (1612—1670), строитель трех павильонов фасада Лувра по набережной (1655—1663), первый строитель Версальского дворца Людовика XIV (1661—1670), малой галлереи Тюльери (1661) и здания Французского института (1666); *Франсуа Мансар* (1598 — 1666) и его племянник *Жюль Ардуэн Мансар* (1646—1708). *Франсуа Мансар* был последним архитектором переходного стиля: его лучшая постройка, церковь Val-de-Grâce в Париже, столько же относится по своим формам к позднему ренессансу, сколько и к барокко. До середины XVII в. французские зодчие на все лады комбинировали итальянские приемы целиком, копируя колонны, карнизы и декоративные детали. Лево первый начал избегать той мелочности и дробности, в которую стало впадать строительство, заботившееся не столько об архитектурных массах, сколько об отделке фасадов. Ему первому наскучили вечные колонны, и он старается их избегать, отдавая предпочтение неперегруженной украшениями, а лишь крупно разрустованной стене. По этому пути пошел и Франсуа Мансар, один из одареннейших мастеров XVII в. Одновременно теоретики, *Франсуа Блондель* (1618—1686), *Клод Перро* (1613—1688) и др., переводя и приспособляя к новым запросам сочинения об архитектуре Витрувия, Палладио, Виньолы и Скамоцци, пытались извлечь из них вечные законы творчества. Не будучи архитекторами по призванию — Блондель был математиком, Перро врачом,— они все же создали несколько отличных проектов, которые были осуществлены: по проекту первого выстроена красивая триумфальная арка „Porte St.-Dénis" (1672), по проекту второго—эффектная Луврская колоннада (1667), которая была предпочтена проекту специально вызванного в Париж из Италии Бернини. Колоннада Перро своим явно выраженным классицизмом кажется совершенным анахронизмом в эпоху, когда в Италии и Германии воздвигались здания в стиле самого разнузданного барокко. Правда, Ф. такого барокко не знала: тот художественный такт, то чувство меры, которые удерживали французских мастеров готики от всяких излишеств, удержали от них и мастеров французского барокко; самый крайний из них, *Жюль Ардуэн Мансар*, кажется классиком по сравнению с своими современниками других национальностей. Таковы его главный фасад Версальского дворца (1680), его большая лестница, конюшни (1685) и капелла там же (1696 — 1708), Grand-Trianon (1688), наконец, Дом инвалидов в Париже (1693—1706) и правительственная площадь в Нанси, с изумительно за-

думанными и выполненными колоннадами (1701). Все это — произведения большого стиля, при том стиля в высокой степени французского. Ни в одной стране, кроме Италии, ни такого художественного качества, ни столь высокого технического уровня не было. Богатая строительным камнем, прекрасным песчаником, Ф. почти не знала штукатурки, вековые же традиции каменотесного дела не давали опускаться технике; оттого так тонки, изящны, так далеки от всякой кустарщины франко-итальянские фасады, а позднее чисто французские постройки. Устойчивость преданий сохранила даже в дни барокко излюбленные плановые приемы глубокой старины, и французская страсть к павильонам вошла целиком в павильонную систему XVII и XVIII вв., давая самобытные, типично французские решения.

Искусство Мансара младшего, достаточно своевольное на фоне строгих классических вкусов и еще более классических теоретических построений, было последней преградой, отсрочившей на целое поколение давно уже подготовлявшуюся смену архитектурных вкусов. Невиданный успех, выпавший на долю Луврской колоннады Перро, не привел к стилистическому перевороту только потому, что судьба противоставила ему гигантское дарование и нечеловеческую строительную энергию Мансара; но стоило ему сойти со сцены, как идеи теоретиков и накопившийся запас новых чаяний и вожделений сразу нашли себе выход. Этот выход был найден, однако, только во внешней архитектуре: во внутреннем убранстве еще некоторое время господствовал особый декоративный стиль, родившийся хотя и в противовес стилю барокко, как реакция против него, но все же неразрывно с ним связанный и являющийся лишь некоторым оттенком его. Стиль этот есть стиль регентства, „style regence“, получивший в Германии кличку „рококо“, принятую и в России. Вся жизнь после смерти Людовика XIV стала иной: наскучило ханжество, вынужденная мрачность и деланная серьезность, потянуло на свободу, в лес, поля, на воздух. Одна крайность сменилась другой, и сдержанность уступила место разнузданности. Легкий, веселый, игривый декоративный стиль, построенный на причудливых плетениях и идущий от раковины, захватил всю парижскую знать, которая наперерыв стала заменять чопорное убранство своих роскошных отелей амфиладами комнат в новом вкусе, по проектам самых модных архитекторов и декораторов. Этими мастерами были: *Оппенор* (1672—1742), *Боффран* (1667 — 1754), *Лассюранс* (1695—1754) и *Мейсонье* (1695 — 1750). Грациозный стиль регентства, чисто французское детище, продержался ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы наскучить парижанам: через четверть века после его появления к нему в Париже уже почти не прибегают. Зато новый стиль подхватила вся Европа, и в некоторых странах он продержался до середины XVIII в. Во Ф. стиль регентства был стилем не архитектурным, а лишь чисто декоративным; в нем не строили, при его помощи только украшали внутренние помещения зданий, внешняя архитектура которых оставалась сдержанной и скромной, выдержанной либо в классическом духе, либо в тех формах, которые были выработаны поздним французским Возрождением и которые мы видим в петергофских постройках *Леблона* (1679—1719), приглашенного Петром Великим в 1716 г. в Петербург. В остальной Европе в этом стиле пытались и строить, хотя такие попытки только в редких случаях удавались. Когда эта последняя вспышка барокко угасла, его изломанные, беспокойные, нервные завитки должны были уступить место прямым линиям, ровным, спокойным плоскостям, чаще всего обширным гладям искусственного мрамора, пилястрам, колоннам и всему забытому со времени ренессанса набору классических профилей и украшений. Случайное, но знаменательное совпадение: в год смерти Мансара начались раскопки Геркуланума. Отныне властвует безгранично и безоговорочно античность, властвует так, как она не властвовала даже во времена Альберти и Браманте в Италии. Так же, как в эпоху ренессанса, архитекторы стремятся в Рим, чтобы

изучать и обмерять классические древности, но скоро им уже мало Рима,— они едут в Неаполь, Сицилию и Афины. Переход от стиля Мансара к прямой классике должен был совершиться при посредстве промежуточного типа архитектуры, который и был дан итальянцем *Сервандони* (1695—1766), начавшим постройку церкви St.-Sulpice в 1733 г., и *Ж. А. Габриелем* (1698—1782), строителем Военной школы в Париже (1751) и площади Людовика XV, планировку которой и постройку зданий на ней он получил в качестве победителя конкурса, представленного 21 лучшими архитекторами Ф. (1752). Последним же перестроен центральный павильон и северное крыло Версальского дворца, а также театральный зал в нем (1753—54). Переходным мастером был и *Шарль Девальи* (1729—1798), выстроивший вместе с *Пейром* театр Одеон в Париже (1779—1782). Первым ярким представителем завершенного классицизма был *Ж. Ж. Суффло* (1709—1780), автор Большого театра в Лионе (1756) и парижского Пантеона (1757—1780), одного из самых прославленных зданий своего времени. Хотя Суффло впервые отвлек внимание всего мира от остатков римской архитектуры, опубликовав в 1764 г. свои обмеры эллинских храмов в Пестуме, но сам он в своей собственной архитектуре все еще остается верным „римлянином", „витрувианцем". Однако, среди его младших современников вскоре выдвигаются лица, готовые забыть „сухой Рим" для „живописной и сочной Эллады". Романизм сменяется эллинизмом, провозвестниками которого были *Мари Жозеф Пейр* (1730—1788), *Шарль Никола Леду* (1736—1806) и *Жак Гондуэн* (1737—1818). Все трое были убежденными эллинистами, все много строили и все оставили литературные труды и увражи. Самым даровитым из них был Леду, оказавший огромное влияние на всю европейскую архитектуру конца XVIII и особенно начала XIX века. Из его построек наибольшей славой пользовались отель Гинар (1770—72), несколько отелей для г-жи Дюбарри (1772—73), театр в Безансоне (1776) и парижские заставы. Необычайно популярно было и изданное им в 1804 г. в гигантском томе собрание его построек и проектов. Из построек Гондуэна наибольшая известность выпала на долю Медицинской школы в Париже (1769—1786), изданной им в 1780 г. Эти увражи, вместе с „Oeuvres d'Architecture" Пейра (1765) воспитали подрастающее поколение в совершенно новом направлении „модернизованной классики", типичной для эпохи Директории и Первой Империи (стиль „ампир"). Желание уйти от Рима и приблизиться к Элладе соединялось с стремлением сказать во что бы то ни стало новое слово, что приводило к решениям невиданно смелым и почти фантастичным, особенно благодаря гигантскими масштабам юношеских архитектурных замыслов. Центром этого движения была Парижская Академия Художеств (École des Beaux Arts), главными действующими лицами—ученики старших классов, работавшие над выпускными программами, так называемыми „prix de Rome". Опубликованные в начале XIX в. эти проекты вызвали множество подражаний во всех странах, но в то время как парижские фантазии остались только на бумаге, в Италии, Германии и России по их образцу строили. Сами французы, верные исконному чувству меры, не решались у себя дома возводить зданий, столь откровенно „голых", почти лишенных украшений, слишком живописных и мало архитектурных, предпочитая более сдержанные формы римского характера. Но когда те же французы попадали в другие страны, не знавшие французской сдержанности, они становились развязнее и создавали произведения, целиком выхваченные из этих альбомов „Grands prix". Так, эмигрировавший во время революции в Россию *Тома де Томон* (1754—1813) выстроил в Петербурге здание биржи (1805—13) и амбары Сального буяна (1804—5), которые кажутся прямыми копиями премированных проектов Французской Академии. Таких зданий во Ф. не было, и самые дерзкие проекты после их осуществления оказывались суховатыми и приближающимися к римским традициям. Дорическая колонна Пестума, Селинунта и Парфенона заменялась коринфской, или, самое большее, ионической,

обширных гладей стены всячески избегали, и декоративному убранству начали отводить весьма заметную роль во внешней и внутренней архитектуре. Наиболее известными архитекторами начала XIX в., любимцами Наполеона, были *Персье* (1764—1838) и *Фонтен* (1762—1855), ученики Пейра, долго работавшие вместе и выпустившие несколько увражей, пользовавшихся большой популярностью. Из их совместных работ известны библиотека дворца в Мальмезон (1800), триумфальная арка на Place de Carrousel (1805) и великолепная парадная лестница Лувра, уничтоженная при Наполеоне III. Персье вскоре стал хворать и мало строил. Из числа лучших его работ надо отметить гробницу княгини Альбани в Санта Кроче во Флоренции и усыпальницу французских королей на кладбище Ville-l'Evêque (1815—1826). Из современников Персье и Фонтена более других выделялись *Шальгрен* (1739—1811), представитель старшего поколения, строитель внушительной триумфальной арки на Place de l'Étoile (1806—1811), *Виньон* (1762—1828), автор церкви Madelaine (1806—1829) и *Броньяр* (1739—1813), автор парижской биржи (1808—1813).

Скульптура на протяжении XVI—XVIII вв. прошла тот же путь, что и архитектура. Совершенно так же готические элементы долго еще обволакивали ренессансный стержень искусства, создавая формы переходного характера. Эпоха переходного стиля определяется для скульптуры датами 1483—1515,—воцарением Карла VIII и смертью Людовика XII. Ранним мастером этого стиля, причудливо сочетающего новые итальянские приемы с готическими традициями, был *Жан Перреаль* (1460—1528), живописец и скульптор, сопровождавший Карла VIII в Италию во время его похода на Неаполь. Достоверных его произведений не сохранилось, но он пользовался при жизни большим почетом и славой. Значительно больше известно о деятельности другого скульптора той же эпохи, по имени *Мишель Коломб*, родившегося около 1430 г. и дожившего до 1512 г. Его достоверные работы относятся к глубокой старости мастера: прекрасный луврский рельеф, изображающий св. Георгия, и надгробие Франциска II Бретанского и его жены в Нантском соборе. Трудно судить, являются ли они произведениями расцвета или упадка творческих сил автора, но они во всяком случае высшие точки, до которых доходило искусство переходного стиля во Ф. В последнее время Коломбу, на основании соображений стилистических, приписываются и три известных мадонны его эпохи,—мадонна из Hôpital-sous-Rochefort, мадонна Оливе (в Лувре) и Vierge du Pilier, в церкви Saint-Galmier. С именем Коломба связывают еще одно замечательное произведение, быть может самое потрясающее из всех, созданных на тогдашнем севере Европы—„Положение во гроб" монастырской церкви в Солеме (Solesmes). Скульптор взял момент, когда Никодим и Иосиф Аримафейский, держа с двух сторон обеими руками плат с телом Христа, опускают его в гробницу. Сзади стоят богоматерь с Иоанном, а по сторонам их старик и две женщины. Спереди в скорбном раздумьи сидит Магдалина. Вся группа исполнена с таким бесподобным реализмом, столь жизненно прочувствована, что ей трудно подыскать равную в этом отношении во всем искусстве Возрождения. Та двойственность стиля, которая свойственна всем произведениям этого переходного периода, носящего название раннего французского ренессанса, и в частности отличающая произведения Коломба, здесь налицо; в то время как фигура Никодима в восточном костюме, с головой, повязанной чалмой, с нарочито курчавой бородой еще сильно отдает готическим духом, фигура Иосифа прямо выхвачена из жизни—несомненный портрет, с головы до ног, от характерного лица до типичного костюма эпохи, взятых с натуры. В конце царствования Франциска I исчезают последние отзвуки готики, и для Ф. открывается—с значительным опозданием по сравнению с Италией—период высокого ренессанса. На протяжении 70 лет, с 1540 по 1610 г., французская скульптура достигает высшего расцвета, связанного с именем трех ее величайших мастеров: Пьера Бонтана, Жана Гужона и Жермена Пи-



Французское искусство.

Жан Огюст Доменик Энгр (1780—1867). Портрет г-жи Сенонн.

(Музей в Нанте).

лона. *Пьер Бонтан*, автор скульптур, украшающих надгробную арку Франциска I в St.-Dénis, сооруженную Филиппом Делормом, и урны для сердца короля там же, соединял в себе одновременно яркое дарование реалиста и декоратора. Его фигуры короля, королевы и их детей наверху арки полны жизненной выразительности и в то же время необыкновенно монументальны. Величайшим скульптором Ф. не только XVI в., но быть может всех времен, и в то же время одним из крупнейших мастеров в истории мировой скульптуры был *Жан Гужон* (род. в 1510, ум. между 1564 и 1568 гг.). Первыми его работами, о которых сохранилось известие, были те, которые он исполнил в Руане, — орнаментальные скульптуры портала церкви St.-Maclou и надгробный памятник Людовику де Брезе в соборе, относящиеся к 1536—1541 гг. Портал—ясно выраженное и до конца продуманное произведение ренессанса, сравнительно с позднейшими работами Гужона не безупречное по рисунку и несколько мятое по лепке. Надгробие де Брезе, скульптурные части которого принадлежат не полностью Гужону, — значительно выше и зрелее; особенно прекрасны полуобнаженная фигура лежащего внизу умершего, конная статуя в круглой нише вверху и 4 кариатиды по ее сторонам. Последние уже определенно отмечены чертами, отличающими все французское искусство от итальянского: стройностью и некоторой удлиненностью фигур, французским типом лиц и специфически французской грацией. С 1542 г. мы видим Гужона в Париже, работающим долгое время в сотрудничестве с Пьером Леско, по предложению которого он исполняет ряд декоративных скульптур для St.-Germain l'Auxerrois. После сломки постройки в XVIII в. 5 скульптур Гужона—4 апостола и „Положение во гроб"—попали в Лувр. Изящные, чисто декоративные его работы сохранились в отеле Карнавале, переделанном из здания, выстроенного Леско в 1544 г. Они исполнены в таком же плоском рельефе, как и знаменитые 5 нимф с 10 фризами, украшавшие некогда фонтан, сооруженный Леско ко дню торжественного въезда Генриха II в Париж в 1549 г. и перестроенный позднее в нынешний „Фонтан невинных". С 1548 по 1562 г. Гужон всецело поглощен работой над скульптурным украшением Луврского дворового фасада, строившегося тем же Леско. К тому же времени относятся и 4 кариатиды из белого камня, поддерживавшие в одном из зал трибуну музыкантов. Между 1553 и 1559 гг. Гужон много работает в замке Анэ для фаворитки короля, Дианы де Пуатье, но все эти произведения были уничтожены во время французской революции, и только одно из них удалось спасти—всемирно известную Диану с оленем, одну из лучших жемчужин Лувра. После 1562 г. его имя уже не встречается в документах по луврской постройке: в качестве гугенота, Гужон должен был бежать из Ф. в Италию, где и умер. *Жермен Пилон* (1535—1590), третий большой мастер французского высокого Возрождения, по сравнению с Гужоном являет уже признаки некоторого упадка стиля. Этим упадком отмечено даже лучшее его создание—„Три грации", в Лувре, заказанные ему Екатериной Медичи для урны с сердцем ее мужа Генриха II: реализм Гужона уступает место утонченным исканиям стиля, головы мало индивидуальны, форма вялая, складки не жизненны. Гораздо сильнее портреты Пилона, среди которых есть такие шедевры, как коленопреклоненная фигура Генриха II на его надгробии в St.-Dénis. С конца XVI в. начинается художественное паломничество французских мастеров в Рим, особенно усилившееся к середине XVII в. Одновременно в Париж стекается множество живописцев и скульпторов из соседней Фландрии, в свою очередь охваченной уже тогда всесильным влиянием итальянского барокко. Под этими перекрестными воздействиями постепенно слагается тот стиль, который, по неизменной французской привычке приурочивать все стили к соответствующим царствованиям, получил во Ф. название стиля Людовика XIV. Из скульпторов этой эпохи следует отметить: фламандца *Варена* (Jehan Warin, 1620—1672), автора отличного бюста юного

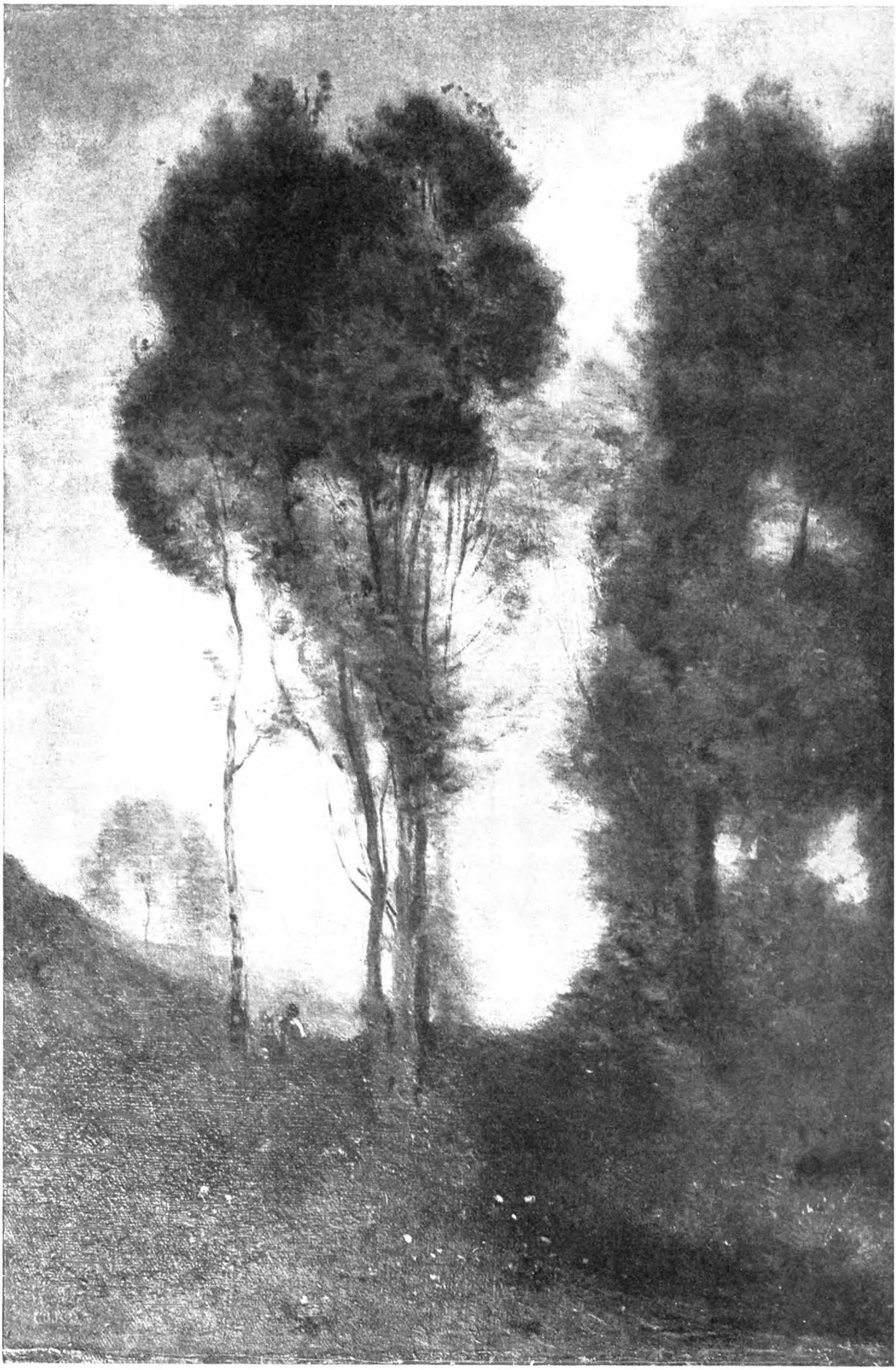
Людовика XIV в Версале, *Симона Гиллена*, автора статуй Людовика XIII и Анны Австрийской в Лувре, *Саразена* (1588—1660), автора гробницы Генриха Конде в Шантильи, *Жирардона* (1628—1715), автора надгробия Ришелье в Сорбонне, и *Куазво* (1640—1720), автора ряда надгробий — между ними кардинала Мазарини, — портретных бюстов (Кольбер, Великий Конде, Ришелье, Боссюэ) и декоративных скульптур (Конный Меркурий в саду Тюльери). Менее значительны братья *Анжье* и *Лонгвиль*. Но самым крупным из скульпторов эпохи короля-солнца был *Пьер Пюже* (1622—1694), стоявший головою выше всех своих современников. Архитектор, живописец и скульптор, он несколькими поездками в Италию расширил круг своих интересов и знаний, ставши одним из образованнейших людей своего времени. Его барельефный портрет Людовика XIV в Марсельском музее, с острым профилем надменной головы—вещь, непревзойденная в истории мировой скульптуры. Замечателен и автопортрет Пюже в музее Экса, по своей выразительности и трактовке мрамора напоминающий римские портреты. Из статуй его наиболее известны Милон Кротонский и Геркулес, в Лувре. Эпоха регентства вызвала к жизни легкое, грациозное искусство скульпторов-декораторов, среди которых заметно выделялся *Ле Лоррен* (1666—1743). Одновременно выработался тот изысканный, хотя и не слишком глубокий стиль, в котором работали свои статуэтки *Бушардон* (1698—1762), *Лемуан* (1704—1778), *Пигалль* (1714—1785), *Клодион* (1738—1814), *Николай Кусту* (1658—1743), *Гильом Кусту* (1677—1746) и *Фальконе* (1716 — 1791). Монументальные скульптуры давались им труднее, и только последнему удалось создать памятник исключительно прекрасный — Петру Великому в Петербурге, если и уступающий великим конным монументам римских императоров, донателловскому Gatta Melata и вероккиевскому Colleoni, то все же бесконечно превосходящий тысячи конных статуй, сохранившихся от XVIII в. на различных площадях европейских городов. Эпоха классицизма нашла своего выразителя в целой группе французских скульпторов, которые, однако, все вместе не стоят одного, *Жана Антуана Гудона* (Houdon, 1741—1828), величайшего скульптора Европы XVIII в. Получив в 20 лет Prix de Rome, он десять лет проводит в Италии, где создает для церкви St.-Maria degli Angeli экспрессивную статую св. Бруно. Гудон сохранил свое острое реалистическое чувство в дни расцвета классицизма, и среди всей европейской скульптуры той поры он один не уходил от натуры. Оттого так жизненна его Диана и так до сих пор живучи его портреты: Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Дидро, Бюффон, Мирабо, Глюк и ряд других. Считая, что портрет великого человека не может быть только слепком с натуры, а должен передавать последующим поколениям некий одухотворенный образ, Гудон старался вкладывать в наиреальнейшую оболочку духовный смысл данного лица. Когда он работал над портретом человека, давно умершего, пользуясь старыми гравюрами и рисунками, он трактовал его с тем же беспощадным реализмом, пользуясь для этого подходящей натурой. Так создан им Мольер в Comédie Française. Лучшим примером портрета одухотворенного может служить знаменитая статуя сидящего в кресле Вольтера. Из современников Гудона более других выделялся *Пажу* (1730—1809), автор луврской Вакханки и портрета Дюбарри.

Готические традиции оказались еще более живучими в живописи. По возвращении из итальянских походов армий Карла VIII, Людовика XII и Франциска I Ф. была наводнена итальянскими мастерами, привезенными для водворения здесь „хорошего вкуса“. Начинается глухая, упорная борьба между началами французским и итальянским, закончившаяся победой последнего. Позднее, в XVII в., французская стихия снова возьмет верх и приведет к двухвековой художественной гегемонии Ф. над миром, но XVI век, столь великий в истории живописи в Италии и даже Германии, здесь не дал ничего, хотя бы приблизительно равного созданному там. Даже такая яркая ренессансная фигура, как *Жан Кузен* (род. ок. 1500 г., ум. ок. 1589 г.), про-

званный современниками „французским Микель-Анджело", долго не мог отрешиться от средневекового художественного мировоззрения, как мы это видим на его исключительных по красоте и мастерству цветных окнах в соборе Санса (1530). В этих витражах он неизмеримо сильнее, чем в скульптуре,—луврской статуе адмирала Филиппа де Шабо, и станковой живописи. К сожалению, мы слишком мало знаем о нем и его работах, несомненно сохранившихся в различных музеях, но все еще выставленных под анонимами. Две картины, могущие быть с большей или меньшей достоверностью приписанными Кузену,—„Страшный суд" в Лувре и „Ева-Пандора" в Сансе, являются провинциальными отголосками школы Микель-Анджело и ни в какой мере не оправдывают репутации, выпавшей на его долю при жизни. Еще более провинциальны: *Антуан Карон* (1520—1598), *Дюбрейль* (1561—1602), *Фреминэ* (1567—1619), *Жером Франкен* (1540—1610), *Амбруаз Дюбуа* (1543—1614). Последние два—фламандцы, как и самый знаменитый художник Ф. первой половины XVI в., *Жан Клуэ* (1485—1541), деливший свою известность только с *Перреалем*. Об этих двух мастерах нам почти ничего неизвестно, но в то время как Перреаль был архитектором, скульптором и живописцем, Клуэ был только живописцем. Им создан тот род живописи миниатюрных портретов в технике темперы и расцвеченного карандаша, который вслед затем становится доминирующим во Ф. на протяжении целого столетия и лучшими представителями которого были сын Клуэ, *Франсуа Клуэ* (1532—1572) и *Корнейль де Лион*, тоже нидерландец по происхождению. Художественное наследство, оставленное двумя Клуэ, далеко еще не выяснено: у них было столько последователей и подражателей, что разобраться во всех дошедших до нас портретах этой эпохи чрезвычайно трудно, и даже такое замечательное произведение, как луврский портрет Франциска I, не может быть с безусловностью приписан Жану Клуэ. Наиболее достоверная и значительная работа Клуэ младшего—луврский портрет Елизаветы Австрийской, очаровательная, уже чисто французская вещь. Сведения о жизни и творчестве Корнейль де Лиона еще более скудны и сбивчивы. Он был более живописцем по своей манере, чем Клуэ, любил цветистые фоны—голубой и синий,—признаки, по которым его нетрудно отличить от его современников. Но все эти художники были уже последними отпрысками умиравшего поколения, воспитанного еще в преданиях готики. Одновременно совершалось победное шествие итальянского искусства, проявившееся с исключительной силой после 1530 г., когда Франциск I выписал из Италии новую группу художников для украшения дворца в Фонтенебло. Ему не везло на итальянцев: приехавший по его приглашению во Ф. в конце 1515 г. *Леонардо да Винчи* был стар и через 4 года умер, не создав здесь ничего; прибывший в 1518 г. *Андреа дель Сарто* уже в следующем году бежал обратно в Италию. В 1530 г. Франциску удалось получить лишь второстепенного флорентийского живописца-декоратора *Россо* (G. B. Rossi, detto il Rosso, 1494—1541), которого после смерти сменил *Приматичьо* (1504—1570), до конца проживший во Ф. Исполненные обоими мастерами росписи дворца погибли частью от пожара 1738 г., частью от последующих реставраций. Французские ученики их составили особую школу, известную в истории под именем *школы Фонтенебло*, не выдвинувшей, впрочем, ни одного яркого дарования, заслуживающего упоминания. В искусстве XVII в. приоритет продолжает сохраняться за Италией: она все еще обетованная страна, и Рим все еще святилище, куда стекаются художники всех стран. Естественно, что натурализм Караваджо, потрясший Италию, должен был затронуть и Ф. И действительно, искусство его озаряет вскоре своим отсветом французскую живопись в лице юного *Жана Булоня*, прозванного *Валантэн* (1601—1632). Плененный темами и мрачной манерой письма Караваджо, он так же неистово, размашисто, наскоро пишет нищих, пьяниц, игроков, залитых светом и утопающих в черных тенях. Но Валан-

тэн остался единственным караваджистом в истории французской живописи, так как мрачность вообще несвойственна французам и так как его современники, работавшие в натуралистическом направлении братья *Ленэн*, меньше всего исходили от Караваджо. Происхождение их искусства, столь непохожего на все, что в то время создавалось во Ф., до сих пор остается загадочным. Младший из трех братьев, *Матье Ленэн* (1607—1677), мало отличался от других академистов, писавших на исторические и мифологические темы, но двое старших, *Луи Ленэн* (1593—1648) и *Антуан Ленэн* (1598—1648), работавшие всегда вместе, почему нет возможности отделить одного от другого, писали картины из крестьянской жизни, совершенно выпадавшие из общего типа тогдашних картин. Уже одни названия их произведений необычны для Ф. того времени: „Возвращение с сенокоса", „Отдых крестьян", „Кузница". Все их картины написаны просто и искренно. Ни малейшего желания удивить, никакого жеста, никакой лжи, ничего надуманного,—бесхитростные сцены из повседневной жизни крестьян, написанные с простодушным желанием передать действительность так, как она есть. Тщетно мы будем искать у них задач чисто живописного или вообще формального характера,—эта сторона их мало заботила, и живопись их довольно бедна по цвету и жестка по форме. Но своей правдивостью в век лжи они создали себе неувядаемый памятник.

То наростание пышности и торжественности, которым столь богата была жизнь Европы во второй половине XVI в., стало с начала XVII в. принимать небывалый оборот. Этому должно было отвечать аналогичное искусство, которое и заполнило весь XVII в., достигнув особенного расцвета во Ф., где для него создались исключительно благоприятные условия благодаря личности Людовика XIV. Как всякое искусство, оно выросло не вдруг, и его первой знаменательной вехой была живопись *Симона Вуэ* (1590—1649), живописца Людовика XIII и его учителя—король сам баловался живописью,—плодовитейшего автора огромного числа картин на мифологические темы в Фонтенебло, Сен-Жермене, Лувре и Люксембурге, целой серии портретов, воспитателя двух поколений художников. Вначале он также не избежал влияния Караваджо, но вскоре пошел за болонцами Караччи, а позднее за Гвидо Рени. Вуэ много, слишком много видел,—был в Англии, путешествовал по Италии, ездил даже в Константинополь. Одаренный воображением, легкостью в работе и декоративным чутьем, он был скорее отрадным, чем отрицательным явлением в искусстве Ф., и перед некоторыми из его картин зритель не остается равнодушным и в наши дни. Но Вуэ был одним из первых художников, кисть которых начала стирать различие между ангелом и амуром, мифологией и Евангелием. От безразличия в сюжете был только шаг до безразличия художественного, но он был сделан позднее, когда из Вуэ вырос *Шарль Лебрен*, его ученик и почитатель (1619—1690), художник как бы созданный для того, чтобы состоять при Людовике XIV в роли верховного художественного режиссера эпохи, законодателя мод и распорядителя судеб искусства в течение целого полустолетия. Лебрен признавал только необычайное и грандиозное. Простое, незаметное и скромное его не привлекало, вернее он до него не унижался. Все его искусство есть отдаленный отзвук „титанизма", вызванного грандиозным явлением Микель Анджело, измельченного его эпигонами. Сам Лебрен—тоже эпигон, но вера в истинность избранного пути, в сочетании с несомненным декоративным дарованием и чисто режиссерским мастерством, находившим применение в расточительной роскоши и фантастических затеях Людовика, влили некоторую живучесть в его напыщенные композиции, дряблые формы и вялую живопись. Как бы для того, чтобы обеспечить своему излюбленному роду живописи по возможности более долгую жизнь, он основывает в Париже в 1648 г. Академию Художеств, а в 1666 г.—Французскую Академию в Риме, задачей которой являлось насаждение тех же идей в Италии и слежка за пенсионерами-французами в смысле конт-



Французское искусство.

Жан Батист Камиль Коро (1796—1875). Пейзаж.

(Москва, Музей изящных искусств).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГРАНАТ.

роля за их „добрым направлением". Искусство Лебрена и его школы более, чем какое либо другое искусство Европы, заслужило данное ему последующими поколениями название *„академического"*. Преемником Лебрена по управлению делами искусства в последние 20 лет жизни Людовика был его сотоварищ по школе Вуэ, *Пьер Миньяр* (1610—1695). Более даровитый живописец, хотя и менее ловкий режиссер, он не обладал неистовой организаторской энергией Лебрена, но энергии художественной у него было еще больше. Он беспрестанно работал над гигантскими картинами и плафонами, притом не в одной масляной технике, но и в воскрешенной им фресковой, и над портретами, которые ему заказывали со всех концов света. Расписав огромный купол Val-de-Grâce, где у него фигурирует до 200 человек, он в 85 лет принимается за купол Дворца инвалидов, расписать который помешала только смерть. Такая плодовитость и быстрота работы привели Миньяра к нескольким постоянно повторяющимся типам лиц, что особенно сказалось в бесчисленных мадоннах, писанных неизменно с жены художника, итальянки, и прозванных „миньярдами". Среди академиков, современников Лебрена и Миньяра, надо отметить нескольких членов семьи Куапель—*Ноэля Куапеля* (1626—1707) и его сына *Антуана* (1661—1722), в 20 лет получившего звание академика за пышно льстивую картину „Людовик XIV, водворив в Европе мир, отдыхает увенчанный славой", *Ла Ира* (la Nuge, 1608—1656), *Себастиана Бурдона* (1616—1671), *Шарля де Лафосса* (1636—1716), *Жана Жувенэ* (1644—1717), *Сантерра* (1650—1717), *Клода Лефевра* (1632—1675) и *Франсуа де Труа* (1645—1730). Многие из них писали для гобеленов, для которых больше других поработал де Труа, прославившийся особенно серией эпизодов из жизни Людовика XIV, заказанных художнику г-жею Монтеспан. Несколько в стороне от всей этой группы мастеров, вышедших из школы Вуэ и Лебрена, стоит *Эсташ Лесюэр* (1616—1655), один из ближайших сотрудников Вуэ по работе над его заказами, не только не усложнявший формул своего учителя, подобно Лебрену, но скорее стремившийся к их упрощению и приближению к природе и жизни. Его лучшее создание—серия из 22 картин, изображающих различные эпизоды из жизни св. Бруно, исполненная им для Шартрезского монастыря в 1645—48 гг. и находящаяся сейчас в Лувре,—являет черты, совершенно чуждые его помпезному времени, не имеющие ничего общего со всей этой великолепной ложью, позой и вычурой и предвосхищающие правдивость и художественную честность мастеров, пришедших значительно позднее. В стороне стоит и *Жак Куртуа*, прозванный *Бургиньоном* (1621—1676), плодовитый автор кавалерийских стычек, ловкач кисти, несравненный выдумщик, не всегда лживый, временами тонко чувствующий природу, главным образом Италии, в которой прожил всю жизнь. Еще более в стороне стоит блестящий рисовальщик и гравер *Жак Калло* (1592—1635), остроумный и наблюдательный. Особое место занимает и группа портретистов, соприкасающихся с дворцовой пышностью лишь постольку, поскольку они изображали людей дворцового круга. Надо заметить, что почти все художники, стоявшие на точке зрения искусства, как „возвышающего обмана", уже в силу того, что они были большими мастерами и обладали огромными знаниями, умели писать и портреты, которые часто оказывались их лучшими созданиями. Таковы портреты Версальской галлереи Себастьяна Бурдона (генеральный прокурор Фуке), Миньяра (малолетняя герцогиня дю Мен, портрет дочери художника) и даже Лебрена (портрет Тюрена). Ф. всегда славилась своими портретистами, и было естественно ожидать, что „великий век", как зовут французы свой XVII в., должен был родить и великих портретистов. И они появились в лице Риго и Ларжильера, хотя их деятельность только частью связана с XVII в., главным же образом протекала в XVIII в. Оба они исходили от искусства Фландрии, от Рубенса и еще более от Ван-Дейка, но оба претворили заимствованные приемы в нечто новое, в высокой

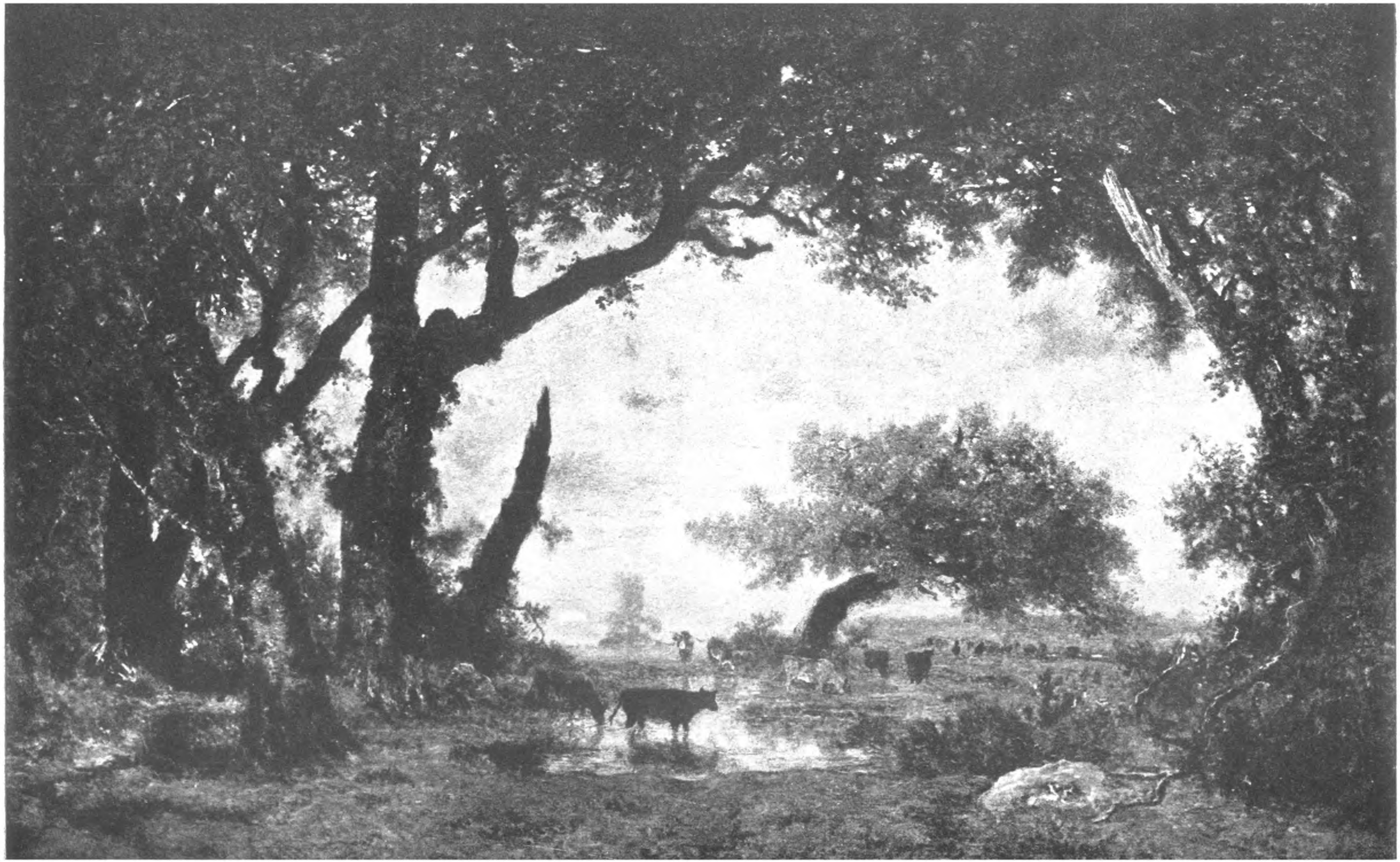
степени национальное, и были французами из французов. К этому времени во Ф. постепенно совершался перелом, ознаменованный борьбой между сторонниками формы и приверженцами живописи, между „рисовальщиками“ и „колористами“. Вместо живописи сухой, бесцветной, все чаще появляются холсты, в которых заметно тяготение к сочной живописи, к цвету. Риго и Ларжильер всецело принадлежат к группе колористов. *Гиацинт Риго* (1659 — 1743) несколько суше, сдержаннее, деловитее, предметнее в своих портретах. *Ларжильер* (1656 — 1746) — шире, размашистее, сочнее и цветистее в живописи. Искусстве Риго идет только от Ван-Дейка, живопись Ларжильера озарена светом венецианцев. Характеристика Риго — тверже, ближе к натуре, характеристика Ларжильера—поверхностнее. Ни Риго, ни Ларжильер не прикрашивали своих заказчиков, но Риго был суровее в своем отрицании прикрас. Он говорил о своих моделях: „если я их делаю такими, какими они есть, они находят себя недостаточно красивыми; если я их прикрашу, они перестанут быть похожими“. Позднее, в XVIII веке, появятся художники, которые умудрятся какими то судьбами сохранять сходство светских женщин, немилосердно прикрашенных, но Риго суров и правдив даже тогда, когда пишет самого короля-солнце, да еще в глубокой старости. Оттого это один из самых впечатляющих портретов всей истории искусства—этот сверкающий луврский холст, на котором дряхлый, но все еще молодящийся король представлен среди моря пышных драпировок, в деланно-важной позе, намеренно — быть может не без усмешки — подчеркнутой художником. Портрет Людовика XIV послужил исходной точкой для бесчисленного множества портретов монархов и владетельных князей в Германии, Италии и других странах, желавших непременно оставить потомству свое изображение во вкусе Людовика. Из других его портретов особенно замечателен „Боссюэ“ в епископской мантии, в Лувре. Риго проработал 62 года, исполняя в год в среднем около 35 портретов, разбросанных во всех галлереях Европы. Образцом портретного стиля Ларжильера может служить его шедевр, луврский автопортрет с женой и дочерью, красивый холст, могущий спорить с лучшими произведениями Ван-Дейка и самых больших итальянцев. Из других портретистов, современников Риго и Ларжильера, сильнее других были *Филипп де Шампень* (1602—1674), фламандец по происхождению, но совершенный француз по духу, по праву адоптированный французским искусством, *Леврак-Турньер* (1668—1752) и *Клод Лефевр* (1632—1675).

Однако, величайшими художественными явлениями Ф. XVII в. были не перечисленные выше академики и не их антиподы—живописцы и портретисты, а два художника, хотя и принимавшиеся долгое время за представителей академизма, но на самом деле стоявшие выше его и просто вне его,— *Никола Пуссен* (1594 — 1665) и *Клод Желле*, прозванный *Лорреном* по его родине Лотарингии (1600—1682). Искусство Пуссена — отраженное, выросшее не из жизни и природы непосредственно, а из искусства античного и картин ренессанса. Силою своего гения, постоянными наблюдениями, изучением природы и глубоким проникновением в ее чары и тайны, он оживил не им найденные формулы, выковав в горниле своего творчества из всех этих слагаемых совершенно самостоятельное, высоко индивидуальное, великое искусство, в течение двух веков служившее источником вдохновения тысячи художников и целых художественных поколений. Пуссен — певец природы, но не одного внешнего ее лика, а ее главного, внутреннего смысла, ее души. Пуссен—первый художник, почувствовавший в природе „пана“, таинственное и благостное начало, излучающееся из нее на человека, дающее ему жизнь и наполняющее его бодростью и радостью. Свою природу Пуссен населяет героями, заимствованными из библии, мифологии, истории. Он пишет „Четыре времени года“ — серию знаменитых луврских картин, — трактуя „Весну“, как рай земной, „Лето“, как жатву с библейской Руфью, „Осень“, как обетованную землю, с гигантской гроздью винограда, с трудом несомой

людьми, „Зиму“, как всемирный потоп. Впечатления величия и покоя природы он достигает при помощи изощренного ритма, которым проникнуты все композиции Пуссена и блестящим примером которого служит небольшая картина Лувра—„Эхо и Нарцисс“, по музыкальности концепции и певучести линий превзойденная только великими мастерами итальянского Возрождения. После луврских картин Пуссена лучшими следует признать эрмитажные—„Полифем“ и „Геркулес, победитель Какуса“. Пуссен высоко ценился современниками: сам Людовик XIII собственноручным письмом звал его вернуться из Рима во Ф. Он приехал, чтобы вскоре навсегда покинуть Ф. и вернуться в милый его античному сердцу вечный город. О его ученике и зяте *Гаспаре Дюге* (1613—1675) достаточно лишь сказать, что он был его подражателем. *Клод Лоррен*—тоже мечтатель о прекрасной природе, художник античных видений, но он шел не от прошлого искусства, а исключительно от природы, которую наблюдал и изучал неустанно, о чем свидетельствуют сотни его рисунков, сохранившихся, главным образом, в Англии. Рисунки эти частью являются эскизами к картинам, частью набросками, сделанными с картин, частью просто этюдами с натуры. Каким образом этот мальчик-пирожник, уже в раннем детстве мечтавший стать художником, попал к римскому художнику Агостино Тасси и как он додумался до того подхода к природе, который история живописи впервые видит именно в картинах Клода Лоррена и который чрезвычайно раздвинул рамки возможного до того в искусстве,—все это пока еще загадочно. Новое в живописи Клода Лоррена—его свет. Пейзажи его, подобно пуссеновским, также населены фигурами, так называемым „стафажем“, заимствованным из мифологии и истории, но тогда как у Пуссена они играют весьма видную и важную, иногда решающую роль, у Клода им отведена второстепенная роль в пейзаже. Его подлинные герои—античные храмы, колоннады, портики, виадуки, мосты, но самый главный герой—солнце. Солнцу все принесено в жертву. Клод Лоррен первый художник, к живописи которого в известном смысле уже применимо французское выражение „envelоppe“—„окутывание“,—впервые употребляемое французскими писателями при разборе картин Коро. За 200 лет до возникновения барбизонской школы французский мастер, почти самоучка, живет столь родственными ей художественными ощущениями. Его луврская картина „Вид на Campo Vaccino в Риме“ прямо вызывает в памяти этюды Коро итальянского периода. Лучшие картины Клода Лоррена хранятся в Лувре: „Вид гавани при восходе солнца“, „Вид гавани при заходе солнца“, в Национальной галлерее Лондона, в Эрмитаже, мадридском Прадо, дрезденском Цвингере. Несмотря на всю новизну и революционность этого искусства, оно было оценено современниками, доставило автору европейскую славу и породило сотни подражателей и даже подделывателей. Чтобы обеспечить себя от них, художник сделал рисунки со всех написанных им картин, которые собрал в специальном альбоме, названном им „Книга правды“—„Liber veritatis“, попавшем позднее в Англию; 200 из них были гравированы Ирломом в 1777 г., 100 дальнейших—в 1819 г. им же. 42 картины Клод награвировал сам, мастерски передав иглой тающие в солнечном свете очертания предметов. Искусство Пуссена и Клода Лоррена—высшие точки, до которых дошла Ф. в XVII в. С этого времени, впервые после эпохи готики, она начинает влиять на другие страны, богатые художественной культурой.

Когда умер Людовик XIV и началась реакция против его стиля, она прежде всего вылилась в веселых и шумливых декоративных разводах рисовальщиков-орнаментистов, среди которых больше других выделялся *Клод Жилло* (1673—1722). Кроме чисто декоративных вещей, он писал небольшие картины на сюжеты из жизни актеров и галантного общества, которые вставлялись в спинки диванов, в комоды, клавесины, крышки шкатулок. Все эти вещицы, быстро и ловко сделанные, бойко раскупались публикой, особенно любившей модных Пьеро, Коломбин и Арлекинов.

Для выполнения все возраставших заказов он организовал обширную мастерскую, пригласив себе в помощь на правах „помастерьев“ группу молодых художников, в числе которых был *Антуан Ватто* (1684—1721), составивший вскоре славу Ф. Даровитый юноша, приехавший из провинции, где он обучался у незначительного местного художника, сразу попал в круг новых идей, в обстановку невиданного оживления. Он целыми днями работает на хозяина, сразу оценившего его дарование, и пишет все, что заказывают хозяину, но вскоре расходится с ним и поступает к другому предпринимателю, талантливому декоратору *Клоду Одрану* (1658—1734), у которого продолжает развивать свой вкус. Так как Одран был хранителем Люксембургского дворца, то он пользуется случаем и усердно изучает хранившиеся здесь картины, интересуясь, главным образом, фламандцами и голландцами. Он сам пишет картинки во вкусе Тенирса, а вскоре находит свой собственный жанр — сцены из военной жизни. В них слышится уже новая нота, начинающая звучать особенно сильно после того, как он обратился от нидерландцев к итальянцам. Венецианцы его окончательно покоряют, и в результате нового увлечения появляется чудесная картина „Юпитер и Антиопа“ луврского музея, написанная под впечатлением Тициана, за которой следует „Обезоруженный Амур“ музея Шантильи, явно навеянный Веронезом. Когда в 1717 г. Ватто представил в Академию картину „Отправление на Цитеру“, художественный Париж понял, что во Ф. стало одним подлинным мастером больше. Картины его учителя Жилло не пропали для него даром; как все гении — а он, несомненно, им был—Ватто брал у каждого то, что считал нужным и выгодным для своего искусства, но как неузнаваемо выросло „галантное общество“ Ватто по сравнению с „галантностями“ Жилло! Случайные забавные сценки превратились в грандиозную эпопею, полнее и лучше, чем что бы то ни было другое, отразившую эпоху. За этой картиной, одной из прекраснейших в мире, следовали десятки других, всегда значительных, до конца продуманных и, несмотря на кажущуюся легкость письма, не легко дававшихся художнику. Ватто не был только забавником, веселым рассказчиком занятных анекдотов и эпизодов: сквозь видимое веселье в его вещах все чаще проглядывает скрытая тоска, к концу жизни окончательно овладевшая им под впечатлением мучительных приступов болезни. Еще большей новостью, чем сюжеты картин Ватто, была их живопись, — лучшая, какая была создана во Ф. за всю ее историю до XVIII в. Таких изысканных цветовых отношений, такого сознательного искания гармоний еще не было, как не было и той особенной, одному Ватто свойственной манеры накладывания мазков, которая через 150 лет будет подхвачена импрессионистами. Из картин Ватто в Лувре прекрасен еще Пьерро („Gilles“), Дама, играющая на гитаре („Finette“) и Итальянский комедиант; из картин вне Ф. лучшие „Мирная любовь“ (прежде в собственности германского императора, ныне в Берлинском музее), „Галантное общество“ (Берлинский музей), „Любовь во французском театре“ и „Любовь в итальянском театре“ (там же), „Беседа на воздухе“ (Дрезденский музей) и „Меццетин“ (Эрмитаж). Одной из лучших картин Ватто, кроме перечисленных, должна быть признана вывеска, сделанная им за год до смерти для магазина его друга, картинного торговца Жерсена, которому история главным образом обязана сведениями о жизни и творчестве великого художника. Вывеска эта двусторонняя и изображает две сцены в картинной лавке, с собравшимся здесь светским обществом ценителей живописи. Вывеска была впоследствии распилена пополам и в виде двух картин попала в собрание германского императора, откуда перешла в Берлинский музей. Успех, выпавший на долю Ватто, породил множество подражателей, среди которых двое должны быть все же отмечены,—Ланкре и Патер. *Ланкре* (1690—1743), работавший вместе с Ватто в мастерской Жилло и многому научившийся у своего старшего сотоварища, несмотря на всю подражательность, имеет свое собственное лицо, как имеет его и *Патер* (1695—1736), прямой ученик Ватто.



Французское искусство.

Теодор Руссо (1812—1867). Опушка леса в Фонтенебло.

(Париж, Лувр).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ГРАНАТ.

Во всем XVIII в. Ф. имела только одного художника, который с тем же правом, что и Ватто, может носить название великого мастера, то был *Ж. Б. Симеон Шарден* (1699—1779). Если Ватто был поэтом „галантных празднеств", „fêtes galantes", то Шарден—поэт „невзрачных будней", повседневной жизни небогатого городского люда. Ватто закончил свою карьеру вывеской, Шарден начинает ее с вывески, для того, чтобы обратить на себя внимание: для лавки хирурга он пишет вывеску, на которой изображает раненого в момент, когда его несут в лавку, изображает хирурга, его помощника, сестру милосердия и толпу зевак. Вывеска была написана с таким реализмом, что всегда собирала около лавки толпу любопытных. Наслышавшись о ней, сюда приходили и самые отъявленные академики. Шардена заметили и оценили. В 1728 г. он пишет известную картину Лувра, „Буфет", за которой последовал целый ряд nature morte'ов. Мещанские сюжеты и „мертвая натура" были новостью только для Ф., во Фландрии и Голландии они давно были главной темой картин, но того, что внес в них Шарден, до него не существовало ни в искусстве Нидерландов, ни в искусстве Италии. Мотивы Терборха и Вермеера также чрезвычайно просты, без лишних жестов, — правдивые изображения повседневной жизни, написанные мастерски, тонкие по краскам и деликатные по живописи. Но Шарден ухитрялся еще упростить свою концепцию. Его nature morte'ы часто сведены к одному — двум предметам, вместо сложных фламандских и голландских композиций. Его сцены и отдельные фигуры обрезаны с таким расчетом, чтобы сосредоточить все внимание на данной фигуре, не отвлекаясь обстановкой, соблазняющей голландцев. Такова его луврская „Поставщица провизии", занимающая всю площадь картины, обрезанной над самой головой фигуры. Но самое существенное отличие Шардена от голландцев и итальянцев—наиболее французская черта его искусства—лежит в живописи его картин. То окутывание предметов воздухом, тот „envelоppe", которым отмечены уже отдельные детали картин Клода Лоррена, превращается у Шардена в основной стержень его живописного мастерства. К нему он присоединяет еще нечто, — заботу о красоте самой техники, заботу о красочной поверхности, о разнообразии и гармонии цветов, их взаимной связанности и звучности. Картины Шардена писаны долго, и художник не считал их оконченными, пока не удовлетворялся передачей всех оттенков данного цвета. Поэтому Шарден один из величайших живописцев всех времен. Созерцание таких его картин, как луврский или эрмитажный мальчики, строящие карточный домик — наслаждение совершенно исключительное, даваемое только живописью Шардена. Несмотря на небольшой размер его картин, они все написаны в широкой манере, определенной и мягкой в одно и то же время. Ватто породил целую школу, Шарден не имел ни одного ученика и не соблазнил ни одного подражателя. Еще один певец третьего сословия должен быть отмечен после Шардена,— *Грёз* (1725—1805). Первая же картина, выставленная им в салоне 1755 г., „Отец семейства, объясняющий библию", произвела фурор среди парижан. Грёза также интересует живопись, но не в такой исключительной степени, как Шардена, не как самоцель, а как средство, ибо его влечет еще больше к пафосу, к рассказу. Примером грёзовского рассказочного стиля могут служить луврские картины: „Обручение в деревне" и особенно „Отцовское проклятие", а также эрмитажный „Паралитик". Ровно через 100 лет в Германии возникла целая школа тенденциозных рассказчиков, таких как Вотье, Кнаус и десятки других, которая целиком ведет свое начало от „Обручения" и аналогичных композиций Грёза, но без грёзовской живописи, без общего чарующего серебристого колорита, без деликатной, артистической поверхности его картин. Греза тянуло и к чистой живописи в тех случаях, когда рассказывать было нечего, когда он просто писал этюд с натуры или портрет, как этюд охотника в Эрмитаже. Наиболее слабой стороной искусства Грёза было его тяготение к сентиментальности, слишком преувеличенной

даже для „чувствительного“ конца XVIII в. Всеобщий энтузиазм, вызванный его знаменитой луврской картиной „Разбитая кружка“, заставил художника написать еще несколько вариантов ее под разными названиями—„Молочница“ в том же Лувре,—но все они значительно уступают первой. Точно также успех первых его „головок“ и бесчисленные заказы на повторения привели к доброй сотне сладких головок красавиц неизменно одного и того же „грёзовского типа“, разбросанных по всем музеям света. Если десятая часть их написана действительно Грёзом—они обычно без подписей,—то их достаточно, чтобы признать последний период жизни некогда большого мастера периодом упадка и даже падения. Впрочем падение это было отчасти вызвано рядом глубоких потрясений и семейной драмой.

На ряду с этой реалистической струей во Ф. и. XVIII в. существовало и течение чисто академическое, являющееся отчасти дальнейшим развитием академизма XVII века, отчасти выросшее самостоятельно, под напором новых классических тенденций. Лебрена уже забыли, и плафон в зале Геркулеса в Версале, написанный *Лемуаном* (1688—1737), кажется настоящей красочной поэмой по сравнении с лебреновскими потолками. Это—академик-живописец, сильный, уверенный в себе, жизнерадостный. Его „Геркулес и Омфала“ в Лувре—заметная веха в искусстве Ф. Но не один академизм Лемуана изменился, приспособился к новому времени, посветлел и расцветился: целая группа художников, родившихся в последние годы жизни Лебрена или вскоре после его смерти, трактуют по новому старые, затасканные сюжеты академической школы. Даровитая семья *Ванлоо* с блестящим *Карлом* во главе (1705—1765), семья *Куапелей*, с ее лучшими представителями *Шарлем Антуаном* (1694—1752) и *Ноэлем Никола* (1690—1734), и такие мастера, как лемуановский ученик *Натуар* (1700—1777) и ученик последнего *Пьер* (1713—1789), ученик Карла Ванлоо—*Луи Лагрене* (1724—1805), или даровитейшие *Де Труа младший* (1679—1752), *Сюблейра* (1699—1749) и *Хюг Тараваль* (1729—1785) направили академизм XVII в. в новое русло, влив в него достаточно жизненных элементов, чтобы обеспечить ему еще вековое существование и сделать его приемлемым для наших дней. Таких блестящих холстов, как „Охотничий привал“ Карла Ванлоо в Лувре, жизненных, радостных, увлекательных по размаху и письму, не много во всей истории искусства, как немного кусков живописи, исполненных с такой играющей виртуозностью, с какой писал свои картины и композиции для гобеленов Де Труа. Но особенно новую ноту внес в живопись самый даровитый из учеников Лемуана—*Франсуа Буше* (1703—1770). Он не был академиком в том смысле, в каком это название применимо к произведениям вышеупомянутых художников, но он не был и подражателем Ватто, как это обычно принято считать. Ватто, Ланкре и Патер шли от жизни, любя и смакуя ее. Буше шел от гравюры, от какого-то прекрасного, с его точки зрения, оригинала, который заменял ему природу и жизнь и который постоянно носился перед его глазами. Оттого так нежизненны, так надуманны и так однообразны его пухлые, розовато-блеклые Венеры и амуры,—чистейшие декорации, полугобелены. Оттого они, несомненно, теряют теперь, когда их приходится видеть в рамах, на ряду с другими картинами в музеях, вне их служебного декоративного назначения. Буше несравненно занимательнее и лучше в своих ранних, скромно, без развязности написанных жанровых картинах и еще более в портретах. Чем ближе к эпохе регентства, тем искусство скромнее, чем ближе оно к эпохе Людовика XV, тем оно распущеннее. Ватто — лучшее выражение стиля регентства; самым ярким выразителем времени Людовика XV был несомненно Буше. Там—пастушеская идиллия, само целомудрие, здесь—прямая развращенность, открытая, ничем не замаскированная. Ее нет только в портрете, не дающем для нее материала. Но и портрет сильно изменился со времен Риго и Ларжильера. О правде давно уже нет и речи. В лице *Натье* (1685—1766) и его зятя *Токке* (1796—1772) XVIII век

нашел своих портретистов, немилосердно льстивших, но умевших сохранять сходство. Их портреты в большинстве случаев полукартины, их красавицы-заказчицы чаще всего изображаются в виде различных богинь, нимф и муз. Даже костюм теряет свой реальный модный облик и становится таким же неуловимым, туманным и стушеванным, как лица. Таков версальский портрет г-жи Анриэтт в виде Флоры, Натье, и его же портрет г-жи Ламбез в Лувре. Токке гораздо даровитее и честнее, почему ему удается создавать настоящие шедевры, в роде портрета г-жи Граффиньи в Лувре. Значительно проще и крепче были портреты художников переходного времени: Людовика XV, *Карла Ванлоо*, семейный портрет Карла Ванлоо, с 6 фигурами, написанный *Луи Мишелем Ванлоо* (1707—1771), — оба в Версале — и автопортрет *Депорта* (1661—1743) в Лувре, с собаками и битой дичью. Они суше, в них нет изящества позднего XVIII в., но правды в них больше. Но XVIII век знал и нескольких правдивых портретистов, к которым надо причислить *Друэ* (1699—1767), *Дюплесси* (1725—1802) и особенно *Латура* (1704—1788) и *Перроно* (1715—1783). Двое последних были головою выше других,—Латур по силе характеристики, Перроно по драгоценной живописи. Латур, автор луврского портрета мадам Помпадур и серии дивных пастельных портретов, хранящихся в Сан-Кентене, говорил про своих заказчиков: „они думают, что я схватываю только черты их лица, но я опускаюсь на дно их души". Оттого портреты этого психолога так суровы. К французской школе следует причислить еще одного первоклассного портретиста, хотя и шведа по происхождению, но воспитывавшегося и почти всю жизнь прожившего в Париже—*Рослена* (или по-шведски Рослина, Roslin, 1718—1793), прославившегося во Ф. полупортретом-полукартиной „Девушка, украшающая цветами Амура" (в Лувре). Два года (1776—1777) он провел в России, где им исполнено много портретов, из которых лучшие: цесаревич Павел, его жена Мария Федоровна, в. к. Наталия Алексеевна (в Романовской галлерее), гр. М. А. Румянцева (в Трет. гал.) и маркиза Зоя Маруцци (в собр. Е. А. Боткиной). В Лувре—портрет Марии Антуанетты, в Версале — портрет Линнея, в Стокгольме — портреты Густава II и его братьев, а также портрет жены художника. Из больших французских портретистов третьей четверти XVIII в. едва ли не большей славой, чем этот любимец европейских дворов, пользовалась *Мария Луиза Виже-Лебрен* (1755—1842), член Парижской Академии с 1783 г. за автопортрет, сразу выдвинувший ее в первые ряды мастеров. Наибольшей славой пользуются ее автопортреты, особенно те, в которых она изобразила себя с дочерью—из них лучший в Лувре. В Версале висит ее портрет Марии Антуанетты с розой в руке. Художнице охотно позировали все знаменитости: Жозеф Вернэ, Гюбер-Робер, Паизиелло, лорд Байрон и много других. Эмигрировав после революции, Виже-Лебрен (вторая ее фамилия—по мужу) жила и писала в Италии, а с 1795 по 1801 г.—в России, где ею исполнено множество портретов. Лучший период ее творчества—XVIII век и первые годы XIX.

Во второй половине XVIII в. во Ф. после некоторого перерыва впервые появляется род живописи, после Клода Лоррена встречавшийся лишь эпизодически, — пейзаж. Пейзажисты и народившиеся одновременно анималисты только теперь, через 100 лет после расцвета этого вида искусства в Голландии, находят в Париже твердую почву и входят в моду. Уже Депорт, автопортрет которого упоминался выше, пользовался значительным успехом, и его охотничьи сцены висели во всех собраниях. Еще большая популярность выпала на долю *Ж. Б. Удри* (1686—1755) *и Гюэ* (1745 — 1811). Первые два известны также своими сериями для гобеленов. Пейзажи Клода Лоррена были античными видениями, синтезом долгих и глубоких наблюдений, но они не были „портретом" этой природы, не давали ее топографии. Ранние и лучшие картины *Жозефа Верне* (1714—1789), верного ученика Антонио Канале, были уже такими портретами. Невероятный успех рано сбил Верне с истинного пути, и он, перестав изучать при-

роду и далекий от синтетической углубленности Клода, изготовлял у себя в мастерской сотни картин и картинок на излюбленные публикой мотивы лунных ночей, тихих гаваней, бурь и кораблекрушений, рыбацких идиллий, в повторении которых растерял весь свой большой талант. Совсем иначе подошел к своей задаче другой пейзажист конца XVIII в. *Гюбер-Робер* (1735—1808), шедший не от Канале, а от певца руин Паннини. Он также мало писал непосредственно с натуры, его природа также не совсем портретна, слишком романтична, сочинена в мастерской, но огромный запас наблюдений, вывезенный им из своих итальянских скитаний по руинам, помог ему избежать фальши и сладости, часто портящих вещи Верне. Их спасает, кроме того, исключительное декоративное чутье Робера. Слабее у него пейзажная сторона картин, особенно деревья, обычно шаблонные и выдуманные. Как и у Верне, лучшие из его картин те, которые либо прямо написаны с натуры—обычно небольшого размера,—либо сделаны по рисункам и этюдам, вскоре после пережитого впечатления. К таким относятся луврские холсты, изображающие разгром Версальского парка после революции. Любимец собирателей, Гюбер-Робер писал для дворов и магнатов Европы, и едва ли не больше всего картин его находилось в России. Чтобы покончить с пейзажистами, надо упомянуть еще об одном выдающемся мастере, *Габриеле Моро* (1740—1806), брате известного Моро младшего, картины которого в Лувре, „Вид в окрестностях Парижа“ и „Вид в Медоне“, по всему своему духу уже предвещают интимный пейзаж XIX в. Здесь же надо отметить значительную группу рисовальщиков, граверов и графиков, сыгравших большую роль в истории французского искусства XVIII в. и оказавших влияние на многих мастеров живописи. Сюда относятся: *Гравело* (1699—1773), *Кошен* (1715—1790), *Эйзен* (1720—1778), *Габриель Сент Обэн* (1724—1780), *Огюстен Сент Обэн* (1736—1808) и только что упомянутый *Моро младший* (1741—1814). Два последних принадлежат уже эпохе нового, возрожденного классицизма, главным действующим лицом которой был *Жак Луи Давид* (1748—1825). Ученик Буше и *Виана* (1716—1809), первого французского художника, повернувшего к классицизму, он, со всем присущим ему темпераментом, стал пророком этого нового движения, достигающего своего кульминационного пункта в эпоху Директории и стремящегося воскресить идеалы античного Рима. В 1783 г. он привез из Италии свою картину „Клятва Горациев“ (Лувр), произведшую на тогдашний Париж впечатление разорвавшейся бомбы. Сейчас трудно понять восторги, вызванные этим надуманным и скучным холстом, примитивно скомпанованным и условно написанным. Успех его был успехом удачного сюжета: поднявшему голову „третьему сословию“ наскучили вечные празднества знати, и его тянуло к добродетелям неиспорченных римлян, непреклонному мужеству, честности и правдивости их героев. За Горациями следовал „Сократ“ (1787)—грек, достойный по добродетели лучших римлян, потом „Брут перед трупами своих сыновей“ (1789), и далее „Убитый Марат“. Если бы Давид оставил после своей смерти только античные картины—их было еще несколько, все в том же сладко-тенденциозном стиле,—он остался бы в истории живописи величиной лишь второстепенной, быть может меньшей, чем в истории революционных движений, ибо Давид, друг Марата и Робеспьера, играл активнейшую роль во французской революции. Но Давид оставил несколько десятков портретов такого высокого живописного порядка, что уже их одних достаточно, чтобы обеспечить ему славу великого мастера. Из них особенной славой пользуются портреты г-жи Рекамье, г-жи Серизина, семейный портрет Жерара, папы Пия VII, г-жи Морель де Танжри с ее двумя дочерьми, г-жи Ришмон, г-жи Виже-Лебрен, Девиена, Пекуля, Энгра (в моск. Музее Изящных Искусств). С появлением Наполеона Давид написал по его заказу большие картины Версальского музея — „Коронование Наполеона“ и „Распределение Орлов“, несмотря на всю официальность, вызываемую темой, имеющие не малые, чисто живо-



Французское искусство.

Жан Франсуа Милле (1814—1874). Сеятель.

(Музей в Брюсселе).

писные качества. После падения Наполеона он удалился в Брюссель, откуда не выезжал до смерти, отказавшись от блестящих предложений различных дворов Европы. Из многочисленных учеников Давида, образовавших целую школу, особенно выделился *Жерар* (1770—1837), первоклассный портретист, автор портретов той же мадам Рекамье, художника Изабэ с дочерью и скульптора Кановы, в Лувре. Когда Давид узнал, что Рекамье, одновременно с его сеансами, позировала Жерару, он бросил писать свой портрет, оставшийся не вполне законченным. Жерар был прозван „королем художников" и пользовался невиданным почетом при дворе Наполеона и последующих королей. Из других учеников его известны *Жиродэ Триозон* (1767—1824), *Леопольд Робер* (1794 — 1835), миниатюрист *Изабэ* (1767—1855), а из последователей, не связанных с его мастерской, *Пьер Герен* (1774 — 1833), ученик академика *Ренье* (1754—1829). Однако, только двое из учеников Давида могут быть поставлены рядом с ним, по своему значению в истории искусства,—Гро и Энгр, принадлежащие уже вместе с Жерико, ученикам Герена, новому поколению и новым течениям. Из представителей прежнего поколения следует остановиться еще на бытописателе эпохи Директории, *Буальи* (1761—1845), авторе недурных, хотя и холодных небольших картин из жизни тогдашнего общества.

5. Искусство XIX века и новейшие течения. В архитектуре XIX в. Ф. дала мало, почти ничего по сравнению с тем, что ею создано было со времени ренессанса, не говоря уже о периоде готики. Как всюду в Европе, эпоха романтизма сказалась и во Ф. в подъеме интереса к своему прошлому,—к готике, а позднее к ренессансу. Как везде, архитектура XIX в. являет картину попеременной смены всех стилей и их нюансов, господствовавших в течение веков. Лучшими из них были здания, выстроенные архитекторами Наполеона в так называемом „стиле первой империи". Вслед затем начинается усердное реставрирование древних готических храмов и средневековых замков, погубившее навсегда большинство их. Главным деятелем этого периода был ученейший архитектор-археолог *Виолле-ле-Дюк* (1814—1879). Десятки вновь воздвигнутых готических соборов не заслуживают упоминания, как не заслуживают сохранения имена их авторов, некогда столь прославленных. Скорее останавливают внимание попытки, на ряду с историзмом и рабским копированием, строить, исходя их нового материала и новых потребностей. Таким новым материалом было железо, начавшее играть в жизни небывалую до того роль; такой новой потребностью, выдвинутой жизнью, было строительство железнодорожных вокзалов, а позднее, с развитием промышленности, гигантских выставок, для которых надо было строить сотни павильонов, при том строить не годами, а в несколько месяцев, а иногда и недель. Первый период этого вокзального и выставочного строительства отмечен наплывом во Ф. архитектурных сил из других стран, главным образом из Германии. Так, строителем первого, Северного вокзала в Париже был немец *Хитторф* (1793—1867), человек дела, а не искусства. Таким же дельцом, а не художником был и француз *Бальтар* (1805—1874), выстроивший Парижский Центральный рынок из железа и стекла (1852). Дальнейшее развитие этих приемов привело к чисто инженерному стилю, ярким выражением которого может служить Эйфелева башня, возведенная к всемирной выставке 1889 г. Одним из крупнейших архитекторов второй половины XIX в., создавшим из форм ренессанса и барокко некое подобие собственного стиля, был *Шарль Гарнье* (1825—1898), строитель Парижской оперы, театра и казино в Монте-Карло. Его менее прославленным современником был *Давиу* (1824 — 1881), автор дворца Трокадеро (1878). От этих построек уже один шаг до „сборной" архитектуры „Grand palais" и „Petit Palais", выстроенных для всемирной выставки 1900 г. и оставшихся в качестве выставочных помещений для „салонов" до настоящего времени. Первый построен по проекту *Деглана, Тома* и *Лувэ*, второй—по проекту *Жиро*. Модернизм, охвативший на рубеже XIX и XX веков всю Европу и особенно

культивированный в Австрии и Германии, а также в странах, издавна тяготевших к германской культуре—в том числе и в России,—не нашел отклика во Ф., так как единичные здания, чаще всего особняки, выстроенные здесь в начале 1900-х годов в стиле „*art nouveau*", остались без подражания. Стиль пришелся не по вкусу французам, всегда любившим порядок и избегавшим всего вычурного. Впрочем и то немногое, что было выстроено в те дни в Париже—особняк архитектора *Плюмэ*, построенный им самим, Palace Hôtel *Шеданна* и входной павильон метрополитэна *Гимара*—настолько скромны и незаметны, что не очень пугали даже самых правоверных приверженцев „хорошего вкуса".

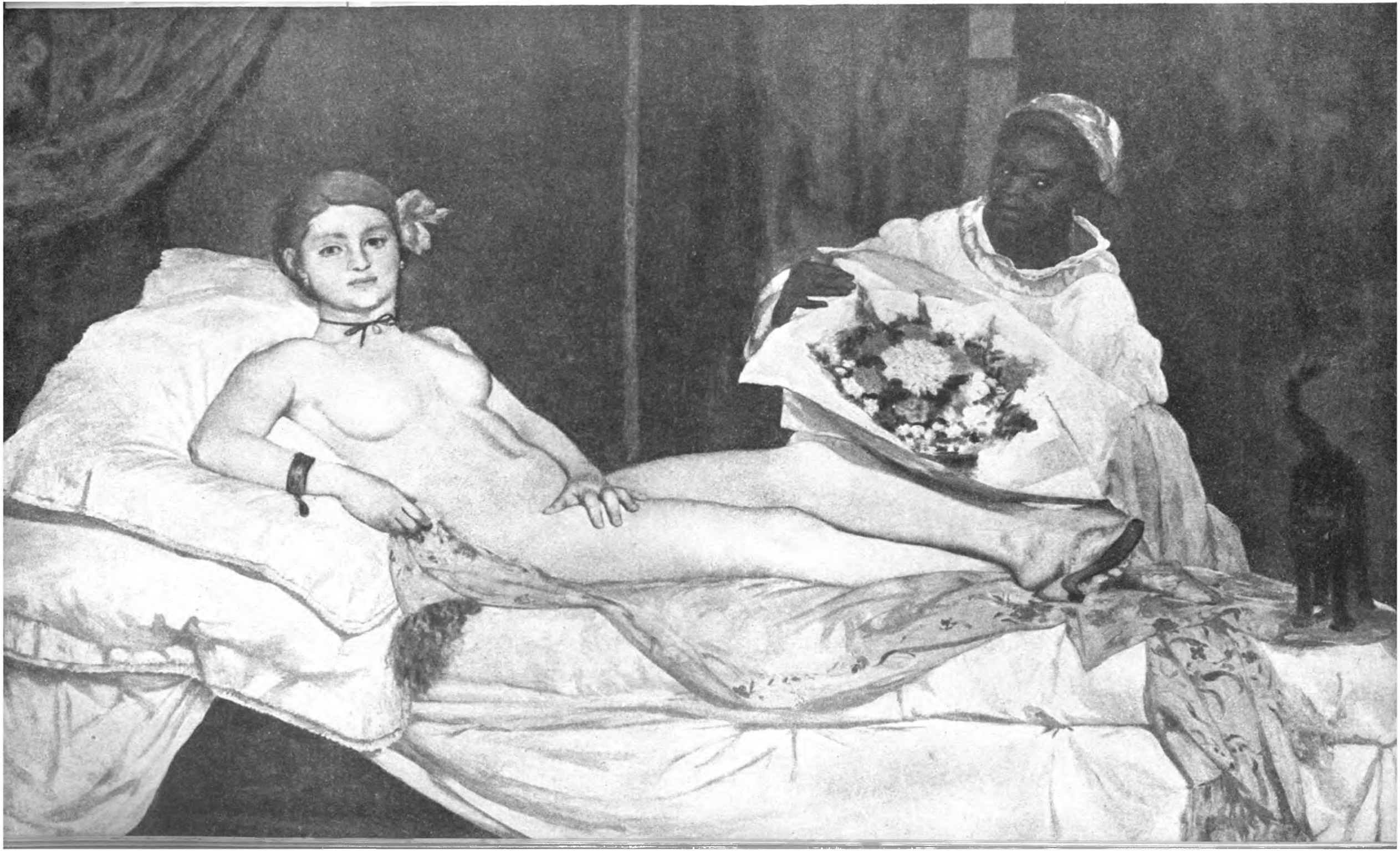
Для французской скульптуры XIX век оказался более благоприятным. Первая четверть его протекла под знаком борьбы академизма с реализмом, от которой сохранилось только два действительно крупных имени—*Франсуа Рюд* (1784—1855), автор „Марсельезы", декоративной группы на Arc de l'Etoile и замечательного бюста математика Монжа, в Лувре, и *Луи Барн* (1795—1875), анималист, автор одного из лучших украшений сада Тюльери, „Льва со змеей", и нескольких десятков превосходных экспрессивных скульптур животных. Оба они реалисты, хотя Рюд и начал свою карьеру с уклоном в сторону тогда еще всесильного классицизма; из чистых „академиков" ни один не заслуживает упоминания. Минуя *Шапю* (1833—1891), *Дюбуа* (1829—1905) и *Бартоломэ* (род. 1848), репутация которых в свое время была слишком преувеличена, почему они сейчас забыты, можно остановиться только на *Фремье* (1824—1910), авторе памятника Жанне д'Арк в Париже (1874), и *Фальгьере* (1831—1900), авторе не плохих статуй „Диана", „Танцовщица", жанристе *Барриасе* (1841—1905) и *Карпо* (1825—1875), авторе „Четырех стран света" в саду парижской обсерватории, и ряда хороших бюстов. Все они вместе взятые, с целой группой их современников и учеников, не стоят одного мастера, жившего и работавшего среди них, но явившегося как бы с другой планеты—*Огюста Родэна* (1840—1917), одного из величайших скульпторов всех времен. Все, что им создано, не просто статуи и бюсты, правдивые и жизненные, а прежде всего *скульптура*, в том смысле, в каком картина Шардена есть прежде всего *живопись*. Здесь есть все, чем скульптура отличается от других искусств, и нет ничего, что обычно одно искусство заимствует у другого,—самая чистая, самая кристальная скульптура. Такими чистыми скульпторами были только величайшие из великих,—безыменные авторы статуй Шартрского собора, Донателло, да Микель-Анджело. Свой стиль Родэн нашел к 40 годам жизни, когда им сделаны „Сотворение человека" (1881) и „Бюст Ж. П. Лоранса" (1882), но он неустанно его совершенствовал. Из его произведений больше всего шума вызвали памятники „Гражданам Кале", Виктору Гюго и Бальзаку. Первый еще кое-как удалось поставить, хотя и не там, куда он предназначался, второй и особенно третий вызвали небывалый скандал, в котором приняла участие вся Ф. Сейчас Родэн кажется классиком, великим мастером, не возбуждающим никаких сомнений, и с трудом понимаешь возмущение художественного мещанства против этих вдохновеннейших и счастливых созданий. Родэн оставил потомству целую галлерею бюстов знаменитых деятелей—своих современников: Пювис де Шаванн, Рошфор, Далу, Фальгьер и много других увековечены в могучей характеристике, вызывающей в памяти бесподобную „голову лысого" Донателло, прозванную „тыквой" — „il Zuccone". В последние годы жизни Родэна во французской скульптуре началось новое течение, отмеченное стилистическими исканиями и возглавляемое *Майоллем* (род. 1861. Оно имеет своими истоками монументальное искусство Египта, в котором новейшая скульптурная мысль ищет противоядия против импрессионистического уклона, отличающего большинство скульптур 1890—1900 годов. Его не избежал и Родэн, отдавший дань живописному моменту, изысканной сочности и мягкости. С началом нового века появляется тяготение к большей твердости, даже к жесткости,—только бы уйти от дряблости

скульптуры импрессионистов. Майолль не только первый, но и лучший выразитель этих новых настроений, бесконечно превосходящий другого модерниста, *Бурделля* (род. в 1861 г.), не говоря уже о целой плеяде более молодых. Крайности этого второго модернизма, особенно процветавшего в Германии, Ф. избежала, как избежала их в 1900 г., при первом его натиске.

Больше всего сделала Ф. XIX века в области живописи. Нигде ее гегемония не сказалась столь ярко, как именно в живописи, и никогда она не была столь очевидной, как в XIX и XX веке. Историю французской живописи XIX в. приходится начинать с самого даровитого и сильного из учеников Давида, барона *Антуана Жана Гро* (1771—1835), как и Давид, боготворившего Наполеона, сопровождавшего его в походах и прославлявшего в картинах. Но его картины, не исключая и этих, славящих его кумира, не похожи на давидовские, даже больше—они вообще не похожи на так называемые официальные картины, всегда мало говорящие глазу и сердцу. „Посещение Наполеоном зачумленных в Яффе“ (1804) и „Наполеон в битве при Эйлау“ (1808) не имеют ничего общего не только с опрятной и лощеной живописью „античных“ картин Давида, но и с его официальными полотнами. Недаром они вызывали отвращение своей грубостью, казавшейся прямым цинизмом: его зачумленные действительно разлагаются, а умирающие и умершие на первом плане „Битвы“ внушают подлинный ужас. Гро не мог примириться с падением Наполеона и хотя не бежал из Ф., подобно Давиду, но вскоре потерял душевное равновесие и покончил самоубийством. Он был блестящим живописцем, наделенным настоящим живописным темпераментом. Близким ему по духу был молодой *Жерико* (1791 — 1824), такой же энтузиаст. Еще ярче, чем у Гро, в его горячем искусстве выступают две черты, ставшие вскоре основными для новой эпохи, которая шла на смену отмиравшему классицизму,—стремление к правде и искание движения. Правды добивались многие и прежде, но движение, как задача, как лозунг родилось только теперь. Луврские картины Жерико „Гвардейский егерь“ и „Раненый кирасир“— сплошной порыв. Но только с появлением его знаменитой картины „Плот Медузы“ связь с прошлым была порвана. Дата этого произведения (1819) знаменует поворотный пункт в истории европейской живописи. В 1816 г. французское общество было глубоко взволновано историей с крушением фрегата „Медуза“, спустившего плот с 119 пассажирами, из которых спаслось только 15 человек, переживших в море 12 полных ужаса дней. Жерико написал этот плот с такой жизненностью движений и в то же время пафосом, каких до него в живописи не было. Его продолжателем был *Эжен Делакруа* (1799—1863), начавший с картины, которая была навеяна „Плотом Медузы“, хотя по содержанию имела с ней мало общего. То была „Барка Данте“, выставленная через 3 года после нашумевшего холста Жерико. Здесь также море, только вместо плота барка, и также несчастные, умоляющие о их спасении. Вскоре появилась его другая знаменитая картина, продиктованная художнику необычайным энтузиазмом, который вызвала героическая борьба Греции за освобождение—„Хиосская резня“. Делакруа оставил замечательный дневник, свидетельствующий о его высоком интеллекте, обширном кругозоре, редкой начитанности и исключительном уме. Огромное живописное дарование, сочетавшееся с таким интеллектом, должно было принести незаурядные плоды. И действительно, все искусство Делакруа, этого величайшего из художников-романтиков, сверкающе прекрасно. Однако, идея классицизма не умерла с Давидом, и мы видим в конце XVIII и начале XIX в. еще нескольких подлинных силачей, не сдававших позиций академизма. Один из них даже не вполне „классик“, в давидовском смысле слова—*Прюдон* (1758—1823). Элементы, из которых он выработал свой утонченный стиль, заимствованы скорее у мастеров итальянского Возрождения,— у Рафаэля и Корреджио. Его больше всего волнует ритм, плавность и закономерность большой линии, таинственная игра светотени — „chiaroscuro“

*

Леонардо и Корреджио. Какими судьбами этот бедный крестьянин, в разрез со всем тогдашним искусством, пришел к своему рафинированному стилю, осталось навсегда загадкой, ибо такие его шедевры как „Похищение Психеи", „Правосудие" и „Мщение, преследующее Преступление" (1808), или „Портрет императрицы Жозефины" и „Распятие", могут быть смело поставлены рядом с прославленными прообразами Прюдона. Вполне „классиком" был младший современник Прюдона, ученик Давида, *Энгр* (1780—1867). Если бы от него остались только его картины, он был бы давно забыт. Составленные по „законам", вычитанным из Рафаэля, как вычитывали их сотни европейских „римлян" начала XIX в., но не преломленным в своей собственной артистической душе, как это имеет место у Прюдона, они оставляют впечатление холода и равнодушия. Совсем не то, когда Энгр пишет портрет или—еще лучше—когда он рисует тот же портрет тонко отточенным карандашом: он сразу преображается, сразу поднимается на недосягаемую высоту и становится равным Гольбейну, оставив далеко позади себя своих старых предшественников по искусству портретного рисования—Клуэ, отца и сына. Эти драгоценные рисунки производят впечатление сделанных без поправок, без резинки, почти с одного почерка, несмотря на то, что они часто изображают целые группы из 3—4 и больше лиц. И масляные портреты Энгра гораздо выше его академической живописи. Сдержанные и несколько условные по краскам, они необыкновенно жизненны по характеристике. Некоторые из них красивы и по общей цветовой гамме, особенно те, в которых брошен через плечо дамы платок с яркими цветами или где было красивое сочетание уже в самом костюме. Ближайшим продолжателем Энгра был *Ипполит Фландрен* (1809—1864), художник, однако, достаточно бесцветный. Энгр был главным врагом Делакруа и всего романтизма, против которого боролся до конца жизни. Несдержанный и желчный, он доставил великому романтику не мало хлопот и огорчений. В дни этой борьбы великанов несколько художников сделали карьеру, смягчив остроту обоих направлений и создав искусство компромиссное и не очень значительное. К ним относится *Деларош* (1797—1856), написавший „Кромвеля", открывающего гроб с обезглавленным королем Карлом I, и *Ари Шефер* (1795—1858), автор полуклассических-полуромантических картин. Ближе к романтикам стоит *Орас Верне* (1789—1863), внук пейзажиста и сын анималиста *Карла Верне*, ловкий „лошадник" и баталист, предтеча всех баталистов второй половины XIX века. Ближе к классикам *Кутюр* (1815—1879), принадлежащий уже третьей четверти века и породивший целую школу академиков недавнего прошлого, таких как *Кабанель* (1823-1889), *Бодри* (1828—1886), *Бугро* (1825—1905). Совершенно особняком стоит даровитый *Шассерио* (1819—1856), ученик сперва Энгра, а позднее его антипода Делакруа, сумевший действительно соединить положительные стороны того и другого мастера и выработавший себе своеобразный, ему одному присущий стиль, по достоинству оцененный только на столетней выставке 1900 г., когда был выставлен прекрасный портрет двух сестер и его фрески. От Шассерио пошел впоследствии *Пювис де Шаванн* (1824—1898), ученик Ари Шефера и Кутюра, нашедший также собственный стиль в декоративных панно, которыми он украсил Hôtel de Ville, Сорбонну и Пантеон в Париже, а также музеи Лилля, Амьена и библиотеку Бостона. Из художников второй половины XIX в. надо упомянуть еще о *Гюставе Рикаре* (1823—1873), *Каролюсе Дюране* (1838—1913), авторе отличного „Портрета матери" в Люксембурге, под конец сильно измельчавшем и часто пошловатом, о другой портретной знаменитости, *Бенжамене Констане* (1845—1902), писавшем также и плафоны для богатых гостинных, *Жан Поль Лоренсе* (1838—1921), *Бонна* (1833—1922), сильном портретисте, *Теодюле Рибо* (1823—1891), черном по живописи, но не безразличном художнике, и *Эннере* (1829—1901), художнике женских головок, несколько связанном с Диазом, хотя и значительно ему уступающем. Видное место должно быть отведено в истории Ф. и. рисовальщикам



Французское искусство.

Эдуард Манэ (1832—1883). Олимпия.

(Париж, Лувр).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ"

и литографам 1830—60 годов, таким, как *Гаварни* (1801—1866) и особенно *Онорэ Домье* (1810—1879), который был и первоклассным живописцем, каким его впервые выявила та же столетняя выставка 1900 года. Из парижских иллюстраторов вышел и известный *Мейсонье* (1815—1891), автор небольших картинок на темы из жизни прошлых веков, разглядывавшихся обыкновенно с лупой в руках и имевших неслыханный успех у любителей второй половины XIX в. Он писал также баталии, всегда кавалерийские, и вообще всадников, так как любил лошадей и знал их, как никто из его современников. Лошади—главная тема его самой знаменитой картины — „1814 год", изображающей Наполеона с его генералами на конях, после Ватерло. Ни один художник XIX в. не получал за свои картины при жизни такие огромные суммы, как Мейсонье. В последние годы жизни и еще больше после смерти репутация его стала заметно падать, и из „великого" он превратился в среднего мастера. Несмотря на большие знания и блестящую технику, он был слабым живописцем, писал жестко и черно и вообще был лишен тонкого артистического чувства. От Мейсонье идут баталисты *Невилль* (1836—1885), *Детайль* (1848—1912) и множество других, наполнявших салоны своими „кавалерийскими атаками", „стычками", „смотрами", обычно приправленными патриотическими подчеркиваниями. Из них Невилль—проще, скромнее и даровитее всех, исключая рано умершего *Анри Реньо* (1843—1871), написавшего эффектный конный портрет генерала Прима.

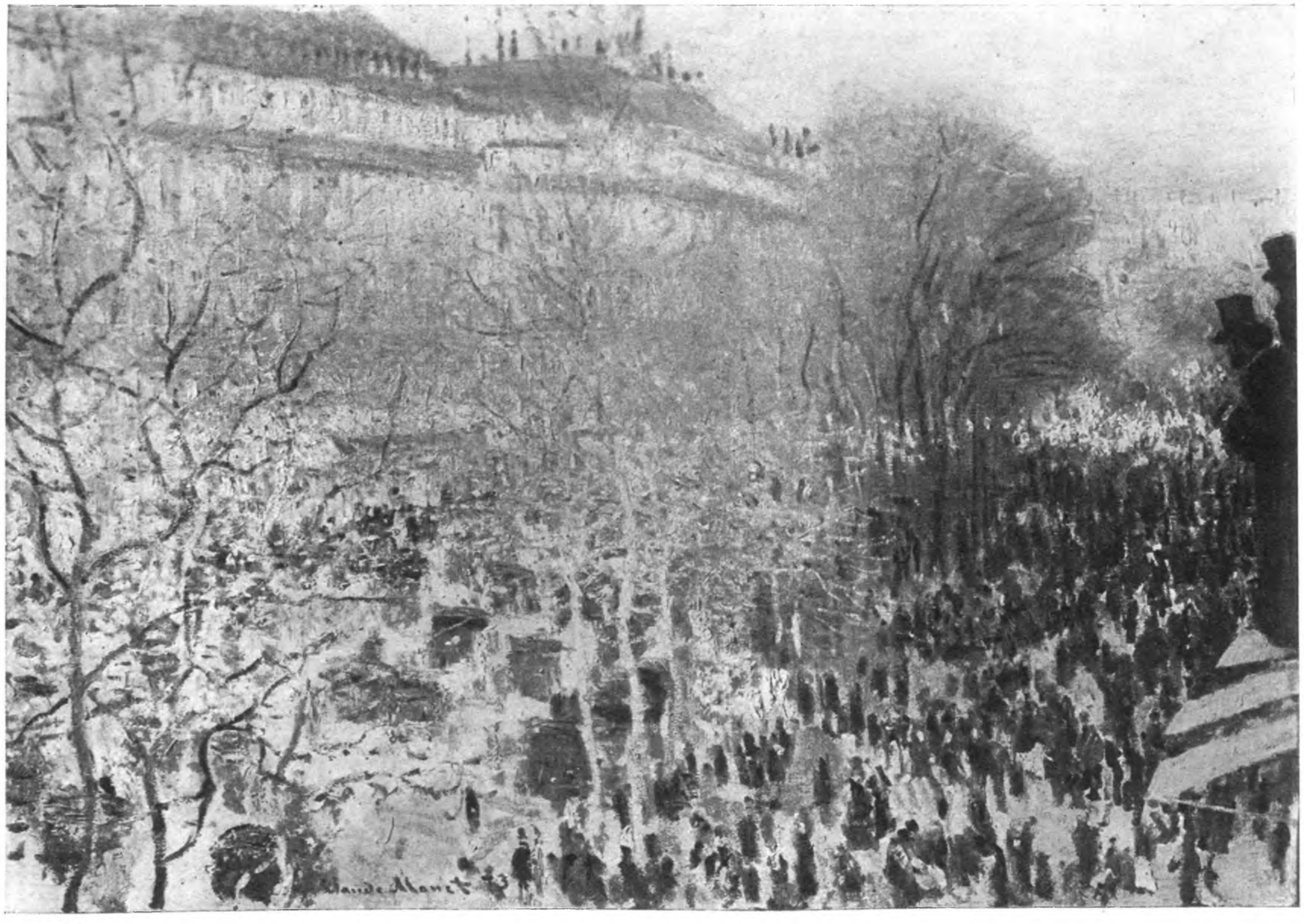
Но все это лишь мелкие эпизоды истории французской живописи XIX в.: после первого крупного явления в начале века,—романтизма, в 1830-х годах возникает новое, не меньшее по значению художественное явление — нарождается так называемый „интимный пейзаж", возникший из настроений и идей романтизма. Его предвестниками были *Доль Гюэ* (1804—1869), ученик Гро, всецело посвятивший себя пейзажу, писавший с трогательной правдивостью виды Руана, Гонфлера, Авиньона, Сен-Клу, и *Декан* (1803—1860), тонкий пейзажист, не терявший связи с голландцами. То, что у Гюэ было только намечено, продолжил *Камиль Коро* (1796 — 1875), введя в пейзаж недоставшие его предшественникам поэзию и живопись. В 1826 г. он едет в Италию, где пишет с такою же правдивостью, как Гюэ, виды итальянских городов, но сравнение их с теми показывает гигантский шаг, сделанный за это время человечеством в лице Коро, ибо отныне история французской живописи есть история живописи мировой. Так с натуры не писали ни старые голландцы, ни итальянцы, ни французы. То, что у Клода Лоррена намечалось, что понял Шарден в nature morte'e—очарование воздуха, окутывающего и лижущего очертания предметов,—это Коро возводит в систему. „Envelopppe" становится его главной задачей, которой он уделяет наибольшее внимание, и вместе с тем эта забота об „окутывании" становится главным стержнем целой школы, выросшей из интимного пейзажа,—школы пленэристов. Однако, топографичен, точен только ранний Коро; позднее он пишет свободнее, меньше работает прямо с натуры, предпочитая передавать свои ощущения и настроения от природы у себя в мастерской, как делал это некогда Клод Лоррен. Он любит в природе мотивы лирические:—раннее утро, сумерки, серый день, любит нежные, серебристые и жемчужные краски. Коро писал и фигуры в мастерской с натуры, полупортреты - полужанры, драгоценные по живописи и не уступающие по значительности пейзажам. Писал — впрочем, лишь короткое время, в начале своей карьеры—и картины на исторические темы — „Данте" и „Агарь в пустыне" (Лувр). Одновременно с Коро страстно искал новых путей *Теодор Руссо* (1812—1867), так же, как Коро, стремившийся отрешиться от навязчивого гипноза старой школы исторического пейзажа, взявшей от Клода Лоррена только голую схему и проглядевшей все ценное в его искусстве. Эти же мысли не давали покоя и *Жюлю Дюпре* (1812—1889), другу Руссо. Общая всем идея сблизила этих и еще нескольких художников, аналогично настроенных, в тесный кружок, поселившийся в деревеньке Барбизон, на

опушке большого леса в Фонтенебло. Здесь понемногу собрались и стали работать: *Констан Тройон* (1810—1865), *Диаз де ла Пенья* (1807—1876), *Шарль Добиньи* (1817—1878), а под конец своей жизни к ним примкнул и *Жан Франсуа Милле* (1814—1875). Во многом отличные друг от друга, они были объединены общей любовью к природе, беззаветной, наивной, доходившей до обожания. Одно стремление владело всеми—писать правдиво, честно, не сочиняя и не фальшивя. На это их натолкнула выставка пейзажей англичан Констебля и Бонингтона, виденная друзьями в салоне и произведшая на них неотразимое впечатление. Впервые художники стали жить и работать почти круглый год среди природы, вдали от мастерских, ибо в те годы и Коро проводил целые дни на воздухе. Несмотря на долгую совместную работу, никто из них не потерял своей индивидуальности, оставшись до конца самим собой. Самой мужественной фигурой был Руссо, писавший больше всего дубы, такие же крепкие и кряжистые, как и он сам. Он любил темные, глухие уголки леса, с поросшими мохом камнями, на которых играют солнечные пятна. Его картины, даже небольшие по размерам, производят впечатление могучих,—до того ярко выражено в них чувство, владеющее человеком при входе в исполинский лес. Чувство, настроение, душевное движение—главное содержание картин барбизонской школы. Начав с отрицания лживого прошлого в истории пейзажа, барбизонцы в своих ранних вещах предпочитают сочинениям, пейзажу комбинированному — пейзаж-портрет. Они не выдумывают, но и не фотографируют. Они не лгут, но быть рабами перед природой также не хотят. У них не всегда „действительность“, но всегда „правда“. Искусство Коро, периода расцвета в особенности, не есть точное воспроизведение данного куска природы; ему одному ведомыми чарами он вызывает на своем холсте нужный ему облик природы, давая зрителю то переживание, которое он вынес от нее сам. В меньшей степени, но так же и близок и далек от природы Руссо с его деревьями, производящими впечатление живых чудовищ, ее населяющих. Меньше этого отдаления и вознесения у Добиньи, теснее и неразрывнее связанного с топографией местности, больше зависящего от данных очертаний, данных облаков, освещения. Но и он не фотографирует, и у него есть обобщения и синтез, и для него главное — в передаче зрителю своего собственного художественного переживания. Лучшие произведения барбизонской школы собраны в Лувре („Кастель Гандольфо“, „Озеро“ с фигурой женщины, срывающей ветку, Коро и „Опушка леса Фонтенебло при заходе солнца“, Руссо), Реймсе (Коро), в Wallace Collection в Лондоне, в Metropolitan Museum в Нью-Йорке и Московском Музее изящных искусств. Если Руссо художник эпоса в природе, то Добиньи художник лирических моментов в ней, а Дюпре—драматических. Крупной фигурой среди них был Тройон, пейзажист и анималист, одинаково сильный в той и другой области, живописец большого темперамента. Диаз стоит несколько в стороне от общей линии группы со своими нимфами и слегка отвлеченным пейзажем. Еще более в стороне стоит Милле, для которого пейзаж редко имеет самодовлеющее значение, но который его знает и передает в духе художественной правдивости, общей всем главным барбизонцам. Его пейзаж неразрывно связан с фигурами, так как его фигуры—крестьяне, сросшиеся с природой, составляющие с нею одно целое. Оттого так цельны его картины: „Крестьянин с мотыкой“, „Подбирательницы колосьев“, „Вечерний звон“. Сам крестьянин, Милле—величайший певец крестьянской страды и крестьянской стихии вообще. И темы Милле всегда волнуют, они не просто великолепно, бесподобно написанные холсты, но целые поэмы, захватывающие и впечатляющие. Никому после Милле, кроме быть может Курбе, ни вышедшему из него французскому голландцу Ван-Гогу, ни прямому его подражателю—бельгийскому скульптору Менье, не удалось даже отдаленно передать измученную душу крестьянина так, как это сделал он. Когда Милле пишет пейзаж без фигур, он не прибегает к упрощению

и создает такие шедевры реалистического характера, как луврская „Весна“.—цветущий сад, с радугой,—один из прекраснейших пейзажей в мире. После Делакруа и Милле появилась еще одна величина, немногим уступающая им по своему значению—*Гюстав Курбе* (1819—1877), с которого ведет свое начало новое художественное течение — „реализм“ середины XIX в. Органически не вынося лжи и всяких прикрас, он даже крестьян Милле считал недостаточно правдивыми, слишком идеализованными. В 1851 г. он пишет своих „Каменщиков“, картину, в которой сказался уже весь Курбе. Их двое: старик, совершенно обессиленный к вечеру от изнуряющей работы, и молодой, таскающий камни. Красивым, с его точки зрения слишком красивым, пейзажам Коро и розовым купальщицам Диаза он противоставляет своих „Купальщиц“, для которых нарочно выбирает уродливых натурщиц. Выставленная в 1853 г., эта картина производит отталкивающее впечатление на публику, вызывая возмущение художественных кругов. Далее следовали такие же грубо натуралистические, намеренно сдобренные всякими оскорбительными для „эстетов“ подробностями, картины: „После обеда в Орнане“, „Похороны в Орнане“, „Пожар“—холст, уничтоженный полицией за антигосударственное направление,—и „Барышни, подающие нищенке“. Все эти вещи писались не только для того, чтобы протестовать против всяких условностей и „красивостей“ других художников, но и в виде протеста против эксплоатации бедняков и против лицемерия сытых. Демократ и революционер по убеждениям, в 1871 г. активный деятель Парижской Коммуны, он отдал свое искусство на служение обездоленным и униженным. Но еще больше они писались—надо в этом сознаться—для того, чтобы обратить на себя внимание. Такие вызовы, такие перчатки бросались обществу не раз и до Курбе и после него. Каждое новое движение, отрицая прежние течения, сгущает их отрицательные стороны, усиливая тем самым контраст между ними. Но это всегда только вначале,—позднее различия как-то сглаживаются, и революционное некогда искусство кажется безобидным и смирным. Так было с барбизонцами, так стало с Курбе. Из ряда вон одаренный живописец, он не мог довольствоваться служебной ролью искусства и искал в нем непреходящих и самодовлеющих ценностей. Почему, проповедуя только реализм, считая возможным только передачу неприкрашенной природы, почему, называя идеал ложью, а фантазию—вздором, Курбе начинает пристально всматриваться в Рибейру, Сурбарана и Веласкеса? Он слишком артист и слишком француз, чтобы не сознавать всей опасности собственной проповеди и, недолго думая, пускается писать вещи, неимевшие ничего общего ни с грубой правдой, ни с проповедью социализма, но зато лежавшие в плоскости чистой живописи. Его „Человек с трубкой“—этюд с натуры, могущий поспорить с самыми живописными холстами прошлых веков. Его „Женщины на берегу Сены“, „Женщина в гамаке“ и особенно его пейзажи—одни из высших достижений XIX в. Один из самых поразительных находится в Москве — в Музее изящных искусств — „Море“. Он, конечно, писан не с натуры, на чем так настаивал Курбе, а в мастерской, по воспоминанию, или, самое большее, по этюду. И тем не менее это—природа, во всем ее красочном богатстве и великолепии, но природа претворенная. Начав с отрицанья барбизонцев, он пришел к ним же. Подобно Милле, Курбе не только не создал школы, но не имел даже подражателей, как впрочем Делакруа и Шарден. Зато барбизонцы породили их множество. Сначала это были художники, непосредственно примкнувшие к ним, в роде *Луи Каба* (1812—1867), *Шантрейля* (1814 — 1873), *Брасказа* (1804—1867), *Арпиньи* (1819—1916), *Розы Бонер* (1822—1899), *Монтичелли* (1824—1885), позднее за ними пошли сотни художников всех национальностей, приезжавшие в Париж и непременно посещавшие Барбизон. Если Курбе не имел личных учеников и личных подражателей, то он своей горячей и упрямой проповедью, несомненно, был отцом европейского реализма,—художественного течения, захватившего

Европу в 1860—1870 годах. Но такого реалиста-артиста, каким был Курбе, не дала ни одна из других стран.

В живописи Коро, Тройона, Добиньи, Милле и Курбе были элементы, созревшие для нарождения нового течения, но недостаточно осознанные в их время и оставшиеся незамеченными. Их заметило, оценило и написало на своем знамени новое поколение художников—„импрессионисты", получившие вначале название „батиньольской школы", от парижского предместья Батиньоль, где они собирались в 1860-х годах в мастерской *Фантэн Латура* (1836—1904), в которой главным действующим лицом был *Эдуард Манэ* (1832—1883). Коро любил повторять, что воздух движется и дрожит, что колесо в движении нельзя изображать со всеми спицами, ибо их не видно для глаз. И он уже передавал этот вибрирующий воздух, дрожащие листья. Еще больше заботила эта сторона Милле, в пейзажах которого, особенно в небе, есть все элементы будущего импрессионизма. Наконец, те же элементы мы видим в живописи Ватто. Но больше всего мы их встречаем у Тройона и Добиньи. Некоторые этюды последнего в Metropolitan Museum в Нью-Йорке кажутся типичными импрессионистическими картинами. Даже увлечение Курбе испанцами повторилось: Манэ совершает специальную поездку в Испанию для изучения Веласкеса и Гойи. Однако, все эти элементы получают теперь новое освещение и новое назначение. „Все движется, все вибрирует. Нет смешанных на палитре красок,—в природе каждая краска говорит за себя: кладите их чистыми, несмешанными, пусть глаз зрителя смешивает их сам, как это он делает с цветами натуры. Курбе черен, как сапог, все старое искусство также либо черно, либо желто. Природа не горячая, как картины старых мастеров, в ней вовсе нет „галлерейного тона", она—холодная, ее преобладающие цвета голубой и сиреневый. В природе нет ничего жесткого, отчеканенного, граненого, — в ней все спутано и стушевано воздухом и светом. В природе нет сочиненных композиций, нет никаких построений, нет равновесия и симметрии: в ней все случайно. Задача живописи—не писание картин, а передача кусков природы. Но эти куски природы не должны передаваться фотографично и грубо-натуралистично, а должны проходить сквозь призму художественного темперамента". Эти мысли явились не сразу, а некоторые из них были формулированы значительно позже, но все они давно висели в воздухе и были с жаром подхвачены молодежью 1870-х годов. Кроме барбизонцев, новое течение имело еще нескольких ближайших предшественников, тесно с ними связанных. То были голландец *Йонкинд* (1819—1891), *Станислав Лепин* (1835—1892) и *Эжен Будэн* (1824 — 1898). Не столько внутреннее содержание их искусства, сколько их манера письма оказали некоторое влияние на крупнейших импрессионистов,—общая всем им эскизность и незаконченность и еще более их характерные мазки кисти, дающие впечатление штрихов, крючков и запятых и рассчитанные на передачу вибрирующего воздуха. Гигантская фигура Манэ, равная по сверкающему дарованию быть может одному лишь Милле и, пожалуй, превосходящая двух других великанов XIX в.—Делакруа и Курбе, связана только отчасти с импрессионизмом, хотя Манэ и оказал на историю этого движения решающее влияние. После путешествия в Испанию Манэ пишет серию картин, навеянных испанскими мастерами и испанской жизнью: „Алкоголик" (1860), „Испанский гитарист" (1861), „Странствующий музыкант", „Портрет певца Фора". „Алкоголик"—явное подражание веласкезовскому „Менипп", такое же подражание и „Певец Фор", самой позой повторяющий одного из „шутов" в Прадо. „Гитарист" трактован уже свободнее. Все эти вещи сделаны широко и с таким бешеным мастерством, какого в тогдашних салонах не было. Но все они еще черны по живописи, и только „Мальчик со шпагой" (1861, Metropolitan Museum в Нью-Йорке) написан в светлой гамме, в которой Манэ пишет и дальнейшие свои картины. Знаменательной вехой в истории европейской живописи XIX в. был 1863 г., когда у Надара на B-rd des Italiens Манэ выставил 14 своих картин, в том



Французское искусство.

Клод Монэ (1840—1926). Парижский бульвар.

(Москва, Музей новой западной живописи).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

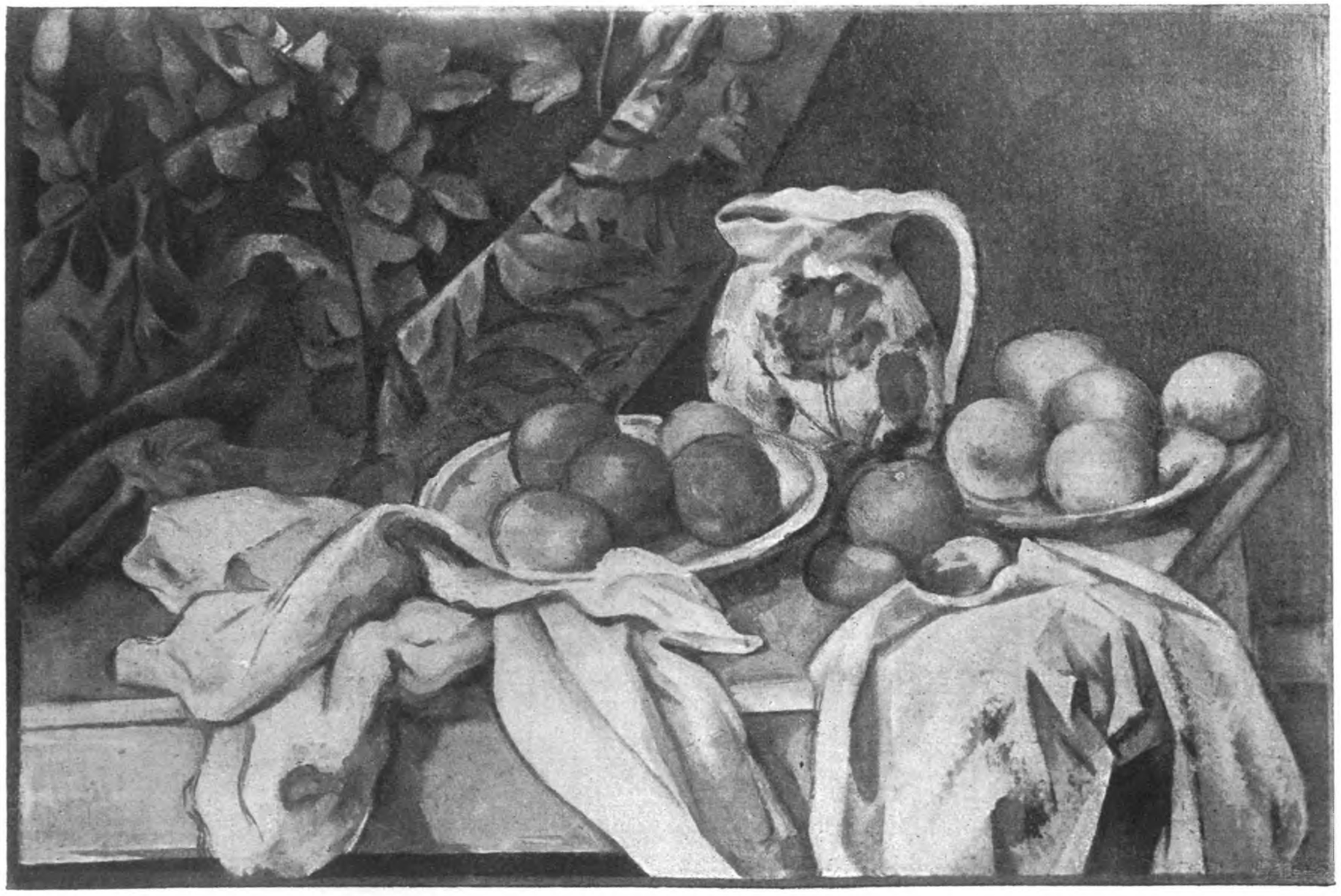
числе знаменитый „Завтрак на воздухе". Манэ, так же, как в свое время Курбе, нужно было бросить в стоячее художественное болото Ф. бомбу, надо было сюжетом и живописью возмутить мещанство,—„épater les bourgeois". Он пишет в лесу общество из двух молодых людей и двух женщин, из которых одна обнажена, а другая полураздета. Все фигуры трактованы плоско, без обычных тогда сильных теней, чем Манэ нарочно подчеркивает разницу между живописью в мастерской и на открытом воздухе, давая „полный свет и воздух",—„plein air". Это слово, тогда же подхваченное критикой и публикой, дало впоследствии кличку группе художников типа *Ролля* (1846—1919), *Лермитта* (1844), *Даньян Бувере* (1852) и множества других, сейчас почти забытых, так как все они были мастерами компромисса и золотой середины. Выставка Манэ произвела неимоверный шум, а перед „Завтраком" всегда стояла толпа, то смеявшаяся, то возмущенно потрясавшая палками и зонтиками, грозя проткнуть этот холст, явно надругавшийся над „французским терпением". Такой же шум и не меньшее возмущение вызвала картина „Олимпия", выставленная Манэ в следующем году. Еще более плоская, не лепленная, подчеркнутая местами резким контуром, она висит сейчас в Лувре, недалеко от Энгра, и глядя на этот холст и на „Завтрак", ставшие почти классическими, с трудом понимаешь тогдашнее возмущение. Большинство картин Манэ 1863—1864 годов уже выдержаны в светлых тонах и сильной, холодной цветовой гамме. Он избегает рельефа не только на воздухе, но и в мастерской, предпочитая ставить свои модели так, чтобы они освещались рассеянным светом, дающим плоское впечатление. Так написана „Олимпия", „Дама с попугаем" (1868), „Стол с розой" (обе последние в Metropolitan Museum в Нью-Йорке), „Балкон" (Люксембургский музей), „Человек с бокалом пива", „Folies-Bergère" и ряд вещей на воздухе. Манэ прежде всего живописец в том смысле, в каком был им Веласкес. Главный застрельщик нового художественного течения, он не был проповедником, в роде Курбе, и еще меньше доктринером. Он просто безудержно писал все, что придется,—картину, подсказанную потрясшим событием, как большой прекрасный холст „Казнь императора Максимилиана", жанровые сцены, наблюденные в жизни—„В лодке", „Кафе", портреты, пейзажи и nature morte'ы. Каждый из его холстов, за исключением тех, которые он бросил недоконченными и которые были вытащены после его смерти из-за шкафов и диванов,—жемчужина живописи. Впервые за XIX столетие в живописи была найдена некая новая ценность, абсолютно неизвестная старому миру, нечто, невероятно раздвигавшее пределы самой живописи и расширявшее наши горизонты. Но не только потому, что Манэ открыл этот новый мир, до того неведомый, но потому, что это его искусство само по себе является одной из вершин, достигнутых человечеством, он должен быть причислен к самым великим мастерам всей истории живописи. Начатое им движение продолжалось другими, и его дело уже в первые годы его художественной карьеры было подхвачено художниками, у которых вскоре и ему самому пришлось кое-чему поучиться. Из них первым и самым сильным был *Клод Монэ* (1840—1926). Уроженец Гавра, он мальчиком знакомится с жившим и работавшим там Будэном и уже в 1856 г. выставляет в Руане свой первый пейзаж. С 1862 г. Монэ в Париже, где в 1863 г. видит выставку Эдуарда Манэ, открывающую ему глаза. В 1866 г. он пишет свой собственный „Завтрак на воздухе", прекрасную картину (Музей новой западной живописи в Москве), еще черноватую в тенях, но выдержанную в гармоничной цветовой гамме, и „Камиллу"—портрет дамы в рост в зеленом платье, а в 1868 г.—„Завтрак в комнате". С этого времени Монэ всецело отдается пейзажу, поселяется в Аржантейле на Сене и пишет зиму и лето на воздухе. В 1860-х годах в Париже появились первые листы японских цветных гравюр, произведшие сильнейшее впечатление на молодежь, собиравшуюся под водительством Манэ в кафэ Гербэ. Пейзажи Хирошиге, плоские, без рельефа, но удивительно жизненные и наблю-

денные, находчиво и остроумно выхваченные из природы небольшие ее уголки и куски, были для них подлинным откровением. Уже Манэ сумел применить японские приемы в своей „Олимпии“ и ряде других картин. Монэ больше других увлекался японцами и вскоре это увлечение отразилось на его этюдах, таких же „будто бы“ случайных вырезках из природы, на самом же деле долго исканных и хорошо найденных. Родилась новая композиция, основанная на придании случайному некоторой закономерности. В 1874 г. у Надара сплоченные к тому времени молодые друзья устраивают большую выставку, оказавшую решающее влияние на весь ход дальнейшего искусства. Кроме Манэ и Монэ здесь выставили все будущие корифеи школы: *Альфред Сизле* (1839—1899), *Камиль Писсаро* (1830—1903), *Огюст Ренуар* (1841—1920) и *Эдгар Дегаз* (1834—1917). На выставке участвовали еще бельгиец *Стевенс*, американец *Уистлер* и менее знаменитые члены кружка, *Легро* (1837—1911), *Базилль* (1841—1870) и *Дебутэн* (1822—1902). В числе выставленных была картина Клода Монэ, названная им в каталоге: *„Впечатление. Восход солнца.“* На небольшом холсте была написана вода, силуэты дальних зданий города и кораблей, на первом плане лодки, качающиеся на воде, на горизонте—солнце, отражающееся в воде. Все это было набросано широкими беспорядочными мазками, в светло голубой гамме. Словечко „впечатление“—„impression“—было подхвачено юмористом из „Charivari“, окрестившим участников выставки кличкой „импрессионисты“, с тех пор присвоенной всей школе. Клод Монэ сразу превращается во второго ее полководца, и сам Манэ не избегает его влияния: только теперь появляются в живописи последнего, главным образом в пейзажах, лиловые и бирюзовые краски, которыми давно уже писал Монэ. С 1890 года он начинает писать серии картин-впечатлений на один и тот-же мотив, в котором меняется только время дня и освещение. Идя дальше всех в направлении утверждения новой веры, он интересуется не мотивом предметным, а лишь мотивом света и цвета, передавая бесконечное разнообразие цветовых оттенков, мимолетных и изменчивых, „fugitif et changeant“. Так появляется в 1891 г. его первая серия „Стога сена“—2 стога, переписанные им при самых разнообразных освещениях. Следующей серией был „Руанский собор“, за ним следовали „Тополя“, „Утро на Сене“, „Нимфеи на пруду“, „Темза“, „Эффекты воды“ и „Венеция“. Свои серии он писал обычно по несколько лет, выставляя сразу у Дюран-Рюэля на улице Лафит по несколько десятков холстов, в большинстве случаев одного и того же размера—1 метр на 65 сант. Манэ—зачинатель и вдохновитель школы, но его искусство лежит несколько в иной плоскости, и Теодор Дюре, свидетель рождения всего направления и его истории, друг Манэ и Монэ, в своей истории импрессионизма не считает возможным дать ему место и истинным отцом импрессионизма называет Клода Монэ. Действительно, в искусстве Клода Монэ нашли свое наиболее яркое выражение идеалы и чаяния поколения, взволнованного феерическим явлением Эдуарда Манэ. У Манэ, как и Курбе, не было прямых последователей, у Монэ их было много. Манэ остался без продолжателей, и его искусство одиноко. Крупнейшие импрессионисты, современники Манэ и участники первых групповых выставок, находились уже под определенным воздействием идей Монэ, а не под влиянием Манэ. Таков его ближайший друг Сизле, мастер крупный, не ставший великим только потому, что его заслоняла фигура Монэ, но отнюдь не подражатель и не эпигон его. Таков и Писсаро, менее даровитый, но сохранивший индивидуальность, несмотря на сильнейшую зависимость от Монэ. То, что было сделано Монэ в пейзаже, применил к человеку Ренуар, мастер необычайного очарования, самый французский из всех, несмотря на весь модернизм конца XIX в. все еще плоть от плоти лучших французских художников XVIII в. С одним из них, Ватто, он имеет особенно много родства, не в сюжетах, столь различных, а скорее в живописи, грации, в нежности, с какой он подходит к женщине. Он мастер скользящих взглядов, убегающих про-

филей, зарождающихся улыбок. Никто ни до него, ни после не умел передавать этого ренуаровского неопределенного, нефиксированного рассеянного взгляда, мимолетного, преходящего, изменчивого. Но он и изумительный живописец, совершенно своеобразный и острый. Его дружба с Монэ началась уже с 1862 г. В 1868 г. он выставляет картину, и тогда уже замеченную, теперь же признаваемую одной из главных вех школы,—портрет дамы, идущей на солнце под зонтиком, на фоне леса, в белом с розовым платье,—названный им „Lise". На выставке у Надара у него уже 5 картин и 1 пастель, в том числе „Танцовщица" и „Ложа",—лучшее создание мастера. Ренуар писал сложные групповые портреты, из которых лучший „Г-жа Шарпантье с дочерьми", в Metropolitan Museum. Он много писал и на воздухе, с особой любовью передавая игру солнечных пятен на одежде и теле. Из таких картин особенно замечательна „Moulin de la galette", изображающая танцующие пары в саду (1877). Менее тесно связан с импрессионистами Дегаз, фанатический поклонник Энгра—как это ни странно звучит,—которому он остался верен до гроба. Начав с тонко выписанных, деликатных по живописи картин жанрового характера, близких по подходу к картинам *де Нитиса* (1846—1884), но бесконечно их превосходящих по художественной ценности, он позднее весь отдался стихии *движения*, не того, которого добивались романтики, не четкого, ясно видимого и фиксируемого глазом движения, а движения нового, чисто импрессионистического, движения, едва поддающегося улавливанию. Это опять одна из сторон формулы „мимолетность, изменчивость", но примененная не к цвету и психологии человеческого лица, а к динамике фигуры, к психологии движения человека и животного. Дегаз всю жизнь отдает на изучение и передачу движения танцующей балерины и гарцующей лошади. И опять перед нами мастер, давший нечто, до сих пор небывалое, и давший его так, как не давал никто, кроме него, ни раньше, ни позже. Очень полное представление о его искусстве во всех родах живописи и во все периоды дают Московские Музеи новой западной живописи, где есть и лучшие экземпляры серии скачек и лучшие картины из жизни балетных танцовщиц раннего и позднего периода. В обоих музеях собраны вообще одни из лучших картин школы импрессионизма, с полнотой, которой нет ни в Париже, ни в Нью-Йорке. Кроме этих больших мастеров, есть несколько десятков художников, шедших и продолжающих итти той же дорогой, но ни один из них не поднялся даже отдаленно до уровня этих. Среди импрессионистов „первого призыва" сильнее других *Берта Моризо* (1841—1895), автор неплохого портрета „Дамы в бальном платье" Люксембургского музея, и *Ева Гонзалес* (1849—1883), которую Манэ обессмертил своим портретом в рост перед мольбертом, ученица Дегаза,—американка *Мэри Кессэт* (1845—1926) и *Арман Гильомэн* (род. 1841). Искусство импрессионистов было слишком неприемлемо для публики и долгое время имело успех лишь в узких кругах художников и любителей, но уже рано явились художники, взявшие у импрессионизма то, что было более доступно, и сумевшие преподнести его, в значительно обесцвеченном виде, широким кругам. К таким компромиссным художникам относятся: *Бастьен-Лепаж* (1848—1884), автор хорошей картины Московского Музея изящных искусств „Деревенская любовь", *Альбер Бенар* (род. 1849), написавший некогда удачный „Автопортрет с семьею", портрет актрисы Режан и еще десятки других вещей, но бросивший позже на рынок множество вещей дешевых и пошлых, *Казэн* (1841—1901), художник сумрачных пейзажей „с настроением", когда-то очень ценимых, *Шаплэн* (1825—1891), художник полураздетых хорошеньких женщин, *Рафаэлли* (1850—1923), полурисовальщик-полуживописец, штрихующий кистью, даровитый наблюдатель жизни парижских предместий, и *Форен* (род. 1852), примыкающий к Дегазу. Из художников старшего поколения, не примкнувших к импрессионизму, но отразивших в своих картинах некоторые его стороны, можно причислить *Зиема* (1821—1911), автора ярких „Венеций", и отчасти даже *Фро-*

мантэна (1820—1876), художника красочных гамм.

В 1886 г. на последней выставке группы импрессионистов участвовали следующие художники: Мари Бракмон, Мэри Кессэт, Дегаз, Форэн, Гоген Гильомен, Берта Моризо, Камиль Писсаро, Люсьен Писсаро, Одилон Редон, Руар, Шуффенекер, Сера, Синьяк, Тилло, Виньон и Зандоменега. Помимо нескольких второстепенных дарований, не заслуживающих внимания, в этом списке есть три имени, вскоре возглавившие три новых течения—Сера, Гоген и Редон. *Жорж Сера* (1859—1891) выставил здесь картину „Воскресенье в Grande Jatte", бывшую не совсем обычной и выделявшуюся даже здесь, на этом сборище необычных вещей. Все цвета живописи были разложены на составные части,—чистый голубой лежал рядом с чистым желтым, оранжевый с лиловым, красный с зеленым. Ближе всего к этой картине подходили холсты старика Камилла Писсаро, несколько изменившего манеру в сторону большей цельности и яркости красок, молодого *Люсьена Писсаро* и *Поля Синьяка* (род. 1863 г.). Вскоре после выставки к последним трем—ибо Писсаро никогда не сливался с ними — примкнуло еще несколько человек: *Кросс* (1856 — 1910), *Пилье*, *Люс* (род. 1863 г.), *Птижан*, *Тео Ван Риссельберг* (род. 1862 г.), *Анри Ван де Вельде* (род. 1863 г.), образовавшие с этого времени группу *нео-импрессионистов*—название, данное им критикой и ими принятое, хотя вначале они называли себя *хромолюминаристами*. Главный стержень группы — „дивизионизм", разделение цветов с целью достижения большей яркости и чистоты живописи. Нечто подобное было уже и ранее в пейзажах Клода Монэ и особенно Писсаро, писавших „запятыми" — тонкими, длинными мазочками, дававшими вибрацию воздуха и света, но те не возводили этого приема в систему, теперь же на нем строилась новая эстетика. К этой основной группе еще позднее присоединились: *Морис Дени* (род. 1870 г.), *Руссель* (род. 1867 г.), *Вюйар* (род. 1869 г.), *Боннар* (род. 1867 г.), *Герен* (род. 1874 г.), *Валлотон* (род. 1865 г.), хотя ни один из них уже не был дивизионистом. В противоположность импрессионистам, неоимпрессионисты вернулись к композиции; отказавшись от искания случайных вырезок природы, они снова начали компановать, комбинировать и строить и на этом пути вновь пришли к старому историческому пейзажу, особенно сильно сказывающемуся у Мориса Дени. Совсем иной смысл имела реакция против импрессионизма, связанная с именем *Гогена* (1848 — 1903). В его искусстве также сказалась тоска по композиции, по „картине", совершенно вытесненной „этюдом", но еще больше сказался протест против вечной вибрации, беспокойной, нервной, утомляющей живописи импрессионистов, дивизионистов и особенно выросших из последних „точечников"—*пуантиллистов*, остававшихся, несмотря на свой модный наряд, самыми добродетельными и нудными академиками, как мы видим на примере *Анри Мартэна* (род. 1860 г.). „Назад к смешанным краскам, вперед к новому синтезу красок и композиции",—этим лозунгом отмечен новый, последний значительный этап в эволюции французской живописи. В нем много ответвлений и оттенков, которым отвечают соответствующие „измы", но основной смысл остается один: от фотографирования природы к ее свободной трактовке. Все эти уголки природы начали казаться новому поколению смахивающими на моментальные фотографии, тающие в свете и воздухе краски—слишком смазанными, формы—пухлыми. Хотелось большей твердости и даже жесткости. Когда в одной маленькой парижской картинной лавке появились картины голландского выходца *Ван Гога* (1853—1890), передовая молодежь набросилась на них, как на долго жданную манну искусства. Вышедший, как и Гоген, из импрессионизма, Ван Гог, подобно ему, порвал с этим направлением, как с искусством впечатления, сохранив те из его приемов, которые облегчали поставленную им себе новую задачу—передачу острых ощущений, сильных переживаний, неожиданных сопоставлений. Ему мало только изображать, он хочет и выражать. Был еще один художник, искатель острых ощущений, *Тулуз-Лотрек*



Французское искусство.

Поль Сезан (1839—1906). Нотюр-морт.

(Москва, Музей новой западной живописи).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ „ГРАНАТ".

(1864—1901), но он больше рисовальщик, чем живописец. Еще одним явлением, вышедшим из импрессионизма, но значительно более крупным, чем искусство Гогена и Ван Гога, ознаменована последняя четверть XIX в. и начало XX в.—расцветом живописи *Поля Сезана* (1839—1906). Он вышел из старых мастеров и Курбе, что так резко бросается в глаза, когда стоишь перед черными ранними картинами художника, такими, как „Похищение". Знакомство с Писсаро и работа с этим художником в 1873 г. сразу приводит его к импрессионизму, а последний к его собственному стилю, и когда на знаменитой Надаровской выставке 1874 г. он выставляет картину „Дом повешенного", в ней сказывается уже весь будущий Сезан. Здесь налицо все элементы сезановского стиля: четкость масс, крепость построения и страстная любовь к цвету. Коро и барбизонцы нежно любили природу; Монэ и импрессионисты любили не столько природу, сколько ее восхитительные красочные переливы; Сезан обожал самую живопись, обожал беззаветно, как никто после Шардена. Вне живописи, вне цветовых отношений для него не было искусства. „Нет линии, нет лепки, есть только сопоставления. Эти сопоставления вовсе не состоят в противоположении белого и черного, а в цветовой чувствительности. Верно взятое цветовое соотношение дает ту же лепку, но не скульптурную, а чисто живописную. Когда цвета найдены, верно и гармонично наложены, все само собою начинает лепиться. Рисунок и цвет совсем не разъединены: хорошо найденный цвет и есть рисунок". Эти и сотни других афоризмов Сезана передавались в 1890-х годах из уст в уста представителями молодого искусства, для которых он был таким же кумиром, какими были некогда Курбе и Манэ. Таких кусков живописи, какие дал Сезан, также не знало человечество до него, как не знало оно искусства Шардена, Манэ и Монэ до их появления. Для достижения этой одной цели своей живописи Сезан пожертвовал всем остальным, — оттого так неприемлем он до сих пор для широких кругов, и оттого так долго не могли примириться с ним многие даровитые художники. Область, в которой ему легче всего было экспериментировать — nature morte, и nature morte'ы лучшее из всего, им созданного. Портреты, за исключением немногих (Гюстава Жоффруа, нескольких автопортретов и портретов жены), гораздо слабее, так как одной живописи для портрета мало. Зато пейзаж дал Сезану такой же материал, как и мертвая натура, и многие сезановские пейзажи с успехом спорят с пейзажами Клода Монэ по своему абсолютному удельному весу, хотя оба художника и являются антиподами. Кроме живописи, в картинах Сезана есть сторона, давшая жизнь целому ряду новых и новейших „измов". Углубляясь в живопись, он, естественно, подобно многим великим поэтам цвета, до Тициана и Тинторетто их последних периодов включительно, пренебрегал формой. Этому значительно способствовала мозаичность его красочной кладки, так как Сезан считал, что писать с натуры надо примерно так, как ткут ковер,—кладя один цветовой оттенок рядом с другим, пока ковер-картина не будет закончена. Эти невольные „сдвиги" пятен, а вместе с ними и форм были приняты школой, всегда более роялистской, чем король, как некий новооткрытый закон и лозунг для нового „изма", которым на этот раз оказался *„кубизм"*. От частичных сдвигов был один шаг до общего сдвига всех частей предмета, всех членов человеческого тела. В противовес „впечатлению" импрессионистов выдвигается проблема изображения не кажущегося, а действительного, что приводит к изображению одновременно всех сторон предмета, как бы развернутого на плоскости. Создателем кубизма является *Пабло Пикассо* (род. 1881 г.), хотя и испанец по происхождению, но вросший глубоко в художественную жизнь Парижа и связанный с нею еще теснее, чем в свое время голландец Ван Гог. За ним пошла целая группа молодых художников, среди которых даровитее других: *Дерэн, Браж, Вламэнк, Фриэз, Андрэ Лот, Глэз, Люк-Альбер Моро*. Из кубизма вырос в дальнейшем *„конструктивизм"*, а кос-

венно—итальянский *„футуризм“* и немецкий *„экспрессионизм“*. Сам Пикассо после 1919 г. стал отходить от созданных им теорий, круто повернув назад, ни больше, ни меньше, как к Энгру, но этот поворот на 180° породил только немощные, сладкие, плохо рисованные и писанные портреты и фигуры, бесконечно уступающие его ранним сценам из жизни парижских кафэ, навеянным Тулуз-Лотреком. Одновременно с Пикассо, на рубеже XIX и XX в., выступил еще один художник, заставивший о себе много говорить, *Анри Матисс* (род. 1869 г.). Начав, как и все поколение, с импрессионизма и придя к Сезану, он, постепенно упрощая форму в направлении ее монументализации, понемногу свел свою живопись к почти плакатному письму. Резко прочерченный черной краской контур он расцвечивает яркими красками, эквилибрируя между реальным впечатлением и чисто декоративным, почти орнаментальным заданием. После 1919 г. у него, однако, вновь появляется светотень и лепка, и он становится опять реалистом, каким был вначале. Из других художников-реалистов, прошедших через импрессионизм, выделяются: *Маркэ* (род. 1875 г.), *Дюнуайе де Сегонзак* (род. 1884 г.), *Жан Пюи* (род. 1876 г.), *Ле Фоконье* (род. 1881 г.). Еще один художник, участвовавший на последней выставке импрессионистов в 1886 г., *Одилон Редон* (1840—1916), оказался вдохновителем течения, имеющего значительное число приверженцев. Его истинных истоков надо искать в искусстве *Гюстава Моро* (1826—1898), странного запоздалого романтика и фантаста, мало даровитого, но чрезвычайно изобретательного, создавшего целый музей из своих произведений. Другими его предтечами были французские рисовальщики, литографы и декораторы 1860-х годов. Модернизовав их приемы, Редон выработал себе своеобразный стиль, не слишком, однако, высокого порядка, с сильной дозой диллетантизма. Вокруг него образовалась небольшая группа почитателей, пытавшихся поднять Редона на пьедестал, что, однако, не вполне удалось. Той-же группе удалось создать такой пьедестал для другого диллетанта—*Анри Руссо* (1844—1910), одной из самых странных фигур новейшего французского искусства, никогда ничему не учившегося, беспомощного и косноязычного, но временами умеющего производить впечатление, которое не под силу хорошо муштрованному художнику-профессионалу. Непомерно возвеличенный, он под конец сам поверил в свое исключительное назначение и гений, что сразу отразилось на его полурисованных, полураскрашенных картинках-лубках, утративших единственную свою ценность—непосредственность, доходящую до комической бесхитростности. Необъяснимая ирония судьбы: Ф., хранившая на протяжении всей своей истории нерушимо великое мастерство в искусстве, владевшая им в XVIII и XIX веках так, как ни одна страна в мире, в XX веке его неожиданно теряет. Последним ее мастером был Сезан, на смену ему не пришел никто; современный Париж являет картину полного художественного запустения и не видно, чтобы в рядах его художников всех толков и цветов вновь накапливалась энергия, способная выдвинуть нового гиганта.

Литература: *H. Guédy.* „Dictionaire d'architecture“. P. 1902. *L. Magne.* „L'Architecture française du siècle“. P. 1890. *K. Gurlitt.* „Die Baukunst Frankreichs“. Dresden, 1896. *Élie Faure.* „Histoire de l'art. L'art médiéval“. P. 1912. *L. Gouse.* „La sculpture française depuis le XIV-e siècle“. P. 1895. *K. E. Schmidt.* „Französische Skulptur und Architectur des XIX Jahr.“. Leipzig, 1904. *H. Bouchot.* „Les primitifs français“. Das Bild. „Herausg. von Wilhelm Hausenstein. Tafelmalerei der alten Franzosen“. München, 1923. *P. Manz.* „La peinture française du IX-e siecle à la fin du XVI-e siècle“. P. 1897. „Handbuch der Kunstwissenschaft“, gegründet von Prof. D-r Fritz Burger. Heft 1—2. Skulptur und Malerei in Frankreich von XV bis zum XVI Jahrh. von D-r Artur Weise. B. 1917. *Jacques Baschet.* „Les grands maîtres français“. P. 1910. *L. de Laborde.* „La Renaissance à la Cour de France“. *E. Münz.* „La Renaissance en Italie et en France à l'époque de Charles VIII“. *Lemonier.* „L'Art français au temps de Richelieu et de Mazarin“. P. 1893. *Olivier Merson.* „La peinture française au XVII-e et XVIII-e siècles“. P. 1901. *E. et J. de Goncourt.* „L'Art du XVIII-e siécle“. *Henry Marcel.* „La peinture au XIX-e siècle“. *F. Benoit.* „L'Art français sous la Révolution et l'Empire“. *L. Rosenthal.* „La peinture romantique“. P. 1900. *G. Lanoé et T. Brice.* „Histoire de l'ecole française de paysage“ (depuis le Poussin jusqu'à Millet). P. 1901. *Louis Hourtique.* „De Poussin à Watteau“. P. 1921. *J. Baschet.* „La peinture française au XIX-e siècle“. P. 1908. *F. Benoit.* „Histoire du paysage en France“. P. 1908. *Th. Duret.* „Les peintres Impressionistes“. P. 1906. *C. Mauclair.* „L'Impressionisme“. P. 1904. *A. Tomson.* „J. F. Millet and the Barbizon School.“ London, 1905. *Maurice Denis.* „Théories 1890—1910. Du Symbolisme et de Gauguin vers un nouvel ordre classique“. *Maurice Denis.* „Nouvelles Théories sur l'Art moderne, sur l'Art sacré“. 1914—1921. P. 1922.

Игорь Грабарь.

Французская музыка. Древние историки почти ничего не передают нам о музыке галлов, кельтов и франков, немногими штрихами характеризуют ее, как очень дикую, и самые народы, как мало „музыкальные“ с точки зрения тогдашнего эллино-римского звукосозерцания. Последующее колоссальное развитие муз. искусства именно на национальной почве франкских, кельтических и галльских и славянских племен показало, насколько опрометчиво было такое суждение. Тем не менее судить о подлинном типе народных песен кельто-галльских племен в те отдаленные времена нельзя, ибо сохранившиеся до нашего времени напевы вряд-ли избегли неминуемого изменения под влиянием изустной передачи в течение веков и при условии постоянных внешних музыкальных влияний. Доверяться современному облику quasi-древних напевов приходится с большой опаской. Тем не менее можно с некоторой долей вероятия сказать, что древнейшие галло-кельтские напевы были создаваемы в примитивных *пятиступенных* ходах без полутонов (т. н. шотландская гамма), и эта пятиступенность сохранилась и до сих пор в некоторых бретонских песнях. Более устойчивой и типичной для галло-романской песни явилась склонность к легкой и четкой ритмике, скоро вытеснившей доисторическую протяжность и соответствовавшей легкому и подвижному национальному характеру. Основные типы народного инструментария Ф. общи, с немногими вариантами, и всей Европе, не исключая Великобритании и даже России. Установить точное происхождение их редко возможно, чаще всего они являются в Европу уже готовыми из других более древних культур (арфа, лютня), реже возникают в среде европейских, еще варварских племен (лира, волынка). В настоящее время почти ни один из древних типов не сохранился в народной практике.

На образование музыкального (как и общекультурного) профиля французской нации имела очень большое влияние инфильтрация романо-итальянского элемента, обладавшего, видимо, и большими музыкальными способностями и наследием эллино-римской культуры. К VII веку Ф. уже явно находится в струе романской культуры.

Первые века этого романского влияния музыка находится всецело в сфере влияния *католичества*. Признанная необходимой частью церковного ритуала, музыка энергично развивается в направлении культовом. В эту раннюю эпоху церковно-музыкального развития Ф. принадлежит уже выдающаяся роль. Первоначально смешанного, греко-византийского и даже гебраистического происхождения, церковные напевы, нарочито примитивные и строгие, очень быстро изменяются в сфере романских условий, несмотря на крепкие традиции церковности. В VIII, повидимому, веке мы уже имеем во Ф. (как и во всем католическом мире) существование примитивного церковного многоголосия (organum), которое, по некоторым данным, само по себе *кельтического* происхождения и возникло на севере Ф., где ряд народных инструментов самым устройством своим способствовал проявлению многоголосия. Монах *Гукбальд* из Сент-Аманда во Фландрии (840—930) был первым теоретиком органума и знаменит установлением строгих законов последнего. Этому же Гукбальду музыка обязана одним из наиболее серьезных зачатков настоящего *нотного письма* при помощи линеек с поставленными на них значками, выражавшими направление мелодических ходов. К числу важнейших деятелей французской музыки и музыки вообще надо отнести *Гвидо д'Ареццо*, родившегося в окр. Парижа ок. 995г. и воспитывавшегося там же в монастыре St. Maur des Fossés. Он усовершенствовал нотное письмо, окончательно установив линейную систему. Ему же, повидимому, принадлежит изобретение названий звуков [ut, re, mi, fa, sol, la (si)] и уничтожение крайностей параллельного „organum'a“ Гукбальда.

Постепенное развитие organum'a привело к необходимости различения в записи *длительностей* звуков. Эта важнейшая реформа или изобретение, благодаря которому только и стала возможной вся последующая музыка с ее пышным развитием и сложностью, тоже обязана своим происхождением французскому гению. В XII веке *Леоник* и *Перотин* музыканты собора Notre Dame в Париже, изобретают мензуральные ноты с означением их временной емкости и полагают основание *школе мензуралистов* (старофранцузская школа). Мензуралисты создали своеобразную теорию длительностей, которая достигла наибольшего развития в конце XII века при *Франконе Парижском* и в начале XIII века при *Франконе Кельнском*. На развитие музыкального сознания много повлиял и живший в Париже англичанин *Гарландия* (XII век), один из первых признавший терцию консонансом. Любопытно отметить, что все эти крупнейшие нововведения, связанные с потописанием и потому с установлением наибольшей *сознательности* и четкости в области музыки,—развились под воздействием всегда точного и рационального французского гения. К XIII веку тут выковалось основное звукосозерцание т. н. *строгого стиля*, благодаря трудам и работам *Иеронима Моравского* и *Филиппа де Витри*—французов по происхождению и культуре. В это время строгий стиль был огромным шагом вперед, и его основатели были *новаторы* чрезвычайной смелости. Почти все элементы, вошедшие потом в обиход строгого стиля, а также и характерная строго-стильная номенклатура,—имеются у французских мензуралистов: у Перотина есть имитации, у Адама де ла Галь—basso ostinato, непрерывный бас; у мензуралистов же впервые появляются термины *фуга* (обозначавшая ранее канон) и *контрапункт* в современном смысле слова.

Одновременно с мощным развитием церковной музыки во Ф., и народная песня получает новый приступ творчества. Русло ее, в общем, независимо от русла церковности, и скорее церковная музыка поддавалась влиянию народной песни, сдерживаемому лишь традицией и канонами, а не наоборот. Народная песня тем не менее была преследуема из религиозных соображений. Под влиянием спроса со стороны народа на музыку развлекательную, веселую, народная песня жонглеров приобретает бодрящий, бойкий характер, ритмически четкий. Начавшиеся крестовые походы ознакомили рыцарей и искателей приключений с восточными странами, с поэзией арабов, сарацин и способствовали тому, что в песню проник свойственный Востоку эротический элемент. Некоторые из трубадуров, *В. де Пуатье*, *шателен де Куси* (XII век), *король Тибо Наварский*, *Адам де ла Галь*, *Гильом Машо* (XIII век), были образованными музыкантами.

С XIV века центр музыки заметно перемещается на северо-восток Ф., к Нидерландам, что, впрочем, вряд ли препятствует констатированию того факта, что нидерландская музыкальная культура носит на себе типичные французские черты. *Дюфэ*, *Бюкуа* и *Беншуа* были по культуре французами и служили при французском дворе, они же в своих сочинениях много пользовались народными французскими песнями, в не меньшей степени это относится к знаменитому *Жоскену Депре* (XV—XVI век). Французские композиторы нидерландской школы отличаются свойственной последней изощренностью контрапунктического мастерства, у Ж. Депре впервые начинает выступать *гармония*, как самостоятельное эстетическое нечто, изящество и благозвучие отличают его музыку, что уже указывает на начинающийся переход к искусству Возрождения, с его культом звуковой, чувственной красоты. В это время сформировываются во Ф. и зачатки *изобразительности* (программности) в музыке. У *Жаннекена* (XVI век), ученика Ж. Депре, имеются уже чисто программные сочинения. В это время уже ясно наблюдаются два характерных свойства фр. музыки: заимствованное от нидерландцев стремление к сложности и к теоретическому фокусничеству (композиторской виртуозности) и стремление освободиться от церковности—предвестник Возрождения.

Эпоха Возрождения в музыке ознаменовалась двумя фактами: стремлением реставрировать извечную музыкальную *выразительность* и воскрешением *драмы с музыкой* (оперы), в которой думали видеть восстановленную античную трагедию. Реформа шла, как и общая линия культурных завоеваний Возрождения—из Италии, и Ф. явилась тут не более как продолжательницей уже свершившегося. Одновре-

менно с этим и как следствие появляется чисто инструментальная музыка, вызванная к жизни рядом новых форм инструментов (лютня, клавесин, усовершенствованный орган, новые скрипки или виолы). До *Ж. Б.Люлли* (1633—1687) французская опера пробавлялась подражанием итальянцам (*Камбер*, опера которого „La pastorale" была поставлена в 1559 г.). Люлли делается действительным создателем французской национальной оперы, и что особенно важно, он в своих композициях проводит типично *декламативный* взгляд на оперу, столь характерный для французов, для которых слово никогда не было менее важным, чем звук. Люлли стремился к возможно *большему соответствию текста и музыки* и ему удалось достигнуть чрезвычайно естественной и типично французской акцентуации. Он являлся одновременно и балетным и оркестровым композитором, родоначальником т. н. „французских увертюр" (оркестровая сюита). Гегемония Ф. в мировой политике в это время делала Париж мировой столицей и заставляла всех выдающихся композиторов сюда стремиться для приобретения мировой славы. Начиная с этого времени понятие „французской музыки" делается несколько спутанным и его приходится более осторожно применять либо к композиторам французского происхождения, либо к иностранцам, прочно осевшим во Ф. (Глюк, Мейербер). Эта эпоха (Людовиков XIV, XV, XVI) при своем пышном расцвете двора и аристократии очень способствовала процветанию *оперы* и *инструментальной музыки*. Требования высшего класса, явившегося потребителем музыки, и общий тип французского музыкального гения требовал от музыки главным образом изящества, приятности и отсутствия сколько-нибудь сильных, недисциплинированных хорошим „вкусом" проявлений. Оттого в это время развивается салонное направление, неглубокое, но элегантное искусство, которое с легкой руки авторитетной в католическом мире Ф. разносится по всем феодальным дворам Европы. *Фр. Куперен* (1696—1733) прославился своими фортепианными сочинениями, написанными в характерной манере со множеством украшений (наследие лютневой техники). *Рамо* (1683 — 1764) явился одним из наиболее национальных и значительных композиторов Ф. Он интересен и тем, что положил *начало учению о современной ему гармонии*, поддержав тем национальную теоретическую славу французских музыкантов. Типично французские качества—тонкий, умеренный вкус и неизменное изящество проявились с большей отчетливостью в его операх, которых он написал 22, и которые хотя уже сошли с репертуара, но музыкально остались свежи и до сих пор, как и его многочисленные клавесинные композиции. Рамо в опере продолжил линию Люлли, сводящуюся к декламативной натуралистике, к стремлению точно интонировать в мелосе французскую стиховую дикцию.

Чрезвычайно приподнятый и ходульный, не натуральный и сентиментальный, с другой стороны, впадавший постоянно в звуковую виртуозность, стиль итальянской „opera seria" никак не удовлетворял национальному музыкальному и драматическому чувству французов, которые были всегда склонны к естественности, к простоте, к малой по возможности аффектации, не любили слишком больших и надрывающих душу эмоций в искусстве, всегда были на стороне умеренности и „вкуса". Эти качества национального сознания, еще усугубленные их культурой при дворе (специальная культура вкуса и умеренности в чувствах), находили подкрепление в самом *языке*, неприспособленном к аффективным выражениям, на подобие итальянского и даже германского. Кроме того, рациональная складка, свойственная французам, всегда заставляла их особенно ценить *слово* с его смыслом и не позволяла ему заслоняться эмоциональным мелосом. Реакция против итальянизма проявилась очень быстро, уже со времени Люлли, но она шла в двух направлениях: в уничтожении эмоциональной крайности и безвкусия итальянцев в рамках „opera seria" и в создании типа „комической оперы",—при чем последняя реакция особенно зрело проявилась именно во Ф., где она очень соответствовала национальным свойствам народа: веселости, остроумию, подвижности. После борьбы „буффонистов" (сторонников комической оперы,—Дидро и Руссо выступали тут особенно рьяно) и „антибуффонистов" (Рамо и Люлли), уже ранее существовавший (с XVII века) живой и остроумный французский „водевиль" с песенками, оживлявшими течение диалога, понемногу обратился в комическую оперу, которая отличалась от „большой оперы" более легким полутанцевальным складом музыки, заменой речитатива декламацией (диалогом) и отсутствием балета, ставшим в большой опере обязательным. (Любопытно, что это разделение отражалось в быту Ф. и до нашего времени и выражается в характерном различии функций театров „Grand opera" и „Opera comique"). Комическая опера очень скоро стала популярной. Знаменитый шахматист *Филидор* (1726—1795), *Монсиньи* (1729—1817) и *Гретри* (1741—1813) явились наиболее крупными авторами комических опер. Оперы Гретри „Ричард Львиное Сердце" и „Синяя борода" даже теперь местами даются на сцене. Стиль этих опер мало отличается от общего стиля музыки, и та „общедоступность", которая отличала их в глазах современников, для нас теперь неуловима. В XIX в. комической опере суждено было преобразоваться в не менее характерную для французского музыкального гения „оперетку".

Кр. Виллибальд Глюк (1714—1787), германизированный славянин по происхождению, но натурализовавшийся в Париже и тут проведший большую часть своей творческой работы—является следующим этапом в деле развития французского оперного стиля. Значение Глюка заключается в том, что он, подобно Люлли, подчеркнул лишний раз исконное французское стремление к преобладанию в опере драмы над музыкой или, в крайнем случае, к равноправию этих элементов. Но только этим и исчерпывается соприкосновение Глюка с французской музыкальной стихией, в остальном он приближается более к типу германского композитора. Свою „реформу" оперы, в сторону подчеркивания в ней элемента драмы, Глюк реализовал сначала в оп. „Орфей" и затем в „Альцесте" (1767). Поставленная в 1774 г. в Париже „Ифигения в Авлиде" вызвала разделение всего музыкального мира на две партии: поклонников итальянизма, куда принадлежал „свет и цвет" интеллигенции (Мармонтель, Лагарп, Даламбер), и поклонников Глюка, куда попали многие серьезные музыканты. Противники Глюка выписали для борьбы с ним итальянца Пиччини, но борьба оказалась не по силам итальянской партии, что, впрочем, объяснялось не столько победой идей Глюка, сколько его большим дарованием в чисто музыкальном смысле. После „Ифигении в Авлиде" в 1779 г. была поставлена „Ифигения в Тавриде", бывшая кульминацией творчества Глюка, могущего быть охарактеризованным, как трагическое в античном смысле этого слова, величественное и простое, полное пафоса и естественности одновременно. На французскую музыку Глюк оказал огромное влияние, но это влияние не ограничилось Ф.: еще в XIX веке отголоски приемов Глюка встречаются в величайших композициях, не исключая таких колоссов музыки, как Моцарт, Бетховен, Спонтини, Вагнер.

После Глюка некоторое время Ф. вынуждена довольствоваться положением „мировой столицы" и более концентрировать в себе мировые силы, нежели рождать их в себе. Среди композиторов этого промежуточного периода, отчасти примыкавших к Гретри и подобно ему культивировавших стиль комической оперы, отчасти же приближавшихся к Глюку—ни один не достиг высокого и тем более мирового ранга. Отчасти этот „отдых" обусловлен разразившейся над Ф. конца XVIII века Великой революцией и последовавшим за ней периодом войн, которые давали мало побудительных поводов к музыкальному творчеству. За это время относительно выдвинулись *Госсек* (1734—1829), *Лесюэр* (1760—1837), *Изуар* (1775—1818) как композиторы опер. Одно время большое влияние на французские музыкальные вкусы имел *Гасп. Спонтини*—итальянец, один из крупнейших оперных композиторов в мире, написавший во время своего пребывания в Париже свою знаменитую оп. „Весталку" (1807) и оп. „Фернанд Кортес" (1809), которые оказали огромное влияние

впоследствии на Мейербера и даже Вагнера. Со времени революции творческий пульс Ф. слабеет почти до середины XIX века, порождая лишь авторов второстепенных, которые тем не менее в истории музыки имели известное значение. *Мегюль* (1763—1817), из многочисленных опер которого „Иосиф" до нашего времени сохранился на европейских сценах, является среди них более яркой фигурой, хотя и лишенной всякой самобытности,—он разрабатывал серьезную оперу, подражая отчасти Глюку, отчасти Спонтини и не свободен от дилетантизма. *Буальдьё* (Boieldieu; 1775—1834), напротив, работал преимущественно в области комической оперы, при чем разделял общий с Мегюлем недостаток техники и налет дилетантизма. Из его опер имела наибольшее значение „Белая дама" (1825), оказавшая сильное влияние на многих композиторов. *Эроль* (1791—1833) работал также в сфере „opéra comique", при чем его кульминационным достижением в этой области является „Цампа", до сих пор еще не сошедшая со сцены. Чрезвычайно плодовитый и значительно превосходивший предыдущих по таланту *Галеви* (Halévy; 1799—1862) вырождает стиль строгий, серьезный и сурово-страстный, изобилующий драматическими моментами, выросший преемственно из стиля Глюка и Спонтини. Его лучшее произведение „Жидовка" не утратила и поныне ни значения, ни действенности, особенно на массу. Менее удачной была экскурсия Галеви в области комической оперы („L'éclair"). Всего им написано до сорока опер, очень неровного достоинства и в итоге не проявляющих достаточной самобытности стилл.

Тем временем ход развития французской комической оперы постепенно приводит ее к новому жанру, *оперетке*. Оперетка, зародившаяся во Ф., была в сущности не чем иным, как крайним выражением принципов и методов комической оперы. Когда серьезная опера, отягощаясь все большей и большей сложностью, все более компактным и насыщенным драматическим содержанием, пришла в середине XIX века к идее вагнеровской музыкальной драмы, ее антипод, комическая опера, развиваясь в диаметрально противоположном направлении, обратилась в злободневную, сатирическую оперетку, существование которой еще подчеркивалось специфическими условиями быта послереволюционной Ф. *Адан* (1803—1856) был первым переходным звеном от комической оперы к оперетке, в таком же направлении работал и более его даровитый *Обер* (1782—1871), который, впрочем, сумел отдать очень крупную дань и серьезной опере („Немая из Портичи", 1828) и даже (в старости) и чисто инструментальной музыке. Своей кристаллизации стиль оперетки достигает в творчестве *Эрве* (1825—1892) и *Оффенбаха* (1819—1880), а позднее *Лекока* (1832—1896), при чем расцвет этой формы связан с реакционными временами реставрации Бурбонов и Наполеона III.

Тот странный пробел, который французская музыка, в сущности со времени Куперена и Рамо, ощущает в области инструментального творчества, в сущности является одним из выражений национального французского стремления к рационализации, „осмыслению" звуков. Оттого опера, „музыка со словом и действием" была французам бесконечно ближе абстрактной инструментальной музыки. Оттого и внезапное и любопытнейшее воскрешение во Ф. инструментализма в лице *Гектора Берлиоза* (1803—1869) является в то же время и воскрешением еще более древних, но тоже типично французских идей об „изобразительной музыке".

Берлиоз представляет собой вообще одну из интереснейших фигур музыкального мира. В нем одновременно ужились оба лика французской нации—романтически-страстный и сухо-рассудочный. Еще более странности приобретает облик Берлиоза, если сообразить, что этот человек с бесспорно гениальными прозрениями, могуче повлиявший на всю последующую музыку до наших дней и в том числе даже на Листа, Вагнера и всех русских композиторов, что он иногда оказывался до странности бессильным именно в интимно-музыкальной сфере, в области мелодии и гармонии. Его бурная фантазия была более живописной, чем музыкальной, и его мелодия часто поражает убогостью. Несомненно, что явление Берлиоза было обусловлено бурным романтизмом литературы в начале XIX века, там же надо искать корня его стремлений к музыкальной изобразительности, к живописанию звуками, выкристаллизовавшимися в результате в идею *программной музыки*. Уже одно то, что эта идея обошла весь мир и покорила величайших композиторов, свидетельствует о гениальности этого человека. Берлиоз сразу вступает на путь новаторства в искусстве, в своих памфлетах-статьях громит академизм и косность, в своих сочинениях фактически диспровергает музыкальные устои. „Фантастическая симфония", его лучшее произведение, появилась уже в 1830 году, и в нем Берлиоз уже во всеоружии своих идей, а равным образом и во всеоружии своего изумительного искусства оркестрового колорита—искусства, которое он в сущности создал и его современном аспекте.

Созданная Берлиозом программная музыка является музыкой, которая должна как бы иллюстрировать звуками некоторый поэтический текст („программу"). Этим она оправдывает свою чисто музыкальную рапсодичность, отрывистость и бесформенность и взамен этого она выигрывает во впечатлительности, которая облегчается действием слова. Берлиоз сам, впрочем, не до конца разрушал чисто музыкальную форму: обычно он сохраняет остов и облик классической формы, но его сочинения, как большая часть типично программной музыки, утомительны и мало понятны без программы, которая уясняет музыку, но и сама музыкой уясняется. Слишком новаторские тенденции Берлиоза и малое развитие в его натуре столь ценимого французами „вкуса" были причиной того, что на родине его не поняли и не признали, но зато он стал вместе с Листом и Вагнером вождем революционной музыкальной мысли во всей остальной Европе. Он создает тип „программной симфонии", к которому относятся помимо упомянутой „Фантастической симфонии" еще „Гарольд в Италии", „Ромео и Юлия", „Траурно-погребальная симфония". Но он не чужд и произведений в непрограммных тонах, при чем у него все время обнаруживается стремление к исключительной грандиозности выполнения, что уже выразилось в его оркестре, доведенном им до колоссальных размеров, и в общем замысле его произведений. Им написаны в этих грандиозных рамках оратории: „Осуждение Фауста", „Детство Христа", „Реквием", четыре оперы („Беатриса и Бенедикт", „Бенвенуто Челлини", „Взятие Трои", „Троянцы в Карфагене"), увертюры „Король Лир", „Римский карнавал". Свои изумительные инструментаторские индукции он пытался изложить в виде трактата об инструментовке, до сих пор имеющего значение.

Смысл и значение Берлиоза для музыки вообще были огромны, но на собственно французскую музыку его влияние стало заметно только позднее и не было непосредственным. Ф. эпохи Берлиоза была слишком во власти тогдашних оперных „властителей дум", чтобы подчиниться столь странному и дикому феномену. Потребовался гений Вагнера, чтобы пробитые Берлиозом в музыке бреши дошли до сознания французских композиторов и принесли плоды.

„Властителем дум" Ф., при чем творившим в более свойственной французам и более привычной им сфере оперы в первой половине XIX века, является *Дж. Мейербер* (1791—1864). Мейербер, который первоначально работал в стиле итальянской школы, но затем, акклиматизировавшись в Париже, изменил свой стиль под впечатлением опер Галеви и Россини. Его заслуга—создание жанра большой оперы с полным „спектаклем", в которой соединились элементы драматического, зрелищного и виртуозного воздействия. Обладавший очень крупным дарованием, огромной техникой и знанием инструментов и голосов, а также эффектов сцены, Мейербер имел всегда одну цель—создание максимума эффекта для зрителей. Его зрителем и потребителем его музыки была уже не аристократическая лощеная „придворная толпа" Глюка, а смешанный „bourgeois" — разбогатевший средний класс, лишенный еще вкуса к изящному и падкий на все грубо-эффектное. В расчете на угоду такому слушателю Мейербер и строил свои оперы, что имело быстрый результат в виде колоссальной

славы, стремительно осиявшей композитора уже после первой его попытки в таком роде: „Роберта Дьявола“ (1831). Отсутствие живого интереса к высшим задачам искусства, вне отношения к „славе“, очень характерны для Мейербера. Те же принципы, но в еще более яркой форме, проводятся им в его последующих операх „Гугеноты“ (1836) и „Пророк“ (1848), которые делают имя автора всемирно известным, а в рядах других композиторов вызывают стремление к подражанию.

Но большой талант Мейербера все же проявлялся в этих созданиях, несмотря на его угодливость „толпе“. Он оживил сцену и музыку новыми, необычайными приемами, он вызвал интерес широкими историческими сюжетами, участием больших масс хора, вообще грандиозностью „зрелища“. На ряду с этими положительными элементами, Мейербер сообщил опере массу дурных сторон: неразборчивость к тексту и к драматической ситуации, приносимой в жертву тому или иному внешнему эффекту, грубые эффекты на сцене, рассчитанные на дурной вкус нового „буржуа“, наконец, нескладность общего целого, сделавшие эти оперы мишенью насмешек более зрелых музыкантов. Но влияние Мейербера было огромно и простиралось даже на его врагов. Сам Вагнер не избег его влияния, не говоря уже о меньших дарованиях.

После Мейербера французская опера вся шла по его следам и не могла отделаться от его влияния даже тогда, когда на смену пришло другое не менее могучее, хотя отдаленное по духу, влияние Вагнера. Внешне примыкал к стилю Мейербера и Галеви,—работавший в середине XIX века *Амбруаз Тома* (1811—1896), талантливый композитор, сумевший с чисто французским вкусом и тактом избегнуть крайностей и нелепостей мейерберизма. Его оперы „Миньон“ и „Гамлет“ получили в Западной Европе широкую популярность. *Шарль Гуно* (1818—1893), автор знаменитой оперы „Фауст“, обладал приятным мелодическим дарованием и не лишен и многих драматических достоинств, к сожалению, часто приносил свои таланты в жертву вкусу толпы. Но новых открытий он не сделал, а по сравнению с операми Мейербера его оперы—скорее шаг назад. Значительно важнее явление *Жорж Бизе* (1838—1875)—композитора первоклассного дарования и большой оригинальности, который местами обнаруживает черты почти гениальности. Бизе является выразителем драматически-страстного, южного типа французского звукосозерцания: его музыка вся—в живом огненном ритме и в изящно-страстной мелодии, он не лишен и глубины. Все лучшие качества его музыки воплощены в его музыке к „Арлезианке“ и в особенности в его опере „Кармен“, до сих пор не сходящей с репертуаров всех сцен Европы. В фактуре своей Бизе близок к Мейерберу, но лишен грандиозности последнего; его сцена—несравненно натуралистичнее и живее мейерберовской. Есть у Бизе и черты общие с Берлиозом (фантазия, страстность, колорит). После Берлиоза, Бизе является во французской музыке наиболее яркой и наиболее национальной фигурой; ранняя смерть, к сожалению, воспрепятствовала полному развитию этого огромного дарования.

Близким к Бизе является *Леон Делиб* (1836—1891), автор очень распространенной оперы „Лакмэ“ и не менее известных балетов „Коппелия“ и „Сильвия“, на долгое время определивших тип и стиль нового балета. Делиб, как композитор уже следующего поколения, обнаруживает на себе некоторые черты влияний германских и даже более новых, импрессионистических. Он примыкает и к Берлиозу приемами своей инструментовки. Более непосредственно близко стоит к Берлиозу *Фелисьен Давид* (1810—1876), который следует даже берлиозовским заветам программной музыки (правда, в сильно смягченном виде) в своих „одах-симфониях“—„Пустыня“ и „Колумб“. Кроме того, им написаны оперы, в которых он не отступает сколько-нибудь от среднего уровня современных ему французских оперных композиторов, и оратория „Моисей“.

Иноземные влияния во Ф. в это время сильно начинают чувствоваться. Их нельзя избежать уже потому, что Париж сохранил свое значение мировой столицы и после всех политических катастроф. Пребывание *Шопена* во Ф., его популярность и успех много повлияли на французскую музыку, но в еще большей степени эти влияния проистекали от мощной фигуры *Вагнера*.

О „вагнеризме“ во Ф. можно говорить только с 60-х годов XIX века. В сущности германский тип звукосозерцания оставался всегда очень далеким от французов, как и основные черты германской музыкальности, сложность, величие, грандиозность, глубина и суровость. Французский дух требовал от музыки все же в первую очередь „amusement“—удовольствия и плохо мирился с трагедией. С величием и грандиозностью он еще мирился в аспекте „пышности и торжественности“, но уже с экстатичностью никак не мог совладать. Оттого влияние Вагнера при всей его интенсивности—было внешним, поверхностным. Французские композиторы подпали обаянию Вагнера, его нового музыкального языка, его свободы и красоты гармоний, но они не могли примириться ни с экстатичностью его, ни с его пафосом, который французам всегда казался, как и все слишком сильные выражения в искусстве—чем то от „дурного вкуса“. Глубины Вагнера французские композиторы не постигли, но переняли ряд его приемов, к чему и свелся первоначально „вагнеризм“ на французской почве. Наиболее ярким вагнеристом и пожалуй наиболее созвучным с великим германским композитором—был бельгиец *Цезарь Франк* (1822—1890), уже по своей культуре несколько более близкий Германии, чем природные французы. Его сочли за „французского Баха“, и действительно этот пламенный поклонник Вагнера был в сущности музыкантом почти германской культуры, привнесшим в нее только вкус и уравновешенность своей расы. Несмотря на чисто вагнеровские приемы хроматизма и гармонии, на отчасти под влиянием Берлиоза развившуюся программность („Психея“, „Джинны“, „Проклятый охотник“), этот большой мастер льнул более всего к массивному контрапунктическому стилю старых немцев. Это влияние впоследствии перетянуло вагнеризм, и в итоге Ц. Франк оказывается ближе к Баху и к Брамсу, культивирует монументальный стиль оратории и органа. Среди кульминационных вершин его творчества находится скрипичная соната и симфония D-dur,—лучшее симфоническое выражение французского гения. Его огромные ораториальные произведения исполнялись очень редко и мало известны, но хранят огромные музыкальные сокровища.

В лице Ц. Франка вагнеризм натолкнулся на наиболее благоприятную почву и дал замечательный результат. В несколько менее благоприятных условиях оказались влияния Вагнера на более чистой французской почве. *Камилл Сен-Санс* (1835—1921) начал свое поприще под сильным впечатлением Вагнера, и его опера „Самсон и Далила“ обнаруживает следы этого влияния и в фактуре и в принципах построения. К „вагнеризированным“ же надо отнести и произведения программного типа—его симфонические картины („Юность Геракла“, „Прялка Омфалы“, „Пляска смерти“). Но вскоре эти влияния оказались очень внешними и под слоем наносного „вагнерианства“ выступили типичные черты *академизма*. Большой мастер формы и техники, обладающий приятной мелодичностью, Сен-Санс до некоторой степени аналогичен Мендельсону в германской музыке. Его сочинения необычайно гладки, очень совершенны, но в них никогда нет ничего необыденного, ничего сильно выдающегося. Академизм Сен-Санса все рос по мере его возраста, и в свой последний период жизни он преимущественно культивировал классические формы симфонии, камерной музыки, концерта для инструментов, мессы и т. д. Его огромное значение и заключается в его академизме, которого так недоставало всем французским композиторам XIX века, в утверждении нужности мастерства и в культе классических инструментальных форм. Французская симфония, начавшаяся с романтических грез Берлиоза, прошедши через охладительные волны умеренного дарования Давида, в лице Сен-Санса успокаивается в академическом совершенстве. Нет сомнения, что в лице Сен-Санса Ф. имеет действительно первого

композитора такого типа, каким привыкла это звание видеть Германия: совершенного мастера дела и формы, с равной любовью культивирующего все роды музыки, без всякого налета дилетантизма. Эти исторически нужные качества музыки Сен-Санса не избавляют его музыку от характеристики чего-то среднего, недостаточно яркого.

Под вагнеровским же влиянием развивался *Шабрие* (1841—1894). Его центральное сочинение—опера „Гвендолина", написанная отчасти в вагнеровских, отчасти в „гуновских" принципах. Напротив, *Массэ* (1842—1912) всецело примыкает к Гуно и в еще большей мере к Бизе и Верди. Доступность и простота музыки, а также уменье использовать сценические и вокальные эффекты сделали Массэ чрезвычайно популярным. Его оперы „Манон" и „Вертер" и др. обошли все сцены мира, но о влиянии на них Вагнера можно лишь говорить постольку, поскольку этот последний несомненно повлиял на Верди.

Максимального напряжения вагнеризм достиг в талантливом *Венсане д'Энди* (род. 1851). Д'Энди первый стал писать, придерживаясь вагнеровских принципов полного хроматизма (омнитональности), лейтмотивов и бесконечной мелодии. В таких принципах написана опера „Ферваль", сходство которой с Вагнером подчеркивается еще и тем, что композитор, подобно Вагнеру, сам писал текст к этому сочинению. Но уже в инструментальных сочинениях Д'Энди оказывается ближе к Листу, а иногда даже к академическому течению. Д'Энди не хватало яркости и теплоты дарования,—качеств, которых он не смог заменить огромной эрудицией, большим умом и тонким вкусом. Крушение вагнеризма, в сущности, имело причиной слишком большое различие германского и французского звукосозерцаний, но оно было ускорено внешними, даже политическими причинами, а именно разгромом Ф. немцами в 1871 году, после чего из патриотизма французы стали тщательно освобождаться от всяких германских влияний. Создалась даже теория противоположности восприятия музыки немцами и французами. На музыкальное творчество, впрочем, все это имело только положительное влияние.

В это время во Ф. зарождается стремление к революционности, к крайнему новаторству в искусстве. Если Вагнер разбил (как тогда казалось) оковы теории и создал свободную гармонию, то французы должны были пойти еще далее и разрушить самые основы, на которых зиждилась музыка и гармония. В противовес академическому направлению, возглавлявшемуся Сен-Сансом и имевшему оплот в консерватории, появились буйные молодые новаторские течения, которые первоначально не выходили из рамок крайнего дилетантизма. В это время во Ф. проникают первые влияния скандинавского „импрессионизма" (Григ), которые тоже провозглашали ниспровержение „законов" музыки и замену их свободным вдохновением. Из дилетантских попыток этого рода надо отметить попытку Эрика Сати (в девяностых годах), который начал писать музыку квартовыми созвучиями—попытку, оставшуюся мало замеченной. Вместе с влиянием Грига проникает и другое влияние, которому суждено было иметь крупное значение—именно влияние *русской музыки*.

Знакомство с русской музыкой, а именно с творчеством „новой русской школы" (Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Балакирев), началось во Ф. еще через Кюи, который сам, будучи членом „русской школы", был полуфранцузом. Но оно достигло большей силы и степени лишь после того, как случайно один из молодых французских музыкантов побывал в России и вынес оттуда более детальное знакомство с творчеством русских композиторов. Французскую молодежь в русской школе привлекали—свобода от академических правил, варварская сила выражения, оригинальность мелодий и гармоний, роскошь красок. Изучение „Бориса Годунова" Мусоргского открыло целый мир и огромные горизонты творчества, которые, соединяясь с влиянием Грига, оплодотворили творчество молодого гениального *Дебюсси* (1862—1918). Уже в своей выпускной работе он заметно выходит из под влияний академизма Сен-Санса и даже вагнеризмов Д'Энди. Характерным для Дебюсси становится освобождение от законов академизма, совершенная свобода в употреблении гармоний и ритмов. Он вводит, отчасти основываясь на примере Мусоргского, целый новый мир созвучий преимущественно из области гаммы целых тонов (увеличенные лады) и из нескольких новых строений, а также из квартовых гармоний, подобных тем, которые ранее употреблял Эрик Сати. В самом мелосе Дебюсси нетрудно уловить черты сходства с Мусоргским, даже с его русскими формами напевов. И в смысле идеала „музыкальной драмы", как принципа вокализации текста, приемы Мусоргского были ближе французу Дебюсси, чем декламация Вагнера. Можно сказать, что влияние вагнеризма было побеждено во Ф. именно путем вытеснения его русским влиянием, оказавшимся несравненно более способным к претворению его в духе французского звукосозерцания. Идеалы музыкальной драмы Дебюсси были воплощены им в его опере „Пелеас и Мелизанда" на текст Метерлинка. Свойственное французскому духу отсутствие резких динамических оттенков нашло здесь себе свое музыкальное воплощение в оригинальной музыкальной речи, диаметрально противоположной вагнеровским принципам. И лейтмотивизм был покинут Дебюсси, мелодия обращена в полудекламационное интонирование. На развитие гения Дебюсси оказала сильнейшее влияние среда, в которой он вращался. Это был замкнутый круг высоко развитых эстетически лиц, поэтов и художников, группировавшихся кругом Малларме. В этом кругу были—Верлен, Бодлер, корифеи тогдашней поэзии символистов и такие же руководители живописного импрессионизма. В этой очень утонченной и изысканной среде Дебюсси получил свои эстетические идеалы. Естественно, что его музыка не могла стать доступной массам. В его музыке разлита поэзия полутонов и сумеречных нюансов. Огромный, всегда стоящий на страже вкус предохраняет композитора от всего резкого, крикливого, от всякого проявления чувств „через меру", но не всегда гарантирует его от длиннот и от бесформенности. Фортепианный стиль Дебюсси преимущественно вырос из шопеновского, но еще более изыскан и утончен, оркестровый же его стиль—высшее выражение чисто звукового колорита, достигнутое музыкой. Как инструментатор, Дебюсси исходит из русского Римского-Корсакова, но достигает большей утонченности колорита. Самый стиль формы композиций Дебюсси—род полупрограммных „картин", живописующих настроение названия. В этом смысле он чистый „импрессионист". Его сфера—небольшие вещи, к симфонической форме он не склонен и тут дает тоже импрессионистические картины, а не форму, скорее сюиту, чем симфонию. Наиболее интересны его симфонические вещи, как „Море", „Iberia", и его фортепианные произведения. Не уступают последним и его романсы (песни), в котор. проявляется характерное для него декламационное обращение к мелодией.

Явление Дебюсси вызвало целую бурю в академических кругах, во облик нового „революционера" был так изящен, что с ним скоро помирились. Его новаторства были всегда не в ссоре со слухом, чего нельзя сказать было про Вагнера в его время. Академическая группа выдвинула с тех пор сравнительно малое количество авторов. Среди них *Габр. Форэ* (род. в 1845 г.) отличается изяществом и красотой стиля—он ближе всего к Сен-Сансу и не чужд стремления к ретроспективности. *Г. Шарпантье* (род. в 1860 г.) явился уже переходом к импрессионистам и в своей опере „Луиза" сторонником того реалистически-импрессионистического направления, которое шло во Ф. из Италии (Масканьи, Пуччини). В таком же промежуточном положении оказался *Поль Дюка* (род. в 1865 г.), заявивший у импрессионистов некоторые обороты новых гармоний, но вобщем несравненно более робкий и держащийся за академический канон. Его опера „Ариадна и Синяя борода" и его скерцо для оркестра „Ученик чародея", написанное остроумно, легко и прекрасно оркестрованное—сделали его имя очень популярным не только во Ф., но и во всей Европе, что не мешает ему быть, в сущности, довольно внешним композитором. Более оригинален и отчасти уже под влиянием Дебюсси стоит *Рожер-Дюкасс*, в стиле которого академические течения и принципы хитро смешиваются с импрессионистски-

*

новаторскими. Как ни оценивать эти явления, как и более второстепенные, в роде *Д. де Северака*, но все они уступают чистой импрессионистической линии, возглавляемой Дебюсси, в яркости и последовательности принципов.

Морис Равель (род. 1875) примыкает к школе Дебюсси, при чем в одних отношениях (гармоническое богатство) он даже идет далее Дебюсси, в других же он как бы приближается к старому руслу музыки. Не менее изумительный и самобытный мастер оркестровки, чем Дебюсси, он все же не может не считаться в числе его подражателей и как оркестратор, и как гармонист, и как фортепианный стилист. Его балет „Дафнис и Хлоя", его „Ma mère l'oie", его фортепианные вещи делают все же его самым крупным композитором после Дебюсси, а ныне, после смерти последнего, и вообще во Ф.

Мировая война многое изменила в музыкальных очертаниях Ф. Влияние русской музыки, выразившееся в творчестве Дебюсси и через него—Равеля и ими же претворенное—успело уже изжить себя. На смену явилось влияние, идущее из Германии—влияние новейшей дистональной музыки, игнорирующей те созвучия, которые ранее считались благозвучными и, как таковые—устоями музыки.

В течение своего существования фр. муз. оказывала влияние на музык. развитие всего мира. Начиная с древнейших времен, когда из Ф. впервые пришло точное обозначение нотами звуков, создавшее всю последующую музыку—фр. муз. была впереди в смысле рационализации, осмысления музык. явлений. „Старофранцузская" школа XII—XIII веков породила всю английскую школу и нидерландскую, представители которой частично сами были французами и в значительной мере жили и служили во Ф. Явление трубадуров, зародившееся на юге Ф., нашло себе подражателей в лице „менестрелей" в Англии и „миннезенгеров" в Германии. Эпоха Возрождения во Ф., обозначенная развитием оперы, немедленно оказала влияние на всю музыку, именно в направлении наибольшей драматизации оперного действия. Инструментализм достиг во Ф. раннего и пышного расцвета и его германское развитие в XVIII веке было, в сущности, явлением эпигоническим. Громадный авторитет Парижа, как мирового центра, был причиной быстрого распространения по миру всех достижений французского музыкального гения. Революция парализовала творчество на некоторое время, погасила непрерывность культуры звука, но немедленно после ее изживания она возобновляется в новых формах. Французская опера оказала, между прочим, сильнейшее влияние на русскую раннюю музыку, которая заимствовала от нее форму оперы-водевиля. Еще определеннее влияние Берлиоза как на всю русскую школу, так и на Листа с Вагнером. Мейербер, сын парижской культуры—долгое время был главным влияющим центром как в России, так и в остальной Европе; под его влиянием развился отчасти ранний Вагнер и в сильной мере—Верди. Под действием дарования Бизе определился оперный стиль Чайковского. Если русская музыка и повлияла на Дебюсси и Равеля, то не менее сильно было немедленное обратное влияние Дебюсси на Скрябина и современного Стравинского. Быть может именно роль Ф. и Парижа, как мирового центра культуры, была косвенной причиной того, что чисто исполнительские силы никогда не достигали во Ф. такого значения, таких размеров, как в остальной Европе. Во всяком случае таких мировых виртуозов, как Лист, Паганини, Рубинштейн—Ф. не знает. *Л. Сабанеев.*

Французская Академия, см. *Институт Франции.*

Французская Гвиана, см. *Гвиана.*

Французская Западная Африка, франц. владения в сев.-зап. Африке, заключает в себе колонии: Сенегал, Верхн. Гвинею, берег Слонов. кости, Дагомею (вместе с восточн. частью бывш. нем. колонии Того), Фр. Судан, Верхн. Вольту, Нигер и Мавританию, общая площадь которых определялась в 1924 г. в 3.589.754 кв. км. (по др. ист. 4.660 т. кв. км.), а население в 12.579.931 чел. По отдельн. колониям распределение было следующее:

Колонии	Пространство кв. км.	Население
Сенегал	192.000	1.266.116
Гвинея	231.700	2.026.321
Берег Слон. кости	316.554	1.301.832
Дагомея	107.000	974.597
Фр. Судан	923.560	2.561.515
Верхн. Вольта	370.000	3.015.388
Мавритания	400.000	284.598
Нигер	1.049.000	1.149.564

О *Сенегале, Гвинее, Дагомее, Мавритании, Фр. Судане* см. соотв. сл., о береге Слон. кости см. *Гвинея.* Колония *Верхн. Вольта* образована по декрету от 1 марта 1919 г. из южн. части Верхн. Сенегала и Нигера, к сев. от Дагомеи, Золотого берега и берега Слоновой кости; администр. центр ее Уагадугу (20.000 ж.). Колония *Нигер* сформирована по декрету от 13 окт. 1922 г., сев. часть ее представляет обширную пустыню, центральная часть лесиста, южная богата лесами и обильна скотом; страна вообще страдает недостатком воды. Центр—г. Циндер. Гл. город Ф. З. А.—г. Дакар, 25.468 жит. (1918).

Французская Индия, состоит из пяти владений, разбросанных по Индостану, общей площадью в 508 кв. км., с населением в 277.516 жит. (1924), из них Пондишери (177.483), Карикале (56.922), Янаон (4.715 ж.)—на вост. берегу, Магэ (11.455 ж.)—на Малабарском побережьи и Чандернагор (26.941 ж.) к сев. от Калькутты, являющихся остатками прежних фр. владений в Индии, завоеванных Великобританией *(см.* IX. 141/44 и XXII, 2). Резиденция губернатора—г. Пондишери *(см.)*. Разводится рис, сахарн. тростник, хлопок, маниок, какао, кофе, земляной орех.

Французская Океания, офиц. назв. франц. владений в Полинезии (о-ва Товарищества, Маркизские, Туамоту, Гамбье). Всего ок. 4.000 кв. км., население около 30.000 ж. Гл. гор. Папеете (на о. Таити). Управляется губернатором и административным советом.

Французская Экваториальная Африка, до 1910 г. носившая название Фр. Конго, занимает юго-восточн. часть француз. колониальных владений в Африке от устьев р. Конго до Ливии и

англо-египетского Судана и от Бельг. Конго до Нигерии, оз. Чад и Тибести. Площадь 2.544.171 кв. км. с населением в 2.845.936 чел. (1921). В администр. отношении Ф. Э. А распадается на колонии Габун (гл. г. Либревилль), Средн. Конго (гл. г. Браззавилль), Убанги-Шари (г. Банги) и терр. Чад, выделенная 17 марта 1920 г. из Убанги-Шари в отд. колонию. Кроме того, теперь включена во Ф. Э. А. как мандатная территория бол. часть (за исключ. сев.-зап. края) бывш. немецк. колонии Камерун (*см.*) с площадью в 433.030 кв. км. и с населением около 1.500.000 чел. Морские берега однообразны, низменны и болотисты и имеют мало гаваней. К востоку берег поднимается несколькими террасами и с сев. на юг через всю область тянутся горные цепи (Аманго), переходящие в возвышенную широкую страну (375—450 м. высоты), с вершинами до 760 м. Здесь лежит водораздел между бассейнами рр. Огове и Конго. Климат по берегу очень нездоровый; много стоячих вод. Большой дождливый период с частыми бурями тянется от февраля до конца апреля, малый с октября до ноября. Растительность отличается тропической роскошью: драконовые деревья, многочисленные пальмы, черное и розовое дерево, каучуковые деревья. Первобытные леса развиты на юге, внутренность занята высокими саваннами (Адамада, Уадай), переходящими в пустыни с оазисами (к оз. Чад и Тибести). Фауна очень разнообразна: леопарды, буйволы, кабаны, бегемоты, крокодилы, слоны; берега верхнего Огове являются родиной гориллы и шимпанзе. Население на юге принадлежит к группе банту (*см.* IV, 324) и карликовым племенам (абонго—первонач. жители страны), севернее живут суданские негры, фульбе, арабы и теда. Лесные жители дики, среди них есть людоеды; оседлые занимаются земледелием, разводят бананы, кукурузу, ячмень, маниок, сахарный тростник и табак. Севернее много кочевников, имеющих большие стада овец и коз. Развитию земледелия мешает большое количество концессий, захвативших в свои руки почти $^1/_3$ страны. Ближе к морю успешно разводится кофе и какао. Вывозится каучук, слоновая кость, красное и железное дерево, копал и пр. Габун был открыт в 1470 г. португальцами, которые завели здесь оживленную торговлю рабами. Франция в 1842 г. обратила внимание на эту страну и основала здесь факторию, после путешествий Брацца продвинулась до р. Конго, а в 1890 г. до озера Чад. В 1911 г., после Агадирского инцидента, Франция уступила значительную площадь Германии (около 260 т. кв. км.), отошедшую к Камеруну. После Версальского договора почти весь Камерун перешел к Франции.

Французский Индо-Китай, вост. часть полуострова Индо-Китая, представляет обширную страну, состоящую из двух старых франц. колоний—Тонкина и Кохинхины и трех туземных королевств—Аннама, Камбоджи и Лаоса, находящихся под франц. протекторатом, но фактически являющихся также франц. колониями. В 1898 г. к Ф. И.-К. отошла от Китая область Гуань-чжоу-фу (Kwang-Tschou-Wan). Границами Ф. И.-К. служат на сев.—Китай, на вост. и ю.—Тонкинский зал. и Южно-Китайское море, на зап.—Сиамский залив и королевство Сиам (гл. обр. по р. Меконгу). Общая площадь Ф. И.-К. равняется 803.055 кв. км., из них на Аннам приходится 159.890, на Камбоджу 175.450, на Кохинхину 56.965, на Тонкин 119.750, на Лаос 290.000 и на Гуань-чжоу-фу 1.000. Поверхность Ф. И.-К. покрыта большею частью горными хребтами (отрогами Гималаев) и невысокими плоскогориями. Главн. горн. хребет—это Аннамские горы, тянущиеся с сев. на юг через весь полуостров. Некоторые вершины достигают до 3.000 метров высоты. По направлению к западу горы понижаются и переходят в плодородные равнины Кохинхины. Низменные области встречаются по долине Меконга и на севере в Тонкине. Климат Ф. И.-К. тропический, но благодаря гористому строению поверхности более сухой, чем в зап. части Индо-Китая, и отличается более резкими переходами от тепла к холоду, особенно на севере. Сред. год. темп. в юж. части (Сайгон) 26,9 Ц. (Сред. темп. самого холодн. мес. января + 25, ср. темп. самого теплого мес. июня + 29,2). Для

сев. половины (Ганой) ср. год. +23,5 Ц., средн. мес. января +15, средн. мес. июня +31,4. Количество осадков (около 2.500 мм. в год) по сравнению с зап. частью Индо-Китая и Сиамом меньше. Дожди выпадают, гл. обр., в период от ноября до апреля, когда господствует сев.-вост. муссон. Реки многочисленны. Главная река Меконг (*см.*). Из других рек наиболее значительны Сонг-Кай, впадающая в Тонкин. залив, и Донаи. *Растительность* Ф.И.-К. вообще очень богата, хотя менее разнообразна, чем растительность зап. половины полуострова, и ближе подходит к флоре восточн. Азии, чем к флоре Индии. За исключением высоких горных вершин и низменных пространств в долинах рек, весь Ф. И.-К. покрыт роскошными лесами пальмовых, фикусовых, дубовых и банановых деревьев. Характерными растениями Ф. И.-К. считаются гуммигутовые (*см.*), к семейству которых принадлежит и знаменитая мангустана. Из других ценных растений в Ф. И.-К. растут дуриан, кустарник тон-рак, смола которого идет на изготовление лака, перец, бананы, чайное дерево, индиго, тутовое дерево, анис и сахарн. тростник. Туземцы разводят также маниоку, бататы, хлебное дерево, ананасы, хлопок, табак и гл. обр. рис. *Фауна* Ф. И.-К. сходна с фауной зап. половины И.-К. и Индии. Характерными животными являются слоны, при чем в Аннаме прирученные слоны служат в качестве вьючных животных. В лесах и в саваннах водятся тапиры, тигры, пантеры, а также и обезьяны. На севере в Тонкине встречаются буйволы, антилопы и носороги. Насел. в 1924 г. определялось приблизительно в 20 млн. чел., в том числе в Кохинхине 4.001.093, в Аннаме 5.171.986, в Камбодже 2.465.581, Тонкине 7.160.113, Лаосе 837.364 и Гуань-чжоу-фу 208.044. Большинство принадлежит к различным индокитайским племенам, которые иногда довольно резко отличаются друг от друга. Наиболее многочисленны аннамиты, камбоджийцы, или хмеры, и китайцы (гл. обр. в сев. половине). Кроме того,—малайцы, сиамцы и пр. Европейцев (гл. обр. французов) в Ф. И.-К. около 30.000 чел., преим. военных. Преобладающая религия—буддизм. Население сконцентрировано, гл. обр., в долинах больших рек и на морском побережьи, в горных областях встречаются местности абсолютно незаселенные. Наиболее крупные города (1924): в Тонкине — Ганой 80.894 жит., с пригород. 150.000, в Аннаме — Гюэ (60.600 жит.), в Камбодже — Пном-Пен (90.080 жит.), в Кохинхине — Сайгон 108.566 (туземн. пригород Холон 233.720 жит.). Население, гл. образом, земледельческое; разводят рис, табак, хлопчатник, кукурузу, чай, сахарн. тростник и т. п.; значительный сбор перца, корицы, кардамона, кокосов и манго. Во многих местностях довольно сильно развито шелководство (главн. центры—Ганой, Бак-Нин, Нам-Динг, Вин и Квинхон). Аннамские горы богаты железом, медью, цинком, сурьмой, вольфрамом и золотом, Тонкин — залежами каменного угля, а также и металлов; в Лаосе встречается золото, олово, свинец и драгоц. камни. Разработка слабая, сильно тормозится вследствие недостатка удобных путей сообщения. В 1924 г. каменн. угля было добыто 1.235.800 тонн и цинковой руды 42.000 тонн. Обрабатывающая промышленность также развита слабо. Внешняя торговля в 1924 г.—ввоз 1.400 млн. фр. (бум.), вывоз — 1.800 млн. фр. 30% торговли приходится на долю Франции. Главн. предм. вывоза—рис (80% всего вывоза); гл. предмет ввоза—хлопчатобум. ткани. Главн. порт Сайгон, связанный регулярн. рейсами с Марселем (пароходы идут 28 суток). Сайгон соединен радио-телеграф. с Лионом. Жел. дор. 2.075 килом. Административное управление сосредоточено в руках генерал-губернатора (резиденция в Ганой), которому подчинены губернаторы Кохинхины и Тонкина. В королевствах Аннаме, Камбодже и Лаосе находятся резиденты, обладающие широкими полномочиями. Весь Ф. И.-К. имеет один общий государств. бюджет (независимо от местных бюджетов отдельн. колоний), сумма которого в 1923 г. достигала 380 млн. фр.

Литература: *E. Reclus*, „Nouvelle géographie universelle“, vol. VIII. *Bernard*, „Indo-Chine“, 1901. *Faque*, „L'Indo-Chine Française“. 1910. *Magnabol*, „L'Indo-Chine Française“. 1910. *Russier, H. et Brennier, H.*, „L'Indo-Chine Francaise“. 1910. *Neton, A.*, „L'Indo-Chine et son avenir économique“. 1903. *Gaillend*, „L'Indo-Chine“, 1922.

Н. Лебедев.

Французский Судан (официально стал так называться согласно декрету фран. прав. 4 дек. 1920 г.), состоит из двух бывших франц. колоний–*Верхнего Сенегала* и *Нигера*. Представляет обширную страну в области рек Нигера, Сенегала и озера Чад с р. Шари (см. *Судан*). Площадь (без Сахары)—923.500 кв. км. (почти в два раза больше Франции). Поверхность представляет большею частью низменные равнины, в центре которых возвышается гористое плоскогорье Гаусса, как бы разделяющее страну на две части и отделяющее бассейн р. Нигера от бассейна озера Чад. Климат тропический, с очень дождливым летом (с июня по октябрь) и сухой зимой, но более влажной, чем египетск. С. Почва сравнительно плодородна. Большая часть страны покрыта лесами (гл. древесные породы — тамаринды, баобабы, пальмы, акации). Из культурн. растений возделывается рис, сорго, хлопок. Из минеральных богатств есть золото, железо, свинец, но залежи этих богатств совершенно не исследованы. Население 2.561.515 чел. (1921), из них французов 1.100 чел., др. иностранцев 227 чел., остальные туземцы, гл. обр. арабы и негры различных племен (мандинги, бамбары, фульбэ, тукулеры и т. д.). В области оз. Чад арабы преобладают. Главнейшие населенные пункты—Бамако (столица) 28.719 ж., Сегу—8.405 ж., Кайес—10.876 ж., Тимбукту — 7.000 ж. и Сикассо — 7.000 ж. Занятие большинства жителей земледелие и охота. От Дакара (порт на Атлант. о.) до города Куликоро на Нигере существует жел. дорога, соединяющая Кайес и Бамако. От Куликоро до Тимбукту по Нигеру ходят пароходы.

Из Ф. С. вывозится в небольшом количестве каучук, хлопок, земляной орех, гумми-арабик, шерсть (сумма экспорта в 1923 г. — 4.157.000 франков золотом). Ввозятся, гл. обр., хлопчатобум. материи, металл. изделия и мука (сумма ввоза в 1923 г.—31.050.000 бум. фр.). Радиотелеграф соединяет Бамако, Кабара и Кайес с Парижем. *Н. Лебедев.*

Французский язык, см. *романские языки.*

Французское золото, один из видов бронзы, применяемый в особенности для художественных, галантерейных и ювелирных изделий (articles de Paris). Содержит 16,7% олова, 58,3% меди и 25% цинка.

Французское Конго, см. *Французская Экваториальная Африка.*

Французское Сомали, см. *Сомали.*

Франча, Франческо (1450 — 1517), один из крупнейших итальянских художников на рубеже Кватроченто и Чинквеченто, самый блестящий представитель болонской школы этого времени. Настоящее его имя *Франческо Райболини.* Сначала был ювелиром и медальером. Живописцем сделался поздно (первая, точно датированная картина его относится к 1494 г.). К живописи толкнуло его знакомство с пропзведениями Мантеньи. Оказал очень большое влияние на позднейшее развитие живописи. *Ср.* XXII, 539. О нем *Williamson* (1900).

Франческа, Пьеро делла, *см.* XXII, 532.

Франческа да Римини, дочь равеннского тирана Гвидо Полента, героиня V песни Дантова „Ада". Исторический облик ее мало соответствует той фигуре, которую изобразил Данте и которую потом наполовину сочинили его комментаторы, с Боккаччьо во главе. Ф. была в 1275 г. выдана замуж за Джанчотто Малатеста, сына тирана Римини. Она прожила с ним десять лет; ее дочери Конкордии было девять лет, когда разыгралась драма (быть может не в Римини, а в Пезаро). Не могло быть, следовательно, романтической истории, связанной со сватовством, которую создала легенда. Ф. влюбилась в брата мужа, Паоло, прозванного за свою красоту il Bello. Паоло был женат и имел двух детей. В 1283 г. он был capitano del popolo во Флоренции, а в 1285 г. он и Франческа были одновременно убиты Джанчотто. О Ф. см. немецкую работу *Locella* (1912). *А. Дж.*

Франш-Конте (Franche-Comté), французская провинция, прежде часть герцогства Бургундского, гл. гор. Безансон; соответствует теперешним департаментам Дуб, Верхней Соны и Юры, при Цезаре была населена секванами и по завоевании называлась

сначала Belgica prima, а потом Maxima Sequanorum. В V в. была завоевана бургундами, с 534 по 880 г. входила в состав государства Франков. В 887 г. Ф. образовало Верхнебургундское королевство (также Burgundia Transiurana). При императоре Конраде II королевство сделалось леном Германской империи, при Лотаре страна получила название Ф.-К. (или Freigrafschaft). В 1316 г. Ф.-К. перешла к Франции, в 1322 г.—к Бургундии, после смерти Карла V—к Испании, в 1674 г. завоевана французами и в 1678 г. по Нимвегенскому миру окончательно перешла к Франции.

Франше д'Эсперэ, Лун Феликс, маршал, *см.* XLVI, 26, 125 и прил. *военные деятели эпохи мировой войны*, 408.

Фрасибул (Θρασύβουλος), афинский полководец V в. до н. э., сын Лика, выдвинулся впервые в 410 г., когда стоя во главе самосского флота вместе с Фрасиллом настоял на возвращении Алкивиада и добился восстановления демократии (см. *Греция*, XVI, 605). Потом командовал некоторое время под начальством Алкивиада, участвовал в сражении при Аргинусах, при установлении тирании Тридцати был изгнан в Фивы. Оттуда, собрав кучку друзей, возвратился, победил тиранов, вновь вернул власть демократии, которая признала его своим вождем. В дальнейшем неоднократно стоял во главе афинских военных сил, но его популярность стала тревожить афинян, напуганных тираническими покушениями конца V века. Как всегда в этих случаях, не было недостатка в людях, готовых обвинить его в измене. Возвращение на родину было чревато для Ф. грозами, когда в 388 г. он был убит во время одной вражеской вылазки в Памфилии, где он командовал.

Фрасилл (Θρασύλλος), афинский полководец V в. до н. э., ближайший сотрудник Фрасибула в деле восстановления демократии в 410 г. (см. *Греция*, XVI, 605). Сражался под начальством Алкивиада, призванию которого он энергично содействовал, и как самостоятельный стратег. В 406 г. был казнен с пятью другими стратегами за то, что после победы при Аргинусах не позаботился о погребении павших воинов.

Фраскати (Frascati), итал. город в 17 км. к ю.-в. от Рима, у подножия Альбанских гор, 11.115 жит. (1921). Развалины древ. *Тускулума*. Ренессансные и барочные дворцы. Чудесные виды. Дачная местность. Виноградники.

Фратичелли (fraticelli, множеств. уменьш. от итал. frate, монах), „братчики", название, которое в XIII—XV вв. давалось в Италии многим монашеским и полумонашеским (терциарским) группам, иногда очень отличным одна от другой. Общее у них было то, что все они шли от францисканства *(см.)*, были чрезвычайно экзальтированы и проникнуты революционным духом. Когда во францисканском ордене начался раскол и обозначилось разделение, то Ф. оказались влево от спиритуалов, за гранью францисканства, изгоями не только ордена, но и церкви вообще. Вождем одной по крайней мере группы Ф. считался Энрико да Чева, бежавший при Бонифации VIII из Тосканы в Сицилию к Фридриху Арагонскому, тому самому, на которого так горячо уповал Дольчино и которого позднее (1321) отлучила церковь. Фридрих приютил Ф., и они начали крепнуть, как францисканская все - таки группа. Они абсолютно отвергали всякую собственность и постепенно стали считать себя единственными законными представителями миноритства. В булле 30 дек. 1317 года, в которой о Ф. упоминается впервые, говорится о людях из мирян, именующих себя Ф., или братьями бедной жизни (fratres de paupere vita), или бегинами, или бизохами. Это тождество названий говорит о несомненной связи Ф. с еретиками позднего средневековья. Еретиками церковь считала их с самого начала. Связь их с апостольскими братьями (см. *апостолы)* современникам была ясна, и страшные призраки Сегарелли и Дольчино чудились церкви в каждом члене каждой общины Ф. На них поэтому сыпались отлучения и более серьезные кары. Но Ф. не унимались. Они понесли радикальную проповедь по всей Италии, по городам и деревням, и всюду их встречало восторженное сочувствие деклассированных и задавленных классовой борьбой элементов.

Так как Ф. вели агитацию среди низших слоев общества в гвельфских городах и солидаризировались с оппозицией правительствам внутри этих городов, то им оказывали поддержку гиббелины. Пропаганда Ф. никогда не прекращалась надолго и неизменно имела успех. Недаром в столице гвельфизма, во Флоренции, Ф. подвергались жестоким преследованиям. Но поднять против них народ, как однажды пытались власти, не удавалось. Наоборот, коммунистические принципы, звучавшие в их проповедях, привлекали к ним низшие слои. И отнюдь не был случайным тот факт, что единственной агитацией перед восстанием чомпи в 1378 г. была пропаганда Ф. Папство, которое боялось коммунистических элементов у Ф. еще больше, чем еретических, с самого начала XV в. повело против них решительную борьбу не случайными мерами воздействия, как прежде, а систематически. Сперва пытались одолеть их мирными средствами. К ним обращались вожди и лучшие проповедники правоверного францисканства во главе с Бернардином Сиенским. Когда это не помогло, была пущена в ход инквизиция. Борьба шла при Мартине V, Евгении IV и Николае V. Один инквизитор, Иаков Маркский, сжег 36 деревень, зараженных учением Ф. Из его диалога „Contra fraticellos", в котором он повествует о своих подвигах, мы узнаем, что секта и тогда была распространена, главным образом, среди низших классов—ясное указание на живучесть коммунистических мотивов в учении. К середине XV в. Ф. были почти истреблены—буквально, огнем. Между 1466 и 1471 годами дожигали последних.

См. *Tocco*, „Gli Apostolici e fra Dolcino" (Arch. Stor. Ital., V); *Rodolico*, „La democrazia fiorentina nel suo tramonto" (1905); *С. А. Котляревский*, „Францисканский орден и римская курия" (1901). *А. Дж.*

Фратрии, см. *Греция*, XVI, 563.

Фрауенлоб (Frauenlob), собств. *Генрих Мейссенский*, мейстерзингер, живший в последней трети XIII и первой четверти XIV в. (ум. в 1318 г.), вначале странствовал, как и большинство его собратьев, потом осел в Майнце, где местная школа мейстерзингеров была основана, повидимому, именно им. В своих произведениях прославлял женщин. За это получил свое прозвище. Предание гласит, что майнцские дамы в благодарность за его стихи сами донесли его гроб до собора. То, что дошло до нас из его произведений, представляет тяжеловесные, темные вирши, загроможденные схоластической ученостью. О нем см. *Pfannmüller* (1913).

Фрауенфельд, гл. гор. швейцарского кантона Тургау на р. Мург, 8.925 жит. (1920).

Фраунгофер, Иосиф, физик (1787—1826), род. в семье бедного стекольщика; в 1806 г. он получил место оптика в механико-оптич. институте, в 1809 г. стал участником фирмы Утцшнейдер и Ф. и с 1818 г. ее директором; с 1823 г. профессор физики и член академии наук в Мюнхене. Ф. известен своими теоретическими работами по физической оптике, исследованием различных сортов стекла и первыми наблюдениями темных линий в солнечном спектре, названных по его имени *фраунгоферовыми линиями*. В области практической оптики Ф. известен превосходными ахроматическими объективами для астрономических труб, для которых стекло отливал при его же мастерской швейцарец Гюинан. Известнейший из его инструментов — 9-дюймовый рефрактор для дерптской обсерватории (1824), в котором штатив в первый раз в истории астрономической техники был снабжен часовым механизмом. *С. Бл.*

Фраунгоферовы линии, см. *солнце*, XL, 64/65.

Фрахтовый договор (анг.—charter, нем.—Frachtvertrag), договор о перевозке грузов морем.

Однообразие современной техники морских перевозок привело к созданию весьма детальных типовых условий договора перевозки, которые каждое пароходство неизменно печатает на своих коносаментах (*см.*). Международный характер морского оборота привел к тому, что пароходства разных стран, оперирующие на тех же морях, стали согласовывать тексты этих условий. Так, уже задолго до мировой войны

существовал общепринятый коносамент для „Средиземного и Черного морей“, а также особый для „Северного и Балтийского морей“. В 1924 году в Гааге на частной конференции всех крупнейших пароходств мира установлен единый типовой текст „условий коносамента“, которым фактически и регулируется ныне договор морской перевозки. Наши госпароходства также руководствуются им при заграничных перевозках.

Сосредоточение главной массы тоннажа в руках сравнительно немногих крупных пароходств позволяет им диктовать свои условия распыленной массе грузоотправителей. Благодаря этому типовые условия коносаментов, в отличие от правил перевозки по железным дорогам, не только снимают с пароходств риск случайной гибели или порчи грузов, но часто освобождают их даже от ответственности и за действия их капитанов и команд. До мировой войны лишь Соед. Штаты Сев. Ам. сделали попытку бороться с этим явлением. Там в 1893 г. издан закон, коим запрещено в портах Соед. Шт. включать в договоры условие о сложении пароходствами ответственности за действия капитана и команды по хранению груза и за исправность судна (известный Harter-Act). См., кроме курсов торгового и морского права, *T. G. Carver*, „Carriage of goods by sea“ (1909).

В. Шретер.

Фребелизм, направление в области дошкольного воспитания, идущее под знаменем Фребеля *(см.)*. Оно получило широкое распространение во второй половине XIX века в культурных странах Старого и Нового света, и нашло конкретное воплощение в существующих повсеместно „детских садах“ (см. *дошкольное воспитание*, XIX, прил. к ст. 303/4). Ф. входит неотъемлемым ингредиентом во все построения принципов и приемов воспитания дошкольного возраста. Роковым образом отозвалось на судьбах Ф. то, что последователи Фребеля нередко забывали мудрый совет учителя, как будто предвидевшего опасность со стороны не по разуму ретивых поклонников и сказавшего однажды: „Избирая живой образец, придерживайтесь только духовных стремлений и живого примера, форма же образца должна быть вами создана самостоятельно“. Слепые приверженцы, догматически ухватившиеся за форму, за детали, ремесленнически проводившие свою технику с пресловутыми „дарами Фребеля“, повинны в том, что на Ф. оказался столь непопулярный налет педагогического формализма и слащавой сентиментальности. Ортодоксальные „ученики“ не умели сквозь призму туманной мистики и символики Фребеля и чрезмерной его формальной математичности разглядеть существо его творческих принципов, не уловили сути его учения, обескровили дело его имени. В массовом своем распространении Ф. жил именно в таком виде и нередко живет еще и теперь. Требовалось много энергии и уменья, чтобы выявить истинный облик и общественно-педагогическую значимость подлинного фребелианства.

На страже богатого наследства Фребеля в течение двух поколений стояло немало лиц, одушевленных его идеями и много способствовавших распространению и углублению их. Страной наибольшего распространения Ф. была, естественно, Германия. Пожизненный сподвижник Фребеля — Мидендорф, пережил его только на один год. Знаменитый Дистервег (ум. 1866 г.) еще долгие годы авторитетно отстаивал его дело, добиваясь снятия с него ярлыка политической неблагонадежности, — к середине 60-х годов, с некоторым прояснением общественной жизни, „запрет“ с Фребеля был снят. Истинной духовной наследницей Фребеля стала баронесса *Маренгольц-Бюлов*, до своей смерти (1893) проводившая широчайшую пропаганду дела Фребеля во многих странах Европы. Своей литературной деятельностью она заложила основу подлинному Ф. Она же, под знаменем Фребеля, создает общества: „Allgemeine Erziehungsverein“ и „Frauenverein in Dresden“. При ее участии возникают: „Berliner Fröbelverein“, общегерманский „Deutscher Fröbel-Verband“, основная организация немецкого Ф., и „Verein für Familien und Volkserziehung“. Из этой организации в 1911 г. создалась в Лейпциге „Hochschule für Frauen“

и известный берлинский „Pestalozzi-Fröbel-Haus", душою которого стала Генриетта Шрадер, внучатная племянница Фребеля, создательница „Verein für Volkserziehung" в Берлине. Шрадер проводила в жизнь лучшие заветы Фребеля, развивая его метод и приспособляя его к новым условиям жизни. Руководители „Дома имени Песталоцци и Фребеля" не побоялись отступить от буквы Фребеля, стремясь сохранить и развить дух его системы. А. Келер (Köhler), директор семинарии детских садовниц в Готе, вместе с Фр. Зейделем и Фр. Шмидтом создают в 1858 г. доныне существующий периодический орган „Kindergarten", рядом с которым теперь (с 1918 г.) существует аналогичный журнал „Eltern und Kind" И. Прюфера, главного теоретика современного Ф. Та же Маренгольц-Бюлов успешно насаждает Ф. и за пределами Германии, долговременно и энергично работая для этой миссии в разных странах. Во Франции дело Фребеля с 60-х годов почти заглохло и только в XX столетии начинает заново развиваться. В 1907 г. был открыт в Париже детский сад г-жой Моно, при участии энергичной учительницы m-elle Fanta, с именем которой связан современный французский Ф.; она же создает в Париже в 1911 г. „Union froebelienne française", специальные курсы для подготовки детских садовниц при Collège Sévigné и специальный журнал „Éducation Joyeuse" (с 1913 г.). В Америке Ф. начал распространяться еще с 50-х годов. В 1855 г. одной из учениц Фребеля, Шурц, был основан детский сад в Уотертауне. В 1860 г. Елизавета Пибоди, называемая „апостолом детских садов в Соединенных Штатах", основала детский сад в Бостоне. С тех пор Ф. в Америке быстро развивается, эволюционируя в сторону синтеза основ Фребеля с современными потребностями и новыми педагогическими исканиями; он находит широкую поддержку как со стороны педагогов-теоретиков, вплоть до современного вождя педологии Стэнли Холла и известного реформатора-педагога Дж. Дьюи, так и со стороны государственных и муниципальных организаций. В Америке же создался союз, объединяющий Ф. во всех странах— „International Kindergarten-Union". И даже на Дальнем Востоке, в Шанхае, возникло „Central China Kindergarten Association". Специальный номер „Kindergarten Number" (1911 г., октябрь) журнала „Educational Review" дает большой материал по распространению Ф. во всем мире. В России первые проблески Ф. появляются в период широкого общественного подъема в 60-х годах, на ряду с зарождением русской передовой педагогики. Уже в 1866 г. первой русской поборницей Ф., *А. С. Симонович*, был основан журнал „Детский Сад", существовавший под ее руководством два года и далее (до 1876 г.) под ред. Е. Бороздина и Вл. Толмачева; те же идеи проводились журналом „Воспитание и обучение" (1877—1881). В 1871 г. в Петербурге возникает первое в России *Фребелевское общество*, которое вскоре основало курсы для подготовки руководительниц и преподавательниц в детских садах. Русский Ф. особенно тесно связан с работой этого общества, которое в течение многих десятилетий служило своему идейному делу и в послереволюционное время со своими учреждениями влилось в Петроградский Институт дошкольного образования. „Киевское Об-во Народных Детских Садов" (с 1907 г.), с журналом *Н. Д. Лубенец* „Дошкольное Воспитание" (с 1911 г.), петербургское „Об-во содействия дошкольному воспитанию детей", „Об-во дошкольного воспитания при Лиге Народного Образования", московский „Кружок совместного воспитания и образования детей" (во главе с К. Н. Вентцелем) и „Детский труд и отдых" (во главе с С. Т. Шацким) и современная широко задуманная школьная политика Советской власти в области дошкольного воспитания,— все эти начинания с логической необходимостью содержат в себе большую долю идей фребелизма. В русском Ф. можно еще отметить, на ряду с уже упомянутыми лицами, Е. Н. Водовозову (*см.*), Н. А. Альмединген, Е. И. Тихееву, Л. К. Шлегер, Ю. И. Фаусек; нельзя забывать, что в так назыв. „монтессорианстве" главная основа покоится на началах истинного Ф.

Литература, кроме той, которая указана в ст. *Фребель* и в данной статье: *Е. Н. Водовозова*, „Умственное и нравственное воспитание детей", 6-ое изд., 1907; *А. С. Симонович*, „Детский сад", 3-ое изд., 1907; *Н. Д. Виноградов*, „Очерки по истории дошкольного воспитания", 1925 г.; статья *М. Герке*, „Современный детский сад по Фребелю", в сборнике „Дошкольное дело", 1922 г.; *„Обзор жизни детского сада"* (Kindergarten Curriculum): американское руководство, составленное особой комиссией при Бюро Воспитания Международного Союза Детских Садов, перев. с англ. В. М. Федяевской, 1924 г.; *Р. Прушицкая*, „Дошкольное воспитание и современность", 1924 г. *Г. Вебер.*

Фребель (Fröbel), Фридрих (1782—1852), знаменитый немецкий педагог, прославленный создатель „Детского Сада", основоположник дошкольного воспитания. Родина его—селение Обервейсбах близ Шварцбурга, в Тюрингии. Ребенком лишился он матери. В многодетной семье отца, сельского пастора, обслуживавшего большой район и не могшего уделять надлежащего внимания своим детям, при невзлюбившей его мачехе, Ф. провел безрадостное детство. Он затаил в своей душе, по природе женственной и эмоциональной, скорбную тоску по истинной материнской ласке, по лучезарному детству, по творческим играм, по настоящей детской атмосфере—по всему тому, чего ему недоставало в его собственной ранней жизни и что он потом своим жизненным подвигом старался насадить в своей вдохновенной педагогической пропаганде. Образование его шло урывками, бессистемно: сначала в сельской школе, затем в доме взявшего его на воспитание дяди. Успехи в науках были скромные. Пришлось взяться за практическое дело. Ф. пытался заняться лесничеством. Неудовлетворенный этим делом, он пробился на короткий срок в университет (1799), в знаменитую Иену, увлекался там естественными науками, математикой и отчасти философией. Нужда заставила его искать заработка. На педагогическое поприще судьба вывела его случайно. Во Франкфурте он становится учителем в школе известного педагога Грунера („Musterschule") и здесь сразу же загорается и всей душой на всю жизнь отдается педагогическому делу. Он совершает паломничество к главному источнику педагогики того времени, в знаменитый Ивердон, к Песталоцци, сначала на короткое время, а затем (в 1808 г.) на два года поселяется там со своими воспитанниками и целиком погружается в работу и общение с конгениальным ему швейцарским педагогом. Небольшое наследство дает ему возможность в 1811 г. пополнить свое университетское образование; он занимается два года в Геттингене и в Берлине (где на него оказывает влияние Фихте), продолжая здесь учительствовать в институте Пламана, тоже вышедшего из школы Песталоцци. В 1812—13 гг., в годы национального подъема и войны за освобождение Германии от наполеоновского ига, Ф. вступает волонтером в знаменитый корпус Лютцова и участвует в военных действиях. За это время окончательно созревает в нем план его будущих педагогических учреждений; он сближается на военных бивуаках с Миддендорфом и Лангеталем—своими будущими верными сотрудниками. По окончании войны Ф. делается ассистентом при минералогическом музее в Берлине, но это—небольшой эпизод в его жизни, и он скоро окончательно вступает на свое основное поприще, на путь создания новых воспитательных учреждений, литературно-педагогической деятельности, неутомимой пропаганды своих педагогических принципов, создания „детского сада", курсов для воспитательниц, учительских съездов и т. п.,— в течение целых трех десятилетий. Его первая школа „Allgemeine deutsche Erziehungsanstalt" в Keilhau просуществовала под его руководством с 1816 по 29 г., приобрела большую известность, но переживала и тяжелые времена, когда сгущалась политическая реакция и Ф. травили, как „демагога и атеиста". Временно Ф. руководит аналогичными воспитательными учреждениями в Швейцарии, в Виллизау и в Бургдорфе, а с 1840 г. окончательно сосредоточивается на создании своего „Детского Сада" в Бланкен-

бурге и Либенштейне, на разработке дидактического материала и широкой агитации идеи дошкольного воспитания.

Встречая отзывчивое и часто восторженное отношение со стороны большого количества приверженцев, находя нередко авторитетную поддержку своим начинаниям со стороны таких крупных педагогов, как Дистервег, со стороны многолюдных учительских съездов, Ф. все же в большинстве своих начинаний, подобно Песталоцци, терпел горькие неудачи. Материальные затруднения тормозили его дело. Часто встречал он упорное непонимание своих идей, скептическое к ним отношение и даже явную враждебность. Широко задуманные планы разбивались. Его идея осуществить Всеобщий Детский Сад, повсеместно по всей Германии, путем всенародной подписки в день 400-летия изобретения книгопечатания, кончилась довольно печально: сборы за три года дали грошовую сумму. А когда в конце сороковых годов его дело как будто стало пускать глубокие корни, и он на многолюдном учительском съезде в Рудольштадте одержал большую моральную победу и видимо укрепил свои идейные позиции, новый удар сразил 70-летнего труженика: распоряжением прусского министра Раумера (1851) фребелевские детские сады были объявлены запрещенными в пределах Пруссии, как политически неблагонадежные. Через несколько месяцев Ф. умер.

Литературная деятельность Ф. продолжалась в течение всех трех десятилетий его педагогической работы. Подробные отчеты с большими принципиальными статьями о школе в Keilhau, в начале 20-х годов; „Die Menschenerziehung“, 1826 г.—основной его принципиальный труд; работы по „Детскому Саду“, собранные в последующих изданиях под заглавием „Kindergartenwesen“; „Mutter und Koselieder“, 1844 г.; целый ряд периодических изданий: „Die erziehenden Familien. Wochenblatt für Selbstbildung u. die Bildung anderer“, 1826 г.; „Ein Sonntagsblatt für Gleichgesinnte“, 1838 — 1840 г.“; „Friedrich Fröbels Wochenschrift“, 1851—1852 г. Писательская манера Ф. несколько тяжеловесная. Глубокие мысли нередко облечены в туманную форму и требуют значительного напряжения; но встречаются истинные перлы пророческого вдохновения, непосредственной интуиции, окрыляющего воодушевления.

Ф. в своих философских переживаниях целиком вырастает из недр немецкой идеалистической философии первой половины XIX века. Системы Шеллинга и Гегеля преимущественно наложили свою печать на его религиозно-философское мировоззрение, которое полностью и обусловливает его педагогическую концепцию. Весь мир—*органическое* единство, продукт непрерывного *саморазвития* абсолютного духа. Природа и дух — тождественны, два проявления одного и того же начала. Живая творческая сила кроется во всем, но она выявляется все больше и больше на своем пути, пока не дойдет до человека и не пойдет дальше еще более широким и открытым потоком. Над миром, над внутренним и над внешним, господствует *единый* вечный закон. В человеке—сильнейшее стремление к самораскрытию, к действенному самопроявлению. Таким образом, из мировоззрения Ф. с необходимостью вытекает его основная педагогическая идея—всесторонняя культура детского, как и вообще человеческого активизма. Как мировой дух в беспрерывном действовании достигает все более высокого развития, так и дух человека развивается только в постоянном действовании, как бы в постоянной борьбе с материей. Воспитание не прибавляет ничего нового к существу человека, оно ничего не может создать, оно может лишь следить за развитием ребенка, оно поддерживает его на этом пути, облегчает труд и оберегает от возможных уклонений. Закон природы и закон воспитания один и тот же; желаешь знать закон воспитания—изучай законы природы. Не имеет ценности то, что привносится извне, механически. Жизненно лишь то, что извнутри, органически, самодеятельно, творчески произрастает. Это самопроизрастание протекает в целостном процессе, в постепенном, поступательном движении. Каждая последующая ступень развития вмещает в себе предшествующую,

которая должна быть полностью изжита; природа требует последовательности, постепенности и систематичности. Каждый индивид в своем развитии повторяет историю своего вида. Всю ту работу, которую проделало человечество на пути своего развития, мы встречаем и в жизни ребенка. Только его работа для нас, взрослых—игра. Отсюда видна вся важность характера игры и направления ее. В игре ребенок приобретает те навыки, которые человечество вырабатывало усилиями тысячелетий. Основное органическое стремление и побуждение к деятельности (Tätigkeitstrieb) требует систематического подбора игр и занятий, которые дают ребенку возможность упражнять, укреплять и развивать побуждения, заложенные в него историческим ходом развития его вида, вводят его в тесное общение с жизнью природы во всем ее многообразии и единстве и в удобопонятной форме знакомят ребенка с основными законами развития природы, в конечном итоге сводящимися к законам математики. Ребенок с первых ступеней своего развития есть *деятельно-познающая* личность. „Не стесняйте творческого начала дитяти"; „все, чему должен научиться ребенок, все это он должен прежде всего сделать сам"; „человек, а значит и ребенок, только тогда знает, когда он умеет создать познанное". Но это не есть уклон в исключительный утилитаризм; этот кажущийся практицизм не есть самоцель, а только вспомогательное средство для воспитания того, что для Ф. всегда является центральной задачей его педагогической миссии: культуры духовности в человеке, вырастающем до полноценной индивидуальности среди внутренне одухотворенного и свободного общежития. Таким широким размахом Ф. охватывает социально-педагогическую проблему в целом, на протяжении всех возрастных групп; выдвигая всегда этот кардинальный принцип, главную свою подвижническую работу он сосредоточивает на разработке первооснов воспитания, на первичной ступени, на раннем детстве, на дошкольном возрасте. „Станем же жить для наших детей"—его клич к современному ему обществу, к матери-воспитательнице. Семья для него является основой всего. Проникновенное прочувствование истинно родительских человеческих отношений, интуитивное постижение культуры подлинного детства, согреваемого истинной женственностью—вот задача его „Детского Сада", в своем символическом наименовании обнаруживающего его основную идею органического природосообразного саморазвития. „Всеобщий Германский Детский Сад"—его мечта 1840 г.—должен был служить великому национальному возрождению, всеобщему народному оздоровлению.

Выдвинув в „Детском Саде" эти принципиальные основания и осуществляя в нем лично и при посредстве своих ближайших сотрудников свой жизненный подвиг, насыщенный подлинным педагогическим энтузиазмом, истинной педагогической атмосферой, с детской игрой, с пением, с ритмикой (его „Материнские песни"—„Mutter und Koselieder", 1844), Ф. задался также целью создать целостную систему занятий в „Детском Саде", что повело к знаменитым „Фребелевским дарам". Исходя из идеи Песталоцци об *элементах* и *форме*, Ф., вообще пристрастный к математике, развил до крайности идею чисто *математических* элементов и на них построил свои „Дары" — мяч - шар, куб, цилиндр; к ним присоединяются эти же геометрические формы в расчлененном виде: кубики,—куб рассеченный по диагонали, куб состоящий из плиток, целых и составленных из геометрических частей и т. д. Из этого материала ребенок строит все, что он хочет, попутно знакомясь с формой и числом, переходя от целого к элементам, от куба к линии и точке и обратно, строя то отдельно, то группами, удовлетворяя свою фантазию и творческие потребности, вступая в свободное соревнование друг с другом. К этим занятиям присоединяется плетение, вышивание, раскрашивание, вырезание, лепка, рисование. Логическая стройность и математическая выдержанность, определенная надуманность и чрезмерная искусственность всего этого дидактического материала явились ахиллесо-

вой пятой фребелевской системы. В руках самого Ф. система одухотворялась его интуицией и педагогическим тактом и давала результат, пожалуй, не столько благодаря, сколько вопреки этому искусственному набору. В руках его бесчисленных последователей нескольких поколений, среди чрезмерно ортодоксального фребелианства, уцепившегося за форму и утерявшего живой творческий дух, лежавший в основе этих форм, дававший им смысл и оправдание,—этот дидактический материал порождал шаблонный формализм, рутину фребелианства, терявшего часто всякую связь с его великими заветами. Основные же принципы Ф., вырастая из гениальных истоков Песталоцци, входят неотъемлемым ингредиентом в современные педагогические течения, в актуальные педагогические проблемы наших дней.

Литература: Сочинения Ф., ред. *Seidel*, Wien, 1883, в 3 томах. Русск. перев., неполный, только двух основных трудов—Фр. Фребель, Педагогические сочинения, т. I („Воспитание человека"), т. II („Детский Сад"), 1913. Готовится капитальное критическое издание полного собрания литературного наследства Ф. с большим количеством еще неизданного материала, дневников, переписки и т. п. в серии „Monumenta Germaniae Paedagogica", под ред. главного современного знатока Ф.—*И. Прюфера*, из работ которого наиболее существенны: „F. Fröbel" (2 изд. 1920 г.), „Vorläufer Fröbels", „Kleinkinderpädagogik" (посл. изд. 1923 г.). После этих работ громадная литература по Ф. прежнего времени является в значительной степени устарелой. О Ф. см. также соответствующие главы в общих трудах по истории педагогики. *Г. Вебер.*

Фрегат, см. *судостроение военное*, XLI, ч. V, 371; ср. *флот*, XLIV, 191.

Фрегаты, Fregatus, крупные веслоногие птицы тропического пояса, по внешнему виду похожие на хищных. Шея короткая и толстая, клюв сильный, загнутый на конце, ноги короткие, оперенные до пальцев, крылья очень длинные и острые, хвост длинный, глубоко вырезанный, на ногах небольшие перепонки. Кости чрезвычайно легкие, сильно пневматичные, под горлом большой воздушный мешок. Вся организация Ф. указывает на необыкновенную способность к продолжительному и быстрому полету. Ф. залетают на десятки миль от берега, питаются рыбой. Гнездятся на мангровых деревьях. Два вида: большой Ф., F. aquila, живет в жарких странах Атлантического, Индийского и Тихого океанов; оперение его буровато-черное с металлически-зеленым и пурпуровым отливом; горловой мешок оранжево-красный; малый Ф., F. minor, меньших размеров, с белыми пятнами по бокам, обитает в области Индийского и Тихого океанов.

Фредегар, франкский летописец VII века. Его имя было прикреплено (в 1613 г. первым издателем Фреером) к большой хронике, доводящей изложение событий до 624 года и составленной из трех отдельных кусков, написанных разными авторами. Исторический Ф. мог быть одним из авторов этой хроники. Лучшее издание в Monumenta Germaniae Hist. Scriptores, II (1888). См. *Monod*, „Compilation dite de Fredegaire" (1880). Ср. *Франция—историография*, XLV, ч. I, 392.

Фредегунда, сначала сожительница, потом супруга короля Нейстрии—Хильперика I. Король обвенчался с нею после того, как ею была устранена его первая жена, вестготская принцесса Гальсвинта. Ф. пришлось вести долгую борьбу с сестрою Гальсвинты, Брунгильдою, и ее мужем, королем Австразии Зигбертом (см. *Брунгильда*). После убийства Хильперика (*см.*) в 584 г. Ф. обвиняли в соучастии, а также в том, что сын ее Хлотарь прижит ею не от короля. Ф. должна была торжественно клясться вместе с 300 сопричастников, что это обвинение ложно. До 593 г. Ф. с сыном находилась под защитою бургундского короля Гунтрама, а потом до своей смерти (597) правила от имени Хлотаря.

Фредерик, имя нескольких датских королей, см. *Дания*, XVII. 576, сл.

Фредериксберг, пригород Копенгагена *(см.)*, 104.815 жит. (1921).

Фредериксгаль (Frederikshald), см. *Фридрихсгалль.*

Фредериктон (Fredericton), гл. гор. канадск. пров. Нов. Брауншвейг, на р. С. Джон. Универ., основ. в 1800 г.; торговля лесом. 8.114 ж. (1921).

Фредерисия (Fredericia), укр. датская гавань на вост. берегу Ютландии у сев. конца Мал. Бельта, 18.384 жит. (1925).

Фредриксштадт, город и крепость в южнонорвежск. округе Эстфольде, при впадении Гломмена в Кристиания-фьорд, 15.563 ж. (1920); лесная промышленность и торговля.

Фредро, Александр, граф, изв. польский драматург, создатель национальной комедии („польский Мольер"), (1793—1876). Из произведений его следует отметить: „Pan Çeldhab", „Cudzoziemszczyzna", „Mąż i Żona, Sluby panjeńskie". Несмотря на то, что комедии Ф. устарели по форме, они до сих пор продолжают держаться на сцене. Некоторые из его пьес были переведены и на русский язык (*см.* XXXII, 633).

Fredus, в средневек. варв. государствах та часть (обычно третья) композиции (см. *вергельд*), которая шла в пользу общественной власти, ее наложившей. Соответствует древне-русской вире (*см.*).

Фрежюс, город во франц. деп. Бар, расположенный в 2 км. от Средиземного моря (залив Ф.). 9.451 жит. (1921). Основан в 45 г. до н. э. Юлием Цезарем (Forum Julii); во времена империи служил стоянкою флота. В 900 г. был разрушен сарацинами. Здесь в 1799 г. высадился Бонапарт, возвращавшийся из Египта.

Фрез (или *шарошка*), особого вида стальной резец для обработки поверхностей, преимущественно металлических, хотя имеется Ф. и для дерева. Ф. выполняется в виде тела вращения, на поверхности которого имеются зубья или гребни, которые и режут стружку. Ф. насаживается на оправку и получает вращательное движение, а обрабатываемый предмет постепенно проходит под ним поступательным движением. В результате Ф. постепенно снимает целый ряд мелких стружек и дает довольно гладкую поверхность. Простой цилиндрический Ф. (рис. 1) служит для образования плоскости, а Ф. по типу

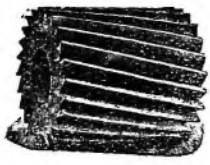


Рис. 1.

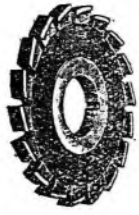


Рис. 2.

рис. 2, в зависимости от бокового очертания зубьев, прорезает борозды, напр., промежутки между зубцами при обработке зубчатых колес. Соединяя на одной оси несколько Ф. (рис. 3) можно

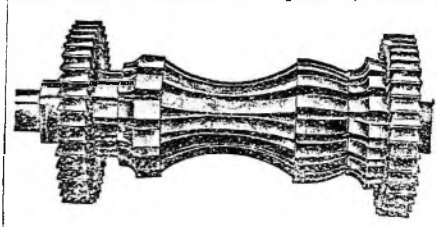


Рис. 3.

получать при помощи их довольно сложные очертания обрабатываемых поверхностей. Наиболее совершенные Ф. по типу рис. 2 устроены с таким очертанием зубьев (Ф. со *спиральною заточкою*, рис. 4), что, несмотря на постепенное истирание Ф. и наточку его наждачным кругом после притупления, очертание прорезаемого им канала или поверхности не изменяется; это имеет громадное значение при массовом производстве, так как старый Ф., делая по счету, положим, уже 20-ю тысячу каких-нибудь одинаковых деталей (частей оружия, швейных машин и т. п.), придает им совершенно те же форму и размеры, как и первым по времени изготовления. Только благодаря этому и становится возможным при массовом производстве получать взаимно-заменяемые части (ср. *производство массовое*). *А. С.*

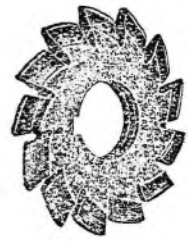


Рис. 4.

Фрезениус, Карл Ремигиус, нем. химик (1818—1897), учился в Бонне и Гиссене, с 1841 г. был ассистентом у Либиха, в 1845 г. был назначен професс. физики, химии и технологии в сел.-хоз. институте в Висбадене, где устроил знаменитую лабораторию, привлекавшую отовсюду многочисленных практикантов. Ф. особенно известен своими работами в области аналитической химии, в которой он считался первым авторитетом. Эти работы имели чрезвычайно большое значение для развития систематического хода аналитических операций. Ф. привел в систему

прежде употребительные методы, открыл много новых, предложил новые алкали- и ацидометрические методы (отчасти вместе с Виллем), нашедшие себе широкое применение в технике, работал над вопросами судебно-аналитического характера и над изучением минеральных вод. Издававшийся им с 1862 г. журнал „Zeitschrift für analytische Chemie“ был центральным органом химиков-аналитиков. Руководства Ф. по количественному (1846) и качественному (1841) анализу получили необыкновенно широкое распространение и были переведены на все культурные языки. *Ср.* II, 549.

Фрезер, река в Канаде, *см.* XXIII, 276.

Фрезерный станок, см. *типы станков,* XLI, ч. IV, 351/52, прил., 14/19.

Фрезовальный станок, см. *типы станков,* XLI, ч. IV, 351/52, прил., 6.

Фрейберг, саксон. окружной город в восточн. части Рудных гор, на высоте 412 м. над уровн. моря, 34.519 жит. (1925). Ф. основан в 1175 г. Оттоном, маркграфом мейссенским. Из достопримечательностей города замечателен собор в поздне-готическом стиле (1484) с „Золотыми воротами“, часовня-усыпальница князей альбертин. линии с знамен. гробницей курфюрста Морица (ум. 1553 г.). Ф. получил громкую известность благодаря широкому развитию горного дела (особенно серебро-свинцов. рудники). В 1765 г. была построена знаменитая Ф-ская горная академия, которая благодаря участию в ней лучших геологов того времени (Вернер и др.) скоро заняла первое место среди учреждений такого рода и до сих пор считается одной из лучших высших горных школ Европы.

Фрейбург, гл. гор. одноименного швейцарского кантона на р. Заане. 20.645 жит. (1920). Универс. Табачн. и шоколадн. фабрики, кожевенн., машиностроительный и пивоваренные заводы.

Фрейбург в Брейсгау, гл. гор. округа Ф. в Бадене (5.058 кв. км. с 599.998 жит. в 1925 г.), у подножья Шварцвальда, 90.475 жит. (1925), университет (3.300 студ.). Собор в готич. стиле с башней 116 м. высоты; производство мелкопрядильное, перламутровое, деревообделочное и т. д.

Фрейбург, или *Фрибург,* один из западн. кантонов Швейцарии, между кантонами Ваадт, Берн и Нешатель. Простр. 1.675 кв. км., в т. ч. неудобн. земель 12%. Юго-вост. часть Ф. гориста (Фрейбургские Альпы), наив. точка Ваниль-Нуар 2.386 м. и Молезон 2.005. Сев.-зап. часть представляет собой плоскую возвышенность. Гл. река Заана, приток Аара. Насел. 142.890 ч. (1920), бол. част. франц. происхождения, и на франц. языке говорит $^2/_3$ жителей. Из хлебн. растений разводятся пшеница и рожь, в количестве достаточном для прокормления населения. Много виноградников и плодовых садов. Молочное хозяйство в цветущем состоянии. Ф-ская крупная молочная порода рогатого скота пользуется широкой известностью, как лучшая из швейцарских. Получается и вывозится много сыра (знаменитый *грюэрский* сыр). Обрабатывающая промышленность представлена изготовлением часов, бумаги, сигар, стекла, выделкой кож и плетеных соломенных изделий. Принадлежал Австрии, потом Савойе, в 1477 г.—независим, с 1481 г.—в швейц. Союзе. По конституции 7 мая 1857 г., частично измененной в 1894 г., Ф. представляет демократическую республику, как член швейцарского союза. Законодательная власть принадлежит Большому Совету, члены которого избираются на 5 лет (по 1 деп. на 1200 чел.), исполнительная—Госуд. Совету из 7 членов. С 1920 г. введены условный референдум, инициатива и пропорциональное представительство.

Фрейд, Зигмунд, врач, р. 1856 г. в Фрейберге, с 1902 г. проф. в Вене; известен, как невропатолог, основатель психоанализа, теории сна, нового учения о неврозах. Нап.: „Zur Psychopathologie des Alltagslebens“ (1901, 10 изд. 1924), „Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse“ (1916—1917), „Die Traumdeutung“ (5 изд. 1919), „Ueber Psychoanalyse“ (5 изд. 1920) и изд. журн. „Imago“. См. *фрейдизм.*

Фрейданк, нем. поэт середины XIII в., см. *Германия,* XIV, 255.

Фрейдизм, особое направление в учении о неврозах, созданное крупным венским психопатологом Зигмундом Фрейдом. Данная им концепция лежа-

щих в основе истерии психических механизмов представляет результат более, чем 30-летней работы, при чем его взгляды все время эволюционировали, подвергаясь изменениям во многих существенных пунктах. В первом периоде центральное место в его учении занимала мысль о психических травмах, могущих быть при известных условиях причиной разного рода невротических расстройств. Эти условия создаются, если сильно волнующее переживание почему либо не может быть отреагировано обычным путем, напр. горе не может быть выплакано, обида должна быть перенесена без соответствующего отпора; иногда событие, сопровождавшееся тяжелым аффектом, напр. смерть любимого человека, по самому существу не может дать адэкватной реакции. Если глубоковолнующее переживание по своим особенностям таково, что человек не может с ним примириться, имеет место особый процесс отщепления аффекта от того представления, с которым оно связано, при чем последнее вытесняется из сознания и становится подсознательным. Такие травмы, по мнению Фрейда, всегда носят сексуальный характер, хотя сущность этой сексуальности им понималась не всегда одинаково. Схематически генез явлений представлялся в таком виде: аффект, связанный с травматизирующим событием, отщепляясь от представлений, оказывается свободным, подобно атомам при расщеплении молекул; он должен с чем-нибудь связаться; иногда освобождающаяся таким образом нервная энергия устремляется в сторону соматических функций, связанных с деятельностью нервной системы; в этом случае возникают истерические параличи, потеря голоса, потеря речи, судорожные припадки, истерические анестезии. В других случаях аффект соединяется с другими, иногда совершенно случайными представлениями, которые становятся навязчивыми; как известно, при навязчивых состояниях теснящаяся в сознании мысль, обычно, бывает самого незначительного содержания, и ее навязчивость объясняется именно присоединившимся к ней аффектом, который является причиной также и постоянно испытываемого волнения. Напр., в основе навязчивого стремления мыть руки может лежать вытесненная в подсознание мысль о собственном загрязнении онанизмом. Травма, вызвавшая болезненный аффект, обычно является только последним толчком, наслаиваясь на ряд других, более ранних аналогичных переживаний. В основе истерии Фрейд предполагал наличность сексуальных травм раннего детства. Он исходил из предположения, что только вполне оформленная сексуальность, „влечение“ характеризует собой наступление половой зрелости и что чувство, очень близкое к нему, имеется и в более ранние периоды. Эта инфантильная сексуальность аморфна, совершенно не дифференцирована; такой сексуальностью окрашены отношения маленького ребенка к отцу и матери; нечто родственное этой инфантильной сексуальности Фрейд видит в чувстве насыщения ребенка при сосании груди матери, а также при сосании собственных конечностей (аутоэротизм). Специалисты в области сексуальной патологии позднее использовали эту мысль для объяснения происхождения различных сексуальных извращений (гомосексуализма, нарциссизма) с точки зрения остановки сексуальной жизни в стадии инфантильности. Расширение Фрейдом понятия „сексуальность“ в сторону раннего детства не заключает в себе ничего логически неприемлемого тем более, что, как теперь можно считать доказанным, основы психической жизни закладываются очень рано, и даже по отношению к грудному возрасту можно говорить о довольно уже развитой психической жизни и возможности психозов. Если иметь в виду возраст от 2 до 4-х лет, в котором, по мнению Фрейда, чаще всего имеют место сексуальные травмы, приводящие впоследствии к истерическим расстройствам, то можно согласиться, что в это время различные переживания, связанные с сексуальной сферой, могут сильно потрясти воображение ребенка. Что особенно важно, истинный смысл происшедшего становится ясным потом, по мере физического и психического развития; таким образом, до известного

момента психические травмы остаются как бы в латентном, скрытом, состоянии. Связанные с ними группы представлений остаются в подсознательной сфере; они являются комплексными, т.-е. комплексами представлений, затрогивающих особенно сильно интимную жизнь больного. Последующие переживания, если они аналогичны по содержанию, наслаиваясь одно на другое, все усиливают психическую травматизацию, пока последний толчок не даст взрыва в виде острой вспышки невротических явлений. Хотя вначале Фрейд исходил из чисто клинических явлений, в дальнейшем, при логическом развитии своих взглядов, он перешел к распространению своих концепций на очень обширные области знания. Расширение понятия сексуальности произошло не только в сторону инфантильной психики, но и в другом направлении. Помимо эмоций, связанных с насыщением (а также с дефекацией), из того же сексуального корня выводятся чувство дружбы и родственности, эстетическое и религиозное чувство, так что возникает концепция об особом пансексуализме. С этой точки зрения первичным является особого рода влечение (libido); оно в основе имеет сексуальный характер, хотя эта сексуальность может быть несознаваема и слабо выражена. При нормальных отношениях это влечение, если достигло известной интенсивности, должно найти себе адэкватное удовлетворение. Если же не происходит такого разряда, накопляющаяся сексуальная энергия может пойти по другому руслу, может „сублимироваться“; это может выразиться в том, что не изжитая сексуальность находит себе выражение в актах милосердия, напр. в уходе за больными, в альтруизме, в аффектированной религиозности и т. п. Libido, не находящее себе удовлетворения ни по прямому пути, ни в сублимационном порядке, дает невротические расстройства, напр. невроз страха или навязчивые состояния. Для понимания огромной роли, какую играет влечение в жизни человека, необходимо учесть большое значение „цензуры“. Сущность ее ясна из того, что влечение примитивно, грубо, именно таково, каким оно было тогда, когда и психика человека была более примитивна и когда выполнение желания не было связано с огромным количеством условий и условностей. Современный человек должен прятать свои мысли, маскировать свои желания, подавлять, вытеснять свои влечения. Это ему удается, но не в полной мере и ненадолго. В монографиях [1]) „Психопатология повседневной жизни“ и „Толкование снов“ Фрейд очень наглядно показал, как происходит борьба сознательного культурного, живущего в мире условностей, „я“ и бессознательной, руководимой влечениями его половины. Анализ различных ошибочных действий, оговорок, описок, ошибок при чтении показал Фрейду, что эти ошибки не случайны, а имеют определенную, конечно не сознаваемую, цель исправить действительность в таком направлении, чтобы она была более приемлема. Напр., человек садится не в тот поезд и не попадает на неприятное свидание, забывает неприятное поручение. В процессе забывания наблюдается также избирательность; в первую очередь выпадает из памяти то, что хочется забыть. Поэтому воспоминания 2-х очевидцев одного и того же события часто бывают очень противоречивы. В сновидениях влечение выступает более неприкрыто, но и здесь сказывается роль той же цензуры. По Фрейду содержание снов—это выполнение наших затаенных желаний, но это правило в прямом смысле верно только по отношению к детям; напр., ребенок не получил яблока, о котором просил, и во сне видит его в своих руках. У взрослых этот принцип не выступает так ясно, т. к. у них и во сне продолжается действие цензуры; истинные желания здесь, обычно, завуалированы, облекаются в символические одежды; это относится в особенности к влечениям собственно сексуального порядка. В своих работах Фрейд указывает способы расшифрования этой символики, давая нечто в роде словаря, облегчающего перевод с символ. языка на более понятный. В народных сказках, мифах, отчасти в бреде больных вы-

[1]) Переведены на русский язык.

ступает та же окрашенная сексуальными темами символика.

Учение Фрейда широко захватило различные области не только собственно медицинского порядка, но искусства, истории культуры и привлекло внимание самых различных кругов. У Фрейда очень много горячих сторонников, но не мало также и принципиальных противников. Последнее, впрочем, относится не к учению Фрейда в целом, не к его психологическим воззрениям вообще, а к взглядам на истерию и на возможность ее излечения путем так наз. психоанализа, вскрытия путем особых приемов вытесненных в подсознательную сферу комплексов; ожидается при этом, что ставшие опять сознательными представления будут изжиты в сопровождении адэкватной эмоциональной реакции и все придет в норму. Вскрытие комплексов в первом периоде Фрейдом вместе с Брейером производилось путем так наз. катарзиса, при котором связь аффективных переживаний с вытесненными представлениями устанавливалась во время гипнотического сна; позже для того же катарзиса пользовались исследованием ассоциаций, даваемых больными на ряд специально подобранных снов, путем анализа так наз. свободных ассоциаций анализа содержания сновидений. Этот психоаналитический метод лечения встретил неодинаковое отношение со стороны различных кругов. В каждой стране имеются свои психоаналитики-фрейдисты. Иногда они в своих выводах идут дальше самого Фрейда, подчас упрощают его взгляды и, обычно, очень преувеличивают роль сексуальных травм. Можно говорить о Ф. как об особом направлении, идущем от Фрейда, но осложненном различными наслоениями и преувеличениями, иногда с несомненными отступлениями от самого Фрейда, благодаря гипертрофии внимания к одной какой-нибудь группе явлений. Отношение большинства психиатров, и в том числе академических кругов, к ценности психоанализа, как метода лечения, очень сдержанное. Несомненно, что психоанализ, очень много давая для понимания генеза невротических расстройств, развивающихся по вышеописанному типу фрейдовских механизмов (аналогичный генез может иметь место и при психозах, напр. шизофрении), далеко не всегда ведет к излечению, не всегда является собственно психотерапией. В опытных руках, при строгом подборе подходящих для этого метода случаев, а это может быть гарантировано только при глубокой компетенции врача, производящего психоанализ, вообще в психопатологии он может принести большую пользу. В противном случае, копание в сексуальных комплексах может не только остаться бесполезным, но в состоянии причинить большой вред. Как метод, могущий много дать для изучения не только генеза невротических явлений, но и структуры психики в целом, он заслуживает полного внимания, и очень многое от Фрейда вошло прочно в психопатологию, при чем фрейдовские воззрения и его терминологию усвоили себе, иногда этого не сознавая, многие психопатологи, относящиеся отрицательно к терапевтической ценности психоанализа. Попытки некоторых русских психоаналитиков представить Ф. как строго материалистическую систему психологии, встретили возражения со стороны компетентных представителей диалектического материализма. Ср. *социальная психология*, XLI, ч. I, 71/72. *В. Гиляровский.*

Фрейерсбах, курорт в баденском округе Оффенбург, у подножия г. Книбис. 7 минерал. источников (железнокислые, соляные, литиевые, серные воды) с значит. количеством свободной углекислоты.

Фрейзингенские отрывки, см. *словинцы*, XXXIX, 525.

Фрейлиграт, Фердинанд, нем. поэт, (1810—1876), готовился к коммерческой карьере, в 1838 г. издал томик стихов („Gedichte"), стал получать ежегодную пенсию от короля Фридриха Вильгельма IV, в 1844 г. отказался от нее, примкнул к революционному движению, скитался, как неблагонадежный, по Бельгии, Швейцарии и Англии, в 1848 г. принимал ближайшее участие в „Neue Rheinische Zeitung", за стихотворение „Die Toten an die Lebenden" был привлечен к суду, как политический преступник, но оправдан; в 1850 г.

эмигрировал в Лондон, где служил в конторе; был близок к Марксу, с которым находился в переписке; в 1868 г. вернулся на родину. Как поэт, Ф. начал в духе французского романтизма, в духе „Les orientales" Гюго, стихотворениями, воспевавшими экзотические страны, их жителей, фауну и флору, рисовавшими пышнокрасочные картины тропического мира. Написанное в 1846 г. „Glaubensbekenntniss" знаменует собой разрыв поэта с романтизмом и переход к реализму, современности и действительности, к поэзии социальной и политической („Neue politische und sociale Gedichte", 1849—1850). Революционная и социальная поэзия Ф. служит как бы поэтическим комментарием к трудам и к агитации Маркса. Вернувшись на родину, Ф. во время франко-прусской войны превратился из певца революции и пролетариата в поэта объединенной Германии, продолжая, однако, оставаться демократом в духе 1848 г. Перу Ф. принадлежит не мало переводов франц., англ. и амер. поэтов, в том числе и рев.-социальных стихотворений Э. Эллиота, Т. Гуда и Дюпона. См. *Buechner*, „F. F.", 2 тома по-русски: „Избранные стихотворения Ф. и переписка с Марксом", под ред. В. Фриче, пер. Заяицкого, 1924. Ср. *Германия*, XIV, 299. *В. Фриче.*

Фрейсине (Freycinet), Шарль-Луи де Сольс, франц. политик (1828—1923), был инженером, во время прусской войны был одним из ближайших сотрудников Гамбетты по организации обороны, при чем выказал необыкновенную энергию и распорядительность; избранный в 1876 г. в сенат, Ф. примкнул к республиканской левой, в которой сразу занял одно из первых мест; участвовал во многих кабинетах и несколько раз сам стоял во главе министерства. Как министр публичных работ (в конце 70-х гг.), Ф. своей энергией значительно содействовал развитию железно-дорожной сети во Франции; в роли министра иностранных дел он действовал в примирительном духе; как военный министр, он провел ряд очень важных реформ. Грязь панамской истории, замаравшая так много видных деятелей, коснулась в некоторой степени и Ф., и 10 января 1893 г. он должен был оставить пост военного министра, кот. занимал в кабинете Рибо. После долгого промежутка Ф. вновь вступил в состав правительства уже во время войны, в качестве министра без портфеля в кабинете Бриана (1915—1916). Ф. написал „La guerre en province 1870—71" (1872), „Souvenirs" (1911) и др. Ф. принадлежит целый ряд научн. трудов по философии математики, особенно по анализу бесконечно малых, а также по прикладной математике и инженерному делу. С 1891 г. был членом Франц. Академии.

Фрейтаг, Густав, нем. писатель, род. в 1816 г., изучал германистику, был приват-доцентом, с 1848 г. издавал (вместе с Ю. Шмидтом) „Die Grenzboten", где проводилась идея объединения Германии под главенством Пруссии, в 1870 г. сопровождал армию кронпринца, писал корреспонденции с театра военных действий, после Седана вернулся домой, чтобы работать над задуманной в обстановке войны серией „Die Ahnen", был против провозглашения империи, ум. в 1895 г. Любимый писатель либерального бюргерства, Ф. в своих общественно-бытовых романах „Soll und Haben" (1855) и „Die verlorene Handschrift" (1864) идеализировал купеческую буржуазию и буржуазную интеллигенцию за счет дворянства, совершенно игнорируя трудовые народные слои. В серии „Die Ahnen" (1872—1881, 6 т.) Ф. воспроизвел главнейшие моменты в истории немецкого народа (его господствующих верхов), начиная с эпохи переселения варваров и до 1848 г. Мало заботясь о художественной стороне своих романов, Ф. стремился прежде всего воспитать читателя в буржуазно-либеральном и национальном духе. Как драматург, он начал в манере „Молодой Германии" дал в комедии „Die Journalisten", где идеализировал образ журналиста-либерала, пьесу, обычно считающуюся лучшей нем. комедией XIX в., и вернулся к трагедии в стихах „Die Fabier" к традициям Шиллера. Прекрасный знаток сцены и драматургии, Ф. изложил в своей „Technik des Dramas" правила, по которым можно создать хорошую драму. Значительную цен-

ность представляют его исторические „картины“ („Bilder aus d. deutschen Vergangenheit“, 1859—1867, 5 т.). Историю своей жизни (до 1866 г.) Ф. рассказал в своих „Воспоминаниях“ (1887). См. о нем: *Dresch*, „Le roman social en Allemagne“. *Мерингъ*, „История герм. соц.-демокр.“, т. I. Ср. *Германия*, XIV, 305/06. *В. Фр.*

Фрейя, скандинавская богиня любви и плодородия, дочь Ньорда, сестра Фрейра, жена покинувшего ее бога ветров Ода, которого она ищет по всей земле. Живет в Валгалле во дворце Фольквангъ, изображается едущей на колеснице, запряженной двумя кошками.

Фреми, Эдмонд, франц. химик (1814—1894), в 1833 г. стал ассистентом Гей-Люссака, в 1837 г.—Пелуза, в 1846 г.—проф. политехнич. школы, с 1850 по 1892 г.—проф. и директ. естеств.-истор. музея. В 1864 г. Ф. устроил первую во Франции химич. лабораторию для научн. исследований. Работы Ф. очень многочисленны. Он получил безводный фтористый водород, открыл железную кислоту, аммиачные соединения кобальта, искусственно получил рубин, вместе с Беккерелем доказал, что озон есть аллотропия кислорода и т. д. В области органич. химии он получил олеин, пальмитиновую кислоту и работал над составом костей, над пектиновыми веществами, хлорофиллом, молочной и винной кислотой и пр. Техника ему обязана открытием способа омыления жиров серной кислотой, важными работами в области производства стекла, цемента, стали, искусственных удобрений и исследованием функции т. наз. Гей-Люссаковой башни при производстве серной кислоты.

Френ (von Frähn), Христиан Данилович, ориенталист и нумизмат (1782—1851). Родом из Ростока, учился в местн. университете, где в 1806 г. стал прив.-доц. В 1807 г. был приглашен в Казань на кафедру восточн. языков и здесь нашел много восточных рукописей и неизвестных ученым Европы восточных монет. Ф. занялся описанием этих монет, отнесенных к времени халифата, династии Саманидов, волжских болгар и т. д., а это привело его к исследованию мест их чеканки, хронологич. последовательности династий, титулов владетелей и т. д. Своими работами Ф. охватил значит. область мусульманской археологии. В 1817—19 гг. Ф. обработал богатое собрание восточн. монет при Академии Наук и был оставлен ординар. академиком. В 1826 г. вышло его капитальное сочинение „Recensio nummorum muhammedanorum Acad. Imp. Sc. Petropolitanae“. Главной заслугой Ф. является то, что он открыл богатые материалы по истории России и ее древних обитателей (хазар, болгар, татар и пр.) и положил прочное основание русскому востоковедению. В 1818 г. Ф. основал Азиатский музей, который обогатил многими важными восточными рукописями. Разработка этих рукописей дала ряд ценнейших, раньше неизвестных, трудов (напр., записки араб. путешественника Ибн-Фадлана). См. *Dorn*: „Ch. M. Frähnii opuscula postuma“, 1855 г. 2 т. и „Труды Вост. отд. Русс. арх. общ.“, 1856 г.

Френель (Fresnel), Огюстен, один из величайших физиков XIX в. Род. в 1788 г. в Нормандии, сын архитектора. Окончив училище путей сообщения в Париже, занимался около 8 лет инженерными работами в провинции. В конце правления Наполеона Ф. был за роялистские убеждения отставлен от должности и в это время занялся исследованиями по теории света, создавшими ему мировую славу. В 1823 г. был избран в члены парижской Академии наук.—Ф. является истинным создателем математической теории света. Работы его распадаются на три части. В первых своих исследованиях он исходил из одного только предположения, что свет состоит из периодических, способных к интерференции, колебаний эфира. Относительно вида и направления этих колебаний он в то время не имел надобности делать какие-либо предположения; впрочем, тогда он считал световые колебания продольными. Ф. удалось объяснить во всех подробностях явления диффракции и показать, что это объяснение не может быть получено на почве теории световых истечений (которая в те времена принималась почти всеми учеными). Вторая группа работ Ф. имела базой и экспериментальные исследо-

вания его над интерференцией поляризованного света, поведшие, между прочим, к открытию, что два луча, поляризованные перпендикулярно друг к другу, не могут интерферировать. Отсюда был сделан весьма важный вывод, что поляризованный свет представляет собой прямолинейные *поперечные* колебания. Из этого воззрения Ф. вывел ряд следствий и показал, насколько проще объясняются различные явления на почве предложенной им теории. В третьей группе своих работ Ф. занялся установлением свойств светового эфира. На этом пути ему удалось найти законы двойного преломления света, а также дать теорию отражения и преломления поляризованного света, теорию аберрации и нек. др. явлений. Хотя в конце XIX в. физика отказалась от предположения, что свет заключается в механических колебаниях упругой среды, но математическая сторона теории Ф. осталась в полном соответствии и с новой „электромагнитной" теорией света. В этом — великое значение трудов Ф. В конце жизни Ф. много занимался усовершенствованием маячного освещения. Ум. в 1827 г., едва достигнув 39-летнего возраста. Его „Oeuvres complètes" были изданы в 1866—70 гг. (3 т.). *А. Б.*

Френология, учение анатома Галля о связи между наружной формой черепа человека и животных и их психическими особенностями, не имеющее, однако, никакой связи с современным учением о локализации функций головнóго мозга. По мнению Галля, в головном мозгу есть ряд участков, отвечающих различным особенностям человека, напр. скупости, жадности, смелости, музыкальным способностям, поэтическому таланту и т. п. Эти участки, развиваясь, оказывают давление на крышку черепа и вызывают на ее поверхности ряд бугров. Чем выше бугор, тем больше данная особенность человека. Нанеся на карту местоположение бугров, а следовательно и соответственных участков мозга, можно, так. обр., составить карту черепа, по которой получится возможность судить о способностях и характере данного человека. Френологи на основании изучения черепа ребенка давали советы о наиболее рациональном его воспитании. Для определения свойства человека они пользовались бюстами Гомера, Моисея и т. п., не заботясь о том, насколько они соответствуют подлиннику. Бывали и курьезы. Так, Галлю принесли найденный, якобы, в гробу Рафаэля его череп, и Галль с умилением признал на нем характерные бугры знаменитого художника. Через несколько времени оказалось, однако, что череп принадлежал не Рафаэлю, а одному священнику. Точные исследования установили полную произвольность основ Ф., и этот метод, перекрещенный в насмешку в „метод шишек" и не соответствующий действительности, в настоящее время имеет только исторический интерес.

Френсен, Густав, нем. писатель, род. в 1863 г., сын деревенского столяра, изучал богословие, был пастором (до 1902 г.). На долю Ф. выпал почти беспримерный успех, романы его расходились в баснословном количестве экземпляров; ныне нем. критика так же охотно низводит его с пьедестала, как охотно раньше его превозносила. Если первые его романы („Die Sandgräfin", 1896, „Die drei Getreuen", 1898) прошли с средним успехом, то „Jörn Uhl" (есть рус. перевод), картина деревенских нравов — сделала его знаменитостью. Роман „Peter Moors Fahrt nach Südwest" (1907) изображает приключения героя, отправившегося в африканские колонии. Ф. выступил и как драматург („Sönke Erichsen"—история дезертира 1870 г., вернувшегося домой и всеми бойкотируемого). В писателе часто берет верх проповедник, и некоторые его вещи („Dorfpredigten", „Das Leben des Heilands") уже выходят за грани беллетристики. *В. Фр.*

Френч, Джон, англ. фельдмаршал, см. XLVI, прил. *военные деятели эпохи мировой войны*, 416′.

Фрер-Орбан, Гюбер Жозеф, бельг. политик (1812—1896), см. *Бельгия*, V, 311.

Фрерон (Fréron), Луи Мари Станислав, один из оппортюнистов эпохи Вел. франц. революции (1754—1802), сын критика и журналиста Эли Ф., противника просветительной литературы, заклейменного Вольтером. Начал свою карьеру в первые годы революции

благодаря тому, что был товарищем по коллежу Робеспьера и Демулена. Был членом Конвента. В 1793 г. с чрезвычайной свирепостью приводил к повиновению Марсель и Тулон, потом примкнул к термидорианцам и с такой же свирепостью преследовал якобинцев. По его предложению 9 термидора были арестованы Леба, Сен-Жюст и Кутон. Обвинение Фукье-Тэнвиля, Карье, а позднее „последних монтаньяров" также дело его рук. При Директории пресмыкался перед Баррасом, при Консульстве—перед Бонапартом. В 1799 г. получил миссию в Сан-Доминго, где умер от желтой лихорадки.

Фрескобальди, Джироламо, знаменитый органист и композитор (1583—1644). Ф. создал новую манеру игры на органе, которая вошла во всеобщее употребление. В свое время, как органист, Ф. не имел соперников, но не менее важно его значение, как композитора, много содействовавшего развитию контрапунктических форм и в частности фуги. *Л. С.*

Фресковая живопись (от итальянского a fresco) или *фреска*, живопись водяными красками по свежей штукатурке, широко распространенная в качестве украшения стен. Благодаря химическому соединению краски и извести Ф. отличается значительной прочностью; но исполнение представляет для мастера большие трудности, так как ему приходится рассчитывать величину поверхности, которую он успеет закончить в один день по сырому. Вся предварительная работа протекает на картонах, с которых рисунок переносится потом на штукатурку. Художник должен также считаться со значительным посветлением красок после высыхания стены. Ф. ж. почти всегда сохраняла значение технического орудия монументальной живописи, давая художнику возможность маневрировать на больших пространствах стены. Древнейшие образцы Ф. ж. известны в древнем Египте и на о. Крите и отличаются очень простой гаммой красок. До нас не дошли Ф. классической Греции, но литературные известия свидетельствуют о том, что они играли там большую роль. Некоторое представление об этой утраченной ветви античного искусства дают зависимые от Ф. вазовые росписи. Особенно знаменитым мастером Ф. был Полигнот (VI в.). Начиная с Аполлодора-тенеписца (Σκιάγραφος) Ф. утрачивает чисто декоративный и монументальный характер. С этим связано привнесение в эллинистическую эпоху ряда чуждых Ф. технических приемов (напр. энкаустики): таковы росписи Помпей. В средние века Ф. как на западе (в романском искусстве), так и на востоке (в византийском искусстве) возвращается к задачам полихромии и декорации. Ф. сохраняет монументальный характер еще в эпоху Возрождения и позднее, хотя начиная с XVII в. ее значение несколько падает. Ф. Тьеполо и Менгса в XVIII в., Овербека, Каульбаха и Шадова в XIX в. представляют, несмотря на всю свою яркость, единичные явления. Ф. играет очень большую роль в русском искусстве, особенно до XVIII в. Начиная с фрагментов Десятинной церкви в Киеве (X в.), тянется беспрерывный ряд памятников (Дмитровский соб. во Владимире XII в., Нередица в Новгороде 1199 г., новгородские Ф. в XIV в., работы Феофана Грека, Андрея Рублева и Дионисия), развитие завершается в XVII в. в группе ярославских храмов. *Н. Брунов.*

Фреснильо (Fresnillo), гор. в мекс. штате Закатекас. 6.309 жит. Богатейшие залежи серебра и меди.

Фриганиды, см. *ручейники.*

Фригга, в скандин. мифологии супруга Одина (*см.*). По имени ее названа в герм. языках пятница (Freitag= Friatag). Она знает судьбу всех людей, но никому ее не предсказывает. Ее дворец в Асгарде называется Фенсалир (морской зал). У нее две доверенных служанки: аза (см. *азы*) Фулла, которая носит за ней коробку с драгоценностями и заботится об ее обуви, и посланница Гна. В Германии богиня является под именем Фрейи в знаменитой лангобардской саге, приведенной у Павла Дьякона. Несколько скандинавских мифов, связанных первоначально с Ф., перенесены на богиню Фрейю (*см.*).

Фригийская шапка (le bonnet phrygien), мягкий красный колпак, столь модный во время Великой французской

революции, считался подражанием головному убору древних фригийцев.

Фригийский язык, см. *фригийцы.*

Фригийцы составляли вместе с фракийцами особую т. наз. фракофригийскую ветвь индо-европейской семьи языков, обитавшую первоначально на севере Балканского полуострова (приблизительно территория нынешней Румынии), откуда фригийцы, вероятно во 2-м тысячелетии до н. эры, переселились в Малую Азию (северная—средняя части, где города Кония, Кизик, Лампсак, Абидос, Троя, Гордий, Анкира, Пессинунт) и под влиянием хеттской *(см.)* культуры развили свою собственную—фригийскую, повлиявшую в свою очередь на греческую и оставившую характерные памятники: жилища-гроты, высеченные в скалах на берегах рек, и гробницы с фасадами из вытесанных скал со скульптурными изображениями (напр. львы, очень напоминающие Микенские ворота) или с ковровыми узорами (т. н. могилы царей Мидаса и Гордия). Вещественные памятники фригийской культуры в общем относят к VIII—VI вв. до н. эры. О них см. *Ramsay,* „The cities and bishoprics of Phrygia", 1895—7; *его-же,* „Studies in the history and art of the Eastern Provinces of the Roman Empire", 1900; *Perrot et Chipiez,* „Histoire de l'art dans l'antiquité", vol. V; *акад. В. П. Бузескул,* „Открытия XIX в.—начала XX в. в области истории древнего мира", I, 1923. Ф. считались единоплеменниками троянцев, а в области религиозной прославились культом богини Кибелы (матери земли). О языке их см. *Kretschmer,* „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache", 1896; *Hirt,* „Die Indogermanen", т. I-II, 1905-7. Кроме собственных имен и географических названий, сохранился ряд надписей разных эпох: древне-фригийские, писанные архаическим ионийско-эолическим алфавитом, и ново-фригийские, относящиеся уже к христианской эре. Это—надгробные надписи, обыкновенно с греческим переводом. Некоторыми чертами фригийский яз. близок к греческому (сохранение праязычных гласных a, e, o,), а по консонантизму относится к т. н. группе Satem (см. *индо-европейские языки*), т.-е. к одной семье с индо-иранской, балтийско-славянской, албанской и армянской ветвью, при чем особенно близкая связь его с последнею несомненна. Продержавшись сравнительно дольше в глухих горных местах Малой Азии, фригийский язык исчез окончательно. *П. Риттер.*

Фригия, древняя область Малой Азии, распадалась на *Великую Ф.*, занимавшую всю средину западн. части полуострова между Лидией, Карией, Писидией, Ликаонией, Галатией, Вифинией и Мизией, и *Малую Ф.*, отделявшуюся от первой Мизией. Первоначально Ф. была самостоятельным государством, в VI в. до н. эры была завоевана сначала лидийцами (цари Гигес и Крез), скоро перешла к персам, в IV в. покорена Александром Македонским, в 189 г. вошла в состав Пергамского царства и, наконец, в 103 г. сделалась римской провинцией. Жители занимались земледелием и скотоводством. Ф. славилась виноградниками, мрамором и шерстяными изделиями. О богатстве золотом говорит известный миф о Мидасе. Наиболее значительными городами были: Келены — древняя столица Ф. и резиденция персидских сатрапов, Апамейя, Колоссы, Лаодикея, Гиераполис (все в области р. Меандра), на сев. Дорилей, Котиеон, на юге Ипс, известный по битве между диадохами.

Фрида, Эмиль, чешский писатель, см. *Врхлицкий, Ярослав.*

Фридель, Шарль, франц. химик и минералог (1832—1899), в 1876 г. проф. минералогии в Сорбонне, в 1884 г. преемник Вюрца по кафедре органич. химии. Работал над альдегидами и кетонами, атомностью кремния и титана, вместе с Крафтсом и Ладенбургом установил 4-атомность кремния, получил ряд кремне-органич. соединений, разработал вместе с Крафтсом метод синтеза органич. соединений помощью галоидных соединений алюминия, вместе с Саразеном получил искусственным путем ряд природных минералов: тридимит, полев. шпат, горный хрусталь. топаз и т. д.

Фриделя-Крафтса *реакция,* характерный для органических соединений ароматического ряда способ получения высших гомологов бензола, основан на

применении хлористого алюминия $AlCl_3$ в качестве катализатора. Если к смеси ароматического углеводорода и галоидного алкила (напр. $C_nH_{2n+1}Cl$) прибавить $AlCl_3$, то происходит энергическая реакция с выделением хлористого водорода HCl и получением высших гомологов. Так, напр.:

$$\underset{\text{бензол}}{C_6H_5}\boxed{H+Cl}\underset{\substack{\text{хлористый}\\\text{метил}}}{CH_3}=\underset{\text{толуол}}{C_6H_5\,.\,CH_3}+HCl$$

Реакция на этом не останавливается, и, при избытке галоидного алкила, получаются и следующие высшие гомологи, на ряду с однозамещенным; для разделения их пользуются фракционированной перегонкой. Любопытно, что на ряду с усложнением частицы идут и реакции разложения высших гомологов на низшие. Так, напр., из толуола $C_6H_5CH_3$ получается не только ксилол $C_6H_5(CH_3)_2$, но и бензол.

Фридланд, гор. в вост. Пруссии, в окр. Кенигсберг на р. Алле, 3.220 жит. (1925); известен победой Наполеона I в 1807 г. над русскими; с 28 авг. по 8 сент. 1914 г. был занят русскими войсками.

Фридланд, окружной город в сев. Чехии вблизи от саксонск. границы, 6.172 жит. (1921). Прежде главн. город *герцогства Ф.*, которое принадлежало Валленштейну.

Фридлендер, Людвиг, нем. филолог и историк (1824—1909), родился, учился и был профессором в Кенигсберге. Главное сочинение, до сих пор чрезвычайно ценное—„Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms“ (3 т. 1861—72; 9 изд. 1919—20; два русск. перев.), и по научности и по блеску изложения имеющее мало соперников в нем. историч. литературе. Остальные сочинения посвящены преим. вопросам филологии, гл. обр. гомеровской критики.

Фридрих I Барбаросса, император Св. Римской империи (1123—1190). Об его царствовании см. *Германия*, XIII, 503—510. Ни один из Гогенштауфенов, ни один вообще из императоров после Карла Вел. не пользовался такой огромной популярностью, как Ф. Одна его фигура, удивительно стильная и красивая — он был среднего роста, с правильными чертами лица, светловолос и имел густую рыжую бороду—производила впечатление. В частной жизни он любил охоту, чтение исторических книг, чрезвычайно усердно занимался государственными делами и ни разу не дал повода для какого-нибудь порочащего слуха. Был приветлив, остроумен, великодушен, карал злых, награждал благородных. Недаром немецкий народ долго верил, что Барбаросса не умер, а сидит живой внутри Кифгейзера, горы в Тюрингии, и выйдет оттуда, когда будет нужен Германии, чтобы вновь вести ее к победам и обеспечить ей внутренний мир.

Фридрих II Гогенштауфен, немецкий король, король обеих Сицилий, император Священной Римской империи (1194—1250), сын Генриха VI и наследницы норманнских королей Констанции, внук Барбароссы. О его царствовании в Германии *см.* XIII, 511/514, о царствовании в королевстве обеих Сицилий *см.* XXXIX, 85/86, о роли в истории Италии *см.* XXII, 384/385.

Отца Ф. потерял ребенком. Мать вручила опеку над ним папе Иннокентию III, который объявил его совершеннолетним, когда ему исполнилось четырнадцать лет, и вскоре после этого женил его на Констанции, дочери Альфонса Аррагонского, вдове Эммериха Венгерского, которая была старше него на десять лет. От нее он имел сына Генриха, который восстал против него в Германии и умер раньше отца. Второй женой Ф. была Иоланта, дочь иерусалимского короля Жана де Бриена, мать Конрада IV, третьей—Изабелла, сестра Генриха III Английского, мать второго Генриха. На смертном одре Ф. повенчался со своей возлюбленной, Бьянкой Ланча, матерью Манфреда, которому было в этот момент уже восемнадцать лет. Матерью короля Энцио, самого любимого из сыновей Ф., была другая его возлюбленная, повидимому немка. Ф. был коронован королем Германии в Аахене в 1215 г. Императорская корона была возложена на него папой Гонорием III в Риме в 1220 г., а в 1229 г. в Иерусалиме, когда султан Алькамиль передал ему город, в храме „гроба господня“, Ф. короновался короной Иерусалимского королевства.

В последнее время интерес к Ф. в исторической литературе особенно обострился. Буркгардт называет его „пер-

вым новым человеком на троне". Новати говорит: „Его огромная фигура наполняет своей тенью все тринадцатое столетие и господствует над ним, как Александр Македонский и Карл Великий господствуют над своими веками". Давидсон приводит обильные факты в доказательство этого мнения. А Бурдах утверждает, что Ф. был типично-средневековым человеком. Современники взирали на него в каком-то исступленном оцепенении, как на нечто стихийное. В Италии его звали „молотом мира". В Германии легенда о Кифгейзере, связавшаяся в конце концов с Барбароссой, возникла вокруг памяти о нем. Всюду, где появлялась его белокурая голова, в Швабии, на Рейне, в Ломбардии, в Сицилии, к нему обращались все взоры, как к спасителю, как к карателю. Его орудиями были свирепый Эццелино и нежный Энцио. Он представлял империю лицом к лицу с двумя главными силами времени: папством и городскими республиками. От его напора обострились противоположности, породившие гвельфо-гибеллинскую распрю. Манфред наследовал от него светлые кудри и великую душу, проклятия папства и ненависть крепких капиталами гвельфских коммун. Непосредственные цели Ф. потерпели крушение, но не осталось в жизни Италии ни одной области, в которой он не провел бы глубокой борозды. И фигура его стала рисоваться в тем более ярком ореоле, что конец Гогенштауфенов—Беневент, Тальякоццо, неаполитанская плаха—был обвеян поэзией какого-то неотвратимого трагизма.

По духу Ф., конечно, итальянец. Его гений совсем иной, чем истый тевтонский гений его деда. Он был насыщен солнцем юга и солью средиземной волны. В нем, на ряду с вулканическим темпераментом, гигантская целеустремленность, умение в сложной политической и общественной ткани ясно различать самое важное и страстное, ненасытное любопытство ко всему, что красит жизнь, делает ее полной, яркой и многоцветной. Джованни Виллани говорил про него: „Era universale in tutte le cose". И действительно, трудно не только в XIII веке, но и значительно позднее найти человека, интересы которого были бы столь всеобъемлющи. Ф. знал шесть языков, был хорошо знаком с математикой, астрономией, естественными науками, философией. Его мысль, живая и жадная, проникала всюду и не отдыхала никогда. Трактат об охоте („De arte venandi cum avibus"), написанный им, поражает исследователей нашего времени каким-то эмпирическим инстинктом, тем, что в нем результаты непосредственных наблюдений выдвигаются на первый план, как более надежные по сравнению с данными, почерпнутыми из литературных источников. А зверинец в Сицилии столько же служил ему развлечением, сколько полем для наблюдения, которое хочется назвать научным. Он всегда был окружен учеными людьми. При его дворе работали: Михаил Скотт, арабист, переводчик Аристотеля, Авиценны, Аверроэса, великий математик Леонардо Фибоначчи (Леонард Пизанский), который ввел в европейскую культуру арабские цифры и алгебру, араб Ибн Саб'ин, евреи Якуб бен Абрагам Мари и Иегуда Коген бен Соломон—все трое служившие связующими звеньями между богатым научным миром Востока и начинающей европейской наукой. И именно благодаря Ф. западной науке открылись новые пути, и стали известны источники, дотоле неведомые. Он основал Неаполитанский университет, покровительствовал славной медицинской школе в Салерно, по всему своему южно-итальянскому королевству рассеял множество школ, где преподаватели получали щедрое вознаграждение, а ученики столь же щедрые стипендии. До него в Сицилии не было совсем книжных людей. Благодаря Ф. и остров приобщился бесповоротно к европейской культуре, как благодаря ему окрепла культура вообще в Италии. Этого мало.

При сицилийском дворе Ф. родилась итальянская поэзия. Его канцлер Пьеро делла Винья написал первый итальянский сонет, и сам он был одним из первых итальянских поэтов. Для провансальских трубадуров и первых ласточек итальянского dolce stil nuovo Палермо был настоящей Меккою. Там

устраивались поэтические игры, там раздавались песни, звенели лютни и виолы, потому что Ф. обожал музыку, и Италия сначала пассивно прислушивалась к тому, что там делается, потом понемногу стала петь и слагать сонеты по сицилийским образцам и скоро далеко оставила за собой робкие южные начинания.

Религиозная стихия в душе Ф. была сложна и противоречива. Старое у него было перемешано с новым, смелые дерзания с наивной верой. На современников больше всего производили впечатление такие факты, как общение с мусульманами и евреями, посылка сарацинских отрядов—они были равнодушны к перунам отлучения—против папских войск или слухи, что он изучает тайные науки и едва ли не водится с нечистой силой. Данте помещает Ф. в том кругу ада, где казнятся еретики, в соседстве с Фаринатой и Кавальканте Кавальканти. Виллани говорит, что Ф. вел эпикурейскую жизнь и не задумывался над тем, что есть жизнь иная, после смерти. Салимбене, францисканский монах, выражался точнее: Ф. искал доказательств, что после смерти нет никакой другой жизни. Для самого Ф. религиозные вопросы определялись в значительной мере его отношениями с папским престолом. При Гонории III эти отношения были скорее сносные, при Григории IX они стали непримиримо враждебны, настолько, что даже лично хорошо относившийся к Ф. Иннокентий IV должен был вновь подтвердить все обвинения против него. Папы не останавливались ни перед ложью, ни перед явной клеветою, били его мечом духовным и мечом материальным. Громы интердикта гремели без передышки. Бесчисленная свора нищенствующих монахов кляла Ф. на всех перекрестках Италии и Германии, возбуждая его подданных к мятежу. В энцикликах и посланиях пап, особенно Григория IX, ему приписывались самые черные грехи: отрицание непорочного зачатия, глумление над таинством евхаристии, составление памфлета „Три обманщика“ („De tribus impostoribus“: Моисей, Магомет, Христос). В своих ответах Ф. апеллировал к общественному мнению Европы, доказывал лживость папских обвинений, рассылал во все университеты переводы Аристотеля, но когда дело касалось существа, отбрасывал все компромиссы. Послание, составленное в 1245 г. Пьеро делла Винья, содержит такие обвинения против пап, до которых не договаривался сам Лютер. Ф. боролся не только против светской власти пап, но и против духовной. А на ряду с этим он организовал—да еще под интердиктом — крестовый поход, единственный после первого оказавшийся успешным и вернувший Иерусалим, считал, что преступление против религии более тяжко, чем против государя, и беспощадно жег еретиков, чего в королевстве обеих Сицилий до него не бывало. Ереси и неверие были хороши для него, государя стольких стран, да для избранных, ученых людей. Народы должны были верить, как им прикажут, ибо религия — превосходное политическое орудие. Но и сам он был нетверд. Скептическая улыбка, не сходившая с его лица во время бесед с учеными друзьями, не мешала ему не только жечь еретиков, но и простираться ниц перед алтарями в порывах отчаяния и приказать перед смертью обрядить себя в цистерцианскую рясу. На ряду с поэтами и учеными при дворе Ф. толпились астрологи, гадатели, маги, и этот человек, так много говоривший о силе науки, не предпринимал ни одного важного дела, не уверившись, что созвездия не противны ему. Из этих кудесников самым известным был грек Феодор, ученость которого была равна его ловкости. Он вел арабскую корреспонденцию Ф. с государями Каира, Туниса и Марокко, готовил для королевского стола сахарные сиропы (сахар был еще редкостью, и Ф. любил сладкое), рассуждал с Ф. о тайной силе и свойствах драгоценных камней и читал в звездах. Быть может интерес Ф. к астрономии и математике покоился в большой мере на его вере в предсказания небесных сфер. Слишком, все-таки, было еще много средневекового в этой богатой и бурной натуре, рвавшей все рамки. Эпикуреец, жадный к утехам и наслаждениям, способный пропадать на охоте целые дни

и целые дни проводить в своем зверинце, не выходивший иногда из своего гарема в Лучере неделями, Ф. не отличался в этом ни от одного из европейских государей, своих современников, а в ином, — под восточными влияниями, — мог и их перещеголять. К женам он относился, как восточный султан: они у него были в постоянном затворничестве. Одалисок уже совсем по восточному окружал евнухами. Там, где ему казалось, что затронуты его политические и личные интересы, он был жесток более, чем по восточному. Достаточно припомнить ослепление ближайшего друга и самого верного советника Пьеро делла Винья. Но и в теоретических взглядах Ф. был далеко не чужд старых представлений. Яркими средневековыми, совсем не новыми представлениями окрашены, как показал недавно Бурдах, его политические идеалы.

Литература о Ф. очень большая. См., кроме старых работ, *Hampe*, „Kaiser F. II" (1899); *Burdach*, „Vom Mittelalter zum Renaissance" (т. II, 1914); *Davidsohn*, „Geschichte von Florenz" (т. IV, 1, 1921); *Novati*, „Freschi e minii del dugento" (1910). *А. Дж.*

Фридрих III, император Св. Римской империи, родоначальник мужской линии Габсбургов на императорском престоле (1415 — 1493), см. *Германия*, XIII, 541 *сл.*

Фридрих II, прозванный *Великим*, прусский король, род. в 1712 г., был старшим сыном Фридриха Вильгельма I. Воспитывали будущего короля поспартански: отец хотел сделать из него закаленного солдата и сам составил детальную программу воспитания. Из нее было исключено все, что не имело практического значения, в том числе латынь. Но мальчик был живой и даровитый. Родительский хомут был тесен для него. Он рвался вон из рамок казарменной муштры. Мать и гувернер поощряли его. Он прекрасно овладел французским языком. У него выработался литературный вкус. Он стал недурным дилетантом-флейтистом. И даже тайком выучил запретную латынь. Король с возраставшим неудовольствием следил за развитием этих чрезвычайно несолдатских наклонностей Ф. В его грубой, боготворившей муштру, душе постепенно накопилась настоящая ненависть к сыну, и он с высочайшей развязностью проявлял ее на каждом шагу. Ф. стало невмоготу жить в этих условиях, он задумал бежать в Англию, где кстати находилась и его возлюбленная, принцесса Амалия, дочь Георга II, браку с которой противился его отец. В 1730 г., сопровождая отца в путешествии по южной Германии, Ф. решил осуществить план бегства. Ему помогали двое друзей, лейтенанты Катте и Кейт. Неосторожность первого провалила дело. Ф. был арестован, предан военному суду, лишен звания наследного принца и заключен в Кюстринскую крепость. Кейт успел бежать. Катте, схваченный, был приговорен к двухлетнему заключению в крепости, но король, чтобы терроризировать сына и раз навсегда отбить у него охоту к своевольным проделкам, изменил приговор и приказал обезглавить Катте перед окнами тюрьмы принца. Средство подействовало. Восемнадцатилетний юноша был сломлен и дал клятву в преданности отцу. Тюремный режим немного смягчился, но Ф. было запрещено носить военную форму, а солдатам—отдавать ему честь. Только через пятнадцать месяцев отец произвел его в полковники и отправил командовать полком в Нейруппин. В 1733 г. Ф. женился на выбранной для него отцом Елизавете Христине, дочери герцога Брауншвейг-Бевернского. По этому случаю он получил от отца именье Рейнсберг близ Нейруппина, где делил время между своими военными обязанностями и литературой. Здесь он начал переписываться с Вольтером и другими французскими мыслителями. Здесь написал два наиболее известных своих произведения: „Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe" и „Antimachiavel". В первом указывается на чрезмерное усиление Австрии и Франции, и выдвигается мысль о необходимости для политического равновесия выступления какой-нибудь третьей державы,—план, который Ф. осуществил, став королем. Во-втором против взглядов Макиавелли выставляется мысль, что король должен быть не абсолютным монархом, а первым слугой своего народа, что он должен быть чужд мании завоеваний и за-

хватов чужого наследия, — мысли, которые Ф. опровергал всю жизнь жизнью и политикою.

В 1740 г. Ф. вступил на престол. О царствовании его см. *Германия*, XIII, 622—627, *австрийское наследство, семилетняя война*. Он умер в 1786 году.

Ф. один из первых пробудил не прусский только, а немецкий национальный дух. Недаром его популярность дошла до высших пределов долгое время спустя после его смерти, когда интересы немецкой буржуазии идейно оформились и властно потребовали объединения Германии. Именно тогда и получил общее признание титул „Великого", который далеко не встречал сочувствия раньше: маркиз д'Аржансон, друг Ф., называл его неудавшимся великим человеком, а Жозеф де Местр— „великим пруссаком". От начала до конца своего царствования Ф. был вернейшим учеником Макиавелли, которого он так сурово осуждал в теории. Если бы великий флорентинец был жив, он, вероятно, пришел бы к тому выводу, что Цезарь Борджа—мальчишка в сравнении с Ф. В политике Ф. был совершенный нигилист. От Макиавелли он научился тому, что люди наклонны ко злу и что государь должен притворяться, чтобы иметь успех. Выводом из этих двух положений было то, что людей жалеть нечего, особенно, если на их костях можно построить династическое благополучие. Задача государя заключается в том, чтобы в нужный момент иметь под рукой нужное количество людей и чтобы эти люди были снабжены и вооружены наиболее целесообразно. Вот объяснение и колонизационной и финансовой политики Ф., поскольку она была осуществлением лично им поставленных целей. Ф., конечно, нимало не подозревал, что он исполняет веления скрытых от него сил, управляющих экономической и общественной эволюцией не Пруссии даже, а Германии, и чрезвычайно цинично, хотя и не без остроумия, раскрывал династические мотивы своей политики. В „Мемуарах" была фраза, которую Вольтер уговорил его выбросить, но вставил в собственные воспоминания: „Истинные причины, побудившие меня вступить в борьбу с Марией Терезией, была наличность готовой к делу армии, полнота казны и живость моего характера... Честолюбие, желание заставить говорить о себе увлекли меня, и вопрос о войне был решен". Одному английскому политику Ф. говорил позднее: „Что вы рассказываете мне о величии души! Государь должен иметь в виду только свои выгоды". Злой язык Ф. доставлял его врагам почти столько же страданий, сколько и его политика. Бедная Мария Терезия, главная жертва его захватов, была и главной мишенью его насмешек. И хотя Ф. чрезвычайно любил окружать себя философами и писателями, над которыми тоже издевался, не стесняясь, он не позволял им даже строгой критики своих произведений, не то что насмешек. О его литературных друзьях см. *Ламеттри, Вольтер*.

Литературная деятельность Ф. после вступления на престол была чрезвычайно обширна. Только при сверхчеловеческой работоспособности можно было написать так много. Помимо огромной переписки и многочисленных плохих стихов, Ф. написал следующие сочинения: „Miroir des princes" (1744), развитие взглядов „Антимакиавелли", „Essai sur les formes du gouvernement et sur les devoirs des souverains" (1777), где богатый опытом, типичный абсолютный монарх („просветительные" эксперименты отнюдь не мешали Ф. проводить политику последовательного абсолютизма) кокетливо заявляет, что республика может быть вполне оправдана, а конституционализм на английский манер самая мудрая форма правления. Целый ряд книг Ф. посвятил истории своего царствования и своего государства: „Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandenbourg," „Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763 jusqu'à la fin du partage de Pologne," „Mémoires de la guerre de 1778", „Histoire de mon temps" и др.

Все вещи Ф. написаны по-французски. Прусский король, положивший первые крепкие камни здания единой Германии, был *французским* писателем. К немецкой литературе он относился с большим пренебрежением. Правда, в пору, когда складывались его литературные вкусы, немецкая литература

была в младенчестве: ее самыми громкими именами были Готшед и Геллерт. Но и позднее Ф. не находил в ней ничего хорошего. Он отказывался дать Лессингу, который был уже на вершине славы, скромное место королевского библиотекаря, а гетевского „Геца" называл „жалкой копией жалких английских образцов".

Литература о Ф. огромная. Лучшие биографии: *Koser* (2 т. 1890—1903) и старые книги *Preuss* (4 т. 1832—34), *Carlyle* (6 т. 1858—1869), *Kugler* (попул. 5 изд. 1901, с рисунками Менцеля), *Wiegand* (1902, тоже иллюстр.). *А. Дэс.*

Фридрих III, король прусский, император Германский (1831 — 1888), см. *Германия,* XIV, 67.

Фридрих, *см.* XLVI, прил. *военные деятели эпохи мировой войны,* 398[1].

Фридрих Вильгельм, Великий Курфюрст (1620—1688), см. *Германия,* XIII, 617—621.

Фридрих Вильгельм I, король прусский (1688 — 1740), см. *Германия,* XIII, 621 сл.

Фридрих Вильгельм II, король прусский (1744 — 1797), см. *Германия,* XIII, 627.

Фридрих Вильгельм III, король прусский (1770—1840), см. *Германия,* XIII, 627 сл., XIV, 1 сл.

Фридрих Вильгельм IV, король прусский (1795—1861), см. *Германия,* XIV, 6 сл.

Фридрих Мудрый, курфюрст саксонский (1463—1525), сделался курфюрстом в 1486 г., в 1502 г. основал виттенбергский университет, известен особенно, как покровитель Лютера. *См.* XXVII, 545 и 548 и XIII, 566/567.

Фридрих, Стефан, см. XLVII, прил. *био-библ. указ. совр. иностр. полит. деятелей,* 83; *ср.* LXVII, 357 сл.

Фридрихсгалль (Frederikshald), гор. в южно-норвежск. фюльке Эстфольде, при впадении р. Тистедальс-Эльф в Идефьорд. 11.149 ж. (1920). Торговля лесом. Около крепость *Фредерикстен,* у стен которой был убит в 1718 г. шведский король Карл XII.

Фридрихсгамский мир, *см.* XLIII, 695.

Фридрихсгафен, город в виртемб. округе Дунай, пристань на Боденском озере, 11.718 ж. (1925). Завод для постройки воздушных кораблей—цеппелинов.

Фридрихштадт (лат. Jaunjelgawa), окр. гор. в Латвии, на лев. бер. З. Двины, 2.450 жит. (1925; в 1910 г.—6.500 ж.); до отделения самостоятельной Латвии был уездн. гор. Курляндской губ. Быв. *Фридрихштадтский уезд* занимал 3.486,3 кв. км. в восточн. части Курляндской губ. с 75.100 жит. (1914).

Фридъюнг, Генрих, австр. историк и публицист (1851—1920), был профессором в Венской Коммерч. академии, но лишился места за оппозицию кабинету Таафе в 1881 г., сделался журналистом, стал во главе немецко-либер. „Deutsche Zeitung" и до конца жизни был одним из наиболее видных идеологов австрийского национализма, тенденцию которого проводил и в своих исторических работах: „Kaiser Karl IV" (1876); „Der Kampf um Vorherrschaft in Deutschland, 1859—1866" (2 т. 1896; 10 изд. 1917; самое известное из его сочинений); „Der Kriemkrieg und die österreichische Politik" (1907); „Österreich 1848—1860" (2 т. 1908—1912; 2 изд. 1918); „Das Zeitalter des Imperialismus 1884—1914" (т. I, 1919; т. II вышел после смерти Ф. под ред. Пшибрама в 1922 г.). В своих публицистических выступлениях Ф, держался двух точек зрения: немецко-либеральной, враждебной католицизму, и немецко-патриотической, враждебной славянам и мадьярам. Самое громкое из его выступлений, принявшее размер европейского скандала и наложившее пятно на его имя, относится к 1909 г., когда он, на основании документов, сфабрикованных (это было доказано) австро-венгерским посольством в Белграде, обвинял в Neue Freie Presse сербо-хорватских политиков в том, что они подкуплены Сербией. Ф. был привлечен к суду, где выяснились обстоятельства дела, и посрамленным вместе с Форгачем, послом в Вене, оказался и Ф. *А. Дэс.*

Фриз, лентообразная средняя часть антаблемента в античном архитектурном ордене (*см.* IV, 49). В греческой архитектуре Ф. занимал особенно важное место, так как он обычно украшался рельефными изображениями мифологического содержания; поэтому Ф. разростался иногда до огромных размеров, особенно в знаменитом Пергамском алтаре II в., где он занимает централь-

ное место в наружной композиции. Любовь к пластическому и органическому заставляла греков вносить и в отвлеченные архитектурные формы столь излюбленное ими изображение человеческих фигур. В наиболее строгом и абстрактном дорическом стиле горизонтальная лента Ф. разбивается вертикальными членами (*триглифами*) на много квадратных полей (*метоп*), заполненных разобщенными сценами, которые, таким образом, подчинены тактическим границам архитектурного обрамления. В ионическом стиле Аттики Ф. охватывает здания непрерывной полосой, заполненной изображением единой сцены, наиболее подходящей для данного поля (шествием или битвой). В Риме место сцен занимает обычно орнамент. Иногда Ф. вообще оставляют пустым, что связано с уменьшением его ширины. Таким Ф. перешел и в новую европейскую архитектуру. В римскую эпоху Ф. из гладкой плоскости превратился в выпуклую поверхность сложного профиля. Последняя форма особенно характерна для барокко. *Н. Б.*

Фриз, де (de Vries), Гуго, голландский ботаник, род. в 1848 г. в Гаарлеме и получил образование на родине, с 1878 г. профессор унив. и директор ботан. сада в Амстердаме. В настоящее время (1926) оставил академическую деятельность, но продолжает теоретическую разработку своих учений о видообразовании (см. *вид*). Состоит членом Голландской и Датской академии наук.

Достигши профессуры в Амстердаме, он вскоре заявил себя исследованиями по физиологии растений, специально по физико-химическим свойствам живой растительной клетки. Один из первых своих трудов (1884) он назвал „Анализом силы напряжения внутреннего клеточного давления“ (тургор клетки). Выводы из его опытов, недостаточно точных и убедительных, совпадают, впрочем, с положениями учения об осмотических свойствах растворов (*см.*), принадлежащего знаменитому товарищу его по университету, профессору химии Вант Гоффу. Позже Ф. опубликовал свои наблюдения над плазмолизом клетки, из которых заключил, что так наз. вакуоли, обладая собственной перепонкой, должны считаться самостоятельными органами клетки. Эти труды Ф. не имеют особого значения в науке, и ими ограничивается деятельность Ф., как физиолога. Широкую же известность получило имя Ф. с 1889 г. благодаря обширному сочинению, в котором он изложил свою новую теорию „внутриклеточного пангенеза“. Основой теории служит допущение реального существования мельчайших телец, „панген“, как-бы носителей всех наследственных свойств и признаков всякого живого существа. В сущности, пангены Ф. — те же „почечки“, или „геммулы“, которые представлял себе Дарвин в объяснение явлений наследственности в своей предварительной гипотезе об этом явлении (*см.* XXIV, 641). Из построений Дарвина устранено Ф., согласно изменившимся представлениям о клетке, наиболее рискованное предположение о „транспорте“ панген движением соков тела от всех частей и органов тела к половым железам и клеткам, служащим для произведения потомства. Значение этого теоретического труда Ф. теперь только историческое. С успехами нашей науки о клетке (цитологии), специально о клеточном ядре, с развитием генетики и учения о материальных основах наследственности, а также, в особенности, с установлением связи между этим учением и опытами над наследованием признаков (см. *Мендель*), появилось несколько научных течений, глубже анализирующих наследственность, нежели теория Ф. Из них одно вовсе отрицает существование материальных частиц, вроде панген, и принимает, что все свойства и признаки возникают из взаимодействия многочисленных химических и строительных процессов, для возбуждения которых вполне недостаточно отдельных специфичных единиц в виде телец (панген). Таковы, напр., взгляды Клебса. Другое течение, напротив, держится убеждения, что пангены не только реально существуют, но что им в клетке, в ее ядре принадлежит в точности определенное каждому место в том или ином из элементов ядра (см. *хромосомы*, ср. XX, 225 и XXIII, 492).

Таково современное учение американца Моргана. Между этими крайними убеждениями существует много переходов, как в отношении представлений о реальности панген, так и в отношении разделения ролей между протоплазмой и ядром клетки в процессе передачи наследственных свойств организма. Из представлений Ф. сохраняется, так. обр., в большинстве учений лишь допущение, одинаковое с дарвиновским, о реальном существовании панген. Шагом вперед, сравнительно с Дарвином, в теории Ф., бесспорно, является утверждение, что пангены не покидают внутренности клеток, не передаются из клетки в клетку, т. е. не странствуют по телу (транспорт), а, размножаясь делением сами, достаются в удел каждой клетке при клеточном делении. Существование некоторых малейших порций, элементарных количеств или „квант“ живого вещества, повидимому, вообще необходимый постулат современной биологии, так как оно согласуется с общим представлением динамики: представлением атомистическим. Мы можем представлять себе особого размера или порядка частицы вещества, значительно меньшие, чем мельчайшие микроорганизмы, но более крупные и сложные, чем частицы химических тел (молекулы). Почти таковы должны быть частицы коллоидов, и с состоянием и свойствами этих тел современные физика, химия и биология ставят в тесную связь возможность и характер так. наз. „жизненных“ процессов. Вопрос иной: принадлежат ли предполагаемые Ф. пангены тому же разряду частиц, особенно же могут ли быть такие частицы „специфичны“, т. е. могут ли они соответствовать определенным свойствам организма? Этого вопроса Ф. не решил, и его пангены, в сущности, то же, что гипотетические частицы „живого вещества“ в „теориях жизни“ многих почти современных ему биологов („единицы жизни“, „биофоры“, „гранулы“). Как в гипотезе Дарвина, так и в развитии ее Ф., мы должны усматривать, несомненно, некоторый толчок вперед, во-время данный научному мышлению в том-же направлении, в котором двигаются точные науки: физика и химия. Биология пока далека от идеала точной науки, и некоторые ее гипотезы, поэтому, невозможно критиковать одинаково строго; пока достаточно, если в качестве служебных гипотез они способны двигать нашу мысль вперед.

Еще более возросла известность Ф. с выходом в свет нового труда его, „Теории мутаций“, в 1903 г. Очень близким предшественником его необходимо назвать русского ботаника С. И. Коржинского, фактическая сторона сочинения которого, быть может, вполне независимо, ясно отражена в теории мутаций Ф. Общественное мнение из „военного лагеря антидарвинистов“ (по выражению Плате) поспешило объявить теорию Ф. смертельным ударом учению Дарвина о происхождении видов. Теория мутаций Ф. провозглашала новый принцип изменений живых существ: не постепенных и незаметных, как у Дарвина, а прерывистых, скачкообразных, что и имело в виду подчеркнуть само название „мутация“ (превращение). По Ф., мутация есть коренное существенное изменение природы, свойственной организму данного вида; изменение по форме внезапное и по степени достаточное для того, чтобы возникшая форма могла быть нами отличена от первоначальной с такой же ясностью, как мы отличаем вообще один вид от другого. Так. обр., напр., из посева семян, собранных с одной и той-же особи, по Ф., может возникнуть новое поколение, некоторые особи которого будут явно отличны от родительской и, кроме того, способны сами дать семенами новое поколение, сохраняющее все свойства измененных особей, „мутантов“. Дарвин же говорит, что новые формы образовались постепенным и частичным изменением отдельных свойств, прогрессировали путем „естественного отбора“ и сохранялись в результате „борьбы за существование“. Из комбинаций частных изменений, наконец, произошли новые виды. Ясно, что новое учение Ф. о *внезапном* появлении новых видов могло быть представлено в корне подрывающим учение Дарвина. Сам Ф., действительно, объявлял ничтожные изменения, наблюдаемые вну-

три видов, *ненаследуемыми* и *бесполезными* по их слабости проявления, т. е. такими, которые не могут ни подлежать отбору, ни играть роли в борьбе за существование. Если это так, то вся теория Дарвина разрушается теорией Ф. Так рассуждали близорукие, тенденциозные судьи, забывая, что Ф., как и Дарвин, принимал отбор за окончательный момент укрепления мутаций, т. е. допускал переживание тех, которые оказались наиболее пригодными, приспособленными к условиям жизни. Так как после Ф. все наследственные изменения, независимо от их степени, стали называться мутациями, то теория мутаций теперь, в сущности, лишь повторяет общепризнанную, высказанную еще Ламарком, истину, что развитие живых существ зависит от изменчивости видов. Теории Ф. принадлежит также закон, что свойства организмов слагаются из резко различаемых, отдельных качеств. Эти свойства могут сочетаться группами, и у сродных видов повторяются те же качества и те же группы. Переходов, каковые мы наблюдаем часто между внешними формами растений и животных, по теории Ф., между единичными качествами не существует, подобно тому, „как нет переходов между молекулами химически разнородных тел". Эти „качества", конечно, ничто иное, как „единицы наследственности", или „факторы" современной генетики, или менделизма; конкретное представление их в виде малейших телец, как было сказано, ведет свое начало от дарвиновских геммул, которые предполагались Дарвином в наличности в половых клетках. Современное учение отводит им только определенное место в клеточном ядре. Ф. утверждает далее, что развитие всего растительного царства обусловливается последовательными мелкими „скачками". Это последнее понятие тоже не ново, так как Дарвин говорит и о внезапных „легких вариациях" или „игре" (sport), что вполне отвечает скачкам в представлении Ф. (*ср.* XXI, 496). Наконец, теория мутаций утверждает, что образование новых видов в природе идет так же, как отщепление „мутантов" от типа прославленного ламарковского ослинника (Oenothera Lamarckiana), и, стало быть, может быть непосредственно наблюдаемо и изучаемо путем опыта. Ф. считает, что это растение, которое он наблюдал в своих культурах многие годы, находится в периоде особого состояния формообразовательной деятельности. Такие же периоды он допускает в прошлом и для прочих растений, даже вычисляя время их длительности и необходимое число их повторений, что уже вполне гадательно. Систематическое, пристальное наблюдение своеобразной изменчивости ослинника, также дикой хризантемы и др. растений, составляет большую, неотъемлемую заслугу Ф., как скопление материала по наследственности. И до сих пор исследуются многими мутанты ослинника, их помеси и потомства этих помесей. Но дело оказывается здесь непомерно сложным, повидимому, благодаря тому, что родоначальные особи ослинника Ф. были сами очень сложными помесями, анализ которых не был сделан своевременно.

В своих теоретических построениях Ф. опередил, конечно, современников в том, что указал ту часть организма, которую необходимо считать за исходную область изменчивости: такой частью, по Ф., являются зародышевые ткани, каковы верхушки залагающихся почек, одинаково—листовых и цветочных. Изменяются, по Ф., отдельные клетки этих почек, в результате чего на неизмененном побеге могут появиться ветки с новыми, отличными от родительской особи листьями или цветками (т. наз. *почечные мутации*). В цветочной почке, в завязи, или в пыльниках—клетки, служащие для размножения (зародышевые мешки, пыльцевые зерна), могут оказаться при этом сплошь изменившимися, или из них меняются лишь некоторые. Так. обр., в первом поколении можно с большой вероятностью ожидать нечто вроде помесей от встречи типичных половых клеток с „мутировавшими". Отсюда—предположение, что уклоняющиеся от типа формы имеют часто свойства помеси, от которых лишь в следующем поколении могут отщепляться настоящие, чистые мутанты. Чрезвычайно важная заслуга Ф., которую он, впро-

чем, разделяет еще с двумя ботаниками (Корренсом и Чермаком), это — открытие путем собственных опытов забытого закона Менделя о расщеплении гибридов (см. *Мендель*). Ф. указал также первый, что загадочное явление „ксений“ (*см.* XXIX, 623) у манса находит себе объяснение в явлении „двойного оплодотворения“ у покрытосеменных растений, незадолго перед тем лишь открытого Навашиным.

Главнейшие труды Ф.: „Eine Methode zur Analyse d. Turgorkraft“ (1884), „Plasmolytische Studien üb. d. Wand d. Vacuolen“ (1885), „Leerbock d. Plantenphys“. (1885), „Intracelluläre Pangenesis“ (1889), „Monographie d. Zwangdrehungen“ (1892), „Die Mutationstheorie“ (1903), „Species and Varieties“ (1904), „Plant Breeding“ (1907), „Pflanzenzüchtung“ (1908). *С. Навашин.*

Фриз, Яков-Фридрих, немецкий философ (1773—1843), полукантианец, принимавший в основном учение Канта, но дававший ему психологическое обоснование. Воспитание получил в общине гернгутеров, был учеником Фихте в Иене, с 1801 г. был там же доцентом, с 1805 профессором в Гейдельберге, с 1816 вновь читал лекции в Иене и за участие в Вартбургском празднестве был лишен кафедры, на которую вернулся только в 1824 г. В своей „Новой Критике Разума“ (3 т., Гейдельберг, 1807) Ф. развивает взгляды, на которых отразилось влияние Рейнгольда, Якоби, Шульце-Энезидема и Маймона, т. е. как учеников, так и критиков Канта. Вместе с учениками он принимает критическую точку зрения, но вместе с критиками, в особенности с Якоби, отрицает положение Канта о том, что все утверждения чистого разума должны быть подчиняемы доказательству, и последним основанием истины считает непосредственное чувство. Тем самым Ф. возвращается, собственно, к докритической эпохе философии Канта, к идеям, высказанным кенигсбергским философом в сочинении 1763 г. „Об отчетливости основоположений естественной теологии и морали“, где доказывалось, что метафизик должен в своих построениях исходить из надежных наблюдений над фактами внутреннего опыта, все равно как физик исходит из опыта внешнего. Точно также и Ф. настаивает на необходимости обоснования самого трансцендентального метода на психологическом анализе, так как Кант, якобы, не понимал эмпирико-психологического характера трансцендентального познания. Таким образом, критика чистого разума превращается у Ф. в науку о внутреннем опыте или, как он сам ее называет, в „экспериментальную физику“ познания. Однако, несмотря на свой эмпиризм или антропологизм, Ф. в корне отличается от эмпириков в вопросе о происхождении форм познания: здесь он остается априористом. Например, „необходимое объективное синтетическое единство“, которое мы открываем апостериорным путем, анализируя наше субъективное сознание, априорно, т. е. невыводимо из опыта, но в то же время является условием самой возможности познания. Это последнее ограничено сферой явлений, в основе которых лежат познаваемые и представляющие предмет веры вещи в себе. Внешний мир мы знаем лишь постольку, поскольку обладаем математическими и механическими методами познания его. В этом Ф. вполне сходится с Кантом, но в отличие от него распространяет этот принцип и на познание органического мира, критикуя и отвергая кантовский телеологизм. Исключением является мир психический, по отношению к которому Ф. объявляет недействительными принципы математики и механики; здесь единственно пригодным оказывается метод констатирования, описания и анализа, т. е. метод интроспективной эмпирической психологии. Из анализа наших внутренних переживаний Ф. строит и свою этику, основанную на вере в вечную ценность и реальность добра. Высшей нравственной задачей он выставляет „облагорожение человечества“. История движется именно в направлении реализации этой задачи. Эстетическое и религиозное учения Ф. обосновываются им опять-таки на понятии чувства или, как он его называет в этой связи, „предчувствия“; чувство посредствует между теоретическим и практическим разумом; если мы не можем выйти за пределы явлений в познавательной сфере, то в чувстве этот выход возможен. Формулируя окончательный вывод своей философии, Ф. говорит в одном небольшом сочинении („Wissen, Glaube und Ahnung“, 1805): „О явлениях мы

*

знаем, в подлинное существо вещей мы *верим*, признать вещь в себе в явлениях помогает нам *предчувствие*."

Философия Ф. с ее ярко выраженным психологизмом имела в свое время крупный успех: к его школе принадлежали Апельт, Мирбт, Шлемильх, богослов де-Ветте; он оказал влияние на философию Бенеке, а среди новокантианцев его последователем являлся в значительной степени Юрген Бона Мейер. За последнее время в Германии возникла так называемая неофризианская философская школа во главе с проф. геттингенского университета Леонардом Нельсоном (род. в 1882 г.), отрицающая возможность самостоятельного, не опирающегося на психологию, существования теории познания.

Ф. был чрезвычайно плодовитым писателем. Важнейшие из его многочисленных сочинений, утомительных для чтения благодаря бесконечным повторениям и расплывчатости стиля, следующие: кроме упомянутых выше, „System der Logik" (1810—1833), „Handbuch der praktischen Philosophie" (1818 — 1832), „Handbuch der psychischen Anthropologie" (2 т. 1820), „Die mathematische Naturphilosophie" (1822), „System der Metaphysik" (1824), „Geschichte der Philosophie" (1837). О Ф. см. *Joh. Ed. Erdmann*, „Geschichte der neuern Philosophie", B. III, Abth. 1, Th. 1. Lpz. 1848, *Ernst Cassirer*, „Das Erkenntnisproblem", B. 3., *Nelson*, „Über das sogenannte Erkenntnisproblem". *Г. Гордон.*

Фризский язык, см. *германские языки*, XIV, 348 сл.

Фризы (лат. Frisii, Frisones, на соб. яз. Frisan), германское племя, которое во время появления в их стране римлян занимало побережье Северн. моря между Рейном и Эмсом и распадалось на *больших* и *малых* Ф. В это время они занимались морскими промыслами, земледелием и скотоводством. Они были покорены Друзом, в 28 г. восстали, в 47 г. были покорены опять. После 58 г. о них говорят только как об отважных пиратах. Часть Ф. осела рядом с англами и саксами в Британии. В раннем средневековьи земля Ф. (Фрисландия) распадалась на 3 части: западную (теперь провинция Зеландия, южн. и сев. Голландия и часть Утрехта), среднюю (теперь пров. Фрисландия) и восточную (теперь голл. Гронинген, прусск. вост. Фрисландия и часть Ольденбурга). Кроме того, на зап. берегу Шлезвига и на прилегающих о-вах жили *береговые* или *сев.* Ф. Начиная с VI в. Ф. пришли в столкновение с франкским государством и после долгой борьбы были завоеваны и обращены в христианство (*см.* XIII, 443/444). В это время у Ф. уже развивалась торговля. Их корабли плавали в славянские страны, а купцы торговали во Франции, Англии и т. д. По Верденскому договору (843) земля Ф. отошла к Лотарю II и впоследствии вошла в состав Лотарингии, в 870 г. она была присоединена к Германии, а в 911 г., после смерти Людовика Дитяти, когда Лотарингия отделилась от Германии, осталась верной Конраду I и в течение всего средневековья составляла особую область. С XVI в. зап. Фрисландия до Эмса соединилась с Голландией. Прочие Ф. долго сохраняли свою самостоятельность, и семь фризских земель объединились в один союз для защиты от врагов. В конце XV в., после упорной борьбы, и этот союз утратил свою независимость.

Фрикативные звуки, см. *фонетика.*

Фрикционная передача и **Фрикционные колеса,** см. *колеса*, XXIV, прил. к 487/88.

Фриман (Freeman), Эдуард, английск. историк (1823—1892), с 1884 г. был профессором истории в оксфордск. универ. Важнейшие труды Ф.: „History of the Norman Conquest of England" (6 т. 1867—1879); „William the Rufus" (2 т. 1882) „The Growt of the English Constitution from the earliest times" (1872); „Historical Essays", „Историческ. география Европы", „Главные периоды европейск. истории" и „Общий очерк истории Европы", перев. на русск. яз. Его последний труд „History of Sicily" (4 т. 1891—1894) был закончен печатанием уже его друзьями. Ф. был исключительно политическим историком. Экономика и социальная эволюция его не интересовали. Он любил говорить: „История—прошлая политика, политика—настоящая история". Он был большим британским национа-

листом: настолько, что избегал употребления слов не германского корня. У него очень большая эрудиция, хороший критический метод, умение овладеть материалом. Его стиль, ясный и точный, редко возвышается до мастерства его современника Фруда. Его большие сочинения растянуты и скучны, маленькие лучше по архитектонике, сжаты и подчас написаны сильно. О нем см. *W. R. W. Stephens* (2 т. 1895). *А. Дж.*

Фримэр (Frimaire), третий месяц франц. революционн. календаря, приходился на время от 21 ноября по 21 декабря.

Фрина, знам. гетера в древн. Афинах, женщина необыкновенной красоты, послужившая образцом Праксителю для его Афродиты Книдской и Апеллесу для Анадиомены. По преданию, когда она предстала на суд по обвинению в безбожии и судьи уже готовы были произнести суровый приговор, ее защитник Гиперид сорвал с нее одежды, и она была оправдана судьями.

Фриних, один из древнейших греч. трагиков, ум. ок. 470 г. до н. эры. Лучшими произв. Ф. считались драмы: „Финикиянка", послужившая прототипом для „Персов" Эсхила, и „Покорение Милета". *См.* XVI, 656.

Фриноцефалы, Phrynocephalus, род небольших ящериц-агам, весьма распространенных в пустынях Средней Азии от Монголии до Нижней Волги и степей р. Кумы. За характерную форму головы их наз. *круглоголовками* и *жабоголовками*. Тело их широкое, плоское и короткое с плоской округленной головой, длинными и тонкими ногами, длинными пальцами. Характерную особенность их составляет хвост, на конце черный или с красными полосами, способный закручиваться. Темянной (третий) глаз сильно развит и ясно виден снаружи. Окраска, удивительно приспособленная к пустынному фону—песчаного или глинистого цвета с разнообразными пятнами или узорами. В закаспийских и туркестанских степях Ф. по количеству решительно преобладают над всем остальным животным населением и нередко встречаются массами. В случае опасности быстро зарываются в песок. Всего известно около 15 видов. Чаще встречаются: *такырная круглоголовка* (Ph. helioscopus), дл. 12 см., живущая на „такырах" (глинисто-солонцовые площадки среди холмов сыпучего песка) и интересная своими ухватками, похожими на собачьи; окраска варьирует смотря по окраске почвы; *ушастая к.* (Ph. mystaceus), до 23 см., самый крупный вид, живет только в сыпучих песках; *песчаная к.*, (Ph. interscapularis), 8 см. длины, самый мелкий вид, с розовым пятном на спине.

Фрис, Педер Клаусен, *см.* XXXIX, 197.

Фрисландия, нидерланд. провинция. Нас. 394.504 (1924). Площ. 3.220 кв. км. Ровная, состоящая по б. ч. из плодородных маршей страна с многочисленными озерами, богатыми рыбой и многими каналами. Гл. гор. Лееуварден, 46.038 ж.; важнейший приморск. город Гарлинген.

Фрисландия, см. *фризы* и *Германия*, XIII, 400/01.

Фрисландские острова, см. *Германия*, XIII, 400/01.

Фритаун (Freetown), укрепленный главн. город британской колонии Сиерра Леоне в зап. Африке. 44.142 жит. (1921), самая большая и самая лучшая гавань Зап. Африки, стоянка англ. флота и угольная станция.

Фритигерн, вождь вестготов, при нашествии гуннов перешедший с согласия имп. Валента вместе со своим народом в Мизию. Когда, вследствие притеснений римских наместников, вестготы взбунтовались, Ф. стал во главе восставшего народа, разбил римские армии, в 378 г. под Адрианополем уничтожил войско самого Валента (см. *вестготы)* и опустошил почти весь Балканский полуостров. Ум. в 381 г.

Фритредеры, см. *торговля.*

Фритьоф (Frithjof), герой скандинавской саги, возникшей между III и VII вв. н. э. Первая исландская запись ее относится к XIII в. Лучшая обработка ее принадлежит шведскому поэту Тегнеру.

Фриче, Владимир Максимович, историк литературы и искусствовед, см. XLI, ч. III, *деятели СССР и Октябрьской революции.*

Фрич-Модржевский, Андрей, польский публицист, *см.* XXXII, 618.

Фриш-Гафф, прибрежное озеро в Вост. и Зап. Пруссии между Эльбингом, Поллау и Кенигсбергом, площадью в 860 кв. км. См. *Германия,* XIII, 402/3.

Фришейзен-Келер, Макс, современный немецкий философ (1878—1923), профессор в Галле. Примыкал по своему философскому мировоззрению к так называемому „критическому реализму". Его труды: „Wissenschaft und Wirklichkeit", „Realitäts problem" и др. С 1913 г. издавал ценные *Jahrbücher der Philosophie.*

Фробишер (Frobischer), сэр Мартин, англ. путешественник, род. около 1535 г. С малых лет знакомится с морем. В 1560—61 гг. в нем зарождается смелая идея открыть северо-западный путь в Китай и Индию, мысль, руководившая большинством арктических исследователей того времени. Осуществить свою идею он мог лишь в 1576 г., когда граф Уоррик дал ему средства на снаряжение экспедиции. С двумя маленькими судами, из которых одно к тому же бросило его на полпути, Ф. открыл Лабрадор; вернувшись в Англию, он привез с собою образцы металла, кот. сочли за золото. Это обстоятельство дало ему возможность еще два раза (1577 и 78) возвращаться в Сев. Америку в тщетных поисках северного пути в Азию. Впоследствии принимал участие во всех морских войнах того времени; за участие в рассеянии „Великой Армады" (1588) возведен в дворянство; ум. в 1594 г. от раны, полученной при осаде Бреста. *См.* VIII, 522, и XXXIII, 14′.

Фровард (Froward), также Пунта де Санта Агуеда, мыс, южная оконечность Американского материка. *См.* II, 421.

Фрол Скобеев, герой „Истории о россійском дворянине Ф. С. и стольничьей дочери Аннушке", русской повести второй полов. XVII в. По форме это нечто среднее между итальянской новеллой и плутовской повестью (picaresco) и вместе с тем это оригинальное русское произведение не только по подлинным фамилиям действующих лиц времен царя Алексея, но и по жизненности обстановки и бытовых сцен эпохи. Повесть совершенно свободна от подражательного авантюризма „Бовы", изображая в худож.-реалистических рамках похождения незнатного человека,—дельца, ябедника и устроителя собственных дел, сумевшего провести именитого боярина („стольника Нардина Нащокина") и обманным образом жениться на его дочери. Ф. С.—своего рода Фигаро. В повести ряд ярких бытовых эпизодов, напр.: Ф. С. на Ивановской площади, в Кремле, вымаливает себе прощение, валяясь в ногах у именитого „тестя поневоле"; или вынужденное примирение знатных родителей с дочерью и плутом-зятем. Повесть нова была и своим „аморализмом" (в духе Боккаччьо) и изображением партнерши Ф. С.: стольничья дочь Аннушка проявляет в этой истории активность, в которой чувствуется новая эпоха, уже далекая от теремного затворничества. В повести много юмора. Любовная интрига отодвинута на второй план основною темой повести: плут пускается на все ради карьеры. В любовных своих проявлениях Ф. С. грубоват. Его отношение к женщине старинное, далекое от сентиментальности последующего века, навеянной Западом. Наконец, характерен и язык повести — живой, разговорный язык, изредка пронизанный книжными, канцелярскими и новыми иноземными словами (квартира, реестр, публикация и т. п.). О Ф. С. см.: *А. Н. Пыпин,* „Очерк лит. истории старин. повестей и сказок русских", Спб. 1857; *В. В. Сиповский,* „Очерки по истории русск. романа" Спб. 1908—1910; *Б. И. Дунаев,* „История о росс. дворянине Ф. С.", М. 1916.

Фроленко, Михаил Федорович, см. *автобиографии революционных деятелей 70—80-х гг.,* прил. к т. XL.

Фроман, Никола, франц. художник XV в., *см.* XLV, ч. I, 509.

Фромантен, Эжен, франц. живописец и писатель (1820—1876). Две картины, выставленные в Салоне в 1847 г., обратили внимание на Ф. и открыли ряд талантливых изображений алжирской жизни и природы. Ф. превосходно изображает глубокий мертвенный покой Востока и тонкий, прозрачный воздух пустыни. В точной передаче племенных типов и характерности

движений, в изображении житейской обстановки Востока Ф. является реалистом с широким пониманием главного, существенного, очищенного от лишнего глубокою переработкою и изучением. Не менее замечателен Ф. и как писатель. Его „Un été dans le Sahara“ и „Une année dans le Sahel“, составленные из путевых писем, также обратили внимание на себя силою и выдержанностью стиля и поэтичностью образов. Книга Ф. „Les maîtres d'autrefois“ (перев. на русск. яз. 1913) написана с огромным подъемом и дает такие проникновенные анализы произведений нидерландских мастеров, которые давно сделали это произведение классическим. *Н. Т.*

Фронда, см. *Франция — история*, XLIV, 586 сл.

Фронт. 1) Ф. позиции, расположения войск вообще—протяжение боевой линии от одного фланга до другого. См. *стратегия*. 2) Крепостной Ф.—участок крепостной ограды, имеющий самостоятельную оборону. Различаются Ф. полигональные, тенальные, кремальерные, бастионные. См. *фортификация*. 3) Ф. атаки—участок крепостной ограды, выбранный атакующим в качестве объекта атаки. См. *тактика*.

Фронтиспис (франц., от лат. frons—передняя сторона и specio — смотрю). На Западе Ф. называют фронтон, образуемый двускатной крышей античного храма, а также фронтоны дверей и окон; распространительно обозначают этим термином весь главный фасад здания. Отсюда обозначение Ф. перешло на заглавный лист книги и сузилось до значения заглавного рисунка, занимающего целиком первую страницу или только *заставку*, неширокую полоску над ее текстом, заполненную орнаментом и отчасти фигурными изображениями или видом. В этом последнем смысле Ф. понимается в русском языке. *Н. Б.*

Фронтон, ограниченная карнизами треугольная стена под двускатной кровлей здания. Ф. подчеркивают обе короткие стороны греческого храма, как два главных фасада со входными дверями. Это впечатление еще усилено помещенными в Ф. скульптурными группами мифологического содержания, задача которых состоит в том, чтобы построить многофигурную композицию в пределах треугольного поля. От абстрактного геометрического движения „эгинетов“ фронтонная группа эволюционирует через храм Зевса в Олимпии к полной свободе и уравновешенности скульптур Парфенона в Афинах, который означает высшую точку развития Ф. Распространившаяся в эллинистическое время композиция перистиля (*см.*), связывающая друг с другом изолированные дотоле здания, подорвала значение Ф. Из венчающего архитектурные массы члена, Ф. в Риме превратился в декорацию на поверхности фасада. Новая европейская архитектура широко применяет Ф. в различных вариантах. Особенно излюблены Ф. дверей и окон, встречаемые уже в конце античной архитектуры. *Н. Б.*

Фроссар, Людовик-Оскар, франц. полит. деятель, *см.* XLVII, прил. *биобибл. указатель соврем. иностр. полит. деятелей*, 83.

Фрошаммер (Frohschammer), Яков, немецкий философ-метафизик (1821—1893), проф. в Мюнхене с 1855 г. До своей профессуры Ф. был католическим священником, но отстаивал в своих первых сочинениях самостоятельность философской мысли и независимость ее от католического богословия, за что эти сочинения были внесены в index librorum prohibitorum. Впоследствии он издавал в Мюнхене с 1862 г. журнал свободных католических ученых „Athenäum“.

Основные сочинения Ф.: „Die Phantasie als Grundprincip des Weltprocesses“, 1877, „Ueber die Genesis der Menschheit und deren geistige Entwicklung in Religion, Sittlichkeit und Sprache“, 1883.

Ф. отстаивал идею философии, как целостной и объемлющей науки, задачи которой не ограничиваются одной только теорией познания, но охватывают всю идеальную действительность. В поисках единого принципа миропонимания и истолкования Ф. отвергает материю в качестве первоначала, так как из нее нельзя вывести дух, относится отрицательно к понятию мирового разума, которому противоречит

факт бессознательного, исключает, наконец, мировую волю Шопенгауэра, ибо она делает непонятным факт разума, и принимает за принцип бытия и психического восприятия фантазию. Как явление субъективное, фантазия есть творческая сила воображения, как объективное бытие—она есть творческая мировая сила, порождающая из себя все многообразие действительности. В качестве своих предшественников Ф. указывал на Канта и Фихте, но, как справедливо указывает Аскольдов, понятие фантазии у Ф. близко к понятию творчества, и тем самым его философия — к философии Шеллинга и Гегеля. О. Ф. см. *B. Münz*, „I. F.“, 1895; *Attensperger*, „I. F. S. System“, 1899.

Фруассар (Froissart), средневеков. хронист (1338—1410), был сыном валансьенского (Фландрия) горожанина, пробовал заняться торговлей, потом стал клириком и посвятил себя целиком литературе. Покровительство высоких особ обильно снабжало его средствами. Он много путешествовал, объездил Фландрию, Францию, Англию, Шотландию, Италию. Сначала жил при дворе английской королевы Филиппы, супруги Эдуарда III, потом в Англии же при дворе пленного французского короля Иоанна II, а с 1374 г. до конца своих дней — при дворе графа Блуа, который сделал его каноником в Шиме. Дома, в гостях, в дороге Ф. с жадным, неистощимым любопытством расспрашивал всех, и постоянных покровителей и мимолетных знакомых, но рангом не ниже рыцарского, о событиях, в которых каждый принимал участие. Он был выше каких бы то ни было национальных предрассудков, настоящим космополитом по духу. Французы упрекают его в отсутствии патриотизма. Ф. и не обязан был быть французским патриотом. Он — фламандец, не француз. Но у него нет и фламандского патриотизма, потому что в век Артевельде фламандским патриотом можно было быть, только стоя обеими ногами на политической платформе промышленных городов, враждебной рыцарству. Для Ф. это было совершенно исключено. Он был с рыцарями, кормился от рыцарского стола, от рыцарей заимствовал и освещение фактов и политическое настроение. Когда ему приходилось встречаться с движением крестьянских масс (Жакерия), он осыпал крестьян клеветой и проклятиями. Когда он вел рассказ о горожанах, к которым принадлежал по рождению, он говорил то равнодушно, то с иронической усмешкой. Пафос он берег только для изображения жизни и деяний рыцарства. Все что есть картинного в рыцарском быту: пышность и блеск придворных пиров и приемов, гром сражений, треск копий на турнирах, волнующая красивость галантных рыцарских похождений — получило в „Хронике“ необыкновенно пластическое изображение. При том только бравурной и героической стороной. Обыденное и мрачное из нее выпало. Членовредительство, страдания, смерть во всех видах, неразлучные с самым красивым боем, массовая гибель маленьких людей на войне, кровавые интриги и холодная жестокость придворного быта, распутство и грязь рыцарской жизни, вакханалия насилия всюду и везде — остались в тени. Фруассар — поэт рыцарства. Он его идеализирует. Ему нет дела до его темных сторон. Вот, когда жестокости творят забитые жаки, тогда Ф. не жалеет красноречия и даже готов кое-что присочинить. Односторонность информации и отсутствие беспристрастия очень часто делают Ф. в отдельных фактах не достоверным. Но общая картина рыцарской культуры и нравов XIV века совершенно исключительная по насыщенности, яркости и красочности. Недаром из Ф. так много черпали потом романисты.

Ф. принадлежит еще много стихотворных, дидактических и аллегорических произведений с вялым и монотонным стихом. См. *Франция—литература*. Из них только „Dit du florin“ представляет интерес по той апологии силы денег, которая в нем заключается и которая так характерна для дидактической поэзии XIV в. (Эсташ Дешан и др.). В панегиристе рыцарства мимоходом все-таки сказался горожанин эпохи расцветающего денежного хозяйства, сын промышленной Фландрии.

Лучшее издание „Chroniques“ принадлежит *Luce* (1869—1888). Предшествовавшее, тоже вполне научное, издание *Kervyn de Lettenhove* (1863—1877). „Poésies“ Ф. изданы *Scheler'ом*. См. *M-me Darmesteter*, „F.“ (1894). *А. Дж.*

Фруг, Семен Григорьевич (биограф. и библиограф. *см.* XI, *прил.*, 725), русско-еврейский поэт (1860—1916), писавший, глав. образом, на русском языке, но в творческой идеологии своей питавшийся национальными мотивами, принадлежит к поколению поэтов конца 70-х и 80-х гг. прошл. века, наиболее ярким выразителем которых был Надсон. Муза Ф. скромна, размеры поэтического дарования невелики, стих Ф. с формальной стороны мало оригинален, часто бледен („бедна, убога песнь моя“...), но у Ф. есть свое лицо в хоре певцов этой эпохи, имя его было окружено в свое время страстной любовью читателя и таким же ушло в прошлое для тех, кто помнит этого поэта. „Люди следующих поколений не могут себе представить, какое глубокое душевное волнение вызывали в первые годы его элегии, легенды. Как много говорил истерзанному сердцу своего поколения поэт, который „ни одной песни веселой не спел своему народу“, свидетельствует историк эпохи С. Дубнов. Это влияние поэта объясняется не столько подкупающей искренностью, свежестью красок, высокой эмоциональной напряженностью его творчества, сколько созвучностью эпохе, которую поэт в известном, ограниченном, кругу явлений и эмоций отразил волнующе и страстно.

Ф. сильно тяготел к эпосу, но не в многочисленных его поэмах и сказаниях на библейские темы („Дочь Иеффая“), в большинстве растянутых, риторичных и вялых — его сила. Он по преимуществу лирик, — певец угнетенного национального меньшинства, сумевший излить в простых песнях всю горечь и скорбь национального гнета и всю тоскливую жажду исхода,— поэт-восьмидесятник, поэт-гражданин, чья муза—муза, если не мести и гнева, то глубокой национальной печали и жгучей обиды. На его песнях начертано: „Два достоянья дала мне судьба: жажду свободы и долю раба“; правда, освобождения он ждет прежде всего национального, но это есть первая ступень социального сознания, еще не дифференцировавшегося, не дозревшего еще до более широких проблем. Ф. не узко-национален, он общечеловечен.

Чтобы теперь понять Ф. и почувствовать всю силу страстного отклика, который вызывала его лирика в рассеянной среде своего читателя-изгоя, нужно воскресить в памяти ту трагедию русско-еврейских отношений 80-х гг., которая взростила эту лирику. В лице наиболее радикальных своих элементов разбивая стены старого еврейского гетто, узкой национальной и религиозной обособленности, русское еврейство 70-х гг. приобщалось широкой струей к общей жизни страны. Усваивая с горячностью прозелитов передовые идеи русской общественности и культуры, воспитываясь на русской литературе, в русской школе, оно целиком отдавало себя общим задачам века, растворяясь самозабвенно в великом море народном. Здесь были т. н. „просветители“ („маскилим“) и „ассимиляторы“; здесь были и более левые элементы, уходившие в „революционное народничество“ из душных еврейских местечек и синагог—Аксельрод, Натансон, Дейч, Зунделевич (из виленского раввинского училища). Для того, чтобы теснее слиться с народом, стать совсем „своим“, не задумывались менять религию и делали это восторженно (Аптекман). Но начало 80-х гг. обозначило резкий перелом в судьбе русского еврейства. Недавний либерал А. С. Суворин выступает в „Нов. Времени“ с письмом, озаглавленным „Жид идет“, а в 1881 г. налетает вихрь первых еврейских погромов (в течение года в 150 городах и местечках), вслед за ними ряд правительственных ограничений („черта“, „процентная норма“ и т. д.; *см.* XIX, 457). А русское общество, за небольшим исключением одиночек-писателей (выступления Мордовцева, Вл. Соловьева, Салтыкова-Щедрина, Шелгунова), реагировало весьма слабо. Тогда-то началась эмиграция за океан, в страну „великой республики братства“; другие, оставшиеся, с остротой почувствовав непонятную враждебность окружающей среды и чуждые идеалам

революции или не верящие в нее, ушли в идеалы национального возрождения (т. н. „палестинское“ движение, позже—„сионизм“).

Тем большую остроту переживаний должен был почувствовать Ф., призванный поэт средних слоев еврейства этой эпохи, поэт на своей судьбе изведавший все обиды и униженья национального гнета, вплоть до скитаний лишенного „права жительства“ в столице и прописки под видом „домашнего служащего“ у знакомого адвоката. „С мечом ли воина в деснице всепобедной, С весами ль правосудия в руках, Во храме ли науки заповедной, С молитвой ли смиренной на устах — Все тот же яд вражды и ненависти жгучей Ты в грудь мою рукой жестокой лил“..., говорит поэт своему современнику-иноверцу, и в этих строках вся картина общественного антисемитизма эпохи. Полный жгучей тоски, местами пророческой силы, смятения и боли, появляется ряд лирических пьес Ф. сначала в русско-евр. журн. „Русский еврей“ и „Рассвет“, потом в общих журналах: „Р. Мысль“, „Неделя“, „Вестн. Евр.“, вошедших в первую и лучшую книгу его стихов (1885), и вызвавших отзыв К. К. Арсеньева в „В. Евр.“ о Ф., как об одном из „лучших“ поэтов поколения. Здесь характерные мотивы 80-х гг., сближающие Ф. с Надсоном: „И без просвета ночь... И без конца неволя... Рыдать и все рыдать... О, как же ты горька, Как ненавистна ты, мучительная доля Певца-гробовщика“... Но эти общие мотивы окрашены в национальный цвет. Глухая, неизлечимая обида терзает поэта, чувствующего себя изгоем в стране: „Я — русский... С первых детских дней Я не видал иных полей, Иного не слыхал напева.., Мне песни русской дорог был И грустный лад, и юный пыл... Я — русский... Общей с вами я Болел мучительною болью...“

Переживая трагедию еврея-восьмидесятника, Ф. все же не впадает в безнадежный пессимизм. Смутные идеалы его—это идеалы 80-х гг. „Певцу освобождения“ верится, что „придет пора — исчезнет злоба; однэй ликующей семьей под знамя света и свободы стекутся мирные народы“ („Грядущее“), совсем как у Надсона: „Верь, настанет пора и погибнет Ваал и вернется на землю любовь“, или как у П. Я. (Мельшина). Творчество Ф. переживает еще вспышку расцвета („Сионяды“), но затем рост его останавливается и падает — когда реакция эпохи осела плотно и надолго, и возбужденные чувства гражданина погасли в душевной прострации, — эмоциональная настроенность, составляющая главную силу музы Ф., потухает, голос становится глухим, тусклым. В „Песне жизни“ Ф. предчувствовал эту гибель свою, как поэта, во мраке одной из могил „сотен замученных жизней, сотен загубленных сил“... Немногие последние его песни („Дневники“) посвящены безысходной трагедии т. н. „беженства“ эпохи войны (1916). Почти замолкший, полузабытый поэт ум. 7/IX—1916 г. накануне революции.

Литература: *Л. Мельшин*, „Очерки русской поэзии“, 1904; *А. М. Скабичевский*, „История новейшей русск. литер.“, 1900; „Евр. Старина“, 1916, IV вып. (*С. Дубнов*, „Воспом. о Ф.“); *В. Львов-Рогачевский*, „Русско-евр. литер.“, 1922 г.

Д. Тальников.

Фругони (Frugoni), Карло Инноченцо, итал. поэт (1692—1768), был монахом, жил в качестве поэта лауреата при дворе Антонио Фарнезе, герцога Пармского, потом получил от папы разрешение от монашеских обетов, вернул свое имущество и посвятил себя окончательно поэзии. Ф. был одним из самых крупных поэтов Аркадийской школы (*см.* XXII, 487/488). Его лирические стихотворения и пасторали отличаются необыкновенной легкостью и изяществом.

Фруд (Froude), Джемс Антони, известн. английск. историк (1818—1894), сын священника, получил образование в вестминстерск. школе и оксфордск. университ., принимал участие в издании житий английск. святых, в 1844 г. был посвящен в диаконы; но скоро в его убеждениях произошел поворот к рационализму, он вышел из духовного звания и целиком посвятил себя изучению реформационного периода английск. истории на основании обильного архивного материала. Результатом исследований Ф. была 12-томная „History of England from the Fall of Wolsey etc.“ (1856—1870), доведенная до

1588 г. Блестяще написанная, она обнаружила глубокое, хотя и не всегда критическое, знакомство с источниками, но заслужила много нареканий своими пристрастными оценками Генриха VIII и Елизаветы. В 1872 г. Ф. путешествовал по Северн. Америке, где читал публичные лекции, в 1874—75 гг. он, по поручению правительства, посетил южно-африканские колонии. В 1892 г. Ф. избран проф. нов. истор. в оксфордск. унив.

Из его соч., кроме указанного, отметим: „Influence of the Reformation on the Scottish character", „The English in Ireland in the eighteenth century" (1872—74), „Thomas Carlyle" (две книги: „T. C., the first forty years of his life", 1882, 2 т. и „T. C. life in London", 2 т. 1884; книги вызвали много разговоров вследствие резкой защиты Джэн Карлейль против мужа), „Oceana, or England and her colonies" (1886), „The English in the West Indies" (1888) и др. О нем см. *Herbert Paul* (1905).

Фруктовые вина и воды, получаемые из плодов: яблок, груш, а также ягодные вина из смородины, крыжовника, малины и пр., приготовляются в общем по тому же способу, как и виноградные вина (*см.* X, 244 сл.).

Разница в приготовлении состоит в том, что перед брожением фруктовый и ягодный сок приходится улучшать, так как сравнительно с виноградным соком он содержит больше кислоты и меньше сахару. Без такого улучшения вина получаются кислыми и слабыми. Для уменьшения кислотности сок разбавляют водой до нормы, которая для столовых вин считается 0,8—0,9%, для ликерных 0,9—1%. Кислота в соке плодов и ягод—яблочная и лимонная, а не винная, как в винограде. Кислотность и сахаристость в соку выражается след. цифрами (в %): яблоки антоновские 0,95 и 10,79, крыжовник виноградный 2,06 и 8,88, смородина красная 2,71 и 6,79, малина садовая 1,64 и 6,11, вишня владимирская 1,08 и 12,44, черника 1,23 и 5,46, клюква 3,25 и 3,62. Улучшенный разбавлением водой до кислотной нормы и прибавлением сахара (на 1 об. спирта берут 1,7 вес. ч. сахарозы), сок подвергается брожению и уходу, как и в виноградных винах. Брожение вызывается или дрожжами, живущими на плодах и ягодах (Saccharomyces apiculatus и S. mali), или чистыми культурами винных дрожжей, применение которых дает превосходные результаты. Слабые Ф. и ягодные вина содержат 5—7% спирта, крепкие 10—12%. За границей Ф. в. пользуются большим распространением, особенно яблочное вино (сидр). Лучшими ягодными винами считаются вина из крыжовника и смородины. Ф. и ягодные воды приготовляют из фруктовых и ягодных соков или сиропов, подслащивая их сахаром, разбавляя водой и иногда газируя углекислотой. Фруктовый и ягодный сок получают раздавливанием плодов и ягод, кипячением смеси, отжиманием и отфильтровыванием. Сок разливается в бутылки, которые закупориваются и нагреваются до 65°. Чаще готовят соки лимонный, черносмородиновый и малиновый. Фруктовые и ягодные сиропы получаются кипячением фруктового и ягодного сока с сахаром (1 ч. сока на 2½—3 ч. сахара рафинада) и разливаются по бутылкам. Фальсификация Ф. и ягодных вод довольно распространена. Вместо фруктовых и ягодных соков берут т. наз. фруктовые эссенции, которые представляют растворы различных сложных эфиров в спирту и при очень сильном разведении дают запах фруктов. Они получаются в больших количествах заводским способом и применяются также в кондитерском деле. Сахар заменяют сахарином. Окраска производится искусственными пигментами (растительными и анилиновыми красками).

Фруктовые эссенции, сложные эфиры низших и средних кислот жирного ряда, обладающие запахом плодов, входят в состав многих природных эфирных масл. Некоторые готовятся искусственно, в больших количествах. Таковы, напр., *грушевая ф. э.*— изоамиловый эфир уксусной кислоты, обладает сильным запахом, в очень слабом растворе имеет запах груши; *ананасная э.*—этиловый эфир нормал. масляной кислоты (ср. *ананасный эфир*), *яблочная э.* — изоамиловый эфир изовалериановой кислоты и т. д.

Фруктоза, углевод, *см.* XV, 194, и XLII, 38'.

Фрундсберг, Георг фон (1473—1528), самый крупный из предводителей немецких ландскнехтов, выдвинулся в войну Швабского Союза против Альбрехта Баварского и против Швейцарии, приобрел доверие имп. Максимилиана, который возвел его (1504) в рыцари. С тех пор он неизменно участвовал во всех войнах империи, а в Германии играл видную роль в борьбе с рыцарями-разбойниками и с восставшими крестьянами. Главные отличия Ф. — Павия, где ландскнехты Ф. решили битву (1525), Говерноло, где Джованни Медичи, вождь противников, был смертельно ранен (1527). До Рима в последнем походе Ф. не дошел: он был ранен при бунте его ландскнехтов в Болонье, вернулся домой и скоро умер. Ф. сочувствовал Лютеру. Его историческая роль в том, что он превратил нестройные толпы ландскнехтов (*см.*) в первоклассную пехоту, способную мериться силами с непобедимой швейцарской „bataille". *А. Дж.*

Фрунзе, М. В., см. *деятели СССР и Октябрьской революции,* т. XLI, ч. III.

Фрунзе, прежде *Пишпек* (см.), ныне гл. гор. Киргизской АССР; по пер. 1923 г.—23.071 ж.

Фрэзер (Frazer), Джемс Джордж, англ. этнолог, род. в 1854 г.; с 1907 г. состоял профессором социальной антропологии в ливерпульском университете. Его литературно-научная деятельность является исключительной по своей продуктивности. Ему принадлежит множество трудов, являющихся в на-

стоящее время основными в области изучения верований малокультурных народов. Главная его работа „The Golden Bough", посвященная изучению первобытной магии, появилась в свет впервые в 1890 г., затем неоднократно переделывалась и в своем последнем (третьем) издании, законченном в 1923 г., представляет монументальный труд в 12 томов. Подобным же образом маленькая книжка о тотемизме, изданная впервые в 1887 г., разрослась постепенно в громадную 4-х томную монографию „Totemism and Exogamy". Далее ему принадлежат работы: „Adonis, Attis, Osiris" (1-е изд. в 1906 г.), „The Dying God" (1911), „Spirits of the Corn and of the Wild" (1912), „The Belief in Immortality and the Worship of the Dead" (1913—1924), „Folklore in the Old Testament" (1912), „Worship of Nature", составляющая первый том большой истории религий (1926), и др. Неоднократно Ф. писал и о развитии общественных учреждений, но всегда подходил к этой теме только с определенной, узкой точки зрения, именно с точки зрения влияния верований на рост учреждений; сюда относятся его работы: „Lectures an the Early History of the Kingship" (1905), „Psyche's Task" (1909), „The Magic Art and the Evolution of Kings" (1911), и т. д. Кроме того, ему принадлежит еще несколько работ по классической филологии.

Все соврем. учение о верованиях малокультурных народов и, в частности, все современное учение о первобытной магии полностью основано на трудах Ф. особенно на „The Golden Bough", сыгравшей в истории этнологии громадную роль (ср. *магия*, XXVII, 573 сл.). Главное достоинство всех трудов Ф.—их совершенно исключительное богатство фактическим материалом, заимствованным не только из печатных источников, но и из показаний многочисленных корреспондентов, присланных в ответ на обращенные к ним специальные запросы. Поэтому работы Ф. в известных случаях могут служить и первоисточником. Каждую деталь Ф. стремится разработать с исчерпывающей полнотой, и в его книгах мы находим множество интересных и обстоятельно написанных монографий по отдельным частным вопросам. Так, в „Totemism and Exogamy" вставлена монография о куваде, которая могла бы сойти за специальное исследование. Фактическое богатство книг Ф. настолько велико, что оно зачастую подавляет читателя и сковывает его критическое внимание, а между тем такое внимание необходимо, потому что сам Ф. часто относится к своим источникам тенденциозно. В тех случаях, когда в литературе имеются противоречивые показания по какому нибудь вопросу, Ф. редко пытается разобраться критически в этих противоречиях, а обыкновенно придерживается одного какого-нибудь источника, отбрасывая другой в сторону, а иногда даже и не упоминая о наличности в литературе разногласий. Самый выбор источников является у него иногда совершенно произвольным. Тенденциозным бывает Ф. и в обзорах литературы, отмечая второстепенные работы и пропуская капитальные труды своих противников (Эндрью Лэнга и др.). Но зато в заслугу Ф. надо поставить то, что он не упорствует во что бы то ни стало на раз высказанных им мнениях и, убедившись почему либо в ошибочности своего объяснения того или другого явления, сам первый признает свою ошибку и старается дать новое объяснение тому же факту. Так, по вопросу о тотемизме (*см.*) он три раза менял свою точку зрения, при чем и относительно своего позднейшего объяснения тотемизма заранее допускает возможность, что и оно окажется ошибочным. По своим научным приемам Ф. целиком примыкает к эволюционной школе, и новейшие течения культурно-исторического направления в этнологии совершенно не отразились на его работах. Как и другие представители эволюционной школы, он выхватывает факты из окружающей их культурной среды и устанавливает между ними ту или другую зависимость на основе одних общих соображений, что, конечно, не может не отразиться на убедительности его выводов. Иногда эти выводы по своей бледности не находятся ни в каком соответствии с количеством затраченного на них труда, и, напр., четырехтомная монография о тотемизме и

экзогамии все-таки в конце концов оставляет вопрос о происхождении экзогамии совершенно открытым. В других случаях выводы получаются более определенные, но не достаточно доказательные. *А. Мкс.*

Фрэкен, Шарль Огюст, бельг. скульптор (1819—1893), *см.* V, 240.

Фрюктидор, месяц плодов, 12-й месяц французск. революционного календаря. С 17-го авг. по 16 сент.

Фряжские листы, см. *карикатура,* XXIII, прил. к ст. 487/88, 5.

Фряжские письма, см. *иконопись,* XXI, прил. к ст. 519/520, 6.

Фрязин, Иван, итальянец, занимал должность монетного мастера у Ивана III, исполняя и посольские поручения. *См.* XL, 263/64.

Фта, или *Пта,* древнеегипетский бог, см. *религия древнего Египта.*

Фталевые кислоты, или бензолдикарбоновые кислоты $C_6H_6(COOH)_2$, известны в виде трех изомеров: орто, мета и пара. Орто Ф. называется обычно просто фталевой кислотой, мета — изо-Ф., а пара — тере-Ф. кислотой. Это твердые кристаллические, мало растворимые в воде вещества. Только одна Ф. к. образует соответствующий ангидрид. Так как кислоты эти образуются при окислении соответствующих по положению заместителя двузамещенных производных бензола, то они играют важную роль для определения положения заместителей. Образуются также при окислении более сложных углеводородов: Ф.—нафталина, тере-Ф.—терпенов. Ф. служит для приготовления многих важных красящих веществ: индиго, фталеинов, и др. Изучение продуктов присоединения водорода к ним имело большое значение для выяснения строения бензола (А. Байер). *Н. Д.*

Фталеины, см. *фенол-фталеин.*

Фтизиология, учение о туберкулезе (*см.*).

Фтиотида, в древности — южная часть Фессалии, родина Ахилла; с 1899 г.—номархия греческого королевства, 4.622 кв. клм., 185.534 жит. (1923). Гл. гор. Ламиа, 14.712 (1923).

Фтор (F = 19), элемент, принадлежащий к группе галоидов VII гр. периодической системы элементов. В природе встречается в виде минералов *плавикового шпата* CaF_2, *криолита* Na_3AlF_6 и *апатитов*: $Ca_5(Cl.F)(PO_4)_3$, $Ca_3(PO_4)_2$, Ca_2ClPO_4, $Ca_3(PO_4)_2$, $CaFPO_4$. В минимальных количествах находится в морской воде; в организме человека или животных встречается в эмали зубов, а также, вероятно, в костях: зубы хищных животных, например собак, содержат около 0,3% Ф. Свободный Ф. находится в некоторых разновидностях полевого шпата, где он образуется из фтористого кальция вследствие радиоактивного действия урановых солей; запах такого полевого шпата обусловливается присутствием свободного Ф., а фиолетовая окраска—от растворенного кальция. Впервые Ф. был получен Муассаном в 1886 году при электролизе раствора фтористого калия в безводном фтористом водороде. Ф.—газ с запахом, напоминающий хлор, при охлаждении до—187° обращается в жидкость, а при охлаждении до—233° (в жидком водороде) в твердое кристаллическое тело. Он является самым деятельным элементом: с водородом соединяется в темноте, при чем происходит взрыв. Иод, сера, фосфор загораются в атмосфере Ф.; мелко раздробленный уголь в нем загорается, образуя 4-фтористый углерод CF_4. Вода разлагается от его действия при обыкновенной температуре, при чем образуется фтористый водород и озонированный кислород ($H_2O + F_2 = 2HF + O$); Ф. выделяет хлор из хлористых солей и соединяется с большинством металлов (даже с золотом и платиной), при чем образуются фтористые соли; с кислородом же он не соединяется. Органические соединения: скипидар, керосин, пробка и т. под., загораются во Ф. Известь, окись бария, глинозем ярко накаливаются в струе Ф., выделяя кислород и переходя во фтористые металлы. Магнитный железняк и окись железа на холоду не изменяются, при нагревании же происходит энергичная реакция; так же относится к Ф. окись цинка, свинца, меди, ртути и проч. Таким же образом действует он на сернистые металлы. Карбиды лития, стронция, бария, урана воспламеняются в струе Ф. Ф. вытесняет элементы фосфорной кислоты из

фосфорнокислых солей. Фосфорно кислый кальций воспламеняется в атмосфере Ф., переходя в CaF_2.

Жидкий Ф. представляет подвижную светло-желтую жидкость удельного веса 1,14 при температуре—от 187° до—200°. Кипит при —187°. Температура плавления твердого Ф.—233°. Жидкий Ф. растворяется во всех отношениях в жидких кислороде и воздухе. Кремний, бор, углерод, сера, фосфор и железо, охлажденные в жидком кислороде, помещенные в жидкий Ф. не загораются; при этой низкой температуре Ф. не вытесняет иода из иодистого калия; при—210° Ф. не действует на ртуть, между тем как с водородом и скипидаром происходит реакция с выделением света.

Фтористый водород (HF) получается при действии серной кислоты на плавиковый шпат $CaF_2 + H_2SO_4 = 2HF + CaSO_4$; так как фтор. водород действует на стекло, то реакцию ведут в платиновых или свинцовых сосудах. Фтор. водород при охлаждении сгущается и образует жидкость, кипящую при 19,4°, очень едкую; пары его очень ядовиты. При температуре —102° жидкость затвердевает в прозрачную кристаллическую массу. Удельный вес ее при 13° = 0,9870. Плотность паров фтористого водорода меняется с температурой и давлением: так, при давлении 745 мм. ртутного столба удельный вес паров по отношению к воздуху при 26,4°—1,773, а при 69,3°—0,726, откуда молекулярный вес при 26,4°—51,18, а при 69°—20, 96; на основании этих и других данных следует заключить, что формула молекул фтористого водорода не HF, а H_xF_x, и пары представляют смесь молекулы различной сложности H_2F_2, H_3F_3 и т. д.

Фтористый водород сильно растворяется в воде, и водный раствор его известен под именем *плавиковой кислоты*, легко проводящей электричество; безводный же жидкий водород электричества не проводит. Плавиковая кислота, подобно соляной, обладает всеми свойствами сильных кислот: ее хранят не в стеклянных сосудах, а в гутаперчевых, ибо она разъедает стекло (см. ниже); на животные ткани, напр. на кожу, она действует разрушительно; растворяет большинство металлов. Плавиковая кислота образует кислые и средние соли: напр., известны кислый фтористый калий KHF_2 и средний K_2F_2. При насыщении аммиаком раствора плавиковой кислоты и выпаривании раствора до суха получается кислый фтористый аммоний NH_4HF_2, который вместо свободной кислоты употребляется при анализе силикатов.

При электролизе плавиковой кислоты получить Ф. нельзя, ибо при своем выделении на положительном полюсе он действует на воду, отнимая от нее водород и выделяя кислород (урав. см. выше). Плавиковая кислота, как и газообразный фтор. водород, действует на кремнезем, образуя летучий фтористый кремний SiF_4: $SiO_2 + 2HF = H_2O + SiF_4$. Соединения Ф. с металлоидами аналогичны хлористым, напр. PF_3 и PCl_3; POF_3 и $POCl_3$; SiF_4 и $SiCl_4$; BF_3 и BCl_3; CF_4 и CCl_4; при чем все упомянутые соединения Ф. представляют собой газы, тогда как хлористые соединения являются жидкостями.

Ф. с кислородом не соединяется, но известно много солей, где часть кислорода замещена Ф.; сюда относятся соли борной, кремневой, ванадиевой, хромовой, молибденовой, вольфрамовой фосфорной, серной и др.; в этих солях одна или несколько гидроксильных групп заменены Ф. Известны также соли иодноватой кислоты HJO_3, в коих часть атомов кислорода заменена Ф., напр. параллельно KJO_3 известен KJF_2O_2, $NH_4JO_3 — NH_4JF_2O_2$ и пр.

Как пример фторо-солей можно привести для фторо-борной кислоты калиевую с. BF_3KF, для мышьяковой кислоты калиевую соль состава $K_2AsF_4 + H_2S$ и кальциевую состава $Ca_5(AsO_4)_3F$; для кремневой кислоты—Ф. силикат калия K_2SiF_6 и аммония $(NH_4)_2SiF_6$ и пр. С хлором Ф. не соединяется, с бромом и иодом соединяется очень энергично, для иода известно жидкое соединение JF_5. См. *H. Moissan*, „Le Fluor et ses composés“ (1900). *Ив. Кб.*

Фторангидрид, см. *галоидангидриды кислот*, XII, 407.

Фтористый водород, см. *фтор.*

Фтороапатит, см. *апатит.*

Фуа, провинция в старой Франции, пограничная с Испанией. В 1607 г. при-

соединена Генрихом IV к Франции. Теперь занимает бо́льшую часть департамента Ариеж.

Фуа, гл. город французского департамента Ариеж, расположен на левом берегу реки Ариеж, принимающей здесь Арже. Торговля шерстью, скотом, железом. Железн. источники. 6.165 жит. (1921).

Фуа (Foix), Гастон, граф, герцог Немурский (1489—1512), представитель боковой линии знаменитого на юге рода графов де Ф., которые были виконтами Беарнскими и некоторое время владели королевским троном Наварры. Гастон де Ф. был сыном сестры Людовика XII и с юных лет обнаружил замечательные дарования полководца. Он командовал французской армией в итальянском походе 1512 г. и за свою безумную храбрость был прозван „молнией Италии". Он одержал блестящую победу при Равенне (1512), но бросившись в преследование испанской пехоты без лат был убит. Гастон был последним в роде.

Фуад I, король египетский, род. в 1868 г., сын хедива Измаила-Паши, в 1917 г. сделался султаном, после смерти своего брата Хуссеина Киамиля. В 1922 г., после формального уничтожения британского протектората, провозглашен королем. См. XLVIII, *Египет в эпоху четырехлетней войны.*

Фуад-Паша, Мехмед, турецкий госуд. деятель (1814—1869), сын поэта Иззэт-Эфенди, получил медицинское образование, в 1848 г. комиссар при дунайских княжествах, в 1849 г. послан с чрезвычайной миссией в Россию, в 1852 г. мин. иностр. дел. Возбудил негодование имп. Николая I своей полемической брошюрой „La verité sur la question des lieux saints". В 1853 г. вследствие грубого отношения русского посла князя Меншикова потребовал отставки. В 1854 г. он подавил восстание в Эпире, в 1858 г. снова министр иностр. дел и участник парижских конференций по организации дунайских княжеств. В 1861 г. был назначен великим визирем и в 1862 г. мин. финансов. В 1867 г. Ф.-п. опять мин. иностр. дел. Убежденный сторонник прогрессивных реформ в Турции, но встречавший ожесточенное противодействие придворной партии, Ф., однако, убедил султана Абдул-Азиса совершить поездку в Зап. Европу и сопровождал его в этой поездке. Ф. составил грамматику османского языка, а также был известен, как поэт.

Фуанг, сиамская денежная и весовая единица = 1,87 гр. серебра—1/8 тикаля или 4 паи.

Фуаньи (Foigny), Габриэль, франц. политич. писатель-утопист, *см.* XL, 421/422.

Фуга (муз.), контрапунктическая (= многоголосная) форма, в которой равноправность отдельных голосов проводится наиболее последовательно. Форма Ф. возникла в XV—XVI вв. Сначала под этим термином разумелось то, что теперь называется „каноном", точное повторение другими голосами мелодии главного голоса, иногда транспонированное (переложенное) на другие ступени гаммы. Современное понятие Ф. выработалось к XVII в. Ф. теперь означает многоголосное сочинение (вокальное, или инструментальное, или смешанное), в котором главная тема („вождь", „dux", обычно характерная по ритму и не длинная) сначала проводится одним голосом; потом вступает в виде „ответа" та же тема, но транспонированная, обычно на интервал квинты или кварты („спутник", „comes"), при чем первый голос продолжает вести по возможности рельефный контрапункт к этому „спутнику". Если в Ф. более двух голосов, то потом вступает 3-й голос (обычно с первоначальным видом темы — „dux"), а затем 4-й (с „comes") и т. д., пока во всех голосах не будет проведена тема (т. н. „первое проведение"). После небольшой „интермедии" (нескольких тактов более свободной контрапунктической композиции, без темы, но обычно основанной на ритмическом мотиве темы, наступает „второе проведение", обычно уже в другом тоне. Большая Ф. заключает в себе не менее трех проведений. Ф., в которой только одно проведение, наз. fughetto и обычно является как эпизод в больших сочинениях. В „Ф. с удержанным противосложением" контрапункт к спутнику сохраняется все время, приобретая значение как бы второй темы. Ф. с 2-мя

темами, появляющимися либо сразу, либо сначала порознь, а потом вместе, наз. *двойной*. Таким же образом получаются Ф. *тройные* и т. п. Высшим мастером Ф. считается И. С. Бах, лучшими достижениями которого в этой форме, ставшей для него естественной и привычной, были его органные Ф. и т. н. „Wohltemperiertes Klavier“ (48 прелюдий и Ф. для фортепиано). Большое мастерство в Ф. проявили также Гендель, Моцарт. У Бетховена Ф. встречается лишь в более поздних сочинениях (знам. Ф. из „Missa solemnis“ и др.), в ранних он предпочитал „fugato“. У новых авторов Ф. встречается в чистой форме очень редко (Глазунов, Танеев, Ц. Франк, Регер), обычнее форма фугированного эпизода (fugato). Самое мастерство Ф. в XIX веке значительно ослабло и уступает теперь мастерству XVII и XVIII веков, что объясняется общим падением полифонического (многоголосного) стиля, начиная с классической эпохи (конец XVIII века), и презрением XIX века к правилам и традициям. Ренессанс Ф. наступает лишь в XX веке под влиянием полифонической манеры Рихарда Вагнера, который, однако, сам в этой форме ничего не написал.

Л. Сабанеев.

Фуганок, см. *столярное дело*, XLI ч. IV, 666.